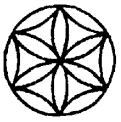
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

Ю. Я. ПЕРЕПЁЛКИН

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Под общей редакцией
доктора философских наук
профессора А. Л. Вассоевича



Издательско-торговый дом
«ЛЕТНИЙ САД»

Журнал «НЕВА»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2000

П27

Общая редакция, вступительная статья и комментарии
доктора филос. наук А. Л. Вассоевича

Перепёлкин Ю. Я.

П27 История Древнего Египта: — Общ. ред., вступит. статья и коммент. д. филос. н. А. Л. Вассоевича. — СПб.: «Летний Сад» — Журнал «Нева», 2000. — 560 с., илл.

Художественное оформление
Е. Б. Горбатовой и С. А. Булачевой

В книгу выдающегося русского египтолога Ю. Я. Перепёлкина (1903—1982) вошли курс истории Египта с древнейших времён до завоевания страны Александром Македонским, считающийся лучшей из существующих в мировой литературе «Историй Древнего Египта» и впервые публикуемый полностью по авторской рукописи, и работа, посвящённая времени правления первых фараонов, когда великая цивилизация долины Нила только начинала складываться.

Для всех, интересующихся историей древнего Востока и мировой культуры.

ISBN 5-89740-011-3 «Летний Сад»
ISBN 5-87516-143-4 Журнал «Нева»

© СПб. филиал Института востоковедения РАН, 2000
© ИТД «Летний Сад», 2000
© Журнал «Нева», 2000
© Вассоевич А. Л., вступит. статья, комментарии, 2000

О ЮРИИ ЯКОВЛЕВИЧЕ ПЕРЕПЁЛКИНЕ И ЕГО НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЯХ

Читатель, взявший в руки эту «Историю Древнего Египта», должен знать, что она принадлежит перу величайшего русского египтолога. Ни знаменитые предшественники Ю. Я. Перепёлкина, ни тем более его ученики и последователи не смогли достичь той глубины проникновения в мир египетской древности, которая отличала нашего замечательного соотечественника. Именно поэтому перепёлкинская «История Древнего Египта» вряд ли устареет в ближайшие десятилетия. Ей суждено оставаться лучшей и в начале XXI века, что само по себе удивительно, если вспомнить, что Ю. Я. Перепёлкин скончался в ночь с 6-го на 7-е марта 1982 года. По мере того, как из жизни будут уходить те, кто в советское время приложил немало усилий, чтобы заслуги Ю. Я. Перепёлкина замалчивали, а его труды либо не издавали вообще, либо искажали их редакторской правкой, сама личность гениального египтолога будет приобретать для нового русского общества подобающее ей значение. И тут очень важно донести до потомков любые дополнительные сведения о Ю. Я. Перепёлкине и его научных открытиях.

Юрий Яковлевич Перепёлкин родился 19 мая (1 июня по новому стилю) 1903 г. в Петербурге. Принадлежал он к старинному русскому дворянскому роду, многие члены которого стяжали себе и потомкам ратную славу. Его отец Яков Николаевич Перепёлкин (1874—1935) посвятил свою жизнь укреплению военной мощи Отчизны. Морской офицер, чьи изобретательское рвение и дарование были отмечены в 1916 г. пожалованием в чин генерал-майора по Адмиралтейству, Яков Николаевич в свои 42 года по заслугам считался основоположником русской военной оптики. Именно он создал первые в России оптические прицелы к орудиям, а в 1905 г., когда его сыну Юрию было лишь два года, организовал при Обуховском заводе в Петербурге первое отечественное производство точной механики и оптики, превратившееся впоследствии в огромное предприятие — Ленинградское оптико-механическое объединение. Созданная Я. Н. Перепёлкиным горная артиллерия успешно действовала во время Японской войны, а его система автоматической наводки башен корабельных орудий, оптико-электрические приборы центральной наводки противоминной артиллерии во многом способствовали боевой мощи нашего флота.

Яков Николаевич Перепёлкин дал своим детям блестящее образование. Так, Юрий Яковлевич с детства владел немецким и французским языками, около года занимался английским с англичанкой, обучался латыни и рисованию.

Домашнее образование помогло и младшему брату Евгению (1906—1939), ставшему астрономом. Будучи на три года моложе Юрия Яковлевича, Евгений Яковлевич Перепёлкин успел положить начало глубоким и систематическим исследованиям Солнца в нашей стране. Его жизнь трагически оборвалась во времена политических репрессий, но сделанное им в науке было столь значительно, что Комиссия Международного астрономического союза присвоила название «Перепёлкин» одному из кратеров на Луне и одному из кратеров на Марсе.

Нет ничего сверхъестественного в том, что живя в атмосфере высокого интеллектуализма, Ю. Я. Перепёлкин очень рано проявил интерес к Древнему Египту. В 1909 г. в возрасте шести лет он «поставил» в детском кукольном театре миф об Осирисе и Исиде, а в одиннадцать лет, прочитав исторический роман Рейдара Хагарда, опубликованный в журнале «Природа и люди» за 1913 г., увлекся Египтом по-настоящему. Юрий Яковлевич пожелал, чтобы родители приобрели ему книги о египетских древностях. Тогда они отправились в книжную лавку и, к несчастью для юного египтолога, спросили детскую книгу о Древнем Египте. Так Ю. Я. Перепёлкин стал обладателем сочинения Опепеля «Чудеса древней страны пирамид»...

Целеустремленность, трудолюбие и высокая филологическая культура позволили Юрию Яковлевичу еще в гимназические годы постичь основы египетской иероглифики и приступить к чтению древних иероглифических текстов. Спустя много лет он не оспаривал академика Ю. П. Францева, назвавшего его «самоучкой».

Уже в 60-е — 70-е гг. нашего века мне приходилось сталкиваться с людьми, увлеченными Древним Египтом, в сознании которых жила романтическая уверенность в том, что Ю. Я. Перепёлкин был учеником академика Б. А. Тураева — создателя русской египтологической школы.

Вспоминаю, как 17 августа 1972 г. (после сдачи последнего вступительного экзамена на Восточный факультет) я, решившись зайти к Юрию Яковлевичу домой, между прочим спросил: «А вы видели Тураева?»

«*Я жил с ним на одной улице*, — отвечал мне Ю. Я. Перепёлкин, — *так что, наверное, видел. Хотел написать ему письмо, но так и не решился. Знакомство мое с Тураевым закончилось тем, что я хожу теперь и показываю дом, где он жил. А жил он на 2-ой линии у Соловьевского сада*».

И все-таки, вероятно, существовала какая-то высшая реальность, порождавшая настойчивое желание связывать имена Бориса Александровича Тураева и Юрия Яковлевича. Академик Ю. П. Францев, учившийся в 20-е годы в ЛГУ вместе с Ю. Я. Перепёлкиным и называвший его «самоучкой», прочитав главы, написанные Юрием Яковлевичем для «Всемирной истории», воскликнул: «Тураев не умер!»

Но в детские и юношеские годы Ю. Я. Перепёлкин овладевал азами египтологической науки совершенно самостоятельно. Думается, что в основе его удивительно раннего интереса к древности, впоследствии приведшего к глубочайшему проникновению в мир да-

лекого прошлого, лежали важные психологические причины. В возрасте 8 лет Ю. Я. Перепёлкину приснился первый из серии примечательных снов: лес, а в этом лесу нечто вроде стеклянной гробницы, а там внутри всевозможные коллекции. Далее он видел во сне, как идет по василеостровской набережной Санкт-Петербурга, а в окнах Кунсткамеры всевозможные персоны XVIII века. Точно так же и в Академии художеств[1]. Явления этих трансцендентных персонажей, которые снились Ю. Я. Перепёлкину в детстве, потом стали вызывать у него особые психофизиологические состояния, которым посвящена вторая глава специального исследования[2]. Но влечение ко временам далекого прошлого могло привести Ю. Я. Перепёлкина к выдающимся научно-исследовательским свершениям лишь в сочетании с блестящим домашним образованием, которое он получил.

Следует сказать, что на формирование не только братьев Перепёлкиных — Юрия и Евгения, но и их сестры Марии (впоследствии ставшей художницей), большое влияние оказала Наталия Ивановна — немка по происхождению, долгие годы жившая в их семье и занимавшаяся воспитанием детей. Именно благодаря ее стараниям Юрий Яковлевич в совершенстве овладел немецким языком и позднее с одинаковой легкостью мог писать свои научные работы как по-русски, так и по-немецки.

Как-то раз, вернувшись домой, Наталия Ивановна сообщила, что на улицах поют «Раздайся клицмейстер народный» (т. е. «клич мести»). Так семья Перепёлкиных встретила Февральскую революцию.

27-го февраля восстали войска. На той же неделе, которая началась с 27-го, разнесся слух, что рабочие собрались идти к центру. 1 марта отрекся Николай II.

Гражданская война застала Перепёлкиных в Крыму, куда семья перебралась в 1917-м. В 1919—1920 гг. Яков Николаевич — городской глава Севастополя. (Был и год, когда он нигде не работал — жил частными уроками). Затем Я. Н. Перепёлкин становится Первым заместителем Председателя Крымплана, депутатом Севастопольского Совета 1 созыва. Наконец, в 1924 г. его отзывают в Петроград для восстановления производства артиллерийских прицелов в качестве инженера-конструктора.

В Крыму мальчиком Юрий Яковлевич Перепёлкин пережил первый в своей жизни голод, в Крыму завершил он свое гимназическое образование. Позднее, рассказывая о временах гражданской войны, Юрий Яковлевич подчеркивал, что революцию делали мальчишки. Взрослое население уже слишком измучено было войной, чтобы стремиться к войне новой, революционной. Частенько вспоминал Ю. Я. Перепёлкин своего школьного учителя латинского языка — Штифтаря, отличавшегося большой требовательностью. Именно в крымский период возник у Юрия Яковлевича, успешно продолжавшего свои египтологические занятия, серьезный интерес к истории Римской империи, который он сохранил до конца своих дней. И точно также еще на школьной скамье начал свои научные наблюдения младший брат Ю. Я. Перепёлкина Евгений. Он производил наблюдения персеид, переменных звезд и солнечных пятен. Обстановка послереволюционного Крыма оказалась более

---

[1] *Вассоевич А. Л.* Духовный мир народов классического Востока (Историко-психологический метод в историко-философском исследовании). СПб.: Алетейя, 1998. С. 177.

[2] Там же. С. 162—189.

благоприятной для реализации научных склонностей Евгения Яковлевича, нежели научных занятий его брата. В 1922 г. Е. Я. Перепёлкин поступил на физико-математический факультет в Симферополе, в 1923 г. опубликовал свои первые статьи (о перманентных звездах) в «Astronomische Nachrichten» и (о протуберанцах) в «Мироведении». В Симферопольском университете с Женей Перепёлкиным познакомился Дмитрий Яковлевич Мартынов (будущий профессор и директор ГАИШ'а) — в ту пору тоже студент приема 1922 года, но из рабочей среды. По прошествии многих лет Д. Я. Мартынов вспоминал: «*Мне, "бездомному" студенту, дружба с Женей была еще и потому ценной, что, бывая у него дома, я каждый раз как бы окунался в счастливую домашнюю обстановку высокоинтеллигентной и дружной семьи. Я встречал не только любезное отношение к себе, но и просто дружеское расположение от всех, начиная с Якова Николаевича. Да и состав семьи к этому располагал. Кроме Жени, моего ровесника, был еще его старший брат Юра и, чуть помоложе, сестра Маруся. К Юре я питал уважение, смешанное со страхом. Еще бы! Он постоянно носил в руках бумажки, заполненные таинственными египетскими иероглифами, только что им каллиграфически написанными. Но был он приветлив и охотно отвечал на мои дилетантские вопросы по Древнему Египту. Сестра Маруся была художницей, и она довольно пренебрежительно относилась к моим робким высказываниям об искусстве, чего я вполне заслуживал*».

В Крымском государственном университете им. М. В. Фрунзе Юрий Яковлевич Перепёлкин, как и его младший брат Евгений, учился тогда на физико-математическом факультете. В Крыму не было возможности поступить в учебное заведение, готовящее специалистов по истории Древнего мира. Ему пришлось стать студентом-математиком. Но если математические дисциплины не вызывали у Юрия Яковлевича неприязни, то занятия физикой, неизбежно сопряженные с использованием различных технических приспособлений, были ему отвратительны. Неприятие всяческой техники — «железок» было характерной особенностью старшего сына Якова Николаевича Перепёлкина. Похоже, что особенность эта явилась своеобразной реакцией на то, что изобретатели были в роду у Юрия Яковлевича и по линии матери. Если отец Юрия Яковлевича был учеником академика А. Н. Крылова, то его дед по материнской линии был учителем будущего теоретика судостроения.

Что же касается младшего брата Евгения, то он уже в возрасте 16 лет построил телескоп на параллактической установке с гиревым часовым механизмом, ход которого регулировался коническим маятником. Семейная инженерная традиция, таким образом, находила свое продолжение в нем.

По счастью, судьба предоставила Перепёлкиным возможность вернуться в родной для них город, на этот раз переименованный в Ленинград. Юрий Яковлевич наконец-то становится студентом факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета. В университете он овладевает древнегреческим, коптским, аккадским, древнееврейским, арамейским и арабским языками. У него много хороших учителей. Так, греческой папирологией он занимается под руководством О. О. Крюгера, коптский язык ему преподает П. В. Ернштедт (будущий член-корреспондент Академии наук СССР по Отделению литературы и языка).

О Петре Викторовиче Ернштедте Ю. Я. Перепёлкин всегда отзывался с большим почтением, воздавая должное его удивительным познаниям.

«*Ернштедт*, — говорил мне Юрий Яковлевич 3 сентября 1971 г., — *занимался классической филологией. Это был человек, который знал греческий язык в совершенстве, начиная от Гомера, кончая современными диалектами. А так как он все делал на пять, то ему надо было знать, что в рукописях греческое, а что коптское, и таким образом он стал совершенным светочем в коптологии, таким, что из-за границы, прежде чем напечатать работы, их посылали ему для прочтения. Египетского языка Петр Викторович не знал. Правда, иногда он начинал заниматься им. А так по египетской части он всегда обращался ко мне*».

П. В. Ернштедту был Юрий Яковлевич прежде всего обязан и своими глубокими знаниями греческого языка. Изучение греческого началось для Ю. Я. Перепёлкина с языка «Нового Завета», и такая, предложенная Петром Викторовичем, метода должна быть признана безусловно правильной.

«Юрий Яковлевич, — спрашивал я Перепёлкина 12 июня 1972 г., — но ведь вы собирались заниматься эллинизмом и учили аккадский язык. Так?»

— *Учил. Но в мое время считалось, что египтолог должен знать аккадский, арабский, древнееврейский, древнегреческий и латынь. Но учтите, что у меня за плечами был полный курс старой гимназии, так что переход к классической филологии для меня не был новостью.*

Ассиро-вавилонской клинописи, то есть аккадскому языку Юрия Яковлевича обучал академик Павел Константинович Коковцов — великолепный знаток всех семитских языков; древнееврейскому же языку — Михаил Николаевич Соколов, многолетний ассистент академика П. К. Коковцова, блестящий преподаватель. Но в целом Ю. Я. Перепёлкин к Ленинградскому университету относился достаточно критично.

20 октября 1971 г., обращаясь ко мне — школьнику и к ассистенту Восточного факультета ЛГУ И. В. Виноградову, Юрий Яковлевич признался: «*Будет сказано между нами: вы — человек, имеющий отношение к Университету, а вы — собирающийся иметь в будущем; но я, по правде, не знаю, зачем я учился в университете, хотя и слушал многих больших ученых. Впрочем, мне говорили, что я самоучка, но не могу сказать, чтобы я от этого что-нибудь потерял. Египетскому языку тогда вообще не у кого было учиться*».

«И вы ни у кого не учились египетскому языку?» — изумился я.

«*Когда я приехал в Ленинград учиться, грамматики у меня не было, но я уже мог читать легкие тексты, как и вы. А потом я уже ходил читать тексты то к Василию Васильевичу, то к Матье, то к Наталии Давыдовне Флиттнер*».

Упомянутый первым Василий Васильевич — будущий академик Струве, правнук основателя Пулковской обсерватории академика В. Я. Струве. Позднее (6-го сентября 1972 г.) Юрий Яковлевич говорил мне про него: «*Василий Васильевич, хотя и доказал своим московским папирусом, что мог быть хорошим филологом, но филологию ненавидел, в чем сам и признавался*».

Академик Б. Б. Пиотровский, будучи на пять лет младше Ю. Я. Перепёлкина, учился с

ним в университете примерно в одно и то же время и сохранил следующие воспомининая о занятиях по египтологии у В. В. Струве и Н. Д. Флиттнер: «Состав слушателей тоже был пестрый: египтологи со стажем — Д. А. Ольдерогге, Ю. П. Францов, В. И. Евгенова, Я. А. Шер — и наша молодежная группа — И. М. Лурье, Н. Л. Шолпо и я. Мы, младшие, занимались во всю силу и не отставали от других. По инициативе И. М. Лурье я и Н. Шолпо переписывали особыми чернилами иероглифические тексты из "Документов" [Зэте], затем размножали их на гектографе, так что все занимающиеся имели у себя тексты. Эта переписка была для нас очень полезной; кроме того, я набил руку на выписывании иероглифов, хотя качество их выполнения было далеким от текстов, написанных Ю. Я. Перепёлкиным, который присоединился к нам позже»[3].

Юрий Яковлевич пришел в Университет уже обладая познаниями в египетском языке. Поэтому в конце своей жизни он говорил (вероятно, вполне справедливо), что занятия у Н. Д. Флиттнер и В. В. Струве ему ничего не дали.

«В. В. Струве, — вспоминал академик Б. Б. Пиотровский, — читал курсы и проводил семинарские занятия. Свои курсы он читал в буквальном смысле, по написанному тексту, часто просто зачитывал свои статьи. Это чтение было содержательным, но слушать и усваивать было трудно. Другое дело на семинарских занятиях, там переводили и комментировали древние тексты мы сами, а Василий Васильевич принимал живое участие в обсуждении — он все догадки понимания трудного текста объявлял «гениальными», при затруднении чесал свою шевелюру чернильным карандашом и в самый разгар дискуссии вставлял анекдот. Его постоянным и упрямым оппонентом был Ю. Я. Перепёлкин»[4].

Действительно, Юрий Яковлевич был таким слушателем, от внимания которого не ускользала ни одна оплошность преподавателя, даже если тот говорил на иностранном языке. Как-то в июле 1978 г. Ю. Я. Перепёлкин вспомнил: *«Василий Васильевич говорил по-немецки, но делал ошибки, при том иной раз довольно грубые».*

«Так что, Василий Васильевич хуже вас знал, хотя он был немец?» — с удивлением спросил я.

«Выходит, что так. Он здесь разучился говорить. У меня же фотографическая память», — ответил мне Юрий Яковлевич.

И вправду, перепёлкинская память могла изумить кого угодно, даже в самые последние месяцы его жизни. Дарования Юрия Яковлевича поражали в такой степени, что, казалось, должны были вызвать интерес к самой психофизиологической природе этого человека. Сила его проникновения в далекий мир прошлого была способна внушить специалисту почти мистический трепет, хотя в любом своем рассуждении Ю. Я. Перепёлкин всегда опирался на свидетельства источников.

Василий Васильевич Струве в полной мере оценивал способности Юрия Яковлевича. Студент Перепёлкин ходил у него в любимчиках. И позднее (уже после 1935 г.), когда В. В. Струве стал академиком, он частенько объявлял, что во всем, как египтолог, уступает Юрию Яковлевичу. Но, быть может, именно это неравнодушие объясняет тот факт, что при жизни В. В. Струве не вышло в свет ни одной крупной работы Ю. Я. Перепёлкина. Во

[3] *Пиотровский Б. Б.* Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995. С. 40.

[4] Там же. С. 41.

всяком случае, покойный чл.-корр. АН СССР Д. А. Ольдерогге уверял меня в том, что факт этот не является случайным.

Но от Юрия Яковлевича я слышал, что Василий Васильевич пытался оказать содействие напечатанию первой части его исследования о перевороте Амен-хотпа IV. Об этом же говорится в предисловии к вышедшей в 1967 г. книге: «*С большой благодарностью вспоминаю я всегда тех, кто в разное время и разными способами содействовал моим изысканиям и их напечатанию. Особо хочу я отметить, что побуждение и настойчивое требование издать мои источниковедческие исследования исходили от акад. В. В. Струве и что самое живое содействие осуществлению издания неизменно оказывал проф. С. Н. Валк*»[5].

На Юрия Яковлевича как на ученого решающее влияние оказали занятия с Петром Викторовичем Ернштедтом. Когда группа студентов первый раз явилась обучаться коптскому языку, Петр Викторович объявил: «Два раза читаем грамматику Штайндорфа[6], а затем начинаем читать тексты. После этого с криком «Свирепый копт!» студенчество (за исключением Ю. Я. Перепёлкина) отказалось от продолжения коптологических штудий. Это забавное происшествие имело, однако, известное влияние на развитие отечественной египтологии. Бывшие студенты, когда-то отказавшиеся заниматься коптским языком, но ставшие впоследствии маститыми учеными, не смогли примириться с предложенной Ю. Я. Перепёлкиным системой передачи египетских имен собственных на коптский лад. Она была им попросту непонятна.

Что же касается Юрия Яковлевича, обладавшего навыком самостоятельной работы с египетскими текстами, то он не устрашился предложенной П. В. Ернштедтом системы обучения. Отличаясь исключительной требовательностью, Петр Викторович давал своему ученику английские переводы коптских текстов, с тем, чтобы Ю. Я. Перепёлкин обратно переводил их на коптский язык. Такой метод, который Ю. Я. Перепёлкин уже самостоятельно применил при изучении других древних языков, позволил ему овладеть ими активно.

В 1927 г. Юрий Яковлевич окончил Ленинградский государственный университет по факультету языкознания и материальной культуры. В том же году Василий Васильевич Струве отвел Ю. Я. Перепёлкина в Музей палеографии, директором которого был академик Н. П. Лихачёв, с тем, чтобы Николай Петрович разрешил Юрию Яковлевичу ознакомиться с его египетским собранием. Собрание это стояло в нижнем этаже особняка Лихачёва (на Петрозаводской улице). С этого времени начинается работа Ю. Я. Перепёлкина по изучению памятников письменности Древнего мира и раннего Средневековья из коллекции Н. П. Лихачёва.

Следует сказать, что в молодые годы Ю. Я. Перепёлкина интересовал прежде всего греко-римский Египет. Зимой 1927—1928 гг. он пишет работу «Преломление греко-римского владычества в культуре Египта», которая до сего времени, к сожалению, не опубликована. Юрий Яковлевич поставил перед собой задачу выяснить, по мере возможности, сущность египетского понимания греко-римского владычества и связанных с ним явлений. «*Представ-*

[5] *Перепёлкин Ю. Я.* Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. М.: Наука, 1967. С. 3—4.

[6] *Steindorff G.* Koptische Grammatik mit Chrestomathie, Wörterverzeichnis und Literatur. 2. gänzlich umgearbeitete Auflage. Berlin, 1904. — XX + 104 S.

ление о фараоне и представление о государственности, — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *были для древнего египтянина, в сущности, одним и тем же. Потому македонское и римское владычество над Египтом было для него владычеством лично Птолемея или лично цезаря над страною, поскольку дело шло об отвлеченных представлениях.*

Но фараон для египтян не был только носителем государственной власти — он был богом, сыном богов и единственным их служителем на земле. Жрецы считались не более, как его заместителями, и от его имени совершали приношения богам (и в храмовом, и в заупокойном культе обычная формула — «царь дает приношение...»). На стенах храмов несчетное число раз закреплялось в рельефах исключительное право египетского царя на совершение богослужения. Этот взгляд на фараона как на посредника между богами и людьми превращает историю фараоновской идеи в существенную главу культурной истории Египта».

Исследуя преломление греко-римского владычества в культуре Египта, Ю. Я. Перепёлкин исходил из того, что титулатура египетского царя со времени V династии включала в себя пять имен неодинакового значения. Четвертое имя начиная с V царского дома содержало вписанное в кольцо речение с упоминанием солнечного бога Рэ. Четвертому имени та же династия предпослала старинный заголовок «царь (и) государь», а перед следующим именем (личным именем царя) появился новый заголовок «сын Рэ».

«*Рэ,* — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *занимал исключительное место в концепции египетской государственности, как отец и прообраз земного солнца — фараона, и на истории того царского имени, которое эту связь выражало, на истории тронного имени можно проследить постепенное перерождение египетского образа обожествленного властителя в образ эллинистический.*

Забвение основного смысла тронного картуша сказывается порою и в доптоломеевское время. Правление иноплеменных династий, завоевания извне и "модернизация" царей в изменившихся условиях международной жизни отзывались на старом представлении о фараоне. Но только с Лагидов можем мы вместо разрозненных явлений наблюдать цельный процесс постепенной потери тронным картушем его "солнечного" характера».

Читатель, знакомый с книгами Ю. Я. Перепёлкина, вероятно, обратит внимание на то, что в своих первых статьях Юрий Яковлевич еще употребляет слова иностранного происхождения: «рельеф», «идея», «культурный», «модернизация», «процесс», «картуш». В книгах, публиковавшихся со второй половины 60-х годов, подобные слова уже не встречаются. В зрелые годы Ю. Я. Перепёлкин придавал исключительное значение чистоте русского языка, который на его глазах все более и более засорялся иноязычными заимствованиями, столь любимыми плохообразованными людьми.

Но вернемся к статье «Преломление греко-римского владычества в культуре Египта», где Ю. Я. Перепёлкин исследовал вопрос, когда же тронное имя, сложенное с Рэ, окончательно исчезает из своего картуша. Происходит это при цезарях, ну а причины этого обрисованы молодым египтологом с достаточной глубиной: «*Римский император жил не в Египте, и египетского в нем было еще меньше, чем в Птолемеях. Даже его именем мало интересовались и писали иногда просто "фараон". К тому же, Октавиан, превратив Египет в свое личное владение, назначил в него префекта-всадника, облеченного граж-*

данской и военной властью. Этот "префект Александрии и Египта" "фактически и был правителем страны и главой религии". Согласно свидетельству античных писателей, наместники Египта были на положении царей. Наличие таких правителей еще более отделяло от Египта тибрского фараона, хотя в религиозном отношении только этот последний мог выступать в роли полномочного служителя богов.

Римский титул "imperator" в его греческой передаче ὁ αὐτοκράτωρ был воспринят египтянами, как специфически царское, тронное имя цезарей. По крайней мере, он часто выписывается в тронном картуше».

Здесь следует отметить, что все это писалось Ю. Я. Перепёлкиным в ту пору, когда его формальный учитель В. В. Струве готовил к печати свой труд «Манефон и его время»[7], тоже посвященный эллинистическому Египту. И как знать, может быть, именно поэтому будущий академик запретил своему ученику заниматься тем, чем он хотел, то есть греко-римским Египтом. *«Говорили, что это будет преступление, если мне разрешат заниматься эллинизмом,* — вспоминал 10 января 1972 г. в разговоре со мной Юрий Яковлевич, — *что я непременно должен заниматься Египтом вообще».*

В 1929 г. в печати появляются первые статьи Ю. Я. Перепёлкина. Небольшая заметка о цвете Сириуса (отклик на публикацию A. Stenzel'a в «Astronomische Nachrichten», 1928, S. 387—392) была написана под влиянием младшего брата — Евгения Яковлевича Перепёлкина. В этой заметке Юрий Яковлевич подверг критике вывод А. Штенцеля о цвете Сириуса по египетским данным, справедливо указав на то, что эпитет «золотой» не содержит реальной характеристики цвета звезды[8].

Статья о фрагменте древнеегипетской надписи XII династии в Музее палеографии Академии наук СССР была представлена в Отделение гуманитарных наук 12 декабря 1928 г. академиком Н. П. Лихачёвым. Публикуя приобретенный Н. П. Лихачёвым у антиквара в Каире кусок известняка с иероглифической надписью замечательно тонкой работы, Ю. Я. Перепёлкин смог установить, что этот фрагмент является куском надписи из дашурской гробницы «великого домоправителя» Хнем-хотпа, бывшего, вероятно, современником Се-н-восре III и Амен-ем-хэ III[9].

С конца 20-х годов научная деятельность Ю. Я. Перепёлкина была неразрывно связана с Музеем палеографии, основу которого составила уникальная личная коллекция академика Н. П. Лихачёва. «...*Заведовать коллекцией,* — вспоминал И. М. Дьяконов, — *был поставлен египтолог Юрий Яковлевич Перепёлкин, а затем вокруг музея возник целый Институт истории книги, документа и письма, с директором, ученым секретарем, просто сек-*

---

[7] *Струве В. В.* Манефон и его время. Гл. I. // Записки Коллегии востоковедов при Азовском музее Российской академии наук. III. Вып. I. 1928. С. 109—185. См. также: Струве В. В. Манефон и его время. Гл. II: Царские списки Манефона, сохранившиеся у Африкана и Евсевия // Записки Коллегии востоковедов... IV. 1930. С. 159—248.

[8] *Перепёлкин Ю. Я.* Цвет Сириуса // Природа. 1929. № 1. С. 67.

[9] *Перепёлкин Ю. Я.* Фрагмент древнеегипетской надписи XII династии в Музее палеографии Академии наук СССР // Доклады Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1929. № 1. С. 20—21.

ретарем, машинисткой и десятком сотрудников»[10]. Работа в Институте книги, документа и письма способствовала тому, что Ю. Я. Перепёлкин со временем превратился не только в величайшего знатока древнеегипетской письменности во всех ее видах, но и в блестящего папиролога-эллиниста. К этому также прибавилось исключительно глубокое понимание сущности всех видов мунускульного письма, будь то греческое, латинское или арабское.

Однако в 1929 г. Юрий Яковлевич заявил о себе и как серьезный исследователь египетской математики, напечатав в Германии на немецком языке статью о 62-й задаче математического папируса Rhind[11]. Выход в свет этой статьи был связан со следующими обстоятельствами.

С 1927 г. В. В. Струве интенсивно работал над подготовкой к изданию математического папируса из Музея изобразительных искусств в Москве[12]. Естественно, что и в университете Василий Васильевич вел занятия по текстам, относящимся к египетской математике. Вступил он с того же времени и в переписку с известным немецким специалистом в области древней математики и астрономии Отто Нойгебауэром. Следствием этих контактов стал приезд доктора Нойгебауэра в Ленинград. Он остановился у Василия Васильевича, присутствовал и выступал на его семинарских занятиях. Именно на одном из таких занятий Ю. Я. Перепёлкин прочел доклад «Die Aufgabe Nr. 62 des mathmatischen Papyrus Rhind», который очень понравился Нойгебауэру. Немецкий ученый предложил Юрию Яковлевичу напечатать доклад в «Quellen und Studien zur Geschichte der Mathmatik».

Обосновывая свой перевод задачи № 62 папируса Rhind, Ю. Я. Перепёлкин установил, что кольца из разных металлов при одной и той же цене их, как денежной единицы, имели различный вес: из *dbn* золота получалось 12 колец, из *dbn* серебра — 6, а из *dbn* олова — 3. Вывод этот, безусловно важный для понимания одной из задач древнего математического текста, в то же время приближал ученых к познанию обыденной жизни фараоновского Египта.

Подмечено, что служение высокой науке нередко оборачивается и комическими ситуациями. Юрий Яковлевич не раз вспоминал веселый эпизод, приключившийся в золотую для постижения древнеегипетской математики пору. На лекции, посвященной египетским математическим текстам, В. В. Струве неожиданно показал аудитории, что сам изучал математику лишь в немецкой Annenschule. (Напомню, что у Юрия Яковлевича уже был за плечами период пребывания на физико-математическом факультете Симферопольского университета). Василий Васильевич, рассуждая об арифметических действиях, не умножал, а «мультиплицировал с...», не делил, а «дивидировал через...», не вычитал, а «субтрагировал». Присут-

---

[10] *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. С. 354.

[11] *Perenelkin J. J.* Die Aufgabe Nr. 62 des Mathmatischen Papyrus Rhind // Quellen und Studien zur Geschichte der Mathmatik. Bd. I. Heft 1. Berlin, 1929. S. 108—112.

[12] *Struve W.* Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museum der schönen Künste in Moskau // Quellen und Studien zur Geschite der Mathematik. Herausgegeben von O. Neugebauer, J. Stenzel und O. Toeplitz. Abt. A. Bd. I. Berlin, 1930. — XII + 197 S.; 10 S. Zeichnungen.

ствующие с трудом сдерживали смех[13]. Такое поведение слушателей смутило лектора, и Василий Васильевич после занятий справился у Юрия Яковлевича, все ли у него было в порядке с платьем.

Подобно тому, как высокое часто оборачивается комическим, смешное соседствует с печальным. В. В. Струве, обладавший очень плохим иероглифическим почерком, находясь под впечатлением перепёлкинских каллиграфических дарований, пожелал, чтобы Юрий Яковлевич воспроизвел для издания иероглифическую транскрипцию Московского математического папируса иероглифами, имитирующими так называемый гардинеровский типографский шрифт. Работа была исполнена. В предисловии к изданию математического папируса В. В. Струве говорит: «Die vorzügliche Autographie meiner hieroglyphischen Transkription entstammt der künstlerischen Hand von J. J. Perepelkin» («Превосходная автография моей иероглифической транскрипции принадлежит искуснейшей руке Ю. Я. Перепёлкина»)[14]. Но занимаясь имитацией типографского иероглифического набора, Юрий Яковлевич испортил себе зрение.

Создается впечатление, что к концу 20-х — началу 30-х годов жизнь Евгения Яковлевича Перепёлкина складывается более счастливо, чем жизнь его старшего брата. «После закрытия Физмата в Симферополе, — вспоминает Д. Я. Мартынов, — Женя Перепёлкин поехал в Ленинград с рекомендательным письмом от Н. М. Ляпина... И хотя он не сразу был зачислен студентом 3-го курса, уже к октябрю следующего, 1925 года, он сдал последний зачет, а к декабрю — дипломную работу "Опыт математической теории протуберанцев", которую он по представлению Г. А. Тихова защитил перед Комиссией и тем самым закончил университет менее чем за три с половиной года. В Ленинградском университете в ту пору обучение продолжалось не то три, не то три с половиной года.

Ему было всего 19 лет, но он успел завоевать уважение, доверие и симпатии у всех троих своих профессоров: А. А. Иванова, Г. А. Тихова и С. К. Костинского, которые были к тому же пулковскими астрономами. Они искали возможность устроить Женю на работу в обсерватории, когда вдруг обсерватория получила 12 аспирантских мест со стипендией 80 руб. в месяц (тогда это были солидные деньги), и на одно из этих мест по решению Совета обсерватории немедленно был выдвинут он, что и было утверждено Наркомпросом»[15].

В 1928 г., когда первые статьи Юрия Яковлевича лишь были представлены к печати, Евгений Яковлевич уже защитил кандидатскую диссертацию, а в апреле 1929 г. был зачислен сотрудником Пулковской обсерватории. «Формально, — вспоминал Д. Я. Марты-

---

[13] Следует отметить, что академик В. В. Струве, иной раз допускавший ошибки в своей немецкой речи, не всегда правильно говорил и по-русски. Так, по воспоминаниям Ю. Я. Перепёлкина, вместо «камней» он, случалось, говорил «камнёв», а однажды, решив показать свое знание русского языка, при переводе текста вместо «Иштарь, предстательствуй за нас» написал «Иштарь, председательствуй за нас».

[14] *Struve W.* Mathmatischer Papyrus des Staatlichen Museum der schönen Künste in Moskau... S. IX.

[15] *Мартынов Д. Я.* Пулковская обсерватория в годы 1926—1933 (Из воспоминаний «Полстолетия у телескопа») // Историко-астрономические исследования. Вып. XVII. М.: Наука, 1984. С. 425—426.

нов, — его аспирантура закончилась 1 января 1929 года, но аспирантское содержание было продлено ему еще на 3 месяца: не для окончания диссертации — она уже была защищена, а для того, чтобы иметь возможность оставить его в обсерватории, где на 1 января еще не было вакансии. В феврале 1929 г. он женился на дочери П. И. Яшнова — Галине Петровне — и был уже вполне законченным "пулкачем" — внешне очень солидным, весьма представительным молодым мужчиной»[16].

Но вернемся из Пулкова на Петрозаводскую улицу в бывший особняк академика Николая Петровича Лихачёва, где в нижнем этаже стояло его египетское собрание. Там Юрий Яковлевич Перепёлкин не только знакомился с интереснейшими памятниками, приобретенными Н. П. Лихачёвым у антикваров в Египте, но и продолжал работу, начатую еще в студенческие годы. Я имею в виду исследование солнцепоклоннического переворота Амен-хотпа IV. «Этот громадный труд, — писал в январе 1958 г. академик В. В. Струве, — не побоялся взять на себя Ю. Я. Перепёлкин, и в течение 30 лет, приступив к нему уже на студенческой скамье, он продолжал изучать и исследовать почти необъятный и непрерывно растущий материал источников амарнской эпохи». В том же отзыве, подписанном 5 января 1958 г., академик В. В. Струве вспомнил об открытии, сделанном Юрием Яковлевичем еще в аспирантские годы: «Черезвычайно обстоятелен раздел, посвященный отношению царя-еретика к иероглифу, обозначавшему с древнейших времен слово "бог" (§ 114, кн. VI, с. 30—51). Оказывается, что этот иероглиф был изъят Эхниотом из письма в последние годы его царствования. Это замечательное наблюдение было сделано Ю. Я. в годы аспирантуры и вызвало тогда сенсацию среди советских египтологов».

К сожалению, в 30-е годы Ю. Я. Перепёлкину удалось опубликовать лишь одну важную статью, связанную с временами солнцепоклоннического переворота в Египте[17], о которой подробнее будет сказано ниже. По справедливому замечанию И. М. Дьяконова, «в те времена печатание гуманитарных работ, не призывавших непосредственно к классовой борьбе или мировой революции, было чрезвычайно затруднено»[18].

В 1932 г. в «Трудах Института книги, документа и письма» была напечатана статья Ю. Я. Перепёлкина «К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке». Исследование имело прямое отношение к проблеме систематизированного знания в фараоновском Египте и тем самым проливало свет на особенности рождения науки как таковой. Ведь по сути дела *наука* есть упорядоченное знание, направленное на выявление причинно-следственных связей.

Работа же Ю. Я. Перепёлкина была посвящена возникновению на Древнем Востоке энциклопедии в нашем смысле слова из более примитивных энциклопедических форм. «*Это явление,* — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *мне удалось проследить только на египетском*

---

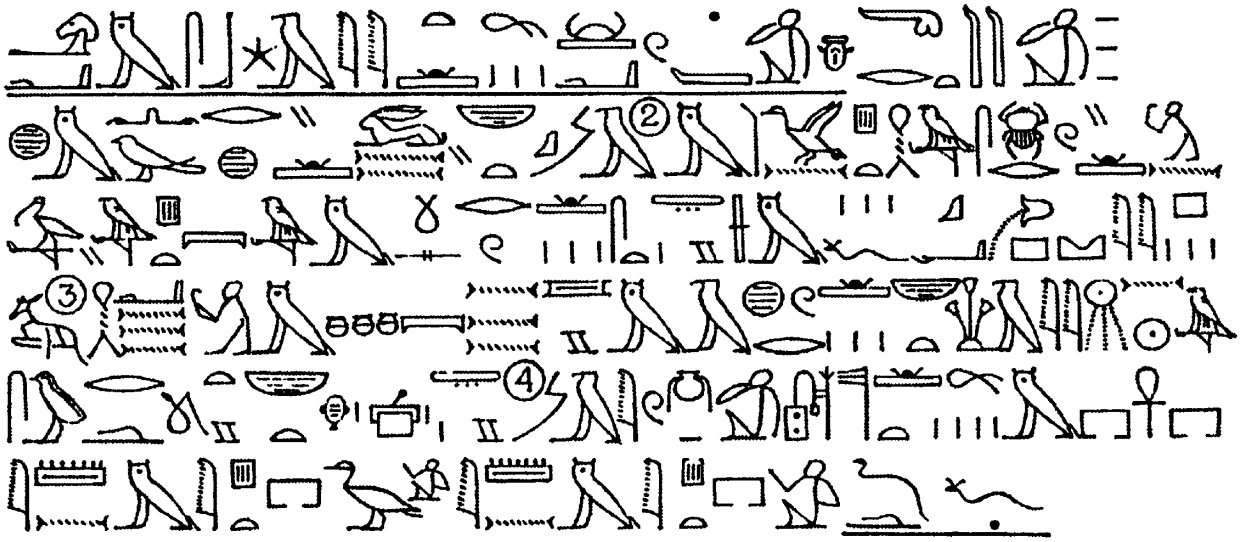
[16] Там же. С. 429.

[17] *Перепёлкин Ю. Я.* О «космополитизме» в египетской литературе эль-амарнского периода // Сборник статей, посвященных академику А. С. Орлову. Изд. АН СССР, 1934. С. 373—376.

[18] *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний... С. 354.

материале, но при лучшем знакомстве с месопотамской книгой, чем мое, его можно было бы, наверное, отметить и для последней»[19].

В своей статье Ю. Я. Перепёлкин уделял большое внимание (в ту пору еще не изданной) «энциклопедии» Амен-ем-опе, наиболее пространный список которой хранился в Московском музее изящных искусств. И сегодня трудно переоценить значение этого памятника для познания того, как реалии повседневной жизни древних обитателей Нильской долины отражались в их сознании. Основная функция «энциклопедии» раскрывается в ее высокопарном заголовке:



ḥ'.t-ꜥ-m sb'j.t wḥꜥ jb mtr ḫm rḫj wnn.t nb.t qm' n Ptḥ sḫpr Ḏḥwtj p.t m šsrw t' jmj-f qꜣꜥ ḏw.w jwḥ m nw.w m 'ḫrw nb.t ḥ'j n Rꜥ srwḏ nb.t ḫr-s' t' m'j zš mḏ't nṯr pr ꜥnḫ Jmn-m-jp.t z' Jmn-m-jp.t Ḏd-f

Перевод Ю. Я. Перепёлкина: «*Этим начинается учебник, делающий умным и обучающий невежду, для того, чтобы знать все существующее, созданное Птахом и сотворенное Тотом, небо с его звездною системою, землю и то, что в ней извергаемо горами, орошаемо водами, все, на что светит солнце и все, чему дано произрастать на земле, придуманный писцом божественных книг "дома жизни Амен-ем-опе", сыном Амен-ем-опе, который говорит: ...*»[20]

Далее папирус содержит перечень небесных явлений, который соединяется с перечнем, содержащим названия вод и водоемов, посредством одновременно «небесного» и «водного» термина «роса».

Изучая «энциклопедию» Амен-ем-опе, Ю. Я. Перепёлкин сделал ряд интереснейших наблюдений, проливающих свет на особенности духовного мира древних египтян. Он заметил, что космологическая и «человеческая» части «энциклопедии» Амен-ем-опе также логиче-

---

[19] *Перепёлкин Ю. Я.* К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке // Труды Института книги, документа и письма. Т. II. Л., 1932. С. 373.

[20] Там же.

ски связаны между собой: «*Перед "царем" и "царицей" упоминаются еще "бог и богиня, покойный и покойная", поскольку покойники считались в Египте существами божественного порядка*»[21].

«*Крайняя зависимость древнеегипетского общества от природы,* — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *окрашивала в густые натуралистические тона его религиозные представления, так что боги скорее находились в явлениях природы, чем стояли над ними. Этот примат природы над богами отразился и в "энциклопедии" Амен-ем-опе, начинающейся с космических явлений и только затем переходящей к богам*»[22].

О временах, когда Ю. Я. Перепёлкин работал в Институте книги, документа и письма, нам оставил свои воспоминания И. М. Дьяконов. И хотя в целом его «Книга воспоминаний» отличается обилием неточностей[23] и даже грубых искажений[24], в данном случае Игорю Михайловичу, как мне кажется, удалось довольно верно описать внешность и манеру поведения величайшего из русских египтологов. «Юрий Яковлевич Перепёлкин, — свидетельствует он, — был выдающимся ученым и совершенно своеобычным человеком. Что в нем содержалось — было полностью скрыто внутри, и мне понадобилось полвека, чтобы понять и оценить его. Тот же, кто встречался с ним случайно — как я тогда в ИКДП, — видел только черты внешнего чудачества. Бледное лицо, бледные усы, много понимающие, но себе на уме глаза, некоторая непривычная для 30-х гг. подтянутость при весьма, весьма скромной одежде (ордерный костюмчик из дешевой синей фланели) — так же бедно он одевался и позже, когда уже

---

[21] Там же.

[22] Там же.

[23] Примером такой неточности может служить примечание И. М. Дьяконова на странице 355: «Ю. Я. был из семьи офицеров, перешедшей на службу к СССР, но полностью уничтоженной». В действительности в 1937 г. вместе со многими другими пулковскими астрономами был арестован Евгений Яковлевич Перепёлкин, который (по данным Д. Я. Мартынова) погиб где-то в лагерях Кемеровской области около 1940 г.

[24] Таким искажением является утверждение, что Ю. Я. Перепёлкин «получил степень доктора без защиты», а также слова: «...по крайней мере, он всю жизнь ко мне хорошо относился и даже как-то выделял из других своих коллег (наряду, пожалуй, со старорежимно-благородным коптологом Петром Викторовичем Ернштедтом, тоже немалым чудаком). По крайней мере, я был единственным человеком, которому он когда-либо в жизни предложил соавторство — с другими он не только никогда не соавторствовал, но даже не соглашался оказаться с ними под одной обложкой; по этой причине он никогда не опубликовывал статей в журналах» (*Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний... С. 355). В действительности Ю. Я. Перепёлкин публиковал свои статьи и в «Ученых записках Ленинградского государственного университета», и в «Советском востоковедении». Малочисленность таких его публикаций проистекала отнюдь не из гордыни, а из трезвого осознания того, что статья, напечатанная не в узко специализированном (египтологическом, к примеру) журнале очень скоро обречена на забвение. Ведь и по сей день нет у людей желания покупать книги или повременные издания, где лишь одна из статей представляет профессиональный интерес, а все остальное относится к чуждым для них областям знания.

получил степень доктора без защиты[25] и звание старшего научного сотрудника, — руки чисто вымытые и часто вновь умываемые с мылом, чаще даже скрытые в перчатках, манера насмешливо титуловать каждого (хотя бы и меня) "профессор"... — и обязательно с именем и отчеством, — рукопожатие, представляющее целый обряд, какая-то непрестанная ирония к другим и к себе...»[26].

Далее И. М. Дьяконов делится своими воспоминаниями о Музее палеографии Академии наук СССР: «Музей занимал одну большую комнату, заставленную горизонтальными стеклянными витринами; по стенам несколько опечатанных шкафов, а у окон — несколько маленьких столиков для писания. В зале было очень тесно — видимо, музей стеснили, чтобы разместить директора, ученого секретаря, просто секретаря, машинистку и тот десяток сотрудников, — было тесно и довольно темно, кроме как у окон.

Когда я пришел в этот музей и представился Юрию Яковлевичу, он повел меня к ученому секретарю — договориться о работе. Ученый секретарь был уже привычным мне типом советского чиновника, который вряд ли мог иметь какое-нибудь реальное отношение к книге, документу (кроме своей канцелярской отчетности) или к письму. Он объяснил мне, что я должен буду записывать в книгу внешнее описание документа, и так как содержание его нельзя установить без специального исследования (все это он, очевидно, повторял за Перепёлкиным), то мне следует скопировать подлинный текст первых и последних строк документа. Он прибавил, что В. И. Беляеву и А. Я. Борисову платят по 1 р. за номер, но что, поскольку я студент, то буду получать 50 копеек. Это меня совершенно не устраивало, и я сказал ему, что, по-моему, должен оплачиваться мой труд, а не мое образование, и что за одинаковый труд должна причитаться одинаковая плата — 1 рубль. Он опешил и согласился, и тут же был написан договор черным по белому. Кто таким поворотом событий был ошеломлен, так это Ю. Я. Перепёлкин. Он потом вспоминал мне этот эпизод всю жизнь и изображал даже в лицах <...>[27].

Мне было отведено место за маленьким столиком справа у окна; левее меня за таким же столом, часто в те же часы, сидел А. Я. Борисов, который составлял инвентарь — а вернее, копировал надписи — семитических несторианских надгробий: это были тяжелые, сантиметров 50×25, базальтовые валуны или обкатанные сверхгальки, с выбитым на них крестом и надписью по-сирийски.

Как-то раз, взваливая на стол очередной камень, Андрей Яковлевич сказал:

— Эх, хорошая щебенка получилась бы. Знаете, как бы я хотел жить? Полгода странствовать по дорогам и бить щебенку: обмотаешь ноги тряпками, зажмешь камень и бьешь молотком. А полгода читать семитские надписи.

---

[25] В действительности Ю. Я. Перепёлкин защищал докторскую диссертацию 30 января 1969 г. на заседании Ученого совета Восточного факультета ЛГУ, где ему единогласно была присуждена ученая степень доктора исторических наук. См.: *Крачковская В. А.* Хроника и библиография // Эпиграфика Востока. XXI. М.; Л.: Наука, 1972. С. 94.

[26] *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний... С. 355.

[27] Там же.

Юрий Яковлевич в комическом ужасе воздел руки к небу:

— Андрей Яковлевич, Андрей Яковлевич, что вы говорите! <...>[28].

Виктора Ивановича Беляева, — вспоминает далее И. М. Дьяконов, — я видел в ИКДП редко. Зато вскоре стал появляться сам Николай Петрович Лихачёв. Он отбыл свой срок высылки в Астрахань и вернулся в Ленинград, где жил где-то, — вероятно, в каком-нибудь углу у родных или знакомых, одинокий. Ни академического звания, ни какой-либо работы ему не вернули, о его прежнем научном положении напоминала только черная академическая чеплашка, в какой ходили дореволюционные профессоры. Он зарабатывал себе на хлеб, рассказывая хранителю бывшего собственного музея провенанс[29] собранных им памятников. Провенанс этот мало что давал — подавляющее большинство вещей было куплено у спекулянтов-антикваров, которые сами не знали, а часто не хотели сообщать — откуда происходят продаваемые ими вещи. Делал Н. П. эту работу на основе почасовой оплаты, но подолгу выдерживать не мог — был он уже стар и немощен. В конце концов он говорил Юрию Яковлевичу:

— Ну, Юрий Яковлевич, на сегодня довольно: я уже три часа проработал.

На что Перепёлкин отвечал:

— Нет, Николай Петрович, только два часа сорок пять минут; так мне и придется записать.

Старик сердился, но Юрий Яковлевич был неумолим.

Меня это вчуже возмущало. И ведь Юрий Яковлевич вовсе не был злым человеком — напротив, он был человек добрый. Но он был педант, и, кроме того, неправильная запись была бы ложью, а солгать было для него грехом вовсе невыносимым. Как он выходил из жизненных положений, столь частых в нашем веке, когда не солгать невозможно, — это особая поэма»[30].

События, о которых вспоминает И. М. Дьяконов, вероятно, относятся к осени 1935 г., когда он впервые в качестве ассириолога работал в Институте книги, документа и письма. Между тем, уже с начала 30-х годов, жить, не участвуя во лжи, становилось все труднее и труднее. Даже от специалистов по древностям весь уклад новой жизни требовал привнесения хотя бы элементов марксистского мировоззрения в анализ письменных свидетельств далекого прошлого. И лишь отдельные смельчаки решались ответить на общественный вызов отказом.

В качестве одного из лучших примеров такового отказа в грозные 30-е годы вспомним статью Ю. Я. Перепёлкина «О "космополитизме" в египетской литературе эль-амарнского периода»[31].

---

[28] Там же. С. 356.

[29] «Насколько возможно точное определение происхождения музейного объекта: где именно найден, кем, когда, издавался ли; если куплен, то те же данные со слов продавца; кем именно и когда продан. Если раньше издавался, то кем и когда» (Примеч. И. М. Дьяконова. См.: *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний... С. 356).

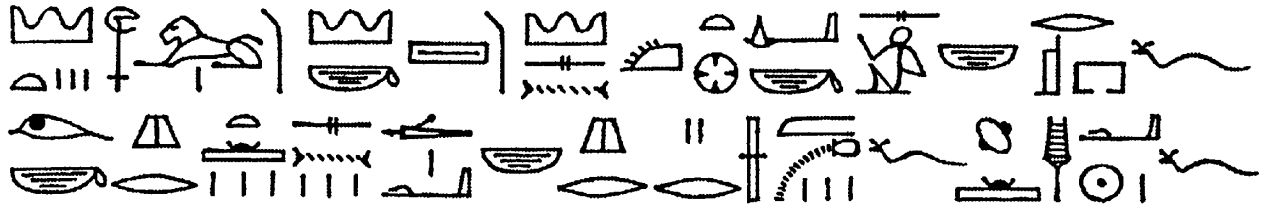
[30] *Дьяконов И. М.* Кинга воспоминаний... С. 356—357.

[31] *Перепёлкин Ю. Я.* О «космополитизме» в египетской литературе эль-амарнского периода... С. 373—376.

Как известно, еще в 1848 г. К. Маркс и Ф. Энгельс заявили в «Манифесте коммунистической партии», что «die Arbeiter haben kein Vaterland»[32]. Неудивительно поэтому, что в 20—30-е годы, в условиях триумфального шествия марксистской идеологии по планете, одним из распространенных общественных идеалов становилась цель, «чтобы в мире без России, без Латвии, жить единым человечьим общежитием»[33]. В такой обстановке древнее понятие космополитизма приобретало некую привлекательность, ибо официальная идеология даже в 1937 г. продолжала утверждать: «*Для рабочего класса всех стран родиной является та страна, в которой установлена диктатура пролетариата. Рабочий класс*, являясь патриотом своей социалистической родины, вместе с тем стремится превратить в свою родину весь мир»[34].

Сознательная или даже бессознательная общественная тяга к космополитическому идеалу неожиданно привела к тому, что в специальной и популярной литературе получила широкое распространение теория об эль-амарнском космополитизме. «*Если действительно в XIV в. до н. э. в Эль-Амарне*, — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *литература правящих кругов военной империи была проникнута космополитическими настроениями, то это должно представлять значительный интерес для истории литературного космополитизма вообще*»[35].

Теория, к анализу которой приступал Ю. Я. Перепёлкин, базировалась на описании универсального промысла Солнца в большом солярном гимне, сохранившемся в гробнице «распорядителя всех коней владыки обеих земель» Эйе. В нем в частности говорилось[36]:



ḫ's.wt ḫ<'>r<w> k'š ḫ's.t n km.t dj-k z nb r s.t-f jr-k ḫr.t-sn wˁ nb ḫrj r wnm-f ḥsb ˁḥˁ-f

Перевод Ю. Я. Перепёлкина:

«*Страницы Сирия и Нубия и страна Египет — ты ставишь каждого на его мес-*

---

[32] *Marx K., Engels F.* Manifest der Kommunistischen Partei //Ausgewälte Werke in sechs Bänden. Bd. I. Berlin: Dietz Verlag, 1974. S. 435. Русский перевод: *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 4. М.: ГИПЛ, 1955. С. 444.

[33] *Маяковский В. В.* Товарищу Нетте — пароходу и человеку // Маяковский В. В. Сочинения в одном томе. М., 1940. С. 115.

[34] Космополитизм // БСЭ. Т. XXXIV. М., 1937. С. 431.

[35] *Перепёлкин Ю. Я.* О «космополитизме» в египетской литературе эль-амарнского периода... С. 431.

[36] *Davies N. de G.* The Rock Tombs of El Amarna. (archaeological Survey of Egypt. Ed. by Fl. Griffith). Part VI. — Toms of Parennefer, Tutu, and Ay. London, 1908. P. XXVII (строка 8).

то и заботишься о его довольствии. Каждый снабжен своей пищей, и время жизни его исчислено»[37].

В самом порядке перечисления стран исследователи усматривали нарочитое принижение Египта. Даже великий Адольф Эрман указывал: «Wenn hier und im folgender die fremden Länder Ägypten fast gleichgesetzt werden, so ist das gegen jedes Herkommen»[38]. Ю. Я. Перепёлкин, ссылаясь на наблюдения В. В. Струве и М. Э. Матье[39], подчеркивал, что в египетском языке *«при перечислении более значительное слово могло стоять как на первом, так и на последнем месте»*. Далее он приводил в переводе разнообразные выдержки из солнцепоклоннических надписей, которые опровергали мнение тех, кто полагал, будто бы официальная эль-амарнская словесность проповедовала равенство покоренных народов с египтянами. Статья Ю. Я. Перепёлкина завершалась следующим выводом: *«Приведенные цитаты из эль-амарнской литературы не позволяют говорить о космополитизме. Теория о нем создалась в результате переоценки и идеализации простого описания универсального промысла Солнца, без учета националистических высказываний. Надо признать, что Эль-Амарна не является первой главой в истории литературного космополитизма»*[40].

Статья «О "космополитизме" в египетской литературе эль-амарнского периода», хотя и была напечатана годом позже, но датирована 16 марта 1933 г. Вообще же для отечественной науки о древностях 1933 год оказался переломным.

В тот год 19 февраля, выступая на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников, И. В. Сталин сказал: «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся. Но вместо них она поставила крепостников и крепостническую форму эксплуатации трудящихся. Одни эксплуататоры сменились другими эксплуататорами. При рабстве "закон" разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках "закон" разрешал крепостникам "только" продавать крепостных»[41]. Эти слова вождя свидетельствовали о том, что первой формой классового угнетения он считает рабство.

До этого сталинского выступления в нашей науке не утихали жаркие дискуссии, касающиеся формационной принадлежности древневосточных обществ. Дело в том, что до 17-го года было принято (вслед за Э. Мейером и Г. Масперо) считать, что на Древнем Востоке господствовал феодализм. Такой точки зрения придерживался и академик Б. А. Тураев и, поначалу, его ученик В. В. Струве. Естественно, что в «феодальном духе» в 20-е годы обучали и Ю. Я. Перепёлкина. Об этом свидетельствует одно предложение в рукописи его первой статьи: «*Старая египетская знать сошла с исторической сцены к концу II в. до*

---

[37] *Перепёлкин Ю. Я.* О «космополитизме» в египетской литературе... С. 373.

[38] *Erman A.* Die Lireratur der Ägypter. Gedichte, Erzahlugen und Lehrbucher ans dem 3. und 2. Fahrtansend v. Chr. Leipzig, 1923. S. 360.

[39] *Перепёлкин Ю. Я.* О «космополитизме» в египетской литературе... С. 376.

[40] Там же.

[41] *Сталин И. В.* Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. // Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. ОГИЗ, 1939. С. 412.

н. э., и иерархические различия в среде египетского населения должны были основываться не на феодальных началах, а на противоположности богатства бедности»[42]. Вместе с тем, в год окончания Ю. Я. Перепёлкиным Ленинградского государственного университета в VIII томе вышедшей тогда же «Большой Советской энциклопедии» была опубликована статья «Вавилония», написанная Н. М. Никольским — сыном крупнейшего русского ассириолога М. В. Никольского. Ее автор — ученый-марксист, с 1905 г. близкий к Н. М. Покровскому и И. С. Скворцову-Степанову, член лекторской группы Московского комитета РСДРП, теперь с поразительной легкостью (без какой бы то ни было серьезной опоры на факты) рисовал картину трехтысячелетней эволюции месопотамского общества от феодализма через помещичье-бюргерскую монархию к власти финансового капитала[43].

Не остался в стороне от марксистских исканий и формальный учитель Юрия Яковлевича профессор В. В. Струве, поначалу решивший, что на Древнем Востоке должна была существовать особая «азиатская» формация, коль скоро о ней говорил К. Маркс[44]. «Если меня спросят, — признавался в 1931 г. В. В. Струве, — до какого момента я считаю в Египте наличие азиатского способа производства, то я полагаю так — до эпохи Рима, когда римское владычество принесло иную формацию, чем та, которая существовала до этого»[45].

Меж тем усиление борьбы с троцкизмом обязывало прекратить всякие дискуссии об «азиатском способе производства», ибо этот термин оказался скомпрометирован деятелями, причисленными к оппозиции, которые использовали его при анализе перспектив китайской революции. Вот почему В. В. Струве, быстро отказавшись от концепции «азиатского способа производства», вернулся к признанию древневосточных обществ феодальными, что нашло отражение в его статье «Египет. Древняя история (до арабского завоевания)», опубликованной в 1932 г. в 24-м томе БСЭ[46].

В том же году в «Сообщениях ГАИМК» (№ 9/10) В. В. Струве выступил с критикой как советской литературы о социально-экономических отношениях на Древнем Востоке в целом, так и своей собственной статьи «Египет» в первом издании БСЭ. Упрекая себя и своих коллег в «голом социологизировании», В. В. Струве призывал к тщательному изучению связи непосредственных производителей со средствами производства и выражал надежду, что дальнейшие исследования источников покажут, что на Древнем Востоке «преобладающей формой классового угнетения было рабство»[47].

---

[42] Цитируется по рукописи, хранящейся в архиве СПб. Ф ИВ РАН.

[43] *Никольский Н.* Вавилония // Большая Советская энциклопедия. Т. VIII. М., 1927. Стб. 509—516.

[44] *Marx K.* Zur Kritik der Politischen Ökonomie. Vorvort // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 13. Berlin, 1985. S. 9.

[45] *Струве В. В.* [Выступление в прениях] // Дискуссия об азиатском способе производства по докладу М. Годеса. М.; Л., ОГИЗ Гос. соц.-эконом. издат., 1931. С. 93.

[46] *Струве В. В.* Египет. Древняя история (до арабского завоевания) // Большая Советская энциклопедия. Т. XXIV. М., 1932. Стб. 359—360.

[47] *Струве В. В.* Советская наука о древнем Востоке в период 1917—1932 г. // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. 1932. № 9—10. С. 7—29.

Будучи свидетелем всех этих метаморфоз, Ю. Я. Перепёлкин, конечно же, с известной иронией относился как к В. В. Струве, так и к советским исследователям социально-экономической истории древности вообще. И вместе с тем, когда я 8-го декабря 1970 г. спросил Юрия Яковлевича об академике В. В. Струве, он сказал мне следующее: «*Василий Васильевич сделал больше чем кто-нибудь другой из наших востоковедов. Он впервые наметил путь для изучения социальных явлений Древнего Востока*».

4 июня 1933 г. на расширенном заседании Сектора истории рабовладельческого общества ГАИМК В. В. Струве выступил с трехчасовым докладом «Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока». «Целью моего доклада, — говорил В. В. Струве, — является доказательство правильности определения марксизмом-ленинизмом экономической структуры обществ древнего Востока как рабовладельческой, на основе исторического материала, дошедшего до нас от Вавилонии и Египта...»[48]. Провозглашенная цель определила и внешнюю форму доклада, в котором данные исторических источников служили обоснованием для предлагаемой социологической схемы, а не социологические построения определялись всей совокупностью древних письменных свидетельств.

Следует сказать, что для подкрепления своей теории, наряду с прямыми ссылками на труды Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, В. В. Струве применил еще метод скрытого цитирования или «глухих сносок». Этот прием, в случае особенно резких нападок со стороны научных противников, позволил бы без труда доказать, что оппоненты выступают не против докладчика, а против воззрений основоположников научного социализма. К тому же докладчик, вероятно, стремясь к расширению круга приверженцев своей теории, всячески использовал различные частные наблюдения, сделанные его учениками или младшими коллегами для подтверждения своих выводов: «Несомненно, из этого числа рабов, — рассуждал В. В. Струве, — перепадает кое-что и в руки лиц частных — ремесленников и более зажиточных крестьян. "Немху", "сироты", мелкие землевладельцы Нового царства являются, как это подчеркнул Ю. Я. Перепёлкин в своей диссертации о тель-амарнской литературе, вместе с тем и рабовладельцами»[49]. Или другой пример лестной для молодого ученого ссылки: «Как это отметил Ю. Я. Перепёлкин, работающие на полях заупокойного культа египетских вельмож назывались даже заупокойными жрецами»[50].

Однако все научные и политические предосторожности не могли уберечь В. В. Струве от критики его самых упорных противников. И. М. Лурье сразу же заявил, «что т. Струве свой доклад... построил, в сущности говоря, на своеобразном истолковании ряда фактов, а не на самих фактах. Все свои основные положения, т. е. вопросы о существовании коллективного рабовладения и преобладающей роли рабовладения вообще, вопрос о коллективной земельной собственности, он строит на истолковании фактов, причем исходит из своих мето-

[48] *Струве В. В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 77. М.—Л.: ОГИЗ, 1934. С. 34.

[49] *Струве В. В.* [Выступление в прениях по докладу] // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 77. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 72.

[50] Там же. С. 43.

дологически неправильных теоретических установок, не смущаясь тем, что вступает при этом в прямое противоречие с документально установленными свидетельствами. Это делает построение т. Струве целиком неприемлемым»[51].

Б. Л. Богаевский обвинил В. В. Струве в игнорировании марристского палеонтологического метода при исследовании вопроса о рабстве. «Я понял, — говорил Б. Л. Богаевский, — что В. В. Струве настолько уважает палеонтологический метод, что это уважение мешает ему применять этот метод к материалу, пока он не овладел полностью всеми данными такого анализа. Но я утверждаю, что в жизни исследователя никогда не наступит момент применения чересчур уважаемого метода, если ожидать времени, когда в данной области знания все станет ясным до конца. В. В. Струве прекрасно знаком с материалом, является заслуженным деятелем Института языка и мышления. Поэтому я думаю, что тем, что В. В. Струве сказал о причинах неприменения метода, он невольно дал нам вексель, по которому должен расплатиться звонкой монетой с процентами»[52].

А. А. Аджан, не будучи специалистом по Древнему Востоку, в своем выступлении по докладу решил, «оставаясь на базе тех фактов, которые приводил т. Струве», высказать свои замечания и сомнения. «Я кончу тем, — говорил А. А. Аджан, — чем начал т. Богаевский, который отметил, как положительную черту В. В. Струве, его смелость в признании своих ошибок. Конечно, такие признания надо приветствовать. Но очень большая разница получается между концепцией, которую т. Струве выставил 3 года тому назад и которую он меняет за это время 4 раза, так что невольно закрадываются большие сомнения и по отношению к этой новой теории. Я хочу поэтому призвать к осторожности в смысле принятия или непринятия этой теории нас всех, в том числе и самого ее творца, ибо, конечно, хорошо признать свои ошибки, но еще лучше их не делать и не быть принужденным признаваться в них задним числом. Иначе этот порок будет возведен в добродетель»[53].

Среди июньских выступлений 1933 г. в прениях по докладу В. В. Струве особняком стояла речь в ту пору 30-летнего Юрия Яковлевича Перепёлкина. При обсуждении «Проблемы зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока» он сказал следующее:

«Я не собираюсь говорить о докладе в целом, а только по тем пунктам, с которыми мне в процессе работы над египетской эпиграфикой приходилось сталкиваться. Я остановлюсь именно на вопросе, имеем ли мы возможность говорить о крепостных в период Древнего царства на основании тех памятников, которые до нас дошли... Гробничные изображения, дошедшие до нас от Древнего царства, являются в конце концов тем материалом, который обычно, надо признаться, и оформляет конкретные

---

[51] *Лурье И. М.* [Выступление в прениях по докладу В. В. Струве] // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 77. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 112.

[52] *Богаевский Б. Л.* [Выступление в прениях по докладу В. В. Струве) // Там же. С. 127.

[53] *Аджан А. А.* [Выступление в прениях по докладу В. В. Струве] // Там же. С. 135.

представления о древнеегипетском крепостничестве. Эти картины трактуются как изображения работ крепостных в поместьях их феодальных господ. Подобной точки зрения держался и я, когда подходил к материалу с "высоты", не входя в его детальное рассмотрение. Столкнувшись же с этими памятниками в процессе кропотливой эпиграфической работы, я должен был пережить ряд разочарований в прежней оценке этих исторических данных. Как известно товарищам египтологам, термин хам-ку, т. е. служитель души, обозначал жреца, исполнявшего служение за упокой вельможи. Присматриваясь детальнее к надписям, сопровождающим изображения в гробницах Древнего царства, мы видим, что титул хам-ку прилагается не только к тем лицам, которые исполняют непосредственно жреческие обязанности, но и к любым из изображенных персонажей. Оказывается, эти самые хам-ку бывали чем угодно, не только жрецами. Мы их находим и на земледельческой работе, и в качестве мясников и на гончарном производстве, и в садоводстве, и среди ловчих, и рыбаков, охотников на птиц и т. д. Иногда встречается даже, что изображены хам-ку, и надпись поясняет, что доставка скота производится хам-ку, и тут же оказывается, что над ними надзирает заведующий пастухами. При желании можно подобрать картотеку, из которой явствовало бы, как широко были представлены среди хам-ку различные профессии египетского населения, так что может создаться впечатление, что чуть ли не все лица в гробнице являются хам-ку, исполняющими служение за упокой вельможи.

Теперь, кто такие эти хам-ку, каково их экономическое и социальное положение? Если, с одной стороны, на изображениях можно найти лиц, носивших одно звание хам-ку, то существовали лица, носившие, кроме него, и другие звания, вплоть до солидных титулов фараоновской иерархии. Лица очень "важные" и "почтенные", оказывается, занимаются доставкой различных продуктов и животных, как это делают известные символические крестьянки деревень.

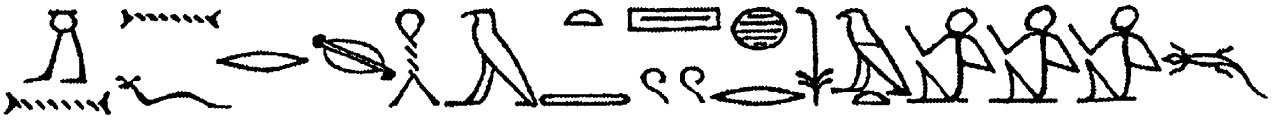
Из текстов, повествующих об установлении наделов для хам-ку, за которые они должны были обслуживать заупокойный культ вельмож, мы узнаем, что хам-ку получали не только пашни, но и людей, а также всевозможный инвентарь. Оказывается, тех людей, которые были подведомственны хам-ку, эти последние не могли продать, поскольку им запрещалось заниматься продажей подвластных им людей, а также передавать их в наследство другим лицам, помимо своих непосредственных наследников.

Хам-ку вступают в договорные отношения с учредителями культа, вельможами, для них составляются известные обязательства. Хам-ку могут выступать в роли жалобщиков перед судом и т. д. Таким образом они являются также лицами вполне "юридическими".

Изображения, которыми пользуются для построения конкретной наглядности картины египетского крепостничества времени Древнего царства, не показывают нам крепостных, потому что лица, изображенные за различными работами, являются довольно подозрительными крепостными ввиду их смешанного состава, их близости к вельможным слоям и возможности отождествить их с хам-ку, если любая из изображенных "профессий" может исполняться последними».

Далее Ю. Я. Перепёлкин задавал риторический вопрос: «*Может быть, мы имеем какие-нибудь указания в текстах, помимо посвященных изображениям гробниц?*» И сам же на этот вопрос отвечал: «*Указания, которые бы говорили о крепостных, мне не известны. В частности тот текст, который И. М. Лурье приводил из гробницы Метена и который он понимает в том смысле, что „он принес" 200 арур пашни "с царскими людьми", которые, как он предполагает, являются крепостными, на самом деле переводится иначе: "Он купил 200 арур пашни у многих сутиу"*»[54].

В своем понимании староегипетского свидетельства из вельможеской гробницы конца III — начала IV царского дома



Ю. Я. Перепёлкин, в отличие от И. М. Лурье, был прав. По поводу этого места далее он сказал следующее: «*Я говорю "сутиу", потому что сейчас этот термин читается так, а не "несутиу". Этот текст говорит о купле земель многих сутиу, а не о том, что земля была куплена с крепостными. Параллельные тексты Древнего царства показывают, что мы должны переводить таким образом*»[55].

Эти и другие наблюдения В. В. Струве в конце дискуссии оценил очень высоко: «*Я был счастлив услышать чрезвычайно ценные дополнения Ю. Я. Перепёлкина к материалу, который освещает положение непосредственного производителя Египта эпохи Древнего и Нового царств. Этот материал добыт им целиком из вдумчивого исследования первоисточников, открытых для него благодаря действительно прекрасному знанию египетского языка. Ни одно из наблюдений Ю. Я. Перепёлкина не было сделано в предыдущих исследованиях*»[56].

Ну а как сам Юрий Яковлевич относился к рабовладельческой концепции В. В. Струве? Отвечая мне, 8-го декабря 1970 г. Ю. Я. Перепёлкин сказал: «*Василий Васильевич не мог только на один вопрос ответить: почему они работают? И тогда он предположил, что они являются рабами, хотя говорил, что вполне возможно они не были "вещью", а это уже не соответствует понятию "раб"*».

Что же касается общественного признания последней теории В. В. Струве в качестве подлинно марксистской, то оно уже было предрешено, ибо через пять лет в работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталиным со всей определенностью было сказано: «*Истории известны пять основных типов производственных отношений: пер-*

---

[54] *Перепёлкин Ю. Я.* [Выступление в прениях по докладу В. В. Струве] // Там же. С. 138—139.

[55] Там же. С. 139.

[56] *Струве В. В.* [Выступление в прениях по докладу] // Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Вып. 77. М.; Л.: ОГИЗ, 1934. С. 180.

вобытно-общинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический, социалистический»[57]. В. В. Струве оказывался таким образом в счастливом положении человека, предугадавшего при изучении древневосточного материала «гениальный ход философской мысли великого вождя трудящихся всего мира».

Со второй половины 30-х гг. споры о формационной принадлежности древневосточных обществ вдруг стихли. Отчасти этому способствовало избрание в 1935 г. В. В. Струве действительным членом Академии наук, но главным образом полемика прекратилась из-за общей политической обстановки в стране.

Тысяча девятьсот тридцать пятый год — год смерти Якова Николаевича Перепёлкина и год избрания академиком Василия Васильевича Струве (избрание произошло 1-го июня, то есть в день рождения Юрия Яковлевича). А 25-го октября 1935 г. Ю. Я. Перепёлкину была присвоена ученая степень кандидата наук за диссертацию «Периоды развития эль-амарнской письменности». С 1935 г. начинается и преподавательская деятельность Юрия Яковлевича в высшей школе. В течение жизни ему пришлось преподавать в трех вузах: в ЛГУ, в САГУ и в Академии художеств.

В начале 1936 г. выходит в свет первая книжечка Ю. Я. Перепёлкина «Описание выставки "Письменность Древнего мира и раннего средневековья"», которая была сдана в набор еще 26 сентября 1935 г.[58] Через 60 лет, вспоминая Институт книги, документа и письма с его великолепный Музеем палеографии, И. М. Дьяконов писал: «Единственное известное мне издание — это краткий путеводитель по музею, блестяще написанный Ю. Я. Перепёлкиным и содержащий весьма основательные сведения и обобщения по истории письма, и, по-моему, не потерявший научного значения и сейчас. К сожалению, путеводитель вышел крошечным тиражом...»[59]. Действительно, книга была отпечатана лишь в 750-и экземплярах, из которых большая часть погибла в годы ленинградской блокады.

В 1975 г. в букинистическом магазине, что в начале Невского, я случайно взял в руки маленькую книжечку, на обложке и титульном листе которой даже не было фамилии автора, и, раскрыв ее в середине, с интересом начал читать: «*КУРСИВ. Античный курсив — беглая форма латинского письма, применяющаяся главным образом на папирусе и на вощеных дощечках. Подобно древнегреческому деловому письму, оно не представляло собой чего-то однородного: наряду с сокращенными беглыми написаниями существовали более элементарные, вплоть до небрежно написанных квадратных форм, в зависимости от почерка пишущего и его привычки к быстрому письму. В противоположность древнегреческому римский курсив сравнительно мало связывал буквы между собою.*

Из смеси стилизованных курсивных и основных форм образовался своеобразный книжный почерк, засвидетельствованный одним папирусом конца античного периода. Но и в более раннее время курсив употреблялся иногда для таких записей, где можно было

---

[57] *Сталин И. В.* О диалектическом и историческом материализме (Сентябрь 1938 г.). Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940. С. 26.

[58] *Перепёлкин Ю. Я.* Описание выставки «Письменность Древнего Мира и раннего средневековья»: Путеводитель. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 68 с.

[59] *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний... С 354.

ожидать книжный рустический пошиб»[60]. Лишь на 4-й странице книжечки, где заканчивалось предисловие, я увидел курсивное: Ю. Я. Перепёлкин и тут понял, что автором «Описания выставки "Письменность Древнего Мира и раннего средневековья"» является он.

Когда я рассказал Юрию Яковлевичу о своей покупке, он сильно подивился, ибо даже у него самого не было экземпляра составленного им «Описания выставки...». Я немедля выразил готовность эту букинистическую редкость Ю. Я. Перепёлкину подарить, но он принять этот дар категорически отказался. Впрочем, судьбу этой перепёлкинской работы, выполненной в ИКДП, еще можно считать счастливой, если вспомнить, что писал В. В. Струве в статье «Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг.»: «В ближайшее время будет подготовлено также издание египетских памятников Музея письменности при Историческом институте». И далее: «Это издание, подготовляемое Ю. Я. Перепёлкиным, ознакомит широкие круги египтологов и историков с собранием, на которое обратил внимание Эд. Мейер, когда он посетил в 1925 г. Ленинград во время празднования двухсотлетнего юбилея Академии наук»[61]. Прошло 60 лет, а издание так и не вышло.

Возможно, бесчисленные неурядицы, связанные с выходом в свет собственных работ, научили Юрия Яковлевича проявлять беспокойство о напечатании научных трудов его учителей, коллег и учеников.

За полгода до смерти старшего из своих учеников академика М. А. Коростовцева (1900—1980), в ту пору уже безнадежно больного, Ю. Я. Перепёлкин пишет письмо в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука»:

«Главной редакции восточной литературы

Хочу обратить внимание Редакции на защищенную в свое время, но неизданную кандидатскую диссертацию академика Михаила Александровича Коростовцева (она находится в Москве, справиться можно у Татьяны Николаевны Савельевой). Диссертация посвящена актуальной для древневосточной истории теме — рабству в Египте при XVIII династии, т. е. в пору, когда Египет был "мировой" захватнической державой. В работе собрано много данных из письменных памятников как фараонов, так и частных лиц, и, хотя она написана во второй половине 1930-х годов, она не потеряла значения и сейчас. Существенных источников за истекшие десятилетия прибавилось мало. Достоверно не включена в диссертацию важная надпись Аменхотпа II, так как издана в начале 1940-х годов, но об этой надписи есть статья И. С. Кацнельсона, к которой можно отослать читателя в предисловии. Не подлежит сомнению, что книга, выйди она в свет, быстро разойдется.

Ст. научн. сотрудник-консультант
Ленинградского отделения Института
востоковедения Академии наук СССР,
доктор исторических наук Ю. Перепёлкин
23 апреля 1980 г.».

---

[60] *Перепёлкин Ю. Я.* Описание выставки... С. 52.

[61] *Струве В. В.* Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917—1937 гг. // Вестник древней истории. 1938. № 1. С. 15.

О своем старшем по возрасту ученике (М. А. Коростовцев родился тремя годами раньше, чем его учитель) Юрий Яковлевич говорил мне 17 августа 1972 г. следующее: *«Вообще-то Михаил Александрович человек очень эрудированный. Достаточно взять его "Введение в египетскую филологию". Там прекрасная библиография. Единственный его недостаток, что он очень быстро работает, как я называю, кавалерийскими рейдами. И хотя Михаил Александрович учился у меня, переделать его характера я не смог. В египтологию он пришел поздно, лет под сорок, хотя увлекаться ей он начал с детства и даже писал письма Тураеву».*

Тут уж судьба распорядилась таким образом, что штурман дальнего плавания М. А. Коростовцев лишь в 1935 г. в Ленинграде начинает заниматься египтологией формально под руководством В. В. Струве, который поручает Юрию Яковлевичу обучать Михаила Александровича египетскому языку. Вполне закономерно, что после кандидатской диссертации «Рабство в Египте в эпоху XVIII династии», защищенной в 1939 г., тема докторской диссертации М. А. Коростовцева — «Письмо и язык древнего Египта (Опыт культурно-исторического исследования)» (АН СССР. Институт истории. М., 1942. — 444 с.). Эта докторская была защищена уже в 1943 году.

Во второй половине 30-х годов как Ю. Я. Перепёлкин, так и М. А. Коростовцев были привлечены к написанию отдельных глав для второго тома предполагавшегося тогда многотомного издания «Всемирной истории». Этот том готовившийся под руководством академика В. В. Струве, был посвящен истории стран Древнего Востока. Хотя к 1938 г. основная авторская работа по созданию макета была завершена, он в свет не вышел. В годы Великой Отечественной войны машинописный текст древневосточного тома находился в Москве, где, по словам Т. Н. Савельевой, главы, написанные Юрием Яковлевичем, стали доступны одной ученой даме, которая позаимствовала сделанные им открытия для своей кандидатской диссертации.

Трагически складывалась судьба не только написанных Ю. Я. Перепёлкиным научных трудов. Достаточно трагична была и жизнь их автора, хотя судьбы многих современников Юрия Яковлевича оказывались куда ужаснее.

В тысяча девятьсот тридцать седьмом году в мясорубку политических репрессий вместе со многими другими пулковскими астрономами попал профессор Евгений Яковлевич Перепёлкин. Ему был только 31 год, поговаривали об его избрании членом-корреспондентом Академии наук СССР, но вместо того его ждала смерть.

Вспоминаю, как однажды (5 июля 1978 г.), переходя Дворцовый мост, Юрий Яковлевич сказал мне: *«Но если бы у меня сейчас спросили, хотел бы я снова быть молодым, талантливым, красивым, каким я никогда не был, то я бы сказал, что нет».*

«А что, такие были тяжелые времена?» — спросил я, понимая, что времена были именно такими.

«Конечно», — ответил Юрий Яковлевич

И все-таки у многих людей, принадлежавших к тому же социальному кругу и к тому же поколению, что и Ю. Я. Перепёлкин, светлой радостью были наполнены первые 10—15 лет жизни. Для Юрия Яковлевича детские годы были омрачены тяжелой болезнью — костным туберкулезом. Припоминается, как 17 июня 1978 г. в коридоре Ленинградского отде-

ления Института востоковедения А. С. Четверухин спросил: «Юрий Яковлевич, а вы до какого века свою родословную знаете?»

«*Если только то, что я знаю на память, то до XVIII. Я не говорю о том, что можно восстановить по книгам*», — отвечал Ю. Я. Перепёлкин.

Четверухин поинтересовался, кем были предки Юрия Яковлевича. «*У меня все были моряки и по линии отца и по линии матери. Но я, даже если бы захотел, все равно не мог бы стать моряком, потому что в детстве был калека и ходил на костылях*», — сказал нам Перепёлкин.

Чтобы победить костный туберкулез, в ту пору Юрия Яковлевича заставлял проводить долгие часы на морском берегу под лучами солнца и пить, пить молоко... Он выпил тогда такое количество молока, что, поправившись, его пить не любил. И снова в памяти всплывают те немногие слова Ю. Я. Перепёлкина, которые позволяли понять, что ему приходилось переносить не только моральные, но и физические страдания. 30 августа 1975 г. во время очередного разговора о задержке печатания его трудов Юрий Яковлевич заметил: «*Я ведь не какой-нибудь кавказский долгожитель, а человек, который перенес два голода, чтобы надеяться, что я так долго проживу*».

«А вы были здесь в блокаду?» — спросил я.

«*Да, был здесь, хотя и не все время, но два самых тяжелых месяца был тут. Так что родственники подходили ко мне и смотрели, умер я уже или нет. Каким-то образом слухи о том, что Юрий Яковлевич Перепёлкин умер, дошли до Ташкента, где Василий Васильевич даже произнес трогательную речь о молодом и талантливом ученом. А первый голод я пережил еще в Крыму мальчиком*».

В страшную блокадную зиму Юрий Яковлевич лежал обмороженный по пояс. Последствия этого обморожения сказались каким-то образом на диафрагме, так что и по прошествии многих лет возникали у него какие-то странные головокружения, особенно при переходе от ходьбы в сидячее положение.

В своем письме Т. Н. Савельевой от 25 сентября 1981 г. Ю. Я. Перепёлкин писал:

«*Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна!*

Тронут Вашей заботливостью; очень, очень благодарен Вам за нее.

Само по себе сердце у меня здоровое. Только что академическая поликлиника сделала кардиограмму и ничего не нашла помимо мерцающей аритмии (аритмия документально засвидетельствована у меня еще 60 лет тому назад). Сердечные явления происходят у меня, по всей вероятности, от желудка, который в области диафрагмы с зимы 1941—1942 г. в странном состоянии. Сколько врачей ни консультировало, ничего вразумительного не получилось. Сейчас академическая поликлиника собирается произвести тщательное обследование. Посмотрим, что получится.

Еще раз благодарю Вас за доброе письмо, но о Вашем здоровье я из него опять ничего не узнал.

Признательный Вам Ю. Перепёлкин.

Встретил Андрея Леонидовича, и он передал мне посылку от Вас. Прямо не знаю, как и выразить Вам мою благодарность за такую Вашу отзывчивость и заботу».

В тысяча девятьсот сорок первом военном году в «Ученых записках Ленинградского государственного университета» печатается статья Ю. Я. Перепёлкина «О Сети-Менептахе, сыне Менептаха»[62]. Излагая через 20 лет содержание этой работы, Н. М. Постовская писала: «Ю. Я. Перепёлкин, изучая вопрос о положении царевича Сети-Менептаха, будущего Сети II, при жизни его отца царя Менептаха (Мернептаха), пришел к выводу, что царевич был соправителем своего отца»[63]. Здесь уместно отметить, что в 40-е годы Юрий Яковлевич от традиционной египтологической передачи имен и географических названий еще не отказался. Об этом свидетельствует и написанный им после эвакуации в Ташкент раздел исследования о солнцепоклоническом перевороте в Египте, который озаглавлен «Эфиопский поход Аменофиса IV» и датирован 11 ноября 1944 г. Знакомясь с этим, пока что неопубликованным текстом, невольно вспоминаешь написанное О. Д. Берлевым: «Ю. Я. Перепёлкин еще в Ташкенте продолжал изучение эпохи фараона-солнцепоклонника Эхнейота (традиционная неверная передача Эхнатон). Поразительное знание материала позволило ему и в эвакуации, без специальных библиотек и справочного аппарата, завершить в значительной мере исследование о перевороте, произведенном в начале XIV в. до н. э. Эхнейотом. Окончательно рукопись исследования была завершена Ю. Я. Перепёлкиным уже в Ленинграде, но книга так и не увидела тогда света»[64].

В Ташкенте Юрий Яковлевич, разумеется, не только писал о солнцепоклонническом перевороте, но и преподавал. О тех временах вспомнила доктор филологических наук К. Б. Старкова, когда 12 июля 1998 г. я пришел ее навестить. «Только вы не думайте, что вы будете молчать, а я стану вам рассказывать», — немного раздраженно проговорила Клавдия Борисовна, которая лежала в постели после перелома шейки бедра. Тогда я предложил почитать то, что пишу про Юрия Яковлевича.

— Юрий Яковлевич мой кумир, — оживилась К. Б. Старкова, — и с того самого времени, как я услышала в Ташкенте его лекции по египтологии.

— Это в САГУ?

— Да, в Средне-Азиатском государственном университете. Он читал для желающих лекции по египтологии и Древнему Востоку. Он ведь был великолепный лектор.

По возвращении из эвакуации в Ленинград Ю. Я. Перепёлкин продолжает до конца 40-х годов преподавать в ЛГУ. Среди тех, кому посчастливилось учиться у Ю. Я. Перепёлкина в первые послевоенные годы, был профессор Н. С. Петровский (1923—1981). *«Когда Николай Сергеевич вернулся в Университет, он пришел весь увешанный орденами»*, — вспоминал 17 августа 1972 г., беседуя со мной, Ю. Я. Перепёлкин.

Тут и я поделился своими воспоминаниями: «Я, когда видел первый раз Петровского, то

---

[62] *Перепёлкин Ю. Я.* О Сети-Менептахе, сыне Менептаха // Ученые записки Ленинградского Государственного университета. 78. 1941. с. и. н.; Вып. 9. С. 40—41.

[63] *Постовская Н. М.* Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1959 гг.). М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 165.

[64] *Берлев О. Д.* Египтология // Азиатский Музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 505.

это было как раз перед 9-м мая и у него были прицеплены тут колоточки. — Я провел рукой по своей груди и подытожил: — Так что Петровский, кроме всего прочего, еще и подвиги военные совершал».

«*Самые настоящие,* — подтвердил Юрий Яковлевич. — *Он ушел добровольцем на фронт, служил в танковой разведке. Кроме того, он еще мог объясняться по-английски, поэтому, если надо было принять каких-нибудь иностранцев, сразу посылали его. Потом его послали на какой-то международный фестиваль. Так что я его называл главным студентом Университета*».

Можно не сомневаться, что в превращении «главстудента» Петровского в конечном итоге в доктора филологических наук главная заслуга принадлежит Ю. Я. Перепёлкину, хотя диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук Николай Сергеевич писал под руководством академика В. В. Струве[65]. Ю. Я. Перепёлкин был тем человеком, который мог помочь хоть как-то преодолевать убожество, изначально навязанное нам системой гуманитарного образования, которую создавал А. В. Луначарский. По поводу той убогости Юрий Яковлевич говорил: «*Это и неудивительно. Классические языки, чьи грамматики наиболее разработаны, из программ изъяты. Русский же язык, как я знаю, в школе преподают довольно плохо. Так что, когда я преподавал в Университете, я перед тем, как объяснять какую-нибудь египетскую грамматическую форму, говорил, что она из себя представляет*».

В 1949 г. в «Ученых записках Ленинградского Государственного университета» публикуется статья Ю. Я. Перепёлкина «Абидосский обломок плиты с "указом Хоремхеба"». Анализируя надпись Каирского музея № 34162, Юрий Яковлевич показал, что она является фрагментом фараоновского указа. В надписи сохранились те же самые места, которые уцелели и в тексте указа из Эп-эсове. Разночтения незначительны. По мнению Ю. Я. Перепёлкина, наличие фрагмента из Эп-эсове свидетельствует о том, что плиты с текстом указа могли быть расставлены по всему Египту[66].

Следует сказать, что хотя до конца 40-х годов Юрий Яковлевич преподавал в ЛГУ, он в то же время оставался сотрудником Академии наук. Еще в 1943 г. решением Президиума АН СССР в Институт востоковедения из Института истории были переведены М. А. Коростовцев и Ю. Я. Перепёлкин. Директором же Института востоковедения АН СССР с 24 декабря 1940 г. по 1 июля 1950 г. был академик Василий Васильевич Струве. По заданию дирекции в 1945—1946 годах Юрий Яковлевич был включен в коллектив авторов «Всемирной истории», издание которой вновь начали планировать. Но планы эти вскоре были оставлены, и Ю. Я. Перепёлкин должен был переключиться на работу над новой темой. Его обязали изучить производственные отношения в Египте эпохи Старого царства.

---

[65] *Петровский Н. С.* Народное восстание в Древнем Египте (по материалам Эрмитажного папируса № 1116 В и Лейденского папируса № 344) / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л.: ИВ АН СССР, 1951. — 17 с.

[66] *Перепёлкин Ю. Я.* Абидосский обломок плиты с «указом» Хоремхеба // Ученые записки Ленинградского Государственного университета. 78. 1949. Сер. Исторические науки. Вып. 9. С. 40—41.

Что же касается М. А. Коростовцева, ставшего к 1943 г. ученым секретарем Отделения истории и философии АН СССР, то он в этом военном году направляется корреспондентом ТАСС в Египет. Там его журналистская и научная деятельность продолжается до 1947 г., когда в последние дни июля «Лубянка профессионально, подло и изящно (определение Ю. А. Рознатовского) схватила Михаила Александровича в Бейруте»[67]. 19 августа 1947 г. в Батуми Министерство государственной безопасности СССР арестовало М. А. Коростовцева уже с соблюдением формальностей, а 29 мая 1948 г. в Москве он получил от Особого совещания при МГБ — естественно, заочно — 25 лет лагерей за измену Родине по статье 58, пункт 1а.

Осенью 1983 г., покупая книги из библиотеки Ю. Я. Перепёлкина, я нашел среди них оттиски и издания, на которых рукой Михаила Александровича написано «Ленинград. Академия наук СССР. Институт востоковедения. Ю. Я. Перепёлкину». М. А. Коростовцев посылал эти публикации начала 40-х годов для своего учителя из Египта. Но сам Юрий Яковлевич при своем блестящем владении немецким и французским языками никогда в переписке с заграницей не состоял. Мне рассказывали, что уже в послесталинское время Ю. Я. Перепёлкин, как-то раз войдя в кабинет, где обитали древневосточники, обнаружил у себя на столе письмо из заграницы. Указав, не снимая перчатки, на него пальцем, Юрий Яковлевич произнес: «*Кто это принес, пусть и унесет*». Столь жесткие правила поведения были выработаны еще в те времена, когда Яков Николаевич Перепёлкин работал в области военной оптики и советская власть запретила ему и членам его семьи какие бы то ни было контакты с заграницей. Как знать, может быть, следование этим жестким правилам и после смерти отца в 1935 г. сохранило Юрию Яковлевичу жизнь.

Как уже было упомянуто, в 1945—1946 годах Ю. Я. Перепёлкин второй раз был привлечен к написанию египетских глав для «Всемирной истории», хотя вскорости работу приостановили. «*Но и то, что было написано Ю. Я. Перепёлкиным для неосуществившегося издания "Всемирной истории"*, — писал О. Д. Берлев, — *представляет большой интерес, и можно только пожалеть, что получившееся таким образом небольшое самостоятельное исследование "Раннее царство в Египте" до сих пор не опубликовано, хотя и закончено. Между тем там раскрывается становление классового общества, государственного аппарата в Египте и египетской культуры*»[68].

Передо мной рукопись, озаглавленная:

«***I. Раннее царство***
*(I—II царские дома: около 3000 г.)**
I. Производительные силы
A. Орудия производства».

Звездочка * указывает на подстрочное примечание: «*Деление древнеегипетской истории на "царства" и "царские дома" — деление не столько историческое, сколько рабочее источниковедческое, но пока что его вряд ли возможно избежать, потому что*

[67] *Рознатовский Ю. А.* Bibliography of academician M. A. Korostovtsev // Ancient Egypt and Kush: In Memoriam Mikhail A. Korostovtsev. M.: Наука, 1993. С. 7.

[68] *Берлев О. Д.* Египтология... С. 505.

хозяйственная история Древнего Египта едва только стала изучаться, а летоисчисление почти всегда только приблизительно верно».

Прочитав 152 страницы рукописи, исполненной удивительным каллиграфическим почерком, напоминающим византийский минускул IX века, и вновь припоминая ее заголовок, становится ясно, что перед нами начало грандиозной истории фараоновского Египта. Отсутствие точных ссылок на издания (отечественные и зарубежные) также свидетельствует об этом, ибо в советское время «законодатели» научных «порядков» в глобальных историях их считали излишними. Не будет таких ссылок и в более краткой, но до конца доведенной «Истории Древнего Египта», которая составляет содержание этого, предлагаемого читателю тома. В этом нет вины Юрия Яковлевича. Таковы были правила игры в советской гуманитарной науке. Считалось, что трудящимся точные отсылки к литературе не нужны, ну а специалисты должны развивать свою эрудицию и знать всю мировую литературу по специальности. Научные книги, слава богу, при Сталине выписывались государством в необходимых объемах. «Страна мечтателей, страна ученых!» Андрей Януарьевич Вышинский, как рассказывал мне Ю. Я. Перепёлкин, разрешал академику Игнатию Юлиановичу Крачковскому без цензуры выписывать из франкистской Испании книги по арабистике. Так причудливо прежняя дворянская культура соединялась тогда с новой социалистической действительностью, точно так же ныне «совдеп» выступает из пор нашей молодой демократии.

В конце 40-х годов Ю. Я. Перепёлкин уделял основное внимание изучению Старого царства в Египте. Из опубликованных в то время работ об этом свидетельствуют «Меновые отношения в староегипетском обществе»[69]. О значении тогдашних его исследований для мировой исторической науки будет сказано ниже, а сейчас нельзя не упомянуть о тех событиях, которые произошли в 50-х гг. в Институте востоковедения Академии наук СССР. Поведаю о них словами самого Юрия Яковлевича. Разговор наш состоялся 24-го марта 1973 г. у Ю. Я. Перепёлкина дома. Среди прочего я сказал: «Игорь Владимирович (имелся в виду Виноградов), когда пришла диссертация Стучевского, был в расстроенных чувствах и вообще страстей наговорил».

— *Еще бы ему не быть в расстроенных чувствах, когда половина, нет, одна треть этой диссертации занимает ругань по его поводу и Берлева.*

— Так Игорь Владимирович рассказал, что и Коростовцев сидел, и Хильда Августовна (я имел в виду Кинг) сидела, и что Авдиев Струве снял с поста директора Института востоковедения.

— *Струве снял с директорствования не Авдиев, а Сталин, а что касается Авдиева, то он, по всей видимости, добился того, что Струве выгнали из Ученого совета.*

— А что Сталин имел против Струве? — поинтересовался я.

«*Ведь раньше,* — продолжил свой рассказ Юрий Яковлевич, — *когда был Василий Васильевич, центр Института востоковедения был не в Москве, а в Ленинграде. В Москве был филиал, который по традиции занимался новым Востоком, а в Ленин-*

---

[69] *Перепёлкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе // Советское востоковедение. VI. 1949. С. 302—311.

граде им не занимались. Собственно говоря, виноват в этом был не столько Василий Васильевич, поскольку он был лишь украшением Института, а руководили всем всякие ученые секретари. И я говорил Василию Васильевичу: "Ну зачем вы занимаете этот пост? Вы же не руководите Институтом. Что вам, денег не хватает семью содержать?" А он говорил: "Да". У Василия Васильевича была очень большая семья. Но когда стали разбираться, то все шишки посыпались на него, хотя он был виноват в том, что не занимался новым Востоком меньше других, но другие благодаря этому, наоборот, возвысились. А Авдиев уже, судя по всему, добился того, что Василия Васильевича выгнали из Ученого совета Института».

— Игорь Владимирович говорил, что Авдиев чуть ли не с Берией был знаком.

— Авдиева выдал его шофер. У него была своя машина, и шофер сообщил, что Авдиев ездил к Берии. После этого его вызвал Президент Академии наук Несмеянов — однокашник Авдиева по гимназии и показал ему целую кипу доносов, написанных на него Авдиевым. Авдиев спросил: «Что мне делать?» «Уходите», — сказал ему Несмеянов. И Авдиев ушел из Института востоковедения на заранее укрепленную, эшелонированную позицию в Московский университет. После этого академик Струве объединился с Гафуровым и они стали выступать против Авдиева, а Коростовцев[70]*, Кацнельсон и Петровский должны были отыскивать всякие ошибки у Авдиева, и вот только теперь Авдиева удалось с почетом отстранить от заведования кафедрой, разрешив 4-е издание его «Истории древнего Востока».*

С деятельностью Лауреата Сталинской премии, доктора исторических наук, профессора Всеволода Игоревича Авдиева (1898—1978) в качестве заместителя директора ИВ АН СССР связан переход Ю. Я. Перепёлкина в конце 1951 г. в Ленинградское отделение Института истории. Все было оформлено как перевод в ЛО ИИ с переменой темы исследования. Этого перевода (вновь под начальство академика В. В. Струве) Юрий Яковлевич добивался сам сразу после того, как его уведомили о желании профессора Авдиева писать в соавторстве с Ю. Я. Перепёлкиным.

Теперь начинается уже новая печальная страница жизни великого русского египтолога. *«За мою жизнь,* — с горечью говорил мне Юрий Яковлевич 6 сентября 1971 г., — *мне четыре раза приходилось отвлекаться на писание всяких историй».* Неискушенный в делах советской науки читатель, быть может, удивится, что работа над «Историями Древнего Египта» не причислена нами к событиям радостным. Поэтому стоит объяснить, что понуждение к совместному творчеству в рамках научного «колхоза» позволяло куда скорее увидеть Ю. Я. Перепёлкина соавтором, чем нескромные авдиевские домогательства «жить у него в Москве и вместе работать». Многотомные коллективные научные труды стоят сейчас на полках библиотек как памятники эпохи социалистического коллективизма. Но на их титульных листах коллективизм заметно тускнеет: там величаво красуются имена редактировавших академиков, а не рядовых бойцов научного форонта — реальных авторов. Конечно, редакторы часто тоже пишут какие-нибудь разделы или предисловия толщиной в пару журнальных статей, но на титульных листах они смотрятся творцами всего многотомья.

[70] М. А. Коростовцев был реабилитирован 3 января 1955 г. и уже 20 января вышел из лагеря.

В этом главным образом и состоит секрет неизбывной любви к коллективному научному творчеству.

Сделанное обобщение лишь отчасти относится к таким широко эрудированным и по-своему блестящим академикам, как В. В. Струве. Но и для Василия Васильевича существовали некоторые удобства в выработанной советским научным сообществом системе коллективного творчества. И у него были некие эгоистические мечтания, связанные с участием Юрия Яковлевича в работе над I томом «Всемирной истории».

«В свое время, когда я написал "Египет" для "Всемирной истории", — говорил мне 24 марта 1972 г. Ю. Я. Перепёлкин, — *то Василий Васильевич сказал: "Я думал, что вы возьмете то, что я доказал для Шумера и покажете это на египетском материале". Ну а я втискивать египетскую социальную историю в какие бы то ни было рамки не собирался»*. Начались драматические объяснения между членами редколлегии и строптивым автором, стремящимся к исторической истине. «Нам не нужна формальная логика», — заявляли ему ученые мужи. *«Ну раз не нужна логика, так не нужна»*, — разводил руками Юрий Яковлевич, вспоминая 6 сентября 1971 г. тогдашнюю конфликтную ситуацию. Похоже, что отголоском тех событий является характеристика Ю. Я. Перепёлкина, данная академиком В. В. Струве. «Голубчик, — говорил Василий Васильевич, обращаясь к Аристиду Ивановичу Доватуру[71], — ведь он же не от мира сего. Но это еще не самое страшное. Самое страшное, что сам-то он думает, что от мира сего».

В предисловии к I тому «Всемирной истории» мы читаем: «В главах по истории Египта, написанных Ю. Я. Перепёлкиным, редколлегия сочла нужным внести дополнение из части общих выводов некоторых частных характеристик»[72]. В ответ на эти дополнения Юрий Яковлевич заявил, что отказывается от авторства.

«Первый том вообще очень плохой, плохой не только с точки зрения египтологической, — говорил мне Ю. Я. Перепёлкин 6 сентября 1971 г. и добавлял: — *Ни в какие методологические ворота не лезет»*. Для него это было очевидно, ибо в 1956 г., когда I том вышел, Юрий Яковлевич уже знал, что за производственные отношения существовали в Египте во времена строительства великих пирамид.

7—8 декабря 1956 г. в Ленинграде проходила специальная научная сессия Академии наук СССР, посвященная столетию со дня рождения В. С. Голенищева — великого русского египтолога, чья коллекция египетских древностей легла в основу Музея изящных искусств, открытого в 1912 г. в Москве. Доклады, прочитанные на голенищевской сессии, составили основу сборника «Древний Египет», увидевшего свет через 4 года. В числе напечатанных в этом сборнике статей и замечательное исследование Ю. Я. Перепёлкина «О деньгах в древ-

---

[71] Доватур Аристид Иванович (1897—1982) — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии ЛГУ. С 1937 по 1947 г. находился в заключении. После освобождения проживал в Луге. С 1957 по 1971 г. заведовал кафедрой классической филологии в Ленинградском Государственном университете. После ухода с этой должности до конца жизни работал в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.

[72] Всемирная история. Т. I. М.: ГИПЛ, 1956. С. 14.

нейшем Египте». Оно датировано осенью 1956 г. и по сути дела является продолжением работы «Меновые отношения в староегипетском обществе»[73].

«На погребальных сооружениях Старого царства, — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *иногда бывает изображен обмен: показано, как египтяне равняют друг у друга вещи на съестные припасы и одни съестные припасы на другие. Некоторые из этих изображений уже не раз воспроизводились и обсуждались в печати, и существует мнение, что на них показана самая простая меновая торговля — мена предмета на предмет. В свое время я пытался показать, что это не всегда так, что изображенные в гробницах продавцы и покупатели пользуются иногда для оценки и оплаты также общим мерилом стоимости — зерном, что "ларчики", с которыми бывают изображены покупатели, представляют собой мерки с зерном»*[74].

В 1949 г. Ю. Я. Перепёлкину были известны всего лишь два возможных намека на существование денег в древнейшем Египте, включая оценку дома и данных за него вещей в каких-то *s'.t(j?)*[75]. К осени же 1956 г. Юрию Яковлевичу стала известна надпись, удостоверяющая употребление меди как средства обращения во времена Старого царства. Ее текст был опубликован в 1953 г. Эльмаром Эделем, а происходит она из гробницы *Mḥ-w(j)-ḫ.t(j)* в Гизе[76]. Эта говорящая о платеже медью надпись стояла особняком среди надписей собственно Старого царства. «*Но,* — как заметил Ю. Я. Перепёлкин, — *стоит лишь заглянуть за его границу, в смутную пору, непосредственно за ним последовавшую, как обнаружится целая вереница надписей, составляющих прямое продолжение этой староегипетской*»[77]. Письменные и изобразительные свидетельства, которые принялся изучать Юрий Яковлевич, происходили большей частью из гробниц в Дендере и содержали заверения о вознаграждении строителей. Исследуя вопрос, что подразумевали под «медью» в древней Дендере, Ю. Я. Перепёлкин не без основания предположил, «*что под "медью" там понимали всякую медь, в любом ее виде, будь то просто медь или медные вещи. Зерно было тоже прежде всего потребительской ценностью, но зерно же служило Старому царству мерилом стоимости и средством обращения*»[78]. Поэтому вывод, к которому приходил исследователь, был таков: «*При любом потребительском значении предметов из меди, они были прежде всего медью, ценным веществом, и в меди, как и в зерне, можно было оценивать, и медью, как и зерном, можно было оплачивать разные вещи*»[79].

---

[73] *Перепёлкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе... С. 302—311.

[74] *Перепёлкин Ю. Я.* О деньгах в древнейшем Египте // Древний Египет: Сборник статей. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. С. 162.

[75] *Перепёлкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе С. 304.

[76] *Edel E.* Inschriften des Alten Reishes, III // Mitteilungen des Instituts fus Orientforchung. Bd. I. Berlin, 1953. S. 328.

[77] *Перепёлкин Ю. Я.* О деньгах в древнейшем Египте... С. 164—165.

[78] Там же. С. 168.

[79] Там же.

9 августа 1960 г. в 10 часов утра в Актовом зале МГУ на Ленинских горах открыл свою работу XXV Международный конгресс востоковедов. Об идеологической и политической значимости Московского конгресса свидетельствовал хотя бы тот факт, что к его участникам с приветствием от правительства СССР обратился первый заместитель Председателя Совета Министров СССР А. И. Микоян. Президентом конгресса был бывший Первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана Б. Г. Гафуров, уже ставший членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Выступать на XXV Международном конгрессе востоковедов было вменено в обязанность и Юрию Яковлевичу Перепёлкину, который 12 августа 1960 г. на утреннем заседании выступил с докладом «"Дом шнау" в Старом царстве».

«*Памятники Старого царства, — говорил Ю. Я. Перепёлкин, — не раз упоминают хозяйственное учреждение "дом шнау" или просто шнау.*

Распространено мнение, что так назывались не только складочные помещения, но и нечто вроде римского ergastulum, т. е. место, где содержались и трудились рабы, особенно занятые в земледелии. Если это мнение правильно, то изучать "дом шнау" — первоочередная задача всякого, кто хочет донять старoегипетское производство. Только действительно ли "дом шнау" можно приравнять к ergastulum?»[80]

Приравнивание египетского «дом шнау» к латинскому ergastulum, конечно же, подыграло бы рабовладельческой концепции академика В. В. Струве, который хотел бы и в Египте Старого царства видеть достаточно широкое распространение рабства. Однако вывод, которым венчал свой доклад Юрий Яковлевич был прямо противоположным: «*Что словами "дом шнау", или шнау, обозначали склады — общеизвестно, так же как общеизвестно и то, что в местах, так обозначенных, могли, согласно гробничным изображениям, приготовляться еда и питье, преимущественно хлеб и пиво, а также изготовляться нужная для пива посуда. Задача моего доклада состоит в том, чтобы напомнить и отчетливее очертить эти значения "дома шнау" и показать, что других значений он, видимо, не имел и что считать его ergastulum для рабов вообще, в особенности же для занятых в земледелии нет оснований*»[81].

Сейчас, по прошествии 38 лет со времени, когда Ю. Я. Перепёлкин читал свой доклад, совершенно ясно, что в нем частично излагается содержание § 26 «Заповедники» книги «Хозяйство старoегипетских вельмож», которая увидела свет через 6 лет после смерти ее автора, да и то без заключения, содержащего основные выводы. Несомненно, что в своем докладе на XII Международном конгрессе востоковедов Юрий Яковлевич в скрытой форме полемизировал с В. В. Струве. Текст же § 26 показывает нам и явное раздумье над взглядами Василия Васильевича. В § 26 Ю. Я. Перепёлкин пишет: «*Высказанное мне раз в беседе академиком В. В. Струве предположение, что вельможеский дом-заповедник кормил подневольных работников, занятых в хозяйстве сановника, я не могу подтвер-*

---

[80] *Перепёлкин Ю. Я.* «Дом шнау» в Старом царстве // Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960. Т. I: Общая часть, заседания секций I—V. М., 1962. С. 138.

[81] Там же. С. 142.

дить прямыми свидетельствами времени Старого царства, хотя для Среднего таковые имеются»[82]. Ясно, что, начав после войны по заданию руководства Института востоковедения Академии наук СССР изучать производственные отношения в Египте времен Старого царства, Юрий Яковлевич стал все более и более критически относиться к рабовладельческой теории В. В. Струве, также как когда-то, работая в Институте книги, документа и письма, он осознал ложность феодальной концепции, наиболее страстным приверженцем которой до поры до времени оставался И. М. Лурье.

Могло ли понравиться это Василию Васильевичу? Разумеется, нет. И поэтому можно не сомневаться, что в напечатании работ Ю. Я. Перепёлкина о вельможеских хозяйствах Старого царства он нисколько не был заинтересован. Шли годы. Рукописи лежали без движения, но время безжалостно ко всем. 15 сентября 1965 г. около полуночи академик Василий Васильевич Струве скончался на семьдесят седьмом году жизни.

Понадобилось немногим более года после смерти В. В. Струве, и к печати была подписана «Частная собственность в представлении египтян Старого царства» — фундаментальное исследование Ю. Я. Перепёлкина, заслуга издания которого всецело принадлежит чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. «*Старое царство в Египте, оставившее каменные громады пирамид и отстоящее от наших дней на четыре — четыре с половиной тысячелетия,* — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *представляет в его хозяйственной жизни древнейшую пору, доступную разностороннему изучению. В этой книге, служащей как бы вступлением к большому исследованию о производственных отношениях Старого царства, внимание сосредоточено на одном вопросе: представлении о частной собственности, существовавшем в этом древнейшем государстве... В основу изысканий, изложенных в данной работе, легли надписи почти неизменно времени V—VI царских домов — на скалах, в жилищах, в храмах, главным же образом в гробницах больших и малых должностных лиц, хотя отправною точкою, как это ни странно, служат заклинания внутри пирамид фараонов»*[83].

Заупокойные заклинания, начертанные внутри пирамид последнего царя V царского дома Унноса, и четырех царей VI царского дома: Атоте, Ми-рэ Пйопе I, Ме-не-рэ Ментесуфа I и Нефр-ке-рэ Пйопе II дали Ю. Я. Перепёлкину исходный материал для вывода, что «*действительная принадлежность чего-либо или кого-либо тому или иному лицу может быть выражена путем приурочения или отнесения к его плоти, к его самости даже тогда, когда относимое не является непосредственной частью ее по местонахождению или происхождению*»[84]. Египетское слово «плоть» и использовалось древнейшими обитателями Нильской долины для выражения в их языке отношений собственности[85].

---

[82] *Перепёлкин Ю. Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука, 1988. С. 227—228.

[83] *Перепёлкин Ю. Я.* Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. Вып. 16. М.; Л.: Наука, 1966. С. 3.

[84] Там же. С. 9.

[85] Этот вывод представляет для исторической науки особый интерес, ибо есть веские основания полагать, что еще до возникновения личных местоимений древнейшими словами в языке, обозначавшими говорящего, могли быть указания на его тело. В пси-

В 1962 г., т. е. за четыре года до публикации исследования Ю. Я. Перепёлкина, Р. Антес напечатал статью, в которой истолковал пирамидное слово *ḏ.t*, значащее по словарю *«плоть»*, как обозначение *«змеи»*, *«змеиного тела»*[86]. И хотя понимание, предложенное в этой статье, по справедливому замечанию Ю. Я. Перепёлкина, трудно было предпочесть значению, данному в словаре, за ученым оставалась заслуга сближения словарных статей *ḏ.t «змея»* и *«плоть»*. Для того, чтобы оценить важность такого сближения, следовало лишь повернуть порядок сближения и не *ḏ.t «плоть»* подводить под слово *«змея»*, но наоборот — *ḏ.t «змея»* подводить под *«плоть»*, что и сделал Ю. Я. Перепёлкин. *«Но что такое змея, как не голое "туловище" без конечностей, почему слову "туловище" было не стать одним из обозначений змеи?»* — спрашивал Ю. Я. Перепёлкин и отвечал: — *В письме изобразить «туловище» лучше, чем знаком змеи, природного голого "туловища", было не так уж просто... Туловище — основа тела, оно само, без придатков — как нельзя лучше выражало понятие самости. Что относится к туловищу такого-то, то относится к нему самому. Относиться к нему самому могут близкие, приближенные, служители, слуги, работники, но в равной мере также животные, земли, строения, вещи, собственность в употребительном смысле слова. А то, что принадлежит самому лицу, противостоит как частное тому, что принадлежит государству»*[87]. Этот замечательный по своей простоте вывод, венчающий исследование Ю. Я. Перепёлкина, был сделан на основе огромного фактического материала, включающего в себя все дошедшие до нас случаи употребления староегипетского *ḏ.t*.

М. А. Коростовцев, откликнувшийся на выход в свет книги своего учителя обстоятельной рецензией в журнале «Вестник древней истории» (1967, № 4), писал: *«Рецензируемый труд крупнейшего советского египтолога представляет собой вполне законченное исследование. Вместе с тем оно является первой частью более обширного, еще не изданного исследования этого же автора о производственных отношениях Старого царства. Вряд ли нужно распространяться о необходимости и своевременности капитальной разработки этой обширной темы. Этот труд будет первым в мировой литературе комплексным исследованиям социально-экономических отношений в эпоху Старого царства, т. е. древнейшего классового общества в Египте. Поэтому оно представляет огромный принципиальный интерес для всех историков древнего Востока и вообще древнейших классовых обществ»*[88].

Написав в 1967 г. эти замечательные слова, (будущий академик) М. А. Коростовцев

хике ребенка на начальных этапах ее развития личному местоимению «я» предшествует осознание своего тела (как бы отражение его в зеркале). См.: *Иванов Вяч. Вс.* Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978. С. 135.

[86] *Anthes R.* Der Gebrauch des Wortes dt «Schlange», «Schlangenleib» in den Pyramidentexten. // Древний мир. М.: Изд. вост. литературы, 1962. С. 32—49.

[87] *Перепёлкин Ю. Я.* Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. Вып. 16(79). М.; Л.: Наука, 1966. С. 121.

[88] *Коростовцев М. А.* Рец. на статью: Перепёлкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства. М.; Л., 1966 // Вестник древней истории. 1967. № 4. С. 158.

был, конечно же, прав, но лишь в идеале. Сейчас, по прошествии 30 с лишним лет, более всего поражаешься тому, что отечественным историкам древности, занимавшимся прежде всего «соцэком», не было никакого дела до тех реальных производственных отношений, которые существовали в Египте Старого царства. А то, что эти реальные, а не мифические производственные отношения, были изучены Ю. Я. Перепёлкиным, скорее пугало. И не столько потому, что его открытия подрывали устои советской исторической науки (чего стоила преданность «устоям», показал 1991 год), а скорее потому, что первооткрывателя староегипетских производственных отношений по неумолимой логике вещей пришлось бы ставить в один ряд с Люисом Генри Морганом, открывшим первобытное общество, или с автором «Капитала», описавшим политическую экономию капитализма. Сама мысль об этом настолько травмировала парторгов нашей древневосточной науки, что еще в 70-е годы заставляла их намекать на толстые обстоятельства: мол, в ЦК КПСС против публикации.

Как уже было сказано, «Частная собственность в представлении египтян Старого царства» служила введением к исследованию Ю. Я. Перепёлкина о вельможеских хозяйствах Старого царства. Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская, своей властью напечатавшая этот выдающийся труд в 16-м выпуске «Палестинского сборника», намеревалась в дальнейшем отвести еще один выпуск вверенного ей повременного издания для публикации основной части изысканий Ю. Я. Перепёлкина о староегипетском способе хозяйствования. Но 17 февраля 1970 года Н. В. Пигулевская ушла из жизни, и вместе с ней была похоронена надежда на выделение еще одного «Палестинского сборника» для напечатания труда великого русского египтолога целиком. В начале 80-х годов Ю. Я. Перепёлкин подготовил свою работу к изданию в Главной редакции восточной литературы издательства «Наука». При этом ему пришлось в первых параграфах вновь излагать основные положения «Частной собственности в представлении египтян Старого царства», т. к. без этого в отдельной книге дальнейшее изложение было бы не вполне вразумительно для тех, кто не читал 16-го выпуска «Палестинского сборника». Вместе с тем Ю. Я. Перепёлкин был вынужден сокращать объем своего исследования, ибо советская власть воспрещала в ту пору (за редкими исключениями) печатать научные труды, размер коих превышал 20 авторских листов. К началу 1982 года «Хозяйство староегипетских вельмож» было полностью подготовлено к изданию.

В параграфах 1—4 Ю. Я. Перепёлкин знакомил непосвященного читателя с существом староегипетских представлений о собственности: ***джт*** — не заупокойное имение, ***джт*** — вообще не земельная собственность, ***джт*** противопоставлено государственному, как противоположная ему личная собственность. В то же время в частных надписях встречаются и такие употребления ***джт***, *«которые не служат непосредственно для выражения отношений собственности, а ограничиваются указанием принадлежности более общего порядка в смысле назначения, пользования, посвящения, т. е. указанием связи лично с тем или иным человеком»*[89].

Изложенное в 1—4 параграфах прямым образом касалось основного вопроса данного исследования: кто работал на староегипетских вельмож? Однако, чтобы решить эту чрезвычайно важную для всей социально-экономической истории человечества проблему,

[89] *Перепёлкин Ю. Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука, 1988. С. 32.

Ю. Я. Перепёлкин считал необходимым прежде всего взглянуть на староегипетское общество глазами самих древних египтян, ибо наша наука по преимуществу втискивала Египет, Шумер, Вавилонию и Ассирию в прокрустово ложе современных ей социологических представлений. Тем самым «Хозяйство староегипетских вельмож», как и все остальные работы Ю. Я. Перепёлкипа, оказывалось прежде всего исследованием тех представлений, которые существовали у древних обитателей Нильской долины об их собственном обществе. Именно глубоким проникновением в духовный мир древних египтян удалось великому русскому египтологу приподнять ту плотную завесу тайны, которая скрывала от людей XX века общество Старого царства и которую его предшественники и современники не могли убрать с помощью правовых, летописных, жизнеописательных и счетных источников.

«*Не из них,* — писал Ю. Я. Перепёлкин, — *встают во всем огромном производственном значении корабельные ватаги вельмож, а из источников совсем иного рода — из надписанных изображений на стенах гробниц. Сосредоточив свое внимание прежде всего и преимущественно на этих изображениях, мы будем привлекать по мере надобности и другие источники, в частности такие неожиданные, как заклинания, начертанные в царских пирамидах. Пусть приукрашенным и приумноженным предстает на гробничных изображениях хозяйство вельможи, но они отображают не что иное, как то хозяйство, что было у него при жизни. Глядя на изображенные сельскохозяйственные и ремесленные работы, сановный покойник, по египетским воззрениям, на деле переживал изображенное, таинственно воскрешал для себя то, что имел и что получал когда-то*»[90].

В § 5 книги «Хозяйство староегипетских вельмож» Ю. Я. Перепёлкину пришлось вновь излагать содержание первой половины второй главы «*d.t* самостоятельное» из «Частной собственности в представлении египтян Старого царства»[91]. Ведь собранные там примеры доказывали, что отношение к «плоти» выражало принадлежность. «*Однако из приложения подобного определения к людям,* — подчеркивал Юрий Яковлевич, — *еще не следовало, что их принадлежность была принадлежностью рабскою*»[92]. Рабству в «Хозяйстве староегипетоких вельмож» были посвящены §§ 6—11, которым Ю. Я. Перепёлкин предпосылал следующие слова: «*Раб в обычном понимании слова — это человек без средств производства, принадлежащий, что вещь, хозяину и работающий по принуждению. Знало ли Старое царство такое рабство? Прежде всего хорошо будет выяснить, соответствовало ли что в староегипетском языке русскому слову "раб" в указанном понимании. На сопоставление напрашиваются два слова:* ***хъм*** *и* ***б'к****, посмотрим, по праву ли?*»[93]. Анализируя все известные случаи словоупотребления, Ю. Я. Перепёлкин приходил к выводу, что староегипетское существительное ***б'к*** было ближе к русскому «раб» в точном его смысле, нежели слово ***хъм*** в его староегипетском употреблении. И все-таки наличные примеры казались Юрию Яковлевичу недостаточными для точного

[90] Там же. С. 5.

[91] *Перепёлкин Ю. Я.* Частная собственность в представлении египтян Старого царства... С. 57—75.

[92] *Перепёлкин Ю. Я.* Хозяйство староегипетских вельмож... С. 33.

[93] Там же. С. 53.

выяснения различий между словами ***хъм*** и ***б'к*** в староегипетском языке. «*Это тем досаднее, — писал он, — что и слово* ***б'к****, как можно было убедиться на ряде примеров, не исчерпывается в своем значении понятием "раб", хотя и больше приспособлено для выражения его, чем староегипетское* ***хъм****. Очевидно, по одним засвидетельствованным случаям употребления* ***хъм*** *и* ***б'к*** *нам не установить с достоверностью их смысл в Старом царстве, и проясниться он может, только если удастся иными путями разобраться в положении подневольных людей вообще в те времена.* ***Удобства ради*** *мы будем впредь передавать условно* ***хъм*** *как "слуга", а* ***б'к*** *как "раб"»*[94].

Ю. Я. Перепёлкиным были также изучены упоминания неких ***хтв***, подневольных «последователей», о которых мы узнаем из письма на тот свет, которое написали умершему его вдова с сыном, прося защиты от обидчиков. Не обошел Юрий Яковлевич вниманием и проблемы долгового рабства, а также иноплеменных невольников. Наконец, в § 11 он исследует положение «купленников» — ***йсвв***, о которых впервые писал в «Меновых отношениях в староегипетском обществе»[95]. Однако отнюдь не этот исторический материал давал ему ключ к разгадке староегипетского способа хозяйствования.

«*Для выяснения отношения к производственному труду в Старом царстве и тем самым положения в нем производителей, — писал Ю. Я. Перепёлкин, — существенное значение имеют данные о непосредственном участии в ремесленном и сельскохозяйственном производстве наряду с людьми подневольными и людей, таковыми явно не являвшихся. Данные эти касаются преимущественно заупокойных жрецов — "слуг двойника" — и поучительны особенно потому, что хозяйственное и правовое положение заупокойных жрецов на службе у вельмож, в личном хозяйстве которых они, выходит, также участвовали, нам хорошо известно. Обязаны мы этим завещаниям или распоряжениям вельмож касательно своего заупокойного жречества, увековеченным ими на стенах своих усыпальниц»*[96].

Коль скоро сама логика изложения научных открытий Ю. Я. Перепёлкина подвела нас к вопросу о хозяйственном и правовом положении «слуг двойника», т. е. заупокойных жрецов, уместно будет сказать, что именно Юрием Яковлевичем была разгадана сущность староегипетских представлений о двойниках. Я посвятил этим его открытиям в своей книге всю вторую главу, которая называется «Психофизиологические основы древнейших представлений о душе — открытия Ю. Я. Перепёлкина»[97]. К ней и отсылаю заинтересованного читателя.

Сейчас же для нас важнее обратить внимание на то, что заупокойные жрецы староегипетских вельмож, их «слуги двойника» менее всего походили на подневольных людей. «*Они, — писал Ю. Я. Перепёлкин, — правят заупокойную службу "владыке" отнюдь не даром, в порядке повинности, а за весьма ощутительное обеспечение, и состав этого обеспечения таков, что "слуг двойника" самих надо отнести к угнетателям подневольного населения. Свою службу они правят не только* ***за землю*** *и всякие "вещи", но и за людей, предоставленных им тем же вельможей. И эти люди настолько обще-*

---

[94] Там же. С. 69.

[95] *Перепёлкин Ю. Я.* Меновые отношения в староегипетском обществе... С. 306.

[96] *Перепёлкин Ю. Я.* Хозяйство староегипетских вельмож. М.: Наука, 1988. С. 89.

[97] *Вассоевич А. Л.* Духовный мир народов классического Востока... С. 162—189.

ственно принижены и настолько во власти "слуг двойника", что у вельможного хозяина неизменно возникает опасение, как бы его заупокойные жрецы не продали выделенных им людей или не передали кому вздумается по завещанию. Если "слуги двойника" зависели от вельможи хозяйственно, поскольку пашня, люди, "всякие вещи" передавались им не в собственность, а в условное владение — с условием правления заупокойной службы, то в правовом отношении они противостояли вельможе как равные равному, как вольные правомочные сограждане. Все, что может предпринять против них вельможа в случае оставления ими службы или покушения на обеспечения сотоварища, чисто хозяйственные мероприятия — лишение выданного под службу обеспечения. При продаже чего-нибудь из выданного имущества вельможа грозит своим жрецам судом — только в государственном присутствии в "месте, где судят"»[98].

Этот вывод Юрия Яковлевича, конечно же, доставлял огорчение тем, кто хотел видеть в «рабах двойника» прежде всего такой персонал работников, занятых производством жертвенных даров, основную часть которого составляли бы рабы. В действительности же «слуги двойника» были вольны покинуть «двор двойника», они не были подневольными людьми покойного вельможи. Единственное давление, которое можно было на них оказать, чисто хозяйственного порядка. О внехозяйственном (внеэкономическом) принуждении, о насильственном закреплении заупокойных жрецов за их службою источники ничего не сообщают.

Не считал совершенно праздным Ю. Я. Перепёлкин также вопрос о применении в староегипетском вельможеском хозяйстве наряду с подневольным трудом труда наемного. *«Меновые отношения в староегипетском обществе были достаточно сложны и развиты, — пишет он в § 13, — и потому Старое царство могло знать применение наемного труда. Зерну тогда принадлежало особое место в обмене как единообразному оценочному и покупательному средству, так что зерном могли удобно производиться любые расчеты с наемниками»*[99]. К тому же *«пользоваться рабочей силой, обязанной выполнять работу в принудительном порядке, и рассматривать довольствие как плату за нее было тогда в обычае»*[100], — заключал Ю. Я. Перепёлкин далее. Но, конечно, в Египте Старого царства наемный труд использовался по сравнению с принудительным в очень скромных размерах.

«Из всего того, что помогает понять староегипетское общество, мало что так важно, как известия о корабельщиках, — пишет Ю. Я. Перепёлкин, предваряя § 18 своей книги. — Это может показаться странным. Пусть суда много значили для египетского хозяйства, но как из всего трудового населения выдвигать на первое место корабельщиков? И все-таки так поступить правильно затем, что староегипетские корабельщики вовсе не были просто корабельщиками»[101].

Начиная с § 18 по § 24 Юрий Яковлевич знакомит читателей своей посмертно изданной книги сперва с вельможескими, а затем с царскими корабельщиками. Он начинает с вельможеских, ибо вельможеское хозяйство определяло лицо тогдашнего производства.

---

[98] *Перепёлкин Ю. Я.* Хозяйство староегипетских вельмож... С. 91—92.
[99] Там же. С. 112.
[100] Там же. С. 120.
[101] Там же. С. 165.

Собирательным обозначением для личного состава на частновладельческом судне было слово ***йзт***, которое Ю. Я. Перепёлкин по-русски переводил как «(корабельная) ватага». *«Не будучи закреплены ни за каким местом деятельности на суше,* — писал он в § 23, — *судовые ватаги использовались там, где была нужна значительная рабочая сила, прежде всего на полевых работах. Подобное использование судовых ватаг было настолько привычным и закономерным, что определяло прямым образом лицо староегипетского вельможеского хозяйства. При разбросанности вельможеских владений по всему Египту (см. § 14—17), при постоянных перевозках и доставках из одного места в другое, осуществлявшихся по реке, судовых ватаг было много, и они представляли огромную рабочую силу, притом легко перебрасываемую по той же воде на собственных же судах из одной местности в другую. Совокупность судовых ватаг обозначалась словом* ***чзт*** *"соединение"»*[102]. Вместе с тем Юрий Яковлевич смог доказать, что *«корабельные ватаги не могли работать на поле иначе, как только с, помощью рабочего скота хозяина»*[103], что *«рабочий скот и сохи были не пахарей, а вельможи»*[104]. Более того: *«Ватаги, их начальство, обслуживающие ватаги рыболовы составляют единое хозяйственное целое, и включение в него рыбаков — поставщиков пищи — доказывает, что кормление ватаг хозяйством было предусмотрено самим его строением, было для него законом»*[105].

Ю. Я. Перепёлкину удалось также постичь, как трудились в староегипетских мастерских, и помощь в постижении того, что в них происходило более четырех тысяч лет тому назад, оказала все та же группа источников: изображения и надписи в вельможеских гробницах. *«Даже крупным сановникам,* — рассказывал мне Юрий Яковлевич 14 августа 1975 г., — *хотя они и делали робкие поползновения приобщиться хоть в какой-то степени к фараоновскому величию, приходилось рассчитывать на то, чтобы жить в своей гробнице, когда они выйдут из ложной двери. Поэтому изображения в гробнице все помещены относительно ложной двери. Что касается склепа, то там первоначально изображения помещать боялись, как бы они чего там не натворили. Но затем египтяне осмелели и стали помещать их там, чтобы умерший при помощи глаз, которые изображены на саркофаге, мог видеть их. Поэтому почти все египетские надписи в гробницах начинаются со слова* ***м''*** *"видение". Надо сказать,* — добавил во время того нашего разговора Ю. Я. Перепёлкин, — *что египтяне были намного умнее наших египтологов, которые думают, что все эти фигурки, которые помещены в гробницах, начнут вдруг двигаться и работать. Для египтян просто само ощущение отождествлялось с действительностью».* Гениальность Ю. Я. Перепёлкина как исследователя в том-то и заключалась, что он через четыре с лишним тысячелетия смог посмотреть на изображения староегипетских гробниц как бы глазами древнего египтянина. Своего рода окаменелое староегипетское кино для него ожило, а надписи-«титры», содержащие, помимо обозначений должностных лиц, еще и их разговоры и возгласы, сделали это староегипетское кино для него

[102] Там же. С. 184.
[103] Там же. С. 187.
[104] Там же. С. 186.
[105] Там же. С. 189.

«звучащим». К сожалению, гениальность у нас чаще всего рождает не восторг благодарных современников, а лютую зависть, которая преследует великого человека какое-то время даже после смерти. Мало того, что «Хозяйство староегипетских вельмож» вышло в свет лишь через 6 лет после смерти автора, так ответственный редактор еще и изъял из текста книги заключение, содержащее выводы формационного характера. Он счел целесообразным просто оборвать книгу на § 33, но зато сочинить предисловие «От редактора» с набором дежурных марксистских фраз типа: «Со своей стороны, отношения собственности влияют на развитие средств производства, и так далее без конца в соответствии с законами материалистической диалектики» или «В архиве Ю. Я. Перепёлкина сохранились выписки из большого числа работ классиков марксизма...»[106]. (Здесь уместно будет сказать, что при жизни Юрий Яковлевич в вере Христовой был тверд и ни одну из своих книг и статей цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина не украсил). «От редактора» также сообщалось, что «Ю. Я. Перепёлкин не оставил заключения в окончательно отработанном виде»[107].

Но Евангелие говорит нам: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу» (От Марка, 4, 22). Отксерокопировав для этого издания перепёлкинскую «Историю Древнего Египта», Н. К. Герасимов передал ее мне. Мы стали проверять в рукописи наличие всех страниц. И вдруг среди них оказался краткий вариант заключения[108] к «Хозяйству староегипетских вельмож», да еще не больше не меньше переписанный рукой ответственного редактора, ныне уже покойного). Тогда Н. К. Герасимов начал в архиве поиск того же текста, но уже написанного рукой самого Юрия Яковлевича. По счастью, его тоже удалось обнаружить. Вот этот исключительно важный для мировой исторической науки текст:

«ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За недостаточностью источников многое остается невыясненным в староегипетском вельможеском хозяйстве, но одно и притом главное представляется ясным. Вельможи использовали труд населения подвластных им деревень двояким образом для работы со средствами производства, ему не принадлежавшими. С одной стороны, они набирали молодых мужчин на свои многочисленные суда, поддерживавшие связь с разбросанными по стране вельможескими владениями, и пользовались корабельными ватагами (командами) как основною рабочей силою для тяжелых работ и — что особенно существенно — для пахоты, жатвы, увоза и обмолота урожая[109]. С другой

---

[106] Там же. С. 3—4.

[107] Там же.

[108] Из бесед с Ю. Я. Перепёлкиным сложилось у меня убеждение, что к 1982 г. он успел написать и пространное заключение к работе о вельможеских хозяйствах Старого царства. Только где оно?

[109] **«И на гробах времени, последовавшего за Старым царством, встречаются места, прямо говорящие о наборе дружины для корабля: "Я — постоянно набирающий (*ср*) дружину корабля его" (De Buck, Coffin textes, I 325), "я — набирающий головы (*тп.в*) корабля его" (De Buck, Coffin textes, I 1a 325)»** (Примеч. Ю. Я. Перепёлкина).

стороны, вельможи набирали мужчин и женщин в свои производственные заведения; пищевые, ткацкие, камнедельческие, дереводельческие, медеобрабатывающие и златокузнечные. И корабельные ватаги, и ремесленники работали не со своими, а с хозяйскими средствами производства, и получали довольствие из вельможеского хозяйства. Корабельные ватаги и ремесленники производственных заведений определяли лицо вельможеского хозяйства. Это, конечно, нисколько не исключает использование также труда населения в тех или иных отраслях производства или в тех или иных случаях.

После Старого царства областной князь говорит: *"Не брал я вас на суда, не брал я (никогда) дочерей ваших в дома".*

Такое же строение может быть, хотя далеко не так отчетливо, прослежено в царском государственном хозяйстве, но за ограниченностью объема книги от описания его пришлось отказаться.

Как же назвать тот способ хозяйствования, что мы находим в египетском Старом царстве? Это не рабовладение, потому что использовались люди из подвластных селений, но также и не крепостные, потому что они работали не со своими средствами производства и, работая, находились на содержании хозяйств, принуждавших их работать. Сами староегипетские надписи подсказывают нам, как назвать современный им вид хозяйствования. В этих надписях не раз употребляется глагол *ср* "набирать", применяемый к набору работников, а те, кто осуществляет набор, сановники, по-египетски обозначаются словом *ср* "сановник". Что если назвать вельмож "изъемщиками", а изымаемых ими людей "изъемными"? В античной и азиатской древности экспроприировались не столько средства производства, сколько личность работника».

Это впервые публикуемое краткое заключение к «Хозяйству староегипетских вельмож» поможет читателям перепёлкинской «Истории Древнего Египта» совершенно по-иному воспринять разделы, посвященные Раннему, Старому и, отчасти, Среднему царствам. Ю. Я. Перепёлкин писал свою историю, прекрасно осознавая особенности не только староегипетского, но и новоегипетского способов хозяйствования, однако не мог обнародовать результаты своих открытий без должной системы доказательств, которые содержались в его книгах, в ту пору еще не изданных. Вспоминаю, как 27 января 1975 г. я спросил: «Юрий Яковлевич, а у вас никаких хороших известий от издательства нет?»

— *Нет, и думаю, что все может еще более осложниться, так как я только что получил грозное послание от Михаила Александровича.*

— Ну и что же он пишет?

— *Что я должен сообщить, что же за строй был в Египте: рабовладельческий, феодальный или азиатский способ производства? Либо, если я не знаю, то редакция отмежевывается.*

В тот же день, подходя к магазину «Искусство», в который мы решили зайти, я спросил Перепёлкина: «Юрий Яковлевич, а что вы ответили Коростовцеву?»

— *Я написал ему, что его письмо вызывает у меня недоумение, так как Михаилу Александровичу лучше других известно, что я установил, какие производственные отношения были в Египте для Старого царства, и что, если это их интересует, можно было за 20 лет издать мою работу.*

— Ну и что же на это ответил Михаил Александрович?

— *Пока что я не получил от него ответа. Очевидно, он еще не знает, что ответить на такую дерзость.*

Та «История Древнего Египта», которая способна доставлять равное удовольствие и просто интересующемуся, и египтологу-профессионалу высшего класса, самому Ю. Я. Перепёлкину принесла лишь огорчения. «*Мне в течение пяти лет вообще запрещали чем бы то ни было заниматься,* — говорил мне Юрий Яковлевич 24 марта 1973 г., — *считая, что я должен писать только для "Истории древнего Востока"*».

— А отказаться от нее никак было нельзя?

— *Вы думаете я не отказывался? Но мне сказали: «Или пишите сами, либо редактируйте». А как я буду редактировать, когда у одного будет рабовладение, у другого феодализм, у третьего еще что-нибудь. Потом мне говорили: «Только пишите, мы у вас ничего менять не будем». Говорили, что никакие формации их вообще не интересуют, лишь бы было интересно читать, а тут оказывается, что я даже огласовки своей давать не могу. Коростовцев сказал: «Это слишком произвольно и тенденциозно». А Дьяконов требовал, чтобы я огласовку давал по клинописи. Так что два редактора высказались против. Кроме этого, Борису Борисовичу не нравится такая огласовка.*

— А почему?

— *Да потому, что они сами так огласовывать не могут, так как для этого надо знать и коптский, и греческий. Но за коптской огласовкой будущее, потому что ведь это египетская огласовка, потом поздняя, так что она преемница всех эпох и, наконец, именно так огласовывал тексты Манефон. Почему же нам не следовать примеру Отца египетской истории?!*»

Хотя передача египетских имен собственных на клинописный лад была Ю. Я. Перепёлкину навязана М. А. Коростовцевым по совету И. М. Дьяконова, не следует думать, что сегодня, издавая перепёлкинскую «Историю Древнего Египта» мы вправе заменить эти передачи египетских имен передачами на коптский лад[110]. Та работа, которую под давлением редакторов проделал Юрий Яковлевич, имеет огромное значение для египетской филологии, ибо знакомит нас с тем, как звучали многие египетские имена в XIV в. до н. э., когда разговорным языком уже был новоегипетский. По-новоегипетски когда-то произносились имена и более древней поры. Но совершенно немыслимо огласовывать позднеегипетские имена на более древний новоегипетский лад, ибо так их никогда не произносили. Поэтому Ю. Я. Перепёлкин совершенно справедливо огласовывал их на позднеегипетский лад (тоже

[110] Напомним, что после смерти М. А. Коростовцева в 1980 г. и Ю. Я. Перепёлкина в 1982 г. редколлегия «Истории древнего Востока» решила заменить систему передачи египетских имен собственных на клинописный лад отсутствием какой бы то ни было системы вообще: «...редакция настоящего издания сочла целесообразным придерживаться традиционной, «экающей» для советской египтологической науки передачи египетских имен собственных и географических названий». (История древнего Востока. Ч. 2: Зарождение древнейших классовых обществ и первые шаги рабовладельческой цивилизации. М.: Наука, 1988. С. 294. Перепёлкинские главы, посвященные позднему Египту, в этом издании так и не были опубликованы.)

очень ценно для специалистов!), но в результате для читателя имя одного и того же бога в первых главах звучало как Амана, а в последних Амуну. Именно поэтому, издавая полный текст «Истории Древнего Египта» Ю. Я. Перепёлкина, мы сочли целесообразным, сохраняя в первых главах передачу на новоегипетский, а в последних на позднеегипетский лад, рядом в скобках давать коптскую огласовку египетских имен собственных — ту огласовку, которой так дорожил Юрий Яковлевич. Об этом свидетельствует письмо Ю. Я. Перепёлкина Т. Н. Савельевой, которое показывает также всю сложность взаимоотношений Юрия Яковлевича с редакторами трехтомной «Истории древнего Востока», для которой он свою «Историю Древнего Египта» и писал.

«18 мая 1974 г.

Глубокоуважаемая Татьяна Николаевна!

Благодарю Вас за внимание и присылку книжечки с резюме докладов на XXIX конгрессе востоковедов, которую мне вчера передал Евгений Степанович. Меня очень удивило, что я не нашел там резюмэ Вашего сообщения!

Мне говорили, что Игорь Михайлович внес какие-то не то дополнения, не то изменения в библиографию к моим главам для "Истории древнего Востока". Игорю Михайловичу казалось, что в ней слишком много старых книг. Ну, а мне так представляется, что для меня она просто оскорбительна, поскольку было запрещено включать в нее издания текстов без переводов. Можно подумать, что я могу пользоваться только переводами и без них не могу и шагу сделать. Счастлив, что, наконец, отделался от передачи египетских имен на клинописный лад, которую мне навязали для "Истории древнего Востока", и пишу имена снова на коптский лад — в своих задержавшихся из-за сей "Истории" книгах, сдачей которых я сейчас занят. Я настолько "возненавидел" ту передачу, что даже сокращения новоегипетских имен теперь больше не "кунеизирую" а "коптизирую" ("Эйе" вместо "Айа", "Кэйе" вместо "Кийа" и т.д.)

Уважающий Вас Ю. Перепёлкин».

Приведенное письмо весьма ценно в том отношении, что объясняет нам, почему еще в I части «Переворота Амен-хотпа IV» и в «Тайне золотого гроба»[111] Юрий Яковлевич писал «Кийа», но вышедшую в свет в 1979 г. книгу назвал уже «Кэйе и Семнех-ке-рэ»[112]. В I части «Переворота Амен-хотпа IV» (в предисловии) Ю. Я. Перепёлкин указывал: *«По поводу имен частных лиц достаточно будет заметить, что там, где это было можно, они прочтены на коптский лад. Однако сокращения имен, бытовавшие в Новом царстве, переданы по возможности так, как их передавала современная им клинопись»*[113]. Позднее редакторское насилие вызвало в Юрии Яковлевиче реакцию протеста и он отказался от передачи даже сокращений имен на клинописный лад, что сделало разработанную им систему коптской огласовки более последовательной.

---

[111] *Перепёлкин Ю. Я.* Тайна золотого гроба. Изд. 2-е. М.: Наука, 1969. — 173 с.

[112] *Перепёлкин Ю. Я.* Кэйе и Семнех-ке-рэ: К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. М.: Наука, 1979. — 310 с.

[113] *Перепёлкин Ю. Я.* Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. Ки. I и II. М.: Наука, 1967. С. 6.

Важнейшим делом своей жизни Ю. Я. Перепёлкин считал всестороннее изучение солнцепоклоннического переворота, произошедшего в Египте в XIV веке до н. э. При жизни Юрия Яковлевича вышла лишь первая часть «Переворота Амен-хотпа IV», которая содержит четыре книги: «*Видоизменения титла солнца*», «*Видоизменения титла фараона*», «*Титла семьи фараона*», «*Изменения в письме и словаре*». На основании изменений, происходивших в языке надписей солнцепоклоннического времени, Ю. Я. Перепёлкин разработал уникальную методику распределения письменных памятников по годам царствования Амен-хотпа IV. Благодаря Ю. Я. Перепёлкину многие солнцепоклоннические надписи можно датировать теперь с точностью до нескольких месяцев — случай в египтологии совершенно удивительный, ибо частенько колебания в датировках египетских письменных памятников достигают нескольких столетий[114].

М. А. Коростовцев откликнулся на выход первой части «Переворота Амен-хотпа IV» статьей «Юрий Яковлевич Перепёлкин», напечатанной в журнале «Народы Азии и Африки» (1967, № 3). Статья начиналась так: «В начале 1967 г. Главная редакция восточной литературы издательства "Наука" выпустила в свет первый том исследования Ю. Я. Перепёлкина "Переворот Амен-хотпа IV". Первый раз в истории египтологии появляется исчерпывающее исследование, посвященное этому сложнейшему и очень мало исследованному периоду многовековой истории Египта, периоду, который редактор труда Ю. Я. Перепёлкина акад. В. В. Струве называл "узловым" периодом в истории этой древней страны. За разработку этой труднейшей проблемы взялся наш соотечественник ленинградский ученый Ю. Я. Перепёлкин.

В среде специалистов по истории Древнего Востока, а также среди многих других специалистов-востоковедов Ленинграда и Москвы, имя Юрия Яковлевича Перепёлкина неизменно произносится с уважением, как имя одаренного, эрудированного и в высшей степени добросовестного ученого. Авторитет Юрия Яковлевича среди ученых зиждется не только на перечисленных качествах, сочетание которых в одном лице не столь уж частое явление, но и на исключительном трудолюбии, на его строгой, неумолимой требовательности к себе, на строгой объективности его суждений, на высокой принципиальности в науке и в жизни»[115].

В юные годы я очень любил эту статью Михаила Александровича и даже от руки переписал ее себе на память. Так, как писал академик М. А. Коростовцев, должно было быть в идеале, а в реальной жизни все было несколько иначе. Дарования Ю. Я. Перепёлкина страшно травмировали его коллег, потому что даже в тех областях, где мы считались узкими специалистами, мы все равно знали и понимали хуже, чем он. На этой почве возникали сильнейшие травматические неврозы, описать которые легче всего, перефразируя пушкинские слова: «Что пользы, если Перепёлкин будет жив и новой высоты еще достигнет. Тогда мы все погибли, мы все, жрецы, служители науки».

---

[114] *Вассоевич А. Л.* К истории изучения письменности и языка древних египтян (Филологические труды Ю. Я. Перепёлкина) // Известия АН СССР: Сер.: Литература и язык. Т. 43. № 3. 1984. С. 258—265.

[115] *Коростовцев М. А.* Юрий Яковлевич Перепёлкин // Народы Азии и Африки. 1967. № 3. С. 184—185.

В той же столь любимой мною когда-то статье М. А. Коростовцев вспоминал: «Много лет тому назад я присутствовал при разговоре академика-секретаря Отделения исторических наук ныне покойного акад. Вячеслава Петровича Волгина (он же был одновременно и вице-президентом АН СССР) с акад. В. В. Струве. Речь шла о будущих судьбах советской науки о древнем Востоке. На вопрос В. П. Волгина, кого бы мог В. В. Струве выдвинуть в академики по специальности истории и филологии древнего Востока для укрепления этого участка исторического фронта, Василий Васильевич Струве не задумываясь немедленно ответил: "Только Юрия Яковлевича Перепёлкина"»[116]. Но как относиться к подобным, когда-то несомненно произносившимся, словам? Как относиться нам, защищавшим докторские диссертации в возрасте около сорока, когда Юрию Яковлевичу такая возможность была предоставлена лишь в 66. И склоняешься к мысли, что это было дипломатически удобное празднословие.

Только на моей памяти Ю. Я. Перепёлкина трижды из системы Академии наук пытались сократить, как бы для омоложения кадров. Первый раз, собрав свои последние силы, этому воспрепятствовал уже тяжело больной академик М. А. Коростовцев. Второй и третий раз увольнению помешал академик Д. С. Лихачёв.

Вспоминаю, как 25 июня 1980 г. в моем присутствии на маленькой югославской пишущей машинке Дмитрий Сергеевич напечатал следующее письмо:

«Заместителю Главного ученого секретаря
Президиума АН СССР
академику Ю. В. Бромлею.

Глубокоуважаемый Юлиан Владимирович,

я очень обеспокоен положением у нас науки, которая всегда была одной из самых значительных в русском востоковедении, — *египтологии.*

Наиболее крупному египтологу — Ю. Я. Перепёлкину сейчас 77 лет, он продолжает много и активно работать, но его могут по возрасту уволить.

Увольнение Ю. Я. Перепёлкина необходимо предотвратить не только потому, что он крупнейший египтолог в мире, но и потому, что в связи с тяжелой болезнью его талантливейшего ученика академика М. А. Коростовцева возникла реальная угроза прекращения традиций египтологической науки в нашей стране. Многие важные области египтологии остались недоступными для ученых младшего поколения, но именно в последние годы в качестве старшего научного сотрудника-консультанта ЛО Института востоковедения АН СССР Ю. Я. Перепёлкин активно включился в работу по повышению квалификации молодых ученых-востоковедов. Он руководит диссертационной работой, посвященной важнейшему периоду в египетской истории — борьбе египтян с кушитами и ассирийцами при XXIII—XXVI династиях.

Ю. Я. Перепёлкин — автор более десятка крупных монографий, имеющих первостепенное научное значение. Из них в настоящее время издано лишь 5, но именно в настоящее время Ю. Я. Перепёлкин заканчивает подготовку к печати своих основных трудов.

Мне кажется, что уже сейчас следовало бы (особенно в связи с болезнью его учени-

[116] Там же. С. 185.

ка акад. М. А. Коростовцева) предпринять какие-то шаги, чтобы Ю. Я. Перепёлкин не был уволен, тем более что положение консультанта не имеет возрастных ограничений.

Прилагаю ксерокопии статей, из которых ясно значение Ю. Я. Перепёлкина для нашей египтологии.

С уважением академик Д. С. Лихачёв
25. VI.80».

В приведенном письме академик Д. С. Лихачёв справедливо назвал Ю. Я. Перепёлкина крупнейшим в мире египтологом, и это утверждение соответствовало истине, если в основу оценки класть не количество опубликованных книг, а знания совокупности языков египетской группы и всех видов письменностей, употреблявшихся на протяжении тысячелетий в долине Нила. «Вряд ли в наше время имеется на нашей планете другой ученый, который обладал бы в этой области такими глубокими и всесторонними познаниями», — писал академик М. А. Коростовцев[117]. Соглашаясь с мнением академиков, я осмелился бы высказать суждение, что в лице Юрия Яковлевича мы имели и величайшего русского историка. Тому существуют неопровержимые доказательства.

Сейчас, на исходе XX века, тысячи людей в нашей стране вновь разуверились в том, что история это наука. Превращение в одночасье бывших твердокаменных марксистов в яростных демократов, публикация писаний Фоменко и Постникова[118], Суворова (Резуна) и Бушкова вновь заставили наших соотечественников считать историю политикой, опрокинутой в прошлое. Но история может быть великой наукой и это, как ни странно, лучше всего доказывает небольшая популярная книга Ю. Я. Перепёлкина «Тайна золотого гроба»[119].

В 1907 г. состоятельный американец Т. М. Дэвис, проводивший раскопки в Долине царей, обнаружил загадочный золотой гроб с не менее загадочными останками трупа. «*Хотя надписи на гробе и заупокойных кирпичах называли лишь титло Амен-хотпа IV, лежавший в гробу костяк был принят за останки царицы Тэйе, чья надгробная сень и различные вещи были действительно найдены в тайнике. Мысль об открытии праха Тэйе пришлось скоро оставить, так как мертвец оказался мужчиной. Г. Масперо готов был отождествить его с зятем и первым преемником Амен-хотпа IV Семнех-ке-рэ, но в согласии с надписями на гробе, большинство ученых признало в умершем самого Амен-хотпа IV*» ... «*В 1916 г. Ж. Даресси изложил печатно сделанное им любопытное наблюдение, что в ряде мест надписи на гробе подверглись изменениям. Листовое золото, на котором помещались письмена, было местами вырезано, а взамен изъятого наклеено новое, однако обычно более тонкое, со знаками, выполненными менее тщательно...*»[120]. Так начинался археологический детектив[121], в котором участвовали крупнейшие египтологи XX столетия, но лишь Юрию Яковлевичу Перепёлкину, никогда не бывавшему в Египте,

[117] Там же. С. 186.

[118] *Вассоевич А. Л.* По поводу статьи М. М. Постникова и «культурно-исторических» публикаций его последователей // Вопросы истории естествознания и техники. 1984. № 2. С. 114—125.

[119] *Перепёлкин Ю. Я.* Тайна золотого гроба. М.: Наука, 1968. — 174 с.

[120] *Перепёлкин Ю. Я.* Переворот Амен-хотпа IV. Ч. I. М.: Наука, 1967. § 98.

[121] *Финн Э.* Загадка золотого гроба. Археологический детектив // Наука и жизнь. 1969. № 5. С.

удалось разгадать загадку золотого гроба из так называемой гробницы Тейе. И менно он вывел из мрака исторического забвения побочную жену фараона-солнцепоклонника, ставшую в конце его правления вторым фараоном.

Все эти открытия были сделаны Ю. Я. Перепёлкиным уже в начале 60-х годов. «В 1965 г. книжка "Тайна золотого гроба и соперница Нефрэт" была сдана в издательство. Еще не появившись в свет, эта книга обратила на себя внимание прессы. Последовали публикации в советских и зарубежных журналах и газетах, раскрывающие некоторые стороны мира Амарны. Только одна статья А. Любарского[122] была напечатана в полутораста газетах»[123] — пишет О. Д. Берлев. Сама же «Тайна золотого гроба» увидела свет в 1968 г. И тут судьба как бы нарочно послала удивительное испытание на прочность историческим выводам Юрия Яковлевича.

Ровно через год в Хильдесхайме посмертно был напечатан подготовленный Гюнтером Рёдером том «Amarna-Reliefs aus Hermopolis». Издатель публиковал сотни изображений и надписей из города Шмуна (Ермополя) времени солнцепоклоннического переворота. Эти извлеченные из-под земли памятники самым непосредственным образом касались Кэйе — соперницы царицы Нефр-эт. Обычно подобная ситуация означает для специалиста трагедию, ибо новый обильный археологический материал рушит как карточный домик его построения. В случае с Юрием Яковлевичем этого не произошло. Изображения и надписи из Шмуна не только не опровергли ни одной страницы из «Тайны золотого гроба», но, наоборот, подтверждали правильность написанного Ю. Я. Перепёлкиным. «Практика — критерий истины», — скажут удовлетворенно одни, а кто-то подумает, что судьба распорядилась о постановке такого эксперимента. Сам же Юрий Яковлевич, основываясь на находках из Шмуна, написал замечательную книгу «Кэйе и Семнех-ке-рэ. К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте» (М.: Наука, 1979). Ну а нам можно не сомневаться лишь в одном: когда исследованиями занимался Ю. Я. Перепёлкин, история из «политики, опрокинутой в прошлое» превращалась в великую и точную науку. Еще одним доказательством этого является публикуемая ныне в полном объеме и без искажений перепёлкинская «История Древнего Египта»[124].

Председатель правления Русско-германской ассоциации
по пропаганде классического культурного наследия Российского фонда культуры,
профессор СПбГУ и РГПУ им. А. И. Герцена,
доктор философских наук ***А. Л. Вассоевич***

---

[122] *Любарский А. В.* Кийа — соперница Нефертити: Ленинградский археолог Юрий Перепёлкин о быте Древнего Египта // Вечерний Ленинград. 1965. 20 апреля.

[123] *Берлев О. Д.* Египтология // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1972. С. 511.

[124] В последнем примечании нельзя не упомянуть о том, что без содействия д. и. н. Е. И. Кычанова, сохранявшего доброе отношение к Ю. Я. Перепёлкину как при жизни, так и после кончины последнего, полный текст «Истории Древнего Египта» никогда не вышел бы в свет. Вряд ли это издание было бы возможно и без огромных затрат энергии со стороны Н. К. Герасимова, никогда Ю. Я. Перепёлкина не видавшего, но ставшего активным сторонником публикации его трудов через 15 лет после того, как жизнь Юрия Яковлевича неожиданно оборвалась. Всячески способствовал напечатанию перепёлкинской «Истории Древнего Египта» и А. С. Четверухин.

ГЛАВА I

РАННЕЕ ЦАРСТВО

НЕСКОЛЬКО СТОЛЕТИЙ ОКОЛО 3000 ГОДА; I И II ЦАРСКИЕ ДОМА

Полторы тысячи лет назад перестала существовать древнеегипетская письменность, оборвалось древнеегипетское письменное предание. Из числа дошедших до нас письменных источников последняя по времени иероглифическая надпись принадлежит к IV в. н. э., последняя скорописная (демотическая) запись — к концу V в. н. э. С тех пор никто уже не умел ни читать, ни писать по-древнеегипетски. Все виды древнеегипетского письма — иероглифический из множества изображений, иератический из сокращенных их начертаний, демотический из еще более упрощенных, а то и слитных знаков — все одинаково вышли из употребления. В течение долгих веков о древнем Египте узнавали лишь из иноязычных источников. Но и после того как Жан Франсуа Шампольон с помощью двуязычных греко-египетских надписей нашел в 1822 г. ключ к разгадке древнеегипетских письмен, иноязычные источники не потеряли значения. В частности, преимущественно из них наука почерпнула в прошлом столетии свои сведения о начале фараоновского царства. Вновь открытые египетские источники мало чем помогали, потому что представляли собой лишь полуразрушенные перечни царствований (Туринский папирус), списки царских имен да разроэненные и бессодержательные упоминания нескольких ранних царей в тех или иных памятниках письменности. К тому же все это были источники, не современные той далекой поре, а единственно существенные среди них — царские списки — отстояли от нее на много, много столетий.

Конечно, еще более поздние рассказы греко-римских писателей были далеко не надежны. Некоторое исключение составляли лишь перечни царствований, заимствованные у египетского жреца Манефона, который несколько десятилетий спустя после завоевания Александром Египта изложил по-гречески его историю для его новых хозяев, македонян и греков. К несчастью для науки, выдержки из

Манефона у писателей поздней Древности и раннего Средневековья сохранились не в безупречном виде и не всегда согласовывались между собою.

В одном известии египетские и иноязычные источники сходились: первым человеком, царствовавшим над Египтом, был Мина (Мэне)[1]. Египетские источники ничего больше о нем не сообщали; греко-римские были словоохотливее, но не единодушны. По Иродоту («Геродоту»), Мина основал Мемфис, обезопасив его от наводнений плотиною; по Диодору, это сделал какой-то Ухоревс. Иродот («Геродот») говорил, что Мина воздвиг в Мемфисе храм местному богу; Диодор тоже считал Мину учредителем богопочитания и богослужения, но сооружение дворца в Мемфисе приписывал тому же Ухоревсу. По Плинию, Мина изобрел письмена; по Диодору и Плутарху, учил удобной жизни и роскоши. По манефоновским спискам, основатель I царского дома славно воевал за пределами страны, но погиб от бегемота. По Диодору, Мину, преследуемого его псами, спас крокодил, перевезя через Меридово озеро. В благодарность за то царь-де основал там город и указал местным жителям чтить крокодилов. Путая I царский дом с XII-м, Диодор добавлял, что Мина построил в той местности как свою пирамиду, так и знаменитый Лавиринф (Лабиринт).

Царские списки Манефона сообщали кое-что и о преемниках Мины. Первый-де из них, его сын Афофис, воздвиг в Мемфисе дворец, упражнялся во врачебном искусстве и даже написал анатомические книги. При четвертом царе, Уенефисе, страну постиг голод и были воздвигнуты пирамиды, что у Кохоме. При седьмом царе, Семемпсисе, были многие знамения и великая порча. При первом представителе II царского дома, Воифосе, разверзлась земля в Вувастисе, так что многие погибли. При следующем царе, Кеехосе, быки Апис в Мемфисе и Мневис и Илиуполе, равно как и мендесский козел, были провозглашены божествами. Третий царь II царского дома, Винофрис, распространил на женщин право на царский сан. О седьмом представителе того же дома, Неферхерисе, сообщалось, правда, как нечто баснословное, что Нил при нем тек 11 дней с примесью мёда.

---

[1] Упоминающиеся в этой работе египетские имена собственные (или же отдельные слова) при изложении истории Раннего, Старого, Среднего и Нового царств огласованы Ю. Я. Перепёлкиным преимущественно на основе клинописных передач на новоегипетский лад (середина II тысячелетия до н. э.). Рядом в круглых скобках дается огласовка на коптский лад. Если же использована традиционная для советской науки произвольная передача имени или так называемое «школьное чтение», помещенное в круглые скобки, имя пишется в кавычках. Русскими согласными буквами с привлечением Ъ и Ь знаков дана транслитерация египетских слов.

Греческие имена переданы Ю. Я. Перепёлкиным на византийский лад. Рядом в круглых скобках может быть обозначено более привычное нам эразмово произношение. Если же речь идет о традиционном для нас, но произвольном произношении, вроде «Геродот» или «Гомер», имя собственное пишется в круглых скобках уже в кавычках.

Все подстрочные примечания составлены проф. А. Л. Вассоевичем.

Восьмой же царь, Сесохрис, оказывается, был ростом в 5 локтей и 3 ладони (свыше $2^1/_2$ метров).

Сказочный облик некоторых манефоновских известий заставлял относиться с осторожностью и к остальным. Но среди них имелись и такие, как оказавшиеся впоследствии в высшей степени ценными указания на происхождение Мины, а также II царского дома из Тинской области.

Что могла поделать наука с подобными недостаточными данными, в большинстве своем более чем сомнительными? Как было воссоздать с их помощью ход событий и состояние страны при древнейших царях, когда даже сами они, за исключением разве что Мины, оставались для науки голыми именами? Так продолжалось до конца прошлого столетия. Десятилетия шли за десятилетиями, а памятников двух первых манефоновских царских домов по-прежнему не было, как если бы их никогда и не бывало. И это в то время, когда памятников последующих царских домов было множество и число их все росло и росло из года в год. На деле получалось, что наука знала Египет только со времени III царского дома, второму царю которого, Тосорфросу, Манефон приписывал изобретение строительства из отесанных камней. За манефоновским Тосорфросом крылся царь Даса (Тосор), чья ступенчатая пирамида высилась в пустыне у арабского селения Маккара (подле Каира). С этой пирамиды начиналась непрерывная цепь памятников, с нее начиналась подлинная история Египта для ученых прошлого столетия.

Странность положения усугублялась тем, что в Египте уже давно находили каменные орудия труда, которые кое-кто из ученых готов был приурочить к каменному веку. Правда, египтологи относились к подобным суждениям недоверчиво, зная, что каменные орудия бывали в употреблении и при фараонах. И все-таки среди таких орудий могли быть и принадлежавшие каменному веку. Но вот от двух первых царских домов вещественных следов — ни возможных, ни достоверных — так и не находилось. А по времени-то эти цари, казалось бы, были к нам поближе, чем каменный век...

И тут вдруг под самый конец XIX века ученый мир облетела весть, что французский ученый Е. Амелино откопал гробницы не кого иного, как «богов» и «полубогов», которые, по древнеегипетским представлениям, предшествовали на фараоновском престоле двум первым царским домам. Произошло это в 1896 г. в среднем Египте неподалеку от древнего города Абады (Эбота, Авидоса греков). Имена царей на откопанных памятниках не походили на те, что значились в манефоновских и египетских списках, а вид у предметов был далеко не такой, как у хорошо известных памятников фараоновской древности. Вскоре на том же месте была открыта могила, которую по знакам сокола и баснословного зверя над царским именем уже определенно приняли за погребение «богов» Хары (Хора) и Суты (Сэта), которых те животные представляли. Но еще лучшее подтверж-

дение тому мнению, что откопанные гробницы принадлежали наидревнейшим царям, которых потомки превратили в богов, доставляла, казалось, находка, сделанная на том же «божеском» кладбище к началу 1898 г. Нашлась гробница прославленного египетского бога Усири (Усире) — Осириса греков. Там оказались каменное ложе с почившим на нем и надписанным изображением Усири, приношения и даже череп в полном соответствии с преданием, что в Абаде (Эботе) была погребена голова Усири (Усире)...

Однако еще раньше, в 1897 г., немецкому ученому К. Зэте удалось отождествить некоторые из откопанных царских имен с именами царей манефоновских и египетских списков. Абадское (эботское, авидосское) кладбище оказывалось местом погребения I царского дома, его памятники, наконец, появились на свет...

В том же 1897 г. Ж. Де Морган откопал в местности южнее Абады (Эбота) — в современной Накаде большую гробницу и в ней дощечку слоновой кости, на которой ученые прочли имя самого Мины. Ну, а погребения Хары (Хора), Суты (Сэта), Усири (Усире)? «Хара» (Хор) и «Сута» (Сэт) оказались обозначениями последнего царя II царского дома Хары (Хора) Воссиявшего Двумя Жезлами («Хасехемуи»), который, следовательно, был погребен на одном кладбище с царями I царского дома. Впрочем, сам Е. Амелино вскоре нашел там могилу другого представителя II царского дома (Пер-эп-сена), чье имя было известно задолго до абидосских раскопок. А гробница Усири (Усире)? В позднейшие времена данную гробницу, видимо, действительно считали местом погребения этого бога и снабжали приношениями. Иначе почему бы поместили туда каменное ложе с изображением Усири (Усире)? Позднейшее происхождение ложа было, впрочем, ясно с самого начала. Что же касается черепа, казавшегося столь доказательным, то на поверку оказалось, что он даже не был человеческим. Вместе с тем выяснилось, что могила принадлежала царю I царского дома Харе (Хору) Хвату[1] («Сехти», «Джеру»).

Последующие раскопки английского ученого В. М. Флиндерса Питри на абидосском кладбище увенчались открытием еще новых царских гробниц. В то же самое время, на рубеже прошлого и нынешнего столетий, другой англичанин,

---

[1] В написанной в послевоенные годы работе о Раннем царстве Ю. Я. Перепёлкин еще передавал имя второго царя I царского дома как «Хор Вязальщик», но при этом указывал: «*Смысл и точное произношение имени Хора, наследовавшего Хору Бойцу, доподлинно неизвестны. Передача "Хор Вязальщик" принята мною чисто условно удобства ради. Единственной, притом более, чем шаткой, поддержкой ей может служить: редкое написание, которым сноп, обозначающий собственно имя, влагается в лапы соколу Хору — совсем как у предшественника, Хора Бойца, соколу вручается щит с булавою*».

Работая над текстом издаваемой нами «Истории Древнего Египта», Ю. Я. Перепёлкин вначале передавал имя второго царя I царского дома как «Хара (Хор) Сдерживатель», но затем склонился к передаче «Хара (Хор) Хват».

Дж. Э. Куибелл, откопал в священном южноегипетском городе, Иераконполе греков, ряд примечательных памятников, посвященных в тамошний храм древнейшими царями Египта. Со временем памятники той поры были обнаружены во многих других местах страны, в частности, вплоть до Мэмфи (Мемфиса греков), и многие считают, что среди них имеются царские.

Почти одновременно с первыми памятниками Раннего царства наука получила в свое распоряжение обломок подлинной египетской летописи, притом очень древней — времени Старого царства. Этот важнейший источник, прозванный по месту хранения Палермским камнем, был издан в 1893 г. швейцарцем Э. Навилем и впоследствии несколько восполнен сходными по содержанию, но только небольшими по размеру обломочками, хранящимися в Каирском музее. Палермский камень вместе с этими обломками представлял часть длиннейшего списка обозначений отдельных лет по важнейшим событиям с дополнительными сведениями, кончая V царским домом и начиная с I-го, которому был предписан перечень имен еще более древних царей.

Обогащенная огромным количеством разнообразных источников, вещественных и письменных, наука XX века была поставлена перед задачею разобраться в них и с помощью их воссоздать ход событий и состояние страны при I и II царских домах. Задача оказалась нелегкою, и нельзя сказать, что ее удалось решить вполне успешно. С вещественными источниками дело обстояло более или менее удовлетворительно. По ним можно было установить уровень развития производительных сил, особенности изобразительного искусства и отчасти зодчества, а также многие стороны тогдашнего быта. Но стоило обратиться к письменным источникам, как начинались трудности. И не потому, что письменных источников было мало. Нет, их было порядочно, но они были очень кратки и часто маловразумительны из-за непривычной древности начертаний, правописания и словаря. Подавляющее большинство письменных памятников представляло откатки печатей, так называемых цилиндров, на глинистом иле, которым залепляли горлышко у сосудов с припасами. Самих печаток сохранилось много меньше. В значительном количестве дошли ярлыки из дерева и слоновой кости, прикреплявшиеся к тем или иным припасам, а также надписи на посуде. Надписей на зданиях и изваяниях дошло немного. Больше сохранилось приписок к изображениям и именных надгробий. Разумеется, при таком составе и при таких качествах вклад письменных источников в дело изучения Раннего царства, сколь бы важен он ни был, оставался все же ограниченным. Надо добавить, что и на Палермском камне разделы, посвященные двум первым царским домам, читались далеко не всегда легко и надежно из-за краткости написаний.

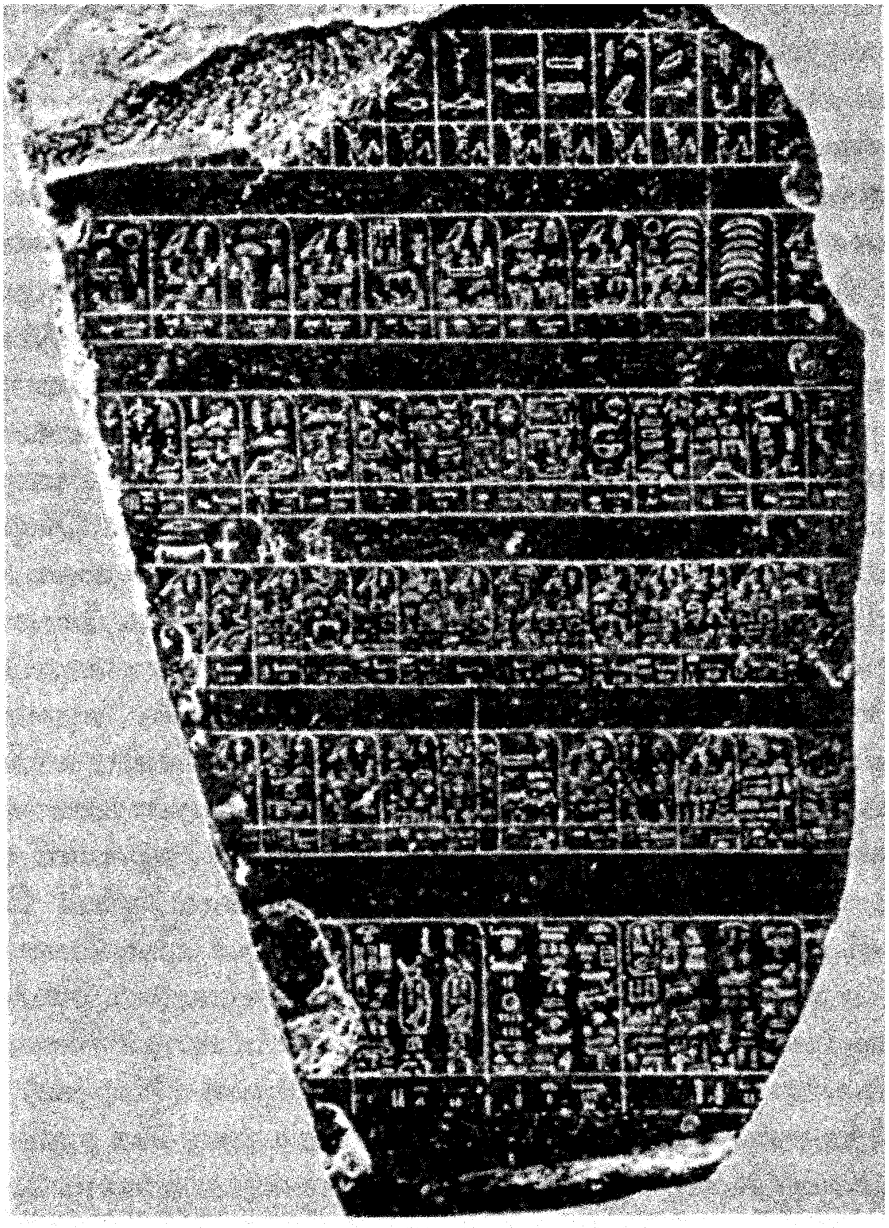
Показательно, что даже то, с чего началось изучение Раннего царства, — самые имена и последовательность властителей, — и те не могли быть полностью

установлены. Отчасти это объясняется тем, что на памятниках ранних царей значатся чаще всего их имена как зримых разновидностей царского бога Хары (Хора): «*Хара* (Хор) *Боец*», «*Хара* (Хор) *Змей*», «*Хара* (Хор) *Высокий Рукою*» и т. д., личные же имена далеко не повсюду выписаны. Поэтому привести в соответствие показания современных памятников и позднейших царских списков, приводящих личные имена, не всегда удавалось.

И как раз то, что до открытия памятников древнейших царей казалось наиболее надежным, наиболее бесспорным, — предание о Мине, о первом царе Египта, оказалось всего труднее согласовать с новооткрытыми памятниками.

Первый царь... Но кто же из поименованных на них властителей был первым царем? Сначала все выглядело просто. На костяной дощечке-ярлыке, найденной Ж. Де Морганом в нынешней Накаде, в одной и той же строке читались имя царя как Хары (Хора) — «*Хара Боец*» и его же имя как представителя государственных богинь юга и севера — «*обе владычицы Мина*». Но очень скоро для знака, который сперва так уверенно прочли как имя «*Мина*», стали предлагать и иные толкования. Дошло до того, что даже самый знак, принимавшийся всеми за иероглиф ***мн***, — за изображение игральной доски, попытались разложить на два сдвинутых вместе изображеньица престолов. Правда, подобное толкование не встретило поддержки и, действительно, как мы увидим, оно невозможно. Но даже признавая, что знак изображает игральную доску, обозначает согласные ***мн***, передает имя «*Мина*», кое-кто из ученых предлагал видеть в нем личное имя не Хары (Хора) Бойца, а его предшественника. Поскольку слова «*обе владычицы Мина*» вписаны в знак шатра, речь-де идет об устройстве Харой (Хором) Бойцом погребальной кущи над прахом своего предшественника Мины. Таковым же был якобы царь, чье имя как Хары (Хора) обыкновенно читают «Нармер». В этом «Нармере» уже и раньше многие ученые хотели видеть Мину. На сланцевой плите, посвященной «Нармером» в храм священного южноегипетского города, Иераконполя греков, победитель представлен в верхнеегипетском венце, поражающим Низовье, а на обратной стороне — в нижнеегипетском венце, обозревающим трупы обезглавленных противников. Египтологи издавна считали первого царя преданий Мину объединителем Египта, и «Нармер», каким он был представлен на плите, вполне мог сойти за такового. Впрочем, кое-кому из ученых даже казалось и кажется, что никакого царя Мина вообще и не существовало... И все же, как ни запутан вопрос, в нем как будто бы можно разобраться.

На ярлыке за званием «*обе владычицы*» стоит, несомненно, знак игральной доски ***мн***. Если бы были изображены два сдвинутых вместе престола, то на предполагаемых сиденьях вздымалось бы по высокому бугру, а спинки походили бы на перевязанные мешки! Напротив, если изображена игральная доска, то «бугры» и «мешки» просто-напросто пешки двух родов, стоящих, на наш взгляд, над доскою,



▲ *Палермский камень*

а на египетский — на доске. Нечего и говорить, насколько неуместна была бы и сетка на боках престолов, необходимая на игральной доске.

Слово, подписанное под царским званием «*обе владычицы*», должно быть царским именем, так как на прочих памятниках I царского дома за таким званием неизменно следует личное имя царя. Иными словами, естественно читать «*обе владычицы Мина*».

Царь, именуемый обычно «Нармер», как мы увидим, был действительно непосредственным предшественником Хары (Хора) Бойца, но только его личное имя было не «Мина», а «Мер». В ряде случаев имя предшественника Хары (Хора) Бойца пишется так: в верхней половине прямоугольника, на котором часто, но не всегда восседает сокол — Хара (Хор), помещается знак, изображающий сома, в нижней половине — дворцовая стена с пробелом посередине, куда вклиняется знак, изображающий резец. «Сом» по-египетски ***ḥfꜥ***, знак резца обозначает согласные ***mr***, оба знака принимают за части одного имени и читают его условно «Нармер». Но такое чтение не может быть правильным. Во-первых, Харовы (Хоровы) имена царей до середины I царского дома состояли не из двух слов, а всего лишь из одного: «Скорпион», «Двойник» или «Питание», «Боец», «Хват» («Джер»), «Змея». Во-вторых, имеется печать, на которой вверху и внизу много раз подряд повторено Харово (Хорово) имя — прямоугольник, увенчанный соколом, с дворцовой стеной в нижней и сомом в верхней половине, а в среднем поясе, между обоими рядами Харовых (Хоровых) имен, отдельно множество раз повторен знак резца. При этом число резцов отнюдь не соответствует числу Харовых (Хоровых) имен: 14 резцов приходятся на 5 верхних и 5 нижних Харовых (Хоровых) имен. Видимо, еще более значительный перевес числа резцов наблюдался на другой печати, от которой уцелели, да и то лишь частично, один ряд прямоугольников с сомами и дворцовой стеной внутри да средний пояс из знаков резца. На прямоугольник одного ряда здесь приходилось примерно 3 резца. Значит, Харово (Хорово) имя царя было просто «Сом». Царь прозывался по рыбе, подобно тому как один из его предшественников, как Хара (Хор), прозывался по скорпиону, а один из преемников — по змее. Со всем этим как нельзя лучше согласуется изображение царя в виде одноименной ему рыбы, побивающей палицею врагов. Знак резца и здесь помещен под рыбой. Как и в других случаях, он передает, очевидно, личное имя царя — «Мер».

Можно, пожалуй, привести еще некий вещественный довод в подтверждение тождества Хары (Хора) Бойца с Миной. По преданию, сохраненному Иродотом («Геродотом»), Мина слыл у потомков за основателя города Мэмфи (Мемфиса греков). Из египетских источников известно, что в качестве одного из образов местного бога там в поздние времена почитался «Птах Мины». Раскопки показали, что на запад и на север от Мэмфи (Мэнфе) в последние десятилетия перед I царским домом существовали обширные кладбища и, следовательно, многолюд-

ные поселения. С началом I царского дома эти кладбища начинают приходить в запустение, как бы вследствие отлива населения куда-то. Естественно было бы предположить, что переселялись во вновь основанный соседний Мэмфи (Мэнфе). Раскопки на его кладбище доказали, что уже при I царском доме он был значительным городом. Были найдены как скромное кладбище простых горожан, так и усыпальницы верхов тогдашнего общества. Из этих усыпальниц одна, несомненно, восходит к царствованию Хары (Хора) Бойца, если только не является его собственной гробницей, как полагал ее издатель. Более ранних гробниц обнаружено не было, так что начало Мэмфи (Мэнфе) совпадает по времени с правлением этого царя. Предание же приурочивало основание города к правлению не кого иного, как Мины.

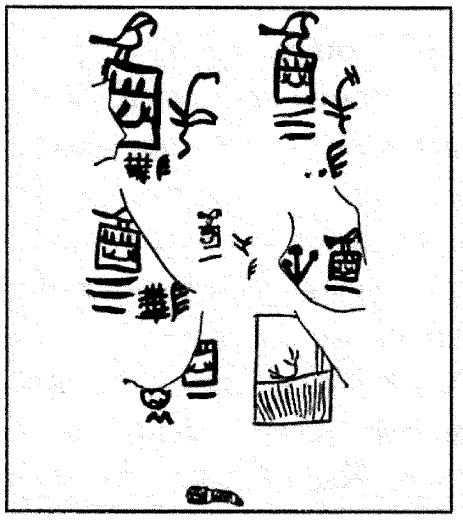
По всем преданиям, египетским и иноязычным, Мина был первым человеком, царствовавшим над Египтом. Но вот у Хары (Хора) Бойца — и в том не приходится сомневаться — были предшественники! Харовы (Хоровы) имена древнейших царей имеют свои особенности. Верх прямоугольника, в который вписано собственно имя, представляет чаще всего не прямую черту, а слегка вогнутую, и возвышающийся над нею сокол Хора как бы приплюснут или придавлен. Эти особенности наблюдаются у царей Хары (Хора) Скорпиона, Хары (Хора) Двойника (или: Питания), Хары (Хора) Сома и Хары (Хора) Бойца и отчасти у Хары (Хора) Хвата («Сехти», «Джера»). При последнем верхняя сторона прямоугольника навсегда выпрямляется, а сокол приподнимается, принимает гордую осанку, которая так и останется у него на все грядущие тысячелетия. В отличие от Хары (Хора) Бойца и Хары (Хора) Хвата, царь Сом иногда обходился без сокола вверху прямоугольника, а то и без этого последнего; царь Двойник употребляет то и другое, но дворцовую стенку изображает то внизу, то вверху (!) прямоугольника; царь же Скорпион не только пренебрегает прямоугольником, хотя подчас употребляет его, но считает также возможным сажать сокола прямо над своим именем всего лишь с вогнутой чертою под лапами (с одной верхней стороной прямоугольника!). Отсюда недалеко до вывода, что Скорпион предшествовал Двойнику, Двойник — Сому, Сом — Бойцу, Боец — Хвату. И то, что Хара (Хор) Сом был раньше Хары (Хора) Бойца, подтверждают и другие особенности Харова (Хорова) имени первого из них. Только у него, и ни у кого больше из египетских царей, в изображение дворцовой стены внизу прямоугольника вклинивается письменный знак, именно знак резца, передающий личное имя царя «Мер».

Мы уже видели, что Хара (Хор) Сом владел обоими венцами, верхнеегипетским и нижнеегипетским, и был, следовательно, общеегипетским царем. И если на плите он поражает непокорное Низовье, то на булаве, посвященной в тот же храм, царь Сом изображен на высоком престоле на своем царском празднестве, осененный верхнеегипетской богиней-коршуном, но только в одном нижнеегипетском

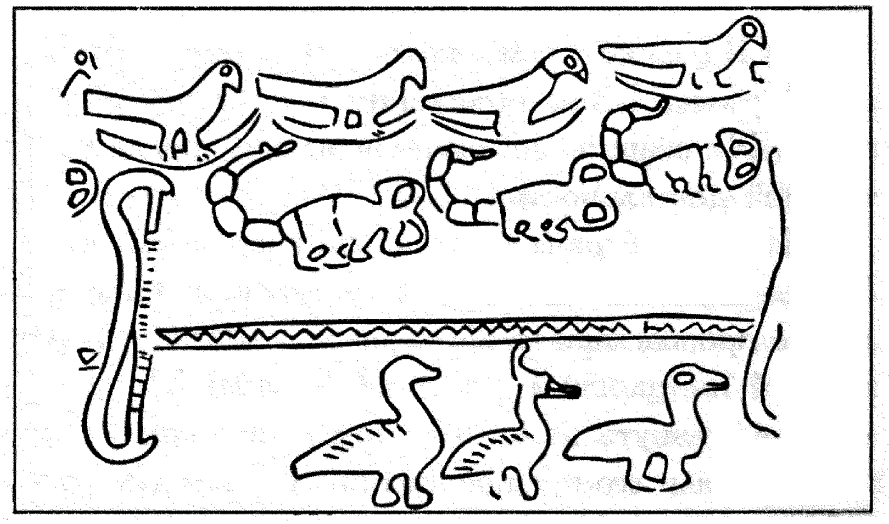
венце. Царь Скорпион представлен на булаве, пожертвованной туда же, в верхнеегипетском венце, но имя этого царя значится также на сосуде из погребения супротив Мэмфи (Мэнфе), следовательно в нижнеегипетской земле. Сбоку от имени имеется приписка, и во главе ее стоит знак растения, обозначавшего Верхний Египет. На посуде с именем Хары (Хора) Двойника сходные приписки возглавляли то знак «верхнеегипетского» растения, то знак куста осоки (папируса), служивший для обозначения Нижнего Египта. Оба знака, правда, могли иметь и иные значения, но тут они, несомненно, обозначают Верхний и Нижний Египет. Ведь на посуде с именем Хары (Хора) Бойца такие приписки отличны по содержанию от современных Харе (Хору) Двойнику, и тем не менее вверху их выписаны то знак верхнеегипетского растения, то знак нижнеегипетской осоки. Можно думать, что и приписку к имени Хары (Хора) Скорпиона не возглавлял бы знак Верхнего Египта, если б на других сосудах с именем того же царя не стоял в подобном положении знак Нижнего Египта.

Выходит, что у Хары (Хора) Бойца были предшественники, владевшие обеими половинами страны: Хара (Хор) Скорпион, Хара (Хор) Двойник и Хара (Хор) Сом. И что же? На обломке староегипетской летописи, вроде Палермского камня, но только очень небольшом, I царскому дому были предпосланы царские имена, голые имена, от которых уцелели сполна или частично одни определители, т. е. знаки в конце имен, изобразительно намекавшие на то, что носители их были царями. И вот не менее как четырем из этих крошечных царских изображений надеты на головы двойные венцы — верхнеегипетские, вставленные в нижнеегипетские. Это тем примечательнее, что на самом Палермском камне от того, что предшествовало I царскому дому, уцелело несколько царских имен, тоже без каких-либо добавлений, но с определителями в виде царей в нижнеегипетских венцах. Выходит, имена царей, владевших одной лишь половиной страны, отличали с помощью определителей от имен царей, овладевших обеими половинами. Иными словами, египетские летописцы в ближайшие столетия после Раннего царства тоже считали, что у I царского дома были предшественники, царившие надо всем Египтом.

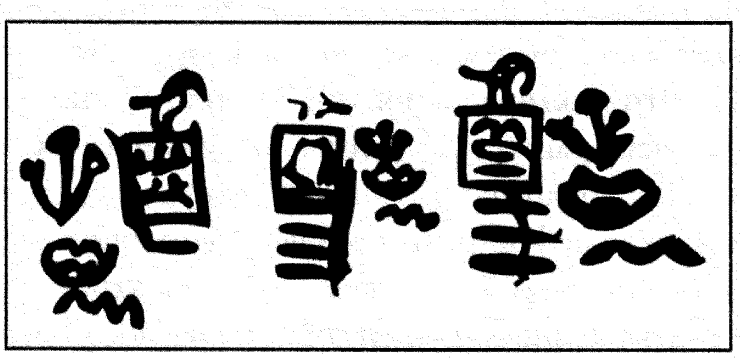
В современных книгах, как ученых, так и рассчитанных на широкого читателя, Мине обыкновенно приписывается объединение страны. Если только Мину не объявляют баснословным, то его слишком охотно и безоговорочно выставляют основателем двуединого государства, присоединившим к своему верхнеегипетскому царству Низовье. Но, как мы видели, страна была объединена задолго до I царского дома, и потому распространенное представление о Мине как объединителе Египта не может быть правильным. Оно не может быть верным даже в той его разновидности, по которой он лишь завершил объединение, так как борьба с непокорливым севером велась еще долгие годы спустя и велась очень ожесточен-



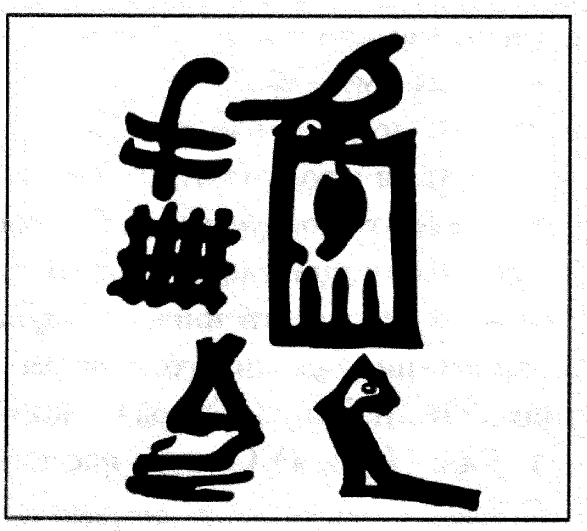
▲ *Надписи из Абады (Эбота), содержащие имена Хары (Хора) Двойника*



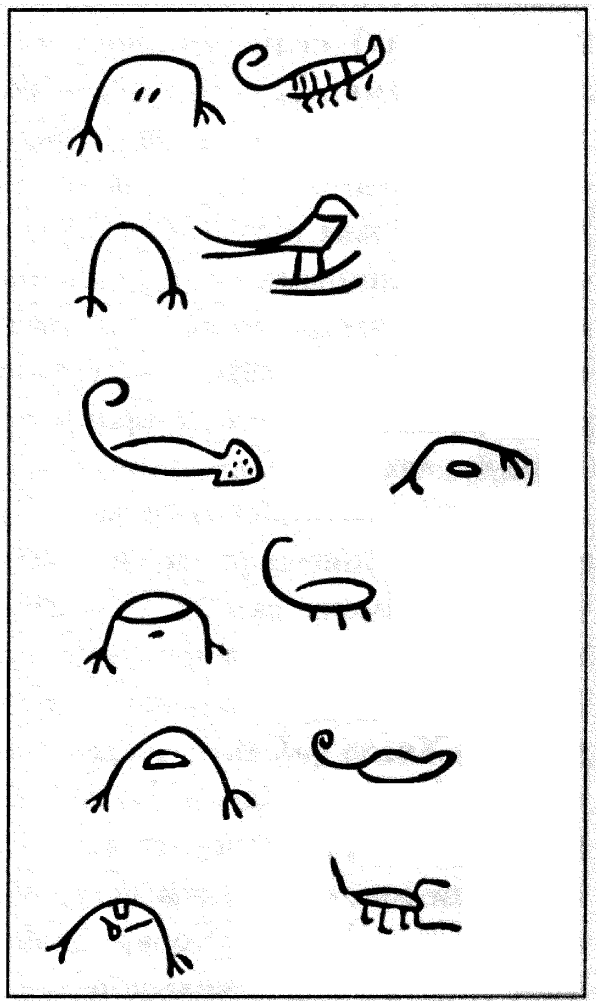
▲ *Надпись на цилиндрическом кувшине из «Иераконпольского клада», содержащая имена Хары (Хора) Скорпиона*



▲ *Надписи из гробниц №№ 261, 315 и 1549 некрополя в Тархане*



▲ *Надпись из некрополя близ Тура, содержащая имя Хары (Хора) Скорпиона*



▲ *«Марки Иераконполя», на которых знаки «Двойника» и «Скорпиона» стоят рядом*

но при II царском доме, когда объединение только и было окончательно завершено. Впрочем, Мина-объединитель — не более как плод современных ученых догадок. Ни египетское, ни иноязычное предание ничего не знает об его объединительной деятельности.

Но если страна объединена вчерне раньше I царского дома и ее основателя Мины, и уже до него были общеегипетские цари, то почему предание столь единодушно провозглашало его первым человеком, царствовавшим над Египтом, а основанный им царский дом I-м? И если Миною был Хара (Хор) Боец, то как могли исчезнуть из памяти потомков такие могущественные всеегипетские цари, какими были его предшественники: Хара (Хор) Скорпион, Хара (Хор) Двойник и Хара (Хор) Сом?

Приглядимся к тому, как велось летосчисление при I и II царских домах. Каждый год правления того или иного царя получал особое наименование по имевшим место примечательным событиям, например: «*год открытия пруда* (замка) *Места богов* (и) *стрельбы* (в) *бегемота*», или «*год рождения* (т. е. изготовления) *мед*(*ного царского изображения по имени*) *Высок* (царь) *Восси-явший Двумя Жезлами* (Ха-сахмауе). Эти наименования год за годом заносились в особые списки и под каждым подписывались еще данные об уровне нильского разлива. Отрывки такой летописи дошли до нас в записи Старого царства на Палермском камне и на мелких обломках в Каирском музее. Верхний пояс содержал одни голые имена, сперва, возможно, царей верхнеегипетских, затем — достоверно — царей нижнеегипетских и древнейших владык объединенного царства. Собственно летопись, список погодных наименований с данными о высоте разлива, начиналась со стороны пояса, с I царского дома. Все это может означать лишь то, что в распоряжении староегипетского летописца списки наименований лет по событиям имелись начиная с I царского дома, тогда как для предшествующего времени летописец располагал одними голыми царскими именами.

От времени самого I царского дома до нас дошли деревянные и костяные ярлыки, помеченные каждый наименованием того или иного года. От Хары (Хора) Бойца их сохранилось несколько; имеются они и от его преемника Хары (Хора) Хвата («Сехти», «Джера»); значительное число их уцелело от середины и конца I царского дома. Напротив, от непосредственных предшественников Хары (Хора) Бойца не дошло ни одного ярлыка, ни костяного, ни деревянного, с наименованием года по его знаменательнейшим событиям. Ни от Хары (Хора) Скорпиона, ни от Хары (Хора) Двойника, ни даже от Хары (Хора) Сома у нас нет помеченных годами ярлыков.

Совпадение между показаниями староегипетской летописи и раннеегипетских ярлыков получается полное. Но не значит ли это, что летоисчисление для египтян начиналось с I царского дома, и летопись — а ею для древнейших времен и был

перечень лет, поименованных по событиям, — тоже начиналась с I царского дома? Тем самым и основатель ее должен был быть для египтян первым летописным, мы сказали бы, «историческим» царем. Но первый царь, от которого сохранились ярлыки с наименованиями лет, не кто иной, как Хара (Хор) Боец. Он, по всей видимости, и есть Мина предания.

Мы видели, что именно со времен Хары (Хора) Бойца ведет свое существование нижнеегипетская столица Мэмфи (Мэнфе). Показаниям раскопок вторит записанное Иродотом («Геродотом») сказание об основании Мэмфи (Мэнфе) Миной; вдобавок мы уже знаем, что у тамошнего бога Птаха была разновидность «Птах Мины». Поэтому стольный Мэмфи, призванный хранитель летописного предания, которое начиналось именно с Мины, имел сугубое основание видеть в нем первого царя — Мина был также его создателем и первым, кто в нем царствовал.

Так как же можно себе представить начало фараоновского Египта?

Мы видели, что в начале староегипетской летописи вверху Палермского камня были перечислены имена нижнеегипетских царей, и можно думать, что их именам предшествовали имена царей верхнеегипетских. Это показание Палермского камня — единственное сколько-нибудь надежное свидетельство о существовании Нижнеегипетского царства, надо полагать, наряду с соответствующим Верхнеегипетским.

Вверху другого обломка староегипетской летописи, о котором нам тоже доводилось говорить, были перечислены имена уже общеегипетских царей, к несчастью, не уцелевшие, за исключением заключительных знаков-определителей — изображений царей в двойных венцах. Объединение страны исходило от Верхнего Египта. Непосредственный предшественник I царского дома Хара (Хор) Сом изобразил себя на победном памятнике поражающим Низовье, олицетворенное его поверженным обитателем, а своего бога Хару (Хора) в образе сокола — вручающим ему на привязи низовую землю, заросли осоки (папируса) с мужскою головою спереди. Поражение Низовья, избиение десятков тысяч его жителей будут увековечены и на памятниках царя Хары (Хора), Воссиявшего Жезлом (Ха-сахма) в дни II царского дома, равно как и вручение ему верхнеегипетской богиней-коршуном знака объединения Египта в присутствии пораженного Низовья.

Согласно Манефону, основатель I царского дома, а также последующий II царский дом были родом из верхнеегипетского города Тина. Там, действительно, нашлись гробницы царей I-го и отчасти II-го царских домов, по одним ученым настоящие, по другим — условные (настоящие были бы тогда в Мэмфи (Мэнфе)). Но на том же кладбище были обнаружены и памятники с именами предшественников I царского дома — Хары (Хора) Скорпиона, Хары (Хора) Двойника и особенно Хары (Хора) Сома, так что и эти цари были, видимо, родом из

Тина. Да и посвящали свои победные памятники Хара (Хор) Скорпион и Хара (Хор) Сом в верхнеегипетский храм своего бога Хары (Хора), как и позднейший поработитель Низовья царь Хара (Хор) Воссиявший Жезлом (Ха-сахм).

При каком царе произошло объединение страны, неизвестно, только, наверно, задолго до Мины. С Мины начинались египетские летописи, он был первым летописным царем, о котором было что-то известно потомкам. Однако определить сколько-нибудь точное время его царствования в годах нашего летосчисления невозможно. Можно только сказать, что он царствовал приблизительно за пять тысяч лет до наших дней, где-то около 3000 года. За недостаточностью данных точное летосчисление для большей части фараоновской древности неосуществимо. Поэтому время приходится обозначать не столько по столетиям, сколько по царским домам (династиям). Царские дома служили подразделениями уже для египетских списков фараонов, и грекоязычный летописец египетский жрец Манефон насчитывал 30 царских домов до завоевания Египта Александром. Из них на Раннее царство приходятся I-й и II-й, но к Раннему царству надо причислять и ближайших их предшественников, про которых предание забыло, но при которых Египет был уже объединенным царством. Их называют додинастическими царями или вместе с английским ученым В. М. Флиндерсом Питри объединяют в династию 0.

Если Хары (Хоры) Скорпион, Двойник и Сом замыкали длинную цепь властителей объединенного царства, предшествовавших царскому дому, то нет ничего удивительного в том, что египетское общество при этих царях, насколько можно судить по их скудным памятникам, сильно походило на государство I царского дома.

Работы над оросительно-осушительной сетью, как и земледелие в целом, приковывали к себе внимание носителей власти. На булаве, посвященной царем Скорпионом в государственный храм, изображены разветвляющиеся воды, над ними сам царь с мотыкою в руках за отправлением землекопного обряда, перед царем мужчины с корзиною и колосьями в руках, ниже другие мужчины, трудящиеся у воды, и один, устремляющийся к ней с мотыкою. Пополнение поголовья скота, притом в огромных размерах, составляло одну из главнейших задач военных мероприятий. Вероятно, царю Скорпиону принадлежит каменная плита, на которой с одной стороны показано, как сокол, лев, скорпион и царские стяги разоряют крепости, а с другой изображены деревья, быки, ослы и бараны и все надписано словом «Ливия». Соколу и льву было привычно представлять царя, а скорпион подсказывает, что таковым был Хара (Хор) Скорпион, для которого одного только это членистоногое засвидетельствовано в качестве обозначения. На победных изображениях последующего Старого царства тоже видны стада быков, ослов и баранов, захваченных у того же западного соседа, так что и на раннем изображе-

нии они могли быть военной добычей. На булаве, пожертвованной в тот же государственный храм, царь Сом говорит о 400000 голов крупного рогатого скота и 1422000 голов в мелкого. Названные вслед за тем 120000 пленных доказывают, что речь идет о добыче, взятой на войне. Если б даже числа были сильно преувеличены, что утверждать, по правде говоря, у нас нет достаточных оснований, то все же можно не сомневаться в том, что количество захваченного скота было огромным.

На одной вещице царь Сом представлен в виде соименной ему рыбы, опускающей свою палицу на толпу связанных пленных, здесь достоверно иноземных, западных соседей Египта ливиян, как сообщает приписка. Кто были те связанные и обезглавленные враги, трупы которых царь Сом обозревает на другом изображении, точно определить нельзя. Скорее всего, то были люди из Нижнего Египта, поражение которого было представлено на лицевой стороне памятника. Однако трудно себе представить, чтобы 120000 пленных, упомянутых на булаве того же царя, были все поголовно перебиты. К тому же сказано: «*быков 400000, мелкого скота 1422000, пленников 120000*», так что пленные названы после крупного и мелкого скота, последующее использование которого в хозяйстве не подлежит сомнению. Потому, вероятно, и захваченные люди должны были получить то или иное хозяйственное применение. Но если такое количество людей вливалось единовременно в тогдашнее хозяйство, то трудно удержаться от заключения, что египетское общество еще до воцарения I царского дома было основано на угнетении низов верхами. Иными словами, весьма похоже на то, что египетское царство при ближайших предшественниках Хары Бойца было уже доподлинно государством.

Во главе его стоял единодержавный правитель, появлявшийся перед подданными то в верхнеегипетском, то в нижнеегипетском венце, в окружении опахалоносцев и иных членов сопровождения, иногда высоко на престоле под навесом, в верху представительной лестницы. Победы войска считались его победами: его показывали на изображениях единолично поражающим врага. На них же он зачастую представал огромного размера посреди крошечных подданных. Он мнил себя разновидностью своего царского бога — соколообразного Хары (Хора), который сопутствовал ему на брани, тогда как верхнеегипетская богиня-коршун хранительно осеняла его крыльями.

Скудные источники не содержат прямых указаний на то, насколько развиты были хозяйственные отношения и государственное управление накануне I царского дома. Зато как красноречивы и убедительны косвенные показания! Надписывать сосуды с заготовленными впрок припасами стало уже обыкновением в царском хозяйстве, как доказывают образцы от всех трех правлений — Хары (Хора) Скорпиона, Хары (Хора) Двойника и Хары (Хора) Сома. От времени Хары (Хора) Сома и, может быть, царя Скорпиона сохранились также глиняные

печати с царскими именами, стоявшие некогда на таких сосудах с запасами. Надписи Хары (Хора) Скорпиона, Хары (Хора) Двойника и Хары (Хора) Сома доказывают с очевидностью, что египетская письменность уже тогда обладала всеми видами знаков, отличительными для нее в последующие времена. Она располагала как знаками, «изображавшими» слова, так и знаками, обозначавшими сочетания согласных, более того, буквенными знаками для отдельных согласных и, что не менее удивительно, обобщенными определителями, изобразительно намекавшими, к какому кругу понятий слово по смыслу относится (например, знак песчаной земли после слова «Ливия»). Некоторые письмена нанесены чернилами на сосуды с припасами настолько бегло, что кратче, пожалуй, нельзя было б и написать (оставаясь в пределах иероглифического письма). Счетоводы орудовали огромными величинами: не только для 10000 или 100000, но и для 1000000 имелись особые слова и знаки. Разработанная сложная письменность, беглые почерки, шестизначные и пятизначные числа — сколько же писали и считали современники ближайших предшественников I царского дома!

А изобразительное искусство? Тут, правда, нет явлений, столь показательных для развития хозяйства и государственности, как в области письма и счета. Но все же любопытно, что при царях Скорпионе и особенно Соме изображения начинают располагать на плоскости четкими поясами, одни над другими, а не беспорядочно, как прежде. Нарождаются тот строгий порядок, та строгая закономерность, которые так отличают египетское искусство в дальнейшем.

Царствования Хары (Хора) Скорпиона, Хары (Хора) Двойника и Хары (Хора) Сома были подлинно преддверьем к I царскому дому, и не только по времени, но и по существу. Хару (Хора) Двойника и Хару (Хора) Сома роднит с I царским домом и одинаковое с ним, по-видимому, происхождение из области среднеегипетского города Тина. Мы уже видели, что на тамошнем царском кладбище подле города Абады (Эбота, Авидоса греков) были найдены как памятники I царского дома, так и его ближайших предшественников, Хары (Хора) Двойника и Хары (Хора) Сома. Потому вполне уместен вопрос, был ли вообще какой-либо разрыв в преемственности царствований и не был ли I царский дом прямым наследником своих предшественников, представителем одного с ними царского рода?

Раннее царство, пора двух первых царских домов, встает перед нами в туманной дали пяти тысячелетий всего лишь в самых общих чертах. Тем не менее, даже по случайным, отдельным, разрозненным признакам нельзя не подметить того, как упорно и неуклонно развивалась и менялась страна в течение немногих столетий, что отделяют Хару (Хора) Бойца от последнего царя II царского дома Хары (Хора) Воссиявшего Двумя Жезлами (Ха-сахмауе).

При Харе (Хоре) Бойце еще кое-что живо напоминало время его предше-

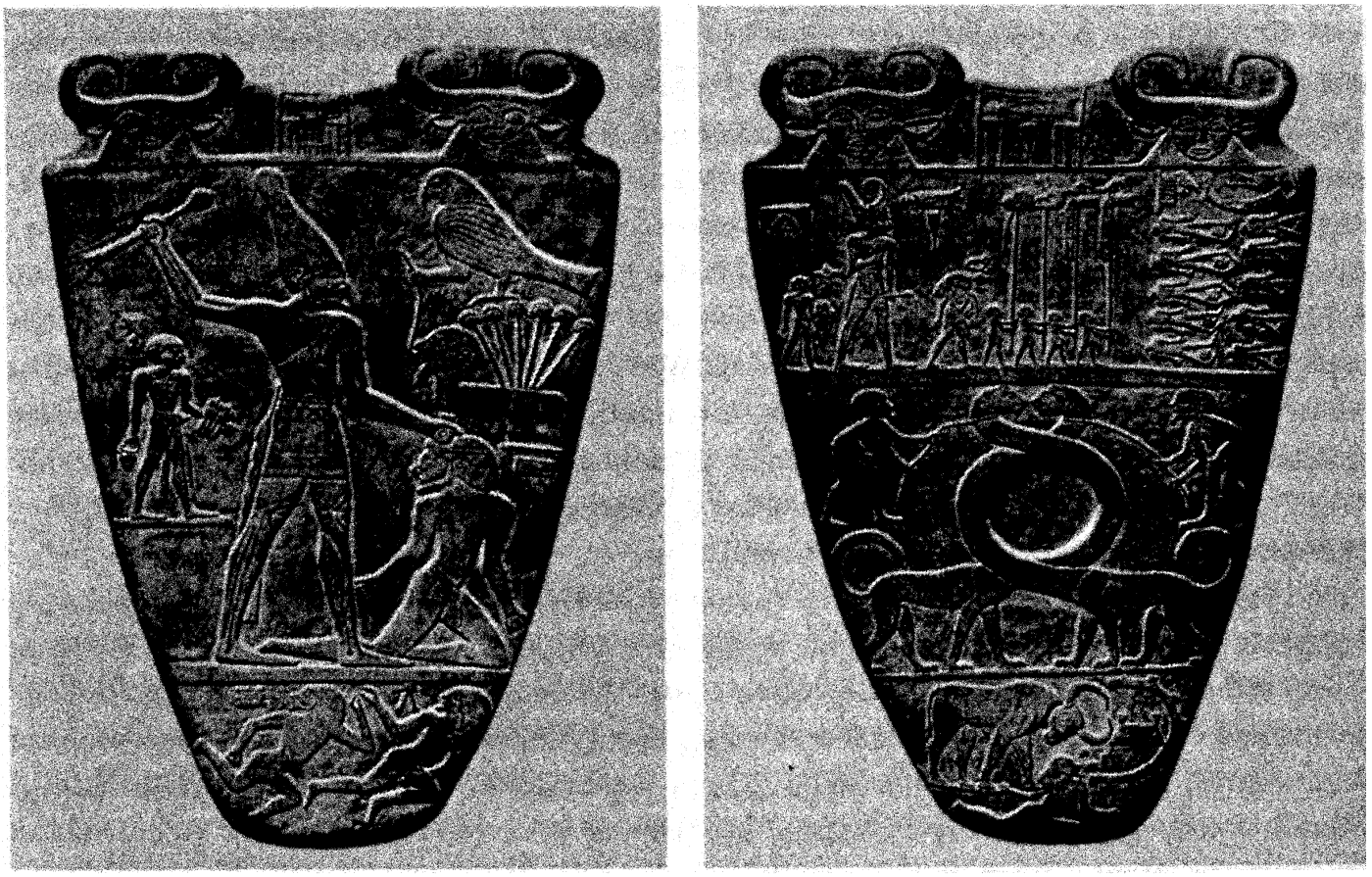
ственников. Сокол Хары (Хора) все-таки припадал к прямоугольнику с царским именем, и по-прежнему вогнута была верхняя сторона прямоугольника. Если у Хары (Хора) Сома знак «царственной» рыбы представлял властителя, вооружался палицей и поражал пленных, то у Хары (Хора) Бойца сам сокол постоянно просовывал лапы внутрь прямоугольника с именем и хватался за булаву и щит, входившие в состав знака для слова «*боец*». Однако мы уже не встречаем Харово имя без прямоугольника и сокола, равно как — к нашему сожалению — личное имя царя уже не вписывается больше в прямоугольник с Харовым именем. Это, конечно, мелочи, но уже далеко не мелочь наименование каждого года царствования по знаменательным событиям с последующим сведением годичных наименований вместе в единую погодную летопись. Этим было положено начало писанной «истории» Египта, для которой царствование Хары (Хора) Бойца стало тем самым первым летописным, или, выражаясь по-нашему, первым историческим царствованием. Не менее важным было основание нового столичного города, будущего Мэмфи (Мэнфе), с мощными погребальными сооружениями верхов тогдашнего общества. Мы видели, что позднейшее предание и показания раскопок сходятся, приурочивая основание города ко времени Мины или Хары (Хора) Бойца. Новая столица встала на стыке обеих половин царства, победоносного Верховья и завоеванного Низовья, знаменуя замирение последнего. И, действительно, мы ничего не слышим о военных действиях в Низовье, хотя в наименовании одного из годов царствования Хары (Хора) Бойца на первом месте значилось поражение и пленение Эфиопии. Правда, на двух других ярлыках в составе наименования года имелось странное изображение, надписанное словами «*Верховье* (и) *Низовье восприняты*». На земле сидят двое мужчин, и один как будто бы поражает в грудь другого, похожего на связанного пленника, а между ними стоит предмет, напоминающий мису (оба ярлыка обломаны, но взаимно восполняются). Однако изображен, быть может, только обряд, возможно, в память когда-то осуществленного присоединения Низовья, потому что то же изображение с тою же надписью входило в название одного из годов преемника Хары (Хора) Бойца — Хары (Хора) Хвата вперемежку со ссылками на изготовление тех или иных изображений. В остальном то, что можно вычитать из наименований лет на ярлыках времени Хары (Хора) Бойца, сводится к празднествам, выходам, изготовлению идолов, посещению храмов и т. п.

Крупнейший перелом в развитии искусства падает на правление преемника Хары (Хора) Бойца. Харово (Хорово) имя этого царя мы будем условно переводить как «Хара (Хор) Хват», хотя русское слово «Хват» вряд ли точно передает соответствующее египетское (***джр*** — «Джер»). Личное имя царя было ***Йти*** («Ити»). Если на некоторых памятниках Хары (Хора) «Хвата» сокол еще придавлен к прямоугольнику с царским именем, а самый прямоугольник вогнут ввер-

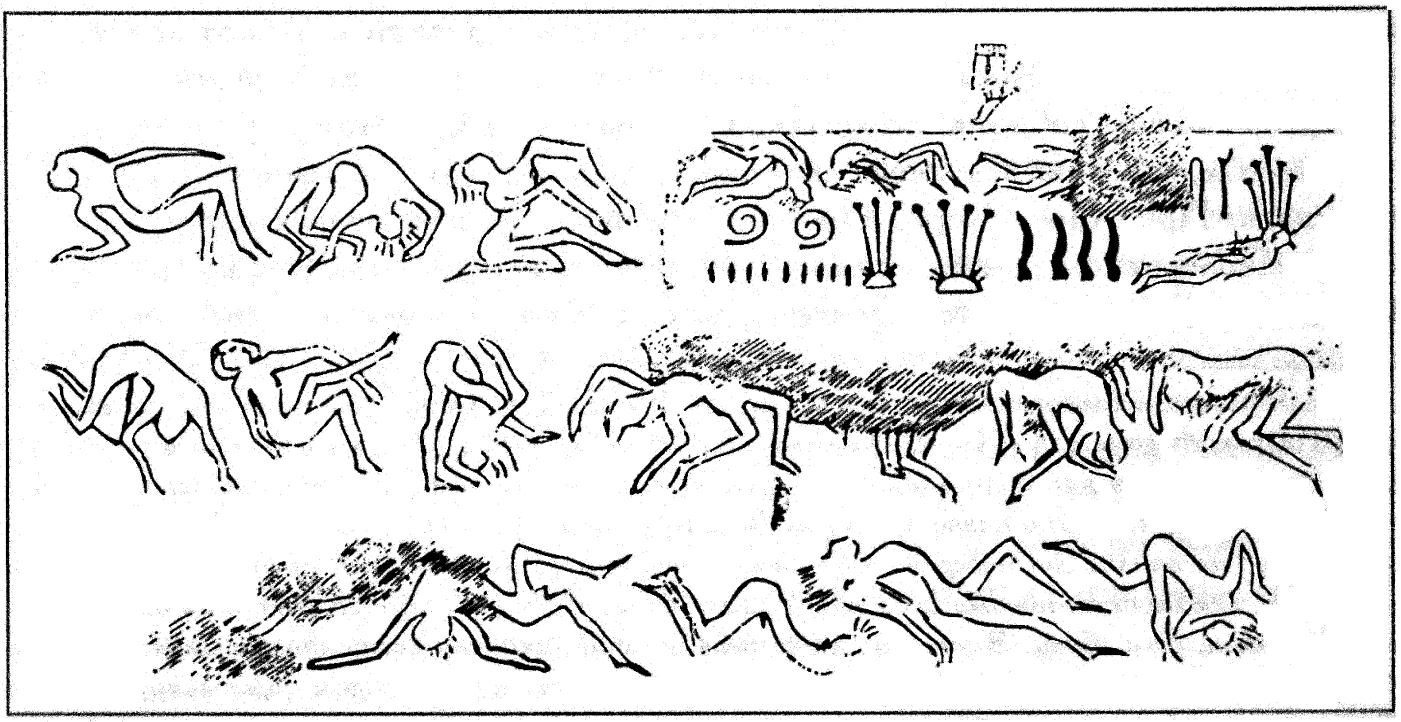
ху, то на других царственная птица сидит уже, гордо выпрямившись, на безукоризненно правильном прямоугольнике. Имеются и промежуточные виды, а в одном запястье из золотых и бирюзовых пластинок в виде Харовых (Хоровых) имен придавленный и выпрямленный соколы чередуются. И как превосходно выполнены гордый сокол и имя царя на его надгробной плите! Они почти не уступают в смысле художественности резьбы Харову (Хорову) имени на надгробии царя-преемника — Хары (Хора) Змеи, одному из примечательнейших созданий египетской древности. А двойное изображение Хары (Хора) Хвата на престоле то в верхнеегипетском, то в нижнеегипетском венце? Оно помещается на глиняной печати, которой были опечатаны какие-то припасы, вещице ничтожной по сравнению с булавой, посвященной Харой (Хором) Сомом в государственный храм. Каким стройным и соразмерным, совсем «египетским», выглядит царь на печати, и каким приземистым, большеголовым на булаве, хотя Хара (Хор) Сом изображен на ней в том же положении — на престоле и в венце. Даже тогда, когда воины Хары (Хора) Хвата вторглись глубоко вверх по Нилу в Эфиопию (в нынешний Судан), они не преминули изобразить там на глыбе камня, оторвавшейся от скалы, одержанную ими победу: захваченных пленников и беспорядочно разметавшиеся по земле вражеские трупы. Событиями, достойными того, что по ним были названы годы, считались не только такие, как «*поражение Северо-Востока*» (т. е. азиатских соседей) или празднества, выходы, основание замка. Всего чаще наряду с повинностью «*сопровождения Хары* (Хора)», отбываемой каждые два года, таким событием служило «*рождение*», т. е. изготовление тех или иных священных изображений. Вещественное свидетельство о том, какого уровня совершенства и зрелости достигло к тому времени кузнечное мастерство, представляют медные орудия и сосуды, в огромном количестве обнаруженные в гробнице современника Хары (Хора) Хвата.

В позднейшие времена гробницу самого Хары (Хора) Хвата принимали за могилу бога мертвых Усири (Усире, Осириса греков). В Новом царстве заброшенное кладбище ранних царей вновь привлекло к себе внимание. Город Абада (Эбот, Авидос греков), подле которого было кладбище, был местом почитания Усири (Усире).

Усири (Усире) же в глазах египтян был одновременно и древнейшим мертвым царем. Потому нетрудно было прийти к мысли, что могилу его надо искать здесь, среди древнейших царских могил. Что дало повод принять за нее гробницу Хары (Хора) Хвата, доподлинно неизвестно, возможно, исключительное изобилие вокруг нее надгробных камней с именами царских приближенных. Эти надгробия, появляющиеся впервые на царском кладбище в данное царствование, могли напоминать новоегипетским поклонникам Усири (Усире) те многочисленные каменные плиты, которые они сами ставили в Абаде (Эботе) у «лестницы» своего бога в память самих себя и своих близких.



▲ *Победная плита фараона Хары (Хора) Сома из Иераконполя (так называемая «Стела Нармера»)*



▲ *Павшие нижнеегипетские враги фараона Хары (Хора) Воссиявшего Жезлом, рельеф из Иераконполя. II династия*

О правлении следующего царя — Хары (Хора) Змеи мало что известно, хотя его имя найдено начертанным на скале даже глубоко в пустыне между Нилом и Красным морем. Новое направление в изобразительном искусстве, наметившееся в предыдущее царствование и уже тогда добивавшееся подлинно «египетских» соразмерности и четкости, вполне определилось, по меньшей мере, в ведущих мастерских. Если при Харе (Хоре) Хвате рядом с величавым и верно воспроизведенным соколом на правильном прямоугольнике с царским именем еще влачил существование сокол на вогнутом прямоугольнике, придавленный и мало похожий на ту птицу, которую он изображал, то при Харе (Хоре) Змее устарелое и убогое начертание больше не попадается. О великолепном надгробии этого царя, надписанном его Харовым (Хоровым) именем с изумительной уверенностью и изяществом, мы уже говорили.

Новый поворот в развитии страны намечается, как будто бы, с середины I царского дома, в правление царя, которого удобства ради мы будем звать Харой (Хором) Простирателем[1] и чье личное имя Манефон прочел и передал по-гречески как Усефаис. Точное значение Харова (Хорова) имени этого царя нельзя установить, но его можно читать *д(у)н* и переводить как «(сокол) *простерший* (крылья или когти)». При Харе Простирателе и его ближайших преемниках стали чаще выписывать также личное имя царя. В царствование Хары (Хора) Простирателя в надписях впервые появляется звание «*царь* (и) *государь*», дословно «*тот, кто от ситовника* (и) *пчелы*», и сразу же получает широкое распространение. Он же первый появляется на памятниках в двойном венце — верхнеегипетском, вставленном в нижнеегипетский. Вносятся ясность и порядок в написание лет на ярлыках к припасам. При Харах (Хорах) Бойце и Хвате указывали только события, по которым был назван год, притом в таких же лежачих строках, как и последующие сведения о припасах, само же слово «*год*» не выписывали. При Харе (Хоре) Простирателе впереди ссылки на события, совсем как на Палермском камне, ставится уже огромный знак года (ощипанная пальмовая ветвь), и всё вместе отделяется от остальной надписи отвесной чертой.

---

[1] В своем исследовании о Раннем царстве Ю. Я. Перепелкин передавал имя четвертого царя I царского дома как «Хор-Водолей» и, в частности, писал: «*Новый поворот в развитии страны намечается как будто только с середины I царского дома, в правление царя, которого, удобства ради, можно назвать Хором-Водолеем, хотя перевод его имени* ***вдй-мв*** *"полагающий воду" не вполне достоверен. Уже своим внешним видом это имя проповедовало новую пору, так как было по-новому сложено. У прежних царей Хорово имя состояло из одного слова: Скорпион, Сом, Боец, Змея и т. д., теперь же оно начинало состоять из двух, делалось более пышным, и таким оно оставалось в последующем Раннем и Старом царствах. При Хоре Водолее впервые в надписях появляется и звание царя верхувого и низувого, дословно "того, что от ситовника (знака Верховья) и пчелы (знака Низовья)", и сразу же получает широкое распространение*».

Учеными было правильно подмечено, что между событиями, упомянутыми на памятниках Хары (Хора) Простирателя и в 3-й строке Палермского камня существует определенное сходство. Не все совпадения одинаково доказательны. Празднование «тридцатилетия» царствования отмечено в наименованиях как лет Хары (Хора) Простирателя, так и безымянного царя на Палермском камне, но такие празднества справляли и двое последних царей I царского дома. Обрядовый бег священного быка представлен на одной из печатей Хары (Хора) Простирателя, и по тому же событию назван один из годов палермского царя. Однако уже то, что бег происходил в этот год в «*первый раз*», намекает на повторение бега и, действительно, на Палермском камне по бегу быка обозначены два года одного из царей II царского дома; тот же бег, возможно, назван даже на ярлыке Хары (Хора) Бойца. Тем не менее, взятые вместе и особенно в связи с другими совпадениями, и эти совпадения не лишены значения. По-настоящему существенными представляются два совпадения. Под одним из годов безымянного царя на Палермском камне отмечена «*стрельба* (в) *бегемота*», под другим — «*рождение*» своеобразной египетской богини с кошачьим обликом («Мафдет»). Но бегемота поражает острогою, или, по-египетски, «*стреляет*» не кто иной, как Хара (Хор) Простиратель на современных ему печатях, и на одной же из них, равно как на обломках сосудов из его гробницы, рядом с его изображением или именем названа та же египетская богиня («Мафдет»). Ни она, ни «*стрельба* (в) *бегемота*» не засвидетельствованы на памятниках других ранних царей.

Но есть, пожалуй, еще более веский довод в пользу тождества Хары (Хора) Простирателя с безымянным царем. Наименования лет этого последнего по разнообразию событий живо напоминают годы Хары (Хора) Простирателя, как они увековечены на его ярлыках. Однако исследователей всегда поражало полное молчание 3-й строки Палермского камня о повинности «*сопровождения Хары* (Хора)», равномерно каждые два года вспоминаемой в летописи во все прочие царствования как I-го, так и II-го царских домов. Загадка разгадывается, по-видимому, просто, если неизвестным царем был Хара (Хор) Простиратель. При нем и, насколько можно судить по имеющимся памятникам, только при нем, «*сопровождение Хары* (Хора)» отмечалось не в начале наименований лет, а в конце. Из перегруженных ссылками на события названий годов Хары (Хора) Простирателя летопись могла вместить только начала, концы же, где как раз и упоминалось «*сопровождение Хары* (Хора)», приходилось по необходимости опускать: узкие клеточки, отведенные в летописи под отдельные годы I и II царских домов, были далеко не вместительны.

Время Хары (Хора) Простирателя отмечено также заметными сдвигами в области искусства. Если один из годов в 3-й строке Палермского камня назван «*годом поражения* (южных) *кочевников*», то от времени самого Хары (Хора)

Простирателя сохранился ярлык слоновой кости с изображением царя, поражающего «*Восток*» в «*первый раз*» — очевидно, в расчете на повторные победы. В отличие от победного памятника Хары (Хора) Сома, бурный натиск воинственного царя передан чрезвычайно живо: от былой скованности движений не осталось и следа. Все же за отсутствием военных и охотничьих изображений Хары (Хора) Хвата и Хары (Хора) Змеи было б неосмотрительно утверждать, что на живую передачу движений художники дерзнули впервые теперь. Если на известняковом круге из гробницы Хамаку (Хэмэко), сановника Хары (Хора) Простирателя изображено стремительно несущееся животное (газель), преследуемое гончей, то еще лучше бегущий бык представлен на костяном ярлыке Хары (Хора) Бойца. Но вот в зодчестве царствование Хары (Хора) Простирателя открыло, бесспорно, новую пору. Усыпальницы его двух ближайших предшественников в городе Абаде (Эботе, Авидосе греков), Хары (Хора) Хвата и Хары (Хора) Змеи были выложены в земле только кирпичом-сырцом да деревом и очень несложны по замыслу, представляя всего лишь обширный прямоугольный подземный покой, окруженный со всех сторон подземными же комнатушками. У Хары (Хора) Простирателя в подземелье вела уже величественная лестница, а самый склеп был вымощен плитами из привозного камня (красного гранита, добываемого на самом юге страны).

С этого времени лестница прочно вошла в гробничное зодчество и имеется в гробницах последующих царей. Знаменательно то, что не только у Хары (Хора) Простирателя, но также у двух его ближайших преемников, следовательно не случайно, она выводит из могилы прямо на восток, навстречу занимающемуся дню. Видимо, сытое прозябание по смерти в забитой снедью, но темной могиле перестало удовлетворять царей. Понадобился выход оттуда, притом выход на восток, к восходящему солнцу. Из постоянного жилища покойного царя гробница превращалась в сытый ночлег!

Замена простого более сложным и более утонченным, наблюдающаяся в разных областях тогдашней действительности, несомненно, означала усложнение, развитие общественной жизни в целом, но в чем состояли общественно-хозяйственные сдвиги, наметившиеся к середине I царского дома, имеющиеся источники не позволяют уловить с уверенностью. У безымянного царя 3-й строки Палермского камня, царя, несомненно, середины I царского дома, наверно, тождественного с Харой (Хором) Простирателем, три годовых названия из четырнадцати уцелевших упоминают пруды или протоки. Два названия, правда, не слишком показательны, так как в виду имеются, скорее всего, храмовые пруды, которые «*открывают*» или «*посещают*(?)». Зато третье название, если можно положиться на принятое толкование, поистине значительно: «*Год копки прудов* (или: протоков) (на) *западе* (и) *востоке Низовья народ*(*ом*) *всяк*(*им*)». Что если обогащение и усложнение жизни общественных верхов, заметные в царствование Хары

(Хора) Простирателя, стояли в конечном счете в связи с ростом осушительно-оросительной сети и водоснабжения, позволявшим господствующим верхам в большей мере, чем прежде, использовать для себя народный труд?

Если безымянный царь Палермского камня и Хара (Хор) Простиратель одно и то же лицо, то правление Хары (Хора) Простирателя длилось не менее тридцати с лишним лет, как показывает простой расчет по клеточкам, на которые расчерчен камень. Длительность правления, изобилие новшеств, богатство событиями способны создать представление о Харе (Хоре) Простирателе как о виднейшем представителе I царского дома. Каменный пол царской усыпальницы, не повторенный в гробницах преемников, исключительная четкость и уверенность начертаний и изображений служат тому как бы наглядным подтверждением. Любопытно, что именно Хара (Хор) Простиратель, пускай под искаженным, но все же личным своим именем, переданным у Манефона как Усафаис, вспоминался отдаленным потомкам, когда надо было приурочить какое-нибудь средство или заклинание ко времени одного из древнейших царей.

Мы не знаем, в какой мере Хара (Хор) Простиратель был лично ответственен за нововведения своего царствования. Особое место рядом с царем занимала, по-видимому, царица (Мэ-нэит), гробница которой подле мужниной на царском кладбище в Абаде (Эботе, Авидосе греков) была бы достойна самого царя. Необычайное положение занимал при Харе (Хоре) Простирателе, как будто бы, «*казнохранитель государя*» по имени Хамаку (Хэмэко), чья громадная усыпальница была откопана на столичном кладбище у Стен Белых (Мэнфе). На ярлыках того времени Хамаку (Хэмэко) называют не вместе с сановником, ответственным за производство данных припасов, а непосредственно за царским именем. Если этот вельможа тождественен с одноименным управителем царских виноградников, не раз поименованным на печатях от винных сосудов, то он управлял и угодьями царского дома. Кажется, верхи общества прониклись сознанием, что живут в примечательную пору: не этим ли объясняется страсть увековечивать в наименованиях лет как можно больше разных событий, отодвигая назад заурядные происшествия, как «*сопровождение Хары* (Хора)»? Такое стремление тем любопытнее, что последние царствования I царского дома следуют избитым прадедовским приемам.

Преемниками Хары (Хора) Простирателя были Хара (Хор) Целостный Сердцем («Аджиб») с личным именем, переданным у Манефона как Миевис (Миебис), Хара (Хор) Дружественный Утробой («Семерхет») с личным именем, переданным у Манефона как Мемемпсес, и Хара (Хор) Высокий Рукою. По Туринскому царскому списку, последние три царя I царского дома достигли все преклонного возраста. О Харах (Хорах) Дружественном Утробою и Высоком Рукою из надписей их времени известно, что они справляли «*празднество тридцатилетия*». В последующие времена это празднество справлялось и задолго

до тридцатой годовщины царствования, но нередко совпадало с нею. По Манефону, три царя правили соответственно 26, 18 и 26 лет. Однако манефоновские числа не могут быть все исправными, так как по каирскому обломку староегипетской летописи один из царей должен был править неполных девять лет. И если на основании Туринского царского списка, а именно указанных там возрастов правителей, можно было б подумать, что царствование сменялось царствованием без потрясений и смут, то современные событиям памятники способны навести на иные мысли.

По сравнению с царствованием Хары (Хора) Простирателя время его преемника Хары Целостного Сердцем отмечено печатью упадка. Из всех царских гробниц I царского дома в городе Абаде (Эботе, Авидосе греков) гробница Хары (Хора) Целостного Сердцем самая убогая. По сравнению с другими она поразительно мала и сооружена очень небрежно. Царь охотно переписывал на себя каменную посуду предшественника, видимо, по собственной скудости, а не по неуважению к почившему, так как его имени он не трогал, а лишь добавлял к нему свое и притом как — корявыми письменами, а то и мелко и криво! Своеобразная четкость, которая выделяет надписи Хары (Хора) Простирателя, совсем не заметна в современных Харе (Хору) Целостному Сердцем, мало чем отличающихся от рядовых надписей Хары (Хора) Змеи.

Кое-кто позволяет подозревать неладное в отношениях Хары (Хора) Целостного Сердцем и его преемника Хары (Хора) Дружественного Утробою. В гробнице первого нашелся всего один обломок надписанного его именем сосуда, тогда как в гробнице второго посуда предшественника имелась во множестве, а его имя на ней бывало нередко изглажено. Возможно, у нового властителя были давние счеты с царской семьей, потому что в его гробнице находился сосуд, на котором было стерто даже имя царицы Хары (Хора) Простирателя (Мэ-Нэит).

В остальном мы почти ничего не знаем о правлении Хары (Хора) Дружественного Утробой, если не считать празднования им «*тридцатилетия*» царствования да таких заурядных событий, как «*сопровождение Хары* (Хора)». Это последнее в наименованиях лет выдвинулось опять, как во времена до Хары (Хора) Простирателя, на первое место. Мелкую, но любопытную черточку представляет окончательное сближение в это царствование, если только не в предшествующее, от которого не сохранились ярлыки, написания годовых названий на них с принятым в староегипетской летописи. Как в ней, так и на ярлыках Хары (Хора) Дружественного Утробой, наименование года вписывалось в прямоугольник, ограниченный спереди знаком года, но не расчерченный внутри на лежачие строки, как еще делали при Харе (Хоре) Простирателе. Поэтому сводки годовых наименований могли уже при Харе (Хоре) Дружественном Утробою выглядеть совершенно так же, как староегипетская летопись.

Последний представитель I царского дома, оставивший после себя памятники, — Хара (Хор) Высокий Рукою. Если ярлыки его царствования мало чем отличаются от оставленных предыдущим, то в гробнице царя наблюдается существенное новшество. В отличие от усыпальниц предшествующих трех царей, откуда выход был на восток, она обращена выходом на север, совсем как гробницы последующего Старого царства. Позволительно думать, что за этой переменою крылся большой сдвиг в загробных упованиях, именно в сторону большей отвлеченности. Если Хару (Хора) Простирателя потянуло прочь из мрака, из забитого снедью подземелья на землю, на свет, навстречу восходящему дню, то Хара (Хор) Высокий Рукою, видимо, стремился уже в небесные дали, в общество «*негибнущих*», т. е. незаходящих, звезд на севере небес. Гробница примечательна и строительным достижением: в ней применен ложный свод.

Именные надгробия приближенных, окружавшие склеп Хары (Хора) Высокого Рукою в Абаде (Эботе, Авидосе греков), являются самыми крупными среди памятников такого рода, сохранившихся на тамошнем кладбище от времени I царского дома. Особенно приметна одна плита — как по величине, так и по своей надписи: внутри прямоугольной каемки над маленьким еще изображением вельможи вырезан длинный перечень его должностных званий — совсем как во времена Старого царства. И это несмотря на то, что сам сановник («Сабеф») был погребен не здесь, а в собственной гробнице на мемфисском кладбище у Стен Белых (Мэнфе), отмеченной тоже новшеством, именно стенописью — опять-таки в духе последующего Старого царства.

О событиях времени Хары (Хора) Высокого Рукою мы почти ничего не знаем, если не считать того, что справляли празднество «*тридцатилетия*» царствования и учиняли обычные «*сопровождения Хары* (Хора)». Из того, что на длинной костяшке того времени изобразили бородатого пленника и надписали над ним «*Северо-восточная сторона*» (*ʿрм*, что обычно переводится как «Азия»), было б не в меру смелым заключить, что ходили войною на синайских кочевников, хотя ничего невозможного в том, разумеется, нет.

Как кончился I царский дом — нам неизвестно. Ко дню кончины Хары (Хора) Высокого Рукою в его гробнице в Абаде (Эботе, Авидосе греков) по-настоящему готов был только срединный склеп. Помещения вокруг него достраивались наспех из непросохшего кирпича-сырца, что привело затем к оседанию и обвалу стен. Но в отличие от гробницы Хары (Хора) Целостного Сердцем, в той же Абаде (Эботе, Авидосе греков) гробница Хары (Хора) Высокого Рукою была внушительных размеров, а погребение — богатым (каменная посуда, золото). То обстоятельство, что важный придворный («Сабеф») оставил подле склепа царя свою плиту, исключает как будто б насильственное свержение этого последнего.

По Манефону, I царский дом продержался на престоле свыше двух с поло-

виной столетий. Если допустить, что «*празднества тридцатилетия*», справлявшиеся большинством царей этого дома (Хары (Хоры) Простиратель, Дружественный Утробой, Высокий Рукою и, вероятно, также Хват), были действительно тридцатилетними годовщинами царствования, то такая продолжительность не покажется невероятной. Но поскольку «*тридцатилетия*» могли быть условными, манефоновские два с половиной века и тем самым прочность дома на египетском престоле нуждаются в более веском подтверждении. Впрочем, не следует и слишком сокращать манефоновское число. По Палермскому камню, по тому, как на нем были распределены царствования, можно прикинуть, сколько примерно должен был длиться I царский дом, и получается, что он царствовал — все же довольно долго — вроде как бы два столетия.

О судьбах Египта при II царском доме, правившем, по Манефону, якобы три столетия, мы осведомлены, как это ни странно, много хуже, чем о I доме. Это тем более досадно, что время II царского дома было очень существенным звеном в развитии Египта от древнейшей государственности к могущественному Старому государству. Большое развитие проделали при II царском доме и египетские письменность и искусство. Начертания стали более упорядоченными и строгими, а их расположение более выдержанным. Появились, правда, еще в виде исключения, каменные постройки. Стали чаще вырезать изображения на камне. Появились каменные изваяния частных лиц, хотя и выполненные неумело по сравнению со Старым царством.

Далеко не ясны даже количество и последовательность царей II дома. Предшествующий царский дом сооружал себе усыпальницы около города Абады (Эбота, Авидоса греков), но цари II дома забросили царское кладбище, чтобы затем вернуться на него при не совсем обычных обстоятельствах. Со времени предшественников I дома цари неизменно именовали себя Харами (Хорами), теперь же мы находим царя, который объявил себя не Харою (Хором), а его противником Сутой (Сэтом). Вслед за этим правителем (Пер-эп-сеном) другой царь, уже под самый конец II царского дома, провозгласил себя зараз Харой (Хором) и Сутой (Сэтом) и даже именовался в том же примиренческом духе Воссиявшим Двумя Жезлами (Ха-сахмауе) и «*Тем, в ком умиротворились оба бога*». Что все это значит — толком неизвестно. Неизвестно также, имело ли оно отношение к кровавым событиям в Низовье, возможно, при том же Харе-Суте (Хоре-Сэте) Воссиявшем Двумя Жезлами, если он одно и то же лицо с Харой (Хором) Воссиявшим Жезлом (Ха-сахмом). На подножиях двух своих изваяний этот Хара (Хор) Воссиявший Жезлом изобразил Низовье пораженным в голову и беспорядочно разметавшиеся трупы повстанцев и указал, что их пало не то 48205, не то 47209. На двух каменных сосудах он представил верхнеегипетскую государственную богиню-коршуна, вручающею ему, Харе (Хору) Воссиявшему Жезлом,

увенчанному верхнеегипетским венцом, знак соединения обеих земель в «*год поражения Низовья*». То было последнее восстание Низовья на верхнеегипетских покорителей, о котором мы что-либо знаем.

Еще на рубеже прошлого и нынешнего столетий при раскопках погребений времени I царского дома было обнаружено немало медных орудий, особенно резцов и игл, но также топоры, тесла, шилья, щипцы, значительное количество медных гвоздей и проволоки, затем медные обшивки, посуда, украшения. Эти находки были тем показательнее, что медные предметы, несомненно, привлекали внимание гробокопателей, расхищавших древние кладбища. Однако по-настоящему оценить развитие медного дела при I царском доме стало возможным только с тридцатых годов текущего столетия. В большой гробнице на мемфисском кладбище был откопан целый склад медных изделий, укрытый от грабителей обвалившимся при пожаре потолком. По печатям, которыми были запечатаны припасы, можно было установить, что гробница была времени Хары (Хора) Хвата, иными словами, еще начала I царского дома. В одном из помещений подле подземного склепа В. Б. Эмери нашел пять плетеных ящиков или прямоугольных корзин, в которых оказались сотни медных орудий: 7 пил-ножовок, 86 ножей трех родов от 60 до 25 см длиною, 35 ножиков вроде нынешних шпателей, 102 тесла двух родов, 47 мотык четырех родов, 79 резцов любого размера и вида, 15 шильев, 32 пробойника двух размеров, 262 иглы разной длины, 75 медных пластин — наверно, на тот случай, если б умершему понадобились новые орудия, и 68 сосудов восьми видов, уложенные отдельно в один из пяти ящиков. Примечательно не только количество медных орудий, найденных в этой гробнице, но и большое их разнообразие. Как совершеннны они были по тем временам, видно по тому, что почти все представленные ими виды перешли без изменений в последующее Старое царство.

Все говорит о большом и давнем опыте в изготовлении и употреблении орудий из меди. Правда, то была медь в природном ее виде, не искусственный сплав ее с оловом, т. е. не бронза. Но и так широкое применение кованых орудий означало новую пору в производстве. Насколько современникам II царского дома медь была привычна как вещество для изготовления орудий, показывает то, что целые наборы хрупких их подобий, тоненькие ножи, резцы, тесла, топоры, приготовлялись для умерших именно из нее. Времени того же царского дома принадлежит каменная плита зажиточного плотника Уаб-хнамы (Ваб-хнума) из гробницы неподалеку от Стен Белых (Мэнфе). По надписи на плите плотник желал иметь и на том свете медную пилу и по медному же резцу двух разных родов. Впрочем, ковка орудий при II царском доме производилась подчас довольно-таки первобытно.

Из прочих металлов сколько-нибудь заметное применение в Раннем царстве имело одно золото в его естественном сплаве с серебром, но, разумеется не для изготовления орудий.

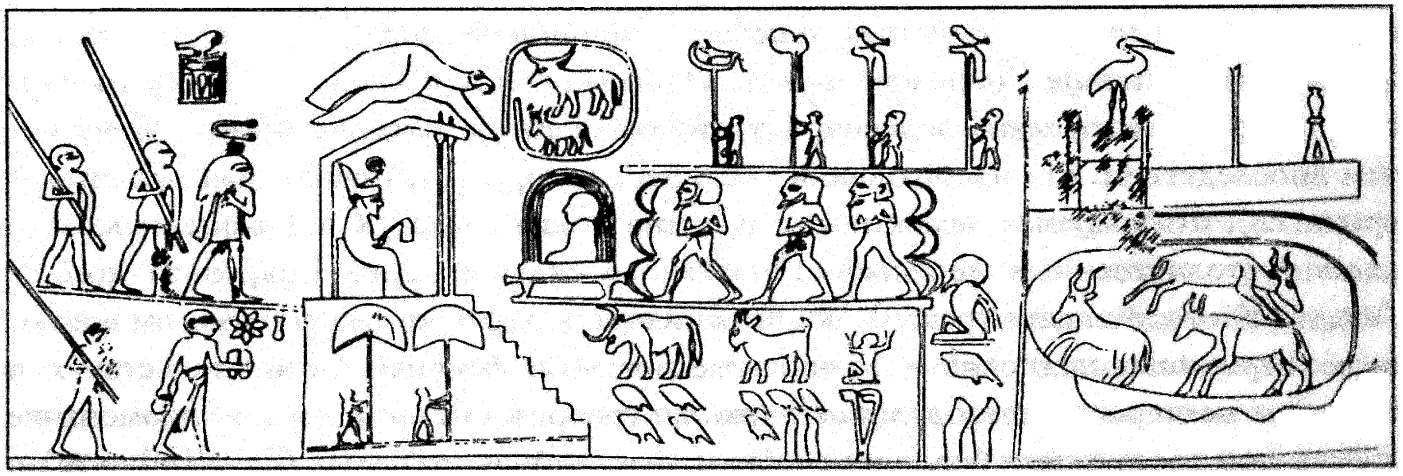
Как, однако, велико ни было значение меди в производстве, каменный век далеко еще не был изжит. Это доказывают многочисленные кремневые орудия: ножи и ножички, разнообразные скребки, наконечники стрел и т. п., найденные в разных концах страны в погребениях не только простых людей, но даже самих царей, притом как I-го, так и II-го царских домов. Городище в Абаде (Эботе, Авидосе греков), соседнее с царским кладбищем, в пластах, современных Раннему царству, оказалось усеянным кремневыми орудиями: ножами, скребками, мотыками и т. д. Описанному выше медному кладу времени Хары (Хора) Хвата можно с успехом противопоставить клад кремневых орудий, обнаруженный в гробнице большого вельможи (Хэмэко), казнохранителя Хары (Хора) Простирателя, по времени, следовательно, даже более поздний. Здесь было найдено 8 больших ножей с рукоятками, 3 «ножика» и 66 «ножичков» без рукояток, 135 треугольных скребков, 88 продолговатых скребков одного рода, 5 другого рода, вместе с 5 большими кремнями, приложенными, наверное, на тот случай, если б умершему потребовались еще орудия — совсем как пластины в медном кладе! — и, наконец, целиком или в остатках 38 деревянных серпов с кремневыми лезвиями. Любопытно, что часть кремневого клада мирно соседствовала в одной и той же суме с 8 медными шильями, а в углу той самой кладовой, где был найден медный клад времени Хары (Хора) Хвата, лежали, помимо аспидных дощечек, медных, ракушечных, костяных и кожаных запястий, еще 64 кремневых скребка и 63 кремневых ножичка!

При этом кремневые орудия были не только употребительны, но продолжали совершенствоваться и видоизменяться, выказывая тем самым полную свою производственную жизненность и пригодность. Если выделка ножей стала грубее, как бы знаменуя качественный упадок данного ремесла, то высекать их зато стали с рукоятками и, чем ближе к концу II царского дома, тем все более и более прямыми, скребки постепенно обретали более правильные, а иные орудия — граненые очертания, распространялись новые ухищренные наконечники стрел. На кремневых орудиях из царских гробниц в Абаде (Эботе, Авидосе греков) В. М. Флиндерс Питри проследил, как быстро происходили изменения — нередко всего за несколько царствований.

Каменным орудиям предстояла великая будущность в Египте с развитием там строительства и ваяния из камня. В Раннем царстве то и другое еще только зарождалось. Каменные изваяния создавали еще до I царского дома и при нем самом. Но даже от II царского дома их дошло до нас не очень-то много. Строители пользовались камнем довольно скупо, правда, далеко не столь редко, как то представлялось прежде. Уже при I царском доме каменным был пол в гробнице Хары (Хора) Простирателя в Абаде (Эботе), и камень же был в значительных количествах применен в больших гробницах на севере страны: для облицовки помещений, перекрытий, настилов на них, наличников дверей, спускных преград и т. д. От конца I-го и времени II-го царского дома мы располагаем не только внуши-

▲ *Царь Скорпион с мотыкою за отправлением землекопного обряда, изображение на булаве*

▲ *Надгробная стела с именем фараона Хары (Хора) Змеи из Абады (Эбота), I династия*



▲ *Праздник «тридцатилетия» (хеб-сед) при фараоне Харе (Хоре) Соме, рельеф из Иераконполя*

тельным числом каменных плит, использованных в погребальных сооружениях частных лиц, не только обширным склепом Хары-Суты (Хора-Сэта) Воссиявшего Двумя Жезлами с полом и стенами из камня, но и каменным косяком от храмовых дверей, поставленных Харой (Хором) Воссиявшим Жезлом в священной верхнеегипетской столице (Иераконполе). Судя по приемам, применявшимся впоследствии, камнеделы и в Раннем царстве должны были широко пользоваться каменными орудиями, обрабатывали ли они отдельные глыбы или вырубали склепы в известняковой почве. Но имеются ясные указания на употребление камнеделами также медных орудий.

Еще при I царском доме некоторые глыбы поражают не одной величиною, но и тем, как превосходно они отесаны. На отдельных плитах отчетливо прослеживается применение медных орудий. Разные надгробия Хары (Хора) Хвата и Хары (Хора) Змеи показывают, что уже в первую половину I царского дома резец в руках искусных мастеров — большинство, судя по надгробиям простых смертных, было еще далеко не искусным — вполне подчинил себе камень.

Видимо, со внедрением в каменное дело медных орудий связаны перемены в посудном производстве. Раннее царство для разных нужд и в несметном количестве производило посуду из обожженной глины, хотя достоверно неизвестно, знало ли оно гончарный круг. В ходу была также поливная посуда из особого состава, так называемого египетского фаянса, употреблялась и медная. Тем не менее и в верхних и в средних слоях общества при первых двух царских домах была распротранена, как никогда прежде, посуда из камня, особенно более мягкого (преимущественно алавастра), послушного орудиям из меди.

Велико должно было быть значение медных орудий для древодельческого ремесла, процветавшего в Раннем царстве, как ни в какую другую пору фараоновского Египта. Конечно, в основном в раннеегипетскую пору строили из кирпича-сырца и, хотя он был сравнительно недавним нововведением, строители достигли в пользовании им значительных успехов (кирпичный свод знали не только при II-м, но уже в конце I царского дома). Однако наряду с кирпичом Раннего царства щедро пользовались деревом. Страна была тогда, видимо, много богаче им, чем впоследствии. На изображении соседнего нагорья («Ливии», как значится в приписке), относящемся, вероятно, ко времени Хары (Хора) Скорпиона, показаны ряды густолиственных деревьев. Подземные склепы царей I царского дома в Абаде (Эботе, Авидосе греков), обшитые изнутри деревом, выстланные им же поверх хитроумных подполий и перекрытые могучими бревнами, свидетельствуют о большом мастерстве древоделов. О том же говорит умелое и смелое применение дерева при сооружении больших гробниц на кладбище у Белых Стен (Мэнфе) и в других местах страны. Большое мастерство предполагают и остатки деревянной обстановки, сохранившиеся до нашего времени.

Неясным представляется, в какой мере использовались медные орудия при обработке слоновой кости, которой Раннее царство уделяло столько внимания, сколько не уделяла ни одна другая пора египетской древности. При I царском доме обработка слоновой кости развилась в существенную отрасль ремесленной промышленности. Поделки того времени из слоновой кости дошли до нас в количестве поистине неимоверном, и пользовались ими как верхние, так и средние слои общества. Изготовляли же из нее самые разнообразные вещи: от частей обстановки до наконечников стрел! Было б любопытно знать, что предпочитали эти искусники-костерезы: кремневые или медные орудия?

Раннее царство жило в медном веке, но и каменный век не был еще изжит. Сам по себе меднокаменный век не сулил больших производственных возможностей, но его своеобразие в Египте заключалось в том, что в силу природы страны на уровне даже медно-каменного века стало возможным овладеть могучей природной производительной силой и заложить прочную основу для сказочного роста производительности земледельческого труда.

Могучая река Нил не только поила, но и отлагала, ежегодно разливаясь, прибрежную почву — плодородный ил. Но раньше чем стать основою земледелия, река должна была быть освоена человеком. Без его труда, без искусственной осушки и орошения страна была бы топкой низиной посреди зыбучих песков.

Осваивать реку, создавать осушительно-оросительную сеть — копать протоки, насыпать водопреградные насыпи, исправно содержать, открывать и закрывать то и другое возможно было с помощью самых несложных орудий — землекопной мотыки и корзины для переноски земли. Еще на булаве Хары (Хора) Скорпиона изображено, как его подданные голыми руками и мотыкою собираются учинить что-то с многоводным протоком. В представлении современников I царского дома любая «*область*» их страны была прежде всего орошаемой почвой, потому что само слово «*область*» уже в те дни писали знаком, изображавшим землю, поделенную оросительной сетью на четырехугольные участки наподобие игральной доски. Весь пересеченный осушительно-оросительными сооружениями, Египет уже при I царском доме должен был быть страною исключительного плодородия.

Как и в последующие времена, узкая долина реки — Верхний Египет и веерообразно расширяющееся Низовье, или Нижний Египет, — многорукавное, близкое к морю, переполненное влагою и заболоченное, — были освоены неодинаково. Уже при I царском доме и даже раньше Верхний Египет в письме обозначал знак в виде степного растения, произрастающего из полоски наносной земли, тогда как Низовье, страну болотных зарослей, знаменовал куст местной осоки (папируса). Конечно, это не значит, что Низовье было сплошь заболочено. И в Раннем царстве здесь были значительные города, многолюдные поселения, процве-

тало виноградарство, и уже при I царском доме различали *«нижнеегипетский»* и *«верхнеегипетский ячмень»*.

В гробницах современников того же дома, кроме ячменя, найдена была также пшеница-двузернянка. Земледельческие орудия были тогда, в общем, теми же, что и в Старом царстве. Плуг с очень коротким еще дышлом, но во всем остальном такой же, как впоследствии, засвидетельствован изобразительно письменами времени II царского дома. Впрочем, на Палермском камне из числа еще царей одного Низовья двое носят имена, которые можно передать как *«Пахарь»* и *«Тот, кто от плуга»*. Мотыка показана в действии еще на изображениях булавы Хары (Хора) Скорпиона; знак, изображающий мотыку, встречается множество раз в надписях времени I дома, иногда также в более древних. Деревянные серпы со вставными лезвиями из кусочков кремня были найдены десятками в гробнице сановника Хары (Хора) Простирателя Хамаку (Хэмэко); письменный знак в виде серпа многократно употреблен на памятниках того же I дома. На них засвидетельствован и знак письма, изображающий округлое гумно, обнесенное стенкою. Помол зерна, как и в последующие века, производился вручную: грубые зернотерки — два жернова, из которых меньшим на большем растирали зерно — дошли до нас от того же времени. Таким образом, хлебопашество в Раннем царстве велось примерно так же, как в Старом.

То же можно сказать о некоторых других отраслях земледелия. В погребениях времени I царского дома были найдены льняные веревки и полотна, из которых некоторые изумительного качества. Подобные полотна лучше всяких слов говорят о высоком искусстве в пользовании ткацким станком, о большом и долгом опыте в ткацком деле, а следовательно и о развитом льноводстве. На цветущее состояние виноградарства при I и II царских домах указывают бесчисленные винные сосуды, найденные в целом виде или в остатках в тогдашних гробницах. Судя по производственным печатям на иле, залеплявшем горлышки сосудов, местом процветания виноградарства, как и в более поздние времена, было Низовье. На печатях *«сады»* называются в связи с *«домом красным»*, нижнеегипетским казнохранилищем, особенно часто при II царском доме. Тогда же рядом с названиями садов упоминается также северная столица «Стены Белые», будущий Мэмфи (Мэнфе), и неоднократно изображены и поименованы божества западного Низовья. Впрочем, на печатях, видимо, подобных же производств времени I царского дома вместе с *«областями»* Низовья бывают названы то *«запад»*, то *«восток»*. В могилах, современных тому же царскому дому, были найдены сами виноградники, а также в большом количестве смоквы и плоды одного из крушиновых. Пометки на сосудах того же происхождения упоминают еще какой-то мелкий плод, служивший еще в Старом царстве существенным средством питания. Финиковая пальма изображена в саду(?) уже на булаве Хары (Хора) Скорпиона.

Что касается скотоводства, то едва ли не все виды домашнего скота, известные Старому царству, были известны и Раннему. Быки, ослы, старинная, позже вышедшая порода баранов с развесистыми, не подогнутыми рогами, козы, возможно также ручная белая антилопа засвидетельствованы все изобразительно или письменно, а то и собственными костями для времени I царского дома. Поставлено было скотоводство на широкую ногу: Хара (Хор) Сом считал возможным хвалиться на булаве, посвященной в государственный храм, угоном, вместе с 120000 пленных, 400000 голов крупного рогатого и 1422000 голов мелкого скота. Так как известно, что этот царь воевал в Низовье, вполне возможно, что добыча была оттуда, — в Старом царстве низовые топи служили излюбленным пастбищем для крупного скота. Пополнение же поголовья путем захватов было обычным явлением: на изображении, наверное, времени Хары (Хора) Скорпиона мы видим лесистую (в ту пору) страну, согласно приписке — «*Ливию*», и домашний скот: быков, баранов, ослов, — очевидно, добычу оттуда. На победных изображениях времени Старого царства в заупокойном храме царя Сах-и-рии (Сех-и-рэ) те же животные представлены в виде уже, несомненно, военной добычи, притом из той же Ливии.

На пчеловодство, хорошо засвидетельствованное для Старого царства, определенных указаний как будто бы не имеется, если не считать большого сосуда, помеченного знаком пчелы, который можно прочесть как «*мёд*».

Охоты накануне I царского дома перерастали иногда в настоящие походы. На изображении того времени охотники идут на львов и других животных пустыни в полном вооружении, с арканами, секирами, копьями, луками и стрелами и даже со знаменами. Охотиться на степного зверя можно было в пустыне повсюду, но птицеловство и рыболовство, судя по последующему Старому царству, должны были процветать особенно в Низовье.

То же Низовье было, надо полагать, уже в Раннем царстве главным, если только не основным местом произрастания высокой осоки, именуемой папирусом. Уже от середины I царского дома до нас дошел целый свиток волокнистой бумаги, приготовленной из ствола этого растения. Поразительно, что такая бумага шла тогда даже на обертку кремневых орудий.

Но как ни важны были производства, отличавшие Низовье, своеобразие медному веку в Египте придавало высокопроизводительное полеводство. Но была еще одна, хотя и не столь важная особенность, отличавшая египетский медный век: почти всё потребное сырье производство находило или в самой стране, или в соседней пустыне.

Туземные месторождения меди были ничтожны, но ее можно было добывать поблизости на Синайском полуострове, и присутствие там египтян при I царском доме засвидетельствовано, хотя и нельзя доказать, что они добывали там именно

медь, а не бирюзу. Не исключено, что уже в концу II царского дома египтяне разрабатывали медные рудники в Эфиопии. Во всяком случае, у вторых порогов Нила в первую половину последующего Старого царства было египетское поселение, занимавшееся выплавкой меди, и некоторые постройки в нем были сложены из кирпича-сырца того же вида, что и употреблявшийся в Египте с конца II царского дома. Золото имелось в пустыне между рекою и Красным морем. Эфиопский юг, по всей видимости, не поставлял золота даже в Старом царстве. Долина реки и пустыня восточнее ее были богаты разнообразным камнем. По видам его, бывшим в употреблении при I царском доме, можно заключить, что большинство месторождений уже тогда было известно и разрабатывалось. Немногим иначе обстояло дело с полудрагоценными каменьями, нужными для бус. Большинство таких камней, известных фараоновской древности, было известно уже при I царском доме. Некоторые встречались в пустыне к востоку от реки, другие на Синайском полуострове (бирюза, малахит), и к посредникам, за редким исключением (лазоревый камень из Афганистана), не за чем было обращаться. Деревом, как мы говорили, Египет был тогда еще довольно богат, хотя вообще оно было его слабым местом. Черное дерево, еще при I царском доме применявшееся для разного рода поделок — от частей обстановки до наконечников стрел, — было, несомненно, привозным. Потребление тогда слоновой кости в невероятном количестве почти исключает мысль о ввозе ее из-за границы. Скорее всего, слон еще водился по окраинам пустыни. Резные изображения времени около начала Раннего царства показывают его в обществе степных животных, иногда — шествующим по низким пригоркам. Возможно, именно непомерное увлечение слоновой костью и было причиной его полного истребления.

Таким образом, природные богатства страны и окрестных пустынь позволяли Раннему царству обходиться почти полностью собственным или близлежащим сырьем. Это, конечно, нисколько не мешало поддерживать сношения со странами, даже довольно отдаленными. Неясно, мирным или военным отношениям с Палестиной мы обязаны тамошними египетскими находками времени I царского дома. Если бы некоторые образцы посуды того же времени, найденные в Египте, оказались на деле эгейскими, можно было б толковать о связях его уже тогда со средиземноморским островным миром.

Производство, располагавшее, наряду с каменными, также коваными орудиями труда и притом в большом количестве и многих видов, при сочетании с необыкновенным плодоносием земли, преображенной трудом человека, представляло большие возможности для обогащения меньшей части общества за счет труда другой, большей его части. Скопление средств производства в руках меньшинства делило общество на угнетателей и угнетенных и вело к образованию государства.

Наши сведения о производственных отношениях Раннего царства неизбеж-

но скудны и неопределенны за недостатком деловых и повествовательных источников.

Печати на глиняных заделках винных сосудов при двух первых царских домах из царствования в царствование называют имена тех хозяйств, откуда происходило вино, и управлявших ими должностных лиц. На отдельное царствование приходится одно, редко два таких хозяйства, печати же очень разнообразны. Не означает ли это, что в определенное хозяйство входило множество виноградников, имевших каждый особую печать и расположенных в области, где виноград преимущественно разводили, т. е. в западном Низовье? Печатей от царских заготовок найдено бесконечно много, притом немало их найдено далеко за стенами царских гробниц, в погребениях знатных, а иногда и незнатных лиц, получавших царские припасы. Все это говорит о том, что царские виноградники были очень многочисленны, что царское хозяйство было очень большим и тщательно управляемым и отвечало за выпускаемые изделия.

Надписи времени II царского дома упоминают «*мастерские пищи*» и еще одно продовольственное заведение. О существовании тогда в больших хозяйствах и заведений иного рода может свидетельствовать «*печать судостроительного*» (или, быть может, вообще «*древодельческого*») заведения «*матери детей царевых*».

Из надписи на этой печати можно сделать вывод, что уже в конце II царского дома внутри самой царской семьи хозяйство царицы было отличным от хозяйства царя — совсем как в последующее время! Такое разграничение в пределах даже царской семьи предполагает существование уже тогда личных хозяйств знати. Равным образом и отграничение царского хозяйства как «*дома царева*» предполагает существование при I и II царских домах также «*домов*» нецаревых. Во всяком случае, такой вывод напрашивается на основании словоупотребления Старого царства.

Но кто же работал в царском хозяйстве и других больших владениях? Ответа на это печати от сосудов с припасами, естественно, не дают. Прочие источники тоже не отвечают ясно.

Среди надгробий приближенных и слуг I царского дома, окружавших своих владык и по смерти, имеется, по меньшей мере, одно, на котором умерший назван просто ***хам***, что в те времена не значило еще, как в Новом царстве, «*раб*», а скорее означало «*слуга*». Да и по тому, что вокруг склепов тогдашних царей погребались никак не производители, а придворные, царские карлики, борзые, можно заключить, что этот ***хам*** был царским слугою. От времени, должно быть, II царского дома дошла каменная именная печатка «*слуги царя*». Как мы увидим в дальнейшем, «*слугами царевыми*» именовалось в последующие времена земледельческое население Египта. Однако маловероятно, чтоб печатка была не долж-

ностного лица, а простого земледельца или рядового служителя. Что это слово действительно значило «*слуга*» или нечто к тому очень близкое, следует из величания жрецов еще при I царском доме «*хамами*» того или иного тогдашнего божества. Как мы увидим в главе о Старом царстве, подобные обозначения выражали не рабскую принадлежность, а служение кому-нибудь.

Это, разумеется, не означает, что в Раннем царстве не могло быть рабов. Одним из источников рабства могло быть пленение на войне. Раннее царство вело войны внутренние и внешние. Связанный пленник был излюбленным предметом тогдашнего изобразительного искусства. Иногда изображали целые вереницы пленных, связанных по рукам и за шеи. Иногда представлены определенно иноземцы, но в большинстве случаев изображенные могли бы сойти и за египтян. На одних изображениях мы видим убиение пленных, на других — только угон их.

Как использовали пленных, оставленных в живых? Прямого ответа на это мы не имеем. Около начала I царского дома Хара (Хор) Сом хвалился добычею из «*быков 400000, мелкого скота 1422000, пленников 120000*». Увод 120000 пленных — это целое народное переселение, и превращение всех их в рабов на самой заре фараоновского царства по меньшей мере маловероятно. Как бы завышены ни были числа, в виду имелось скорее всего переселение, если только не просто подчинение побежденного населения или значительной его части. Так как этот царь воевал в непокорном Низовье, те 120000 могли быть его жителями, выселенными в Верхний Египет или оставленными на месте в подчиненном положении. Захватить столько скота и людей у соседних кочевников западной пустыни, ливиян, с которыми Хара (Хор) Сом тоже воевал, вряд ли было возможно. Вообще же говоря, нельзя быть уверенным в том, что приведенные числа завышены. Число низовых повстанцев, павших при II царском доме в бою с войсками царя Хары (Хора) Восстиявшего Жезлом (Ха-сахма), как оно передано его надписями, тоже далеко не малое (48205 или 47209). Что пленники Хары (Хора) Сома пребывали в том или ином подневольном положении, конечно, не исключено, если угодно, даже подсказано самою надписью — перечислены вместе с крупным и мелким скотом. Но умозаключить отсюда, что «120000» человек превратились в рабов, ввиду всего того, что нам известно о последующих временах, было бы все-таки неосторожно.

Раскопки, производившиеся на кладбище «Стен Белых», как первоначально, а также часто впоследствии именовали низовую столицу Мэмфи (Мэнфе, Мемфис греков), наглядно и осязательно вскрыли перед нами всю глубину общественного расслоения Египта уже в середине I царского дома.

Что крепость высилась кирпичная громада — усыпальница важного сановника, вся убранная снаружи отвесными ступенчатыми выступами и отступами, а внутри полная потайных помещений, заваленных богатой утварью и продоволь-

ствием. С юга возле усыпальницы было выкопано 19 небольших ям, и в каждой было по деревянному гробику со скорченным человеческим трупом, завернутым в тонкую ткань, и немного простой посуды, некогда с теми или иными припасами. Только одна, двадцатая по счету, могила была побольше, гроб в ней был покрупнее, и мертвец лежал в полусогнутом положении. Восточнее усыпальницы было несколько крошечных могил с птичьими трупиками, обвитыми тонкими тканями и лежавшими в деревянных ларцах, из которых один был отделан слоновой костью и черным деревом; в каждой могилке было еще по маленькому сосуду. По соседству было семь погребений, во всем подобных птичьим, с той только разницей, что погребены были в этот раз собаки. При пернатых и четвероногих «покойничках» зарыт был человек, очевидно, их сторож, безо всякого гроба, только в саване, с несколькими горшками в придачу.

Если вельможа погребен по-царски и, как царь, окружен по смерти своими людьми и своими пернатыми и четвероногими любимцами, то эти его люди похоронены не лучше, а то и хуже, птиц и собак.

Общественные противоречия обнажены здесь с бесподобной наглядностью, потому что противопоставлены крайние верхи и низы общества. Но раскопки вскрыли также существование широкой средней прослойки для того же времени — середины I царского дома.

В той же местности, что и описанная усыпальница, было откопано непритязательное кладбище рядовых горожан. Из откопанных 231 могилы несколько вырублены в камне нагорья, но подавляющее большинство не более, как прямоугольные, редко округлые, ямы, вырытые в слежавшемся песке. Только единичные, из числа вырубленных в скале, отделаны изнутри кирпичом-сырцом, и только две разгорожены внутри кирпичными стенками на склеп и кладовые. Эти две могилы — единственные большие (около 5 и 4 м в длину). Все остальные намного меньше их (от 1 до $2^1/_2$ м в длину). Могилы, выделяющиеся размерами и отделкою, расположены на краю кладбища, как если б они были всего лишь придатками к нему. Мертвецы похоронены в скорченном положении, многие в деревянных гробах, некоторые в циновках или только в саванах. Некоторые могилы исключительно бедны — лишены какой бы то ни было утвари, другие содержат лишь глиняную посуду. Однако во многих была и дорогая каменная посуда отличной работы, притом в некоторых — простых ямах, и даже необязательно более длинных, — в значительном количестве. В одной такой могиле обнаружены были два набора игральных пешек из слоновой кости, в другой — такая же изящная булавка, большая медная чаша и, что особенно любопытно, — четыре костяных ярлыка с именем владельца и названием заготовок, к которым ярлыки относились, — в точь-в-точь как у царей и вельмож! Перед нами кладбище простых горожан, отчасти бедняков, отчасти людей с достатком, — и какая

разница между этими погребениями, а также схожими с ними в других частях страны, и современными им усыпальницами знати, которых теперь немало откопано подле столицы и неподалеку от нее!

Столичная знать, располагавшая людьми и богатством, — вот кто вершил уже судьбы страны. Вельможеские гробницы соперничали с царскими, и можно подумать, что при I царском доме сам царь почти терялся в окружении своих вельмож, хотя и был их признанным средоточием. Гробница царского казнохранителя Хамаку (Хэмэко) середины I царского дома поистине похожа на царскую и была забита припасами из царских угодий. К сожалению, мы не знаем чинов и званий других хозяев вельможеских гробниц.

Все, что нам известно о Раннем царстве, позволяет, более того, побуждает считать его государством — уже при I царском доме, если только не раньше.

Раннее царство было царством двуединым, но единство его не было прочным, двойственность — неизжитой действительностью. «*Соединение обеих земель*» — Верхнего и Нижнего Египтов, которое цари вновь и вновь справляли при воцарении, было и все еще оставалось насилием верхнеегипетских покорителей над непокорным Севером, и борьба между ними вспыхнула с новой силой еще в конце II царского дома.

Во главе государства стоял царь, преемник верхнеегипетских завоевателей, внешне такой же «двуединый», как его царство. У царя было два венца: белый верхнеегипетский и красный нижнеегипетский, которые он носил также вместе — один в другом. С начала I царского дома в одном из своих званий царь сопоставлялся с «*обеими владычицами*» — верхнеегипетской богиней-коршуном и нижнеегипетской богиней-змеей-аспидом. С середины того же царского дома царя величали ***инсибйа***, дословно «*тем, кто от ситовника* (и) *пчелы*», знаменовавших его власть над обоими Египтами.

Царя окружал многолюдный двор из множества придворных чинов и прислужников. Царь охотно «*воссиявал*» на празднествах, и выходы его отличались значительной пышностью. Но больше всех внешних прикрас значение царской власти оттенялось обожествлением ее носителя. В его лице видели разновидность или явление царского бога и прообраза Хары (Хора), и царь в добавление к личному имени принимал еще особое царское, как Хара (Хор) такой-то: Хара (Хор) Боец, Хара (Хор) Высокий Рукою и т. д.

Внешне царь был полновластным хозяином царства. Где кончалось царское и где начиналось государственное, вряд ли кто мог бы определить. Да и слов-то «государство», «государственный» у древних египтян не было. Царское кладбище при обоих первых домах было полным-полно припасами, которые, по печатям на них, принадлежали «*дому белому*» и «*дому красному*», — двум учреждениям, на которые тогда еще делилось за двойственностью царства его казнохранилище

(*«белый»*, *«красный»* — по цвету белого и красного венцов). Печати II царского дома называют вместе виноградник, *«дом красный» и «дом царев»*, как если бы нижнеегипетское казнохранилище входило в состав царского хозяйства.

Но, влагая по видимости неограниченное полновластие в царские руки, вельможи на деле не выпускали власти из своих. В тех редких случаях, когда известно должностное звание хозяина вельможеской гробницы, он оказывается обладателем высоких должностей, в частности в самом царском хозяйстве. И если государственное и царское сливались воедино, то и вельможи I царского дома, по-видимому, плохо различали между управлением и владением. Вспомним гробницу царского казнохранителя и управляющего хозяйством, производившим вино, полную заготовками из царских угодий.

Одною из существенных задач государственной власти было обеспечение условий для угнетения. Чтобы угнетатели могли присваивать труд угнетенных, этот труд должен был быть возможным. Поэтому забота о водораспределении, осушке и орошении не могла не тяготеть над правителями. Уже один из ближайших предшественников I царского дома, Хара (Хор) Скорпион, изобразив себя торжественно правящим земледельческий обряд, изобразил тут же своих подданных что-то делающими с широким протоком. Наблюдение за разливом реки как при I, так и II царских домах было поставлено образцово. Под каждым годом их в староегипетской летописи (на Палермском камне) до мелочности точно отмечен уровень воды. Велись, значит, и хранились погодные его записи.

Источники глухо упоминают об *«областях»*, но далеко не всегда можно быть уверенным, что имеются в виду те самые управленческие округи, на которые в числе нескольких десятков делился Египет впоследствии и которые греки называли *«номами»*. На печатях уже при I царском доме нередко встречается должностное звание, обозначавшее в первую половину Старого царства начальника такого округа в Низовье. Однако на раннеегипетских печатях это звание часто носят лица, управлявшие тем или иным царским хозяйством. На именной должностной печати середины I царского дома значится и позднейшее звание областных князей, но значило ли оно тогда то же, что и впоследствии, весьма сомнительно.

Постоянное войско, по крайней мере, в зачаточном состоянии, по-видимому, уже существовало. Да в этом и не было бы ничего удивительного ввиду постоянных военных мероприятий Раннего царства. Оно много воевало и с непокорным Низовьем, и с соседями южными (эфиопами), западными (ливиянами) и северо-восточными (азиатами). На своем надгробии второстепенный придворный чин, погребенный, в числе других, около царского склепа, увековечил себя в виде знака воина с луком в руке, как если бы воинская служба была его постоянным делом. Надгробие — времени I царского дома. На одной раннеегипетской должностной печати дважды проставлен знак стоящего воина с луком в руке.

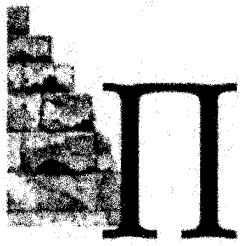
Есть, однако, одна сторона раннеегипетской государственности, которую источники вскрывают с достаточной ясностью: это — значение в Раннем царстве писцов. Уже при I царском доме важный сановник, имея высшие звания, государственное и придворное, не гнушался скромным званием писца. На печатях времени II царского дома «*писец*» встречается неоднократно в качестве должностного звания владельца печати. Каждые два года при II царском доме в стране производили некий переучет. Известны случаи, когда вместо простого «*счета*» производили через год «*счет золота* (и) *полей*». Египетские счетчики орудовали громадными числами еще при Харе (Хоре) Соме. Тогда уже язык и письмо имели по особому слову и знаку для 10000, 100000, 1000000. Сколько, значит, египтяне считали еще накануне воцарения I дома! В ту пору мы застаем египетское письмо уже готовым — вплоть до буквенных знаков. Тогдашние писцы не уставали помечать посуду с припасами чернильными надписями, и можно только дивиться, насколько беглым и уверенным бывал подчас почерк у столь древних писцов. От времени I царского дома, притом еще от середины его, до нас дошла бумага из волокон осоки (папируса), в том числе целый свиток. Непрестанное опечатывание царскими хозяйствами своих заготовок с помощью должностных печатей и прикрепление к припасам ярлыков, даже помеченных годами, способны еще усугубить впечатление от раннеегипетского делопроизводства. При этом ярлыки — без обозначения года — были употребительны уже накануне I дома, печати же и того раньше.

Можно только согласиться с советской исследовательницей Раннего царства Н. М. Постовской, что Египет того времени был уже государством. В раннеегипетской государственности общественные верхи имели орудие угнетения довольно налаженное и точное.

ГЛАВА II

СТАРОЕ ЦАРСТВО

БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ; III—VIII ЦАРСКИЕ ДОМА



Пирамиды... Для современного человека древний Египет — это прежде всего пирамиды. Они стали как бы его знамением. И хотя пирамид в Египте немало, под ними разумеют обыкновенно три великих у нынешнего селения Гизе (подле Каира). Правда, действительно великих из них только две. Третья причислена к великим лишь заодно.

Рукотворными горами назвал их средневековый путник. И, в самом деле, они кажутся издали горами. Если же стать у подножия одной из двух величайших, то взор отказывается объять необъятную громаду, подняться на ее невероятную высоту.

Самая большая пирамида царя IV царского дома Хуф-и-хнамы или — сокращенно — Хуфи (Шуфи, Хеопс греков) занимала площадь более чем в 5 га и имела в вышину $146^1/_2$ м. Она была сложена из 2 300 000 граненых камней, из которых каждый весил в среднем $2^1/_2$ т. Вторая по величине пирамида царя того же царского дома Хааф-рии (Шеф-рэ, Хефрина греков) была ниже первой всего на 3 м. Третья пирамида преемника Хааф-рии Мин-куу-рии (Мен-ке-рэ, Микерина греков) сильно уступала двум первым — она не достигала и половины их высоты. Любопытное вычисление было произведено Наполеоном в его египетский поход. Пока его сподвижники лазали на самую высокую пирамиду, Бонапарт подсчитал, что из камня, из которого были сложены она и две остальные, вышла б стена вокруг всей Франции вышиной в 3 м и толщиной в 30 см.

Но поразительны не только размеры — поразительно и совершенство работы. Громадные граненые глыбы, из которых сложены пирамиды, пригнаны одни к другим с изумительной точностью. Облицовочные же камни во внутренних помещениях и на наружных склонах сомкнуты настолько плотно, что между ними не

просунуть и перочинного ножа, а внутри самой большой пирамиды даже иглы, листа бумаги или волоса. И вся эта облицовка снаружи, а то и внутри была вылощена до зеркального блеска. В настоящее время наружная облицовка сохранилась вверху второй пирамиды, немного осталось внизу на третьей и почти ничего на первой. С утратой наружной облицовки обнаружилась внутренняя уступчатая кладка, но некогда треугольные грани пирамид представляли сверху донизу ровные, гладкие поверхности. То были в самом строгом (геометрическом) смысле безупречно правильные пирамиды. И каждая грань, особенно у самой большой пирамиды, была с удивительной точностью обращена к одной из четырех сторон света.

Чудовищное давление каменных пластов на внутренние помещения распределялось с помощью разгрузочных пустот, ступенчатых сводов и седлообразных перекрытий. В проходах огромные плиты-заслоны свободно поднимались и опускались по прорезям в камне. Но еще удивительнее, как древние зодчие могли повторно менять местоположение склепа и ведших к нему переходов от подземного на надземное и, наконец, на срединное внутри самой большой пирамиды в толще готовой кладки!

Одним из семи чудес света слыли у древних греков египетские пирамиды, но на деле они оказались много чудеснее. Остальные шесть «чудес» погибли, а пирамиды стоят незыблемо. Средневековые и позднейшие властители Египта сдирали с них облицовку для своих построек, но разрушить пирамиды было им не под силу.

Хотя греко-римские писатели единодушно заверяли, что пирамиды были царскими гробницами, многим впоследствии не верилось, а иным и по сию пору не верится, что это действительно так. Пирамиды принимали за храмы, места таинодействий, хозяйственные постройки, водяные устройства, сооружения для наблюдения небесных светил, заслоны от песков пустыни, даже просто за игру природы. Иным мерещилось, что у таких необыкновенных сооружений должны были быть и необыкновенные создатели — выходцы из загадочной страны Атлантиды или даже гости из надлунных миров. Особенно везло самой большой пирамиде. Сколько труда и изобретательности было затрачено, чтобы из размеров ее и ее частей, из расположения в ней склепов и переходов вычитать научные истины, предсказания и тайные учения!

Пирамиды поражали и поражают людское воображение. Лжеученые домыслы о них давно опровергнуты. Но и самой строгой научной мысли безмолвные громады задают загадки, разгадать которые бывает непросто.

С помощью каких орудий и каких приемов были воздвигнуты пирамиды?

Как могло каменное зодчество в столь отдаленные времена достичь подобной четкости и завершенности?

Откуда брались средства, чтобы из царствования в царствование вести в исполинских размерах каменное строительство, охватывающее, помимо самих пирамид, их поминальные храмы и целые «города» вельможеских гробниц вокруг?

Чьи руки строили пирамиды и примыкавшие к ним сооружения?

Зачем вообще строили пирамиды?

На первые три вопроса наука уже дала ответ, пусть не исчерпывающий, но все же удовлетворительный. Хуже обстоит дело с двумя последними вопросами. Для ответа на них нужно еще найти необходимые данные.

Человеку, начитанному в древнегреческой письменности, может представиться, что мы ломимся в открытые двери, что никаких загадок на деле нет. Разве не рассказал еще двадцать три века тому назад Иродот («Геродот»), как создавалась самая большая из пирамид? Спору нет, его рассказ в общем обстоятелен и вразумителен. Но беда в том, что самого рассказчика от времени постройки пирамид отделяло едва ли не столько же столетий, сколько отделяет его от нас, да и писал он со слов путанников-проводников. Согласно «отцу истории», работать над Хеопсовой пирамидой было предписано всем египтянам. Были даже закрыты храмы и приостановлены жертвоприношения. Камень, добытый в каменоломнях на восточном берегу Нила, люди должны были волочить к реке. По переправе на судах, на западном берегу камень принимали другие люди и тащили оттуда на нагорье, к месту постройки пирамиды. Работало по сто тысяч человек посменно в течение трех месяцев, так что работа не прерывалась. Десять лет строили каменную дорогу, по которой доставляли камень к пирамиде, саму же ее сооружали двадцать лет. Под землею, как бы на острове, было устроено погребальное помещение, омываемое водами Нила. Надземное сооружение, собственно пирамиду, возводили уступами и по ним, с уступа на уступ, поднимали камень с помощью деревянных приспособлений, расставлявшихся или перемещавшихся по ним по мере продвижения работы. Завершалась постройка пирамиды — очевидно, ее облицовка — в обратном порядке сверху вниз с помощью все тех же приспособлений. В надписи на пирамиде было якобы увековечено, сколько денег ушло на овощи для стола строителей, — насколько запомнилось доверчивому повествователю, тысяча талантов серебра.

Если двести-полтораста лет тому назад еще можно было поверить рассказчику на слово, то теперь это, увы, невозможно. Мы хорошо знаем, как глубоко было расколото тогдашнее общество, как далеко отстояли его верхи от низов, и поверить, что **все** египтяне трудились над пирамидой, мы не в состоянии. Тем самым, мы останемся без ответа на самый существенный вопрос: кто были те люди, что строили пирамиды? Давно отмечено также, что закрытие храмов и приостановка жертвоприношений в годы строительства величайших пирамид плохо вяжутся со свидетельством памятников того времени. Да и принимать такие меры и привлекать все население к строительству было незачем. Камень, из которого сложены пира-

миды, доставлялся вовсе не из-за реки, а добывался тут же, на нагорье, где их воздвигали, и только белый известняк для облицовки привозили из заречных каменоломен. Никакого омываемого нильскими водами подземного покоя в большой пирамиде не существовало. Исключить возможность применения подъемных деревянных приспособлений никак нельзя: на камнях пирамид, в частности самой большой, встречаются выемки, за которые эти глыбы можно было подцепить и поднять, а также выступы, на которые можно было накинуть веревку. Тем не менее, возле пирамид, правда не трех великих, находим следы более грубых приспособлений: остатки наклонных плоскостей, по которым втаскивали наверх глыбы камня. О применении уклонов при постройке пирамид говорили, впрочем, и некоторые греко-римские писатели — Диодор и (со сказочными прикрасами) Плиний Старший. Никаких тысячи шестисот талантов серебра на овощи строителям пойти не могло, потому что, как мы увидим в дальнейшем, серебряного денежного обращения тогда в Египте не было и в помине.

А что до орудий, которыми добывали и обрабатывали камень, то «отец истории» тоже был уверен, что они, как в его дни, были из железа. Сколько денег ушло на железные орудия, недоумевал он, если столько стоили овощи? Ему было, очевидно, даже невдомек, что железных орудий труда Египет времен пирамид мог не знать вовсе.

Итак, древнегреческая повесть о постройке пирамид оставляет загадки, загаданные ими, без разгадки. Обильные погрешности набрасывают тень сомнения на всю ее в целом. Если в ней и есть что-нибудь верное, то опознать его можно лишь по совпадению с показаниями египетских памятников. Но не значит ли это, что все дело за ними, за памятниками, и что от них одних надо ждать ответа на наши вопросы?

Жаль, конечно, что среди египетских источников нет готовой повести о том, как строили пирамиды. Приходится воссоздавать ее нам самим, и не только по частным разрозненным известиям. Загадки пирамид таковы, что для их разгадки надо понять как производственные возможности, так и общественный строй, государство и мышление того времени.

Чудовищно громадны пирамиды и поразительно совершенна их кладка. Это, естественно, наводит на мысль, что производственные возможности Старого царства безмерно превосходили производственные возможности Раннего. Если это последнее жило в медно-каменном, точнее, медном веке с сильнейшими остатками каменного, то не вступил ли Египет времени пирамид уже в железный век? Кое-кому и в наши времена, как некогда «отцу истории», приходило на ум, что строители пользовались железными, а то и еще более прочными (стальными) орудиями.

Знал ли тогдашний Египет железо? Знать он его, правда, знал, и не только небесного (метеоритного), но и земного происхождения, однако знал мало, а

пользовался и того меньше. Еще от времени до Раннего царства сохранилось немного бусин из «небесного» железа. В преддверье крытого хода, ведшего к меньшей из трех великих пирамид, среди обломков была найдена медная плошка, опрокинутая дном вверх. Под нею оказалось девять медных волшебных сосудиков и два таких же аспидных, кроме того, кремневый предмет для волшебного обряда «отверзания уст», надписанный именем царя-строителя величайшей пирамиды Хуфи (Шуфи). Предмет был покрыт ржавчиной от какой-то разложившейся вещицы, сделанной из железа не «небесного», а земного происхождения. Железная ржавчина того же рода была обнаружена вместе с медными теслами конца Старого царства в основании храма в городе Абаде (Эботе, Авидосе греков). В первом случае железный предмет был, очевидно, такой же волшебной вещью, как и остальные; во втором случае назначение железного изделия (если только то было изделие) остается неясным. Принадлежность двух других находок Старому царству весьма и весьма сомнительна. В наружной кладке большой пирамиды был найден железный предмет, не представлявший, впрочем, орудия труда. Но он, возможно, попал туда во время разборки облицовки пирамиды для строительных надобностей в Средние века или Новое время. Не доказана также принадлежность Старому царству обломков железного орудия, найденных несколько южнее великих пирамид.

При безмерной скудости данных о знакомстве Старого царства с железом обилие находок медных орудий того времени выглядит особенно выразительно. Если уже в Раннем царстве медным орудиям принадлежало ведущее место в производстве, то Старое царство было ознаменовано огромным количественным их умножением.

Особенно много медных орудий дошло до нас из частных староегипетских погребений, несмотря на то, что гробокопатели были охочи до дорогой меди. Правда, чаще всего это небольшие орудия, какие почитали достаточными для волшебного обслуживания мертвеца. Но их обыкновенно находят целыми наборами, и важно, что наборы тогдашние египтяне составляли не из кремневых, а из медных орудий. Преобладают резцы, но в большом числе представлены и другие орудия: ножи, пилы, топоры, тесла и так далее. Когда сановник конца III-го или начала IV-го царского дома Хасйа-риа (Хеси-рэ) пожелал изобразить у себя в гробнице свое «производственное» снаряжение для того света, он изобразил деревянные ящики с набором опять-таки медных орудий (ножи, пила, топор, резцы, шилья, щипцы и т. п.).

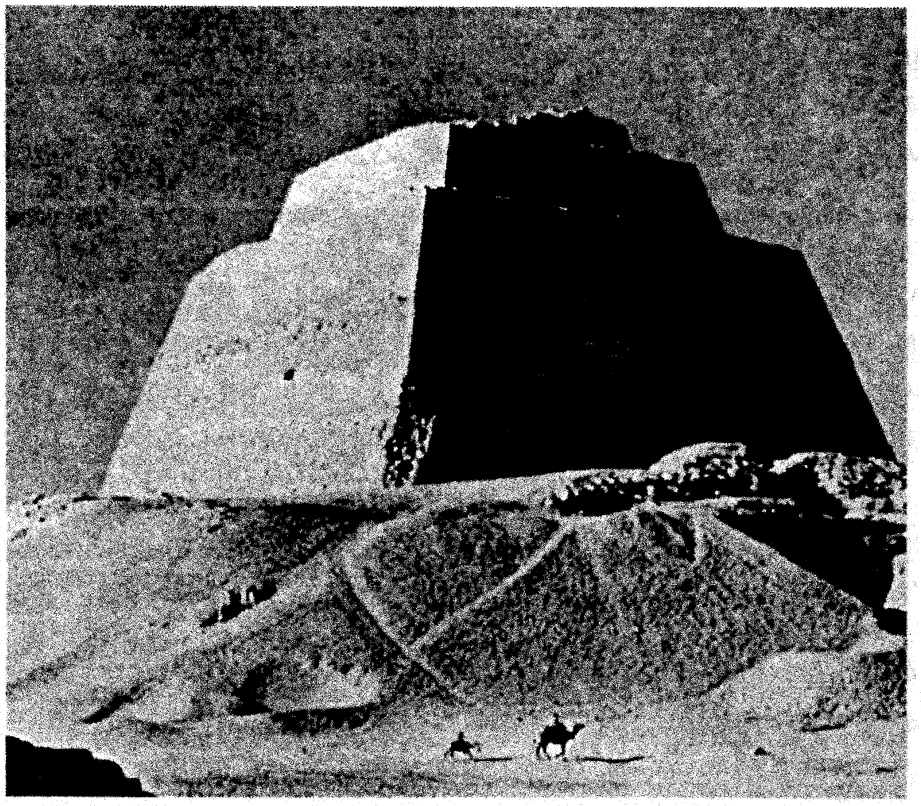
Немало дошло до нас и доподлинных орудий из меди, но не столько из частных гробниц, сколько из царских погребальных сооружений, где их случайно оставили рабочие. В одном из переходов ступенчатой пирамиды царя Дасы (Тосора) III царского дома были найдены лезвия топоров и тесел, разные резцы и ножик.

В поминальном храме Пйапи (Пйопе) II был обнаружен целый набор сплошь медных орудий: два тесла, большой нож, один крупный и два мелких, семь резцов различной длины и какое-то орудие неизвестного назначения. Дошли до нас также увесистые резцы с отметками принадлежности тому или иному рабочему подразделению, в частности из тогдашних каменоломен.

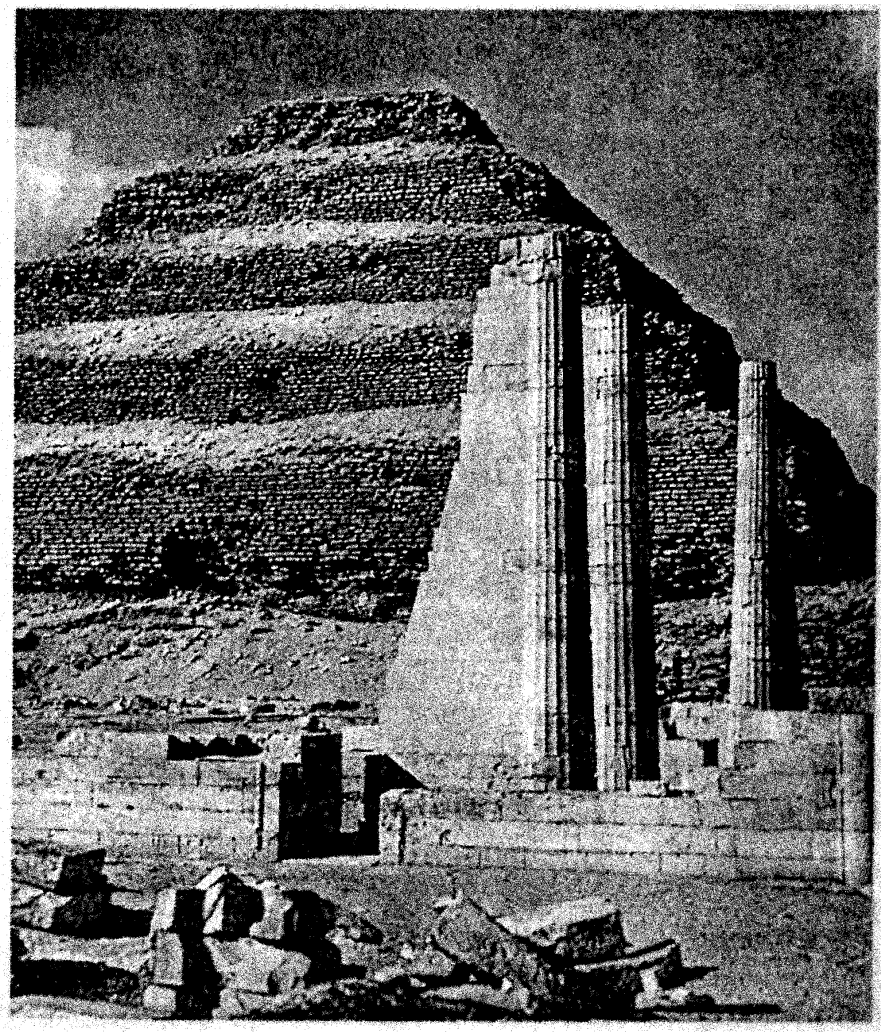
На многих, очень многих камнях староегипетских зданий заметны следы обработки медными орудиями. Так, следы медных пил имеются на пирамидах царей Дасы (Тосора) и Хуф-и-хнамы (Шуфи, Хеопса греков), в припирамидных храмах царей Ман-куу-рии (Мен-ке-рэ, Микерина греков) и На-уас-рии (Эн-вос-рэ). Следы медных резцов обнаружены, например, во множестве на пирамиде Дасы (Тосора) и на ограде вокруг пирамиды одного из его преемников. Применение медных сверл прослежно в припирамидных храмах царей Хааф-рии (Шеф-рэ, Хефрина греков), Ман-куу-рии (Мен-ке-рэ) и На-уас-рии (Эн-вос-рэ). Камень в большинстве случаев — податливый известняк, но бывает также твердой породы. Из такого рода камня был сделан и гроб в одной частной гробнице подле великих пирамид, на котором заметны следы пилы из меди. В помощь пилам и сверлам из нее, в силу ее мягкости, придавали твердый песок, крупинки которого, въедаясь в медь, резали камень. Ярь-медянка в пропилах и на песчинках наглядно доказывает, что пользовались медными орудиями. На гробничных изображениях бесконечно часто показаны в действии медные резцы — в руках мастеров, работающих на хозяина гробницы, иногда также медные пилы.

Медь в Старом царстве употребляли в ее естественном виде без искусственного приплава олова (т. е. не бронзу), и орудия из нее не могли не быть непомерно мягкими. Правда, их можно было сделать тверже крепкою ковкою, можно было и перековать, если они размягчились. Но по самим каменным изделиям видно, как быстро снашивались медные орудия. Недаром царевичу Хааф-мине (Шеф-мину) IV царского дома желали иметь на том свете тысячу одних и тысячу других тесел, тысячу топоров, тысячу пил, тысячу резцов, а надзирателю казнохранилища VI царского дома Ку-ма-анху (Ке-м-онху) — тысячу тесел, тысячу топоров, по тысяче резцов четырех видов, тысячу пил и в придачу еще тысячу *«кирпичей»* меди — очевидно, для изготовления новых орудий взамен износившихся. Можно себе представить, сколько орудий из меди должно было источить Старое царство, ворочая дословно горами камня!

Но медные орудия нужны были не одним камнеделам. Ими пользовались также плотники, столяры, вообще все, кто работал с деревом, — а в деревянных рукоятках для орудий, в деревянных плугах, веслах, судах, бревнах для потолков, досках для дверей, предметах обстановки нуждался весь Египет. И на гробничных изображениях мы чаще всего и видим медные орудия в руках столяров и судостроителей. Но из меди изготовляли не только лезвия для производственных ору-



◂ *Ступенчатая пирамида фараона Санфари (Сенфоре) в Медуме, III династия*



▸ *Ступенчатая пирамида фараона Дасы (Тосора) в Саккара, III династия*

дий. Из нее выделывали еще всевозможную утварь, украшения, кованые изображения большие и малые, храмовые засовы, стенную обшивку, водоотводные трубы, даже подобия солнечных ладей (тех самых, в которых, как думали, плавает солнце) свыше 4 м длиною и т. д.

Откуда же получали тогдашние египтяне свою медь? Часть ее, несомненно, поступала с Синайского полуострова. Однако на Синае добывали не одну только медь, но также в большом количестве бирюзу. Поэтому нельзя считать любые древние горные промыслы, обнаруженные там, медными. И все же медь оттуда поступала бесспорно. В староегипетской летописи на Палермском камне под одним из годов правления V царского дома значится: «*доставка с Уступов* (т. е. Синая) — *бирюзы* (столько-то), *меди кирпичей* (т. е. брусьев) *6000*».

Недавно, в 1960—1962 г., около вторых нильских порогов на месте древнего города Бухена, следовательно значительно южнее собственно Египта, английским ученым В. Б. Эмери был откопан еще более древний — староегипетский город. Основным занятием этого древнейшего города, города достаточно крупного, растянувшегося на сотни метров вдоль реки, была выплавка меди, добывавшейся где-то по соседству. Было найдено много медной руды, каменные ступы для ее толчения, вделанные в пол помещений, куски глиняных плавильных сосудов, изложницы, отходы медного производства и случайно пролитая чистая (выплавленная) медь. Были найдены также черепок с именем царя V царского дома Кукуйи-Наф-ар-ку-рии (Кекой-Нефр-ер-ке-рэ) и глиняные печати других царей не только V-го, но и IV царских домов: Хааф-рии (Шеф-рэ), Ман-куу-рии (Менке-рэ), Уас-куфа (Уср-кофа), На-уас-рии (Эн-вос-рэ). Город населяли преимущественно египтяне: найденная посуда не менее, как на 95%, произведение египетских, а не эфиопских гончаров (эфиопская посуда представлена лишь в небольшом количестве). Со своим «медным» городом египетское правительство поддерживало тесную связь, судя по количеству печатей от присланных грамот.

Как ни велико было значение меди в староегипетском производстве, мягкость ее и дороговизна не давали ей вытеснить из него каменные орудия. Без них производство того времени не могло никак обойтись. В погребениях староегипетской знати, особенно современников III и IV царских домов, но также и последующих, были найдены ножи, ножички, скребки, изготовленные из кремня. Подле погребальных сооружений основателя III царского дома Дасы (Тосора) кремневые сверла, оставленные каменотесами, были найдены сотнями. Там же были найдены и другие каменные орудия: округлые молоты без рукояток, молоты с отростками для прикрепления к рукояткам, ножи, шарообразный пест и т. п. В поминальном храме родоначальника IV царского дома Санфары (Сенфоре) кремневые орудия были обнаружены в изобилии, в том числе топор и ножи. Около пирамиды того же царя, а также подле другой, видимо, более ранней пирамиды в Маи-атаме

(Ми-атоме, нынешнем Мэдуме) были подобраны недоделанные кремневые сверла. Возможно, каменотесами же были оставлены кремневые ножички возле гробницы предполагаемого зодчего величайшей из пирамид, царевича Хам-аны (Хемона); подобные ножички были найдены и внутри гробницы. Даже в кладовых поминального храма и в долинном преддверье третьей из великих пирамид, значит в царском сооружении конца IV царского дома, найдено было много десятков кремневых орудий: ножей, ножичков, скребков. Во множестве нашлись кремневые орудия и в припирамидном храме одного из первых представителей V царского дома Наф-ар-ку-рии (Нефр-ер-ке-рэ), хотя издатель этого храма и не уверен в том, что они не попали туда в более позднее время. В поминальном храме другого представителя того же царского дома На-уас-рии (Эн-вос-рэ) был обнаружен наконечник сверла из красного песчаника.

В домах, современных III царскому дому, в городе отнюдь не захолустном, древней священной столице Верхнего Египта были найдены кремневые лезвия. Там же в домах времени Старого царства оказались кремневые вкладыши для деревянных серпов, кремневые ножи, каменные сверла. В одном из тамошних староегипетских домов была откопана мастерская изготовителя каменной посуды с каменными же сверлами для ее высверливания. На Синайском полуострове возле копей времени III царского дома были подобраны каменные молоты, округлые и заостренные.

Применение каменного сверла прослежено в поминальном храме царя Хааф-рии (Шеф-рэ) (на каменном наличнике дверей). На гробничных изображениях Старого царства жертвенных животных постоянно рассекают кремневыми ножами (по-египетски, между прочим, само слово «*нож*» созвучно слову «*кремень*»), медь и золото куют каменными желваками, камень и дерево лощат каменными лощилами.

Производство кремневых орудий стояло по-прежнему на большой высоте. В одной могиле среди гробниц начала IV царского дома было откопано свыше сотни кремневых ножичков, из которых семнадцать были отсечены один за другим от одного камня. Сложив их вместе, можно полностью его воссоздать. Безошибочная точность отсечки выдает верную, набитую руку, говорит за то, что производство кремневых орудий находилось в руках мастеров своего дела, составляло постоянное занятие.

Каменные орудия продолжали бытовать рядом с медными. Так, Старое царство пользовалось сверлами двух родов: с каменной рабочей частью и трубчатым медным, причем оба служили для сверления камня. Первое употребляли больше для предметов среднего размера (посуды, изваяний), второе для больших вещей вроде каменных гробов и в строительстве. Впрочем, в последнем в более ранние поры Старого царство находило широкое применение и каменное сверло. Крем-

невые ножи соперничали с медными. В иных случаях каменное орудие оставалось, видимо, даже без соперника. Если в дерево медный резец загоняли деревянным молотом-колотушкой, а в камень — ею же, отягчив, самое большее, ее на конце, то медь и золото ковали более увесистым молотом — каменным желваком, который зажимали в руке. Каменьями обивали каменные глыбы, особенно твердых пород, непокорных меди. Каменные были также лощила одинаково как у каменотесов и ваятелей, так и у древоделов и медников. Кремневые вкладыши составляли лезвия в деревянных серпах. Малый жернов на большом жернове представляли единственную «мельницу» (ручную зернотерку), бывшую тогда в употреблении. Изредка случалось даже, что некаменные орудия уподобляли каменным. В могиле матери строителя величайшей из пирамид Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума), царицы Хати(п)-храс (Хетпе-храс), лежали кремневые и золотые ножички одинакового обличья. Золотые явно уподоблены кремневым, которым подобное обличье было свойственно искони. На изображении стрижки ногтей в гробнице Ханти-ку (Хенте-ко) времени VI царского дома орудуют именно такого вида ножичками. Ножички для ногтей были б, по староегипетским представлениям, весьма уместны в посмертном снаряжении царицы.

Как ни живуч еще был каменный век, медный все более и более теснил и забивал его. Особенно наглядно, можно сказать — осязательно, прослеживается столкновение двух веков и торжество медного на постройках III царского дома. В громадном погребальном сооружении царя Дасы (Тосора) на камнях первоначальной кладки имеются следы обработки поверхности каменными сверлами, и тут же были найдены кремневые наконечники в количестве от трехсот до четырехсот. Напротив, на прочих камнях, а их подавляющее большинство, подобных следов незаметно вовсе, зато имеются ясные следы медных резцов.

Но если Египет в пору Старого царства жил еще в медном веке с сильнейшей примесью каменного или, как говорят, в медно-каменном веке, откуда у страны брались силы для такого чудовищного, исполинского каменного строительства и притом в течение долгих лет? Разве могли европейские племена в условиях медно-каменного века даже мечтать о подобном сооружении? Разве для того, чтобы так строить, не были нужны огромные вещественные богатства, развитые, мощные производительные силы? А откуда они могли взяться у людей медно-каменного века? И, тем не менее, у египтян Старого царства, у египтян медно-каменного века, такие вещественные возможности, такая мощная природная сила и такие навыки оказались.

Решающее значение имело, конечно, то, что египтяне с помощью простейших орудий могли освоить величайшую производительную силу — могучую реку вместе с ею отлагаемой и орошаемой плодоноснейшей почвою. Высокопроизводительное земледелие было основой основ производственной мощи Старого цар-

ства. Но вот что странно. Мы ждали бы от него значительного усовершенствования земледельческих орудий, огромного роста осушительно-оросительной сети, освоения все новых и новых земель, новых приемов подачи воды на орошаемые участки. Право, ведь что такое строительство двух первых царских домов перед почти сверхъестественным строительством последующих? Не должны ли были хозяйственные возможности Старого царства возрасти бесконечно по сравнению с Ранним? И, тем не менее, больших изменений или нововведений в земледелии с переходом от раннеегипетского к староегипетскому как будто бы незаметно.

Что же представляло собой староегипетское земледелие?

Его производительность зависела прежде всего от умелого использования ежегодного разлива реки, начинавшегося летом и кончавшегося к зиме. Самый год из двенадцати тридцатидневных месяцев и пяти добавочных дней делился на три четырехмесячных времени с «*половодьем*» на первом месте с последующими «*всходом*» и «*жатвой*». Да и исчислялся год по Песьей звезде (Сириусу), утреннее воссияние которой после временной невидимости совпадало с наступлением разлива (поскольку египтяне обходились без високосных лет, египетский год через каждые четыре года начинался на день раньше, был блуждающим). Водораспределительная сеть прорезывала страну вдоль и поперек уже в Раннем царстве, и в какой мере Старое царство расширило и усовершенствовало и без того густую сеть больших и малых протоков и плотин — остается неизвестным. Царский строитель Мар-птах-анах-маи-риа (Мер-птех-анх-ми-рэ) в своем жизнеописании повествует, что царь посылал его рыть протоки, один — в Низовье, другой — в срединной части Верхнего Египта. Поскольку до того речь шла о хозяйственных постройках, сооруженных сановником в той же низовой местности, оба протока были выкопаны скорее всего в сельскохозяйственных видах, а не для облегчения судоходства, как то проделал в области I порогов другой сановник («Уни») при том же VI царском доме. Однако данное известие стоит особняком среди прочих сообщений тогдашних вельмож о своей деятельности. Отсутствие ясных указаний на освобождение от копки водораспределительной сети в обельных грамотах VI царского дома можно объяснить просто-напросто тем, что от нее храмовые служащие и работники не освобождались. Однако в обельной грамоте Пйапи (Пйопе) I одному припирамидному городу возбранено привлекать каких-либо его жителей к копке в нем в устье некоего водоема. Нет ссылок на прорытие новых протоков и в частях староегипетской летописи, уцелевших от времени IV—V царских домов. Впрочем, ни в обельных грамотах, ни в летописи нет и определенных ссылок на строительство пирамид. Землекопные работы (с помощью мотык) подле каких-то вод изображены на стенах солнечного храма царя На-уас-рии (Эн-вос-рэ). Огород и виноградник даже у вельмож поливали вручную из водоносов, наполненных в соседнем водоеме.

Не стали совершеннее и земледельческие орудия. Плуг, мотыка и серп, употребительные в вельможеском хозяйстве, примерно те же, что и в Раннем царстве. Ни по чему не видно, чтобы сошник плуга или кончик мотыки стали оковывать медью. Серп, судя по подробным его изображениям и вещественным находкам, как был, так и остался деревянным с лезвием из кремневых вкладышей.

Различались две разновидности ячменя, верхнеегипетский и нижнеегипетский, и два вида пшеницы, в том числе пшеница-двузернянка, и еще какие-то роды зерна. Однако большинство хлебных злаков, если только не все, были известны уже Раннему царству. Вряд ли много новых было и среди овощей (корнеплоды, лук, чеснок, огурцы, салат и т. д.). Льноводство было широко развито и до Старого царства. Пчеловодство хорошо засвидетельствовано для него, но имеется, быть может, и более раннее свидетельство.

Основные виды скота были теми же, что и прежде: бык, баран с развесистыми рогами, козел, осел. Разве только, что породы крупного рогатого скота стали разнообразнее. Значительную часть скота кормили на убой, так что выработалось особое обозначение для упитанного быка. Старое царство приручало разные виды диких парнокопытных (различных антилоп, газелей, козерогов). Судя по тому, как часто их изображали закланными для заупокойной трапезы вельможи или включали в перечни его загробной пищи, мясо их потребляли в большом количестве. С той же целью держали даже диких собакообразных (гиен!) и усиленно их откармливали, пичкая птицей и мясом. Эти звери тоже упоминаются среди загробной снеди вельмож! Но и подобные мероприятия, видимо, не были сплошь нововведением Старого царства. Еще от времени I царского дома до нас дошли из одной и той же гробницы одинаковые золотые изображения быка и парнокопытного (белой антилопы) с однородными роскошными повязками на шее. Из птиц староегипетская знать держала разные породы гусей и уток (на одном изображении имеются и лебеди), равно как и голубей, и целые стаи журавлей, притом не менее как трех пород. В числе яств, желательных умершим, значились не только гуси и утки, но также голуби и журавли. Сохранилось заупокойное подобие жареной птицы в естественную величину с надписью «*голубь*». На одном гробничном изображении поверх других кушаний лежит ощипанный, вероятно, жареный, журавль. Птицу тоже усиленно откармливали. Ее держали ради мяса. Нет ни малейших указаний на то, что яйца шли в еду.

В общем, все выглядит так, как если бы староегипетское сельское хозяйство отличалось от раннеегипетского скорее количественно, чем качественно. Притом при переходе от одного к другому не заметно резкого перелома, который сколько-нибудь соответствовал бы головокружительному взлету каменного строительства.

Несомненно, возможностью развернуть подобное строительство египетские цари были в значительной мере обязаны тому обстоятельству, что Египет был

страною с очень теплой, часто знойной и в общем сухой погодой. Мороза, льда и снега египтяне у себя дома не знали. Когда со временем в Сирии-Палестине им пришлось ближе познакомиться со снегом, они позаимствовали слово для него оттуда. В Низовье дожди выпадали в ограниченном количестве, а выше по течению реки становились редкостью. Неудивительно, что при таких условиях необходимые потребности населения были несложны.

В Старом царстве мужчины из народа довольствовались обыкновенно куском ткани вокруг бедер или даже одним поясом с лоскутами спереди, и, работая, нередко обнажались вовсе. Лишь немногие при некоторых видах занятий (особенно охотники и рыбаки) прикрывали и верхнюю часть туловища. Женщины носили узкую безрукавную рубаху. Дети ходили нагими. Обуви на рабочих людях не видно никогда.

Просты были и жилища простолюдинов. Откопанные дома Старого царства — с тесными помещениями, со стенами из кирпича-сырца, с полами из него же или утоптанного затвердевшего речного ила. Еще во вторую половину Старого царства дом даже у писца бывал настолько убог, что продавался за кровать и два куска ткани. Можно думать, что строители второй по величине пирамиды жили совместно и скученно в том большом здании из кирпича-сырца, которое было откопано неподалеку от нее. Однако не лишено вероятия и предположение, что рядовые строители ютились также в окрестных пещерах, образовавшихся при добыче камня для пирамид.

Но как ни благоприятствовали пирамидному строительству египетские тепло и бездорожье, как ни упрощали они естественные потребности населения и тем самым переключение рабочей силы на царское строительство, все же объяснить постоянными природными условиями внезапный невиданный подъем каменного строительства с переходом от Раннего царства к Старому никак нельзя. Ведь в египетской погоде никакого крутого перелома тогда не произошло.

Далее. Под рукою у египтян Старого царства имелось почти все нужное для производства сырья. Так, может быть, Раннее царство еще не располагало им в такой мере, не освоило должным образом его источники?

Камень Старое царство находило в избытке дома. Известняковые нагорья и скалы окаймляли долину реки на значительном ее протяжении. Отборный белоснежный известняк имелся на стыке Низовья с нильской долиной. На юге Египта известняковые горы сменяли песчаниковые, но в те времена песчаник был еще неупотребителен в строительстве. На крайнем юге страны у первых порогов песчаник прорезали пласты твердых горных пород (разные виды красного гранита). Тогдашних египтян особенно устраивало обилие здесь свободно валявшихся глыб, избавлявшее от необходимости ломать твердый камень из скал. Великолепные породы очень крепкого камня имелись и в пустыне между рекою и Красным мо-

рем, особенно в средней части Египта. В среднем же Египте находились богатые залежи мягкого камня — алебастра. За южной границей страны в соседней северной Эфиопии у вторых нильских порогов добывали редкостный прочный камень, например, для царских изваяний. Из полудрагоценных камней некоторые виды египтяне того времени находили у себя в пустыне. Бирюзу добывали непосредственно за северо-восточной границей на Синайском полуострове и в таком количестве, что его прозвали Уступами Бирюзы. Правда, другой распространенный полудрагоценный камень — лазоревый — приходилось получать издалека (из Афганистана?) и, несомненно, опосредствованным путем.

Но как ни богато было Старое царство камнем и каменьями, едва ли не все они были хорошо знакомы и Раннему царству. Исключение составлял разве эфиопский камень.

Примерно то же можно сказать и о рудах. Медью широко пользовалось уже Раннее царство. Ее добывали на Синайском полуострове заодно с бирюзою, и трудно допустить, что тамошние ее месторождения были открыты впервые Старым царством. Даже недавно откопанное египетское поселение в северной Эфиопии, занимавшееся выплавкой меди, и то возникло не позже, как на заре Старого царства, если только не при II царском доме. Поначалу здесь строили еще из сырцовых кирпичей одинакового вида с употребительными при том царском доме. Золото не было редкостью в Раннем царстве, но и Старое не располагало им в избытке. Позднейшая поставщица его — страна на юг от Египта по верхнему течению Нила, Эфиопия, в Старом царстве таковою, по-видимому, еще не была. Даже под конец его, при VI царском доме, владетели южной окраины Египта, области и крепости Ибы (Йэба, Элефантины греков), ездившие далеко на юг, привозили оттуда всевозможные ценности: слоновую кость, шкуры львов и барсов, фимиам, масло, только не золото. Его добывали в Египте в пустыне между рекою и Красным морем, но потребность в золоте была настолько значительной, что его везли даже издалека из южного Красноморья (так называемой страны Пунт). Раз, в начале V царского дома, оттуда вместе с 80000 мер благовонной смолы и тысячами и десятками тысяч других ценностей было привезено 6000 мер светлого золота. Из золота изготовлялись отнюдь не одни украшения, но также обшивка для разного рода предметов, утварь, кумиры, ножички и т. д. И тем не менее потребность в золоте возможно и нужно было удовлетворять в основном из местных египетских рудников. Золото различали трех родов: просто «золото», «*светлое золото*» и «*золото белое*». Второе и третье представляли, возможно, естественные сплавы золота и серебра в разных соотношениях. «*Серебро*» редко упоминается староегипетскими надписями. На изображениях мы видим иногда «*плавку серебра*» или серебряные сосуды, но только очень, очень редко, хотя золотых дел мастера и золотые сосуды изображены многократно. Если золото в

погребениях находят часто, то находки в них серебра на протяжении всего Старого царства представляют редкостное исключение. Даже в захоронении матери царя — строителя величайшей пирамиды — царицы Хатпи-храс (Хетпе-храс), где было найдено до двух десятков полых серебряных запястий, эти последние составляли небольшую толику драгоценностей — большинство было из золота. Таким образом, с золотом и серебром дело обстояло в Старом царстве примерно так же, как в Раннем. Свинец по-прежнему не находил широкого применения, олово все еще не было известно.

Трудно себе представить, чтобы в Старом царстве Египет стал богаче деревом, скорее всего он стал беднее им. Правда, по изображениям в солнечном храме царя На-уас-рии (Эн-вос-рэ), следовательно еще при V царском доме, пустыня была оживлена многочисленными, хотя и разрозненно растущими деревьями, равно как кустами и пучками травы. Однако высыхание пустыни, давно начавшееся и приведшее ее в конце концов к ее нынешнему унылому состоянию, шло своим чередом, и никак нельзя предположить, что растительный покров ее стал в Старом царстве сколько-нибудь гуще, чем в Раннем. В подтверждение можно было бы сослаться на широкое пользование деревом в погребальном строительстве при первых двух царских домах и на быструю убыль его в такого рода сооружениях с наступлением Старого царства. Но только лучше этого не делать, так как вытеснение дерева из погребальных сооружений было обусловлено прежде всего буйным ростом каменного гробничного строительства. Как бы то ни было, нехватка добротного строевого леса была слабым местом Старого царства. Его оно ввозило из Финикии. Еще под одним из годов правления родоначальника IV царского дома Санфаре (Сенфоре) староегипетская летопись отмечает прибытие сорока судов с кедром, под следующим годом — сооружение из него корабля свыше 50 м длиною, а под последующим годом — изготовление из кедра дворцовых дверей. Под первыми двумя из этих лет упомянута также постройка судов той же длины из красного дерева тоже сиро-палестинского происхождения. Из жизнеописания вельможи VI царского дома («Уни») известно, что дерево (акацию) для постройки грузовых судов в южноегипетских каменоломнях ему доставляли вожди северно-эфиопских племен. Различное привозное дерево употребляли староегипетские столяры для кроватей, носилок, гробов, изваяний. Особой любовью пользовались при этом, по-видимому, черное дерево, привозившееся с юга (египетское слово для черного дерева, содержавшее согласные ***хбний***, живет поныне в современных обозначениях «*эбеновое дерево*», «*эбонит*»).

Итак, несомненный огромный производственный подъем страны, дозволивший развернуть невиданное никогда и нигде исполинское каменное строительство, нельзя поставить в связь и с открытием на заре Старого царства новых богатых источников промышленного сырья. Но, может быть, подобный производственный

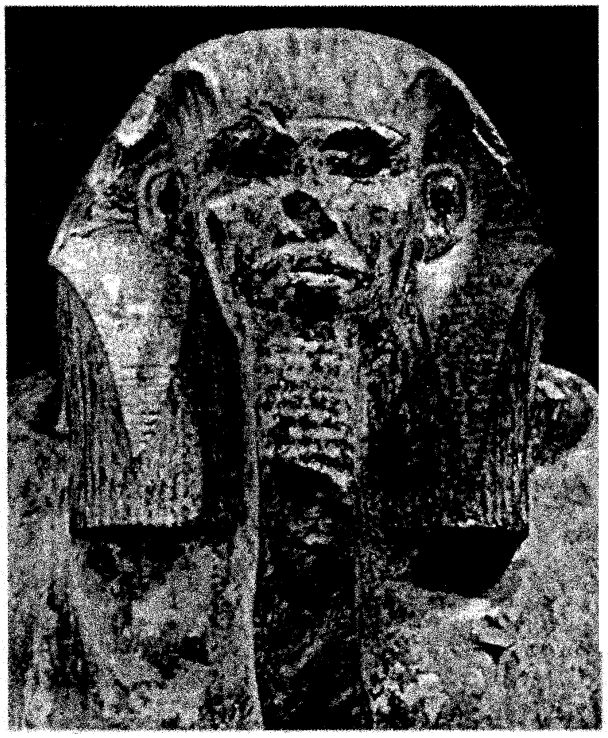
подъем надо связать с введением каких-то необыкновенно усовершенствованных ремесленных орудий, необыкновенно производительных приемов ремесленного труда?

Разумеется, строительное мастерство несоизмеримо возросло по сравнению с Ранним царством, но развилось-то оно именно на том самом каменном строительстве, возможность которого с наступлением Старого царства мы хотим объяснить. Медные орудия к началу I царского дома достигли уже такого совершенства, что Старое царство переняло их, в сущности, без изменений. Широкого усовершенствования каменных орудий с поступательным развитием медного века странно было б даже ожидать. Производство посуды из твердого камня, стоявшее на большой высоте при первых двух царских домах, а также при третьем (при нем умели изготовлять каменные сосуды со стенками не толще листа бумаги!), все более и более уступало место производству посуды из мягкого алавастра, легко поддававшегося медным орудиям. Древодельческое дело, как уже было сказано, по размаху далеко уступало прежнему. Ткачество уже при I царском доме достигало высочайшего уровня совершенства. При V царском доме гончарный круг засвидетельствован изобразительно, но отсюда не следует, что он не был изобретен раньше. Сосуды удивительно правильных очертаний, позволяющие сомневаться в изготовлении вручную, сохранились от значительно более давних времен. Поточная (конвейерная) работа, распространенная в пищевой промышленности во вторую половину Старого царства, могла и не быть тогдашним нововведением, так как подробных изображений пищевых мастерских от более раннего времени просто-напросто не имеется.

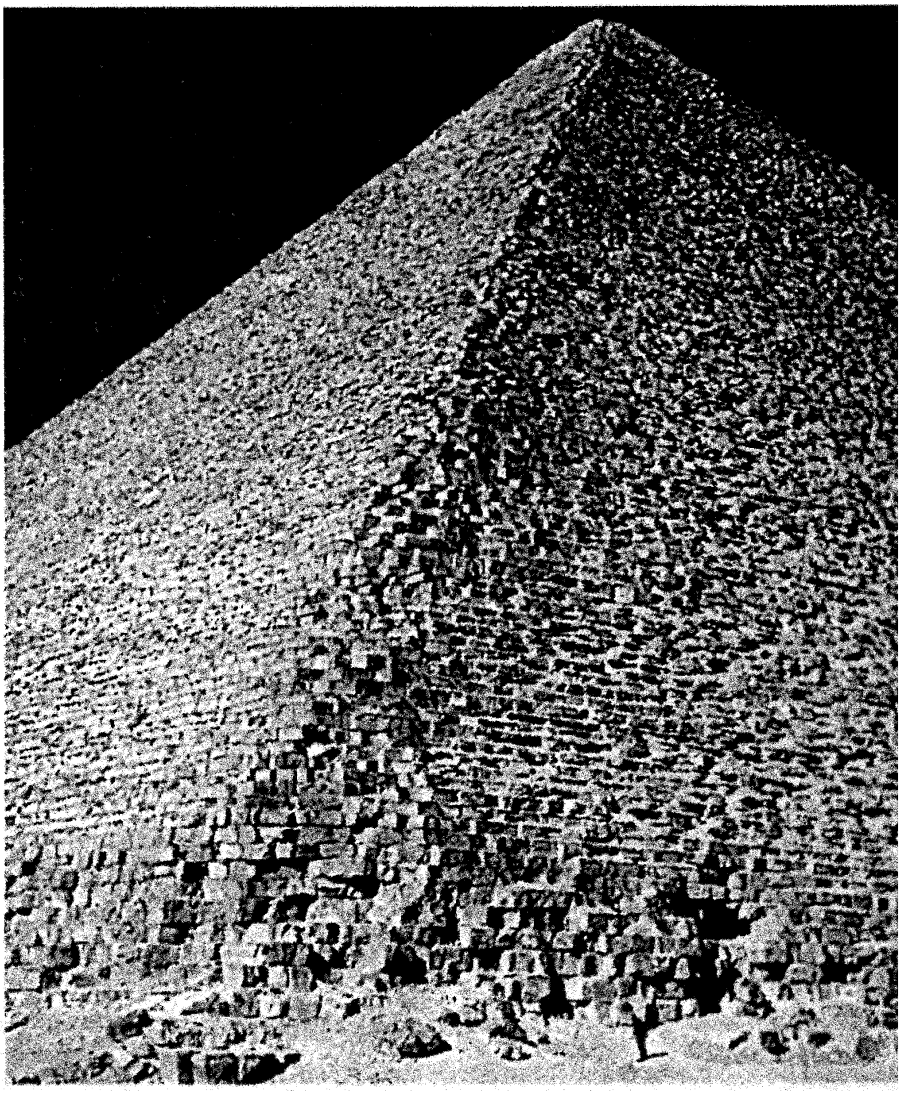
Что же опять получается? Производственный подъем должен был быть, и быть огромным. Иначе невозможен был бы головокружительный взлет каменного строительства. И тем не менее такой производственный подъем не вывести из того, что нам известно об орудиях, приемах труда, водораспределительной сети, источниках сырья не только что на заре Старого царства, но и в более зрелую его пору. И все же объяснение должно быть.

Наступление Старого царства было ознаменовано внезапным подъемом каменного строительства. С него для нас начинается Старое царство. Но начало Старого царства было непосредственно предварено другим, отнюдь не меньшим, событием — окончательным соединением страны в одно государственное и хозяйственное целое.

Мы плохо знаем, что происходило в Египте накануне III царского дома, перед самым началом Старого царства, но именно тогда, перед концом II царского дома царь Хара (Хор) Ха-сахм — «*Хара* (Хор), *Воссиявающий Жезлом*» (Ха-сахм) потопил в крови последнее сопротивление низовой половины страны. Именно тогда пали в отчаянной борьбе десятки тысяч последних поборников



◂ *Статуя фараона Дасы (Тосора), III династия*



▸ *Пирамида Хуфи (Шуфи) в Гизе, IV династия*

низовой свободы. Более уж мы не слышим о восстаниях в Низовье — за все долгие века Старого царства. В последнем властителе Раннего царства Харе-Суте (Хоре-Сэте) Ха-сахмауе — «*Харе-Суте* (Хоре-Сэте), *Воссиявающем Двумя Жезлами*», тождественном, вероятно, с Харой (Хором) Ха-сахмом, объединились оба государственные божества — Хара (Хор) и Сута (Сэт). Другое имя того же царя означало: «*Тот, в ком умиротворились оба бога*».

Конец противоборства двух половин страны не мог не высвободить для хозяйственного ее развития производительные силы, до того направленные на разрушение или приглушенные. Что значило для хозяйства страны ее окончательное объединение, сплочение Верховья и Низовья в одно прочное производственное целое, поясняет нам само Старое царство, изображения и надписи в его гробницах.

Достоверно известно из староегипетской летописи и гробничных надписей, что в пору Старого царства в Низовье было немало пахотной земли, что существовала низовая разновидность ячменя. И все-таки не полеводство было отличительным для тамошнего хозяйства. Производственные печати III царского дома, в полном согласии с раннеегипетскими, указывают на Низовье как на место преимущественного сосредоточения царского виноградника. Большинство употребительных в Старом царстве вин прозывалось по Низовью и его городам. Значительная часть его, перенасыщенная влагой, была затянута густыми зарослями болотных растений. Из них, особенно из высокой осоки (папируса), плели на месте циновки, плащи, опоясания. Из осоковых же стеблей вязали челноки и — что особенно важно — приготовляли писчую бумагу (папирус). Болота и заводи кишели птицей и рыбой. Птицеловство на изображениях почти всегда связано с болотом. Староегипетское птицеводство зиждилось на ловле и разведении именно водяной птицы. Совершенно незаменимым Низовье было и для скотоводов. Его влажные тучные пастбища служили отличным выгоном для крупного скота. Гнали ли его сюда, как впоследствии, также из Верхнего Египта — неясно (позже в Верхнем Египте скот пасся и по высоким наносным берегам, неприступным для разлива и потому малопригодным для полеводства). Волопасов и их стада охотно изображали в низовой обстановке. Даже старшие скотоводы очень часто изображены в дозволенных им по чину выступающих передниках, сплетенных из болотных растений — как бы для наглядного подтверждения связи с Низовьем. Такие же плетеные плащи, сворачивавшиеся наподобие современных воинских скаток, почитались прямо-таки за неотъемлемую принадлежность пастуха. Само собой разумеется, что скотоводство включалось в число «*работ*», производившихся в низовой топи. Из нее к вельможному хозяину «*выходили*», переправляясь вброд через воды, стада быков и коров. Оттуда же ему несли «*доброе все, что творит низовая топь*» — стебли осоки и «*птицу всякую*», несли иногда те же пастухи.

Совсем иначе выглядят староегипетские изображения, когда на них появляются поставки из Верхнего Египта. Суда, прибывающие к вельможе оттуда, бывают гружены всяким добром: крупным и мелким скотом, копытными пустыни, журавлями, голубями, сосудами, тюками, ножами и т. д., но главным образом зерном. На таких изображениях — а они имеются в нескольких гробницах — большинство грузовых судов, если только не все, по самому своему устройству предназначены для перевозки зерна. Посреди каждого находится огромное зернохранилище, выше краев засыпанное хлебом: «*ячменем многим*» и иным зерном.

Низовью, отчасти засеянному, отчасти занятому садами, лугами и болотами, Верхний Египет противостоял как преимущественно хлебный. В хозяйственном смысле обе половины страны взаимно восполняли одна другую, осуществляя между собою как бы естественное разделение труда. Производственное взаимовосполнение юга и севера отчетливо прослеживается по источникам лишь начиная с V царского дома, так как до того хозяйственные изображения — редкость. Однако естественно считать, что оно в полной мере имело место и при предшествующих двух царских домах: ведь основано-то оно было на природных условиях каждой из половин царства. С окончательным сплочением страны в одно производственное целое становился возможным новый мощный подъем хозяйства и вместе с тем великое каменное строительство.

Но кто были те люди, которых египетские цари, завершив объединение страны, могли принудить в условиях медного, полукаменного века громоздить рукотворные горы пирамид? Рабы? Или это были какие-то другие люди?

Рабство, несомненно, существовало в Старом царстве.

При VI царском доме младший брат большого сановника, царского зодчего, и сам впоследствии таковой, Маи-риа-маи-птах-анхи (Ми-рэ-ми-птех-онх), рассказав, как двадцать лет управлял его хозяйством, добавлял, что никогда не бил там какого-либо человека так, чтобы тот «*пал под пальцами*» его, и никогда не порабощал там никаких людей. Слово «*люди*» изображено двумя знаками — мужчины и женщины, так что люди могли быть любого пола. Несколько позже, на исходе Старого царства, один областной князь («Хенку») напоминал населению своей области и соседним, что никогда не порабощал дочери кого-либо из них. Слову «*порабощать*», написанному звуковыми знаками, придан изобразительный знак, зрительно поясняющий его смысл — женщина с чертой поперек шеи, т. е. с деревянными скобами на шее, признаком порабощения. Глагол «*порабощать*» в обоих случаях ***бак*** — одного корня со словами «***бак***», «***бака***», которые мы в дальнейшем переводим «*раб*», «*рабыня*».

В скорописном староегипетском письме, хранящемся в Египетском музее в Каире, говорится о «*рабыне* (***бака***) *дома собственного*» с египетским именем ***Мррй***. Слово «*рабыня*» написано звуковыми знаками с придачею изобразитель-

ного — знака женщины с чертой за затылком, очевидно, скорописно переданными деревянными скобами. Значительно раньше, еще в конце IV или начале V царского дома некий вельможа, запрещая родне и служащим распоряжаться имуществом, которое он выделил заупокойным жрецам за службу по нем, возбранял также распоряжаться рабами (***бак***), братьями и сестрами этих жрецов. Братья и сестры были, наверно, обездоленными членами семьи, проживавшими при старшем брате в зависимом от него положении. «*Рабы*» были самих жрецов. Они отличены от «*людей*», выделенных вельможею заупокойным жрецам в оплату службы вместе с пашней и «*вещью всякою*». Этих «*людей*» он запрещал заупокойным жрецам продавать кому бы то ни было или завещать на сторону, помимо преемников по служению. Следовательно, на деле можно было продавать и покупать людей. Случай простого отобрания людей у прежних хозяев изложен в скорописном письме на тот свет умершему главе семьи его вдовой и сыном на самом исходе Старого царства. Они молят покойного защитить их от обидчиков, которые захватили все, что было в доме, и вдобавок еще трех прислужниц («*последователей*») с египетскими именами. Впрочем, неясно, были ли они действительно рабынями.

О законной покупке людей в целях обеспечения поминок сообщает на своей гробничной (ложной) двери один не слишком важный чиновник — «*наставник тех, что при вещи* (т. е. делах) *житницы*» и «*руководитель меряющих* (зерно)» — второй половины Старого царства. Вверху трех десятков мужских и женских изображений, размещенных на косяках, справа и слева помещено по две надписи одинакового содержания: «*Платежные* (люди) *собственные* (мои). *Достал* (я) *их в уплату* (за нечто), (причем) *были* (они занесены) *за печатью в договор подведомственности*(?) *из желания, чтобы приносили они* (мн)*е заупокойную жертву на кладбище*» и «*Слуги двойника, служанки двойника* (т. е. заупокойные жрецы и жрицы)». Вторая надпись относится, очевидно, к изображениям мужчин и женщин, несущих что-либо умершему (кадильницу, продовольствие, жертвенное животное и т. д.) или стоящих просто так, без дела. Первая же надпись касается, наверно, людей, изображенных за приготовлением хлеба и пива, главных видов староегипетского довольствия. Из этих людей две женщины толкут зерно, одна просеивает, три растирают на зернотерках, один мужчина печет хлеб, две женщины месят его для пива. Около одной из мельничих стоит девочка. Из жрецов все мужчины поименованы, но большинство женщин не надписано именами, что, пожалуй, понятно, если они были женами мужей, с которыми работодатель заключал договор. Зато все те, кто занят приготовлением хлеба и пива, снабжены именами, даже девочка. Хозяин, конечно, знал имена купленных им людей. Имена все египетские, что, разумеется, еще не доказывает, что носители их были обязательно египтянами — они могли быть и переименованы.

В том, что люди были действительно куплены и покупка закреплена пись-

менно в купчей, не приходится сомневаться. В купчей на дом второй половины Старого царства (до нас дошел список с купчей, вырезанный на камне) употреблены точь-в-точь те же выражения, что и на ложной двери: «*достать в уплату*», «*быть* (занесенным) *за печатью в договор подведомственности*(?)». Да и само обозначение купленных людей говорит само за себя. Мы передали его как «*платежные* (люди)», и оно действительно одного корня со словом «*плата*», вслед за тем употребленным. Число купленных людей внушительно (видимо, их целый десяток). Однако за исключением пекаря, все они — женщины, и хотя выполняемые работы те же, что и в больших пищевых заведениях — «*заповедниках*» (о них речь будет ниже), все же по существу это — домашние работы. Поэтому никому не возбранено как этих людей, так и рабов заупокойных жрецов считать всего лишь домашними рабами.

В пользу такого мнения могли бы говорить и надписанные изображения в гробнице сановника V царского дома Инси-нафы (Энсе-нуфе). За вельможею следуют два карлика с египетскими именами, один с тростью и обувью хозяина, другой со спальным подголовником и походным ложем. Каждый надписан помимо имени словом «*платежный*», и оба, несомненно, личные слуги.

Прямо над карликами изображены два «*эфиопа*», резко отличные по виду от египетских собратьев, несмотря на свои египетские имена. Один — «*провожатый*» с дорожным мешком и умывальным прибором, другой — «*ключник*» с хозяйской одеждой. Еще одного слугу, надписанного словом «*эфиоп*», мы находим в гробнице царевича того же V царского дома («Хетеп-сешат»). Это тоже личный слуга — в одной руке у него бельевой мешок, в другой хозяйская обувь. В Новом царстве наименование «*эфиоп*» в приложении к слугам означало «*эфиопский раб*», и вряд ли наши «*эфиопы*» были кем-нибудь иным. В таком случае, в числе частновладельческих рабов имелись и иноземцы.

Слуги-«*эфиопы*» по прическе и одежде схожи с поверженным врагом и пленником, изображенными в поминальном храме царя V-го же дома На-уас-рии (Эн-вос-рэ). Невольники-эфиопы (тогда еще не негры, а хамиты) могли быть из числа пленных. Старое царство воевало с окрестными племенами и пленных брало немало. Согласно староегипетской летописи, в один из годов правления родоначальника IV царского дома Санфары (Сенфоре) было уведено в плен 7000 эфиопов, в другой год — 1100 западных соседей — ливиян. Своих ливийских пленных и учет их египетской богиней письма и счета изобразил в поминальном храме второй царь V дома Сах-и-риа (Сех-и-рэ). При VI царском доме князь пограничной южноегипетской области Хуф-хара (Шуф-хор) доставил в столицу из Эфиопии «*большое число*» пленных, а общеегипетское ополчение (под начальством сановника Уни), разгромив «*тех, что на песке*» (возможно, в Азии), взяло пленных «*очень много*». Несомненно, однако, что значительная часть пленных

поступала не в частные руки. Под одним из годов правления основателя V царского дома Уас-куфа (Уср-кофа) староегипетская летопись сообщает о 70 иноземцах (иноземках?), доставленных в виде дани для царской пирамиды или ее храма.

Порабощение, с которого мы начали наш обзор староегипетского рабства, представляло, очевидно, насильственное превращение в раба. В одном случае о воздержании от порабощения сказано непосредственно после слов об отказе от беспощадной палочной расправы. В другом случае единственным предметом возможного, но ни разу не осуществленного порабощения оказываются дочери сограждан. На порабощение за долги все это мало похоже. В обоих случаях непричастностью к порабощению хвалятся люди властные: брат — управляющий царского сановника и областной князь. И то, что эти люди, занимавшие разное место в обществе и жившие в разное время и в разных местностях, хвалятся одним и тем же, доказывает, что насильственное порабощение было тогда широко распространено. О произволе власть имущих свидетельствует ставшая общим местом похвальба вельмож второй половины Старого царства, будто они по мере сил изымали убогого из руки более сильного, чем он. Поскольку подобное говорилось в связи с судейской деятельностью, речь шла, по-видимому, о спасении слабого от сильного на суде. Но если у нас нет прямых известий о рабстве-должничестве в Старом царстве, то все-таки трудно себе представить, что другое могло ожидать неоплатного должника? А что неоплатные должники, по меньшей мере, под конец Старого царства, при VI царском доме были довольно-таки обычным явлением, показывает похвальба князя II верхнеегипетской области Маи-риа-нафы (Ми-ре-нуфе), будто бы он за всякого, за кем числилась зерновая ссуда, возмещал таковую заимодавцу из своего хозяйства.

Вот, примерно, все то, что с большей или меньшей степенью надежности можно сказать о рабстве в Старом царстве. Немного, очень немного, и к тому же ни единого достоверного случая применения рабского труда не в домашнем быту, а в производстве. И это при поразительном изобилии источников о староегипетском хозяйстве!

На стенах своих гробниц тогдашние сановники и даже второстепенные должностные лица старались изобразить не только то, как им посмертно доставляют продовольствие и прочие блага, почитаемые за необходимые для загробного благополучия, но также и то, как еда, питье и разные вещи производятся. По египетским понятиям гробничные изображения превращались для умершего в своего рода живую действительность. Изображенные производственные действия надписывали пояснениями общего и частного порядка, а подле работников и их руководителей выписывали их обозначения, возгласы, разговоры. Разглядывая подобные изображения и читая приписки к ним, мы как бы обозреваем вель-

можеские владения, подслушиваем, что говорят производители, земледельцы и ремесленники, равно как и управители хозяйства, получаем необходимые разъяснения (окаменелое кино!). И вот, вся эта сельскохозяйственная и ремесленная деятельность на рабовладельческое производство отнюдь не похожа, как, впрочем, не похожа она и на производство крепостническое.

Вельможеское хозяйство — единственное староегипетское хозяйство, которое, благодаря гробничным изображениям, мы в состоянии изучить сколько-нибудь подробно. Но вельможеское хозяйство было ведущим в вельможедержавном Старом царстве. Поэтому, знакомясь с этим хозяйством, мы получаем некоторое представление о староегипетском производстве вообще.

Что же представляло вельможеское хозяйство Старого царства, точнее, времени V и VI царских домов, так как данные для предшествующего времени довольно скудны?

Правовое различие между собственностью и владением Старое царство отчетливо не сознавало. Древнеегипетский язык не имел глагола «*принадлежать*». «То-то принадлежит тому-то» по-египетски было бы «*то-то для того-то*» или «*то-то под тем-то*». И «*то, что под тем-то*» обозначало в Старом царстве и наследственное достояние, переходящее от отца к сыну, и надел, выделенный без каких-либо оговорок близкому родственнику (жене) за присмотр за поминальной службой, и долю имущества, переданную заупокойному жрецу на договорных началах — пока он правит службу. «Иметь право на что-нибудь» значило собственно «*быть с грамотой на что-нибудь*» (недвижимость и движимость письменно учитывались государством), и провинившийся сановник переставал одинаково «иметь право» на свою должность, «иметь право» на свою печать, «иметь право» на свое имущество.

Понятие «собственный» было весьма растяжимым и довольно своеобразным. Употребительным способом передачи его в Старом царстве было отнесение чего-либо или кого-либо к «*плоти*» (точнее, вероятно, к «*туловищу*») как «*самости*» того или иного лица, т. е. к нему «самому»: «*дом плоти его*» — «*дом собственный его*», «*селения плоти его*» — «*селения собственные его*», «*быки, мелкий скот, ослы плоти его*» — «*быки, мелкий скот, ослы собственные его*», «*платежные* (люди) *плоти* (моей)» — «*купленные люди собственные мои*», «*достояние плоти* (моей)» — «*достояние собственное мое*», но равным образом «*брат его плоти его*» — «*брат его собственный его*», «*властелин плоти его*» — «*управители* (селений) *собственные его*», «*писцы плоти его*» — «*писцы собственные его*», «*слуги двойниковые плоти его*» — «*заупокойные жрецы собственные его*». «*Тот, кто от плоти*» такого-то, т. е. «*собственный человек*» такого-то, могло одинаково обозначать как подневольных людей (столяра, пивоварку, мельничиху и т. д.), так и людей, состоявших у высоко-

поставленных лиц всего лишь на службе (домоправителя, управляющего всем имуществом, надзирателя за жрецами, за заупокойными жрецами, даже сановитого сына самого вельможи, начальника над заупокойными жрецами своего родителя). Мало того, важный царедворец, царский «*друг единственный*», состоявший на службе при пирамиде последнего царя V дома Уннаса (Унноса), тоже был у него «*тем, кто от плоти его*», т. е. «*собственным человеком*» венценосного хозяина! Отнесением чего-либо или кого-либо к чьей-нибудь «*плоти*» или самости выражали как личную принадлежность к обладателю «*плоти*», так и принадлежность к нему как владельцу. Относиться к нему «*самому*», к его «*плоти*» могли близкие, приближенные, служащие, слуги, работники, но в равной мере также невольники, животные, земли, строения, вещи, т. е. собственность в употребительном смысле слова, иными словами, всякого рода движимость и недвижимость и вместе с тем лица, никакими невольниками явно не бывшие. И эту особенность староегипетского словоупотребления надо постоянно иметь в виду при определении рода и степени принадлежности кого-либо или чего-либо, отнесенного к чьей-либо «*плоти*», объявленного «*собственным*».

Принадлежность к «*плоти*», к «*самости*» того или иного лица четко противопоставляли как отношение частного порядка принадлежности государству; иными словами, то, что принадлежало «*самому*» лицу, противополагали как частное тому, что принадлежало государству, Хозяйству царскому, «*дому цареву*», хозяйство вельможи противостояло как «*дом собственный*». Цареву «*местожительству*», дословно «*внутреннему*», «*дом собственный*» вельможи противостоял как «*стороннее*», дословно «*внешнее*». «*Древоделы* (царева) *местожительства*» противопоставлялись «*древоделам дома собственного*», «*каменосечцы* (царева) *местожительства*» — таковым «*дома собственного*», «*слуги царевы*» (т. е. государственные земледельцы) — рабочим «*дружинам дома собственного*» (тоже занятым на поле), «*соединения собственные*» областного князя — соединениям «*области под рукою его*». Областеначальник тщательно различал между тем, что было лично его, «*имуществом самого его по истине*», и тем, что считалось имуществом «*по должности*». Все, что составляло хозяйство вельможи, его «*дом собственный*», было не просто его владеньями, его людьми, его стадами, но угодьями, людьми, скотом, птичниками, зерном «*собственным*» его или «*дома собственного*». Это постоянно отмечалось в надписях, хотя «*собственными*» были также вельможеские писцы, управляющие, заупокойные жрецы.

Несмотря на своеобразную расплывчатость староегипетского понятия собственности, имущественному праву того времени нельзя отказать в значительной развитости. Если, например, заупокойный жрец покидал службу, выделенное ему за нее нанимателем имущество, в силу распоряжения умершего, подлежало возвращению жреческой череде, к которой тот жрец принадлежал, несомненно, для переда-

чи его преемнику. Сановник VI царского дома Уп-ма-нафа (Уп-ен-нуфе) закрепил за почившим сыном один из склепов и одно из поминальных помещений в своей собственной гробнице, без права присвоения их родственниками и вообще кем бы то ни было, в присутствии целого сонма свидетелей. Судебным решением опекуну дозволялось пользоваться доходами с подопечного имущества, но не им самим.

Неприкосновенность благоприобретенного ими «*правильного*» имущества подчеркивалась со всею силою. Хозяева гробниц, больших и помельче, наперебой заверяли посетителей в своем законном и потому нерушимом праве на сооружения: чтобы воздвигнуть их, они никого не ограбили, создали их на собственные средства, «*из имущества правильного*», щедро вознаградили мастеров. Иной обладатель гробницы спешил даже заверить, что вообще «*жил с имущества*» своего «*правильного*», «*с сотворенного рукою своею*».

По тому, как часты были подобные заверения, можно заключить, что далеко не все жили на праведные средства. Притеснения с помощью неправого суда человека убогого более сильным, лишение тем же способом сына отцовского наследства были обычным явлением. Голодных и нагих было столько, что давать им хлеб и одежду вменялось в первейшую добродетель. Приходилось «*давать жить*» беднякам. Обнищание рядового населения ко времени VI царского дома зашло так далеко, что князь II верхнеегипетской области Маи-риа-наф (Ми-ренуфе) находил нужным хвалиться, будто б отмеривал из собственного достатка ячмень и молоко любому голодному, какого находил у себя в области, погребал в своем полотне неимущего, а за всякого в области, за кем числилась ссуда зерном, вносил ее заимодавцу из собственных средств. Впрочем, еще на рубеже III и IV царских домов многие мелкие держатели пахотной земли продали ее по неизвестным причинам богатому сановнику («Мечену»).

Но сосредоточить земли в своих руках староегипетские вельможи могли и не прибегая к незаконным действиям или покупке. Цари располагали огромными земельными запасами и щедро расточали их храмам и особенно знати. Своею землею землевладелец распоряжался по своему усмотрению. Мы только что видели, что даже простые люди продавали пашни. На рубеже IV и V царских домов вельможа запрещал своим заупокойным жрецам продавать выделенную им за службу пахотную землю. Продать ее, значит, было возможно. Земля за поминальную службу давалась в условное пользование — доколе жрец будет править служение, т. е. совершенно так же, как царь или храм обеспечивали храмовое жречество наделами. И тут и там наделы можно было завещать и наследовать при соблюдении преемственности и по части служебных обязанностей. Естественно, полноправный владелец земли мог подарить или завещать ее, как и скот, своим родственникам. Наследника можно было назначить, но обычно, по-видимо-

му, им был старший сын, становившийся по смерти вельможи «*владыкою имущества*» его «*всякого*». Прочие братья нередко впадали в зависимость от счастливца. На гробничных изображениях мы часто находим их в окружении вельможи. Иной младший брат служил у старшего в прислужниках, писцах, управляющих.

Вместе с пахотной землею можно было завещать, наследовать и даже продать людей. Последнее вытекает из вельможеского запрета заупокойным жрецам продавать выделенные им за службу «*пашню, людей, вещь всякую*». Однако из возможности на деле незаконно продать таких людей не вытекает с необходимостью, что они были рабами. Мы видели, насколько расплывчато и своеобразно было староегипетское представление о собственности. Вельможам цари дарили целые селенья, притом по нескольку и даже помногу, и они переходили по наследству, и их свободно выделяли в обеспечение поминальной службы.

Владения вельмож бывали разбросаны по всей стране, расположены в Верхнем и Нижнем Египте. Соответственно имелся особый «*домоправитель*» или управляющий хозяйством для Нижнего Египта.

«*Распорядитель дома*» был главным, полномочным управляющим вельможеского хозяйства, по-египетски «*дома*», и возглавлял «*управу дома собственного*». В нее, кроме «*распорядителя дома*», входили писцы, хранитель ведомостей, мерщик и счетчик зерна. «*Управа*» осуществляла верховный надзор за хозяйством. Ей были подотчетны все низшие начальники, и она вершила расправу с неисправными из них. Подобно староегипетской государственности в целом, управление вельможеским хозяйством было насквозь проникнуто писцовым духом. «*Писцов дома собственного*» мы видим всюду: на полевых работах, при пригоне стад, в производственных мастерских. Зато отчетность была поставлена хорошо. «*Распорядитель дома*» представлял хозяину пространные ведомости, и хранитель хозяйственных книг («*тот, кто при книге*») мог предъявить по первому требованию отчет за весь прошлый год.

Владения вельможи распадались на отдельные населенные точки: «*дворы*», «*селения*», к которым во владениях, выделенных на помин души, присоединялись еще «*дворы двойника*». Во главе отдельных «*дворов*» и «*селений*» стояло по «*властелю*». «*Властели*» не были деревенскими старостами. Когда надписи сообщают нам прочие звания таких «*властелей*», они оказываются государственными чиновниками. У известного уже нам царского зодчего Маи-риа-маи-птах-анхи (Ми-рэ-ми-птех-онха) над «*селением*» «*властвовал*» младший брат, в будущем тоже царский строитель. «*Властель*» отвечал за все хозяйство «*двора*» или «*селения*», присутствовал всюду: при севе и жатве, на току и в хлевах. Соответственно и отчитывался он перед «*управой*» как в собранном хлебе, так и в поголовье скота. Уничиженно, согбенно представали «*властели*» перед нею, влекомые приставниками, вооруженными палками, и, припавши к земле, под надзором все

тех же стражников, ждали решения своей участи. А кончались отчеты для «*властелей*» нередко жестоким избиением.

Наряду с сельским хозяйством, «*дом собственный*» вельможи включал в себя и ремесленное производство. Отдельные его отрасли охотно объединяли в многоремесленные мастерские, но ткачество и пищевое производство выделялись в особые заведения. Ремесленные производства подчинялись своим начальникам, в ведение «*властелей*» они не входили.

Кто же работал на вельможу в его «*дворах*» и «*селениях*», многоремесленных, ткацких и пищевых мастерских?

Несчетное число раз предстают перед нами эти люди на настенных изображениях в гробницах вельмож. Но все они — землепашцы и садоводы, пастухи и охотники, птицеловы и рыбаки, медники и златокузнецы, гончары и каменоделы, плотники и столяры, ткачи и сапожники, пекари и пивовары — по виду, одежде, языку, песням, вере, а также именам, где они приписаны, самые настоящие египтяне. Короче говоря, перед нами коренное население страны. Допустить, что оно составляло вельможескую собственность в современном смысле, состояло из частновладельческих рабов наподобие римских, значило бы допустить что-то неправдоподобное. Присмотревшись внимательно, мы заметим, что ни труд этих людей не похож на рабский, ни отношение к их труду — на рабовладельческое.

Их непосредственные начальники работают наряду с ними. Надзирающий за обмолотом зерна гонит по нему скот (молотящий копытами) вместе со своими подчиненными. Начальник медников кует вместе с ними, а их надзиратель — лощит сосуд. Старейшина судостроительной мастерской, начальник плотников сам тешет дерево, а он вдобавок еще царский чиновник — «*тот, кто у изголовья царя*». Начальник кожевенной мастерской растягивает кожу, в то время как его сапожник кроит из кожи обувь. Начальник каменоделов вместе с ними сверлит и лощит каменную посуду, а надзиратель принимает деятельное участие в лощении изваяния. Даже волхву и «*писцу дома книги божьей*» при царском дворе нисколько не зазорно быть изображенным расписывающим каменные сосуды в вельможеской мастерской. Складывают ли в скирду или молотят хлеб, поливают ли или давят в точиле виноград, тащат ли улов рыбы или клетку с пойманным зверем, варят ли пиво или куют руду, никому не кажется неуместным, если трудящимся с прочими работниками изображен кто-нибудь из заупокойных жрецов. Раз даже в помощь выжимающим виноград придан не кто иной, как хранитель ведомостей!

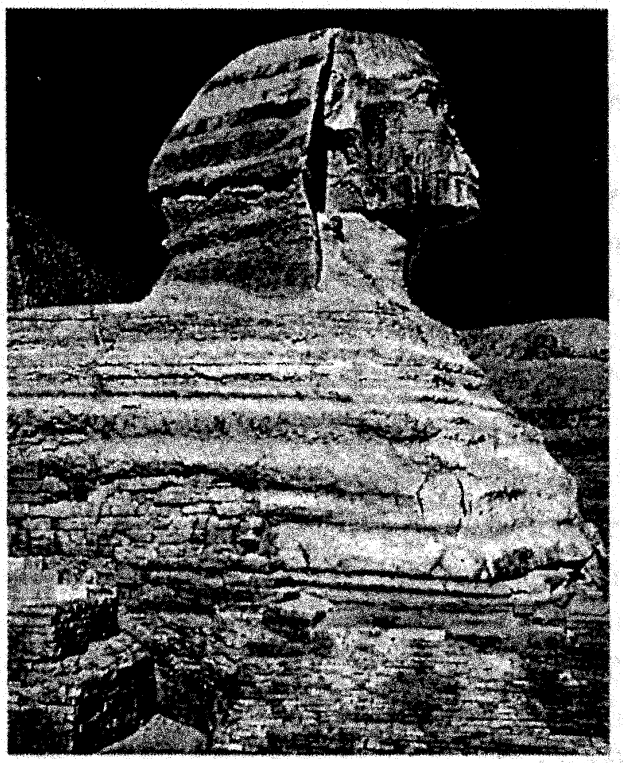
Не в одной, а в нескольких гробницах изображено, как награждают ткачих: в одном случае также продольствием и тканью, а на всех изображениях ожерельями и повязками. В поминальных храмах царей представлено, как такие наградные ожерелья и повязки получают царедворцы и царские слуги. Значащиеся на производственных изображениях возгласы работников и их руководства, как бы

лживы подобные приписки ни были, предполагают все же отношение к труду и средствам производства иное, чем рабское, как мы его привыкли мыслить. Наводит на размышление и тщательное, продуманное разделение труда в староегипетских мастерских.

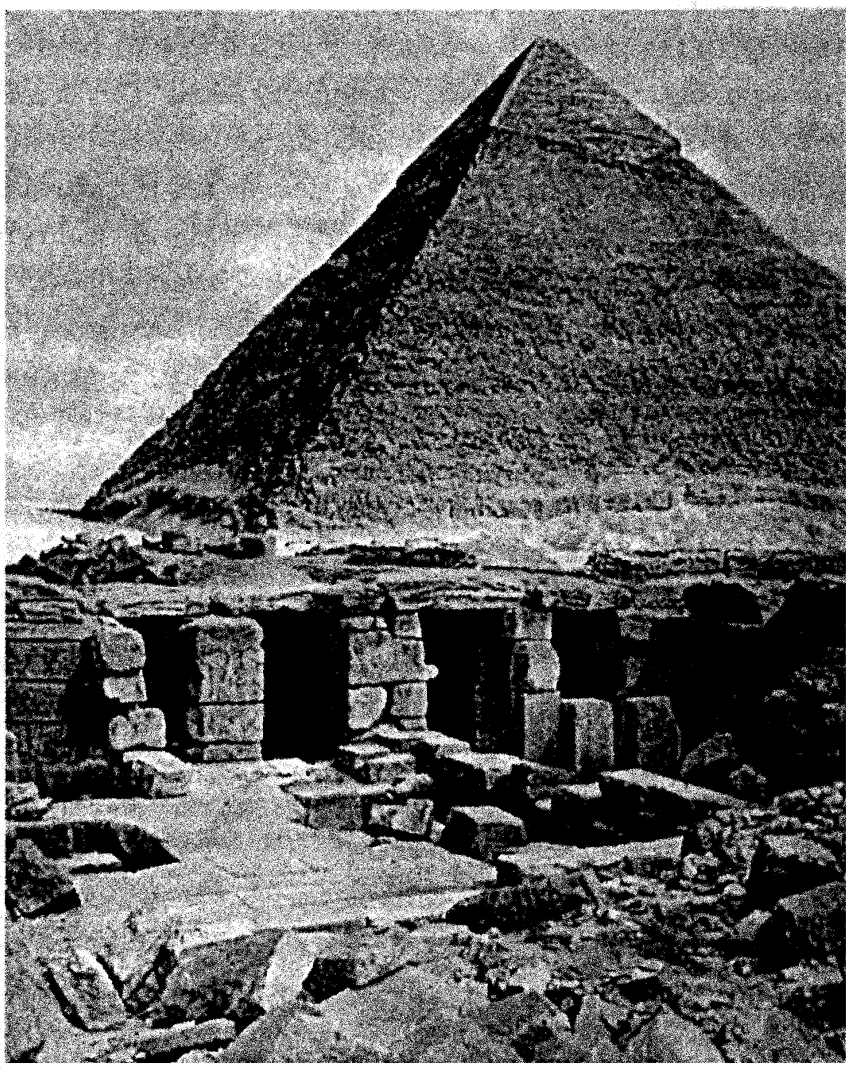
Как же работали люди у тогдашних вельмож в сельском хозяйстве и ремесленных заведениях?

Вельможеские нивы и гумна были распределены по «*селениям дома собственного*». И того же «*дома собственного*» «*отряды*» трудились на поле плугом, мотыкой, серпом при пахоте и жатве. Они же, «*отряды дома собственного*», гоняли по полю баранов при севе — с тем, чтобы те втоптали зерно. Согласно изображениям, в этих «*отрядах*» состояли только мужчины. Женской работой было веяние, и те женщины, что веяли зерно, входили, по-видимому, в состав «*пятерок*» и потому именовались «*пятерочницами*». Женщина с мотыкой или за укладкой снопов на гробничных изображениях редчайшее исключение. В страдную пору иной областеначальник привлекал в помощь «*отрядам дома собственного*» «*слуг царевых*» — государственных земледельцев подвластных ему местностей.

Посевное зерно отпускалось из хозяйской житницы. Собранный хлеб был ячменем и пшеницей «*дома собственного*». Как и следовало ожидать — за рассредоточением по «*дворам*» и «*селениям*» больших количеств скота в вельможеских хлевах, — коровьи упряжки, на которых пахали на хозяйских полях, принадлежали вельможе, а не землепашцам. В каждый плуг на изображениях запряжено неизменно по две коровы, и при каждой упряжке в подавляющем большинстве случаев состоят двое, изредка даже трое взрослых мужчин: пахарь, погонщик, а то и поводырь, что идет впереди и ведет упряжку. Вряд ли так было б, когда б на вельможу пахали земледельцы, пришедшие на его поле каждый со своими плугом и коровами. Но вельможеское хозяйство, хорошо оборудованное и в избытке располагавшее рабочей силой, именно так и должно было пахать. На одном из погонщиков мы даже видим особый передник, свойственный скотоводам, но никак не пахарям, так что погонщик вполне мог быть пастухом, сопровождавшим своих коров так же на пашне. На том же изображении (в гробнице «Чии») сбоку от пахарей доят корову. Мужчина с молочником говорит доильщику: «*Дой, торопись ты, пока не пришел властель сей!*» В. В. Струве сделал из этого правильный вывод, что корова состояла в ведении «*властеля*», т. е. местного управляющего, и была потому хозяйской. При VI царском доме князь XIV верхнеегипетской области (по имени «Иби») прямо говорил о «*зерне*(?), *упряжках, людях*» как о своих «*собственных*» (слово «*упряжка*» написано буквами с придачею изобразительных знаков плуга и быка). Вельможескими были, конечно, и стадо баранов, втаптывавших зерно после сева, и стадо ослов,



◂ *Большой Сфинкс фараона Хааф-рии (Шеф-рэ) в Гизе, IV династия*



▸ *Пирамида Хааф-рии (Шеф-рэ) в Гизе, IV династия*

возившее хлеб с поля на гумно. Для такого овечьего и ослиного стада имелось по особому обозначению. Если верить надписаниям на изображениях, подобное стадо ослов могло заключать их сотни и даже тысячи. Хозяйскими были, несомненно, и ослы, молотившие копытами на току зерно.

Вельможеский скот, который пастухи пасли, доили и откармливали на убой, или стоял в «*хлевах дома собственного*», расположенных во «*дворах*» и «*селениях*», или почасту пасся особо на отделенных выгонах, главным образом низовых. Скотные дворы являлись одновременно крупными молочными заведениями. В гробнице ...* изображено, как доят зараз множество коров, и затем длиннейшее шествие мужчин несет молоко хозяину. Вельможеские скотоводы подчинялись различным начальникам. Главные из них наряду с «*властелями*» привлекались к отчету во вверенном им поголовье. И кто из них не мог предъявить столько, сколько должен был «*дать*», подвергался истязаниям как «*неугодный владыке своему, нелюбезный владычице своей, ненавистный обоим домам владыки своего*» (т. е. верхнеегипетскому и нижнеегипетскому хозяйству вельможи).

Рыбаки и птицеловы работали обыкновенно многолюдными соединениями во главе со своими начальниками. Рыбу ловили по-разному: с берега и с лодок, неводами, мордами, сачками. Ужение было известно, но производственное значение его было ничтожно. Значительная часть пойманной рыбы потрошилась на месте и заготовлялась впрок. Если верить изображениям посмертной трапезы вельможи, которые дошли до нас в несчетном количестве, а также пространным перечням потребных для нее яств, рыба не поступала на стол знати, но тем большее значение, свежая или заготовленная впрок, рыба имела для народа. Птицеловство было существенною отраслью вельможеского хозяйства, так как призвано было, помимо поставки дичи к столу, пополнять богатые птичники вельможи. Ловили птицу сетями и западнями. Птицеводство было поставлено на широкую ногу и тоже требовало большого числа рабочих рук. В птичники «*дома собственного*», с прудами и без оных, зерно отпускалось целыми мешками; варили еще и особую еду, которою пичкали откармливаемую птицу. Как бы мы ни урезывали огромные числа, указанные на изображениях домашней птицы, ее у вельмож могло быть, действительно, очень много. Населяла их птичники преимущественно водяная птица; потому птицеловство процветало в низовых болотах.

В составе вельможеского хозяйства имелись и крупные ремесленные заведения.

По меньшей мере довольно часто ремесла объединяли помногу в одну громадную многоремесленную мастерскую — «*палату мастеров*». В ней могли быть представлены одновременно медники, златокузнецы, каменотесы, мастера по

* Имя владетеля Ю. Я. Перепёлкиным не обозначено.

ценным каменьям, изготовители каменной посуды, ваятели, «*рубильщики*» (столяры и плотники-судостроители), лощильщики, сборщики ожерелий. Это не мешало отдельным ремеслам иметь свои особые помещения и своих особых начальников. Так, существовали мастерские древодельческие, соединявшие в себе, по-видимому, все работы по дереву, от судостроительных до столярных, и состоявшие в ведении заведующих, именовавшихся «*старшинами*», кожевенные мастерские со своими заведующими во главе, мастерские каменной посуды с особыми же начальниками, «*распорядители медников*», «*распорядители рубильщиков*», «*распорядители ваятелей*». Если на полевые работы в своем личном хозяйстве областеначальники привлекали в виде дополнительной силы «*слуг царевых*», т. е. государственных земледельцев, то в ремесленных мастерских те же областеначальники пользовались наряду с работниками «*дома собственного*» также государственными ремесленниками: «*рубильщиками* (царского) *местожительства*», «*каменосечцами местожительства*», «*мастерами местожительства*». Отдельные изделия проходили зачастую через руки нескольких мастеров, представителей разных производственных отраслей. Так, предметы обстановки, изготовлявшиеся «*рубильщиками*», лощили иногда они сами, иногда же особые «*лощильщики*», бусы изготовляли одни работники, а снизывали в ожерелья и подвески другие, обыкновенно карлики, чьи маленькие и тонкие пальцы особенно подходили для такой работы.

От многоремесленных мастерских были обособлены ткацкие. Если в тех совершенно не видно женщин, то в этих, как и следовало ожидать, они преобладали. Само название ткацких мастерских было «*дом ткачих*», а не «*дом ткачей*». Зато руководство — а руководили знатоки данного дела — в ткацких мастерских у вольмож бывало сплошь мужским: «*распорядитель*», «*руководитель*», «*писец*» (последний, конечно, не был ткачом) «*дома ткачих*».

В гробнице князя XIV верхнеегипетской области Пйапи-анхи (Пйеп-онха) времени VI царского дома перед вельможею, восседающим в кресле, изображено двое писцов, сидящих на земле и занятых расчетом, сколько рабочих единиц требуется в месяц и сколько в год. Что речь идет о ткацкой мастерской, доказывают ключник, стоящий за теми писцами (ключники ведали также бельем), и третий писец, учитывающий куски ткани, которые не то вынимает, не то укладывает стоящий перед ящиком мужчина (приписка повреждена, но исчислялись ткани, по-видимому, десятками тысяч). И вот оказывается, что в месяц ткацкой мастерской требуется 84 рабочих единицы, а в год — 996 (писцы, или, вернее, сочинитель расчета, облегчили себе труд, помножив на 12 только лишь 80 без 4). Таким образом, воображаемая мастерская мыслилась крупным заведением. То, что мы здесь передали как «рабочая единица», дословно будет «*две руки*» (человеко-руки!). То же самое словоупотребление мы встретили и на изображении многоремесленной мастерской в гробнице князя совсем другой области (XIX верхнеегипетской).

Там «*писцы дома собственного*» учитывали «*руки*» мастеров. Видимо, понятие «*человеко-руки*» в смысле рабочей единицы было вполне привычным в тогдашних учете и расчетах.

В гробнице Пйапи-анхи (Пйеп-онха) находится по соседству еще одно любопытное изображение. Позади трех мужчин, двух «*распорядителей полотна*» и одного ключника, из которых второй и третий несут куски ткани, изображены два сапожника и девять мужчин, занятых как будто особым видом ткачества или вязки. Два из них работают на станках, трое или четверо готовят нити, один лощит(?) ткань(?), над одним написано «*сотворение паруса*». Девятый сидит возле одного из работающих на станках, как если бы все его дело состояло в том, чтобы помогать ему. Тот говорит: «*Наполни мне иглу эту спешно. Вот, игла пуста*». И помощник вдевает нить (или веревку?) в деревянную иглу. Это единственное староегипетское изображение чего-то похожего на ткацкие станки, хотя эти последние тогда, несомненно, существовали.

Но был еще один вид мастерских — пищевые, название которых можно, пожалуй, передать как «*заповедник*». Эти «*заповедные*» мастерские служили одновременно и складами готовых припасов. В «*заповедниках*» производили пищу разного рода, но основными, а то и единственными производствами были тесно связанные между собою хлебопечение и пивоварение (пиво приготовляли из печеных ячменных хлебцев) с придачею гончарной мастерской, изготовлявшей посуду для пива (именно на изображении такой мастерской в гробнице «Чии» времени V царского дома мы впервые видим гончарный круг). Во главе «*заповедника*» стоял его «*распорядитель*», и там могла быть своя житница с месячным запасом зерна. На изображении из одной вельможеской гробницы отчитываются перед «*писцами житницы*» три «*распорядителя заповедника*», один в остроконечном хлебе, другой — в пиве, третий — в округлом хлебе, так что не исключено, что существовали и более дробные «*заповедники*» (подразделения?), производившие каждый определенный вид хлеба или пиво.

«*Распорядители запрета*» отчитывались перед «*управою*» в целом или писцами «*дома собственного*», производившими приемку изделий. Проверка была самой тщательной. В целях ее применяли особые приборы — по внешнему облику большие сосуды. В случае неполноценности изделия приёмщик отклонял его, требуя представить другое. В пищевых мастерских работали мужчины и женщины, но одни работы выполняли преимущественно мужчины, другие — преимущественно женщины. Иные работы даже с внешней стороны представляли единую цепь взаимодействий. Работница лепит хлеб, работник передает его другому, кладущему его на огонь, который поддерживает третий. Подле мельничих, растирающих зерно на зернотерках, расположились просеивальщицы со своими ситами, причем одна просеивальщица может обслуживать несколько мельничих, и т. д.

Во всех мастерских — разноремесленных, ткацких, пищевых — средства производства все или почти все принадлежали, несомненно, хозяину. Мы видели, что на пашне зерно и упряжки были тоже его. Работники приходили работать на него с голыми или почти голыми руками. Имеются также известия о содержании вельможеским хозяйством занятых в нем людей.

В гробнице верховного сановника VI царского дома (Ки-чом-ен, «Кагемни») находится изображение, разъясненное в сопроводительной приписке как «*отведение рыбы* (рабочему) *соединению* (мужчинам и женщинам, судя по сопроводительным изобразительным знакам) *дома собственного*». Целое шествие рыбаков со всевозможною рыбою на шестах, на плечах, в руках, в кошелях, в связках несет на показ вельможе свое «*дело большое весьма*». «*Писец отрядов*» ведет «*запись рыбы*». В одном только кошеле ее оказывается сотня. Другой «*писец отрядов дома собственного*» учитывает уже выдаваемую рыбу. Любопытно, что учет ведут писцы самих же «*отрядов*», как если бы рыбаки были прикреплены к «*отрядам*» для снабжения их рыбой. Два «*распорядителя рыбаков*» передают рыбу четырем «*распорядителям*» и шести «*предводителям*» отрядов с предложением «*ускорить кормежку*». Двое мужчин уносят рыбу с довольным возгласом: «*Мы накормлены*». Сходное изображение имелось и в гробнице «Чии» середины V царского дома.

«*Распорядитель отрядов*» отвечал за несколько рабочих дружин, «*предводитель отряда*» всего за одну. На описанном только что изображении шестеро «*предводителей отряда*» представляют многочисленное второстепенное начальство: присутствие четырех «*распорядителей отрядов*», из которых каждый начальствовал не менее, как над тремя рабочими дружинами, показывает, что имелось в виду кормление множества «*отрядов*». Вместе они составляли «*соединение*», как следует из общей приписки к изображению. Из нее же вытекает, что «*соединение*» было занято на полевых работах и кормление его стояло в прямой связи с ними. Ведь в полном виде приписка имела такой вид: «[*смотрение* (вельможи) *на работы*] *поля всякие* (и) *отведение рыбы соединению дома собственного*».

С этим изображением и его надписанием перекликается возглас работника на одном из изображений в гробнице князя XIV верхнеегипетской области Пйапи-анхи (Пйеп-онха), современника того же VI царского дома. Изображено льняное поле вельможи. Работники рвут лен и вяжут в снопы. Один работник обращается к товарищам с призывом: «*Творите быстро*, (с тем чтобы) *дали вы есть народу этому хлеб-пиво* (т. е. пищу)» — иными словами, чем быстрее вы закончите работу, тем скорее мы будем есть. На поле не видно никакой еды, так что питаться работники пойдут куда-то в другое место. Собрать же им пришлось льна 62000 снопов (!).

В гробнице другого князя той же XIV верхнеегипетской области Пйапи-анхи (Пйеп-онха) Среднего времени все того же VI царского дома показано, как на поле к женщинам приближается ни много ни мало как «*честной* (муж) *царев*» Атати-анхи (Атет-онх). Он несет им двух гусей (или уток?) и сосуд с молоком и ведет теленка. Другой «*честной* (муж) *царев*», следующий за первым, сам проголодался и растирает колосья между ладонями. Над жнецами написан возглас: «*Пиво ко* (*мне*) — *режу* (*я*) *ячмень* (т. е. то зерно, из которого оно приготовлялось)». Тот же возглас мы читаем над жнецами в других гробницах. В гробнице Хатап-ах-ахты («Хетепхерахти») на изображении жатвы пожилой жнец, засунув серп под мышку, угощается луком и протягивает его другим. У ног его большая корзина с хлебом и пивом. В ряде других гробниц на изображениях пахоты-сева, жатвы, увоза урожая с поля тоже видны большие корзины с хлебом, пивом и овощами, раз даже навес со всевозможными припасами. На изображении вельможеского огорода в одной гробнице показана доставка занятым там людям опять-таки большой корзины с хлебом.

В гробнице упомянутого князя Пйапи-анхи (Пйеп-онха) рядышком с птицеловами изображена походная поварня. Под потолком висят куски мяса, птица и рыба, на земле видны хлеб и сосуды. Два повара готовят пищу. Один жарит утку, другой вертит что-то съедобное в руках. Он говорит помощнику-мальчику: «*Дай сделаться этому*, (и) *позовешь ты молодцов есть хлеб-пиво* (т. е. пищу)». «*Молодцы*», очевидно, те самые птицеловы, что трудятся тут же рядом в «*поле*». В той же гробнице вместе с ловлею птиц сетью и рыб неводом изображена походная поварня и покрупнее, с висящими под потолком мясом и птицею, с хлебами и сосудами, вероятно, с пивом и молоком, а также с живыми утками в клетках. Здесь пищу готовят несколько поваров. В других гробницах на изображениях ловли птицы и рыбы, а также изготовления челноков, мы видим груды припасов под открытым небом, однажды — под навесом с попыткою разместить их в некотором порядке по видам их.

Особенно охотно приготовление пищи показывали на скотоводческих изображениях. Как птицеловам и рыбакам в болотах Низовья, так и скотоводам, пасшим скот на его выгонах, приходилось, естественно, готовить пищу на месте. Помимо кормления главного скотовода, изображены бывают кучи еды и приготовление ее в значительном количестве несколькими людьми.

Вельможеское хозяйство кормило работников не только на поле, но и в промышленных мастерских.

На одном из изображений в своей гробнице князь верхнеегипетской области Пйапи-анхи (Пйеп-онх), современник VI царского дома, направляется в свое многоремесленное заведение обозреть работу мастеров: изготовителей каменной посуды, ваятелей, медников, изготовителей украшений. Одновременно трое мужчин

вносят в мастерскую сосуды, сумки с едою, хлеб, мясо. Над (т. е. за) носильщиками изображены груды разных яств. Сопроводительная приписка поясняет изображение: «*Доставка пищи* (дословно: «*вещи*», но с придачею изобразительного знака хлеба) *мастерам*». Показано также, как князь обозревает работу живописцев и ваятелей. И тут наваленные грудами яства: всевозможное мясо, хлеба, лук и посередине большой сосуд с вином или пивом. Надпись вверху поясняет, кому все это предназначено: «...*хлеб-пиво* (т. е. пища) *писцам очерка* (т. е. живописцам) (и) *ваятел*(*ям*)». Заметим, что живописцы заняты вполне ремесленной работой: расписывают шкафчик, сосуд, изваяние. Ваятелям, видимо, везло по части угощений. В гробнице Риа-шапсаса (Ра-шопшеса) за креслом вельможи сидит на земле ваятель и запускает руку в корзинку или миску с плодами; рядом с ним сосуды с напитками. В другой гробнице — Птах-хатпи (Птах-хотпа) времени V царского дома ваятеля, как барина, катают в лодке и угощают в ней же яствами и питьем. На изображении в гробнице другого областеначальника VI царского дома — князя XIV верхнеегипетской области Иби в многоремесленную мастерскую входит мужчина с сумкой и с корзиной, из которой высовывается несколько пивных или винных сосудов. Он направляется непосредственно к медникам, плавящим медь, и златокузнецам, кующим золото (несколько дальше от него лощат и сверлят сердоликовые украшения).

В гробнице верховного сановника Птах-хатпи (Птах-хотпа) находится уже упоминавшееся нами изображение награждения ткачих. Их награждают ожерельями в присутствии вельможи и его жены, но на этом изображении к ожерельям прибавляются и другие блага. Над мужчинами, отмеривающими подле житниц зерно и зерновидные плоды, написано: «*Отмеривание ячменя* (и) *пшеницы для вознаграждения*(?) *домов ткачих*» и «*Отмеривание* (такого-то) *зерновидного плода для вознаграждения*(?)». Рядом — груда разной еды, а далее мужчина передает ткачихе, в присутствии ведущего учет писца, большой сверток с хлебом. «*Вот хлеб. Ожерелье* (уже) *дано*» — добавляет награждающий. «*Писец дома ткачих*» приглашает сослуживцев, «*распорядителя*» и «*предводителя*» того же «*дома*», а, возможно, также самих ткачих к куче смокв, около которой тоже стоит мужчина с меркой. Но начальство делит с ткачихами не одни лишь продовольственные выдачи. Как ткачихи, так и управление их «*домов*», получают тюки и куски полотна. Ткачихи получают вдобавок еще умащение. Изображено, конечно, незаурядное, торжественное событие. Но, за вычетом наградных ожерелий, подобные выдачи представляли, наверное, не более как внеочередное повторение в расширенном или сокращенном виде обыденных выдач продовольствия, ткани и умащения.

Если мы пристально вглядимся в производственные изображения вельможеских гробниц, то скоро подметим, что изображенные работники трудятся на

вельможу по принуждению. Принадлежностью надзирающих за их работою лиц очень часто оказывается тяжелый жгут, реже — палка, т. е. те самые орудия, которыми на тех же изображениях вооружены погонщики крупного скота. Под угрозой избиения трудятся вельможеские люди на поле и скотном дворе, в болотах и водах, на лодках и кораблях, даже в ремесленных мастерских. Если за невыполнение положенных поставок истязали даже управляющих селениями и стадами, то можно себе представить, как подобные начальники сами расправлялись с подчиненными, не выполнившими дневной урок или иное задание (уроки на день были распространным явлением в вельможеском хозяйстве). Недаром младший брат сановника похвалялся, что в бытность управляющим его хозяйством (*«домом собственным»*) никого не бил так, чтобы тот *«пал под пальцами его»*. Очевидно, такого рода «падеж» приключался нередко.

И тем не менее из этого заявления следует, что беспощадное избиение считалось предосудительным, что подвластные управляющему люди не почитались за вещь, с которой можно обращаться по собственному усмотрению. Впрочем, из другой похвальбы Маи-риа-маи-птах-анхи (Ми-рэ-ми-птех-онха) человечностью своего управления, именно тем, что он никогда никого не порабощал, тоже вытекает, что подведомственное управителю хозяйство зиждилось не на рабстве.

Непосредственные производители, работавшие на вельможу, за ничтожными, быть может, исключениями, не были рабами, не были вещью в руках хозяина. На вельможу работало коренное население страны и, как мы неоднократно видели, и обращение с ними было не рабовладельческим. Равным образом отношение к производственному труду было совсем не таким презрительным, как можно было ожидать, если б общество было рабовладельческим. Тем не менее, староегипетское вельможеское хозяйство имело и много общего с рабовладельческим производством. И тут и там непосредственные производители работали в принудительном порядке и с помощью не своих, а хозяйственных средств производства. Последнее обстоятельство коренным образом отличает хозяйство староегипетских вельмож от крепостнического. Близость староегипетского производства к рабовладельческому греко-римскому была поэтому вполне правильно оттенена академиком В. В. Струве. Дальнейшие изыскания помогут точнее определить своеобразное хозяйство Старого царства.

Имеются две приписки к гробничным изображениям, в которых работницы, как-будто бы, названы *«рабынями»*. В гробнице И-нафы (И-нуфе) одна из работниц *«заповедника»*, т. е. пищевой мастерской, обозначена словом ***«хама»*** (хоме), которым впоследствии, в Новом царстве, обозначались рабыни. Совершенно так же названы работницы ткацкого заведения в гробнице Пйапи-анхи (Пйеп-онха) при VI царском доме: *«Запись рукам служан(ок) (**хама**) для потребы месячной — 84, вкупе для потребы годичной — 996»* (на 12 помноже-

но лишь 80 без 4). Мы перевели египетское слово ***хама*** русским «*служанка*» и перевели, наверно, не вполне точно. Тем не менее такой перевод ближе к смыслу староегипетского обозначения. Понятию «*рабыня*» присущ оттенок полной принадлежности хозяину как его собственности. В староегипетской же письменности нельзя указать ни одного примера употребления слов ***хам*** — «*слуга*», ***хама*** — «*служанка*» в таком смысле. Напротив, передача их по-русски словами «*слуга*», «*служанка*» оказывается чаще всего единственно возможной. Заупокойный жрец и заупокойная жрица именуются по-египетски ***хам ку*** и ***хама ку***. Ни он, ни она не являются ни в каком смысле «*рабом двойника*» или «*рабыней двойника*», потому что отнюдь не представляют собственности души умершего, а всего лишь служат ей. Поэтому перевод «*слуга двойника*», «*служанка двойника*» будет ближе к истине. Храмовый жрец и храмовая жрица звались ***хам ната*** (***хонт***) и ***хама ната*** (***хонте***). Перевод «*слуга бога*» и «*служанка бога*» явно предпочтительнее перевода «*раб бога*» и «*рабыня бога*». Ведь в храмовом хозяйстве было сколько угодно людей, сельскохозяйственных работников и ремесленников, куда более походивших на рабов, чем жрецы и жрицы, часто высокопоставленные особы, занимавшие жреческие должности лишь между прочим. Тем не менее, те люди «рабами бога» не прозывались. Стало быть, имелось в виду не «рабство» богу, а «служение» ему. То же можно сказать о более редком обозначении жрецов «***хам***» (без ***ната***) такого-то египетского бога или богини. (Староегипетские личные имена, сложенные из слов ***хам***/***хама***, и наименования какого-либо египетского божества сами по себе допускают двоякий перевод, например, Хам-ахти (Хем-ахт)/Хама-ахти могло бы одинаково означать и «*раб/раба*» и «*слуга/служанка*» Небосклонного, т. е. солнца).

Сановник V царского дома Ра-уира (Ра-вер) заявляет в своей гробнице: «[*ни разу не сказал* (я) *вещи*] *какой-либо злой против людей каких-либо* (*цар*)*ю* (или) *слугам его*». Множественное число слова ***хам*** надо перевести «*слугам*», а не «*рабам*». «*Рабом*» (***бак***) венценосного хозяина можно было уничижительно назвать любого его подданного, но Ра-уира (Ра-вер) явно имел в виду не просто подданных, а сановников — «*слуг*» царя (сравни древнееврейское слово *эбед* и латинское *министер*).

«*Слугами царя*» именовалось и земледельческое население Египта как в Старом, так и в Среднем, Новом и Позднем царствах (словом «*слуга*» нами передано египетское ***хам***). О. Д. Берлев доказал, что в Среднем царстве мужескому обозначению «*слуга* (***хам***) *царя*» отвечало женское «*служанка* (***хама***)», без добавления «*царя*». Поэтому можно полагать, что староегипетские «*служанки*» ткацких и пищевых мастерских были женами, сестрами, матерями и дочерями «*слуг царевых*», т. е. государственных земледельцев.

Вельможескому хозяйству принадлежало ведущее место в производственной

жизни страны. Староегипетских вельмож нам известно великое множество, и многие из них изобразили в гробницах длинные шествия первоначально мужчин и женщин, потом только женщин, несущих произведения сельского хозяйства, пекарен и пивоварен. К каждому участнику или участнице таких шествий обыкновенно приписано название местности (двора, двора двойника или селения), которую он или она представляют и олицетворяют. В некоторых случаях эти названия — вымышленные, увековечивают приношения, желательные вельможе для посмертного благополучия, в других же — доподлинные. И тогда видно, сколько дворов и селений могло быть у одного вельможи и как много их было даровано царями, по которым они первоначально прозывались! Если при этом учесть, каким разносторонним было вельможеское хозяйство, какие только сельскохозяйственные и ремесленные производства оно не объединяло, то можно себе представить, сколько непосредственных производителей бывало сосредоточено во владениях одного только вельможи. А в целом, во всех вельможеских хозяйствах, работала едва ли не большая часть трудоспособного населения страны.

Много народа трудилось, бесспорно, и в царском хозяйстве. О нем мы осведомлены не в пример хуже, чем о вельможеском, но то, что нам известно, а известно не так уж мало, позволяет считать его по существу очень похожим на хозяйства вельмож. И тут и там одинаковые дворы и селения, одинаковые работники, одинаковое многостепенное управление ими, одинаковые многоремесленные, ткацкие и продовольственные мастерские, одинаковые выдачи довольствия. Только большие размеры царских производств требовали подчас большей дробности в разделении труда и хозяйственном управлении. Так, еще в начале IV царского дома один крупный сановник (Пехер-нуфе) величал себя распорядителем двора мололыщиц остроконечного хлеба и распрорядителем двора мололыщиц лепешек(?), предводителем пекарей одного рода и предводителем пекарей другого рода, распорядителем «*заповедника*» пивоваров Низовья и распорядителем «*заповедника*» пивоваров Верхнего Египта. Позднее упоминается даже «*заповедник*» царского завтрака. Особым по назначению заведением были мастерские царского убора.

Сказанное о царском хозяйстве приложимо в общем и к храмовому. Но, конечно, оно было много скромнее. Ведь в Старом царстве и сами храмы были довольно скромными. Особое значение приобретали, естественно, «*заповедники*». Основною задачею их было приготовление жертв, и для этого к «*заповеднику*» мог быть приписан «*двор*», т. е. поселение; и вообще храмовое хозяйство, по меньшей мере в некоторых местностях, было поставлено в особенно благоприятные условия. Царские обельные грамоты ограждали жрецов, служащих, работников облагодетельствованных храмов от посягательств должностных лиц, главным образом от отвлечения на сторонние работы, будь то царские или областные. Храмовое имущество — «*вещь божья*» — считалось неприкосновенным.

Если в вельможеском, царском и храмовом хозяйстве рабочую силу составляло коренное местное население, а не пришлые рабы, если ведущее производство страны было не рабовладельческим, то в высшей степени невероятно, чтобы в стране оказалось вдруг столько рабов, чтобы их руками можно было произвести такие страшно трудоемкие, исполинские работы, как возведение пирамид. Нет, пирамиды были воздвигнуты не рабами, а египетским народом. В этом «отец истории» не погрешил, если б даже некоторое количество пленных иноземцев и участвовало в работах (вспомним тех семьдесят иноземцев — или иноземок? — что были доставлены «*для*» пирамиды при первом царе V дома Уас-куфе (Усркофе)).

Но, возможно, были многочисленные мелкие хозяйства, откуда цари могли также черпать рабочую силу для сооружения пирамид? Своеобразие наших источников, показывающих нам в развернутом виде только вельможеское хозяйство, лишает нас возможности сколько-нибудь подробно представить себе староегипетские мелкие хозяйства. Но они были, и их было много.

Еще на рубеже III и IV царских домов один из сановников («Мечен») скупал пахотную землю у «*многих*» владельцев, людей подначальных, ни в коем случае не вельмож. Тот же сановник величал себя между прочим «*властелем* (т. е. управителем) *надел(ов)*», «*властелем надел(ов) и нижнеегипетских областей*», «*властелем надел(ов), что под жезлом*», «*властелем надел(ов) двора большого*», «*властелем надел(ов) двора большого, что под жезлом*». Упоминание «*двора большого*» и областей говорит о том, что сановник управлял государственными «*наделами*». В личном вельможеском хозяйстве «*двор большой*» неизвестен, как неизвестно и самое понятие «*надел*». Как «*надел*» мы переводим слово, которым впоследствии, начиная с Среднего царства, действительно обозначали земельный участок, переданный кому-либо для обработки. Видимо, и в Старом царстве этому слову было присуще такое значение, так как одной из обельных грамот VI царского дома, именно царя Пйапи (Пйопе) II храму Мина, отменяется «*надел(ьный налог), наложенный на слуг божьих* (т. е. жрецов) *храма*». Из обельной же грамоты третьего царя V дома Наф-ар-ку-рии (Нефр-ер-ке-рэ) храму в Абаде (Эботе, Авидосе греков) доподлинно известно, что жрецы служили за храмовую пахотную землю («*пашню божью*»), которую обрабатывали, видимо, храмовые же люди. Царь имел в виду рядовых жрецов, которым со стороны власть имущих мог угрожать увод на принудительные работы и лишение работников. Высшие жреческие должности были сосредоточены в руках крупных гражданских и военных сановников, часто членов царского дома. Правда, и обыкновенные жреческие должности как доходные статьи нарасхват разбирали вельможи и их жены. Но уместен вопрос, насколько на деле исправляло свои обязанности важное лицо, набравшее несколько жреческих должностей в различных храмах?

Заупокойные жрецы, пользовавшиеся на условиях отправления поминальной службы выделенными за нее вельможею пашнями, людьми, «*вещью всякою*», приходили в хозяйство своего «*владыки*» тоже на правах мелких хозяев. Изредка, видимо прельщенные возможностью получить лишние доходы, в заупокойные жрецы или жрицы подряжались лица с известным положением в обществе, но всего чаще заупокойными жрецами становились, по-видимому, люди, окружавшие сановника при жизни, его личные служащие: домоправители, писцы, заведующие столовой, кравчие, заведующие бельем, ключники, лица, ухаживающие за ногтями, и т. д. Из таких лиц набирались зачастую и начальники над заупокойными жрецами: «*распорядители*», «*наставники*», «*надзиратели*» (т. е. начальство высшей, средней и низшей степеней; имелись и писцы «*черед*», в которые эти жрецы входили). Впрочем, «*распорядителем*» заупокойных жрецов бывал и сын нанимателя, осуществлявший общий надзор за ними. Видимо, поминальная служба вознаграждалась хуже, а требования, предъявляемые к ней, были строже, чем в случае храмового жречества, так что сановных лиц она не особенно прельщала. Известно немало гробниц рядовых жрецов. У многих из них имелась, значит, возможность соорудить над могилами надземную надстройку. Однако обыкновенно такая надстройка была скромных размеров, из кирпича, облицованного камнем или вовсе необлицованного, или же из щебня, заключенного в каменный чехол.

В определенных, хотя и не вполне ясных нам, отношениях к царскому двору и к царским пирамидам состоял обширный круг лиц, владевших на льготных основаниях землею. Многие их них, мужчины и женщины, были людьми знатными, но основная часть занимала скромное положение в обществе. Все они носили одно и то же звание ***хант-ши***, что, по-видимому, означает «*тот* (или *та*), *что от леса* (или *сада*)». Над рядовыми ***хант-ши*** стояли «*распорядители*», «*наставники*» и «*надзиратели*», т. е. то же самое трехстепенное начальство, какое мы уже имели случай наблюдать у заупокойных жрецов.

Для осуществления своей власти над тружениками и управления хозяйством вельможи нуждались во множестве служащих, от главных управляющих до палачей. Все вместе они составляли ближайшую опору вельможеского владычества, и многие из них прямо-таки примыкали по общественному положению к угнетательским верхам: бывали одновременно государственными должностными лицами, имели довольно представительные гробницы с надписями, изображениями на стенах, изваяниями; имеются также указания на ведение хозяйства с помощью зависимых лиц. В толпах разного рода управляющих и надзирателей нуждались равным образом царские и храмовые владения и заведения.

Существовало ли в тогдашнем Египте купечество? Уже одно то, что общепринятой была выдача содержания продовольствием и вещами, позволяет заранее предполагать, что для возникновения купечества не было достаточных хозяй-

ственных оснований. И все, что известно о тогдашнем обмене, способно лишь укрепить в подобном мнении.

В вельможеских гробницах неоднократно встречаются изображения обмена. Такие же изображения были вырезаны и на стенах крытого хода, ведшего к пирамиде последнего представителя V царского дома Уннаса (Унноса). Обмениваются съестные припасы: зерно, овощи, хлеб, рыба, и ремесленные изделия: предметы обстановки, обувь, бусы, зеркала, веера, палки, рыболовные крючки и, кроме того, умащения. Меняются под открытым небом, но продавцы овощей и рыбы имеют вид настоящих торговцев, так как сидят перед большими корзинами с товаром. Прочие участники обмена похожи скорее на покупателей или посетителей «толкучки», вышедших на нее со своими вещами. На одном изображении мы видим мужчину, зашедшего с целью обмена в сапожно-скорняжную мастерскую. Может показаться, что более простую меновую торговлю трудно себе и представить. Однако, хотя предметы и меняют на предметы, оценивают их все же в зерне, служащим, таким образом, мерилом стоимости. Поэтому, идя на рынок, охотно берут с собою четверик с зерном — вместо кошелька с деньгами.

Впрочем, и деньги не были вовсе чужды Старому царству. В купчей второй его половины дом обменивается на кровать и два куска полотна, но оценивается все вместе и порознь в денежных единицах, должно быть, медных. На плите из своей гробницы Мах-и-ахта (Мех-(и)-ахта), сановник второй половины Старого царства, заявляет, что соорудил гробницу «*за хлеб* (и) *пиво*», что все мастера были глубоко благодарны, потому что он «*дал им одежду, умащение, медь, верно* (в) *больш*(*ом количестве*) *весьма*». На гробе князя VI верхнеегипетской области Мины (Мэнэ) под его ложем изображен большой перевязанный и запечатанный ящик, в котором должно было быть «*100000 кирпичей* (т. е. брусков) *меди*». Но у Мах-и-ахты (Мех-(и)-ахта) медь не более как одно из вознаграждений, а баснословное количество ее у Мины (Мэнэ) всего лишь плод колдовского воображения (столько ее желали ему иметь на том свете!). На деле найденная в гробнице медь представляла жалкие куски проволоки...

Ну а как обстояло дело с заграничной торговлей? Может быть, на ее почве способно было вырасти купечество, если уж на внутренней торговле ему хитро было разбогатеть? Пускай в ограниченной мере, но все же в каком-то ввозе из отдаленных стран Старое царство нуждалось!

Да, несомненно, оно в нем нуждалось, и государство слало в далекие страны за тем, что ему было нужно. Но об участии в этом деле купцов мы ничего не слышим. Еще при первом царе IV дома Санфаре (Сенфоре) летопись повествует о прибытии сорока судов с кедром — разумеется, из Финикии. Из него царь соорудил корабли свыше 50 м длиною и дворцовые двери; громадные кедровые бревна оказались и внутри его пирамиды. В финикийском городе Губле (Библо-

се греков) был откопан храм и в нем посуда с именами царей Старого царства. При VI царском доме мореходный корабль, даже предназначенный для плавания по Красному морю, назывался «*гублским*». Один княжеский служащий (заведующий столовой) по имени Хнам-хатпи (Хнем-хотп) ездил при том же царском доме с двумя своими владыками, князьями I верхнеегипетской области и «*казнохранителями бога*» (т. е. сановниками царя, доставлявшими ему зарубежные ценности) в финикийскую Гублу и на красноморский юг одиннадцать раз!

Большей частью, возможно, Хнам-хатпи (Хнем-хотп) плавал в Гублу, но и плавания в южное Красноморье не были в те времена чем-то из ряда вон выходящим. Под одним из годов правления второго царя V дома Сах-и-рии (Сех-рэ) староегипетская летопись сообщает о доставке из южного Красноморья большого количества благовонной смолы и светлого золота. При предпоследнем представителе того же царского дома Дад-ку-рии (Тат-ке-рэ) «*казнохранитель бога*» (по имени «Джедед-ба-ур») привез оттуда карлика (пигмея). Такого же карлика из срединной Африки в дни VI царского дома юный царь Пйапи (Пйопе) II желал видеть больше, чем поставки из рудников и южного Красноморья. При том же царском доме египетский отряд погиб на чужбине во время приготовлений к плаванию на красноморский юг.

Видимо, особой привычкою к путешествиям надо объяснить плавания по Средиземному и Красному морям повелителей Хнам-хатпи (Хнем-хотпа), князей I верхнеегипетской области. Эта последняя не граничила ни с тем, ни с другим морем, но лежала у южного рубежа Египта, и частые поездки в соседнюю Эфиопию выработали из пограничных египетских областеначальников завзятых путешественников, признанных знатоков своего дела. Князь и «*казнохранитель бога*» Хуф-хара (Шуф-хор) предпринял по велению царя Мар-ни-рии (Ме-не-рэ) VI царского дома три мирных похода в Эфиопию. Из первого похода, занявшего всего семь месяцев, Хуф-хара (Шуф-хор) привез «*доставки всякие*». Из второго похода, длившегося уже восемь месяцев, он привез «*доставки*... (в количестве) *больш(ом) весьма*». Третий поход, завершившийся уже в царствование брата и преемника Мар-ни-рии (Ме-не-рэ) Пйапи (Пйопе) II, ознаменовался доставкою «*карлика* (пигмея) *пляски божьей, из земли небосклонных*», призванного развлекать юного царя. В указе от 2-го года царствования на имя Хуф-хары (Шуф-хора) царь повелевал, чтоб отборные люди стерегли карлика, когда его повезут на судне («*чтобы не упал он в воду*»), а ночью спали возле него. Но хотя мальчика-царя всего больше занимал карлик, добыча этого похода была настолько внушительной, что везли ее 300 ослов. Ее составили «*поступления всякие добрые*»: фимиам, черное дерево, масло, барсовы шкуры, слоновая кость и т. п.

Но как получали на месте потребные ценности: путем вымогательства или мены? Источники не дают прямого ответа. Один из князей I верхнеегипетской

◂ *Статуя фараона Хааф-рии (Шеф-рэ) из поминального пирамидного храма, IV династия*

▸ *Статуи царевича Рна-хатпи и его жены из гробницы в Медуме, IV династия*

области (Сабни) в дни VI царского дома, когда отправлялся в северную Эфиопию за прахом своего родителя, скончавшегося в пути, нагрузил предусмотрительно сотню ослов маслом, медом, одеждою, поливными вещицами и др. К сожалению, мы остаемся в неведении, для чего он прихватил все это с собою: для того ли, чтобы благорасположить эфиопов подарками, или затем, чтобы обменять на произведения той страны? Скорбная причина путешествия позволяет предполагать первое, однако обратно вельможа вез ко двору фимиам, огромный слоновый бивень, львиную шкуру, добытую еще его отцом, и «*доставки всякие*» собственного промышления. Примером безвозмездного получения может служить случай с князем Хуф-харой (Шуф-хором). Видя, какая воинская сила, своя и эфиопская, валит за князем, один из северно-эфиопских вождей не только провел его горными путями, но и дал ему быков и коз.

Да и вообще сильная воинская охрана была далеко не лишней в подобных странствованиях. На долю одного из князей все той же I верхнеегипетской области Пйапи-нахти (Пйеп-нашта) выпало царское поручение привезти тело придворного сановника, погибшего на чужбине. Вместе со своими воинами он пал от рук кочевников во время постройки судна для плавания в южном Красноморье. Недаром все известные нам путешествия в зарубежные страны за все время Старого царства были государственными мероприятиями. Руководили этими мирными походами царские сановники, в первую очередь князья I верхнеегипетской области. Об участии купцов ничего не слышно, подобно тому как в самом Египте крупнее рыночного торговца-лоточника мы никого обнаружить не можем. Мало того, в противоположность, скажем, Новому царству, у нас нет ни одного староегипетского памятника, будь то гробницы, плиты, жертвенника или изваяния, который можно было б приписать торговцу. Торговлею занимались случайно (например, рыбак продавал улов) и во всяком случае без видов для торговца на превращение в купца.

Но вот что любопытно. На одном примерно бытовом уровне с мелкими чиновниками, вельможескими служащими, писцами, жрецами стояли не только многие из рядовых врачей, зодчих, ваятелей, живописцев, певцов, но даже некоторые лица, величавшие себя просто мастерами, т. е. ремесленниками.

Во вторую половину Старого царства на столичных кладбищах заметно множатся скромные гробницы — не простонародные могилы, а именно гробницы, склепы с надземной надстройкой, воздвигнутые представителями средних слоев общества. И вот среди этих гробниц, в большинстве своем принадлежавших рядовым служащим и жрецам, имеется несколько таких, которые, согласно надписям на них, принадлежали «*мастерам*».

Эти «*мастера*» подводят нас вплотную к вопросу о существовании в Старом царстве самостоятельных ремесленников, работавших по договору на заказчиков.

Дело в том, что из гробниц разных лиц до нас дошло немало надписей, в которых не иные люди, как именно «*мастера*», выступают под видом вольнонаемных работников. В этих надписях хозяева памятников заверяют посетителей, что за сооружение гробницы, ее частей или изваяния они платили мастерам хлебом, пивом, зерном, умащением, одеждою, подчас даже медью. Случается, что упоминается заключенный с мастерами договор, но обычно добавляется, что в ответ на щедрое вознаграждение они возносили благодарственные молитвы за заказчика.

На гробничных изображениях бывают показаны случаи найма тех или иных лиц, не вызывающие особых вопросов. Присев на рынке, бродячий «*печатник*» режет заказчику, стоящему тут же рядом, каменную печатку. «*Пеленатель*», превращавший покойника в нетленный труп (в те времена еще только в подобие позднейших мумий), и похоронная плакальщица получают вознаграждение едою. Мы видели также, что заупокойные жрецы нанимались на договорных условиях править поминальную службу по заказчику за выделенные им «*пашню, людей, вещь всякую*». Это все понятно. Но мы привыкли считать староегипетских ремесленников работниками государственных или вельможеских заведений. А получается, что они или некоторые из них могли в любое или хотя бы в какое-то время наниматься на договорных началах на работу к частным лицам. Это вызывает тем большее недоумение, что нам хорошо известны случаи сооружения вельможеских гробниц или их частей нарочно выделенными для того царем «*мастерами*». Так, царь IV дома Мин-куу-риа (Мен-ке-рэ) даровал отцу своего приближенного («Дебехн(и)») гробницу и при посещении своей еще строившейся пирамиды (третьей из числа великих) в сопровождении царского зодчего и «(двух) *величайших из предводителей мастеров*» выделил 50 человек, с тем чтоб они работали ежедневно над гробницей вельможи без переключения на иную работу. У второго царя V дома Сах-и-рии (Сех-рэ) его главный врач На-анах-сахма (Н-онх-сахме) просил даровать ему в гробницу каменную ложную дверь (подобие двери, откуда умерший, как думали, появлялся принимать приношения). Царь велел доставить ему из каменоломен две ложных двери и приставил для работы над ними в собственном дворце двух «*величайших из предводителей мастеров*» и «*мастеров чистой* (мастерской)», и сам повседневно следил за продвижением работы. При том же V царском доме каменный гроб, пожалованный царем вельможе, был доставлен из каменоломен на самое кладбище.

Разгадку кажущегося противоречия дает небольшая надпись, начертанная на лицевой стороне скромной гробницы второстепенного придворного. В этой надписи хозяин гробницы по имени Маи-хуф-и (Ми-шуф-и), представив себя как «*владыку бытия в чести у* (царя) *Мин-куу-рии* (Мен-ке-рэ)», заявляет посетителям: «*Сотворил м(не) владыка* (мой) *это* (т. е. гробницу) *в силу бытия* (моего) *в чести* (у него). *Тот, кто сотворит вещь злую против нее* (т. е.

гробницы), *буду* (я) *рассужен с ним из-за нее богом большим. Умиротворил* (я) *мастеров, творивших для* (*не*)*го*». «*Умиротворил*» в смысле «*удовлетворил*» — обычное выражение в староегипетских заявлениях касательно вознаграждения мастеров. Местоимение 3-го лица единственного числа мужского рода в самом конце надписи повреждено, но читается издателем, и остатки действительно хорошо подходят. В таком случае оно относилось бы к царю. Гробницу соорудил царь, и мастера работали на него. Он направил их строить ее, и они пошли, потому что так им было приказано. Но Маи-хуф-и (Ми-шуф-и) вознаградил их за работу. Равным образом, строить гробницу царице, супруге Мин-куу-рии (Мен-ке-рэ), были, наверное, отряжены государственные мастера, и тем не менее была составлена надпись с таким же, по-видимому, концом, как у Маи-хуф-и (Ми-шуф-и). А современник V царского дома, один из князей XX верхнеегипетской области (по имени Инти) добавляет к обычным утверждениям: «(Не) *принуждал* (я) *их* (т. е. мастеров) *творить* (т. е. работать) *больш*(*е*) *весьма* (т. е. слишком много) *из любви* (к тому, чтобы) *хвалили* (т. е. молили) *они за меня бога в том*». Но из гробничных изображений мы знаем, что у князей были даже свои мастера. Не все, конечно, могли рассчитывать, что получат «*мастеров*» от царя или, как какой-нибудь князь, возьмут из собственных мастерских. Тут уж, вероятно, действительно приходилось нанимать мастера, договариваться с ним. Ключник царской житницы Наф-ха-на-птах (Нефр-хе-не-птах) заявляет: «*каменосечец Пйапи* (Пйопе) *был умиротворен* (т. е. доволен) *договором, сотворенным* (мною) *с ним*».

Пользоваться рабочей силой, обязанной выполнять работу в принудительном порядке, и рассматривать довольствие как плату за нее было тогда в обычае у господствующих верхов. Мы видели, что неизбежные участники вельможеских похорон, «*повиватель*» и плакальщица, получали за свой труд угощение. Вместе эти хлеба, пиво, мясо обозначались как «*пересечение устами* (еды)». Здесь «*пересечение устами*» может сойти за плату. Но что сказать о словоупотреблении надписи, составленной Ку-нафой (Ке-нуфе), царевичем VI царского дома, во время похода за камнем в среднеегипетской пустыне? Его «*многочисленное*» ополчение из 1000 людей дворца, 100 каменотесов, 1200 горнорабочих и еще 50 каких-то людей пришло туда отнюдь не добровольно, и тем не менее их начальник считал, что они работали за (именно «за»!) «*пересечение устами*», т. е. за необходимое довольствие! «Сотворил (я) *работу эту за пересечение устами в виде добра всякого, а дало величество его быков 50, мелкого скота 200* (голов) *как ежедневную потребу* (на) *день всякий*». Одежда, между прочим, тоже входила в состав вещевого довольствия государственных работников. Из письма времени того же VI царского дома мы узнаем о вызове «*ополчения отрядов*» заречных каменоломен в столицу для получения одежды.

Помогают понять положение мнимых вольнонаемных мастеров также изображения обмена на стенах погребальных сооружений. Мы уже толковали об этих изображениях. Их известно не одно и не два, а едва ли не с добрый десяток. И вот ни на одном из них ни разу не названо занятие покупателей, за одним и притом частным исключением. «(Рыба) *бгт добрая весьма, мастер!*» — взывает продавец рыбы в крытом ходе к пирамиде царя Уннаса (Унноса) V дома. Продавцы умащения говорят покупателю в гробнице верховного сановника VI царского дома («Кагемни»): «*Вот умащение сладостное весьма. Умастись, мастер!*» В гробнице Анах-ма-хары (Анх-ем-хрова) того же времени продавцы говорят покупателю, просящему показать ему спальный подголовник: «*Мастер этот, ты что муж благодетельный!*» В гробнице Тап-ма-анаха (Теп-м-онха) продавец, несущий на голове мех с умащением(?), восклицает: «*Я отягчен весьма, мастер этот!*» Очевидно, «*мастера*» были основными покупателями на рынке. Но какое дело было до их покупок хозяевам гробниц? Слово «*мастер*» в приложении к единичному человеку значило в Старом царстве прежде всего и преимущественно «*каменодел*», да и самый знак, которым это слово писалось, изображал сверло для каменных сосудов. «*Мастера*» каменоделы создавали гробницы вельможам. «*Мастеров*» хозяева гробниц за то якобы щедро вознаграждали, получая тем самым неоспоримое нравственное право на месте своего вечного упокоения. На рыночных изображениях ремесленники меняют избыток благ на любые другие нужные им блага и воочию доказывают посетителям гробницы, что получили щедрое вознаграждение. У вельмож «*мастера*» могли быть их собственными ремесленниками — вспомним, как награждают довольствием ремесленников и других работников на изображениях в вельможеских гробницах. Но для нас сейчас особенно любопытно, что «*мастер*» оказывается покупателем и в погребальном сооружении царя Уннаса (Унноса). Над этим сооружением, над царской пирамидой трудились те же «*мастера*»-каменоделы (см. ниже). И «*мастер*», выступающий тут в качестве зажиточного покупателя, не кто иной, как один из каменоделов, создававших царю усыпальницу. Такой «*мастер*» мог быть только государственным работником, и тем не менее он должен изображать облагодетельствованного, вознагражденного строителя.

Мы уже знаем, что при посещении строительства своей пирамиды царь Мин-куу-риа (Мен-ке-рэ, Микерин греков), которого сопровождали царский зодчий и «*величайшие* (из) *предводителей мастеров*», отрядил 50 человек на постройку гробницы своему приближенному («Дебехни»). Надо полагать, что это были «*мастера*». И сколько их было занято на строительстве пирамиды, если можно было ни с того ни с сего взять и перевести полсотни работников на другую работу, притом повседневную и неотлучную, как сказано в надписи? Но «*мастера*» и прямо названы в качестве основных камнеделов, трудившихся над той

же третьей великой пирамидой, пирамидой Мин-куу-рии (Мен-ке-рэ). На многих камнях примыкавшего к ней поминального храма нанесены пометки, называющие «*мастеров нагорья*» (того нагорья, где находится пирамида и где добывали для нее камень), а также их рабочие подразделения.

Но «*мастера*»-камнеделы были, конечно, не единственными работниками на строительстве царских пирамид. На камнях погребальных сооружений времени IV царского дома, как самих царей, так и частных лиц, видны еще другие рабочие пометки, сделанные краской. Из них мы узнаем, что во время постройки великих пирамид в каменоломнях работало ограниченное число рабочих отрядов, делившихся каждый на несколько подразделений. Для времени строителя самой большой пирамиды царя Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума, Хеопса греков) таких отрядов известно четыре, для времени Мин-куу-рии (Мен-ке-рэ) — три. Однако не без основания полагают, что в помощь постоянным рабочим отрядам цари-строители пирамид могли привлекать подсобную рабочую силу со стороны, и притом помногу. В последующем Среднем царстве так достоверно и было. Такую подсобную рабочую силу Старое царство могло почерпать в первую очередь среди трудового населения государственных и вельможеских владений, но также из общественных прослоек, что стояли между ним и господствующими верхами и были, как мы видели, довольно широкими. Царские обельные грамоты второй половины Старого царства, данные тому или иному верхнеегипетскому храму в видах освобождения его людей от государственных повинностей, в том числе «*работы всякой дома царева*», распространялись не на одно рабочее население, но также на жрецов и служащих храма. Поэтому «отец истории», толковавший о привлечении к строительству величайших пирамид пооречедно «всех» египтян, в какой-то ограниченной мере мог быть и не вовсе не прав. Как бы то ни было, участие в строительстве пирамид множества строго упорядоченных и обученных камнедельческих соединений позволяет понять поразительное совершенство пирамидной кладки.

Чтобы население вельможеских и царских владений, разбросанных по всей стране, работало на их хозяев и вдобавок воздвигало каменные города мертвых и горы пирамид, необходима была государственная власть невероятной силы и сплоченности. Ведь Египет южнее Низовья, т. е. на большем своем протяжении, был очень узкой и очень длинной долиной, где области были пространственно разобщены, мало одни с другими связаны.

Самовластное единодержавие было самым ярким выражением староегипетской государственности. Знать сосредоточила в руках царя власть без меры и без границ. Страна должна была покоряться единой воле. Верхний и Нижний Египет были теперь слиты в одно государственное и хозяйственное целое. Верхнеегипетское происхождение царской власти было забыто. Низовые боги были самыми чтимыми при дворе. Столица была постоянно в Низовье. Во вторую по-

ловину Старого царства Верхний Египет имел особого управителя. Стало даже принятым называть Нижний Египет раньше Верхнего. После III царского дома исчез и раннеегипетский «*дом красный*», низовое казнохранилище. Сочетание «*дом белый*», обозначавшее некогда верхнеегипетское казнохранилище, стало теперь обозначением единого казнохранилища, а также казнохранилища вообще. Со временем память о «*доме красном*» настолько изгладилась, что государственное казнохранилище стали именовать «*обоими домами белыми*». Впрочем, это было искусственное, чисто словесное удвоение. Во вторую половину Старого царства появились также «*обе житницы*», «*оба дома золота*», «*оба дома оружия*», «*обе чистые* (мастерские)» и другие «двойные» учреждения. Удвоение, по-видимому, означало всего лишь, что данное управление или заведение имело общегосударственное значение. Тем не менее представление о двойственности царства сохранялось, в частности в царских званиях. Единодержавный повелитель Египта оставался «*владыкой обеих земель*».

В пору наивысшего напряжения староегипетского самовластия, когда такое его напряжение еще было нужно знати, царь полновластно распоряжался в любой из нескольких десятков областей, на которые делилось его царство. Тогда он перебрасывал областеначальников по собственному усмотрению из области в область, из Нижнего Египта в Верхний и обратно. Жизнеописание одного из таких сановников рубежа III и IV царских домов («Мечена») является тому ярким примером. В каких только областях не перебывал этот вельможа в должности областеначальника! Только во вторую половину Старого царства на местах стали выдвигаться владетельные княжеские роды областных «глав». Все в государстве: суд и кара, назначения и пожалования, наложение повинностей и освобождение от них, военные походы и поездки за рубеж, мероприятия по водоснабжению и мероприятия по судоходству, государственное строительство и разработка горных недр — все в конечном счете возводилось к царю. Он назначал, он давал, он приказывал, он посылал, и все должно было выполняться так, чтобы он был доволен.

Вещественной основой царского самовластия были огромные людские, земельные, продовольственные и вещевые средства, находившиеся в личном распоряжении царя. Царица и царские дети имели свои хозяйства, но если делалось какое-нибудь различие между «*домом царевым*» и государством, то на деле оно было мало заметным. Государственные хранилища всевозможных вещественных благ, съедобных и несъедобных, были не более как частями «*дома царева*», государственные работы были его работами, пожалования государственным сановникам — его пожалованиями. Как велики должны были быть владения, которыми располагали цари, видно хотя бы уж по тому, что бесчисленные вельможеские поселения прозывались по прежним их царственным владельцам. По стенам поминального храма родоначальника IV царского дома Санфары (Сенфоре) тянулись

нескончаемыми вереницами изображения женщин с дарами. Согласно припискам, эти женщины олицетворяли царские селения, выделенные на помин его души. Поселения, основанные царями, мы находим и в составе храмовых владений, и староегипетская летопись под V царским домом из года в год перечисляет земельные дарения царей своим божествам. Нельзя также забывать об огромных доходах, поступавших царю в виде податей и т. п. При VI царском доме управитель Верхнего Египта (по имени «Уни») похвалялся, что налагал подати и повинности по два раза.

Своего самовластного ставленника знать окружала перед лицом народа божескими почестями. В пору своего наивысшего могущества староегипетскому царю мало было слыть просто «*богом*» — он мнил себя «*богом большим*». Еще при VI царском доме, когда царская власть уже значительно ослабла, утверждали, что египетский царь славнее всех богов.

И тем не менее, в кругу своих вельмож «*бог добрый*» становился «человеком». Конечно, он нисколько не забывал своего положения, и милостью для приближенного, даже царского свойственника, каким был Шапсас-птах (Шепсесптах) для V царского дома, было целовать ноги царя, а не прах перед ними. Однако иные милости поднимали облагодетельствованного почти до уровня самого милостивца. Одному он разрешал следовать за собою в носилках, другому — быть умащаемым в его присутствии, третьему выказывал величайшую заботу в дни болезни, четвертому писал письма, полные предупредительной любезности, а то даже написанные собственноручно. Раз дело дошло до извинения царя перед подданным за невольно причиненный ушиб, и не устно только, но и письменно, с увековечением на гробнице пострадавшего. А все происшествие сводилось к тому, что второй царь V дома Сах-и-риа (Сех-и-рэ) во время плавания на царском судне уронил на ногу сановника Риа-вира (Ра-вэра) свой жезл! Царь был очень обходителен с вельможами и имел на то все основания.

Первым лицом в управлении государством после царя был верховный сановник, часто неосновательно сопоставляемый с арабскими визирами. Он был одновременно главным судьею, но круг его полномочий как верховного сановника даже с приблизительной точностью очертить трудно. Он не столько направлял работу совокупных ведомств, сколько сам, по возможности, сосредоточивал непосредственно в своих руках множество отраслей управления. Можно только дивиться, как поспевал он одновременно управлять «*б дворами великими*» (так именовались верховные судебные палаты), ведать местными властями, блюсти различные государственные хранилища, направлять деятельность разных государственных мастерских, руководить всеми работами, затеянными его повелителем. Не всегда, правда, верховные сановники совмещали в своем лице одни и те же должности. Некоторые предоставляли часть их другим сановникам, а иные присваивали

себе новые, например, к концу Старого царства должность градоначальника столицы. Но одно было не принято у верховных сановников — начальствовать над войском.

Военное дело в Старом царстве получило значительное развитие. Основным оружием оставались простой лук и стрелы, но государство держало про запас столько оружия, что нужен был особый «*дом оружия*» (а то и «*оба дома оружия*») с особым «*распорядителем*» во главе. Пехота по-прежнему была единственным родом сухопутных войск, но различали несколько ее видов. Границы со стороны Синайского полуострова и Эфиопии были укреплены, и вообще крепости были разбросаны едва ли не по всей стране — возможно, на случай вторжения кочевников из пустыни. В бою начальники, по меньшей мере некоторые, не вступали сами в рукопашную, а руководили действиями своих сил. Засвидетельствован целый ряд военачальнических званий. Когда в начале VI царского дома при царе Пйапи (Пйопе) I созывали общеегипетское ополчение, к нему присоединили эфиопские вспомогательные отряды («*эфиопы мирные*» или «*ручные*» служили — стражниками? — и в самом Египте). Ополчение в количестве якобы «*десятков тысяч многих*» выступало в поход под общим водительством царского уполномоченного (известного уже нам «Уни») и под непосредственным начальством тех самых гражданских должностных лиц, которые управляли ополченцами дома.

Нам известны многие лица, носившие военачальнические звания, в том числе лица очень высокопоставленные, даже царевичи. Поэтому весьма примечательно, что такие отъявленные совместители, как верховные сановники, «предпочитали» оставаться в стороне от военного ведомства. Можно думать, что такая их невоинственность была не совсем добровольной, а происходила от нежелания царя сосредоточивать слишком большую власть в руках своего верховного слуги. Противопоставление гражданскому управлению управления военного, с поручением этого последнего в какой-то мере членам царствующего дома, могло бы также указывать на то, что войску придавали большое значение.

Верховный сановник был неизменно и верховным судьей. Это означало, что судоговорение было для знати очень важным делом. Хотя судьи охотно состояли жрецами своей богини Муа (Мэ), т. е. «*Правды*», незаконное лишение по суду отцовского наследства или отдача слабого в руки сильного были явлениями общеизвестными. Судопроизводство было достаточно развитым, требовало множества судей и писцов, сопровождалось многочисленными свидетельскими показаниями и подробной записью. В судебном порядке, хотя и тайно, с участием царского доверенного (все того же «Уни»), но без верховного сановника, рассматривалась вначале VI царского дома даже вина царицы, жены Пйапи (Пйопе) I. Наказания налагались разные: лишали имущества, отдавали на принудительную работу и т. д., но особенно в ходу была палочная расправа. Даже такое заметное лицо, как начальник дворцовых медников, считал нужным поведать посетителям

своей гробницы: «*Ни разу не били* (меня) *перед сановником каким-либо с рожденья, ни разу не взял* (я) *вещи людей каких-либо грабительски*». Суд был важным орудием господства для староегипетской знати.

Но знатные люди бывали не только верховными сановниками, высшими судьями, военачальниками. Все более или менее значительные должности были заняты ими и часто в наследственном порядке. Знатные не только владели государственной властью, они сами ее осуществляли, так что она была целиком у них в руках.

Управление было насквозь пронизано писцовым духом. Учет и отчет стояли всюду на первом месте. Даже летосчисление — в пределах отдельных царствований — велось по переучетам крупного рогатого и мелкого скота, производившимся равномерно каждые два года. Править при таких условиях государством можно было лишь будучи хорошо грамотным. И вельможи Старого царства таковыми действительно были. На изображениях в своих гробницах они постоянно принимают от своих управляющих для просмотра ведомости. Сыновья вельмож зачастую состояли писцами в отцовском хозяйстве. Самые знатные сановники нисколько не брезговали писцовыми званиями, числились учеными чтецами-заклинателями, часто даже «*главными*», а также «*писцами книги божьей*», т. е. переписчиками, если не сочинителями, своей священной письменности.

Письмо состояло из полутысячи частых и неограниченного числа более редких знаков. Знаки имели часто по нескольку значений изобразительных и звуковых, несмотря на существование 24 букв для согласных (гласные письмо не обозначало). Правописание усваивалось лишь долгим упражнением. Наряду с начертаниями, употребительными в надписях и изображавшими как живые существа, так и неодушевленные предметы, существовали сокращенные написания тех же знаков. Именно такими беглыми написаниями пользовалась деловая скоропись, бывшая уже тогда в широком употреблении. Поэтому стать хорошо грамотным человеком было далеко не просто.

Последующие поколения числили за верховными сановниками Старого царства Птах-хатпи (Птах-хотп) и тем, чье имя условно читается как «Кагемни», равно как за сыновьями строителя величайшей из пирамид Дадаф-харой (Тетефхором), целые сочинения по части житейской мудрости. Возможно, они им действительно принадлежали. Известны сановники, состоявшие врачами. К сожалению, мы недостаточно осведомлены о личном составе высшего ученого учреждения, «*дома жизни*», потребное для которого обязаны были при VI царском доме поставлять даже далекие от столицы места. «*Домом жизни*» это учреждение именовали, вероятно, потому, что в круг его занятий входила также врачебная наука.

Гордая знать Старого царства отнюдь не стыдилась вникать в ремесла, и виднейшие сановники, не говоря уж о второстепенных, бывали руководителями мастерских, зодчими, начальниками работ.

В одной из гробниц начала VI царского дома ее хозяин, верховный сановник государства (имя его, в условном произношении «Мерерука», звучало на деле, возможно, ***Мрар-и-ку***), изображен за станком живописца, кстати сказать, весьма совершенным, и пишет времена года. Впрочем, это не единственное изображение вельможи, занимающегося живописью. А сколько сановников руководило при дворе пением! Кое-кто из их сыновей служил придворным певцом. Не приходится и говорить, что знатного человека можно было видеть играющим на дудке в обществе вторящих ему родовитых княжен (арфисток) и т. д.

Все это тем примечательнее, что староегипетская знать была очень чопорной. Простота ее нарядов была больше кажущейся. Правда, женские платья (рубашки на лямках, едва доходившие до щиколоток, и плащи) были несколько однообразны, несмотря на покрывавшую иногда платье сетку из бус. Зато мужские опоясания бывали самых затейливых видов; к концу Старого царства их охотно удлиняли. Известны были и мужские плащи. Разнообразны были и накладные волосы: то длинные, то короткие, то средней длины.

Знать окружали толпы прислужников. Выходы ее напоминали царские. Роскошные носилки несло помногу людей. Кругом шло многолюдное сопровождение: кто нес трость и обувь, кто смену белья, кто умывальные принадлежности, кто держал опахала (они же и зонтики), а кто вел обезьянку или собак. Вельможу почти никогда не изображали едящим или пьющим — он только протягивал руку к яствам. Можно было изображать его лишь вдыхающим благовония. Исключительной редкостью было изваяние, где муж обнимал жену, а не жена мужа. Потому и царя обнимали его богини, а не он их.

Это, впрочем, нисколько не мешало знатным женщинам быть причастными к образованию своих мужей и братьев. Хотя женщина уступала первенство мужчине, правовое положение ее мало чем отличалось от мужского. Знатная женщина свободно распоряжалась своими владениями, управляла выделенными на помин души землями, сооружала памятники умершим, жречествовала в храмах и при гробницах. Она могла состоять на государственной службе и подвизалась на поприще науки. Мы знаем женщин, руководивших придворной пищевой мастерской, столовой, «*мастерскою волос*», ткацким заведением, дворцовыми певицами-плясуньями (в плясках участвовало много двигавшихся в лад плясуний). Одна придворная (по имени Песешет), начальствовавшая над заупокойным жречеством матери царевой, состояла «*распорядительницей* (женщин-)*врачей*». Впоследствии кое-кому из царственных женщин Старого царства приписывали наставления к изготовлению снадобий. Что удивительного, если знатная женщина самолично принимала ведомости по своему хозяйству?

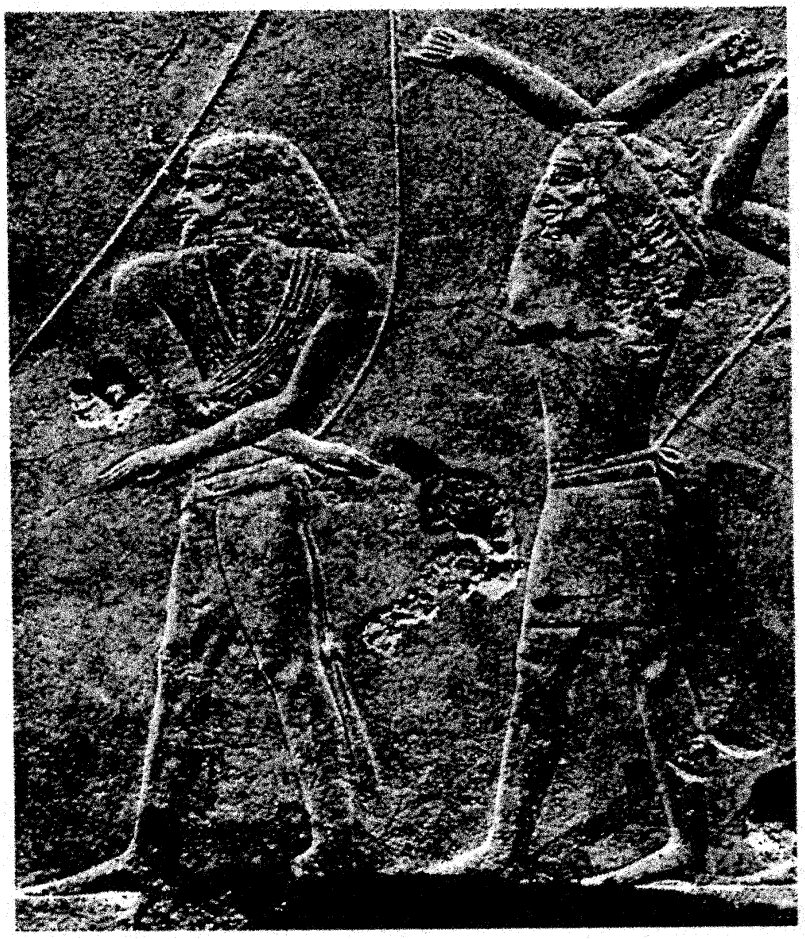
Перед господствующими верхами Старого царства стояла нелегкая задача: полностью подчинить себе собственный народ и сохранить его надолго в угнетен-

ном состоянии. Как видно, угнетатели выступали во всеоружии и создали государство чудовищной силы. Однако «мятеж» против царя был общеизвестным уголовным преступлением, и оскорбление царя называлось во главе грехов. Охрану особы царя, особенно в пути, вменял себе в заслугу не один сановник. От имеющихся источников трудно ждать сообщений о борьбе угнетенных низов. Но даже в глубине пирамид между строк начертанных там заклинаний сквозит страх властелинов перед народом. Оповещают ли, что небесные двери отверсты для приема, приглашают ли стать у двери, чтобы быть взяту на небо, царя заверяют, что это — двери, не допускающие народ. И за царственного мертвеца мечтают, как «*устраивает он себе Верхний Египет, устраивает себе Землю Низовую, разоряет себе* (в угоду) *укрепления Северо-восточной страны* (Азии), *стряхивает себе* (египетский) *народ под пальцы свои*». А в поминальном храме у пирамид боги царя вещали ему, что заставили сжаться со страху перед ним сердца народа. И посетитель мог увидеть там иносказательное изображение народа — птицу пигалицу (по созвучности ее названия и слова «*народ*») с предусмотрительно переломленными крыльями, славящую владыку Египта.

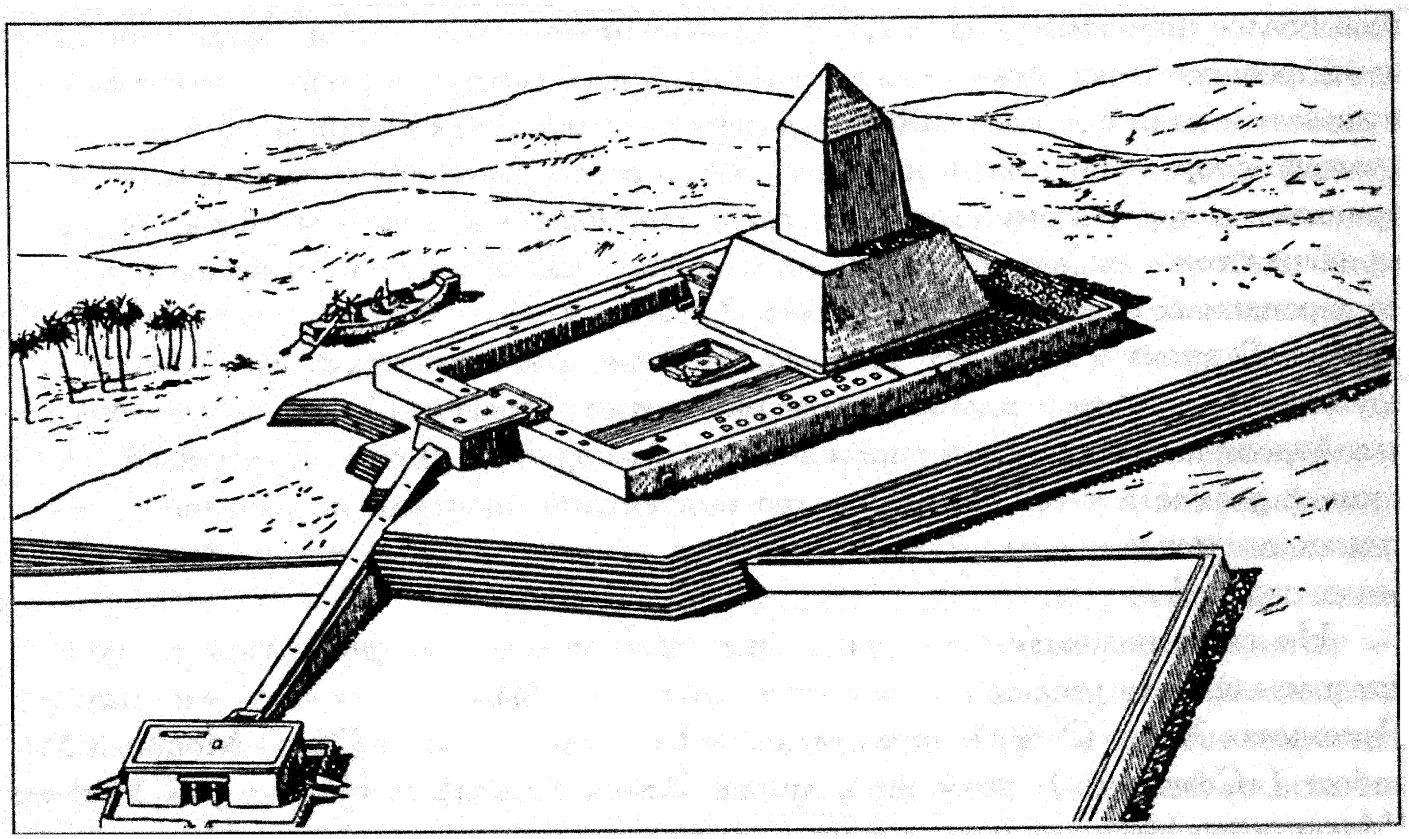
Как развивалось строительство пирамид? Как достигли они совершенства и размеров великих пирамид? И как затем пирамидное строительство пришло в упадок? Мы мало что знаем о ходе событий в пору Старого царства, но судьбы пирамид мы в силах проследить.

Первая пирамида была воздвигнута в самом начале III царского дома для царя Дасы (Тосора), иначе — Хары (Хора) Божественного Утробой (Нуте-хе). Его пирамида вместе с примыкающими к ней поминальными сооружениями знаменует неожиданный, внезапный взлет каменного строительства, перед которым совершенно ничтожными кажутся все достижения раннеегипетского зодчества. Сооружение Дасы (Тосора) знаменует веху в развитии производственных возможностей Египта, является знамением новой поры — наступившего Старого царства. Можно как будто б на самом сооружении проследить столкновение двух веков, каменного с медным, и торжество этого последнего. На отдельных камнях видны следы обработки поверхности каменными сверлами, и подходящие кремни в ограниченном количестве — от 300 до 400 — были найдены тут же, но на подавляющем большинстве камней подобных следов незаметно вовсе. Таким образом, грамотное сооружение можно считать выполненным в значительной мере с помощью медных орудий. На камнях обводной стены незаконченной пирамиды преемника Дасы (Тосора), Хары (Хора) Мощного Утробой (Сехем-хета), следов обработки кремневыми сверлами тоже нигде не оказалось.

Известно имя великого зодчего, воздвигшего погребальное сооружение для царя Дасы. Строителя звали И-ма-хатап (И-м-хотп). В столичном Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков), подле которого в пустыне высилось сооружение, древ-



◂ *Пленники фараона Сах-и-ри (Сех-рэ), рельеф из поминального храма в Абусире, V династия*



▲ *Солнечный храм На-уас-рии (Эн-вос-рэ) в Абусире, реконструкция, V династия*

него зодчего чтили впоследствии как бога врачевания, и под царствованием Тосорфра грекоязычный летописец фараоновской древности египетский жрец Манефон упоминал об «изображении» египетским Асклепием (богом врачевания у греков) строительства из тесаных камней. Но еще при жизни И-ма-хатап (И-мхотп) пользовался необыкновенным почетом у своего повелителя. Царь дозволил своему даровитому подданному начертать свои звания и имя на подножии его, царя, изваяния, установленного в поминальном храме. Недавние раскопки английского ученого В. Б. Эмери около Каира позволяют надеяться, что будет открыта могила самого обожествленного зодчего.

Что каменное строительство такого размаха было в начале III царского дома совсем новым делом, не вышедшим еще из полосы исканий, видно по самому памятнику. По своему внешнему виду эта пирамида о шести продолговатых прямоугольных уступах была не чем иным, как шестикратным повторением в камне надземной надстройки кирпичных гробниц. В кирпиче-сырце подобное нагромождение меньших надстроек на большие было задумано и осуществлено внутри вельможеской гробницы на том же кладбище еще при I царском доме. Только ее ступенчатое ядро было затем прикрыто снаружи неуступчатой облицовкой, придавшей ей вид огромной «*заваленки*» (по-арабски *мастабы*). В поминальных сооружениях, примыкавших к пирамиде Дасы (Тосора) и обнесенных вместе с нею высокой оградой, перекрытия подпирало множество столбов. Но строитель боялся положиться на них, сделать их самостоятельными опорами (они были из непрочного известняка). Он то придвигал их вплотную к стенам, то смыкал их с ними или один с другим каменными переборками. Сами камни, из которых было сложено сооружение, были не в меру малы по его громадным размерам — дань привычке к кирпичному строительству и непривычке к тяжелым глыбам. Отделка здания тоже выдавала, что оно было в значительной степени передачею в камне деревянных и кирпичных построек. Обводная стена, вся в чередующихся отвесных выступах и впадинах, подражала стенам раннеегипетских укрепленных сооружений. Некоторые здания напоминали легкие беседки. Стройные желобчатые или бороздчатые столбы воспроизводили подпорки из связанных стеблей. Роскошное резное и поливное убранство подземелий походило на развешенные по стенам плетеные ковры. Даже дверные створки были вырезаны на камне в воротах ограды!

Но такое положение в строительном деле не могло продолжаться долго. Все предпосылки для уверенного каменного зодчества были как будто б уже налицо. Преемники Хары (Хора) Божественного Утробою — Хара (Хор) Мощный Утробою («Сехемхет»), возможно, также Ха-би (Хаба) и Наф-ку-риа Ниб-ку (Нефр-ке-рэ Неб-ко), оставили незаконченные или разрушенные пирамиды, первый — подле нынешнего селения Сак-кара, оба других — у теперешнего же селе-

ния Завийет эль-Арйан (около Каира). Но должны были быть эти пирамиды — по меньшей мере, незаконченная Хары (Хора) Мощного Утробою и разрушенная предполагаемая царя Ха-би (Хаба) — тоже ступенчатыми (у третьей пирамиды была начата, но не завершена подземная часть, впрочем, весьма внушительная).

Первою настоящею (в геометрическом смысле) пирамидою было, по-видимому, надгробие неизвестного царя у Маи-атамы (Ми-атом, ныне селение Медум у южного Каира). Вполне возможно, что эта пирамида была воздвигнута под самый конец кратковременного III царского дома. Сначала она была тоже ступенчатой, о восьми уступах, но затем получила гладкую облицовку, превратившую ее в правильную пирамиду (вышиной до 90 м). То, что эту пирамиду, как и две вышеупомянутых, нельзя точно приурочить к определенным правлениям, конечно, очень досадно. Но только мы вообще мало что знаем о III царском доме. После Хары (Хора) Божественного Утробою он погружается для нас в непроглядный мрак, так что само число и последовательность царствований остаются неясными.

Но так же внезапно, как и сгустился, мрак редеет с началом IV царского дома. Его родоначальник Санфари (Сенфоре) был, несомненно, одним из самых приметных властителей на престоле Старого царства. Недаром к этому царствованию восходят первые подробные погодные записи в уцелевшей части староегипетской летописи. К сожалению, их уцелело очень немного, но те, что сохранились, насыщены известиями: морем везут финикийский лес, строят корабли, мастерят дворцовые двери, изготовляют золотое изображение царя, правят обряды, учитывают ценности, строят «*дворы Санфари* (Сенфоре)» и в Верхнем, и в Нижнем Египте, громят страну эфиопов, уводят 7000 пленных, 200000 голов крупного и мелкого скота, берут в плен 1100 ливян, угоняют 13100 голов скота. Если в местах медных и бронзовых месторождений на Синайском полуострове уже предшественники Санфари (Сенфоре), цари III дома Хара (Хор) Божественный Утробой, Хара (Хор) Мощный Утробой, Хара (Хор) Защита Крепкая (Санехт) оставили на скалах свои изображения, то сам Санфари (Сенфоре) заявил о себе на Синае настолько громко, что в последующие времена слыл там местным божеством.

Царская власть явно окрепла и упрочилась. И пирамидное строительство отразило это наглядным и внушительным образом. От Санфари (Сенфоре) остались две громадные пирамиды, одна в 100, другая в 99 м высотой, обе возле нынешней деревни Дахшур (южнее Каира). Первая пирамида получилась не совсем удачной. Ее называют «надломленной», потому что у нее угол подъема внизу — 54°41', а вверху — 42°59'. Во время постройки обнаружили известную непрочность нижних частей, давших зловещие трещины, и потому поспешили сократить высоту. Вторая, более северная пирамида, получилась уже правильной во всех отношениях. Это вместе с очень широким основанием делает ее прямой предшественницей великих пирамид, правда, больше по внешности, чем по внутреннему

устройству. В ее внутреннем помещении были добавочно уложены мелкие камни, видимо, для предупреждения обвала, и вдобавок употреблены еще громадные кедровые бревна (не из тех ли самых, о привозе которых говорит староегипетская летопись?).

Пирамиде сына и преемника Санфари (Сенфоре) царя Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума) или — сокращенно — Хуфи (Шуфи, Хеопса греков) суждено было стать величайшей. В вышину она имела более 146 м, ширина каждой стороны основания превышала 230 м, а площадь его равнялась 54300 кв. м. Но эта пирамида превосходила все прежние не только величиною. В начале главы мы имели уже случай отметить необыкновенное совершенство кладки и огромный вес каждого из ее граненых камней.

Мы почти ничего не знаем о прочих событиях этого царствования, но чудовищная величина пирамиды при изумительной тщательности кладки говорит сама за себя. Староегипетское самовластие достигло высшего предела в правление Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума). Вопреки «отцу истории», обломки староегипетской летописи, касающиеся этого царствования, ничего не говорят о пренебрежении царя своими богами. Напротив, мы читаем об изготовлении идолов разных богов и об их волшебном «*оживлении*». Большие деревянные ладьи, которые были закопаны в особых помещениях возле пирамиды, некоторые ученые считают судами, в которых царь по смерти мечтал плавать по небу с солнцем. Так это или не так, но Хуф-и-хнама (Шуф-и-хнум) действительно видел в себе земное подобие дневного светила. Как бы мы ни переводили название величайшей из пирамид, «*Небосклон Хуф-и*» или «*Небосклонный Хуф-и*», оно означало, что царь есть солнце. Слово, которое мы неточно перевели как «*небосклон*», обозначало на самом деле то место, где солнце касается земли, прежде всего при восходе. Некоторым из своих сыновей Хуф-и-хнама (Шуф-и-хнум) дал имена в честь египетского бога солнца Рии (Рэ).

Сын и преемник Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума) Дадаф-риа (Тетеф-рэ) строил пирамиду несколько к северу от отцовской (та была около нынешнего селения Гизе, совсем у Каира, а пирамида Дадаф-рии (Тетеф-рэ) была у нынешнего селения Абу Роаш). По-видимому, царю удалось закончить пирамиду, так как сохранились нижние ряды ее великолепной каменной облицовки (у Хуф-и-хнамы (Шуф-и-Хнума) пирамида была облицована белым известняком, у Дадаф-рии (Тетеф-рэ), по меньшей мере внизу, — красным гранитом, привезенным с юга страны). Впоследствии пирамида была разрушена, превращена в место добычи готового строительного камня. Если судить по сильно уменьшенным размерам пирамиды (сторона основания равнялась в длину 100 м вместо отцовских 230), царское самовластие при Дадаф-рии (Тетеф-рэ) несколько пошатнулось. Если Хуф-и-хнама (Шуф-и-хнум) в блеске своего могущества возомнил себя вторым

солнцем, то Дадаф-ра (Тетеф-рэ) первый, насколько нам известно, из всех египетских царей стал величать себя «*сыном Ра* (Рэ)», т. е. сыном солнца. Если прежде в состав царских имен слово «Ра» — «*солнце*» входило лишь изредка, то с Дадаф-ра (Тетеф-рэ) начинается нескончаемая вереница царских имен, сложенных с этим словом («Дадаф-ра (Тетеф-рэ)» значит «*Устойчив он, Ра* (Рэ)»). Впрочем, как и его отец, Дадаф-ра (Тетеф-рэ) не обошел вниманием и прочих богов Египта. Жалкий обломок староегипетской летописи, сохранивший несколько известий об этом царствовании, сообщает о том, как были вырезаны священные «змеиные» камни (из гранита, высотою свыше 7 м) и какой был сооружен памятник низовой богине Убисте (Убесте).

Второй преемник и сын Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума) Хааф-ра (Шеф-рэ, Хефрен греков) вернулся на отцовское кладбище (у нынешнего селения Гизе) и воздвиг рядом с пирамидой отца свою пирамиду, достойную соперницу величайшей. Она имела в вышину $143^1/_2$ м, длина каждой стороны основания была $215^1/_2$ м. Пирамида выглядела даже выше отцовской, так как стояла на более высоком месте нагорья, и облицовка ее была великолепнее. Со времени безымянной пирамиды конца III царского дома подле арабского селения Медум поминальные храмы стали выводить за предел пирамидной ограды, внутри которой они до того были более или менее произвольно расположены. Поминальный храм в том законченном виде, какой он получил при IV царском доме, состоял из трех частей. У края нагорья располагалось храмоподобное преддверье; от него через пустыню вел длинный каменный ход к собственно храму, помещавшемуся теперь строго у восточного склона пирамиды. От поминальных сооружений ближайших трех предшественников Хааф-ра (Шеф-рэ) мало что осталось. Зато преддверье его поминального храма стоит поныне. Могучие граненые (тоже гранитные) перекрытия чудовищной тяжести. В полумраке великолепного чертога целиком из красноватого камня (стены были также облицованы гранитом), с полом из белого алебастра, в неверном свете, пробивавшемся сквозь оконца под потолком, мерцали каменные разноцветные изваяния царя. Ими же был полон и каменный храм у подножия пирамиды. В поминальных сооружениях Хааф-ра (Шеф-рэ) бывали употреблены глыбы камня огромной величины — до 425000 кг весом.

Возможно, тому же Хааф-ра (Шеф-рэ) принадлежит и великий сфинкс (высотой в 20 м), высящийся подле поминальных сооружений царя. Сфинкс изваян из естественной скалы, оставшейся, как полагают, после выемки вокруг нее камня для одной из пирамид. Скала обработана в виде лежащего льва, олицетворения силы, с головою царя. Львами с царской головою, попирающими и когтящими иноземцев, изображали царей-победителей уже в Старом царстве.

От своего предшественника Дадаф-ра (Тетеф-рэ) царь унаследовал величание «*сын солнца*» — «*сын Ра* (Рэ)». Равным образом и имя его звучало на-

подобие братьиного — было тоже «солнечным». «Хааф-риа» значит «*Воссиявает оно, солнце*». На пренебрежительное отношение к богам страны, которое и этому царю приписывал «отец истории», мы опять-таки не находим никаких намеков. На одной печати Хааф-риа (Шеф-рэ) прямо назван «*любимым богами*».

Далеко и широко по утрам и под вечер стелется тень пирамиды Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума). Ее тень накрывает обширные кладбища, ютящиеся с востока и запада у подножья рукотворной горы. Это подлинный город мертвых, где улицы пересекаются под прямым углом и вдоль их тянутся каменные громады — вечные жилища приближенных отошедшего в вечность царя. Как ни громадны эти гробницы, что они по сравнению с пирамидой? В ее тени можно и не распознать их значение, а оно тем не менее велико.

Росли пирамиды, но росли и вельможеские гробницы. Кирпичными, сырцовыми сооружениями, самое большее с каменной каморкой внутри, были они, когда начинался IV царский дом. И не при ком ином, как при Хуф-и-хнаме (Шуф-и-хнуме), строителе величайшей пирамиды, они превратились в мощные каменные громады. Да, они терялись перед пирамидой, в тени которой были расположены, но в своей совокупности они составляли внушительное целое. Торжество царского самовластия было торжеством знати, которой это самовластие было нужно для утверждения своего господства. Впрочем, при IV царском доме знать и ее венценосный ставленник были связаны между собою даже родственными узами. Знать того времени в значительной своей части состояла из царской родни. Важнейшие должности государства: верховных сановников, военачальников, казнохранителей, начальников работ, верховных жрецов знаменитейших храмов были сплошь и рядом, а то и постоянно заняты членами царствующего дома.

Вынести чудовищное строительное напряжение страна была не в силах. Как после создания величайшей пирамиды преемнику Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума) Хааф-рии (Шеф-рэ) пришлось сократить пирамидное строительство, так же и преемнику строителя второй по величине пирамиды пришлось ограничиться более скромным надгробием. Третья из великих пирамид была воздвигнута царем Мин-куу-рией (Мен-ке-рэ, Микерином греков) рядом с пирамидой своего предшественника Хааф-рии (Шеф-рэ) словно нарочно затем, чтоб оттенить ее скромные размеры. Она была вышиной всего лишь в 66 м, так что не достигала и половины высоты соседки. Она была даже много ниже безымянной пирамиды у Маиатамы (Ми-атома, Медума) и пирамид Санфари (Сенфоре). Надгробие Мин-куу-рии (Мен-ке-рэ) знаменовало спад пирамидного строительства и в этот раз — навсегда. Правда, Мин-куу-риа (Мен-ке-рэ) облицевал свою пирамиду наполовину привозным роскошным камнем (красным гранитом), которым Хааф-риа (Шеф-рэ) облицевал только низ своего сооружения. Но могла ли богатая облицовка скрыть небольшие размеры? В поминальном храме Мин-куу-рии (Мен-

ке-рэ) были еще употреблены огромные глыбы камня, однако смерть помешала царю закончить постройку, и поминальный храм наскоро достроили после смерти Мин-куу-рии (Мен-ке-рэ) уже не в камне, в кирпиче-сырце.

Царь Шапсас-куф (Шепсес-коф) вовсе отказался от пирамиды. Он удовольствовался прямоугольным надгробием в виде громадного ящика или гроба. Гроб оно напоминало и современникам: в одной из тогдашних надписей его название снабжено изобразительным знаком не пирамиды, а гроба. Правда, надгробие Шапсас-куфа (Шепсес-кофа) все еще было сложено из огромных камней. Эта так называемая *мастаба фираун* (что по-арабски означает «*заваленка фараона*»); находится у нынешнего селения Саккара (немного южнее Каира). В гроб вместе с Шапсас-куфом (Шепсес-кофом) сошло всё могущество его дома. Туринский царский список времени Нового царства и Манефон называли в конце IV царского дома несколько правлений, следов которых не найдено ни на одном современном ему памятнике. Очевидно, в стране разыгралась внутренняя борьба, но, к сожалению, мы не знаем ничего определенного о том, кто были борющиеся стороны. Непомерное напряжение сил народа могло быть главной причиной.

V царский дом, с материнской стороны прямое продолжение IV-го, восстановил прежние порядки, но только до некоторой степени. Вслед за основателем нового царского дома Уас-куфом (Уср-кофом) пирамиды строили едва ли не все его преемники: Сах-и-риа (Сех-и-рэ), Наф-ар-ку-риа (Нефр-ер-ке-рэ), Нафраф-риа (Нефреф-рэ), На-уас-риа (Эн-вос-рэ), Мин-куу-хара (Мен-ке-хор), Дад-ку-риа (Тет-ке-рэ), Уннас (Уннос). Только двух царей пирамиды, как будто 6, не найдены: Шапсас-ку-рии (Шепсес-ке-рэ) и Ха-наф-рии (Ха-нефр-рэ), правивших между Наф-ар-ку-рией (Нефр-ер-ке-рэ) и На-уас-рией (Эн-вос-рэ). Однако пирамиды V царского дома, расположенные у нынынешних селений Абусир и Саккара (возле Каира), не более как скудный сколок со своих великих предшественниц. Самая большая не достигает и половины высоты пирамиды Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнум) или Хааф-рии (Шеф-рэ). И построены они были далеко не так прочно, как пирамиды IV царского дома. В настоящее время они представляют развалины, утратившие даже облик пирамид.

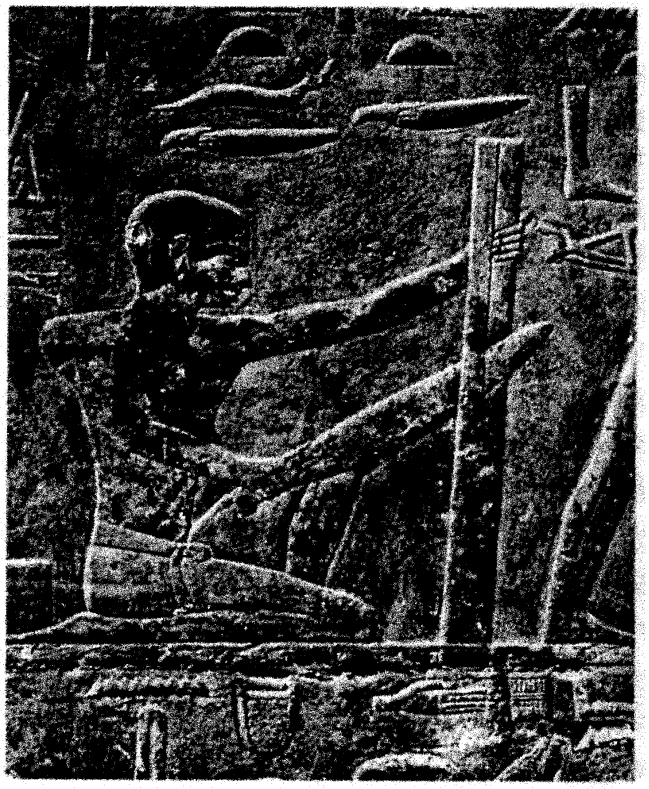
Правда, поминальные храмы при пирамидах были роскошными постройками, очень богато отделанными. Перекрытия в них вновь подпирали столбы, вырезанные из камня наподобие растений, и стены снова покрылись пестрыми резными изображениями и надписями. Вторая за одно столетие перемена того, что мы называем архитектурным стилем, и притом полная и, как мы увидим, вновь сказавшаяся и на окрестных вельможеских гробницах! Но что значила вся эта роскошь перед гордым величием прежних сооружений?

Хотели ли оттенить отход от Шапсас-куфа (Шепсес-кофа) и возрождение великого прошлого или тому были другие причины, но представители V царского

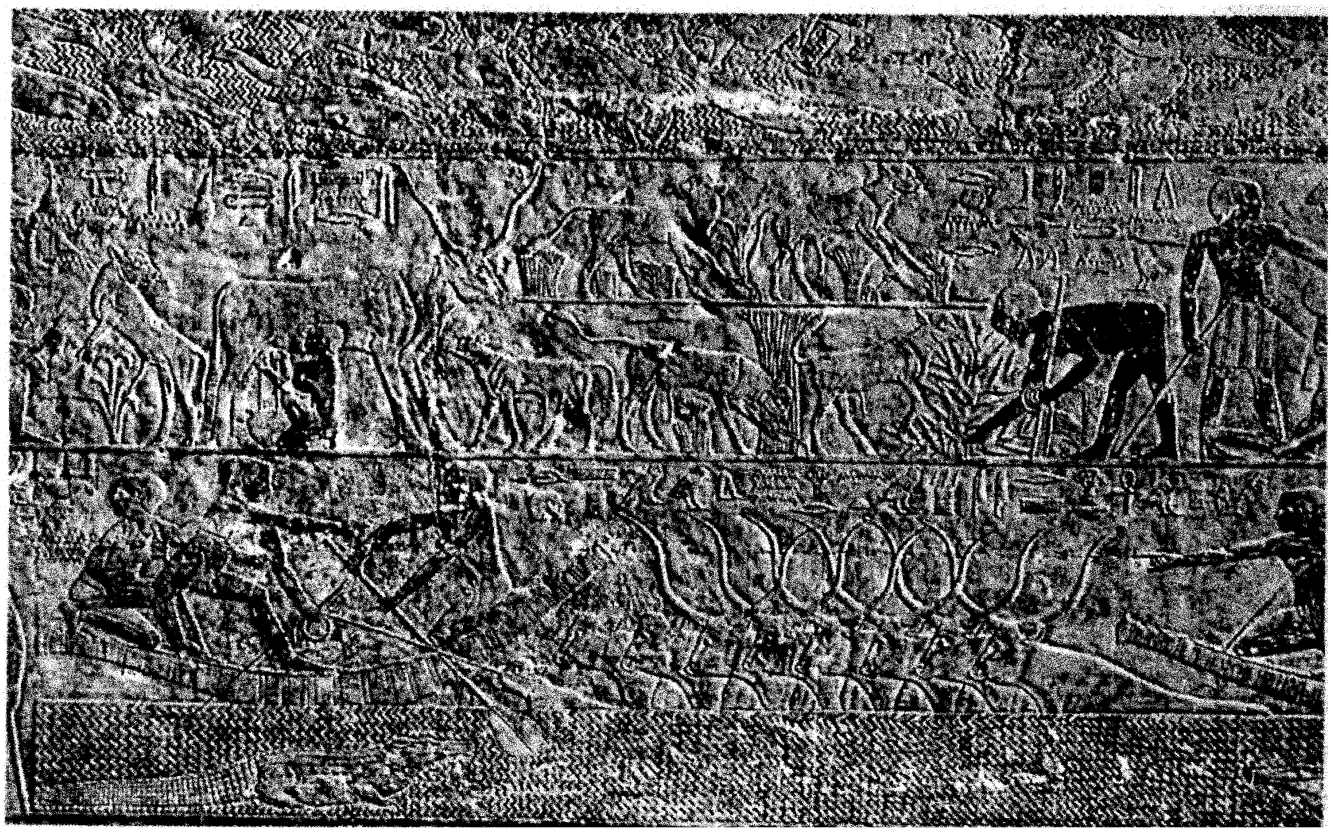
дома всеми силами старались выказать свою близость и приверженность к солнцу. Века спустя в народе все еще пересказывали сказку о том, как солнце породило трех первых царей этого дома от жены своего жреца. За исключением двух последних и, может быть, еще одного или двух, все преемники Уас-куфа (Усркофа) воздвигали каждый по солнечному храму. Всего лучше сохранились остатки храма, воздвигнутого солнцу царем На-уас-рией (Эн-вос-рэ) (около нынешнего селения Абу-гураб возле Каира). Каменное поддверье и каменный крытый ход вели на обширный залитый солнцем двор, частично обведенный крытым же ходом. Стены хода покрывали резные изображения, в частности из жизни природы — должно быть, для прославления животворной силы солнца. В глубине двора на усеченной пирамиде высился огромный сложенный из камня приземистый островерхий столп (род обелиска) — солнечный идол. На дворе под открытым небом на большом жертвеннике солнцу приносили бесчисленные жертвы, в том числе целые стада скота. Кровь закланных и рассеченных животных ручьями текла отсюда по отводным желобам. В новый год солнцу жертвовали свыше 100000 трапез из хлеба и пива, в другой праздник — 30000. Поглотить такое количество приношений никакое жречество не было б в силах. Очевидно, храмовые празднества сопровождались обильным угощением окрестного населения. В те времена царское местопребывание постоянно менялось, перемещаясь по стыку нагорья с речною долиной от одной пирамиды к другой. С каждым новым царствованием возникал новый город возле строящейся пирамиды; поэтому и слово «*город*» в приложении к царскому местопребыванию писали с придачею изобразительного знака пирамиды — «*пирамидный город*». Но все эти быстро возникавшие и затем хиревшие города из утлого кирпича-сырца располагались неподалеку от укрепленных Стен Белых, будущего Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков). Солнечные храмы воздвигались по соседству с пирамидными городами, так что в праздники в храм светозарного царского «*отца*» для угощенья могло стекаться множество народа. Но такой солнечный храм имел прямое отношение к царю не только в силу его солнечного сыновства. По изображениям в храме На-уас-рии (Эн-вос-ре) видно, что этот храм был воздвигнут не только во славу солнца, но и во славу царя — в ознаменование тридцатилетия царствования и сопутствующих тому стародавних торжеств.

Но никакие солнечные храмы-сооружения, не слишком трудоемкие, не могли скрыть спад царского самовластия. Пирамидное строительство, вещественное значение и выражение этого самовластия, шло явно на убыль. Пирамида последнего царя V дома Уннаса (Унноса) была вышиною всего в полсотню метров. Зато гробницы действительных хозяев страны, утвердивших свое господство и больше не нуждавшихся в безмерном самовластии, отнюдь не последовали примеру царских пирамид. Напротив, из сплошных каменных «*завaленок*» (*мастаба* по-

▲ *Пастух, рельеф из гробницы Птах-хотпа (Птах-хатпи), V династия*



▲ *Столяр за работой, рельеф из гробницы вельможи Ти в Саккара, V династия*



▲ *Земледельческие работы, рельеф из гробницы вельможи Ти в Саккара, V династия*

арабски), прорезанных лишь отвесным спуском в подземный склеп и никак внутри не расчлененных, они постепенно развились в настоящее каменные дворцы. Сохраняя наружно облик «*завaленок*», они внутри наполнились помещениями, богато испещренными резными изображениями и надписями. От арабского селения Гизе мимо поселков Абусир и Саккара в сторону Дахшура простерлось величественное кладбище столичной знати.

Итак, ее владычество утвердилось окончательно, и царская власть потеряла для нее значительную долю былого обаяния. Постепенно V царский дом был принужден отказаться и от сосредосточения в руках своих членов важнейших государственных должностей. Теперь должность главного судьи и верховного сановника перестала быть достоянием царевичей, и ею стали владеть представители вельможеской знати, долгое время, возможно, даже представители одного и того же рода.

Время V царского дома было золотым веком столичного вельможедержавия. Необходимая для того очень сильная, но уже не безмерная власть царя мирно сочеталась с возросшим значением и влиянием столичной знати. Намеки на внутренние осложнения в источниках того времени встречаются исключительно редко. Во вне государство с большою воинственностью поддерживало свои притязания, в частности на Синайском полуострове. В северной Эфиопии египетское влияние нисколько не ослабло по сравнению со временем IV царского дома. Там по-прежнему ломали ценные породы камня и работало большое поселение египетских плавильщиков местной меди. Второй царь V дома, Сах-и-риа (Сех-и-рэ) изобразил на стене своего поминального храма пленных ливиян и захваченные у них стада. Но мероприятия тогдашних царей не ограничивались одними соседними странами. В том же храме Сах-и-рии (Сех-и-рэ) изображено прибытие множества судов с хананеянами. При этом царе мы впервые слышим и о доставке из южного Красного моря больших количеств благовонной смолы, светлого золота и других ценностей. Оттуда же при предпоследнем царе V дома Дад-ку-рии (Тетке-рэ) был привезен египтянами карлик — представитель низкорослых африканских племен (пигмеев). Неясно, где именно имела место ожесточенная схватка египтян с хананеянами, увековеченная на одном изображении времени последнего представителя V царского дома Уннаса (Унноса).

При Уннасе (Унносе) царская власть зримо ослабла. Из всех пирамид царей V дома его пирамида самая маленькая. До него не считали нужным увековечивать внутри пирамид заупокойные заклинания — как если бы прежние цари, в отличие от него, еще вполне полагались на устное возглашение этих заклинаний жрецами в будущие годы. Уннас (Уннос) впервые повелел высечь внутри пирамиды весь свод заклинаний, призванных обезопасить и облагодетельствовать царя на том свете. Столь предусмотрительное начинание было подхвачено царями сле-

дующего, VI дома. Вместе заклинания из пирамид Уннаса и его преемников составляют так называемые «надписи пирамид», важнейшее пособие для постижения староегипетского мировосприятия.

Нам неизвестно, почему и как власть перешла от V царского дома к VI-му. Но, видимо, в первые годы его царствования при дворе было далеко не спокойно. Основатель нового дома Атати (Атоте) был, по словам Манефона, убит собственными телохранителями. При царе Маи-рии Пйапи I (Ми-рэ Пйопе I) его доверенный («Уни») творил суд не только именем царя, но и именем его женского дома и вел в глубокой тайне вместе с другим судьею дело самой царицы — без участия почему-то верховного судьи (он же верховный сановник) или кого-либо другого из вельмож. Сын и преемник Пйапи (Пйопе) I Мар-ни-риа (Ме-не-рэ) счел нужным принять в соправители своего малолетнего брата Наф-ку-рию Пйапи II (Не-фр-ке-рэ Пйопе II). Правда, этому последнему, не в пример брату, было суждено едва ли не самое долгое на свете царствование — согласно Манефону, он царствовал более 90 лет. Но он был и последним представительным венценосцем Старого царства. О последующих властителях VI царского дома (в том числе царе-женщине Нит-акре (Нит-окре), Нитокриде греков) мы почти ничего не знаем. Страна распалась на полунезависимые области и от царского самовластия осталась одна жалкая тень.

Но когда VI царский дом вступал во владение Египтом и даже долгие десятилетия спустя, все при дворе выглядело как будто б по-старому. Цари по-прежнему строили пирамиды и даже больших размеров, чем пирамиды V царского дома. Выработалось прямо-таки обыкновение возводить пирамиды до 100 м высотой. Правда, сооружены они были тоже не очень прочно и ни одна из них не сохранила своего пирамидного облика. Пирамиды Атати (Атоте), Пйапи (Пйопе) I, Мар-ни-рии (Ме-не-рэ), Пйапи (Пйопе) II все расположены около нынешнего селения Саккара. При каждой из них имелось по поминальному храму, но солнечных храмов со времени последних царей V дома больше не строили. Гробницы высшей столичной знати никогда еще не были столь великолепны, как в первую половину VI царского дома. В одном из таких надгробных дворцов — усыпальнице верховного сановника Мрар-и-ку («Мерерука») — было свыше трех десятков помещений.

Скоро, однако, стала отчетливо выдвигаться новая общественная сила в лице местной, нестоличной знати. Рост ее значения при VI царском доме всего заметнее по быстрому умножению княжеских гробниц, высеченных в скалах на протяжении всего Верхнего Египта различными областеначальниками. При IV и отчасти V царских домах верховная власть свободно распоряжалась областеначальническими должностями, теперь же в областях прочно оседали свои владетельные роды. И члены их не только сидели на местах, но, случалось, роднились с самим

царствующим домом и даже занимали должность верховного сановника. Иными словами, при IV царском доме, в дни наивысшего могущества царей, преобладание в среде знати принадлежало царской родне, при V царском доме, в пору умеренного самовластия, господство закрепилось за более широким кругом столичной знати, при VI царском доме, накануне крушения самовластия, преобладание стало отходить от столичной знати к знати местной, областной.

По отношению к своим соседям государство VI дома следовало в общем пути предшествующего. Воинственность и предприимчивость нисколько не ослабли, скорее даже возросли. Пйапи (Пйопе) I не менее шести раз обрушивал свои полчища на соседей. К сожалению, спорно направление первого, завоевательского похода на «*тех, кто на песке*». Во всяком случае, искать этих последних надо не в пустыне — у них были плодовые деревья, виноградники, страна их была расположена у самого моря или неподалеку от него и имела не одну крепость. Царское войско состояло из всеегипетского ополчения и северно-эфиопских вспомогательных отрядов. О нравах подобного воинства можно судить по заверениям главноначальствующего («Уни»), что — во время движения по Египту — никто не причинял зла другому, никто не отнимал обуви у путника, никто не забирал одежды, козы, вообще чего-либо у кого бы то ни было. Одержанные «успехи» были простосердечно воспеты в победной воинской песне:

Пришло (т. е. вернулось) *войско это в мире* (т. е. благополучно) —
Разорило оно землю тех, кто на (пес)*ке.*

Пришло войско это в мире —
Растоптало оно землю тех, кто на песке.

Пришло войско это в мире —
Сокрушило оно твердыни ее.

Пришло войско это в мире —
Срезало оно смоквы ее, виноград ее.

Пришло войско это в мире —
Зажгло оно огонь в ... ее всех.

Пришло войско это в мире —
Перебило оно ополчения в ней десятками тысяч многими.

Пришло войско это в мире —
(Доставило оно...) *из нее много весьма пленными.*

Пять раз несчастная страна пыталась освободиться от египетского засилия, и пять раз египетский царь посылал своего испытанного главнокомандующего умирять ее. Его же царь поставил во главе войск, двинутых одновременно морем и

сушею на некую страну к северу от земли «*тех, кто на песке*». И этот поход тоже завершился полной победой: «*перебиты были мятежники все из* (числа) *их*».

Преемник Пйапи (Пйопе) I юный Мар-ни-риа (Ме-не-рэ) уделял, по-видимому, особое внимание югу. Он много ездил на южную окраину царства и принял там изъявления верности соседних эфиопских племен. Неугомонный полководец предшествующего царствования («Уни») возглавил теперь два мирных похода в Эфиопию: один — в каменоломни за гробом и пирамидным навершием для царя, другой — ради постройки судов из местного дерева, которое египтянам доставили эфиопские вожди. При том же Мар-ни-рии (Ме-не-рэ) князь I верхнеегипетской области Хуф-хара (Хирхуф) совершил одно и предпринял другое путешествие в Эфиопию. Во второе путешествие он успешно справился с миротворческим заданием: нагнал одного из эфиопских вождей, шедшего войной на ливян, и «*умиротворил его*». За оба путешествия было приобретено немало ценного, но самым редкостным приобретением, сделанным во второй поход, был карлик, представитель низкорослого племени, обитавшего где-то далеко на юге. Доставил Хуф-хара (Хирхуф) этого карлика уже новому царю, Пйапи (Пйопе) II, к вящей радости малолетнего властелителя.

Давние связи Египта с финикийским городом Гублой (Библос греков), поставщиком отличного строевого леса, стали при VI царском доме как будто б особенно тесными. По крайней мере, из сосудов, заложенных в основание тамошнего храма и надписанных именами египетских царей, подавляющее большинство принадлежало VI царскому дому. На одном сосуде Пйапи (Пйопе) I назван притязательно «*солнцем нагорий*», т. е. чужеземных стран (все страны вне плоской намывной земли египетской почитались ее жителями за «*нагорья*»). Один из домашних служащих князей I верхнеегипетской области плавал одиннадцать раз в Гублу и южное Красноморье.

Внушать иноземным народам страх перед египетским царем считалось одною из доблестей государственных мужей. Как долго удавалось такое устрашение, не совсем ясно. Неясно тоже, как обстояло дело с военными успехами при Пйапи (Пйопе) II. Он, правда, изобразил в поминальном храме у своей пирамиды пленных ливиян и захваченные у них стада, однако царь всего-навсегда воспроизвел у себя изображения и надписи из чужого поминального храма — из храма царя V дома Сах-и-рии (Сех-и-рэ).

Итак, мы обозрели производственные возможности, общественный и государственный строй Старого царства и можем теперь подтвердить, что пирамиды вместе с примыкающими к ним кладбищами поистине служат ярчайшим его выражением. Но одна из загадок, загаданных нам пирамидами, осталось никак нами не рассмотренной. Мы все толковали о том, как возникали пирамиды, но ничего не сказали о том, почему они и города мертвых при них вообще появились?

Неужели для того, чтоб похоронить властелителя, надо было напрячь все силы и возможности государства? Неужели, чтобы обезопасить царский труп от непрошенных посетителей, надо было возводить над ним с неслыханным совершенством целую рукотворную гору из граненого камня? Бесспорно, своею мощью или — что то же — мощью царя-строителя пирамиды должны были подавлять сознание подданных. Но непонятно, почему выражением и глашатаем самовластия стали надгробия, а не дворцы? Ведь во дворце царь обитал в полноте сил, здоровья и власти, тогда как в гробнице лежал беспомощный труп, зависевший в смысле заупокойной службы и самой сохранности от милости потомков и крепости камня. Но в то время, как пирамиды стоят поныне, от утлых дворцов из кирпича-сырца не осталось и следа. Видимо, для того, чтобы понять, почему мощь царя выражала его гробница, надо разобраться в умонастроении тогдашнего общества.

Древнеегипетское миропонимание мы застаем уже сложившимся, в виде сложного напластования представлений, возникших в разное время и в разных местах. Часто эти представления отдавали глубокой первобытностью — под стать народу, стоявшему лицом к лицу с неосвоенными силами природы. Но одна могучая природная сила — великая река с намываемой и орошаемой его плодоноснейшей почвой поддалась освоению простейшими орудиями. И египетский народ на рубеже каменного и медного веков мог вырасти в сложное и противоречивое общество, потребовавшее сложного и сильного государства. Потому и староегипетское мировосприятие являло черты отнюдь не первобытные, да и само первобытное, казалось бы, отвечавшее медно-каменному веку, было воспринято и переработано совсем не по-первобытному.

Мир представлялся Старому царству поделенным на две половины, верхнюю и нижнюю, из которых одна была опрокинутым повторением другой. Если над землею простиралось небо — плоский потолок, закругленный по краю, то такое небо имелось и под нею, только в опрокинутом виде. Если по верхней поверхности земли люди ходили вверх головами, то по нижней ее поверхности приходилось ходить вниз головой. Главное отличие подземного мира от мира живых составлял царивший там мрак. Хотя небо, как и земля, имело двери и покоилось на устоях, оно мыслилось полным воды, по которой и плыли в своих ладьях светила. С водою было и нижнее небо.

Всё видимое и невидимое, в том числе человек, представлялось целиком вещественным. Душевная жизнь человека, равно как потусторонних существ, представлялась деятельностью плотского нутра («*утробы*»), в первую очередь сердца. Мысленное содержание казалось настолько неотделимым от мыслящих органов, что поглощение сердец и внутренностей на том свете было в глазах староегипетского колдуна равносильно усвоению заключенных внутри заклинаний.

Жреческий мыслитель Старого царства так описывал разумную деятельность

человека, через органы чувств получающего восприятия от окружающего, обдумывающего их в уме и выражающего затем волеизъявления: «*Видят глаза, слышат уши, обоняет нос воздух; доводят они* (до сведения) *сердца; оно дает выйти умозаключению* (?) *всякому; язык повторяет задуманное сердцем*».

Представление о душевной деятельности как о свойстве тех или иных частей тела нисколько не мешало наделять человека множеством душ: двойником (***ку***), проявлением (***би***), привидением (***ах***), мощью, именем (***рин***), тенью и т. д. При этом у одного и того же лица могло быть по нескольку, если только не по многу, душ одного и того же рода («*двойника*», «*проявления*», «*привидения*»). И воспринималась определенная душа то как единство, то как множество, и не только тогда, когда принадлежала такому «сверхъестественному» лицу, как царь, но — по меньшей мере, в случае двойника — даже у простых смертных. Души были, с одной стороны, тождественны с человеком или заключены в нем; с другой стороны, те же души были существами, находившимися вне его. Сделать что-нибудь «*двойнику*» значило сделать это человеку, «*привидением*» мог быть назван он сам по смерти, «*проявление*» или «*мощь*» могли быть внутри его. Тем не менее «*двойник*», «*проявление*», «*привидение*», «*мощь*» могли находиться позади человека, умирая, он «*отходил*» к «*двойнику*» или «*привидению*», умершего препровождали к его «*проявлению*», собственные «*двойники*» брали его за руку, «*двойник*» докладывал о нем, отличал его от его врагов и т. д., и т. д.

Души представлялись такими же вещественными, как сами люди. Так, у «*двойника*» была плоть из мяса, он ел и мылся, «*проявление*» и «*привидение*» могли быть съедены и т. п. Особенностью душ было то, что они были невидимы; одна тень была зрима да имя слышно. При все том, «*проявление*», видимо, проявлялось в мире «*живых*» в сверхъестественной мощи — «*проявлениях*» — царя, также в виде «*звезды живой*» на небе, «*привидение*» виделось в числе незаходящих (северных) звезд.

Старое царство не видело существенной разницы между людьми и богами, какими бы могущественными те ни казались. Полагали, что они тоже когда-то жили в мире и затем «отошли» ко своим «*двойникам*», имели плоть и вещественные души, ели, пили, умащались, одевались. Подобно душам почивших людей, боги Старого царства плавали по небу звездами, и о небе пели, что оно взяло к себе всех богов с их ладьями, став тем, у кого тысяча «*проявлений*», т. е. звезд. Так же и солнце представлялось «*проявлением*» — «*восточным*» или «*сущим в крови своей*». О самом небе пели, что им обернулась «*большая*». И как умерший мог обернуться другим существом, так и его боги могли обернуться друг другом или оказаться частью тела или «*именем*» другого.

У Старого царства было очень много богов. У каждого города могло быть по нескольку местных божеств. И все эти городские и областные боги мыслились в

той или иной мере природными явлениями: небом, землею, светилами, воздухом, водами и т. д., что не препятствовало некоторым из них олицетворять одновременно явления общественного порядка, например, луне Дхаути (Тховт), покровителю города Хманы (Шмуна, Ермополя греков), почитаться за бога письменности. Голым олицетворением общественных явлений были лишь очень немногие из староегипетских божеств, например, Муа (Мэ) — «Правда», или особая богиня счета, письма и строительства (Сешат).

Что удивительного, если в этом мире оборотней, среди очеловеченных и обоготворенных — так как неопознанных и неосвоенных — сил природы находили себе место на правах божеских образов, завещанных седой древностью, животные, растения, разные предметы. Так, у только что названного Дхаути (Тховта) было два животных образа: песьеголовой обезьяны (павиана) и голенастой птицы (ибиса), а солнце в его городе Ане (Оне, Илиополе греков) представлял каменный столп. Большим значением в столичных Стенах Белых (Мемфисе греков) пользовался живой бык Хап (на греческий лад Апис).

В подобной обстановке могло привольно цвести пышным цветом и другое наследие первобытных времен — волшебство. Его представляли себе тоже как нечто вещественное — его можно было съесть, — и обладателя оно сопровождало как особое существо или душа. Его же олицетворяли в виде человекоподобного бога по имени Хику (Хикэ) — «*Волшебство*». Перед волшебником должны были трястись небо и земля, он помыкал любыми из своих богов, даже самыми главными, и грозил им, как последним смертным. Сверхъестественные существа, в том числе души, считались полными волшебством, но оно было вполне доступно и людям. Было б, однако, неверно преувеличивать власть волшебства над умами.

Многие личные имена того времени (а имена часто имели определенный смысл) служили выражением личной набожности, иного отношения к своим богам, чем колдовское. Такие имена оттеняли принадлежность, служение тому или иному божеству, подачу им жизни и пищи, оказываемую им защиту, его приход на помощь, благосклонность, благое водительство.

Затем, такая наука, как врачевание, несомненно, связанная с волшебством, в корне все же определялась не им, а своим предметом. Хотя один и тот же врач мог представлять несколько ее отраслей, сами отрасли были четко разграничены по предмету лечения. Существовали врачи «*утробные*», глазные, зубные и т. д. Вообще врачебное дело было поставлено на широкую ногу: имелось многостепенное начальство, в распоряжении придворных врачей было особое судно (еще около начала IV царского дома!), к определенной части населения бывал, повидимому, прикреплен особый врач (еще в то же далекое время!).

Старое царство отождествляло своих богов с природой. Поэтому всякое ум-

ствование о них было одновременно умствованием о природе, и всякое умствование о ней — умствованием о них.

Из подобных умственных построений самое широкое распространение получило учение, развитое в низовом городе солнца Ане (Оне, Илиополе греков). По этому учению мироздание представляло цепь порождений одними природными явлениями других. Посреди первобытных вод Науна (Нун) вознесся на холме верховный Атама (Атом), чьё имя могло толковаться как «всё». Из себя одного Атама (Атом) произвел чету Шау (Шов) и Тфини (Тфэне), воздух и влагу. От них родилась вторая чета Гиб (Кеб) и Ни (Нэ), земля и небо. Из любви к дочери-небу воздух встал сам и поместил всё под нею, подняв ее над головою и отделив таким образом от земли. К Атаме (Атому), его детям и внукам были присоединены еще две четы правнуков, порожденных землею и небом, Усири (Усире, по-гречески Осирис) и Иси (Эсе, по-гречески Исида), Сута (Сэт, по-гречески «Сэтх») и Нибт-ха (Небт-хо, по-гречески Нефтис). Последние четверо были обязаны честью, выпавшею на их долю, не своему значению в природе, а месту в представлениях, связанных с загробным бытием. Все девять вместе составляли «*девятку большую*», *что в* (городе) *Ане*» — в отличие от другой — «*девятки малой*». Сам Атама (Атом) был отождествлен с городским богом-солнцем Рией (Рэ) под именем Риа-Атама (Ра-Атом). Играя созвучием слов и имен, солнце объявляли образующимся под именем Хапри, подымающимся под именем Рии (Рэ) и исчезающим из виду под именем Атамы (Атома). Каждый день солнце возрождалось снова в лоне своей матери-неба, и другим образом утреннего солнца был «*Хара* (*Хор*) *Небосклонный*». Насколько, однако, отдельные образы солнца мыслились самостоятельными, видно по тому, что его суточное движение изображали как переезд Рии (Рэ) к Харе (Хору) Небосклонному и Хары (Хора) Небосклонного к Рии (Рэ).

Много отвлеченнее было учение, разработанное в столичном городе Стенах Белых (Мемфисе греков). Оно известно нам по распорядку храмового представления, переписанному с обветшалой рукописи на камень повелением эфиопского царя Египта Шабику (Шабако) (XXV царского дома). По языку и особенностям написания подлинник должен был быть Старого царства. Учение составляло вставку, читавшуюся в ходе действия, и служило возвеличению столицы и ее бога Птаха — в значительной мере за счет Атамы (Атома). По этому учению Птахом оборачивалось восемь божеств. Двое из них, Птах-Наун (Птах-Нун) и Птах-Науна (Птах-Навне), составляли чету первобытных вод и были отцом и матерью Атамы (Атома). Другой Птах — Птах великий представлял сердце и язык девятки, Хару (Хора) и Дхаути (Тховта), которые вместе оказывались (оборачивались) Атамой (Атомом). Сердце замышляло, язык приказывал задуманное. При этом учение прямо ссылалось на пример человеческой деятельности. Девятка

(надо полагать, без Атамы (Атома), поскольку он был сердцем и языком) служила зубами и губами в мировых устах, которые назвали имена всего. Тут же излагалось и другое представление о Птахе, по которому он, будучи тождественным со столичным богом земли (Тун), растит на себе деревья и камни. В конечном итоге Птах оказывался изначальным веществом — первобытной водою и почвою и вместе с тем мировым разумом (ведь сердце представлялось египтянам носителем сознания) и волеизъявлением (мировым языком).

Упор делался на представление о Птахе как мировом сердце и языке и делался, наверное, неспроста. Главными жрецами Птаха в Стенах Белых (Мемфисе греков) были верховные руководители государственных мастеров, представлявшие сами «*сердце*» и «*язык*» своих производств. Нами уже была приведена частично ссылка учения на пример человеческой деятельности. Приведем ее теперь полностью — с заключительными словами: «*Видят глаза, слышат уши, обоняет нос воздух; доводят они* (до сведения) *сердца; оно дает выйти умозаключению*(?) *всякому; язык повторяет задуманное сердцем. Так творится работа всякая, мастерство всякое, творчество рук, хождение ног, движение члена всякого согласно приказанию этому, измышленному сердцем, вышедшему с языка*».

Родственное учение о мироздании сложилось, должно быть, уже в давние времена в верхнеегипетском городе Хмане (Шмуне, Ермуполе греков) вокруг местного бога Дхаути (Тховта) и восьми первобытных природных сил. Намеки на это учение, притом на его наиболее отвлеченную часть, имеются в староегипетских источниках. Вполне возможно, что столичное учение о Птахе вобрало в себя кое-что из этих верхнеегипетских представлений.

Но как ни умствовали в столице, затмить соседнего Рию-Атаму (Ра-Атома) и богу было не под силу. Когда при IV доме царская власть поднялась на вершину мыслимого могущества, цари как будто б полностью убедились в своем сродстве солнцу. Хуф-и-хнама (Шуф-и-хнум, Хеопс греков) мнил себя небосклонным (т. е. солнцем) в своей пирамиде. Даже под конец Старого царства, в годы спада царского самовластия, Пйапи (Пйопе) I был назван на своем гробе «*богом большим, владыкою небосклона*», «*Харою* (Хором) *Небосклонным, владыкою неба*». Три преемника Хуф-и-хнамы (Шуф-и-хнума) и большинство царей последующих двух домов носили имена, сложенные в честь солнца. Со времени IV царского дома цари прозывались «*сынами солнца*». Все пять первых царей V дома один за другим воздвигали солнцу по особому храму, и среди земельных и прочих царских пожалований храмам видное место занимали тогда пожалования солнцу.

Со времени последнего царя V дома Уннаса внутри пирамид на стенах ходов и склепов стали начертывать заклинания, взятые из заупокойной службы и имевшие целью обезопасить и осчастливить царя по смерти. Во многих из них

нашла выражение мечта царей о посмертном плавании с солнцем. Но в могильном мраке у солнца имелся соперник.

Усири (Усире, по-гречески Осирис) был богом низового города Диды (Тэте, Бусирис греков), но был отождествлен с «*Предстоятелем западных*», т. е. умерших, богом верхнеегипетского города Абады (Эбота, Авидоса греков), где были гробницы правителей I царского дома. Поэтому Усири (Усире) стал также «*владыкой Абады* (Эбота)». На основании памятников Старого царства трудно уловить существо Усири (Усире) как силы природы. Однако некоторые надписи намекают как будто б на воду половодья. По ним из Усири (Усире) истекают воды, он молод под именем своим «*вода молодая* (т. е. свежая)», он — ее податель, протоки и реки полны от очищения, происходящего от него, грядет половодье, идет наводнение, и его находят(?) на пашне, он погружается, но ему не дают утонуть, убитого, его находят на берегу. И, действительно, не вода ли половодья лежала долго и неподвижно на пашнях, огороженных насыпями, мертвенная и в то же время живоносная, полная жизненных сил? И не она ли, уйдя (частично) в землю, выказывала оттуда свою живую силу в поднимающихся из земли ростках? Как бы то ни было, Усири (Усире) был живым трупом, и как таковой имел прямое отношение к загробному бытию. В надписях пирамид он служит прообразом мертвого царя.

Считалось, что Усири (Усире) был убит своим братом Сутой (Сэтом), а сын убитого Хара (Хор) не только отомстил братоубийце, но вкупе с прочею роднею воссоединил и волшебными обрядами оживил отчий труп. Повторение тех же обрядов над царским трупом сулило ему, по мнению чародеев, ту же волшебную жизнь, какая была сообщена убиенному Усири (Усире). Правда, царственному мертвецу прозябание в преисподней в виде живого трупа было далеко не по вкусу. Занесшись в мечтах на небо, венценосный покойник презрительно взирал сверху вниз «*на голову Усири*» и боялся даже наступить на гниль из его трупа. Жизнью для пирамидных надписей было небо, возврат к земле — ненавистной возможностью. Но, в конце концов, Усири (Усире) тоже имел доступ на небо и даже проявлялся там в виде большого созвездия (Ориона). Потому возможно было как-то сочетать оба круга представлений.

В итоге жизнь мертвеца в пирамиде превращалась в цепь пробуждений к жизни и уходов преимущественно на небо, к солнцу, луне, звездам (он сам оборачивался немеркнущей звездой), в вольготные «*поля жертв*» или «*поля тростника*», где можно было даже пахать и жать. Но если не должен был гибнуть его дом на небе, то не уничтожался и его престол на земле. Мертвый царь утверждал дом свой посмертно и оберегал детей своих. Уходя и приходя с солнцем, он навещал свои владения, сообщал и отнимал достоинства, причинял и устранял вред.

Говорили, правда, что на небо отходит «*привидение*», а труп — в землю, но

оживать каждый раз и вести с помощью своих душ таинственную жизнь должен был сам мертвец, т. е. его труп. Чтобы собрать свои кости и члены, умерший должен был найти их на месте. Отсюда забота о сохранности останков, приведшая к приготовлению нетленных трупов, знаменитых египетских мумий. В Старом царстве искусство приготовления их еще только начиналось.

Притязания на посмертное небожительство были свойственны не одним царям. Как ни скупы на слова заклинания, что начертаны в частных гробницах, по ним все-таки видно, что сановники часто мечтали не только о добром погребении и сытных поминках, но также, совсем как цари, о плавании по небу и восхождении к «*богу большому*». И долгое время выход из гробового склепа уводил, как и из пирамид, на север — в общество незаходящих звезд. С середины V царского дома в гробничных заклинаниях начинают призывать Усири (Усире) — в ущерб старому кладбищенскому богу собакообразному Анапе (Анупу, по-гречески Анувису). При VI царском доме частное лицо иногда уже отождествляется волшебно с Усири (Усире) в виде «*Усири* (Усире) *имя-рек*», т. е. «*Усири* (Усире) *такой-то*».

Но была еще другая жизнь у мертвеца в пирамиде. До очередного пробуждения он почивал «*у двойника своего*». «*Двойник*» считался животворным началом, и соединение с ним означало жизнь. В поминальном храме у подножия пирамиды стояли царские изваяния. В частных гробницах помещение с изваяниями называли «*двором двойника*», так что «*двойник*» мыслился соединенным или тождественным с ними. Под конец Старого царства распространился обычай устраивать в городских храмах небольшие божницы царей, цариц, вельмож и их жен, где их изваяниям приносили жертвы, и такие божницы тоже назывались «*дворами двойника*». По существу «одушевленные» изваяния людей и храмовые идолы понимались на один лад. Об идолах жрецы Птаха учили: «*Вошли боги в плоть свою из дерева всякого, камня всякого, глины всякой, вещи всякой, произрастающей на спине его* (т. е. Птаха как тождественного с землею) *и явились тем*».

Если «*двойник*» оборачивался изваянием, то оно должно было походить на изображенного, как походил на него сам «*двойник*». При III и IV царских домах это нередко понимали в смысле точного воспроизведения подлинника. Костистые лица изваяний первых царей Старого царства, горбоносый жирный царевич IV царского дома, каменные головы из склепов того же времени служат тому наглядными примерами. Но уже тогда и особенно позже, при V и VI царских домах, довольствовались и более условными подобиями. Лучшие их образцы сочетали жизненное правдоподобие с обобщенной благообразностью. Изваяния охотно раскрашивали в принятые цвета: обожженных солнцем мужчин — в красновато-бурый, а женщин — в желтоватый цвет.

Родственные представления связывались с настенными, плоскими изображениями. В гробничной «приемной», куда приходили с приношениями, изображения на стенах располагались в определенном порядке относительно ложной двери, впадине в стене, откуда якобы появлялся мертвец. И на самих стенах пояса мелких изображений «обозревало» обыкновенно огромное изображение хозяина гробницы. Предполагалось, что глядя на изображенные заупокойные обряды, богатые трапезы, производство и доставку приношений умерший действительно переживал изображенное. Кое-что из этого круга изображений можно было встретить и на стенах царских поминальных храмов, но сообразно сану хозяина здесь много внимания было уделено общению его со своими богами, государственной и придворной жизни. Многое могло быть рассчитано и на возбуждение почтения у посетителей к почившему властелину.

Круг изображений в частных гробницах был более или менее определенным, хотя художнику и не возбранялось вносить от себя те или иные изменения или добавления, порою даже забавного порядка. Живость подачи до некоторой степени зависела от мастера, но больше всего ее, пожалуй, в изображениях необычных, когда художник не был связан готовым образцом. Военные изображения были исключительно редки в вельможеских гробницах. Одно такое изображение находится в гробнице областного князя начала VI царского дома в Дешаше и посвящено взятию египтянами ханаанской крепости. Тревога и отчаяние осажденных, материнская нежность полонянки переданы замечательно. В гробнице Анх-муа-храу (Анх-мэ-хроу) того же времени на изображении тоже незаурядном показано горе осиротелых домочадцев — от самого бурного до мрачно-понурого. На обломке изображения, единственного в своем роде, представлены голодающие кочевники. Их крайнее изможденье, полное бессилие мужчин по сравнению с женщинами, напрасные попытки обмануть голод и трогательная взаимопомощь переданы с жуткой достоверностью.

На рубеже III и IV царских домов еще были колебания относительно способа выполнения изображений на плоскости: колебались между живописью и разного рода резьбой. В годы строительства великих пирамид, в пору величавой каменной простоты настенным изображениям вообще не было места ни в гробницах, ни поминальных храмах. С возвратом к изобразительной отделке в конце IV — начале V царских домов окончательно остановились на изображениях плоско-выпуклых и расписанных, правда, отдавая предпочтение на открытых местах врезанному очерку с выпуклою резьбой внутри, а позже в замурованных склепах-подземельях — стенописи.

Если для призрачной жизни царского трупа нужен был склеп, а для «*двойника*» был нужен поминальный храм, то кому было надобно чудовищное надгробие — пирамида?

Старому царству имя представлялось особой душой или сущностью. Мы имели уже случай упомянуть об этом. Имя жило, ему могло быть плохо. Его можно было доставить, с ним вместе благоденствовать. Знание его давало власть над его носителем, почему выгодно было быть с сокровенным именем, неведомым даже родной матери. Но эта сущность обозначала личность, сохранение имени означало сохранение личности. И надписи пирамид говорят о вечности царя в прямой связи с сохранением имени. А трепетное памятование имени царя грядущими поколениями не означало ли продление его власти навеки?

«О, (царь) такой-то!
Живет имя твое во главе живых».
«Восстань, (царь) такой-то
на престоле твоем во главе живых!
Страх твой это в сердцах их.
Живет имя твое на земле.
Не погибнешь ты, не кончишься ты
во веки вечные!»

Пирамиды VI царского дома содержат заклинания, которые можно было бы назвать службою пирамид:

«О, девятка (богов) *большая,*
что в (городе) *Ане* (Оне, Илиополе)*!*
Да дадите вы крепким быть (царю) *такому-то!*
Да дадите вы крепкой быть пирамиде этой
(царя) *такого-то!*
работе его этой,
во веки вечные,
как крепко имя Атамы (Атома),
что во главе девятки большой!»

Следует одиннадцать заклинаний, построенных примерно по одному образцу:

«(Как) *крепко имя такого-то* (божества),
(так) *крепко имя такого-то* (царя)
(раз просто:) (так) *крепок такой-то* (царь),
(так) *крепка пирамида эта такого-то царя,*
(так) *крепка работа его эта*
равным образом во веки вечные!»

или:

«(Как) *крепко имя такого-то* (божества)
(так) *крепко имя такого-то* (царя),
(так) *крепка пирамида эта*
равным образом во веки вечные!»

Связь между царским именем и пирамидой очевидна. Недаром, как сообщает один из указов VI царского дома, на вершине пирамиды царя Мин-куу-рии (Мен-ке-рэ, Микерина греков) было вырезано его имя. И пирамида действительно могла закрепить навеки имя строителя. Чем больше, чем нерушимее, чем удивительнее была она, тем больше вероятия было увековечиться в ней. Имена создателей великих пирамид поныне известны всему свету. Пирамида, воплощавшая имя царя, казалась уже самим царем, а слово «*пирамида*» представлялось его именем! В пирамиде видели божественное существо и ее величали «*госпожою*».

Чтобы умершему и его «*двойнику*» жить безбедно, питаться не только по праздникам, но и повседневно, чтобы мертвецу «*делаться блаженным*» посредством волшебных обрядов, пирамида и частная гробница одинаково нуждались в надлежащих установлениях. К той и другой приписывали владения, обязанные поставками жертвенного продовольствия, для той и другой учреждали жречество («*слуги бога*» у царя, «*слуги двойника*» у частных лиц), которое за соответствующее обеспечение должно было «*вечно*» править поминки. Люди менее состоятельные довольствовались получением жертв со «*стола*» богатых покойников, после того как яства полежат там некоторое время. Но на это надо было еще получить право, а заупокойных жрецов надо было нанимать.

Но и при самых скромных расчетах построить гробницу, испещрить ее изображениями, надписать заклинаниями и самопрославлениями (чтобы вызвать расположение посетителей), обставить изваяниями, снабдить жертвами и жрецами могли только люди со средствами.

Мы видели, насколько господствующие верхи сосредоточили в своих руках тогдашнюю науку. Вельможи бывали главными заклинателями при жизни. И чародеями они оставались по смерти. Это они — «*блаженные*», «*гораздые*», «*снаряженные*», знающие «*волшебство тайное* (царского) *местожительства*», знающие всё, что полезно «*блаженному*» на кладбище. Это они, «*блаженные*», «*гораздые*», «*снаряженные*», в силах вступиться на потустороннем судилище за того, кто уважит их память, но также в силах свернуть, как птице, шею тому, кто осквернит их гробницу. «*Блаженные*» были отличены от простых «*мертвых*». И когда на том свете появлялся царь, «*блаженные*», они же «*незаходящие* (звезды)», только склонялись, простые же «*мертвые*» падали «*на лица свои*».

Простым людям были недоступны ни гробницы, ни изваяния, ни жертвы, ни «*вечное*» поминовение, ни сообщающие «*блаженство*» заклинания. Мы не знаем точно, на что обрекали господствующие представления народные низы на том свете, но из надписей явствует, что беспомощному мертвецу там угрожали голод и жажда, доводящие до поглощения собственных испражнений, и полное уничтожение.

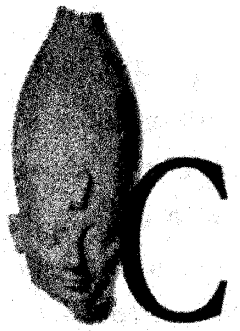
Отдельные челядинцы больших господ удостаивались иногда надписанного именем изображения на стене хозяйской гробницы, во вторую половину Старого царства даже именного изваяния, но и в том и в другом случае в гробнице хозяина и за работою на него — на веки вечные. Возможно проследить, как какой-нибудь бедняк надписывал своим именем первые попавшиеся безымянные изображения на стене вельможеской гробницы — в надежде хотя бы так приобщиться вечности...

Царя, мнившего себя земным богом, по смерти превращали в хозяина не одной земли, но и неба. Его вельможи, владевшие при жизни всеми житейскими благами и всею волшебной мудростью, превращали себя по смерти в полубогов. От ответственности перед загробным судилищем — богов считали владыками правды и любящими ее — царь и его приближенные отделывались всемогущими заклинаниями. Он и знать только возвеличивались со смертью. Простой же народ, сходивший в убогие и безымянные могилки, должен был впадать в окончательное ничтожество.

ГЛАВА III

СРЕДНЕЕ ЦАРСТВО

С ИСХОДА III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ПРИМЕРНО ДО 1600 ГОДА; IX—XVII ЦАРСКИЕ ДОМА



Среднее царство было действительно средним между резко различными Старым и Новым царствами, так как означало ломку и изживание того, что отличало первое, и нарождение и утверждение того, что должно было стать отличительным для второго. Старому царству на смену настало государство рыхлое и неустойчивое, а то и просто расколотое, потрясаемое гражданскими войнами и испытавшее вторжение извне. Чем же было Среднее царство: порою упадка или порою роста производительных сил?

Старое царство употребляло медь в естественном ее виде без искусственного приплава. Те несколько медных предметов, которые принимались за изделия Старого царства и в которых найдена была значительная примесь олова, нуждаются в проверке, действительно ли они так стары. Слово, которое принято переводить как «*бронза*», известно было как будто Старому царству, но первоначальное значение этого слова могло быть шире: еще при XII династии в эфиопские рудники ходили за так называемой «*бронзой*», хотя ясно, что там добывали естественную руду, а не искусственный сплав.

От времени XII царского дома сохранилось некоторое количество предметов, в том числе орудий производства, из сплава меди с оловом, где доля последнего настолько значительна, что назвать сплав иначе, как бронзой, нельзя. Из него имеются и небольшие изображения, которые можно возвести ко времени накануне XII дома. Однако в «бронзовом» веке Среднее царство еще не жило.

Орудия производства, найденные в городских развалинах времени XII дома, оказывались из естественной меди, и вообще подавляющее большинство медных предметов Среднего царства оказывалось из нее. Только наряду с ковкой стало,

возможно, шире применяться литье. Было найдено зараз четыре ларца времени XII дома, отлитых из меди, должно быть, в закрытых изложницах.

Школьное поучение, возводящее себя ко дням IX—X царских домов, зовет дерево пашнею древодела, а медь — его мотыкою. Однако каменные орудия продолжали бытовать и в Среднем царстве. В городских развалинах времени XII царского дома, неподалеку от тогдашней столицы и совсем рядом с царской пирамидой, были найдены кремневые топоры, тесла, ножи, мелкие скребки или ножички, лезвия серпов. Там же была найдена кожаная сума, в которой — совсем, как в давние времена, — лежали бок о бок остатки медных орудий и куски кремневых ножей и кремневые ножички. В двух гробницах времени XI и XII царских домов, правда, несколько поодаль от столицы, изображено было производство кремневых ножей, притом в более поздней особенно подробно.

Виды орудий в Среднем царстве заметно множились и совершенствовались. Наборы небольших подобий медных орудий из погребений XII царского дома разнообразнее таких же наборов из гробниц Старого царства. Попадаются новые виды режущих орудий, один — при XII царском доме — довольно сложного устройства. Лезвие у топоров при том же доме бывало значительнее, чем в старину, и они бывали прочнее прикреплены к топорищу. Деревянные молоты-колотушки уже при XI царском доме были часто толще и, следовательно, действеннее, чем в Старом царстве. Большое распространение с XI дома получили плуги с крутым заворотом рукоятей, облегчавшим подъем и нажим; ко времени XII дома восходят предвестники новоегипетских плугов с отвесными рукоятками, уже заметно отличные от плугов Старого царства. Большим усовершенствованием была замена не позже XI дома наземной зернотерки прилаженною наклонно на подставке. Тем самым мучительное перетирание вручную зерна между двумя жерновами не осложнялось коленопреклонным положением, а мука стекала между жерновов во вместилище спереди. Также не позже XI царского дома было преобразовано приспособление для выжимки плодов — мешок с подставным чаном, закручивавшийся шестами. Мешок и чан были помещены внутри деревянной установки, и закручивание производилось теперь всего одним шестом. Впрочем, старые орудия продолжали употребляться наряду с усовершенствованными.

Стала намечаться новая отрасль промышленности — стеклоделие. От Старого царства до нас дошли бусы, которые, в отличие от большинства им подобных со стеклянною корою вокруг нестеклянного ядра, целиком из стекла, но так малы, что нестеклянное ядро могло быть спалено при наведении стеклянной оболочки. Напротив, несколько стеклянных вещиц времени XII царского дома такого размера, что случайное сожжение чужеродного ядра предположить нельзя.

Распад страны после Старого царства на полунезависимые, а то и враждебные области и даже царства не мог не отозваться гибельно на осушительно-оро-

сительной сети, требовавшей согласованного надзора и управления. Водораспределительная сеть была основою хозяйственного благополучия страны, и неудивительно потому, что надписи времени распада, между VI и X царскими домами, полны сообщениями о голоде, доводившем подчас население до людоедства. Владетель одной из главных верхнеегипетских областей в дни X дома считал примечательным достижением своего правления то, что прокопал засоренный канал, мог подавать воду в самый полдень, устроил канал для своего города, когда остальной Верхний Египет не видел воды, заставил реку наводнять старые места, прекратил раздоры из-за воды и был богат ячменем, когда страна была «на мели». О другой верхнеегипетской области известно, что там ко времени X царского дома завелись такие болотные заросли, что служили укрытием в гражданскую войну.

С XII царским домом, однако, по воссоединении Египта в конце предшествующего дома, положение изменилось. Известия о голодовках идут резко на убыль. Мало того. На стыке Верхнего и Нижнего Египта в западной пустыне лежало большое озеро. Местность эта зовется ныне Файюм. К концу XII дома у озера удалось путем осушки отвоевать большие пространства плодородной земли.

Новый упадок оросительного хозяйства не мог не последовать, когда после XII дома настала нескончаемая смута, и, действительно, в надписях учащаются упоминания голодных времен.

Изображения времени XII царского дома говорят о нововведении в скотоводстве: наряду с древней породой баранов с развесистыми рогами появляется новая, современная, с подогнутыми рогами, которой суждено было со временем заменить первую. Для Среднего царства впервые засвидетельствован петух, оставшийся, впрочем, редкостью и в последующем Новом царстве.

Иноземные источники сырья и связи с ними не только не сократились, но умножились и расширились. Еще от времени XI царского дома до нас дошло жизнеописание «*казнохранителя бога*», т. е. доверенного фараона по доставке ценностей, объездившего множество горных промыслов и привозившего царю всевозможную медь и каменья: бирюзу, лазоревый камень и т. д. Месторождения меди и бирюзы на Синайском полуострове были при XII царском доме испещрены египетскими надписями. Около некоторых месторождений надписи появляются теперь впервые. Груды отходов, скопившихся около того времени в разных рудниках, свидетельствуют доныне о размерах добычи в них меди в древности. Впервые в начале XII дома мы слышим о добыче египтянами самоцветов (аметистов) в северной Эфиопии между рекою и Красным морем. Золото, которым щедро пользовалось Среднее царство — золотых дел мастера достигли к концу XII царского дома в приготовлении уборов изумительного мастерства — добывалось теперь не только в среднем Египте в восточной пустыне, но определенно

также в Эфиопии. Судя по находкам, серебра у Среднего царства стало как будто больше, чем у Старого.

Необыкновенно тесными стали и связи с поставщицей отборного леса — Финикией, где город Губла (Вивлос греков) стал настолько египетским, что иные его правители надписывали по-египетски печати и утварь, величая себя тем же званием, что и областные владетели в Египте. Даже в разгар сокрушительного восстания низов египетские верхи плакались о прекращении подвоза кедровых дерева и масла.

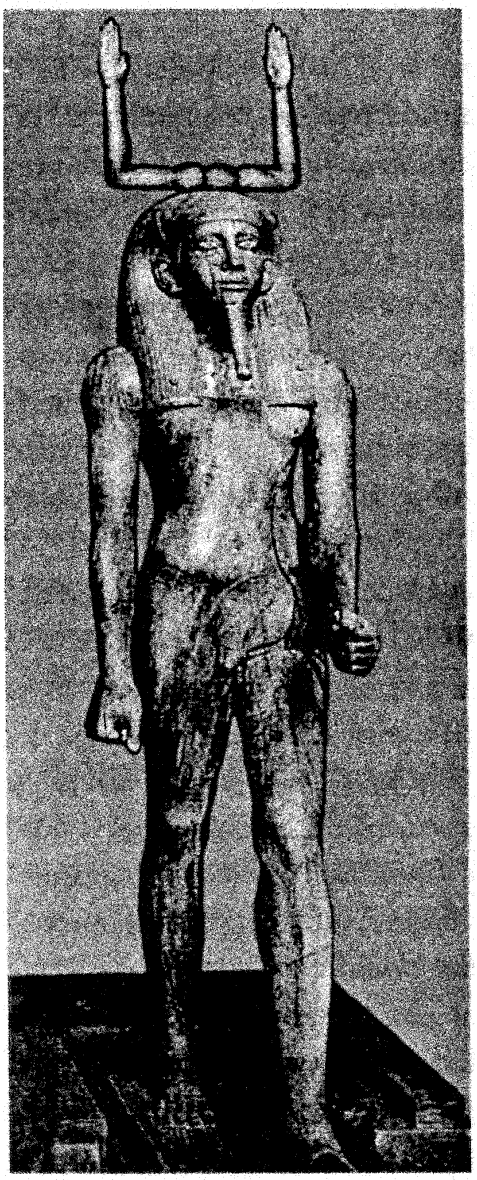
Еще при XI царском доме правительственный корабль ходил за благовонной смолою в южное Красноморье и шел кратчайшим путем не с красноморского севера, а из места подле нынешнего Косэра, на широте часто посещавшихся в Среднем царстве каменоломен, дорога куда через пустыню была теперь снабжена колодцами. Новое пристанище оказалось таким удобным, что им пользовались и при XII царском доме. Живой отголосок плаваний по южным водам звучит в сказке о потерпевшем кораблекрушение, сохраненной тогдашней рукописью, одним из сокровищ Государственного Эрмитажа. Выброшенный на остров к страшному с виду, но добродушному змею, мореплаватель был снят оттуда египетским кораблем, доставлен ко двору вместе с подарками змея: благовонной смолой, фимиамом, маслом, слоновой костью, хвостами жирафов, псами, обезьянами, и за все награжден фараоном.

Поддерживались связи с северным Средиземноморьем. Так, Среднее царство пользовалось критской посудой, а Крит — его изделиями.

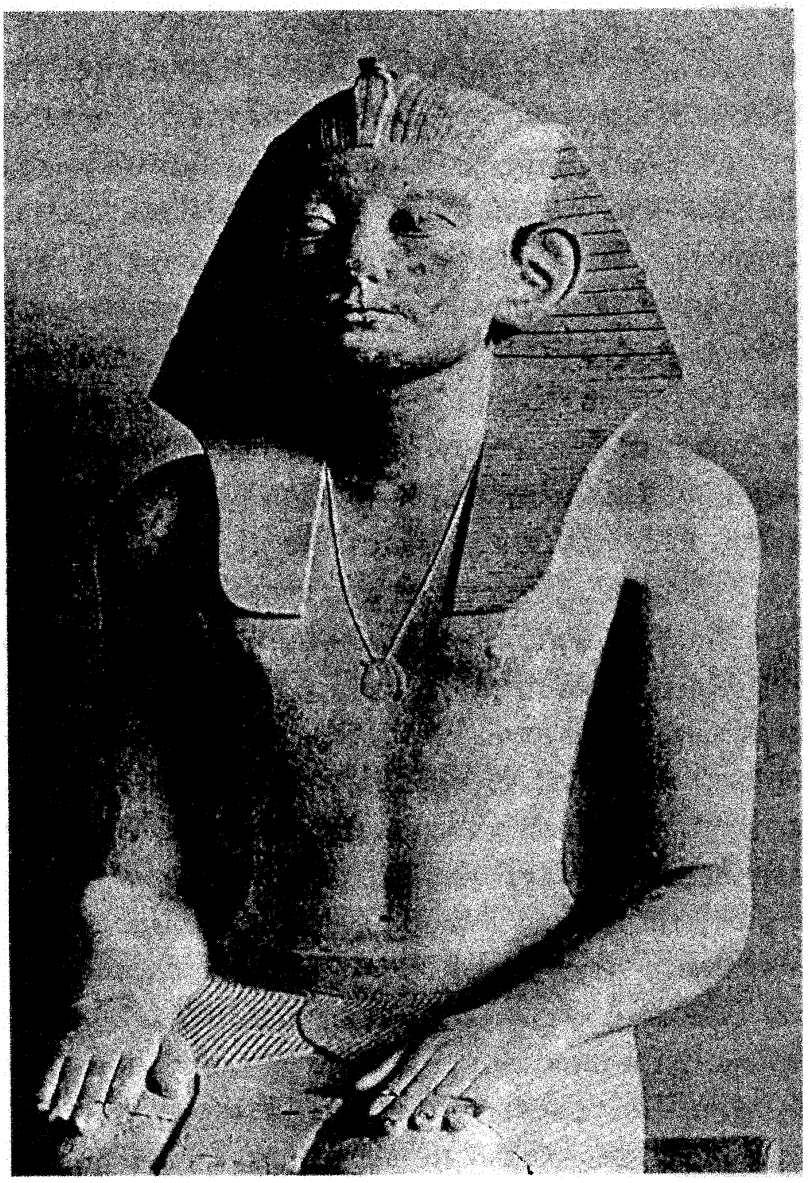
Итак, несмотря на хозяйственные трудности вначале, Среднее царство означало рост производительных сил, притом рост, чреватый последствиями в будущем. Не значит ли это, что свержение Старого царства высвободило такие производственные возможности, которые его производственными отношениями были скованы? Но в чем среднеегипетские производственные отношения разнились от старых?

В Среднем царстве своими людьми располагали часто рядовые служащие и даже вовсе нечиновные лица. У знати, конечно, людей было не в пример больше — один сановник XII царского дома взял с собою в каменоломни одних своих «*кравчих*» 50 человек, — но и у простых смертных число людей бывало значительным.

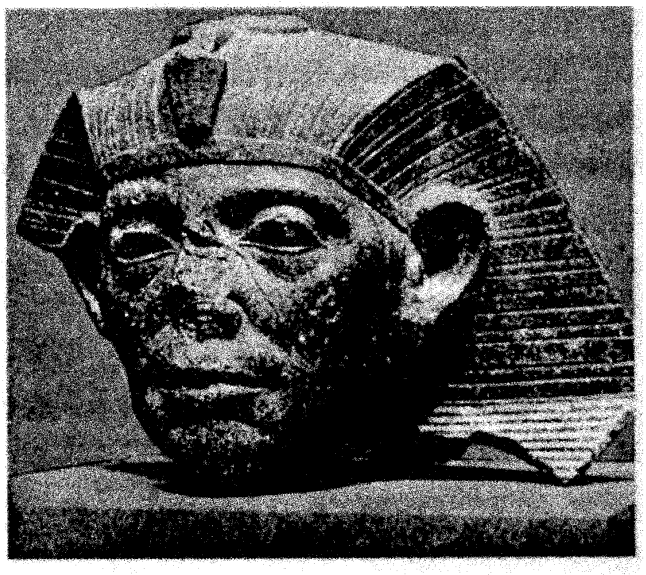
По самим обозначениям их видно, что одни прислуживали хозяевам («*чашник*», «*кравчие*», «*провожатые*»), а другие служили только производителями («*землепашцы*», «*садовники*», «*пекари*», «*пивовары*», «*сластник*», «*прачешники*»). За своею работою или с ее принадлежностями слуги и работники изображены на стенах хозяйских гробниц, на хозяйских заупокойных плитах, в виде деревянных куколок, ставившихся в гробницы для службы умершему. В росписях усыпальниц знати работники обычно трудятся сообща под открытым небом или



▲ *Деревянная статуя, изображающая Ку (Ко) фараона Хары (Хора), XIII династия*



▲ *Статуя Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III, XII династия*



▶ *Голова статуи Са-на-уасрэ (Се-н-восре) III, XII династия*

в мастерской; «куколки» тоже бывают соединены вместе в многолюдные «действа»: ткацкую мастерскую, столярную, пекарню, рыбацкие подразделения и т. д.

В одном ряду со слугами и работниками, обозначенными по роду производимой работы, попадаются часто такие, которые названы попросту слугами. Обыкновенно это «*служанки*»; мужчины-«*слуги*» упоминаются, но куда реже. «*Служанки*» встречаются нередко и у лиц нечиновных, а у богачей их бывает помногу. Некоторые из них прислуживали хозяевам — например, «*служанки*» с зеркалами, — но «*служанки*» определенно использовались и на тяжелой работе с зернотерками. Полагают, что «*слуга*» (***хам***) было сокращением обозначения «*слуга царев*», а словом «*служанка*» (***хама***) обозначали женщин тех же «*слуг царевых*». Об этих последних речь будет ниже.

Нередко у частных лиц бывали «*сирияне*» и «*сириянки*». Иногда производственное их использование указано самими памятниками. Так, мы видим одних и тех же «*сириянина*» и «*сириянку*», занятых в личном хозяйстве служащего при верховном сановнике то уборкою урожая — «*сириянин*» жнет, «*сириянка*» подбирает колосья, то пивоварением — он несет пивные сосуды, она варит пиво; у другого подобного служащего мы снова находим «*сириянку*», подбирающую колосья. Скромный надзиратель за жреческой чередою Аманайа-санби (Аменой-сомпе) из города Абады (Эбота, Авидоса греков) изобразил на своей заупокойной плите двух «*сирийцев*» и одну «*сириянку*», занятых хозяйственными работами вместе с его братьями и сыном(?). Один «*сириец*» работает то на поле сеятелем, то в пивоварне, другой трудится в ней же и назван «*пивоваром-сирийцем*». «*Сириянка*» растирает зерно на зернотерке. У одной царской приближенной времени XI дома было не менее двух служанок родом из северной Эфиопии. Войн Среднее царство вело достаточно, и иноплеменные рабы могли быть из пленных. О войнах XII царского дома с западными соседями — ливиянами и южными эфиопами прямо повествуется, что они сопровождались захватом не только скота, но и пленных.

Сохранилась купчая на двух сириянок и одного или двух детей-«*сириян*», заключенная при XII царском доме. Возможно, путем покупки «*достал*» сановник начала Среднего царства свои 20 «*голов*». Заметим, что о пашне, приобретенной по «*договору*», и о скоте, к которому приставил пастухов, сановник толковал особо. «*Головами*» подневольные люди стали именоваться впервые в Среднем царстве.

Людей также наследовали. Старший скотовод похвалялся при XI царском доме, что люди его отца были из детей дома — из имущества («*вещей*») деда и имущества бабки, а люди его самого были из имущества отца и имущества матери и лично своего имущества, приобретенного «*своею рукою*». Тем, что он «*богатый быками, сын богатого быками*», «*владыка ослов, полей, гумна*», скотовод

хвалился отдельно. От времени XII царского дома имеются два завещания, из которых по одному служащий передавал брату-жрецу своих людей, а в другом брат передавал дальше 4 «*головы*» «*сириян*» своей жене. Рабов завещали и перезавещали особо от прочего имущества «*в поле и городе*» и, перезавещав, разрешали получателю передавать любому из детей отдельно от такого же разрешения на передачу перезавещанных вещей.

Наконец, «*головы*» жаловал фараон. Сподвижник воинственного царя XII дома рассказывал, что при зачислении за доблесть в царские телохранители получил 60 «*голов*», а при производстве после эфиопского похода в начальники телохранителей еще 100 «*голов*» в награду. Пожалование «*голов*» было, по-видимому, правилом при назначении телохранителей: даже в сказке назначенный таковым наделялся «*головами*». При этом там и тут «*головы*» жалуются без земли, хотя в жизнеописании одного из гражданских деятелей того времени мы читаем о награждении его 20 «*головами*» и 50 «*сатами*» (т. е. свыше $13^1/_2$ сотен кв. м) пашни.

В перечисленных источниках мы могли не раз отметить обособление зависимых людей от средств производства. О том же имеются еще несколько свидетельств. В начале Среднего царства один богатый горожанин и другой зажиточный, но нечиновный человек, имея каждый людей, хвалились, что пахали своими упряжками. Тем же и тогда же похвалялся знатный барин, присовокупляя, что и молотил своими ослами. В конце Среднего царства ему во всем вторил жрец, «*владыка челяди, богатый скотом*».

Но в частных хозяйствах бывали и производители, определенно наделенные землею. От начала XII царского дома известны два договора областного владетеля с жрецами местных богов о заупокойном служении его изваянию. Взамен учредитель дает жречеству областного божества «*четверик низового ячменя с поля всякого дома личного из начатков жатвы дома областеначальника*», жрецам же другого местного бога «*низового ячменя четверик из начатков жатвы поля всякого дома областеначальника*», и оба договора говорят о том, как будет вносить свою меру в храмы «*земледелец его всякий из начатков поля своего*». Ясно, что хозяйство владетельного учредителя зиждилось в какой-то мере на труде земледельцев, возделывавших каждый свой участок земли.

На заупокойной плите военачальника-градоначальника (областеначальника?), примерно той же поры, изображены и поименованы 6 «*землепашцев*» из числа личных людей умершего, несущих ему поминальные дары. Поскольку предыдущий вельможа и этот военачальник были одинаково местными владельцами, естественно предположить, что и «*землепашцы*» у них были одинаковые. То же можно предположить и относительно «*землепашцев*», упомянутых у одного областного владетеля конца Среднего царства.

В гробнице сановника того же времени перечислены в составе челяди 20 «*слуг царевых*». «*Слуга царев*» поименован на плите важного городского сановника и даже на плите второстепенного служащего, в последнем случае вместе со «*служанкой*», «*сириянкой*», «*чашником*», «*прачешником*», двумя «*пивоварами*» и «*садовником*» (середина XII царского дома). Кто такие были «*слуги царевы*», — поясняет одна из приписок к изображению пищевой мастерской в гробнице верховного сановника начала XII дома. Мальчика, просящего у работника лакомства, тот обзывает порождением бегемота, прожорливее «*слуги царева*», когда он пашет. «*Слуга царев*» здесь земледелец, и, так как неправдоподобно, чтобы работник имел в виду каких-то сторонних земледельцев, а не работавших тут же в хозяйстве его господина, позволительно думать, что земледельцами у верховного сановника были те же «*слуги царевы*». Что «*слуги царевы*» были земледельцами, доказывает и словоупотребление времени непосредственно до и после Среднего царства. Мы уже встречались со «*слугами царевыми*», жрецами областеначальников VI царского дома, и еще встретимся со «*слугами царевыми*» как общим обозначением земледельческого населения в первой половине Нового царства.

Что «*слугами царевыми*» были и среднеегипетские «*землепашцы*», более чем вероятно. На плите военачальника 9 мужчинам, людям лично его: «*землепашцам*», «*пивовару*» «*чашнику*», противопоставлены 10 «*служанок*» (слово «*служанка*» у одной разрушено). В гробнице же сановника конца Среднего царства 20 «*слугам царевым*» противопоставлено 20 (21?) «*служанок*». Затем на плите второстепенного служащего «*слуга царев*» находится в окружении тех же людей, что и «*землепашцы*» у военачальника, а обе гробницы конца Среднего царства, из которых одна называет «*землепашцев*», а другая — «*слуг царевых*», не только одного времени, но и расположены в одном месте.

Нельзя не предположить, что большинство мужчин и женщин у военачальника и особенно у сановника конца Среднего царства были мужьями и женами. В сказке у девушки, прислуживающей в доме жреца, брат вяжет лён на гумне. Советский ученый О. Д. Берлев убедительно показал, что вся вообще домашняя «*челядь*» в Среднем царстве (помимо иноземных рабов) набиралась из «*слуг царевых*» и из женщин-«*служанок*». От времени XIII царского дома дошла примечательная ведомость, содержащая длинные поименные перечни «*слуг царевых*» и «*служанок*» и «*сирийцев*» и «*сириянок*» с указанием рода занятий производственных или домашних.

Видимо, с наступлением Среднего царства в производственных отношениях в сельском хозяйстве многое видоизменилось. «*Отряды*», как и встарь, упоминаются на кораблях, но нет как будто памятников, которые говорили бы об «*отрядах*» в полеводстве, как мы то наблюдали в Старом царстве, или хотя бы о начальниках, руководителях, наставниках, писцах таких «*отрядов*». Это не значит,

конечно, что из земледелия должны были исчезнуть всякие рабочие подразделения. «*Пятерочницы*(?)», работавшие в Старом царстве на вельможеском току, редко на поле, по-видимому, сохранились. Во всяком случае, в начале Среднего царства «*пятерочницы*(?)» еще существовали, а в начале XII царского дома областеначальник похвалялся, что не было земледельца, которому бы он возбранил, пастуха, которого бы он отстранил, «*начальника пятерочников*(?)», которого людей он взял бы на (?) свою работу.

Далее. При XII царском доме областеначальники в подмогу «*отрядам дома собственного*» привлекали в страдную пору жнецов со стороны, и ими были «*слуги царевы*» — видимо, государственные земледельцы подвластной области. А в Среднем царстве, как мы только что видели, «*слугами царевыми*» оказываются работники самих частных хозяйств.

На смену «*отрядам*», выполнившим любую работу, на которую благоугодно было их направить, приходил производитель, бывший земледельцем по самому роду своих занятий.

Некоторые перемены произошли и в положении ремесленников. Если уже в Старом царстве отдельные мастера достигали сравнительно обеспеченного положения, то в Среднем царстве такие ремесленники встречаются много чаще. От среднеегипетских «*землепашцев*» до нас не дошло как будто памятников, но от простых ремесленников, таких, как прачешник, пивовар, горшечник, древодел, каменотес, золотых дел мастер, медник и т. д. дошли каменные плиты с надписями и изображениями и даже надписанные изваяния. Как ни зло глумился мудрец в поучении школьнику-сыну над невзгодами ремесел, превознося благополучие писца, имущественное и общественное положение значительной части ремесленников было навряд ли многим хуже, чем рядовых писцов. И должностные лица, в частности ремесленные начальники, не гнушались на своих памятниках общества простых мастеров, даже значились с ними в родстве. Начальники ремесленников были сами знатоками своего дела, часто, как простые ремесленники, перенимали ремесло у отца, хотя некоторые были детьми мелких служащих или роднею высокопоставленных лиц. Трудно найти памятник простого ремесленника, где были бы упомянуты слуги или рабы; на плите каменотеса за рассечением быка для поминок пришлось изобразить брата. Зато у одного начальника золотарей было не менее двух служанок со взрослыми детьми от каждой. Ремесленники объединялись по роду занятий и в совокупности представляли определенную силу. Каменотесы составляли даже особое «*войско*» с развитым управлением и подразделениями; принадлежности к этому «*войску*» не стыдились вполне вольные женщины и мужчины.

Вместе с ремесленниками подняли голову и другие рядовые египтяне, в том числе разные мелкие служащие. Памятники их мы встречаем теперь на каждом шагу.

С конца Старого царства источники начинают поминать наряду с «*большими*» «*малых*» и положительно пестрят ими в последующее время вплоть до начала XII царского дома включительно. «*Малые*» Среднего царства на памятниках своих выставляют себя богатеями, благодетелями родного города и даже соседних местностей, крупными сановниками с высокими придворными и государственными званиями. В своих жизнеописаниях лица, величающие себя «*малыми*», охотно делают упор на успехи, достигнутые «*рукою собственною*», и воинскую доблесть. В дни XI царского дома даже родовитые областные владетели с гордостью величали себя «*малыми сильными*». «*Малые*» владели помыслами сказителей. В круге сказок, дошедших до нас в рукописи конца Среднего царства, но рассказанных или пережитых якобы при дворе царя IV дома Хуф-и (Шуф-и, Хеопса греков), «*малые*» выведены дважды. То это дерзкий, но кончающий плохо прелюбодей, соперник знатного волхва, — в этой сказке усматривают отражение борьбы между «*малыми*» и знатью; то дерзновенный чародей, поучающий самого Хуф-и (Шуф-и) человечности. Это не мешает колдуну-«*малому*» побарски употреблять своих слуг для удовлетворения прихотей. И в другом среднеегипетском произведении главное действующее лицо — волхв-«*малый*», и он богаче любого, подобного ему.

Но сколько ни росла по числу и значению средняя прослойка общества, противоположность между верхами и низами оставалась разительной. Ее можно воочию наблюдать по развалинам города около одной из царских пирамид середины XII царского дома (у нынешнего эль-Лахуна при входе в Файюм). Рабочее население жило невероятно скученно, в жилищах из нескольких крошечных каморок, тогда как богатые дома представляли собою каждый целое хитросплетение из многих десятков небольших помещений и нескольких покрупнее, иногда со столбами внутри, расположенных неравномерно вокруг двора с навесом на столбах же.

Продовольственные и вещевые выдачи продолжались в Среднем царстве. От второй его половины сохранились части придворных приходно-расходных книг и иные счетные записи, и по ним можно видеть, сколько народу постоянно и по случаю пользовалось государственными продовольственными выдачами: чернорабочие, ремесленники, слуги, телохранители, второстепенные должностные лица, высокопоставленные сановники, вплоть до самых высоких, члены их семей, даже члены царской семьи, жившие своим домом. Также и лица, состоявшие при храме, получали оттуда продовольствие. К сожалению, мы не достаточно осведомлены о вельможеском хозяйстве Среднего царства, но вытеснение «*отрядов*» «*землепашцами*» не могло не сопровождаться сокращением выдач, хотя они все-таки имели место. Сохранилось изображение раздачи служащим и домочадцам областного владетеля рыбы и водяной птицы, но, в полную противоположность соответственным изображениям Старого царства, в личном порядке, не для кормления

рабочих отрядов. Зато среднеегипетские источники позволяют определенно утверждать, что пищевые мастерские обслуживали не только хозяина и его приближенных, но и производителей: из надписей в каменоломнях следует, что при XI—XII царских домах толпы участников походов за камнем кормились за счет государственных и вельможеских пищевых мастерских.

Тем не менее появление в стране множества хозяйств ограниченной производственной мощности и разносторонности не могло не способствовать развитию обмена. В одной повести рассказывается, как при IX—X царских домах селянин из Соляного оазиса (ныне Вади Натрун), когда у семьи кончился хлеб, отправился купить новый в столицу и на продажу вез на осле местные блага: соль, натрон, барсовые и волчьи шкуры, птиц, дерево, растения и т. п. По дороге селянин был ограблен человеком большого барина, у которого затем красноречиво, но долго и безуспешно искал справедливости. Любопытно, что советники расхолаживали вельможу догадками, не попало ли селянину за отход к другим — в поставщики? При XI царском доме небольшое частное хозяйство — заупокойного жреца — продавало на сторону ткани собственного производства (спрос на ткани мог возрасти в связи с распространением более длинных мужских передников, а также плащей). Хотя зерно оставалось распространенным средством оценки и расплаты — наряду с ним охотно платили также одеждой, — но все-таки примечательно, что стоило пасть Старому царству, как в составе платы за услуги уже названа медь («*хлеб, зерно, медь, одежды, умащение, мёд, всякие вещи*»). В конце Среднего царства мерилом стоимости служило золото: сановник платил другому за доходную статью «*золота кругов 60 золотом, да медью, да одеждою* (и) *зерном*», т. е. давая золота, меди, одежды и зерна на 60 «*кругов*» золота («*круг*» = 91 гр.). В начале XII царского дома за услуги было раз заплачено «*серебром, золотом, медью, притиранием, одеждой, низовым ячменем, пшеницей*». Из последовательности: «*серебро-золото-медь*» можно сделать вывод, что серебро тогда было еще дороже золота, хотя к концу Среднего царства оно было уже в 2 раза его дешевле. Во вторую половину Среднего царства толковали о «*голове*» (основной сумме) и росте на нее. Как и следовало ожидать, зерновые ссуды были по-прежнему обычным явлением.

Хотя среднеегипетский язык являл отход от староегипетского в сторону новоегипетского, он все же был много ближе к первому, чем ко второму. Иначе обстояло с письмом. Ко времени XII царского дома наряду с беглым книжным письмом выработалась настоящая деловая скоропись (книжное и деловое иератическое письмо), вовсе не похожая на староегиетские почерки, не говоря уж об общем прародителе — изобразительном по виду письме надписей и священных книг (иероглифическом письме). Развитие скорописи не могло не стоять в прямой связи с оживлением и усложнением хозяйственной жизни.

Общий подъем хозяйственной и общественной жизни мог благотворно сказаться на науке. Именно Среднему царству принадлежит несколько списков задачников, хотя за гибелью книг Старого царства нельзя установить, насколько потомки опережали здесь предков. Как бы то ни было, среднеегипетская счетная и землемерная наука, несмотря на крайнюю громоздкость образования дробей, решала хитрые задачи, орудовала понятием неизвестного, π как 3,16, вычисляла объем усеченной пирамиды и, возможно, поверхность полушария. Последние два достижения читаются в рукописи конца Среднего царства, хранящейся в Государственном музее изобразительных искусств в Москве. От Среднего царства дошли также остатки лечебника по женским болезням и лечебника для животных. Концу Среднего царства принадлежит справочник-словник, содержащий свыше 300 названий масел, птиц, растений, животных, хлеба, зерна, частей тела, эфиопских крепостей, верхнеегипетских городов, с приложением сокращенных обозначений для 20 видов скота.

Определенно новым духом повеяло в искусстве. Повышенное самосознание, гордость своим ремеслом сквозит в каждом слове пространной надписи, составленной еще при XI царском доме одним из «*распорядителей мастеров*» — «*мастером гораздым в ремесле своем*». «*Знал я походку мужского изображения* (и) *поступь женского, положения птиц* (и) *скота, осанку*(?) *поражающего*(?) *единичного* (врага), (как) *глядит око на другое,* (как) *наполнить страхом лицо пленных*(?) *врагов, поднятие руки у поражающего бегемота, поступь бегущего*». Временная утеря исполнительного мастерства после падения Старого царства была делом поправимым, и стоило стране воссоединиться под властью XI царского дома, как воссоздались условия для более тщательной выучки. Большим достижением Среднего царства было развитие живописи. Выдвинувшиеся теперь верхнеегипетские владетели высекали себе гробницы в скалах; ограниченность средств вместе с малою приспособленностью пещерных стен для высечения изображений предрасполагали к стенописи. Если живопись прежде сводилась больше к раскраске высеченных на стене изображений, то теперь она могла полностью использовать свои возможности для более живой и выразительной передачи действительности. Тонкая же наблюдательность, несмотря на условность изобразительных приемов, отличала лучших живописцев и ваятелей Среднего царства не в меньшей, если не в большей степени, чем их предшественников в Старом.

Принято думать, что непосредственною причиною крушения Старого царства были усиление областеначальников и безрассудная раздача фараонами своих земель и прав знати и храмам. Однако само по себе усиление местных владений не объясняет видоизмененния производственных отношений. Это, правда, не значит, что между тем и другим не существовало никакой связи.

В Старом царстве вельможеские земли обрабатывались трудом подневольных рабочих «*отрядов*». Но, в отличие от столичной знати, у областеначальников VI царского дома мы находим наряду с «*отрядами дома собственного*» «*слуг царевых*» — видимо, государственных земледельцев подведомственной области. Также в ремесленных мастерских столичной знати удается обнаружить лишь ее собственных мастеров, а в числе ремесленников, работающих лично на областеначальников, кроме собственных, еще государственных (царского «*местожительства*»).

Но областные владетели конца Старого царства предвосхищали среднеегипетские порядки и в ином отношении. Никто во вторую половину Старого царства так старательно не расписывал своих благодеяний маленьким людям, как областеначальники. И их преемники в Среднем царстве только подхватили их почин.

Усиление областных владетелей при VI царском доме, заметное главным образом по многочисленности их гробниц на местах, имело как будто определенный общественный смысл: князья были связаны с передовыми силами общества, были носителями передовых начал. К тому же сами областеначальники в целом даже при VI царском доме не представляли собою высшей знати. Отдельные их представители, как породнившиеся с VI царским домом владетели верхнеегипетского Тина, могли достигать большого влияния, но достаточно сравнить гробницы верхнеегипетских областеначальников, высеченные в скалах, небольшие и нередко скудно отделанные, с громадными, сложенными из тесаных камней и испещренными резьбою, гробницами столичных вельмож, чтобы убедиться в различии общественного положения.

При таких условиях временный союз между порабощенным народом, приниженными средними слоями и умаленными в своем значении местными владетелями против столичного вельможедержавия и его средоточия — царского самовластия был естественным делом. Но как рухнуло Старое царство и страна распалась на полунезависимые области, мы точно не знаем.

За последним видным представителем VI царского дома Пйапи (Пйопе) I последовало несколько бессильных властителей, известных лишь по царским спискам или позднейшим сказаниям, как фараон-женщина Нит-акра (Нит-окре). Странный VII царский дом известен только по Манефону (70 царей, правивших 70 дней!). VIII царский дом по тому же источнику был из Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков), но то немногое, что можно приурочить к его правлению, указывает скорее на Верхний Египет как место его деятельности. Вполне возможно, что VIII царский дом делил власть над страною с IX-м и отчасти X-м и XI-м. IX и X царские дома были из города Хининси (Хнэса, Ираклеополя греков) на севере Верхнего Египта и имели этот город своею столицею. Несмотря на крутость основателя IX царского дома Ахтайи (Ахтойя), память о которой дожила до дней

Манефона, царям из Хининси (Хнэса) так, по-видимому, и не удалось собрать страну под своею властью. Низовье, полное уже просочившимися с северо-востока иноземцами, было воссоединено с Хининси (Хнэсом) при X царском доме деятельным правителем, одноименным как будто с основателем царства в Хининси (Хнэсе). Тот же царь овладел на юге областью Тина, но южнее не пошел. Во вложенном ему в уста поучении сыну и преемнику Май-ку-рии (Ми-керэ) — знаменитый список этого поучения хранится в Государственном Эрмитаже — старый царь советует молодому жить в мире с царством, возникшим на юге Верхнего Египта. Оно выросло из области Уйсы (Висе, Фиванской области), распространилось на юг до самого Иба (Йэба, Элефантины греков), и местные владыки — несколько Ан-йатафов (Ан-йотефов), начавшие XI царский дом, постепенно из областных владетелей превратились в южноегипетских фараонов. Как бы добрососедски ни были настроены в Хининси (Хнэсе), столкновение между северным и южным царствами было неизбежным. Борьба велась сперва с переменным успехом, но конечная победа юга был предрешена. В этой войне северные цари зависели от своих областных владетелей, из которых некоторые едва ли не превосходили их могуществом, тогда как Уйса (Висе, Фиванская область), преодолев жестокое противодействие соседей, сплотила южную часть страны в достаточно прочное государство. Полагают, что то было облегчено ей богатством, ее плодородной землею в противоположность южным окраинам, располагавшим лишь узкими полосками прибрежной почвы. Последние Манта-хатпи (Менте-хотпы) XI царского дома были уже общеегипетскими царями, и при них мы снова слышим про победы над окрестными племенами и мирные походы в каменоломни и даже южное Красноморье. Расцветает и каменное строительство, большое и смелое, хотя и ни на что не похожее с точки зрения зодчего Старого царства. Ярким образчиком нового зодчества служит погребальное сооружение одного из Манта-хатпи (Менте-хотпов) в его столице (Нэ, Фивах греков).

Распад страны на обособленные и враждебные царства, столь губительный для земледелия, был изжит, но значение местных владетелей этим существенно поколеблено не было. В пору немощи царской власти при IX и X царских домах самостоятельность областных правителей была, естественно, особенно велика. Иной владетель, не именуя себя открыто царем и признавая на словах права своего «*владыки*» на утверждение в сане областеначальника или храмоздание, на деле строил из себя царька: вел летосчисление по годам собственного правления, величал себя сыном местного божества — в подражание фараоновскому «*сын солнца*», звал воинство области «*своим*» воинством и т. д. Воинские силы отдельных владетелей могли быть по тем временам значительными. Могущественный владетель Сиута (Сйовта) — в средней части страны, — поддержке которого в борьбе с югом X царский дом обязан был отсрочкою

своей гибели, хвалился победою, одержанною его войском над соединенными силами южного царства.

Воссоединение страны не внесло коренных изменений в положение областных владетелей, если не считать большей послушливости верховной власти. Даже тогда, когда после последнего представителя XI царского дома престол занял бывший, по-видимому, верховный сановник Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) и приступил к видимому возрождению древней государственности, положение областных владетелей осталось, по существу, непоколебленным.

Новый XII царский дом воцарился около 2000 г. и прочно владел властью до начала XVIII столетия. За два с лишним века сменилось всего лишь восемь властителей: Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I, Са-на-уасра (Се-н-восре) I, Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) II, Са-на-уасра (Се-н-восре) II и III, Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III и IV, фараон-женщина (Нефр-сук).

Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I обосновался не в Уисе (Висе, Фиванской области), а на юге, на рубеже Верхнего и Нижнего Египта, в укрепленном городе, многозначительно именовавшемся «*Забравшим обе земли*» и ставшем столицею XII царского дома. Он был расположен неподалеку от древних Стен Белых (Мемфиса греков) около нынешнего селения Лишт, а немного южнее находилась «*Земля озера*», нынешний Файюм, где у озера путем осушки при XII царском доме были отняты большие площади плодоносной земли. Новосозданный богатый округ под самою рукою у фараона мог служить вещественным подспорьем воссозданному единодержавию.

Другим видным знаком возврата к старине был отказ от царских надгробий в духе XI царского дома. По краю пустыни от южной окраины Стен Белых (Мемфиса греков) до входа в «*Землю озера*» и в ней самой вновь росли одна за другой царские пирамиды, наружно подобные древним, с поминальными храмами спереди, а то и с гробницами знати вокруг (у нынешних селений Дахшур, Лишт, эль-Лахун, Хавара). На деле, однако, пирамиды XII царского дома, за исключением пирамиды Са-на-уасры (Се-н-восре) I, были из кирпича-сырца и только облицованы известняком. Да и у Са-на-уасры (Се-н-восре) I пирамида состояла всего лишь из каменных клетей, засыпанных песком и щебнем и снаружи накрытых известняковым чехлом. Также и вельможеские усыпальницы подле пирамид бывали кирпичными «заваленками» (мастаба) с облицовкой из известняка.

Но не всегда XII царский дом радел о старине. Не по-старинному выглядел, например, новый государственный бог Амана (Амун). Первоначально, возможно, одна из восьми первобытных сил, составлявших предмет мудрствования в верхнеегипетском городе Хмане (Шмуне, Ермуполе греков), Амана (Амун) еще ничего не значил в Уисе (Висе, Фиванской области) на исходе Старого царства. Он оставался в тени и при XI царском доме, из этой области вышедшем, и только с

воцарением Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I, личным покровителем которого, судя по имени, он был, Амана (Амун) выдвинулся в государственные боги в городе Уисе (Висе, Фивах греков) на севере одноименной области. Для придания большего веса, подобно некоторым другим тогдашним богам, Амана (Амун), воспринявший в себя и кое-что от верхнеегипетского бога природной производительности Мины (Мина), был отождествлен с древним государственным богом солнца Рией (Рэ) под именем Аман-Риа (Амун-Рэ). И еще в Среднем царстве Аман-Риа (Амун-Рэ) стал изображаться неусыпным промыслителем, пекущимся о самых ничтожных тварях, протягивающим руки тому, кого возлюбил, внемлющим мольбе несчастного, милостивым к призывающему его, спасающим робкого от гордого, судящим между убогим и сильным. Таким Аман-Риа (Амун-Рэ) выставляется в славословии, известном полностью по рукописи Нового царства (середины XVIII царского дома), и в отрывках, сохранившихся на кусках изваяния частного лица еще конца Среднего царства. Родственные представления встречаются уже в начале Среднего царства и в некоторых других среднеегипетских памятниках, но в развитом и общественно заостренном виде мы встречаем эти мысли впервые в связи с Аманой (Амуном). Простые смертные слишком громко заявляли о себе, чтобы государственная вера могла не прислушиваться к их настроениям.

Тот же XII царский дом, что выдвинул Аману (Амуна), немало способствовал и возвеличению Усири (Усире, Осириса греков), божества древнего, но после падения Старого царства приобретшего широчайший круг почитателей. С упразднением прежнего вельможедержавия и самовластия заупокойное волшебство перестало быть достоянием немногих. Избранные изображения и надписи со стен вельможеских усыпальниц перекочевали на скромные плиты, доступные и людям с ограниченными средствами, и кладбища были наводнены такими камнями. Многословные заклинания изнутри царских пирамид низошли на стенки деревянных гробов, доступных мало-мальски зажиточным людям, и вместе с новыми сочинениями того же рода составили так называемые надписи саркофагов (от них отличают заклинания, вошедшие в состав ново- и позднеегипетских заупокойных сборников, как древнейшая или среднеегипетская Книга мертвых). Теперь всякий покойник мог быть «Усири (Усире)» («Осирисом»), присвоить волшебно преимущества его, как живого трупа. Тем самым Усири (Усире) сделался общеегипетским богом мертвых, и значение его, его города Абады (Эбота, Авидоса греков) и справлявшихся там священных представлений возросло необыкновенно. XII царский дом учел все это и всемерно содействовал великолепию торжеств в Абаде (Эботе), владевших мечтами современников в жизни и смерти.

Не могли не способствовать укреплению власти XII царского дома победоносные войны с соседями, вылившиеся на юге в настоящее завоевание. Эфиопия, золотые рудники которой были теперь хорошо известны и манили к себе египет-

ских завоевателей, подвергалась нашествию египтян еще при первых двух царях нового дома, когда громили также ливиян, однако окончательное подчинение северной Эфиопии было делом Са-на-уасры (Се-н-восре) III. Несколько походов — и мощные крепости у 2-х порогов закрепили ее за Египтом, и доступ зарубежным эфиопам в новоприобретенные владения фараона был дозволен только для торговли или в порядке посольства. О том же Са-на-уасре (Се-н-восре) III известно, что он ходил войною на Палестину, но в какой мере вторжение это сопровождалось ее подчинением — неясно. Как бы то ни было фараон-воитель произвел такое впечатление, что в Новом царстве египетская Эфиопия чтила в нем своего местного бога, а позднее предание, слив с именем среднеегипетских Са-на-уаср (Се-н-восре) смутные воспоминания о завоевателях новоегипетских, лелеяло баснословный образ покорителя полумира Са-на-уасры (Се-н-восре) или Сесостриса по-гречески.

Но и при могущественном Са-на-уасре (Се-н-восре) III, как при предшественниках его, на местах по-прежнему сидели владетельные областеначальники. Хотя иной из них был определенно посажен в свою область царем — известен случай, когда область была нарочно выкроена для царского сподвижника, — власть областеначальника была наследственной, переходила по родству — от отца к сыну или от деда по матери к внуку, и царь только утверждал нового владетеля. Один областеначальник изобразил и поименовал у себя в гробнице 59 владетельных предков. Еще при Са-на-уасре (Се-н-восре) I областной владетель мог вести летосчисление по годам правлений царского и своего. Обыкновенно областеначальники состояли начальниками и местного жречества, и сами бывали верховными жрецами местных божеств. Областеначальники начальствовали над войском своей области, которое по-прежнему именовали «*своим*». Они управляли как пашнями, так и стадом царя, находившимися в их области; подати в пользу дома царева проходили через их руки. Хотя «*дом* (хозяйство) *областеначальника*» и «*дом отчий*», «*стадо царево*» и стадо свое строго различались, областные правители и при XII царском доме были и оставались владетельными особами.

И притом со временем сила и богатство областных владык нисколько не падали, напротив, росли. Гробницы владетеля одной верхнеегипетской области при Са-на-уасре (Се-н-восре) II и гробница владетеля другой верхнеегипетской области при Са-на-уасре (Се-н-восре) III были богаче гробниц предшествующих владетелей тех же областей. Мало того, в гробнице второго областеначальника Дхут-хатпи (Тхут-хотпа), современника Са-на-уасры (Се-н-восре) III, изображено «*препровождение*» из ближних каменоломен в столицу области алавастрового изваяния владетеля вышиной до 7 м, в каковом «*препровождении*» принимали участие — влекли изваяние на санях — воинские силы области и череды жрецов. Тем поразительней то, что с воцарением преемника Са-на-уасры (Се-н-вос-

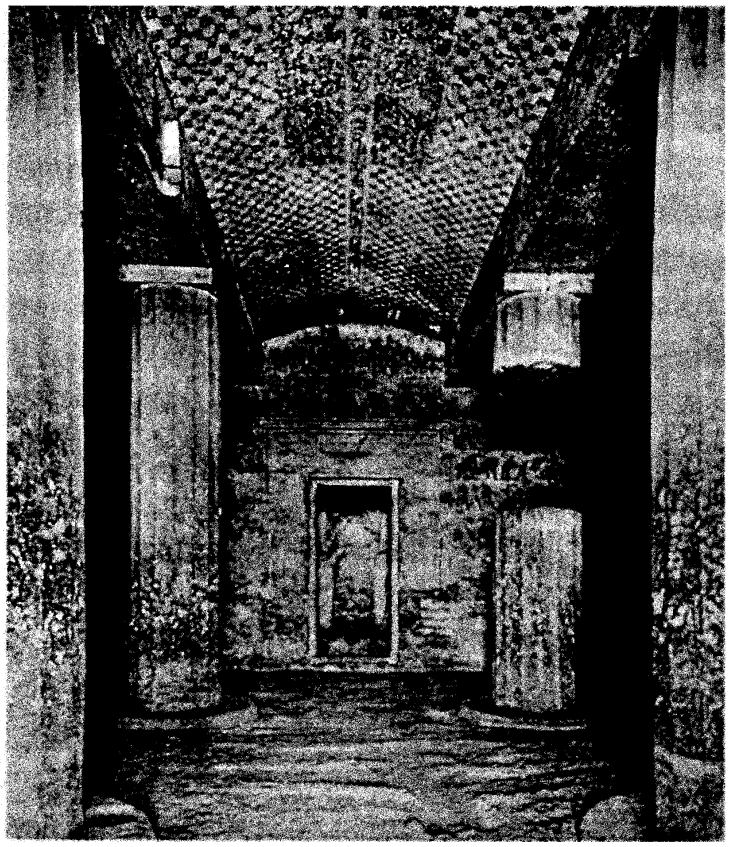
ре) III Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III сама цепь гробниц областных владык, дотоле непрерывная, внезапно пресекается.

Мало что известно о долгом царствовании Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III, несмотря на то, что памятников от этого царствования дошло немало. Видимо, то был самый сильный царь Среднего царства, потому что он один оставил сооружение, достойное Старого. У самого выхода на «*Землю озера*» (Файюм) воздвигнуто было громадное по площади каменное здание, как говорят, из многих палат и тысяч комнат и переходов, с перекрытиями из исполинских плит. От всей постройки остались одни смутные следы да разрозненные обломки, но греки дивились ей не меньше, чем великим пирамидам. Ее греческое прозвание Лавиринф (Лабиринт) напоминало престольное имя Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III по-гречески — Ламарис. За гибелью сооружения трудно определить, чем оно на самом деле было, но возможно, что то был царский поминальный храм с особыми отделениями для областных богов. Если б то было действительно так, объединяя областные божества вокруг особы царя, могли желать покрепче привязать области к фараону.

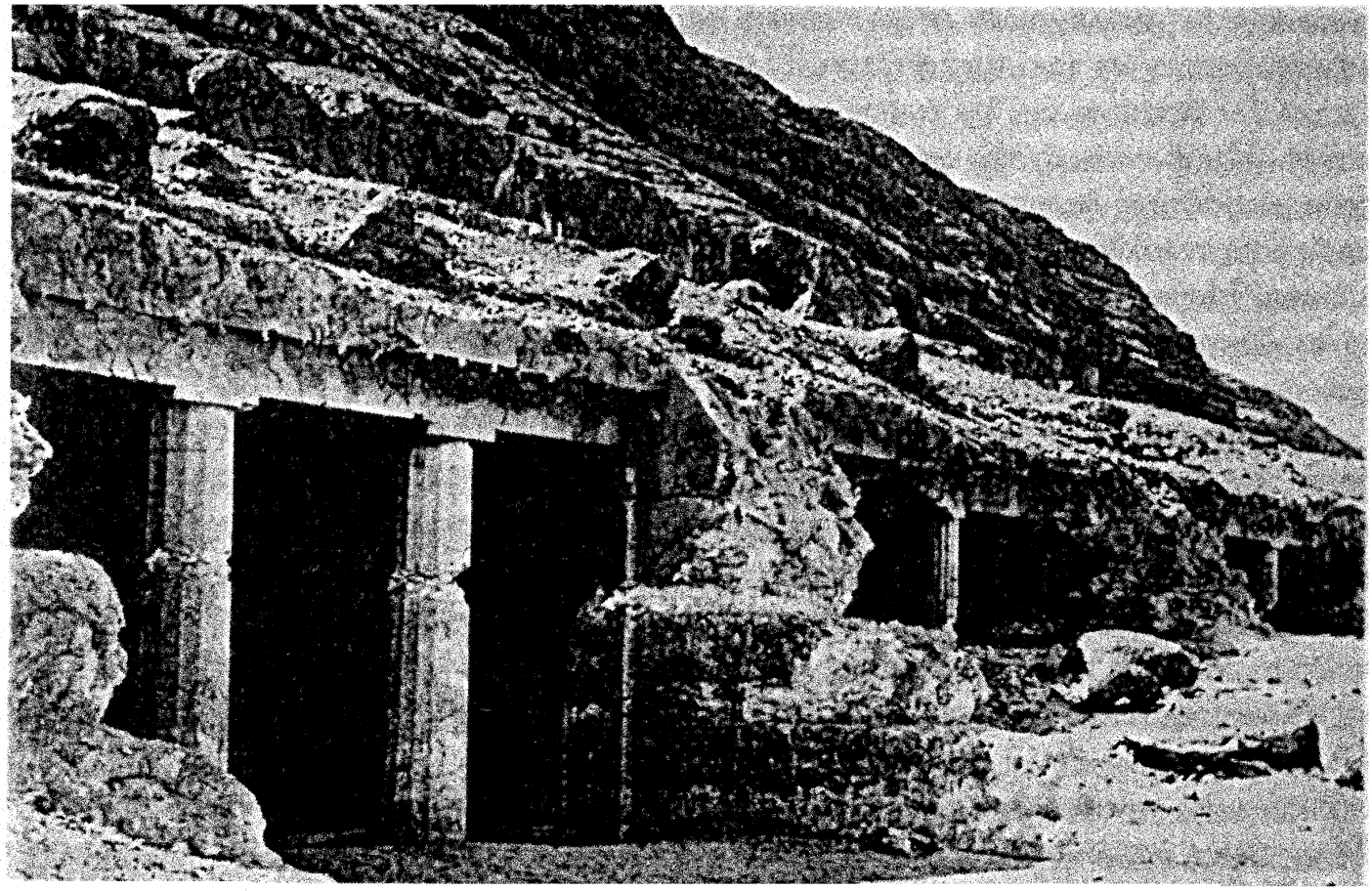
Чьи выгоды отстаивал царь, когда подавлял местных владетелей? Присмотримся ближе к окружению царей XII царского дома.

Наружно высокие придворные и государственные чины в столице сильно напоминали своих древних предшественников. При дворе толпились те же «*друзья*» простые и «*единственные*», «*приставники венца при украшении царя*» и т. п., в высшем управлении сидели те же «*распорядители обоих домов белых*», «*распорядители обоих домов золота*», «*распорядители обеих житниц*», «*распорядители работ*» и т. д. По-прежнему верховный сановник, он же градоначальник столицы, возглавлял суд и охотно совмещал в своем лице управление разными ведомствами, кроме военного.

Кем были высшие должностные лица по своему происхождению? Придворными званиями щеголяли многие областные владетели, но высокие государственные должности общеегипетского значения они занимали редко. Это, разумеется, не мешало их родне оседать на доходных местах в столице. Но рядом с представителями местной знати при дворе и во главе общегосударственного управления можно было видеть много людей иного происхождения. Были сановники, унаследовавшие должности от отцов, — потомственная столичная знать; были и такие, чьи родственные связи или собственные слова заставляют видеть в них людей неродовитых. О настроениях служилой знати, получившей положение и житейские блага из рук фараона, можно составить себе представление по словам начальника казны при Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III: «*Дает он* (т. е. царь) *пищу тем, кто в сопровождении его, питает он следующего пути его; пища это — царь, избыток это — уста его*». Такая знать могла только выиграть от усиления царя, и он мог опереться на нее в борьбе с областною.



▸ *Главное помещение скальной гробницы номарха Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) в Бени Хасане, XII династия*



▲ *Скальный некрополь в Бени Хасане, Среднее царство*

Не меньшее, если не большее сочувствие сильной и щедрой царской власти фараон мог найти у приближенного воинства. Вооруженные силы Среднего царства набирались путем очередных призывов молодежи, с возрастом возвращавшейся в гражданское состояние. К египетскому воинству добавлялись иноземные части — особенно из северно-эфиопских воинов. Вооружение составляли лук и стрелы у стрелков, щиты, копья, секиры или палицы у других бойцов. Нововведением, как будто было применявшееся уже при XI царском доме передвижное прикрытие, из-под которого двое воинов длиннейшим копьем разили врага на крепостных стенах. Крепости же при XII царском доме бывали, действительно, мощными сооружениями. Однако войско в значительной своей части состояло под начальством областных владетелей, составляя областные вооруженные силы, подобно тому как и большинство второстепенных государственных служащих должно было находиться в прямом подчинении у областеначальников. При XII царском доме мы находим особое войско, состоявшее непосредственно при особе фараона. Эти телохранители назывались, как дорожные слуги больших господ, «*провожатыми*» — «*провожатые властителя*». Состав царских телохранителей был неоднороден: кое-кто был как будто из местной и иной знати, но большинство, судя по наличным данным, было незнатного происхождения. Областные князья тоже имели своих вооруженных «*провожатых*», но они, бесспорно, не могли задаривать их так, как фараон. Нам уже доводилось говорить, как он жаловал своим телохранителям по многу десятков людей. Он же награждал золотым оружием. Иной, как будто неродовитый, «*провожатый властителя*» изображал себя настоящим барином, а сподвижник Са-на-уасры (Се-н-восре) III, выслужившийся из телохранителя в их «*наставника*», присваивал себе прямо вельможеские звания. Недаром он величал себя «*держащимся пути облагодетельствовавшего его, тем, кому придал владыка обеих земель значение его*». На таких воинов фараон мог рассчитывать в борьбе с местною властью.

В спокойствии самой спокойной поры Среднего царства, времени XII царского дома, можно усомниться с полным правом. Уже порядок престолонаследия показателен. Один за другим цари этого дома назначали при жизни наследников-соправителей, получавших при живом отце царский сан. Забота о личной безопасности тяготела над фараонами. Столица XII царского дома считалась крепостью, так что имя ее обводили чертежом крепостной стены. Учреждение войска телохранителей было прежде всего охранным мероприятием. На Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I было совершено ночное нападение в собственной опочивальне и стоило ему, несмотря на мужественную самооборону, по-видимому, жизни. По Манефону, евнухами был убит Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) II, но возможно, что Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) II спутан тут с Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I. Цари чувствовали ненадежность своего окружения и чуяли кругом опасность. В бур-

ную пору X царского дома фараону казалось необходимым укрощать толпу — бедняк-де мятежен — и истреблять смутьяна, опасного числом приверженцев, но в уста Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I было вложено наставление сыну вообще никому не доверяться. Сыск получил небывалое значение. Один высокопоставленный сановник прямо хвалился своими следовательскими способностями, называя себя «*тем, что над тайною дворца*(?) *в допросе скрытного сердцем, увнающим мужа по высказыванию его, тем, кому обнажала утроба* (и) *то, что в ней, заставляющим изрыгнуть сердце проглоченное им*». Другому сановнику, современнику Са-на-уасры (Се-н-восре) II, «*доверенному цареву в подавлении смутьяна*» «*утробы*» тоже «*сказывали*» свое содержимое, а один чиновник был даже «*языком царевым в испытании людей, в накавании строптивого сердцем*». Что удивительного, если и сам верховный сановник и судья при Са-на-уасре (Се-н-восре) I оказывался «*смиряющим восстающего на царя*»? Восторженный приверженец Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III восклицал: «*Нет гробницы восстающему на величество его, труп его* (т. е. мятежника) *— то, что кидается в воду*».

Но неспокойно было не только вокруг фараона. Как и в дни XI царского дома, областные владетели совершали свои выходы и поездки в сопровождении вооруженной охраны, и у них тоже были свои вооруженные «*провожатые*». При Са-на-уасре (Се-н-восре) I областной владетель так представлял себя посетителям гробницы: «*Я — устраняющий гордость из высокомерного, заставляющий умолкнуть велеречивого, так что он* (больше) *не говорит. Я — наказывающий тысячи мятежников, любовь области своей, ярый сердцем,* (когда) *он видит преступника всякого, услада для сотворяющего путь его. Я — устраняющий высокомерие из наглого, смиряющий... Я — прогоняющий грабителя из области своей, удаляющий*(?) *алчного из ватаги своей*».

Хотя об Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I говорили, что он «*устранил грех, восстановил отхваченное одним городом у другого и заставил их знать свою границу*», то же самое, возврат отторгнутого и размежевание городов, приписывали Са-на-уасре (Се-н-восре) II, царствовавшему век спустя. При Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I и еще в конце правления Са-на-уасры (Се-н-восре) I находились областеначальники, которые как ни в чем не бывало изображали на стенах своих гробниц битвы между египтянами — вплоть до осады крепости, — по примеру владетельных предшественников времени XI царского дома.

Боязнь смут была настолько остра, что придворный, ходивший с молодым Сана-уасрой (Се-н-восре) I в ливийский поход, услышав про смерть Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) I и не разобрав толком слышанного, от одной мысли о возможной гражданской войне бежал из стана в Сирию-Палестину; обласканный там местным вождем, он долгие годы жил и подвизался на чужбине и лишь под старость вернулся домой. Так по меньшей мере рассказывает художественно обработанное

жизнеописание Синахы (Си-нухе), но нет причины сомневаться в действительности происшествия.

К середине Среднего царства можно приурочить многочисленные письменные проклятия врагам фараона, притом не только внешним, но и внутренним.

При остроте общественных противоречий и неустойчивости положения в стране достаточно было почему-то поколебаться фараоновской власти, чтобы вокруг нее завязалась нескончаемая распря. После последнего и единственного среднеегипетского царя, сколько-нибудь напомнившего Старое царство, Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III, на престоле промелькнули два недолговечных правителя, из которых вторым была женщина, и XII царский дом пресекся. В том, что последовало затем, по сию пору разобраться не удалось.

Манефон называет после XII царского дома один царский дом из Уисы (Висе, Фив греков) и один из Хсау (Ксоиса) в западном Низовье, XIII-й и XIV-й по счету. Сильно поврежденный царский список, написанный в Новом царстве и хранящийся в Турине, перечислял после XII царского дома великое множество имен, из которых лишь часть найдена на современных памятниках. И неудивительно, потому что продолжительность царствований, когда она может быть установлена по туринскому списку, не превышает обыкновенно нескольких лет, а то даже месяцев и дней. Престол стал игрушкой в руках боровшихся сил, и царь свергался за царем. Некоторые цари без стеснения называли своих нецарственных родителей, другие сохраняли имена, звучавшие не по-царски. Где и как пролегала грань во времени и пространстве между XIII и XIV царскими домами, следовали ли они один за другим или XIV царский дом сосуществовал с XIII-м и последующими в тонком уголке Низовья — вопрос темный.

Впрочем, не все представители XIII царского дома были совсем немощными. Кое-кто оставил большие изваяния, обстоятельные надписи, даже следы строительной деятельности. И сама среднеегипетская государственность в том виде, как она сложилась к концу XII царского дома, продолжала существовать и при XIII-м, несмотря на смуту. Того распада страны, который последовал за Старым царством, теперь не произошло. Более того, областеначальники не вернули себе даже того положения, какое имели до Аман-ма-хи (Амен-ем-хэ) III: встретить гробницу областеначальника в духе XII царского дома можно при XIII-м разве как исключение. И, как доказали раскопки в финикийском городе Губле (Вивлосе греков), там знали XIII царский дом и, по-видимому, до его конца северная Эфиопия оставалась под египетской властью.

Смертельный удар ослаблому государству был нанесен извне. Под конец Среднего царства Египет был захвачен пришельцами с востока, которых Манефон именовал «*иксосами*» («гиксосами»). Возможно, что за манефоновским выражением кроется самообозначение некоторых из их царей: «*властители* (чужеземных) *нагорий*». Племенной состав захватчиков мог быть пестрым. В поздние

времена их считали аравитянами или родней финикиян. В состав имен некоторых иксосских («гиксосских») царей, действительно, входили семитские слова. Иноземное владычество длилось не менее 108 лет, и со временем пришлые цари стали рядиться под фараонов. Они приняли их царское прозвание, стали «*сынами солнца*» и выставляли себя почитателями египетских богов. Последнее, впрочем, им удавалось плохо, так как они явно предпочитали своего нового государственного бога, который, хотя и именовался по-египетски Сутой (Сэтом), но был, возможно, только отождествленным с ним иноземным божеством. Во всяком случае, века спустя Сута (Сэт) продолжал чтиться на востоке Низовья, где особенно и обосновались завоеватели, и в Новом царстве было принято считать сирийских и анатолийских богов «*сутами*».

В течение столетия по изгнании поработителей в стране стояли еще разоренными некоторые храмы, и вплоть до манефоновских времен жило предание об иксосском («гиксосском») нашествии как о страшном погроме. Но и под иноплеменным игом духовная жизнь не заглохла в Египте, и египтяне сумели передать в целости и сохранности наследие Среднего царства Новому. Одна из примечательнейших научных рукописей (большой счетный задачник) помечена годом правления одного из иноземных царей.

Своею столицею иноплеменники сделали Ха-уару (Аварис Манефона) на самом востоке Низовья. Соединить Египет под своею властью они по-настоящему так и не смогли. Над Уисой (Висе, Фивами греков) и соседними областями царствовали египетские цари, захудалые, судя по бедным их памятникам, но, как будто, самостоятельные. Только два иноземных царя, Хиан и Апапи (Апопи), простирали свою власть, по-видимому, и сюда, так как там были найдены печатки и камни с их именами, последние примерно в 100 км южнее Уисы (Висе). Неизвестно, свергли ли завоеватели южный царский дом или он продолжал царствовать под их главенством. Как бы то ни было на исходе иноземного владычества в Уисе (Висе) снова сидели свои цари, которых принято считать XVII царским домом. XV манефоновский царский дом составляли иксосы («гиксосы»), но в отношении к XVI-му сохранившиеся выдержки из Манефона расходятся, объявляя его то иксосским («гиксосским»), то фиванским.

Глубокие общественные сдвиги и потрясения Среднего царства нашли своеобразное отображение в художественной письменности. Самое отвлеченное из этих произведений — так называемая беседа разочарованного со своею душою. Разуверившись в злом и бездушном обществе, страдалец ищет смерти. Душа отговаривает его, указывая на тщету надежд на вечное помилование, и советует наслаждаться житейскими утехами. Однако человек не сдается и, пропев восторженную песнь смерти, живописует душе участь в ладье солнца, откуда он сам может подавать жертвы в храмах. Строптивая собеседница сдается перед его крас-

норечием. Побежденная душа выступала носительницей настроений, выраженных в застольной среднеегипетской песенке, приглашавшей веселиться и пользоваться мгновением, раз не осталось даже мест от славнейших мудрецов, и не рассказать, каково на том свете, с коего никто не вернулся.

Немногим определеннее намеки другой беседы, на этот раз со своим сердцем. Ее ведет рядовой жрец из города Аны (Она, Илиуполя греков), носящий имя в честь Са-на-уасры (Се-н-восре) II. Сочинитель ищет новых слов. В стране происходят перемены, год непохож на другой. Страна больна, нет порядка, жизнь из года в год трудней, всюду горе, горюют города и области, встают утром для страдания, всякий творит неправду. Что сочинитель — один из страждущих от произвола верхов, сквозит как будто в таких заявлениях, как «*выброшена правда наружу, беззаконие внутри палаты*», «*нет силы у убогого* (избавиться) *от сильнейшего его*».

О вполне определенном событии повествует третий обличитель, чья длинная, местами стихотворная речь выдается за произнесенную перед царем — зачинщиком «беспорядков». Эти «беспорядки» — грозное восстание низов, перевернувшее всё в стране. Вития как можно мрачнее описывает переворот, чтобы затем призвать к восстановлению прежних порядков, расписанных в восторженных словах. Сочинитель — представитель знати, потерпевшей от восставших, и одного перечня перемен ему кажется достаточно, чтобы вызвать возмущение у слушателей. Страна перевернулась, как гончарный круг. Бедные стали богатыми, имущие — неимущими. Богатые стенают, бедные в радости. Кто искал быков для пахоты, стал хозяином стада; у кого не было зерна, тот сам ссужает его; кто не мастерил себе суденышка, стал владельцем кораблей; прежний хозяин смотрит на них, но они уже не его; у кого не было хлебца, тот стал владельцем закромов, пекарня его снабжена имуществом другого; хозяева одежд в обносках, а кто не ткал для себя, стал владельцем тонкого полотна; кто не мог соорудить себе гроба, стал хозяином усыпальницы; владельцы же «*чистых мест*» выброшены на землю. Зависимые люди стали хозяевами людей; все служанки стали дерзкими на речь; драгоценностями увешаны шеи служанок; кто был на посылках, посылает другого; знатные мужи очутились на пекарне. Знатные голодны, бегут; дети знатных разбиты о стены; сын особы не отличается от неимущего. Города говорят: «*Давайте устраним сильных из среды нашей*». Должностные лица разогнаны по всей стране; законы выброшены вон, и по ним ходят, ничтожные люди бродят взад и вперед по главным судилищам; вскрыта палата, изъяты податные сказки; царские склады и жито Египта стали достоянием любого; царское местожительство повержено в час; горстка беззаконников лишила страну царства; что скрывала пирамида, то пусто: царь вынут ничтожными людьми; чары раскрыты, заклинания помнят люди.

«*Малые*» неоднократно упоминаются рукописью, но движущей силой переворота выставлены «*ничтожные*» люди. Главный удар нанесен был в столице;

стих за стихом посередине речи начинаются воплем: «*Истребите противников местожительства честного!*» Столица находилась тогда в Низовье или самое большее неподалеку от него: Низовье постоянно имеется в виду, тогда как Верхний Египет упоминается вскользь как разоренный или от Тина до Элефантины не платящий податей. Обличитель сетует на засилье в стране иноплеменников, наводнивших страну и даже перенявших мастерство у низовых ремесленников.

Когда происходили все эти события? Речь обличителя известна нам по поврежденному и неполному списку, хранящемуся в Лейдене. Список был изготовлен в середине Нового царства, но само сочинение по языку и содержанию, бесспорно, восходит к Среднему.

В Государственном Эрмитаже хранится рукопись, более старая, но тоже Нового царства, являющаяся единственным полным списком другого произведения, касавшегося тех же событий. Только они здесь изложены вкратце в виде предсказания, сделанного якобы царю IV царского дома Санфаре (Сенфоре), с упором не столько на превращение «*ничтожных*» людей во «*владык богатств*», сколько на засилие иноземцев. Подлинник этого произведения восходил к тому же Среднему царству. Предсказателем выступал важный жрец, «*малый, сильный рукою своею*» и богач. Он был тоже сторонником «*сынов особы*», но заглядывал дальше, чем лейденский обличитель. Тот только мечтал о восстановлении старого порядка, предсказатель же прямо предрекал приход с юга царя-восстановителя Аманайи (Аменойа). «Аманайа» было сокращением «Аман-ма-хи» (Амен-ем-хэ), имени основателя XII царского дома и нескольких последующих царей. На время не позже начала XII царского дома указывает неоднократное упоминание в лейденской рукописи «*малых*», которые после этого времени в источниках упоминаются исключительно редко.

Лейденская и эрмитажная рукописи доказывают, что гражданская война в Среднем царстве достигала силы и размаха, каких иначе мы бы и не подозревали.

Среднее царство и завершилось бурно: долгой и упорной борьбой с иноземными поработителями — «*властителями стран*», иксосами («гиксосами») Манефона.

Если верить сказке, записанной века спустя, отношения между южными царями в Уисе (Висе, Фивах греков) и иноплеменниками, царившими в Ха-уаре (Аварисе Манефона), осложнялись ещё при южноегипетском правителе Таа (XVII царского дома), более известным под престольным именем Сакнан-ра (Секнен-рэ). На останках царя Таа видны страшные раны, и вполне возможно, что он пал, еще в цвете сил, на поле битвы.

Достоверные известия о военном столкновении между южным и северным царствами имеются от времени последнего представителя XVII царского дома Ка-маси (Ка-мосе).

Военные действия открыло южное царство. Его глава, царь Ка-маси (Ка-мосе), созвал сановников и объяснил им, что не в состоянии дольше делить власть над Египтом с «*сирийцем*» на севере и «*эфиопом*» на юге и намерен освободить страну от иноземного ига. Однако вельможи отклонили царский призыв к войне с севером. С них было достаточно их южного царства, хотя простиралось оно не дальше середины страны — всего лишь до города Касы (Кус; на юге граница была у города Ибы (Йэба, Элефантины греков). Знать была вполне довольна хозяйственными взаимоотношениями с севером: для нее-де возделывались лучшие земли, ее скот беспрепятственно пасся на низовых пастбищах, ее свиньям поступало потребное зерно. Получив отпор со стороны сановников, Ка-маси (Ка-мосе) наперекор им «*по приказу*» бога Уисы (Висе, Фив греков) Аманы (Амуна) все-таки выступил против поработителей, и успех за успехом венчал его начинание.

Как это стало возможным при противодействии знати? За Ка-маси (Ка-мосе) встали воины. Его войско — в его составе были и иноплеменные части с юга — шло перед царем, как дыхание огненное, вело себя, что львы, беря и деля добычу: людей, скот, жир, мёд. Южанам приходилось иметь дело не с одними иноземными захватчиками. У тех оказались пособники среди египтян, и война сопровождалась страшными опустошениями, чинившимися в среднем Египте войсками Ка-маси (Ка-мосе), хотя он и говорил, что мстит за беды, причиненные иноземцами.

Южный царь не на словах только, но и на деле наносил урон самому оплоту иноземного владычества на севере страны. Сотни судов, груженных драгоценностями и другими вещественными благами, а также оружием, попали в руки Ка-маси (Ка-мосе). Война велась с участием колесниц, и южноегипетский царь грозился пленить колесничное войско противника. В своем стеснении «*властитель стран*» Апапи (Апопи) послал пустынными путями гонца к своему «*сыну*», недавно воцарившемуся эфиопскому владетелю, уже испытавшему на себе силу египтян. Однако гонец и послание о совместных действиях были перехвачены Ка-маси (Ка-мосе). Незадачливый посол был отослан обратно к Апапи (Апопи), чтоб устрашить его рассказом о расправах, чинимых египтянами.

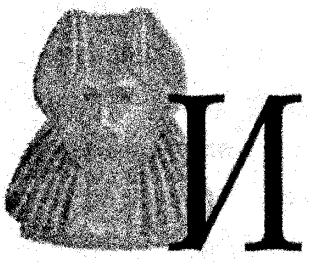
После всех опустошений и якобы без особых потерь Ка-маси (Ка-мосе) возвратился в свою столицу, где был восторженно встречен населением. Уклончивое поведение знати и подвиг воинов были увековечены для всеобщего сведения на каменных плитах в государственном храме Аманы (Амуна), от которого царь «*получил*» победоносный меч.

Изгнание «*властителей стран*» было завершено братом и преемником Ка-маси (Ка-мосе) первым царем XVIII дома Ах-маси (Ах-мосе) I. Он взял после осады и нескольких битв на воде и на суше твердыню врагов на северо-востоке Египта — Ха-уару (Аварис Манефона).

ГЛАВА IV

ОБРАЗОВАНИЕ МИРОВОЙ ЕГИПЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

XVIII ЦАРСКИЙ ДОМ ДО СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА; СЕРЕДИНА XVI — НАЧАЛО XIV ВЕКОВ



Изгнание из Египта «*властителей стран*» фараоном Ах-маси (Ах-мосе) I в первой половине XVI века знаменовало начало Нового царства, времени «мирового» египетского государства. Однако современники вряд ли сознавали, что стояли на пороге нового времени, поры невиданных завоеваний. Если судить по речи, вложенной в уста предшественника Ах-маси (Ах-мосе) фиванского царя Ка-маси (Ка-мосе), то желания последнего не шли дальше безраздельного обладания Египтом, без дележа власти с «*азиатом*» на севере и «*эфиопом*» на юге. Соответственно Ка-маси (Ка-мосе) и действовал, отвоевывая у азиатов и их приверженцев средний Египет и вторгаясь в северную Эфиопию. Ах-маси (Ах-мосе) продолжал дело брата. Изгнав из северного Египта «*властителей стран*», он ограничился взятием Шарухена на юге Палестины. Овладев этим сильно укрепленным городом, фараон обезопасил себя с северо-востока. Поход в северную Эфиопию завершился кровавым разгромом местных племен. Север Эфиопии был подчинен Ах-маси (Ах-мосе) по меньшей мере до вторых нильских порогов. Здесь древняя крепость Среднего царства Бухен была и при Ах-маси (Ах-мосе) опорою египетского владычества на юге. По сути дела, военные мероприятия фараона сводились к восстановлению международного положения Египта времени XII царского дома. Возможный поход в Сирию-Палестину (помимо похода на Шарухен) нисколько бы тому не противоречил, поскольку она в какой-то мере была предметом египетских набегов и в дни Среднего царства. Выйти за пределы этого последнего Ах-маси (Ах-мосе) вряд ли и мог бы ввиду тяжелого внутреннего положения государства.

В итоге освободительной борьбы страна воссоединились под главенством Нии (Нэ, Фив греков), но в Верхнем Египте, менее пострадавшем от иноземного

владычества, чем Нижний, фиванские цари-объединители наткнулись на ожесточенное сопротивление. Дело дошло до битвы на воде, но Ах-маси (Ах-мосе) остался победителем и пленил нагрянувшего *«с юга»* супостата и его людей. Столь же безуспешно кончилась затея некоего Атати-ана (Атет-она), собравшего вокруг себя *«злоумышленников»*, возможно, в том же Верхнем Египте. Войско Атати-ана (Атет-она) было уничтожено, и сам он пал в битве. Видное участие в *«умиротворении»* Верхнего Египта и подавлении мятежей принимала мать молодого царя царица Ах-хатпи (Ах-хотп). Сын вменял ей в заслугу также заботу о войске, возвращении и сборе беглецов. Войско было далеко не однородным, состояло не из одних уроженцев Нии (Нэ, Фив греков), и при всей скудости средств двору приходилось покупать верность воинов дорогою ценою. Затруднительное положение фараоновского двора в гражданской войне явствует из исключительно щедрых подарков войску, бившемуся на его стороне. Если в дни освободительной войны царь, бывало, отдавал отличившемуся воину всех захваченных тем пленных, то во время гражданской войны тот же воин, тезка царя, Ах-маси (Ах-мосе) из Анхаба (Эль-каба арабов), получал, случалось, в два с половиной раза больше людей, чем взял пленных, и в придачу еще пахотную землю. Раз даже этот воин получил людей и землю, по-видимому, не захватив добычи. Дарения распространились на самые широкие круги войска. Так, известно, что за битву на воде в Верхнем Египте были щедро оделены все гребцы военного судна, на котором служил Ах-маси (Ах-мосе) из Анхаба (Эль-каба арабов).

Вековое господство *«властителей стран»*, долголетняя война с ними и затем гражданская война должны были сильно истощить страну. Строительная деятельность Ах-маси (Ах-мосе) I была ничтожной по сравнению со строительством позднейших царей. Даже такое скромное дело, как пожертвование богу стольного Нии (Нэ, Фив греков) Амане (Амуну) некоторого количества храмовой утвари и сооружение для него храмовой ладьи, кедровых столбов, пола и потолка, считалось событием, достойным не только увековечения в торжественной надписи, но и мелочного, можно сказать, «музейного» описания отдельных предметов. Многие храмы за время иноплеменного владычества пришли в упадок, и понадобилось не менее полувека, чтобы они были восстановлены.

Как и при XII царском доме, тоже родом из Нии (Нэ), победоносный город и при Ах-маси (Ах-мосе) не чувствовал себя вполне *«госпожою всех городов»*. При фиванском дворе местный бог Амана (Амун) еще уступал первенство древнему Рии (Рэ), и в известном смысле с Аманой (Амуном) соперничала даже луна. Двор почти столько же заботился о сооружении гробниц в священном городе Среднего царства Абаде (Эботе, Авидосе греков), как и в самом Нии (Нэ). Покрой одежд, письменность, памятники искусства, от царской пирамиды до мелких поделок, носили обыкновенно отпечаток Среднего царства.

Ах-маси (Ах-мосе) I (позднейший известный год царствования — 22-й) наследовал его сын Аман-хатпи (Амен-хотп) I (середина XVI века; последний известный год царствования — 21-й). В ходе тяжелой и долгой борьбы с «*властителями стран*» Египет приобрел большое боеспособное войско. В освободительную войну египтяне стали впервые широко пользоваться боевыми конями и колесницами. По-новому вооруженное и закаленное в боях египетское войско представляло грозную силу, которую фараоны, овладев положением внутри страны, не преминули устремить на грабеж и порабощение соседних народов. Судя по описанию войны при Ка-маси (Ка-мосе), окружавшая его знать была вполне довольна своим хозяйственным положением и настроена против наступательной войны с иноплеменными хозяйствами Египта. Напротив, войско Ка-маси (Ка-мосе) вело себя на войне «*подобно львам*», захватывая людей, стада, жир, мёд, делило добычу и ликовало. Щедрые награды людьми, землею и золотом, доставшиеся войску во время освободительной войны и последующих войн Ах-маси (Ах-мосе), разжигали боевой пыл воинов. Среди них было, наверно, немало сторонников воинственных мероприятий, суливших легкое обогащение, дома — подъем хозяйства за счет добычи, а на чужбине — разгульную жизнь. Конечно, значительная доля богатств, добытых завоевателями, перепадала знати, окружавшей царя, но все же, судя по описанию воинских деяний Ка-маси (Ка-мосе), не в ней надо видеть главную движущую силу египетских завоеваний в начале Нового царства.

Взоры египетских воителей обращались, естественно, прежде всего в сторону Эфиопии. Она легко достижима из Египта и населена разобщенными и сравнительно слабыми племенами. Сюда направился Аман-хатпи (Амен-хотп) I с целью «*расширить границы Египта*». Встретившее царя эфиопское войско было целиком уничтожено, воины захвачены или перебиты. Как далеко на юг зашел Аман-хатпи (Амен-хотп) I, в точности неизвестно. Однако подвластная фараону часть Эфиопии была настолько велика, что могла быть объединена в особое наместничество с египетским сановником во главе, получившим звание «*сына царева*». Скромный начальник Бухенской крепости при Ах-маси (Ах-мосе) I был назначен теперь наместником Эфиопии. Борьба Аман-хатпи (Амен-хотпа) I с ливийцами на западных рубежах государства составляла прямое продолжение сходных мероприятий Среднего царства. О военных действиях в Сирии-Палестине при этом фараоне ничего достоверно не известно.

Несмотря на успехи в Эфиопии, средства казны были еще не настолько велики, чтобы дозволить строительство крупных размеров. Возрожденный Египет все еще напоминал Среднее царство, хотя уже намечались отдельные новшества. Так, царская пирамида превратилась в пирамидообразную надстройку над вырубленной в скале царской гробницей.

Первая бесспорная попытка создания «мировой» египетской державы связана с именем преемника Аман-хатпи (Амен-хотпа) I Дхут-маси (Тхут-мосе) I. За десятилетия, протекшие со времени освободительной войны, Египет окреп для военных предприятий большого размаха. Дхут-маси (Тхут-мосе) I не был прямым наследником своего предшественника — его мать не была царицей, но был женат на сестре Аман-хатпи (Амен-хотпа) I царице Ах-маси (Ах-мосе). Вскоре по воцарении Дхут-маси (Тхут-мосе) отплыл на юг: воспользовавшись, должно быть, сменою фараонов, северная Эфиопия восстала. Несмотря на поддержку со стороны кочевников, вторгшихся из пустыни, восстание было быстро подавлено фараоном, который затем предпринял большой поход вверх по Нилу. Южная граница египетского государства при Дхут-маси (Тхут-мосе) I продвинулась уже за третьи пороги в сторону четвертых, предельной черты египетских завоеваний на юге в пору Нового царства. Египетское господство над Эфиопией было закреплено закладкою крепости у третьих порогов. Был восстановлен и искусственный проток в обход первых порогов, обеспечивавший быстрое продвижение военных и иных судов в северную Эфиопию и обратно.

Но если на юге Дхут-маси (Тхут-мосе) стремился к прочному овладению покоренными областями, то сирийский поход по своим последствиям был вряд ли чем-нибудь большим, чем победоносным набегом широкого размаха. Для настоящего покорения Сирии-Палестины надобилось впоследствии не одно десятилетие. Дхут-маси (Тхут-мосе) I прошел ее, по-видимому, без существенных столкновений с войсками местных владетелей, и только на самом севере, у Евфрата, его встретил митаннийский царь. Теперь египтянам пришлось иметь дело уже не со слабыми плохо вооруженными отрядами, как в Эфиопии, а с превосходным войском могущественного государства, каким тогда было месопотамское царство Митанни. В разыгравшейся битве приняли участие боевые колесницы. Победа осталась за египтянами, и они взяли множество пленных. На берегу Евфрата Дхут-маси (Тхут-мосе) начертал надпись, знаменовавшую северный рубеж его «*владений*». Египетский царь уже воображал себя повелителем мировой державы, простирающейся от «*отрогов земли*» в южной Эфиопии до среднего Евфрата — «*Излучины Великой*», текшей, на диво египтянам, в направлении, обратном течению Нила.

Огромная африканская и азиатская добыча и ежегодная дань из покоренных областей обогатили государство. С Дхут-маси (Тхут-мосе) I Новое царство начинает ощущаться и в зодчестве. С этого царствования начинается то исполинское храмоздание, которым стольное Нии (Нэ, Фивы греков) хотело отблагодарить и возвеличить своего бога Аману (Амуна) как виновника побед и покровителя «мировой» державы. Главное место почитания Аманы (Амуна) в Нии (Нэ), так называемый Карнакский храм, Апа-сауи (Эп-эсове), некогда заурядный, хотя и изящный храмик Среднего царства, стал при Дхут-маси (Тхут-мосе) I пере-

страиваться в пышное сооружение, достойное победоносного Аманы (Амуна). Высокие островерхие граненые столбы (гранитные обелиски), две громадные каменные двойные башни с воротами посередине (пилоны), дворы с рядами огромных царских изваяний, выросшие перед древним храмом, наглядно свидетельствовали о мощи и богатстве обновленного царства. Джут-маси (Тхут-мосе) I окончательно порвал с тысячелетним обыкновением погребать царя в пирамиде. Фараон высек себе гробницу в пустынном ущелье, в так называемой Долине царей, западнее Нии (Нэ). Оставив поминальный храм в нильской долине, царь обособил его тем самым от могилы. Работы над гробницей велись в глубочайшей тайне из боязни расхищения в будущем. Подобная таинственность была, конечно, недостижима при воздвижении пирамиды. Неспособность же этой последней уберечь труп и погребальную обстановку от грабителей была доказана опытом предыдущих столетий.

Продолжительность царствования Джут-маси (Тхут-мосе) I неизвестна; позднейший известный год его правления — 9-й. Прямые наследники фараона, два сына от царицы Ах-маси (Ах-мосе), Уаз-маси (Ует-мосе) и Аман-маси (Амен-мосе), умерли раньше отца. Престол достался сыну Джут-маси (Тхут-мосе) I от второстепенной царицы по имени Мут-нафа (Мут-нуфе) Джут-маси (Тхут-мосе) II. Сопровождавшее воцарение нового фараона большое восстание в Эфиопии было беспощадно потоплено в крови отправленным царем войском. Перед его отправлением фараон поклялся истребить у восставших всех полноправных мужчин, и царская клятва была выполнена войском с чудовищной последовательностью. Только один сын мятежного владетеля был доставлен в Нии (Нэ) и повергнут к ногам восседавшего на возвышении фараона. Люди и скот мятежников была захвачены победителями. Другой поход против палестинских кочевников был предпринят скорее всего с оборонительной целью — оградить от вторжений из пустыни южнопалестинские рубежи. В какой мере Джут-маси (Тхут-мосе) II был в состоянии поддерживать свои более широкие притязания на Сирию-Палестину, мы не знаем. Он, судя по его мумии, умер еще молодым, пораженный какой-то болезнью. От своей царицы Хи-шапсауы (Ха-шепсове), дочери Джут-маси (Тхут-мосе) I и царицы Ах-маси (Ах-мосе), он имел дочку, царевну Нафра-рию (Нефр-рэ), но ко времени смерти у него не было другого мужского наследника, кроме сына побочной жены по имени Иси (Эсе), будущего Джут-маси (Тхут-мосе) III.

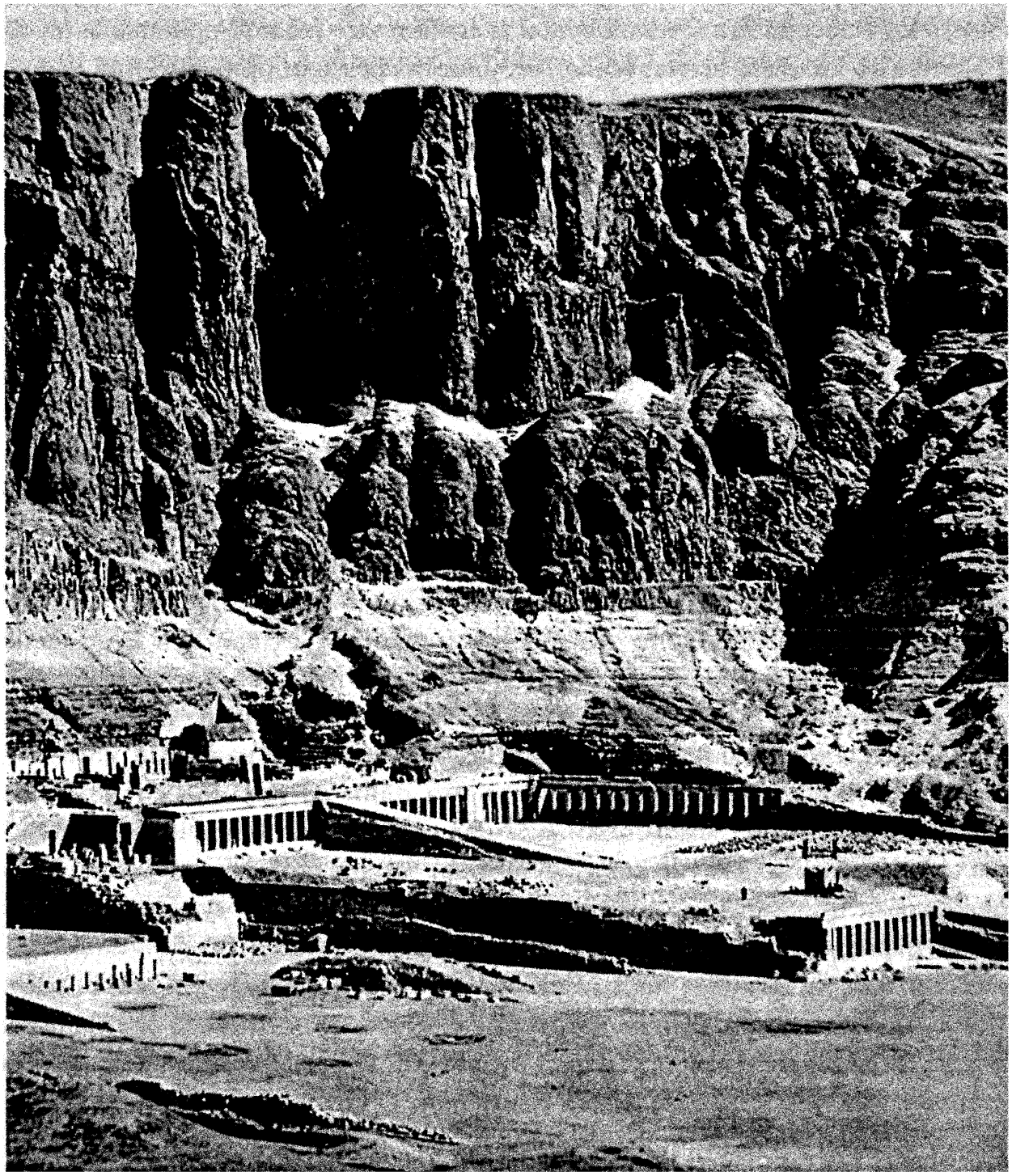
Если верить заявлению, сделанному впоследствии Джут-маси (Тхут-мосе) III, он в бытность царевичем занимал некое весьма скромное положение в государственном храме Аманы (Амуна). Однако в один прекрасный день, когда царь совершал жертвоприношение, а Аману (Амуна) торжественно обносили по храму, идол якобы отыскал царевича и возвел его на царское место. Возможно, все было,

как думают некоторые, сочинено впоследствии в противовес подобному же рассказу о воцарении Дхут-маси (Тхут-мосе) I своей дочери Хи-шапсауы (Ха-шепсове). Как бы то ни было, после соправительства или без него престол беспрепятственно перешел к Дхут-маси (Тхут-мосе) III. Юному фараону пришлось недолго наслаждаться властью. Первые годы после смерти родителя он признавался единовластным государем, но затем честолюбивая вдова покойного фараона Хи-шапсуа (Ха-шепсове) оттеснила от управления своего пасынка и племянника. Она забрала в свои руки полноту государственной власти, предоставив ему быть царем лишь по имени. Значение Дхут-маси (Тхут-мосе) настолько пало, что сановники считали возможным докладывать или льстить царице, забывая о фараоне. Не будучи царем, она в глазах двора была уже блюстительницей Египта, которой он повиновался и служил, державшей у мирного причала государственный корабль.

Через некоторое время правительнице стало мало достигнутого, и она провозгласила себя фараоном. Тысячелетним фараоновским званиям были приданы женские окончания, чтобы согласовать их с полом носительницы, что, впрочем, не мешало прилагать их к ней и в мужском роде. Дхут-маси (Тхут-мосе) III дозволялось величаться царем, появляться на столичных празднествах, грести на них в священной лодке. Также подарки делались от имени фараона Хи-шапсауы (Ха-шепсове) и «*брата ее*» Дхут-маси (Тхут-мосе) III. Но всё это делало его положение едва ль не еще более невыносимым. Впечатление от необыкновенного зрелища фараона-женщины вряд ли особенно ослаблялось приданием ей на храмовых изображениях мужского телосложения и привязной фараоновской бороды. С помощью храмовых изображений и надписей Хи-шапсауа (Ха-шепсове) старалась уверить подданных в том, что она — законнейший фараон, рождена от главной царицы Ах-маси (Ах-мосе) и самого Аманы (Амуна), обернувшегося Дхут-маси (Тхут-мосе) I, и венчана на царство еще при жизни последнего.

Она охотно распространялась о своих задушевных отношениях с Аманой (Амуном), проникновении в его желания, преданности его указаниям. Поводом для сложения у нее такого умонастроения могла послужить отправка ею по требованию Аманы (Амуна) (его оракула) воинского отряда в так называемую страну Пунт (Пвоне). Эта страна находилась, по всей видимости, на северном побережье Сомалийского полуострова. Хотя прямые сношения между Египтом и ею, родиной фимиама и мирры, восходили еще к Старому царству, при ближайших предшественниках Хи-шапсауы (Ха-шепсове) между обеими странами существовал только опосредствованный обмен. Предприятие Хи-шапсауы (Ха-шепсове) было военным не в меньшей степени, чем торговым. Оно было осуществлено в 9-м году «царствования» Дхут-маси (Тхут-мосе) III.

После нелегкого плавания по Красному морю, а то еще и по Аравийскому заливу, морские суда фараона-женщины прибыли к месту назначения, и воины ее



▲ *Поминальный храм царицы Хи-шапсауы (Ха-шепсове) в Дейр эль Бахри, XVIII династия*

вступили на берег, радушно встреченные местными владетелями. Царский посланец вручил им подарки для местной богини, каковою считалась египетская Хатхара (Хат-хор): золото в кольцах, украшения, оружие. В ответ владетели не замедлили доставить «*дань*» в шатер предводителя египтян казнохранителя Нехи. Все выглядело как нельзя мирно. Следуя предписаниям своего двора, царский сановник даже предложил владетельным гостям египетские яства и напитки. Тем не менее, вид морских египетских судов и египетских воинов произвели на владетелей настолько сильное впечатление, что они поспешили признать над собой главенство фараона и даже отправились с египтянами в Нии (Нэ) на поклон к Хи-шапсауе (Ха-шепсове). Вещественным знаком египетского господства на тех берегах осталось изваяние царицы, видимо, изображенной вместе с Аманой (Амуном). Доставленный в Египет груз состоял из благовонных смол, живых мирровых деревьев, ценных трав, ценного дерева, в том числе черного, слоновой кости, золота, обезьян, собак, барсовых шкур, а также невольников. Привезенные богатства царица посвятила Амане (Амуну). Она собственноручно золотой меркой отмеривала благовонную мирру его храму. «*Лучшая мирра была на членах ее всех, благоухание ее* (было) *благоуханием бога. Запах ее приобщился Красноморскому югу, кожа ее была* (как бы) *позлощена светлым золотом, сияя, как* (то) *творят звезды, внутри праздничного* (храмового) *двора перед лицом земли до края ее*».

Амане (Амуну) же Хи-шапсауа (Ха-шепсове) посвятила свою роскошную заупокойную молельню, известную ныне под именем храма Дэйр-эль-Бахри. Подобно своим двум ближайшим предшественникам, Хи-шапсауа (Ха-шепсове) облюбовала для своей гробницы скалы на западе Нии (Нэ), и ее поминальный храм, расположенный у их подножья, не был связан с могилой. Он был воздвигнут в виде последовательного ряда дворов, окаймленных навесами на столбах и пристройками. Дворы поднимались уступами один за другим, соединенные по средней оси отлогим подъемом. Замыкавшая сооружение божница Аманы (Амуна) была врублена в самую скалу. Светлые стены храма пестрели цветными изображениями и надписями, прославлявшими, в частности, чудесное рождение и воцарение царицы и морской поход в южное Красноморье. События похода и сама заморская земля, ее свайные постройки, владетель с дородной супругою, растенья, животные, морские рыбы и чудища были очень наглядно и живо воспроизведены художниками царицы. В храме и перед ним были рассажены благовонные деревья, привезенные участниками похода, и Хи-шапсауа (Ха-шепсове) торжествовала, что воссоздала в своей уступчатой молельне нагорные рощи «*земли бога*», родины храмовых благовоний. Весь на виду, необыкновенно соразмерный, белый у подножия бурой скалы, с синим небом высоко вверху, с шумящею зеленью деревьев на дворах, этот храм, несомненно, представлял жемчужину египетского зодчества.

Не обошла царица своим вниманием и главное место почитания Аманы (Амуна) в Нии (Нэ) — Апа-сауи (Эп-эсове, у нынешнего селения Карнак). Здесь ей принадлежали, помимо некоторых менее значительных построек, большие привратные башни (пилоны) сбоку от древнего храма, а также исполинские граненые столбы (обелиски) из цельного камня (гранита), из которых по крайней мере один был высотою в 30 м. Оба эти столба были воздвигнуты в ознаменование царского «тридцатилетия» Хи-шапсауы (Ха-шепсове), якобы исполнявшегося в 15-м году «царствования» Джут-маси (Тхут-мосе) III. Возможности государства были настолько значительны, что позволяли царице щедро восстанавливать и строить храмы даже во второстепенных городах Египта.

Женщина во главе военной державы, готовой поработить окружающий мир, — это было последнее, что можно было ожидать... Хи-шапсауа (Ха-шепсове) не могла ни сама предводительствовать войском, ни поставить во главе его своего врага-соправителя. Она даже не смела величать себя в своем первом фараоновском имени «*тельцом крепким*», как делали ее непосредственные предшественники и преемники, воинственные цари XVIII царского дома. Взамен того царица именовала себя «*мощной жизненными силами*». Мирный поход в южное Красноморье и видимое его присоединение не могли заменить покорения Сирии-Палестины. Ими Хи-шапсауа (Ха-шепсове) владела, наверное, больше на словах, чем на деле. Синайский полуостров, юг Палестины, одна ливанская область (Негау) и некоторые города побережья — это едва ли не всё, что с некоторой долей уверенности можно считать подвластным царице. Правда, Эфиопия и Ливия платили ей дань. Восстание в Эфиопии было подавлено военачальниками царицы, Критские(?) послы дарами свидетельствовали ей почтение. Но разве всё то позволяло забыть о богатой Сирии-Палестине? Так кем же тогда держалась царица, и не год и не два, а целых два десятка лет?

Конечно, Хи-шапсауа (Ха-шепсове) была осмотрительна. Она приближала и обогащала вельмож, завещанных ей предыдущими царствованиями. Возможно также, что она щедрыми подачками утихомирила войско, если правильно понимать одно из ее заявлений в том смысле, что воинство, бывшее прежде нищим, со времени ее воцарения стало богатым. Но можно ли было с помощью таких полумер сидеть миротворицей на египетском престоле, когда рядом стоял соперник, деятельный, непреклонный, в цвете мужества и сил, тот самый Джут-маси (Тхут-мосе), которому суждено было стать величайшим египетским завоевателем и с блеском осуществить воинственные чаяния своего времени?

Присмотримся поближе к окружению царицы. Подлинным временщиком при ней в течение почти всего царствования был Сан-на-миуа (Сен-ем-мау), сын нечиновных родителей, близкий к ней по своему служебному положению еще до превращения ее в фараона: он состоял главным управляющим хозяйством ее са-

мой и ее дочери Нафра-рии (Нефр-рэ). Тогда же еще или уже после воцарения она поручила ему воспитание царевны, которым, по-видимому, сначала ведал его брат Сан-мин (Сен-мин). Сан-на-миуа (Сен-ем-мау) был высокоодаренным человеком. Это он создал чудо египетского зодчества — поминальный храм царицы, и он же руководил работами в других столичных храмах в Апа-сауе (Эпэсове) и Апе (Опе) (Карнакском и Луксорском). Огромные островерхие столбы (обелиски), водруженные в первом из них, были тоже добыты и доставлены из каменоломен по реке под его наблюдением. В руках этого преданного человека, состоявшего также жрецом Аманы (Амуна), Хи-шапсауа (Ха-шепсове) сосредоточила управление хозяйством столичного бога. Сан-на-миуа (Сен-ем-мау) состоял домоправителем Аманы (Амуна), управляющим его пахотными землями, садовыми угодьями, житницей, быками, начальником его ткачей. Вдобавок ко всему Сан-на-миуа (Сен-ем-мау) управлял жрецами Манты (Монта) в соседнем с Нии (Нэ) городе Арманте (Ермонте).

Градоначальником столицы и верховным сановником, так называемым визирем, по Верхнему Египту в течение некоторого времени был верховный жрец Аманы (Амуна) Хапи-санби (Хап-сомп), сын третьего жреца-заклинателя Карнакского храма и особы, имевшей какое-то отношение ко двору. Память Хапи-санби (Хап-сомпа) как верного сторонника царицы впоследствии преследовалась. Но и второй жрец Аманы (Амуна) (Пйе-м-рэ) не избег подозрения со стороны Дхут-маси (Тхут-мосе) III в преданности ее памяти. Государственной житницей, государственными работами, государственными ремесленниками ведал сановник (Дуай-энех), для которого основною была служба по хозяйственному управлению храма Аманы (Амуна). Сокровищницей и всем «*домом золота*» управлял один из среднеегипетских местных князей по имени Дхаути (Тховт), но и он одновременно заведовал быками Аманы (Амуна). В должности распорядителя двойной сокровищницы и двойного дома золота подвизался и Сан-м-аха (Сен-ем-ах), важный писец, ведавший учетом быков Аманы (Амуна).

Выходит, что вельможи, особенно близкие к фараону-женщине, ряд членов правительства были тесно связаны с храмом Аманы (Амуна). Именно Хи-шапсауа (Ха-шепсове) развернула строительство во славу Аманы (Амуна), затмившее всё, сделанное для него прежде. И Хи-шапсауа (Ха-шепсове), как никто из ее предшественников и преемников, распространялась о своей задушевной близости к Амане (Амуну).

Связи царицы и ее окружения с Аманой (Амуном) были особенно тесными. Но среди перечисленных выше вельмож некоторые имели связи с храмами вне столицы. Сан-на-миуа (Сен-ем-мау) состоял распорядителем жрецов Манты (Монта) в соседнем с Нии (Нэ) городе Арманте (Ермонте). Хапи-санби (Хап-сомп) был распорядителем жрецов Верхнего и Нижнего Египта, Дхаути

(Тховт) — жрецов одноименного с ним бога города Хманы (Шмуна, Ермуполя греков) и жрецов Хат-хары (Хат-хор), «*владычицы* (верхнеегипетского города) *Кус*», возможно даже, что он был верховным жрецом Дхаути (Тховта). Сан-м-аха (Сен-ем-ах) был главным жрецом-заклинателем, жрецом-сетомом, верховным жрецом солнца в одном из его храмов. А сама царица не только развивала храмоздание на местах, но и восстанавливала храмы, стоявшие разоренными после иноплеменного владычества при всех ее предшественниках.

Но дружба царицы с храмовой знатью означала дружбу с местной знатью вообще. Местные князья издавна состояли распорядителями жрецов в своих городах, нередко также верховными жрецами местных божеств. Дхаути (Тховт) был распорядителем жрецов, потому что был местным князем, подобно тому как другой современник Хи-шапсауы (Ха-шепсове), Си-тп-иху (Си-тп-ехоу), был распорядителем жрецов в городе Тине, потому что был князем этого города. Припомним, что именно знать выступала при Ка-маси (Ка-мосе) против войны с поработителями; вполне обеспеченная, она не желала опасной войны. Напротив, войско Ка-маси (Ка-мосе) вело себя наподобие львов, захватывая людей, скот и прочую движимость. Война и теперь означала подъем благосостояния и значения воинов и ущерб влиянию знати. Вынужденное миролюбие Хи-шапсауы (Ха-шепсове) могло находить сочувственный отклик у знати, но вряд ли у войска в целом. Нескончаемые победоносные войны, последовавшие за смертью царицы, ясно показали, на кого мог опереться Дхут-маси (Тхут-мосе), но не могла опереться царица. Продержаться у власти два десятилетия, имея рядом с собою такого соперника, Хи-шапсауа (Ха-шепсове) могла лишь при поддержке влиятельных кругов общества, и таковыми могла быть знать, одновременно храмовая и светская, в первую очередь могущественное жречество Аманы (Амуна). Конечно, это не более, как догадка, но догадка, имеющая за собой в какой-то мере наличные источники.

Звезда Сан-на-миуы (Сен-ем-мау) закатилась раньше кончины его повелительницы. «*Глава земли до края ее*», «*глава сановников*», «*глава начальников*», «*распорядитель распорядителей работ*», «*руководитель руководителей*», «*величайший из великих в земле до края ее*», Сан-на-миуа (Сен-ем-мау) под конец зазнался. Как некий полуфараон, он решил вырубить себе гробницу под поминальным храмом царицы, гробницу потаенную, наподобие царской, без приемной для посетителей. В самом же храме внутри священнейших его помещений он дерзнул изобразить себя на стенах, правда, так, чтоб не было заметно входящему — на том месте, которое входная дверь, будучи открыта, должна была прикрыть. Подобные ли предерзости или еще более значительные провинности были тому причиною, но Сан-на-миуа (Сен-ем-мау) пал. Его притязательная гробница так и осталась незаконченной. В одном из ее помещений ее хозяин изображен почита-

ющим имя своей госпожи. Имя царицы не тронуто, но имя Сан-на-миуы (Сен-ем-мау) подверглось уничтожению. Это можно было б понять в том смысле, что с приверженцами Хи-шапсауы (Ха-шепсове) Дхут-маси (Тхут-мосе) III расправился незамедлительно по ее смерти, но ее память не осмелился преследовать в течение еще некоторого времени. Однако такому толкованию надо предпочесть другое. Сан-на-миуа (Сен-ем-мау) состоял главным домоправителем царицы еще до ее воцарения и оставался им и после превращения ее в фараона. Нам же известен еще один главный домоправитель царицы, когда она была уже фараоном. Очевидно, он унаследовал эту должность Сан-на-миуы (Сен-ем-мау), когда тот пал. Новый «*домоправитель великий царя*» выставлял себя в своих надписях не только «*главою земли* (до) *края ее*», «*величайшим из великих во всей земле*», но и лицом доверенным и приближенным к царице едва ли не в большей степени, чем сам Сан-на-миуа (Сен-ем-мау): «*друг* (придворный сан), *приближающийся к плоти бога* (т. е. к особе Хи-шапсауы (Ха-шепсове))», «*кому говорят то, что на сердце* (т. е. в уме), *объявляют сокровенное*», «*доверенный владыки своего*», «*наперсник его*», «*кому говорится то, что на сердце*». И что то была не пустая похвала, доказывает участь сановника. Если имена других приверженцев Хи-шапсауы (Ха-шепсове), подвергшиеся впоследствии уничтожению, всё же можно разобрать на памятниках, то имя последнего «*домоправителя великого*» царицы было в его гробнице изглажено настолько основательно, что нам так и осталось неизвестным, как его звали. Имя его отца было Атати (Атоте), и был он, по-видимому, лицом несановитым.

Воспитанница Сан-на-миуы (Сен-ем-мау) и его брата, царевна Нафру-риа (Нефр-рэ), объявленная «*владычицей обеих земель*», «*госпожою Верхнего и Нижнего Египта*» и «*супругой*» Аманы (Амуна), должна была, по-видимому, занять со временем положение Хи-шапсауы (Ха-шепсове) при своем сводном брате и супруге Дхут-маси (Тхут-мосе) III. На это указывают не только высокие звания, свойственные царицам, а не царевнам, не только присвоенная ей уже налобная царская змея-урей, но и придача ее изображению (изображению младенца!) привязной фараоновской бороды, по примеру самой Хи-шапсауы (Ха-шепсове). Однако новому фараону-женщине не суждено было воцариться — потому ли, что царевна скончалась раньше матери (что представляется наиболее вероятным), или потому, что с кончиною этой последней положение резко изменилось.

Хи-шапсауа (Ха-шепсове) дожила до 21-го года царствования Дхут-маси (Тхут-мосе) III. Обосновавшись на престоле единовластным правителем, Дхут-маси (Тхут-моси) свирепо расправился с памятью ненавистной соперницы, истребляя повсюду ее имена и изображения, заменяя их своими, отцовскими или дедовскими. Мести царя подверглись и некоторые сановники, но другие уцелели и поспешили выразить свое полное преклонение перед новым повелителем, которым

еще недавно пренебрегали. Впрочем, фараон, видимо, зорко следил за такими верноподданными. По крайней мере, Пуямра (Пйем-рэ), второму жрецу Аманы (Амуна) при Хи-шапсауе (Ха-шепсове) и Джут-маси (Тхут-мосе), изобразившему у себя в гробнице доставку даров из южного Красноморья, пришлось потом ввести в изображение Джут-маси (Тхут-мосе) III во избежание двусмысленности.

Силы, действовавшие при предшественниках фараона-женщины, возобладали вновь, и Джут-маси (Тхут-мосе), став, наконец, хозяином самому себе, немедленно двинул войска на Сирию-Палестину. Задачею, которую ставил себе фараон, была уже не военная прогулка к Евфрату, а последовательное и полное покорение всей Палестины и всей Сирии. Такое подчинение их было делом трудным и длительным, несравнимым с овладением Эфиопией. Хотя Сирия-Палестина состояла из множества государств-городов, эти небольшие общества обладали куда большей обороноспособностью, чем племена по верхнему Нилу или в прилегающей к Египту пустыне. В военном отношении хананеяне были даже до некоторой степени учителями египтян. У сирийцев были крепкие города с высокими стенами, способные выдерживать осаду в течение долгих месяцев, а то и лет, брони, шлемы, боевые колесницы, и притом в большом количестве. Однако Египет Джут-маси (Тхут-мосе) III оказался в силах покорить и непокорную Сирию.

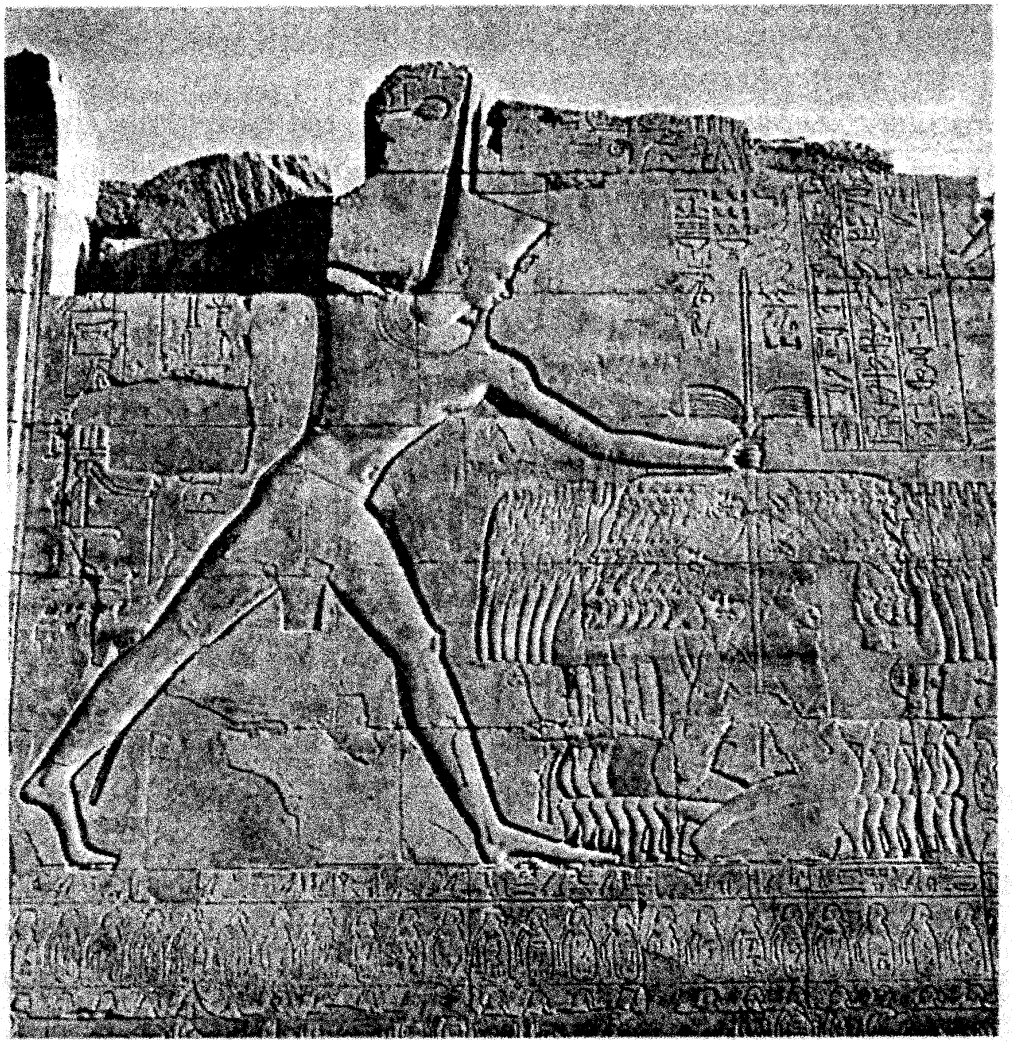
Весною в конце 22-го года своего царствования (первая четверть XV в.) Джут-маси (Тхут-мосе) выступил во главе сильного войска из пограничной крепости Зилу («Джару») в направлении на Газу. Миновав труднопроходимую пустыню между Египтом и Палестиной менее чем за десять дней, египтяне вступили в Газу в самый день восшествия на престол Джут-маси (Тхут-мосе) III и на следующий день уже выступили из нее. Еще одиннадцать дней пути — и фараон стоял у подножья Кармильского хребта. По египетским сведениями, вся страна до крайнего севера была охвачена «*восстанием на величество его*». По ту сторону гор в Есдрелонской долине у города Мегиддо египтян поджидало союзное войско сириян. «*Триста тридцать*» сиро-палестинских владетелей, каждый со своим воинством, решились совместно преградить здесь дорогу египетскому царю. Душою союза был властитель Кидши (Кадеша) на Оронте, сумевший поднять на борьбу с Египтом едва ли не всю Сирию-Палестину.

Фараон мог пройти к Мегиддо тремя путями. Прямой путь вел через горный хребет и был узкой тропою, по которой коням и людям пришлось бы идти гуськом друг за другом. Два пути, южный и северный, вели к Мегиддо в обход. На военном совете царю советовали выбрать один из обходных путей, ссылаясь на крайнюю узость прямого: передние части растянувшегося войска могли б быть уж втянуты в битву, когда задние были бы бессильны им помочь. Но Джут-маси (Тхут-мосе) отверг совет военачальников, боясь прослыть у неприятеля трусом. «"*Не пошло ли величество его по другому пути*, (потому что) *оно устраши-*

лось нас?" — скажут они». Поклявшись пойти прямым путем, он предоставил соратникам на выбор: следовать за ним или идти обходными дорогами. Все предпочли идти следом за ним. Поступок Дхут-маси (Тхут-мосе) и то, что затем последовало, хорошо очерчивают облик его как полководца. Его клятва была опасным молодечеством. Она нисколько не означала намерения застать противника врасплох, ошеломить внезапностью и смелостью нападения. На счастье египтян, спускавшихся гуськом в долину во главе с царем, союзники не напали на них. Столь странное поведение сириян объясняется, возможно, боязнью покинуть положение у города, за стены которого можно было укрыться в случае поражения. Ну, а что сделал фараон? Выполнив клятву, он милостиво внял просьбе подчиненных подождать задние части. Передние вступили в долину еще до полудня, задние подтянулись к ним в полдень. Потом царское войско мирно проследовало по долине, на юг, и в седьмом часу вечера фараон расположился на ночлег на берегу ручья к югу от Мегиддо. Затем поужинали, расставили дозорных и благополучно проспали всю ночь. Возможно, конечно, что мужество Дхут-маси (Тхут-мосе) подняло боевой дух египтян, произвело впечатление на сириян и тем самым способствовало победе, но ясно, что опасный переход фараон предпринял не с целью внезапного нападения, а из самолюбия.

Битва завязалась рано утром. Случайному скопищу «*трехсот тридцати*» сиро-палестинских дружин под начальством стольких же предводителей трудно было устоять перед натиском египетского войска, единого по составу и направляемого одною волею. По всей видимости, сопротивление сириян было сломлено мгновенно. Они стремительно бежали, бросая коней и колесницы. Но и тут египтяне, уже к досаде фараона, не использовали положения. Не займись они грабежом вражеского стана, они ворвались бы в город следом за бежавшим противником — и участь Мегиддо и союзного войска была бы решена. Так же горожане поспели закрыть ворота и даже втащить на стены беглецов с помощью спущенных одежд (длинных кусков ткани, которыми в Сирии-Палестине окутывали туловище). Началась семимесячная осада Мегиддо. Дхут-маси (Тхут-мосе) обратился к своему войску с несколько запоздалым приказом хватать и хватать получше, поскольку внутри города заперты все мятежные сиро-палестинские владетели и взятие Мегиддо равноценно взятию тысячи городов. Египтяне плотно обложили город, обнеся его осадною стеною, за которую не выпускали никого, за исключением разве перебежчиков. Через семь месяцев измученный голодом город, наконец, сдался. Запертые в нем владетели выслали своих детей к фараону с золотом и серебром, со всеми своими конями и колесницами, обшитыми золотом и серебром или просто раскрашенными, со всеми своими бронями, луками, стрелами, всем своим боевым вооружением. Сами сирияне поднялись на городские стены и оттуда молили победителя о пощаде. Царь обязал побежденных владетелей клят-

▸ *Статуя Дхут-маси (Тхут-мосе) III из Карнака, XVIII династия*



Дхут-маси (Тхут-мосе) III, поражающий азиатов, рельеф на пилоне храма Амуна в Карнаке, XVIII династия

вой на верность, заставил принять заново поставление на царство и, разоруженных, распустил по домам. «*Отбыли они все на ослах,* (потому что) *забрал я коней их*» — не без издевки заявлял впоследствии фараон. Такое милостивое обращение, в особенности обряд назначения на царство, показывает, что Дхутмаси (Тхут-мосе) видел в сиро-палестинских владетелях не столько мятежников, каковыми на словах их считали при египетском дворе, сколько покоренных иноземных властителей, до того независимых от Египта. Много хуже пришлось горожанам Мегиддо, которых фараон вместе с другими пленными угнал в Египет, предварительно завладев их имуществом. Окрестные пашни были поделены на участки и переданы представителям царского хозяйства с тем, чтобы те сняли с них урожай. В итоге Дхут-маси (Тхут-мосе) с пахотных участков у Мегиддо было доставлено огромное количество пшеницы (свыше полутора миллионов литров) — помимо того, что было раньше сжато и захвачено «*войском величества его*».

С огромной добычей, взятой на поле битвы, в самом городе, его окрестностях и в трех других палестинских городах, победитель вернулся в Нии (Нэ). Здесь были установлены празднества в честь победы, и Амане (Амуну), почитавшемуся за ее виновника, уступлена немалая доля добычи, в том числе три палестинских города, обложенных в пользу него ежегодной податью.

Новые сирийские походы следовали один за другим. Почти ежегодно Дхутмаси (Тхут-мосе) появлялся со своим войском в Сирии, закрепляя за собою захваченное и завоевывая заново город за городом, область за областью. На время между 24-м и 28-м годами царствования Дхут-маси (Тхут-мосе) приходятся три похода, о которых у нас нет определенных известий. В 29-м году была взята крепость (Уарджет) где-то на севере Финикии и опустошены окрестности города Ардаты в долине Елевфера. В 30-м году опустошению подверглись окрестности Кидши (Кадеша) на Оронте, и царь снова ходил в долину Елевфера к городам Симира и Ардата. В 31-м году в долине Елевфера была взята Уллаза. В 33-м году фараон вторгся в Митанни. В 34-ом году он был в Финикии и стране Нухашше на среднем Оронте. В 35-м году Дхут-маси (Тхут-мосе) снова воевал с Митанни. О походах 36-го и 37-го годов ничего определенного неизвестно. В 39-м году он воевал с кочевниками сирийской пустыни. В 42-м году были опустошены окрестности города Иркат в долине Елевфера, а также окрестности северно-сирийского города Тунипа, и взяты три города в области Кидши (Кадеша) на Оронте. Всего до 42-го года включительно Дхут-маси (Тхут-мосе) было совершено не менее пятнадцати походов. Сколько их было совершено в остальные двенадцать лет его единоличного царствования, нам неизвестно. Северным пределом походов Дхут-маси (Тхут-мосе) III была, по-видимому, область города Кархемиша на Евфрате на стыке Сирии и Месопотамии.

Судя по первому походу — на Мегиддо, единственному, о котором у нас имеются более или менее обстоятельные известия, Джут-маси (Тхут-мосе) предпринимал свои походы в Сирию-Палестину в летнее время, когда можно было прокормить войско за счет местного урожая. О том же времени можно заключить и в случае других походов, когда в Финикии вино было найдено в точилах, а в Митанни ячмень вырван на корню. С другой стороны, египтяне еще плохо справлялись с укрепленными городами. Нередко, будучи не в силах взять крепость, фараон отходил от нее ни с чем, предав всё вокруг дикому опустошению. Подобными особенностями египетских походов того времени можно объяснить то, что они были такими частыми и подчас направленными на один и тот же город.

В долголетней борьбе за Сирию главными противниками египтян были Кидши (Кадеш) на Оронте, город Тунип в северной Сирии и в особенности месопотамское царство Митанни. И были они опасны фараону не одними своими вооруженными силами, но и тем влиянием, которым они пользовались у соседей.

Еще в первый поход Джут-маси (Тхут-мосе) город Кидши (Кадеш) сплотил и возглавил союз сиро-палестинских владетелей, преградивших фараону дорогу у Мегиддо. Но прошли долгие годы после того поражения, раньше чем египтяне овладели Кидши (Кадешем). В 30-м и 42-м годах царствования Джут-маси (Тхут-мосе) III египетское войско подступило к Кидши (Кадешу), но так и не взяло его. Фараону пришлось удовольствоваться опустошением окрестностей и взятием трех соседних городков. Однако в один из последующих походов непокорливый город все-таки пал. При приближении египтян его владетель пустился на хитрость. Навстречу их колесничным упряжкам он выпустил быстроногую кобылицу в надежде расстроить их боевой строй, однако затея не удалась. Египетский воин по имени Аман-ма-ху (Амен-ем-ха), пеший, догнал кобылицу, уже ворвавшуюся в египетские ряды, распорол ей брюхо и, отрубив хвост, отнес его фараону. Кидши (Кадеш) был взят приступом после пролома городской стены выделенными Джут-маси (Тхут-мосе) смельчаками во главе с тем же Аман-ма-ху (Амен-ем-ха).

Тунипские воины обороняли от египтян одну из крепостей (Уарджет) где-то на севере Финикии. При взятии Уллазы в руки Джут-маси (Тхут-мосе) попал приближенный тунипского царевича. В 42-м году своего царствования фараон опустошил окрестности Тунипа, и впоследствии город был вынужден покориться Египту.

Сильнейшим противником Джут-маси (Тхут-мосе), его соперником в борьбе за северную Сирию, было месопотамское царство Митанни, стоявшее тогда на вершине своего могущества. В Митанни видели свой оплот против фараона все государства Сирии. Без столкновения с могущественным и притязательным месо-

потамским соседом овладеть ею египтянам было немыслимо. Победою над Митанни Дхут-маси (Тхут-мосе) гордился едва ли не больше, чем первыми успехами под Мегиддо. И если тогда союзное войско бежало мгновенно, то «*многочисленное войско Митанни было повергнуто*» только «*в течение часа*».

Митаннийский царь отступил за Евфрат. Для продолжения войны Дхут-маси (Тхут-мосе) нужны были суда. Большое количество их было спешно выстроено из ливанского кедра в Финикии в области города Гублы (Вивлоса греков) и на колесных повозках, запряженных быками, привезено к Евфрату. Переправившись с войском на другой берег, фараон и там не нашел митаннийского властителя. Тот бежал еще дальше — «*в другую землю, место далекое*». Примеру царя последовало и его войско: «*никто не смел оглянуться, но* (все) *бежали дальше, как стадо дичи пустынной*». На прибрежной скале фараон вырезал как свой пограничный знак победную надпись рядом с оставленной его дедом Дхут-маси (Тхут-мосе) I и поплыл вниз по течению, разоряя города и селения. «*Подложил я огонь в них, сотворило их величество мое развалинами... Забрал я людей их всех, уведенных пленниками, их скот без числа, вещи их также, отобрал я жито у них, вырвал я ячмень их, срубил я рощи их все, деревья их все плодовые*». На обратном пути у города Ни на Евфрате египетский царь устроил большую охоту на слонов. «*Бился я с ними — слоновым стадом из 120* (животных)» — похвалялся Дхут-маси (Тхут-мосе). На деле он чуть не погиб в схватке с огромным зверем. Ни в одном из трех дошедших до нас сообщений Дхут-маси (Тхут-мосе) об этой охоте царь ни словом не обмолвился о неприятном приключении. О нем мы знаем из надписи воина Аманма-ху (Амен-ем-ха). Притаившись в воде между двумя камнями, Аман-ма-ху (Амен-ем-ха) изловчился и отсек «*руку*», т. е. хобот, животному, спася таким образом победителя Митанни от поражения митаннийским слоном.

Несмотря на видимую успешность, поход 33-го года царствования Дхут-маси (Тхут-мосе) митаннийского вопроса не решил. Уже в 35-м году фараон возобновил военные действия. Месопотамский царь не дал себя застигнуть врасплох, как в первую войну, но выставил многочисленное войско. Встреча произошла у города Араны. Дхут-маси (Тхут-мосе) лично участвовал в схватке. Натиск египтян был настолько силен, что митаннийцы дрогнули и побежали к городу, бросая коней и колесницы: египетское войско захватило всего 10 пленных, несколько шлемов и луков, зато 180 коней и не менее 60 колесниц. Но и это поражение не отбило у Митанни охоты вмешиваться в сирийские дела. Так, митаннийцы оказывали действенную поддержку Кидши (Кадешу). Только в трех городках, взятых фараоном в округе Кидши (Кадеша) в 42-м году царствования, стояло свыше 700 митаннийцев с полсотней коней.

В эфиопских владениях после кровавых расправ предшественников Дхут-

маси (Тхут-мосе) III с местными повстанцами и вторженцами из пустыни крупные восстания и вторжения были, по-видимому, редки. В этом смысле показательно, что искусственный проток вдоль первых нильских порогов для обхода их судами, идущими в Эфиопию и из нее, тот самый, который некогда очищал Дхутмаси (Тхут-мосе) I, оказался вновь заваленным камнями, когда Дхут-маси (Тхутмосе) III в 50-м году царствования счел нужным лично появиться с войском на юге. К обратному проезду царя проток был очищен, и содержание его в порядке было возложено на тамошних рыбаков. Возможно, что именно в этот поход Дхутмаси (Тхут-мосе) охотился на носорога и оставил на эфиопском юге свою пограничную плиту, как он это сделал на месопотамском севере.

С завоеванием Дхут-маси (Тхут-мосе) III Сирии-Палестины египетское государство достигло пределов, за которые оно в дальнейшем уже не выходило, по крайней мере, сколько-нибудь значительно. От четвертых нильских порогов до крайнего севера Сирии подвластные народы — эфиопы, ливияне, сирийцы — платили ежегодную дань Дхут-маси (Тхут-мосе) III. Из южного Красноморья (из страны «Пунт») ему везли груды благовонной смолы, черное дерево, золото, слоновую кость, страусовые перья, барсовые шкуры, диких зверей. Египетское могущество на море внушало почтение и островитянам. Военачальник фараона Дхаути (Тховт), ведавший северными странами, считал себя доверенным лицом царя даже на греческих островах. Подарки фараону от властелина некоей северной страны («Иси»), преимущественно медь и свинец, иногда в количестве сотен килограммов, стали обычным явлением. Толпы критских и иных островных посланцев приплывали в Нии (Нэ) с богатыми дарами: драгоценными сосудами, серебром в брусках и кольцах, золотом, лазоревым камнем, украшениями. Если в ответ посланцы и получали, возможно, нужные им «подарки», то в глазах египетского двора их дары были все-таки данью. Новое международное положение Египта получило признание и со стороны ближневосточных держав. Стоило Дхут-маси (Тхут-мосе) стать твердою ногою на севере, как цари Вавилонии, Ассирии и Хатти стали один за другим слать подарки новоявленному соседу, которые тот не преминул воспринять как дань. Впрочем, вавилонская «*дань*» была более чем скромной: меньше 1 кг настоящего лазоревого камня, 2 кг искусственного и еще куски «*вавилонского*» лазоревого камня. Ассирийский царь слал преимущественно тот же лазоревый камень, но и здесь наибольшее известное нам количество настоящего лазоревого камня равнялось $5^1/_2$ кг. Более щедрым был царь Хатти, непосредственный сосед фараона, даривший главным образом серебро, которое в Малой Азии имелось в изобилии: одна из хеттских посылок содержала свыше 36 кг серебра, не считая «*белого*» камня и дерева. Вполне возможно, что за свои подарки цари получали кое-что и от Дхут-маси (Тхут-мосе).

Хотя три с лишним десятка лет единоличного правления Дхут-маси (Тхут-

мосе) III были сплошь заполнены войнами и Египет не мог еще в полной мере пользоваться плодами своих завоеваний, труд пленных и стекавшиеся отовсюду подати позволили царю развернуть строительную деятельность большого размаха. Ее следы заметны везде в Египте, но она простиралась и за его пределы: даже в Сирии-Палестине и Эфиопии Дхут-маси (Тхут-мосе) воздвигал храмы. Служило это храмоздание в первую очередь, наряду с прославлением самого храмоздателя, славе и величию его бога Аманы (Амуна), которого Нии (Нэ) и царь сооружениями, жертвами и дарением добычи благодарили за дарованные победы. Одни за другими в главном храме Аманы (Амуна) поднимались привратные башни (пилоны), островерхие столбы (обелиски), величественные изваяния, возводились новые покои и переходы. Государственный храм в Апа-сауе (Эп-эсове) (известный под именем Карнакского) превращался в громадный памятник побед Аманы (Амуна) и его «*сына*» Дхут-маси (Тхут-мосе).

На стенах и пилонах этого храма фараон изобразил сокровища, подаренные им Амане (Амуну), растения и животных, что «*нашел*» в Сирии-Палестине, и самого себя, убивающего врагов в присутствии Аманы (Амуна). Начертанные на храме списки покоренных городов и местностей Сирии-Палестины и Эфиопии содержали свыше шестисот названий. Тут же на храмовых стенах Дхут-маси (Тхут-мосе) перечислил свои дары Амане (Амуну), поместил выдержки из походной летописи с пространными перечнями добычи и дани. К сожалению, более или менее полно было воспроизведено лишь начало летописи, посвященное походу на Мегиддо; некоторые места, в частности описание военного совета и особенно вечера и утра перед битвой, поражают живостью и наглядностью изложения. Известен возможный составитель этого рассказа — начальник войсковых писцов, чье имя условно читается как Чанени, ведший в качестве очевидца летопись побед Дхут-маси (Тхут-мосе) III. Эти победы нашли, разумеется, отклик и у придворных стихотворцев. Сохранились остатки сочинения, воспевавшего какой-то «подвиг» фараона. В другом произведении, победной песне царскому мировладычеству, Амана (Амун) приветствует идущего к нему во храм сына и поборника и в образных сравнениях изображает дарованное тому торжество над народами Азии, Африки и островного мира. Эта песнь послужила впоследствии образцом для других произведений подобного рода. Но войны Дхут-маси (Тхут-мосе) III произвели впечатление на воображение и более широких общественных кругов. Полтора-два века спустя все еще рассказывали сказку о том, как военачальник Дхаути (Тховт) взял хитростью палестинский город Йапу — нынешнюю Яффу, введя туда спрятанных в корзинах египетских воинов. И в течение долгих столетий имя грозного царя продолжали вырезать на украшениях — на страх всем вражьим силам или на счастье.

Дхут-маси (Тхут-мосе) III скончался в середине XVI века в возрасте свы-

ше семидесяти лет, процарствовав без месяца и четырех дней 54 года. Его погребли в той же Долине царей, где уже покоились его дед и отец, а в надписи на саване в уста воителю, залившему кровью тогдашний мир, вложили заверение, что он никого не убил.

О наружности крупнейшего из египетских завоевателей можно составить себе представление по его останкам (мумии) и изваяниям, хотя последние передают его черты в прикрашенном виде. Это был низкорослый коренастый человек с низким лбом, большим ртом и полными губами, резко очерченным подбородком, с выступающим, слегка орлиным носом. Он был очень силен и утверждал, что прострелил насквозь мишень из кованой меди толщиною в три пальца, так что стрела вышла сзади на три ладони. Он был страстным охотником. Помимо слонов и носорогов, он охотился еще на львов и диких быков. Он был, видимо, любознательным человеком, раз повелел изобразить на стенах государственного храма растения, птиц и млекопитающих, какие ему встретились в Сирии-Палестине. Не был он чужд, по-видимому, и искусству; во всяком случае, по его вкусу и указаниям изготовляли подчас драгоценную утварь.

Считать создателя мировой египетской державы выдающимся полководцем нет оснований. Его личным вкладом в дело ее создания были те упорства, подвижность и дееспособность, которые он, несомненно, проявил в течение своих нескончаемых сиро-палестинских войн. Эти качества отличали его не только как полководца, но, должно быть, и как государственного деятеля, хотя с этой стороны он нам мало известен. Через три четверти века, сетуя на бездеятельность одного из преемников Джут-маси (Тхут-мосе) III, сирийский город Тунип вспоминал того, кто прежде грабил Тунип, — Манахпирйа (Мен-шпер-рэ, царское имя Джут-маси (Тхут-мосе) III).

Едва только умер престарелый воитель, как Сирия-Палестина уж была охвачена брожением. Но если сирияне надеялись, что с новым фараоном будет легче справиться, то они жестоко ошиблись. Сын и преемник Джут-маси (Тхут-мосе) III Аман-хатпи (Амен-хотп) II (вторая половина XVI века) оказался едва ли не самым крутым и опасным из всех египетских завоевателей.

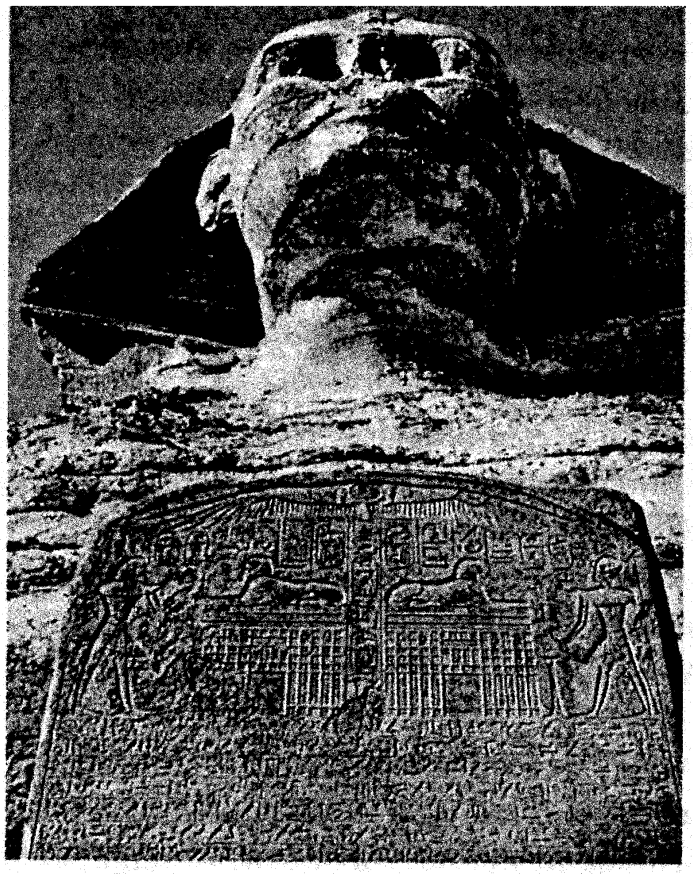
Он получил отличную военную (военно-спортинную) подготовку. Небольшого роста, он обладал чудовищной силой и выносливостью. Отец отправил его для обучения стрельбе к князю верхнеегипетского города Тина (тамошние князья управляли также большим оазисом в пустыне — излюбленном месте древнеегипетских охот). С целью найти умелых мастеров Аман-хатпи (Амен-хотп) проверял сотни луков. Его лук, по его словам, не мог натянуть никто из войска и никто из числа иноземных владетелей. Если у Джут-маси (Тхут-мосе) III стрела, пробив медную мишень, высовывалась за нее на три ладони, то у Аман-хатпи (Амен-хотпа) она пролетала через нее вся и падала на землю. Аман-хатпи (Амен-хотп)

утверждал, что стоил один двух сотен гребцов: те, пройдя «*полпотока*» («поток» — мера длины, равная, возможно, 2 км), выдохлись, изнемогли, перестали грести, а он, гребя веслом длиною в 20 локтей («*локоть*» немного длиннее полуметра), прошел 3 «*потока*» и привел судно к причалу ко всеобщему восхищению. На радость воинственному родителю сын был страстным любителем лошадей. Дхутмаси (Тхут-мосе) III распорядился выдать ему превосходных коней из своей конюшни в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков), заповедав сыну упражнять и беречь их, и Аман-хатпи (Амен-хотп) якобы так воспитал их, что они у него не уставали и не потели даже при быстром беге. Еще восемнадцатилетним юношей неугомонный «спортсмен» был приобщен отцом к царской власти, хотя на деле получил ее в руки, видимо, только с его смертью.

Молодой фараон появился на севере Палестины весною 7-го года своего царствования. Сопротивление непокорливого города Шемеш-эдома было сломлено мгновенно. И в первом же деле царь самолично принялся захватывать пленных и скот. Уже на следующий день египетское войско перешло по броду через Оронт. Аман-хатпи (Амен-хотпу) снова представился случай выказать свою удаль в единоличной схватке с горсткою неприятелей у города Катны (у истоков Елевфера). Завидев вражеские колесницы, царь бросился на них и секирою поразил предводителя. Аман-хатпи (Амен-хотп) дошел до Евфрата, северного рубежа своих владений, и повернул обратно. В приевфратском городе Ни владетель и население, мужчины и женщины, высыпали на стены, славя страшного гостя, когда тот на своей царской упряжке подъехал к городу. Это произошло четырнадцать дней спустя после переправы через Оронт.

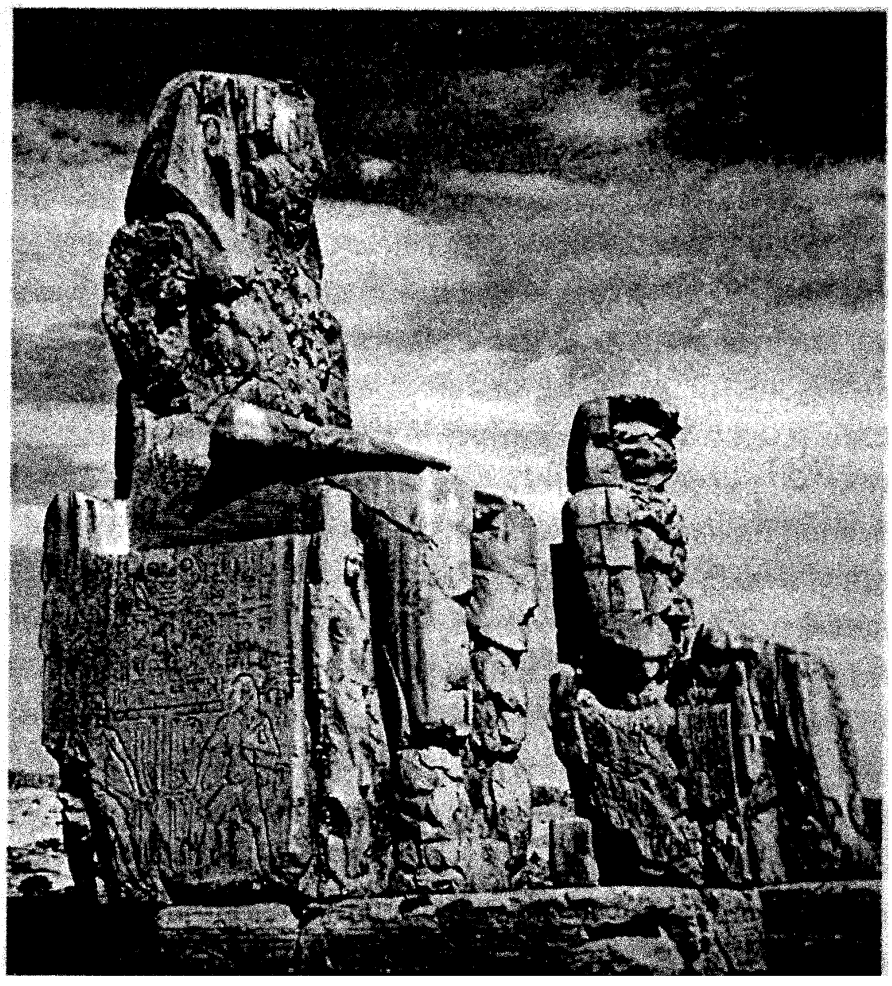
До фараона дошло, что в одном городе («Икати») сговорились выкинуть вон стоявший там египетский отряд. Аман-хатпи (Амен-хотп) оцепил мятежников, перебил их и «*успокоил*» город. Теперь уже владетели один за другим выходили из городов навстречу фараону с изъявлениями полной покорности. Так было и в Кидше (Кадеше) на Оронте. Египетский царь заставил там взрослых и детей принести клятву в верности и показал всем свою страшную силу, постреляв с южной стороны города в мишень из кованой меди. Затем поохотились в лесу (на газелей, зайцев, онагров). Фараон был якобы совершенно один, когда подскакал на колеснице к городу «Хишабу» и вернулся через мгновение, ведя подле колесницы шестнадцать сирийских витязей, привесив ко лбу коней двадцать рук, отрубленных у убитых, и гоня перед собою шестьдесят быков. Разумеется, после такого подвига городу не осталось ничего другого, как изъявить покорность царственному богатырю.

Остается неясным, как отнеслось царство Митанни к появлению у его границ египетского войска. Фараон, во всяком случае, был настроен далеко не дружественно к месопотамскому соседу, да и имел на то веские основания. Двигаясь на



▲ *Стела Дхут-маси (Тхут-мосе) IV, установленная между лап Большого Сфинкса в Гизе, XVIII династия*

▲ *Голова статуи Аман-хатпи (Амен-хотпа) III, XVIII династия*



▸ *Колоссальные статуи фараона Аман-хатпи (Амен-хотпа) III (так наз. «Колоссы Мемнона»), Фивы, XVIII династия*

юг, в 26-й день по приходе в Ни египтяне перехватили гонца митаннийского царя с глиняным клинописным письмом на шее, вероятно, к кому-нибудь из сиро-палестинских владетелей, с содержанием, не слишком приятным фараону. Как бы то ни было, этот последний увез гонца как пленника в Египет.

В этот же первый поход египетский царь собственноручно поразил своей палицей семерых непокорных владетелей, находившихся в округе «Тахши» в Келосирии, и при возвращении своем в Египет развесил их трупы вниз головою на носу своего царского судна.

Богатый полон доставил царь в Мэмфи (Мэнфе, Мемфис греков): 550 знатных витязей с 240 женами, 640 «*хананеян*» (вероятно, купцов), 232 сына и 323 дочери сиро-палестинских владетелей, 270 певиц «*державцев всех стран*» (вместе с их музыкальными инструментами, золотыми и серебряными, в количестве 2214), 820 коней, 730 колесниц со всем их боевым вооружением... И царица, по-видимому, дочь одного отца-воителя с Аман-хатпи (Амен-хотпом) II, обозрела «*победную добычу величества его*».

Из числа семи княжеских трупов, висевших на носу царского судна, шесть было развешено на стене в Нии (Нэ, Фивах) вместе с руками, отрезанными на войне у павших повстанцев. Труп седьмого «*супостата*» был отвезен еще южнее и вывешен на стене пограничной Напаты у самых четвертых порогов в назидание всем эфиопам.

Недолго отдыхал Аман-хатпи (Амен-хотп) после своих первых злодеяний. Осенью следующего года, 9-го года своего царствования, царь выступил в свой второй «победоносный» поход, по последствиям намного превзошедший первый. Правда, фараон как будто б несколько охладел к совершению «подвигов». По крайней мере, сообщается всего лишь об одном таком деянии. Если верить частично восстановленной впоследствии надписи, то Аман-хатпи (Амен-хотп) один с дворцовыми людьми, без остального войска охранял всю ночь до рассвета множество пленных, захваченных в срединных местностях Палестины, оцепив предварительно рвами с огнем. Зато сиро-палестинские города и селения подвергались беспощадному разграблению. Забирали все, что только было можно: мужчин, женщин, детей, скот, вещи. Владетелей свергали и уводили, на место смещенного царь назначал нового. К отчету о втором походе приложен список пленных с указанием количества их по отдельным разрядам и в совокупности. Числа поистине ужасные: всего было пленено около 90000 человек.

Было от чего испугаться и соседним державам. Царь Митанни, царь Хатти, царь Вавилонии «*уподоблялись друг другу*» по части задаривания грозного воителя. Мы не знаем, с кем и где воевал Аман-хатпи (Амен-хотп) II в течение остальной, большей половины своего царствования. Из того, что фараон наполнял службу в хозяйстве Аманы (Амуна) эфиопами, нельзя еще сделать вывод, что на

юге были какие-то крупные восстания и царь лично ходил подавлять их. Еще менее можно заключать о победоносной войне с Митанни из хвастливого и случайного заявления о том, что палица царя поразила Месопотамию.

Хотя свои победы и свое «мировладычество» он возводил в конечном счете к содействию Аманы (Амуна) (тот, видимо, даже приснился ему во время второго похода), однако ревностным храмоздателем воинственный фараон-витязь не был. Его постройки не могут идти ни в какое сравнение с сооружениями его отца Дхут-маси (Тхут-мосе) III, ни тем более с созданиями его тезки и внука Аман-хатпи (Амен-хотпа) III. Впрочем Аман-хатпи (Амен-хотп) II находил удовольствие не только в том, чтобы рыскать «*грозным львом*» по чужбине в поисках мятежей и подвигов, состязаться в стрельбе в медную мишень или предаваться коневодству и гребле. Недаром еще в свой первый поход он забрал из Сирии-Палестины сотни княжеских певиц (с тысячами музыкальных инструментов!), «*служащих увеселению*». Даже деловое письмо, отправленное в 23-м году царствования в день восшествия на престол наместнику Эфиопии (Уср-сите), получило весьма необычное заглавие: «*Список указа, изготовленного величеством его своими собственными руками* (в) *сокровенной части дворца, когда оно сидело, пило, проводило* (веселый) *день*».

Не без основания отмечают, что от «спортивных» пристрастий Аман-хатпи (Амен-хотпа) II бывала иногда выгода и для простого смертного. Нам не раз приходилось упоминать воина Аман-ма-ху (Амен-ем-ха). Это он догнал и убил кобылицу, грозившую расстроить ряды египетского колесничного войска, это он первым ворвался в Кидши (Кадеш) и это он спас Дхут-маси (Тхут-мосе) III от слона, не говоря уж о том, что не кто иной как он добыл языков, переправившись через Евфрат. Нельзя сказать, чтоб Дхут-маси (Тхут-мосе) III не награждал Аман-ма-ху (Амен-ем-ха). Он получал знаки отличия: золотые ожерелья, золотые и серебряные запястья, золотые знаки отличия (ордена) льва, мухи, также одежды и «*всякое добро*, (служащее) *к умиротворению сердца*», раз даже раба и рабыню, но тем не менее он как был, так и оставался рядовым воином. И в качестве такового его брали на священную ладью Аманы (Амуна), когда тот совершал в ней свое праздничное плавание. «*Б*(*ыл*) *я*, — говорит Аман-ма-ху (Амен-ем-ха), — *первым из сотоварищей своих, идя на веслах с Аманой* (Амуном) *в праздник добрый* (храма) *Апы* (Опе) (на юге Нии (Нэ))». Но вот скончался Дхут-маси (Тхут-мосе) III, и на престоле своего отца утвердился Аман-хатпи (Амен-хотп) II. «*И увидело меня величество его, как я шел на веслах с ним на соко*(*лином корабле его*) *по имени "Аман-хатпи* (Амен-хотп), *бог, властитель Уисы* (Висе, Фив греков) *воссиял в ладье", а я греб в праздник добрый Апы* (Опе) *Южного, также* (во время плавания) *ко* (храму) *"Свят* (Небосклон)"». Тут-то и произошел поворот в судьбе воина. Его позвали во дворец, и

Аман-хатпи (Амен-хотп) II, сам «(*вели*)*кий* (телесною) *силою*», вспомнил о прежней доблести Аман-ма-ху (Амен-ем-ха) и сделал его своим «заместителем» по войску с особым назначением надзирать за телохранителями царя.

Аман-хатпи (Амен-хотп) II процарствовал довольно долго (последний известный год его царствования — 26-й). Ему наследовал его сын, юный Джут-маси (Тхут-мосе) IV. Новый фараон, хотя и числился сыном главной царицы (Тнаа), первоначально, быть может, не предназначался в преемники своему отцу. Так, впоследствии Джут-маси (Тхут-мосе) рассказывал о чудесном сне, приснившемся ему в бытность царевичем. Юноша любил развлекаться в пустыне около Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков) охотой и стрельбой, по примеру отца и деда, в медную мишень. Раз в палящий полдень царевич заснул у подножия «великого» сфинкса, которого в то время считали изображением уже не царя-строителя одной из больших пирамид, а солнечного бога Хары (Хора) в небосклоне (Хар-махе). И вот Джут-маси (Тхут-мосе) приснилось, что сфинкс заговорил и, предрекши ему царствование над Египтом и всей вселенной, попросил освободить его от занесших его песков пустыни, что, воцарившись, Джут-маси (Тхут-мосе), очевидно, и выполнил. С этим рассказом перекликается надпись на божнице, высеченной из одного куска камня: «*Вот, нашло величество его камень этот наподобие сокола божественного,* (когда) *был он царевичем. А приказал* (ему Амана (Амун)) *творить царствование* (над) *обеими землями...*».

Джут-маси (Тхут-мосе) IV был последним царем XVIII династии, которого видели берега Евфрата. Упоминается добыча, захваченная, по-видимому, в Месопотамии (уцелел только конец названия страны), а один из сподвижников царя, впоследствии верховный жрец Ан-хары (Анхура) Аман-хатпи (Амен-хотп) величал себя «*провожатым царя, куда бы он ни ходил в чужеземных странах южных и северных, пришедшим из Месопотамии в Курайу* (на юге Эфиопии) *следом за величеством его, когда оно* (бывало) *на бранном поле*». Однако при том же Джут-маси (Тхут-мосе) IV Египет вступил и в дружественные отношения с Митанни и царь этой страны Артатама отдал в жены фараону свою дочь. В 8-м году правления Джут-маси (Тхут-мосе) IV, позднейшем известном по памятникам году его царствования, северная Эфиопия стала свидетельницей восстания местного владетеля, «*собравшего вокруг себя всех мятежных бродяг другой страны*». Уже следование фараона к месту военных действий походило на победное шествие: население Египета высыпало на берег по мере приближения царских кораблей, люди кричали, из храмов царю выносили цветы от имени городских божеств. Восстание было подавлено фараоном, проникшим в труднодоступную долину, куда отступили вожди повстанцев.

Джут-маси (Тхут-мосе) IV царствовал недолго: судя по его мумии, он умер молодым. Возможно, этим объясняется малочисленность его сооружений, хотя он

проявлял не слишком привычную фараонам заботу о памятниках прошлого. При нем был освобожден от занесших его песков великий сфинкс и воздвигнут памятник (обелиск) Дхут-маси (Тхут-мосе) III в храме Апа-сауе (Эп-эсове) в Нии (Нэ) (около нынешнего селения Карнак), лежавший незаконченным в течение тридцати пяти лет.

С восстанием в Эфиопии пришлось иметь дело и преемнику Дхут-маси (Тхут-мосе) IV Аман-хатпи (Амен-хотпу) III (около 1400 г.). Разбив повстанцев в 5-м году своего царствования, фараон проник далеко на юг и водрузил свою пограничную плиту у неких вод Хары (Хора), чего якобы не сделал никто из его предшественников. Этот *«первый победоносный поход»* Аман-хатпи (Амен-хотпа) III был, по-видимому, единственным, в котором он лично участвовал. Да и то не вполне ясно, кто, собственно, руководил походом — он ли сам или его эфиопский наместник Маи-маси (Ми-мосе)? В Сирии-Палестине Аман-хатпи (Амен-хотп) III никогда не появлялся. Ее сопротивление было окончательно сломлено предшественниками Аман-хатпи (Амен-хотпа). Правда, он иногда посылал туда небольшие воинские соединения для наведения «порядка», однако больше предоставлял Сирию-Палестину самой себе — разумеется, с условием вносить положенную дань. Даже тогда, когда Хатти начало мутить в Сирии, тамошние владетели не осмеливались открыто отложиться от фараона.

Крупные державы ближнего Востока не тревожили своего могущественного соседа. Сила египетского оружия и блеск египетского золота делали их правителей податливыми и угодливыми. Аман-хатпи (Амен-хотп) III время от времени оделял этих *«братьев»* щедрыми подачками золотом. Эфиопские и египетские золотые прииски, сиро-палестинская и особенно эфиопская дань, не говоря уже о военной добыче и поставках из южного Красноморья, наводнили казну фараона огромным количеством золота. Иному *«великому»* царю прямо-таки мерещилось, что в Египте золота столько же, сколько пыли. За золото сам вавилонский царь готов был не только слать Аман-хатпи (Амен-хотпу) лазоревый камень, но и проглотить тяжелое оскорбление. Когда царь Вавилона Кадашманхарбе попросил у своего египетского *«брата»* себе в жены его дочь, тот надменно ответил, что египетская царевна искони никому не отдается. Незадачливый жених готов был бы удовольствоваться любой египтянкой, присланной под видом царевны, но фараону претила даже видимость брака вавилонского царя с его дочерью. А оскорбленный вавилонянин? Он был согласен отдать свою дочь египетскому властелину, лишь бы тот прислал ему золота... Не давая дочерей в жены иноземным царям, Аман-хатпи (Амен-хотп) III сам собрал в своем женском доме целое общество их дочерей. За него были «выданы» две вавилонских царевны, три митаннийских и одна из анатолийского государства Арзава. Ни одна из них не заняла видного положения при египетском дворе. Они сильно напоминали тех жен-залож-

ниц родительской верности, которых фараон набирал из дочерей сиро-палестинских владетелей. Вавилонский царь Куригалзу II выказал на деле верность египетскому «*брату*». Когда сиро-палестинские владетели попытались тайком подбить Куригалзу на совместное выступление против фараона, он начисто отверг их предложение. Придворная лесть утверждала, что Вавилония, Ассирия, Митанни и Хатти подвластны египетскому царю. В действительности этого, конечно, не было, но из крупных держав Кипр все-таки находился в некоторой зависимости от Египта.

Новоегипетская мировая держава стояла на вершине своего величия. Огромные людские и вещественные средства, скопившиеся в руках фараона в итоге военных захватов его предшественников и хозяйственного подъема государства и постоянно пополняемые данью и иными поступлениями, позволили развернуть храмоздание в невиданных дотоле размерах. Строительная деятельность этого царствования охватывала разные области Египта, была значительной в Эфиопии и сказывалась даже в Сирии-Палестине. Главное строительство велось по-прежнему в Нии (Нэ, Фивах греков), в честь государственного бога Аманы (Амуна), которому царствующий город приписывал величие свое и царства в целом. Перед храмом Аманы (Амуна) в Апа-сауе (Эп-эсове) Аман-хатпи (Амен-хотп) III возвел еще одни привратные башни (пилоны), построил по соседству, подле подковообразного озера, храм супруге Аманы (Амуна) Мут со множеством каменных изваяний львиноголовой Сахмы (Сахми), отождествлявшейся с нею (одно из этих изваяний находится в Государственном Эрмитаже). Не исключено, что и срединный проход так называемого гипостильного зала в Апа-сауе (Эп-эсове, нынешнем Карнаке) — между двумя рядами исполинских колонн вышиною в 24 м — восходит ко времени Аман-хатпи (Амен-хотпа) III и только впоследствии был разрешен по обе стороны в огромный чертог. На юге Нии (Нэ) фараон построил местным божествам храм Апы (Опе) Южного (Луксорский храм), одно из самых изысканных творений египетских зодчих. К нему вел величественный ход между двумя рядами каменных столбов вышиною в 16 м — вроде упомянутого хода в храме в Апа-сауе (Эп-эсове, нынешнем Карнаке) перед привратными башнями (пилонами) того же Аман-хатпи (Амен-хотпа) III. Сходные ходы были воздвигнуты этим последним и перед соседним храмом Мут, и перед храмом в нынешнем Сулбе около третьих нильских порогов. Но и весь храм в Апе (Опе) Южном, вытянутый строго по средней оси, составлял как бы единый громадный проход для священных шествий от потаенного местопребывания Аманы (Амуна) через обширный столбовой чертог, через двор, окруженный навесами на столбах и вышеназванный ход на наружный двор и обратно. Помещения для идолов окружало множество покоев разного назначения. Здесь фараон, уподобляясь Хи-шап-сауе (Ха-шепсове), велел изобразить свое рождение от царицы Мут-ма-уа и Аманы (Амуна), принявшего образ Дхут-маси (Тхут-мосе) IV. Известны имена

двух зодчих, двух братьев-близнецов Хары (Хора) и Сути, руководивших строительными работами в Апа-сауе, Апе (Опе) Южном и в Нии (Нэ) в целом.

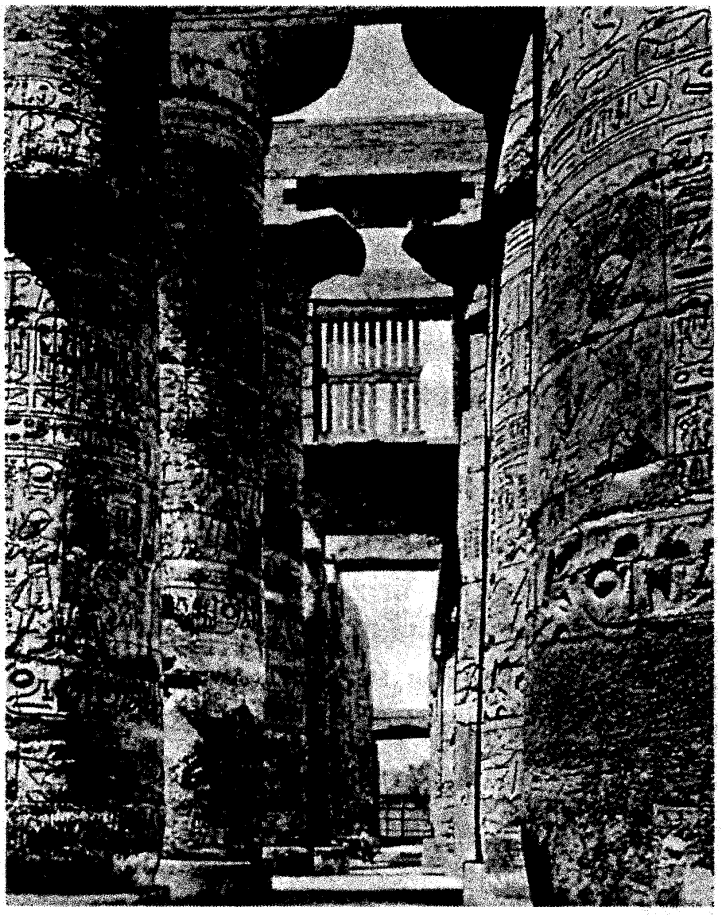
Но особенно великолепным должен был быть поминальный храм царя в том же Нии (Нэ), только на западном берегу, и посвященный тому же Амане (Амуну). К сожалению, от этого здания мало что уцелело. По примеру своих предшественников, Аман-хатпи (Амен-хотп) III не скупился на отделку своих построек драгоценным металлом, хотя у него они были огромных размеров. В Апе (Опе) Южном, в поминальном и сулбском храмах листовым золотом были обиты стены, а пол выстлан серебром. Золотом были отделаны и привратные башни (пилоны) в Апа-сауе (Эп-эсове).

В Нии (Нэ) на восточном берегу от храма к храму протянулись мощенные плитами дороги, обставленные по сторонам изваяниями баранов, священного животного Аманы (Амуна). На западном берегу дорога к царскому поминальному храму шла между собакообразными (шакальими) изваяниями. Из этого храма происходят и ленинградские сфинксы, стоящие на Неве перед зданием Академии художеств. Изваяния львиноголовой Сахмы (Сахме), сближавшейся с женою Аманы (Амона) Мут, были расставлены возле храма последней в таком количестве, что, сохранившись во множестве на месте, украсили собою также многие музеи мира, в том числе Государственный Эрмитаж.

Пристрастие Аман-хатпи (Амен-хотпа) III к громадному сказалось и в размерах его собственных изваяний, воздвигнутых им перед храмами. Изваяния из красно-бурого камня, поставленные впереди поминального храма, имели в вышину по 21 м. По словам царского любимца и тезки, Аман-хатпи (Амен-хотпа), сына «Хапу», они умаляли самые привратные башни, высившиеся за ними. Добычей этих двух «гор из чудо-камня» в каменоломнях неподалеку от Аны (Она, Илиополя греков), их доставкой в Нии (Нэ) вверх по Нилу и установкою руководил как «*распорядитель всех работ царя*» этот самый Аман-хатпи (Амен-хотп), но изваянием из исполинских глыб двух царских изображений ведал непосредственно начальник ваятелей Мин. Изваяния эти известны ныне под названием колоссов Мемнона. Одно из них пострадало, вероятно, во время землетрясения уже во время римского владычества над Египтом. По утрам полуразбитый великан стал издавать странные звуки. Говорили, что это Мемнон приветствует свою мать Зарю. Послушать его пение съезжались греки и римляне, и подножие изваяния по сию пору пестрит их надписями. Через два века император Л. Септимий Север поднял и приладил к нижней части изваяния его голову и плечи, и... пение прекратилось. Подобные звуки, похожие на звук пастушеской свирели, можно поныне слышать в развалинах египетских храмов. То треснутый камень, остыв за холодную ночь и быстро нагревшись наступающим без сумерек утром, издает эти звуки. По восстановлении изваяния верхняя часть придавила нижнюю, и «Мемнон» умолк.

Другой раз Аман-хатпи (Амен-хотп), сын «Хапу», отличился еще того больше. Все оттуда же, из каменоломен около Аны (Она, Илиополя греков), он доставил в Нии (Нэ) два огромных изваяния своего повелителя для главного государственного храма в Апа-сауе (Эп-эсове). Из этих изваяний одно имело в вышину 24 м. Было правильно подмечено, что предшественники Аман-хатпи (Амен-хотпа) III воздвигали в храмах громадные островерхие столбы (обелиски), а он взамен того стал ставить в них громадные изваяния собственной особы. Изваяния прежних царей в храмах Нии (Нэ) совершенно терялись перед этими каменными исполинами. Но было и кое-что другое, в чем прежние цари уступали Аман-хатпи (Амен-хотпу) III. Фараоны издавна считались земными богами, но только Аман-хатпи (Амен-хотп) III в упоении мировладычеством дошел в самообожествлении до служения при жизни собственным идолам. Правда, это царепоклонничество насаждалось преимущественно в Эфиопии, где вместе с Амаоной (Амуном) царю был посвящен великолепный храм в нынешнем Сулбе, но и в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) царскому идолу воздавали божеское почитание. В Эфиопии в соседнем с Сулбом Седэнга был сооружен храм, в котором как богиню чтили любимую жену фараона царицу Тэйе. Фараонов издавна сравнивали с солнцем и величали его сынами, но никто до Аман-хатпи (Амен-хотпа) III не именовал себя столь упорно, как он, видимым солнцем. С этим представлением о себе как о светлом солнце перекликалось настойчивое подчеркивание своей приверженности к правде. Из пяти царских имен три были посвящены ей: в первом имени царь величал себя «*воссиявшим в правде*», во втором — «*установившим законы*», четвертое — обычное государственное — имя было «Ниб-муа-риа», что означает: «*Владыка правды — солнце*». Возле главного храма столицы, в Апа-сауе (Эп-эсове), фараон воздвиг особый храмик все той же правде, «*дочери солнца*» Муа (Мэ).

При таком «*богоравном*» и «*солнцеподобном*» мировладыке за отсутствием военных «подвигов» внимание господствующих кругов, естественно, сосредотачивалось на событиях придворной жизни. Время от времени выпускались своеобразные памятные «медали» в виде больших жуков-скарабеев с упоминанием или описанием происшествий, имевших место при царском дворе. Не позже как на 2-м году своего царствования фараон женился на Тэйе, некрасивой, но умной девушке, сумевшей не только пленить юного фараона, но и занять исключительное положение в государстве. Она была незнатного происхождения. Хотя впоследствии ее отец состоял «заместителем» самого фараона по колесничному войску, первоначально он был всего-навсего служащим храмового хозяйства в среднеегипетском городе Ипу (Панополе греков): до самой своей смерти он сохранял звание заведующего быками тамошнего бога Мины, к службе которому имела также отношение мать царицы. На «*жуке*» (скарабее), выпущенном по поводу женить-



◂ *Большая колоннада Карнакского храма, XIX династия*

▸ *Колоннада в Луксорском храме, XVIII династия*

бы царя на Тэйе, были одновременно отмечены как нецарское ее происхождение, так и новое ее положение в качестве супруги египетского мировладыки: «*Имя отца ее — Йуйа, имя матери ее — Туйу. Жена это царя крепкого: граница его южная у Курайи* (на крайнем юге Эфиопии), *северная — у Месопотамии*». Не в пример прежним царицам, Тэйе очень часто изображалась и упоминалась рядом с самовластным супругом, а митаннийский царь Тушратта утверждал, что она лучше всех приближенных фараона осведомлена о его международных делах. В 11-м году царствования был выпущен скарабей, увековечивший создание искусственного озера для цариц, вероятно, тождественного с озером Биркет Хабу на западном берегу Нила против нынешнего Эль-Кусра (Луксора). В день открытия «*его величество шло на веслах*» по новому озеру «*в царской ладье* (по имени) *"Блистает солнце* (т. е. фараон) *внутри ее"*».

«*Жук*», выпущенный на год раньше, отмечал другое необыкновенное явление при дворе Аман-хатпи (Амен-хотпа) и Тэйе: «*чудесное нечто, доставленное величеству его: дочь державца Месопотамии* (Митанни) *Сутарны Гилухэпа* (и) *лучших из прислужниц ее 327 женщин*»!

Аман-хатпи (Амен-хотп) III не хвалился, как его предшественники, что простреливал насквозь медную мишень, но охотиться любил. На «*жуке*» 2-го года царствования рассказывалось, как, узнав о присутствии в одной местности диких быков, фараон отплыл туда под покровом прохладной ночи, а по прибытии утром отправился на охоту во главе целого войска. Сановникам, воинам и детям было поручено следить за быками, которых затем оцепили оградой со рвом. Тогда царь выехал против быков и из 170 животных уложил свыше полсотни, а через четыре дня и еще четыре десятка. Особым «*жуком*» была отмечена десятилетняя «годовщина» царских охот на львов: «*Число львов, добытых величеством его стрельбою его собственною начиная с 1-го года царствования и кончая 10-м годом царствования — 102 льва грозных*».

Двор Аман-хатпи (Амен-хотпа) III был сказочно великолепен. Блестели золото, ценные камни, слоновая кость, лоснились черное дерево и страусовые перья, шуршало до прозрачности тонкое полотно... На юго-западной окраине Нии (Нэ) откопаны остатки загородного дворца фараона, огромного сооружения из кирпича-сырца с превосходными росписями на потолках, стенах, полах. Местами стены были облицованы голубыми изразцами и поверх их покрыты узорами из листового золота. Золотом были кое-где отделаны и наличники дверей.

Этот дворец не без основания связывают с празднеством тридцатилетия царствования. Действительно, он именовался «*Домом ликования*», как принято было называть здания, предназначенные для обрядов таких празднеств. Тридцатилетняя годовщина правления Аман-хатпи (Амен-хотпа) III вызвала в жизнь целую праздничную промышленность. В развалинах дворца были обнаружены написа-

ния и печати от множества сосудов с вином, мясом, маслом, заготовленными впрок для этого празднества. За первым празднеством тридцатилетия последовали через короткие промежутки в немного лет второе и третье. «*Дом ликования*» был поистине таковым для двора Аман-хатпи (Амен-хотпа) III. Ко дню тридцатилетия царствования управляющий государственным казнохранилищем Ха-ма-хи (Ша-ем-хэ) приготовил владыке приятный подарок: представил опись богатого урожая, собранного на всем протяжении державы — от Эфиопии до Месопотамии. Царь щедро наградил перевыполнивших задание сборщиков. А из придворных кто только не был осыпан тогда золотыми знаками отличия в ознаменование тридцатилетия! Египетский двор роскошествовал и веселился, как только мог, за счет покореных народов и трудового населения собственной страны.

Время Аман-хатпи (Амен-хотпа) III было временем противоречивым.

С одной стороны, египетский двор надменно притязал на мировладычество, зачисляя в воображаемые подданные даже Вавилон, Ассирию и материковую Грецию. С другой стороны, ослепленный своим могуществом, он с небрежным спокойствием терпел в сиро-палестинских владениях козни Хатти, бродячих воинников и лицемерно покорных владетелей против действительно преданных городов и властей.

Если в своем самообожествлении Аман-хатпи (Амен-хотп) III доходил до служения собственным идолам, то не кто иной, как именно он, по самовластной прихоти, оказал подданному честь невиданную и неслыханную. Своему сановному строителю Аман-хатпи (Амен-хотпу), сыну «Хапу», фараон воздвиг поминальный храм на западе Нии (Нэ), как если б царский тезка был сам царем. На своих изваяниях, поставленных в государственный храм в Апа-сауе (Эп-эсове), этот отнюдь не красивый, но весьма расторопный государственный деятель призывал сограждан прибегать к его предстательству перед богами. Века спустя он и сам был зачислен в египетские боги, и греки ввели его, «*Аменофиса, сына Паапия*», в число своих «*семи мудрецов*».

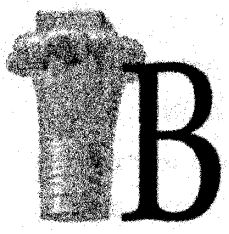
Если искусству времени Аман-хатпи (Амен-хотпа) III была свойственна тяга ко громадному (исполинские колонны, исполинские изваяния), то оно же умело сочетать в своих сооружениях громадность со строгой стройностью, а изображениям на плоскости сообщать очертания невиданной мягкости и плавности. Такое искусство было под стать тогдашнему двору, величавому и вместе с тем изнеженно-утонченному. Да и само лицо царствующего фараона — черты которого охотно придавались художниками его богам и подданным (это было отмечено особенно советской исследовательницей М. Э. Матье) — мало походило на волевые, часто горбоносые лица его предков. Полное, с мягко очерченным носом, пухлыми губами и большими раскосыми глазами, оно легко опознается на изображениях как объемных, так и плоскостных.

Аман-хатпи (Амен-хотп) III правил не менее 37 лет (последний известный год его царствования — 38-й). Под конец жизни он сильно потолстел и страдал каким-то тяжелым недугом. Для исцеления от него митаннийский царь Тушратта посылал своему египетскому «*брату*» идол Иштари ниневийской с вежливой просьбой вернуть его потом обратно. Царица Тэйе сохраняла свое примечательное положение рядом с фараоном вплоть до его кончины, несмотря на то, что Аман-хатпи (Амен-хотп) III женился, кроме как на иноземных царевнах, еще на нескольких собственных дочерях. Бывало, что в одной и той же надписи стояли рядом имена Амен-хатпи (Амен-хотпа) III, «*жены царя*» Тэйе и их дочери «*жены царя*» Сит-аманы (Си-амун). Царский любимец Аман-хатпи (Амен-хотп), сын «Хапу», не пережил своего покровителя: он скончался вскоре после 30-го года его царствования.

ГЛАВА V

ЕГИПЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОРУ НОВОГО ЦАРСТВА

ПРИ XVIII, XIX И XX ЦАРСКИХ ДОМАХ; XVI—XII ВЕК



В итоге завоевательских войн египетское государство вышло далеко за старые пределы. Создалась и утвердилась мировая держава, простиравшаяся от северной Сирии до срединной Африки и распространявшая свое влияние от средиземноморских островов до южного Красноморья. Трудно, конечно, допустить, чтобы общество, утвердившее свое господство над окружающим миром, оставалось таким же, как и прежде, когда Египет не был мировой державой. И действительно, новое общество выглядело настолько новым, что казалось прямою противоположностью староегипетскому. Та перестройка общества, что происходила в Среднем царстве, нашла теперь свое завершение.

В чем же состояла новизна?

Начнем с новоегипетского производства. Первою его особенностью было широкое применение искусственного сплава меди с оловом, в частности для изготовления орудий труда. Со времени XVIII царского дома Египет вступил в так называемый бронзовый век. Да и как могло б быть иначе? Как можно было обладать Сирией-Палестиной, где этот век наступил давным-давно, и продолжать жить в медном веке?

По сравнению с медью в естественном виде, сплав ее с оловом обладал важными преимуществами: он был тверже, его точка плавления значительно ниже, а текучесть больше. Последнее свойство имело существенное значение для развития литейного дела. Хотя сплав тоже ковали, он был удобнее меди для литья, особенно в закрытых изложницах, дававших более чистые отливки. От середины XVIII царского дома имеются изображения литья таких больших предметов, как храмовые двери — на сплав указывают закрытые изложницы.

Но при всех своих преимуществах сплав не мог вытеснить медь из производ-

ства. Нет оснований полагать, что сравнительно недавно открытые в Египте скудные месторождения олова были известны в древности, и потому олово и сплав меди с оловом были, вероятно, привозными (от времени XVIII царского дома до нас дошли уже и просто оловянные предметы). Медь в ее естественном виде продолжала широко употребляться.

Железо упоминается источниками, и сохранилось некоторое количество железных предметов, но еще в конце XVIII царского дома железо считалось чуть ли не драгоценностью, и изделия из него бывали вставлены в золото. Митаннийский царь Тушратта прислал в подарок Аман-хатпи (Амен-хотпу) III три кинжала с железными лезвиями, два перстня и еще какую-то вещь из железа и золота, а его сыну Аман-хатпи (Амен-хотпу) IV — три таких же кольца. На трупе Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) были найдены кинжал с золотою рукояткою и железным лезвием в золотых ножнах, крошечный волшебный подголовник из железа и железное волшебное око, зажатое в дугу золотого запястья. В той же гробнице было найдено шестнадцать «орудий» с деревянными рукоятками обычного размера, но с лезвиями из железа настолько тонкими и мелкими, что работать ими было бы невозможно.

При дороговизне меди и неупотребительности железа население, естественно, продолжало пользоваться и каменными орудиями. Кремневые заготовки для них были обнаружены даже в самой новозданной столице царя-солнцепоклонника Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV. Мало того, возле самого его дворца была, по видимому, расположена мастерская, изготовлявшая кремневые вкладыши для лезвий деревянных серпов. Следы особого состава из песка, глины и воска на этих вкладышах доказывают, что они были в самом деле вставлены и укреплены в серпах. Правда, по выделке большинство вкладышей значительно уступает дошедшим до нас от более ранних времен. В небольшом количестве были найдены в Ах-йати (Ах-йоте) еще кремневые орудия вроде скребков. Разнообразные находки, сделанные в городе Хмане (Шмуне, Ермуполе греков) в пластах, современных Новому царству. Больше всего и здесь было найдено вкладышей для серпов. Но в концах, где жила, по всей видимости, беднота, были обнаружены также кремневые ножи. Наряду с более крупными и прочными ножами тщательной выделки в ходу были маленькие ножички, изготовленные небрежно. На лезвиях этих ножичков заметны следы употребления. На изображениях в гробнице верховного сановника Дхут-маси (Тхут-мосе) III Рих-ма-рии (Рех-ме-рэ) в Нии работники по-прежнему не только лощат камень и дерево каменными желваками, но и обивают камень, как молотами, булыжниками.

И все-таки, несмотря на упорные пережитки прошлого, Египет жил уже в новом веке. И новизна его состояла не только в том, что он был «бронзовым». В нем были впервые применены или получили широкое распространение многие существенные изобретения и производственные усовершенствования.

Большим нововведением в медном деле были ножные меха, засвидетельствованные уже для времени Дхут-маси (Тхут-мосе) III (изображены в гробнице Рех-ме-рэ (Рих-ма-риа)). Прежде, в Старом и Среднем царствах, плавильный горн раздували ртом через длинные трубки. Не говоря уж о мучительности такого приема, он требовал — судя по изображениям — нескольких работников, тогда как двух работников с мехами под каждой ступней было довольно для обслуживания горна по-новому.

Закрытые изложницы, можно считать, были в употреблении и у прежних медников-литейщиков, но вряд ли такой величины, чтобы в них возможно было отлить большие храмовые двери, как то изображено у Рех-ме-рэ (Рих-ма-рии).

Не позже середины XVIII царского дома осуществлено было и важное нововведение в ткацком деле. Еще в Среднем царстве ткацкий станок был неизменно лежачим и обслуживали его два или три работника. Теперь появился отвесный ткацкий станок, требовавший всего-навсего одного работника, и только при особой ширине — двух. Усовершенствовано было также приготовление нитей для основы. Вместо прежней ручной прялки прядильщик мог теперь пользоваться одновременно двумя подвесными.

Управление зараз несколькими орудиями производства составляло особенность не одного только медного или прядильного ремесла. Сверлильщики бус при XVIII царском доме, в отличие от своих предшественников, приводили в движение не одно, а три или два сверла одновременно.

На изображениях этого времени видно немало ремесленных орудий и приспособлений, не заметных на изображениях более давних времен. Усовершенствовались также старые орудия. Так, наряду с топорами, привязанными к рукояти, появились топоры, надетые на нее.

Существенные новшества наблюдались при XVIII царском доме и в случае сельскохозяйственных орудий. Плуги с отвесными прямыми рукоятками и перемычками поперек их, редкие еще в Среднем царстве, стали теперь общепринятыми и снабжались в верху рукоятей отверстиями для рук. Земляные комья размельчали при пахоте уже не одними мотыками, но и молотами на длинных палках, хотя молотов в нашем смысле Египет до того, по-видимому, вообще не знал (обходились желваками и колотушками). Появились даже какие-то усложненные мотыки. Льноводы пользовались наклонною гребнеобразною доскою для отдирания семян от пучков льна. В садоводстве поливка из ручных водоносов стала заменяться поливкою из колодцев-журавлей, которым суждено было в отдаленном будущем занять столь видное место в египетском полеводстве.

Стеклоделие развилось в большую промышленность. От времени XVIII царского дома до нас дошло много стеклянных сосудов и бесчисленное количество мелких поделок из стекла. В столице солнцепоклонника Аман-хатпи (Амен-

хотпа) IV Ах-йати (Ах-йоте) были откопаны стеклодельные мастерские. Правда, стекло было непрозрачным или малопрозрачным, ни литым, ни дутым, а выделанным вручную. Но это, впрочем, имело то преимущество, что позволяло легко приготовлять чрезвычайно нарядное пестрое слоеное стекло.

Всюду в производстве заметно новое, неизвестное нам для прежних времен, причем нередко дело идет о весьма тонких вещах. Для времени XIX царского дома засвидетельствовано литье из меди полых изображений. Полива при XVIII царском доме достигла прочности, не свойственной легко трескавшейся прежней. Применялись разные средства для окраски стекла. С помощью окиси железа приготовляли золото со светло-алой поверхностью. Образцы его, найденные в гробнице фараона Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) конца XVIII царского дома, привели на первых порах в полное недоумение ученых-естествоиспытателей. При XVIII царском доме стали покрывать бесцветной смолою дерево (прозрачный и черный лаки). В этой связи следует упомянуть, что и искусство приготовления нетленных трупов (мумий) достигло изумительного совершенства именно при XVIII и XIX царских домах. Примером могут служить останки Дхут-маси (Тхут-мосе) IV, родителей царицы Тэйе, фараонов XIX дома Сутайи (Сетойа) I и Риа-масэ-сы (Ра-месе-са) II.

Любопытная черта наблюдается одинаково в мастерских и на поле — попытки облегчить труд. Трубки для раздувания плавильного горна, требовавшие большого напряжения со стороны работников, были заменены мехами. При лежачем ткацком станке ткачи были вынуждены передвигаться по полу по мере продвижения работы; при отвесном ткацком станке работник сидел на скамеечке. И вообще в мастерских по мере возможности работали уже не стоя и скорчившись на полу, а сидя на скамеечках или других сиденьях. Маленькие — «ручные» — горны, раздувавшиеся по-прежнему через трубку ртом, помещались тем не менее не на земле, а на высоких подставках.

Из перевозочных средств заметное распространение получили колесные повозки. Правда, колесницы-двуколки с конской упряжкой служили или военным нуждам, или для выездов знати, а грузы по-прежнему возили на санях, в которые запрягали быков. Однако уже Дхут-маси (Тхут-мосе) III суда, построенные в Финикии в области города Гублы (Вивлоса греков), вёз через Сирию на Евфрат на «колесницах», запряженных быками. При XX царском доме значительное количество повозок, запряженных быками, сопровождало людей, отправленных в каменоломни. «Игрушечная» ладья на четырех колесах была помещена еще в гробницу матери основателя XVIII царского дома Ах-маси (Ах-мосе) I царицы Ах-хатпи (Ах-хотп).

Много нового наблюдалось в скотоводстве.

Лошадь была известна египтянам еще в расцвет Среднего царства. В своем

месте было сказано, что конский костяк был обнаружен в одной из тогдашних египетских крепостей в Эфиопии. Однако широкое распространение в Египте лошадь получила лишь при «*властителях стран*» (иксосах). Освободительная война с ними велась в значительной мере с помощью колесниц еще при фараоне Ка-маси (Ка-мосе). Небольшая и очень стройная, эта лошадь не нашла себе применения в производстве. Тем не менее, коневодство при XVIII царском доме не могло не вестись в широких размерах. Хотя лошадь ходила лишь в боевых и выездных колесницах, теми и другими пользовались постоянно и в большом количестве. Число коней в стране неизменно пополнялось из добычи, взятой в победоносных войнах в Сирии-Палестине и на Евфрате, и из сиро-палестинской дани. Известно, что коневодство пользовалось особым вниманием со стороны Дхутмаси (Тхут-мосе) III и его сына Аман-хатпи (Амен-хотпа) II.

Много крупного рогатого скота и еще больше мелкого, овец и коз, а также немало ослов поступало в виде добычи или дани из той же Сирии-Палестины. Из Эфиопии дань быками шла тоже; их и ослов захватывали там и во время войн. В итоге постоянного грабежа в Египте должно было скопиться очень много скота, и прежнее увлечение приручением степных копытных теряло теперь всякое хозяйственное оправдание. Во всяком случае, эти копытные (антилопы, газели, козероги) исчезают из изображений и перечней стад, хотя их продолжали приносить в жертву и некоторыми из них (газелями) пользовались как «комнатными» животными наряду с собаками, кошками и обезьянками.

Древняя порода гривастых баранов с развесистыми рогами, не дававшая шерсти, окончательно заменилась современной с подогнутыми рогами и богатой шерстью. Мотки какой-то шерсти дошли до нас от конца XVIII царского дома. Свинья была известна давно, но только со времени XVII—XVIII царских домов появляются упоминания и изображения значительных стад свиней.

Мало нового заметно лишь в птицеводстве. Водяные птицы составляли попрежнему его основу. Петух все еще был редкостью. В самые летописи Дхутмаси (Тхут-мосе) III были занесены четыре птицы, которых доставили в виде дани из какой-то страны и которые — о диво! — «*неслись ежедневно*». Вероятно, это были куры.

Для количественного и качественного сравнения развития растениеводства при XVIII царском доме с прежним имеющиеся данные недостаточны. Если б мы лучше разбирались в египетских обозначениях растений и плодов, можно было б, вероятно, установить множество новых видов в саду и огороде Нового царства. Источники второй его половины пестрят именами полезных растений и плодов, до того неизвестными (в числе их такие, как чечевица, яблоки). С того времени, как корабли фараона-женщины Хи-шапсауы (Ха-шепсове) ходили в южное Красноморье и привезли оттуда деревья, дававшие благовонную смолу, начались попыт-

ки насаждения их в Египте. В гробах фараона Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) конца XVIII царского дома были найдены васильки и другие цветы, цветущие в Египте весною (в марте — апреле), а также плоды, созревающие в то же время. Но там же оказались цветы голубого лотоса, цветущего в наше время в водах египетского Низовья во вторую половину года (с июля по ноябрь). На этом основании полагают, что садоводы Нии, где был похоронен юный фараон, умели выгонять цветы голубого лотоса раньше времени его обычного цветения.

Источники промышленного сырья бесконечно возросли за счет ограбления окрестных стран.

Значительная часть наличной меди поступала не из синайских рудников, а в виде добычи, дани или иных зарубежных поставок. Из одного из своих сиро-палестинских походов Аман-хатпи (Амен-хотп) II привез не менее 45500 кг меди. В мирное время медь доставляли далеко не одни лишь сиро-палестинские данники, но также в виде полуобязательных даров остров Кипр. Различали разные виды меди: медь черная, медь сиро-палестинская и т. д.

Золото потреблялось теперь с баснословной расточительностью. Основным источником были, конечно, не местные прииски в восточной пустыне, а эфиопские рудники. Существовало управление золотоносными «нагорьями» Эфиопии, и золото было едва ли не основною ее данью. Тем не менее, огромное количество его забиралось во время походов в Сирию-Палестину. Так, из одного только похода Аман-хатпи (Амен-хотп) II привез свыше 600 кг. Помимо военной добычи, золото поступало из Сирии-Палестины еще в составе дани. Однако сиро-палестинская дань золотом была при Дхут-маси (Тхут-мосе) III в десятки, если не в сотни раз меньше эфиопской. Зато Эфиопия не вносила ни серебра, ни свинца, ни меди, которые уплачивала Сирия-Палестина, а также забирали там сами египтяне во время походов. Когда египетские войска подступали к границам Хатти, его царь слал в дар фараону серебро, которым была так богата Анатолия. Один северный царь (страны «Иси») слал в те времена вместе с медью также свинец. О редкости в тогдашнем Египте железа и своеобразном отношении к нему было сказано выше. Ниже, когда зайдет речь о меновых отношениях, будет сказано о любопытном обращении египтян с золотом.

Несмотря на то, что добыча бирюзы на Синайском полуострове шла своим чередом, ее забирали и в Сирии-Палестине во время войн. Оттуда же в виде добычи и дани поступал лазоревый камень, который в дар фараону слали также государства Двуречья и еще одна из стран («Иси»). Полудрагоценные камни поставляла равным образом Эфиопия.

На Ливане фараоны рубили строевой лес. Финикия обязана была снабжать им при Дхут-маси (Тхут-мосе) III пристанища египетских судов у ее побережья. Известно, впрочем, что при том же царе пользовались для кораблестроения и

эфиопским лесом. Разное ценное дерево забиралось в Сирии-Палестине как добыча и дань. Эфиопия поставляла черное дерево, которое поступало еще и из южного Красноморья. При Аман-хатпи (Амен-хотпе) II египетское войско забрало в Эфиопии столько черного дерева, что для доставки его потребовалась тысяча человек.

Сотни людей понадобились в тот раз и для доставки слоновой кости. Последняя была вообще одним из видов эфиопской дани, но слоновую кость слала также одна северная страна («Иси»): в Междуречье тогда еще водились слоны.

Не приходится и говорить о том, какие количества зерна и иных припасов забирались на месте или получались в виде дани, особенно из Сирии-Палестины, но также из Эфиопии.

Было б, однако, несправедливо сводить все новые источники сырья к грабежу окрестных стран — вводились в широкое употребление и местные источники, до того слабо использованные. Если начатки строительства из песчаника — вместо исконного известняка — восходили к XI царскому дому, верхнеегипетскому по происхождению, то громадное храмоздание XVIII царского дома, особенно Дхутмаси (Тхут-мосе) III и Аман-хатпи (Амен-хотп) III, в стольном Нии ввело песчаник из южноегипетских каменоломен в повседневный строительный обиход. Верховный почин нашел отклик в Низовье, где стали ломать для памятников бурый песчаник из «Горы Красной» (ныне Гебель эль-Ахмар около Каира). Если в прежние времена добыча твердого камня (красного и черного гранита) на самом юге страны сводилась больше к собиранию свободно лежавших глыб, то новое время, с его более совершенными орудиями, повело в больших размерах настоящую ломку этого камня.

При природном богатстве Египта сырьем и беззастенчивом захвате его у соседей потребность во внешней торговле должна была быть ограниченной. Клинописная переписка фараонов Аман-хатпи (Амен-Хотпа) III и Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV, частично откопанная в столице последнего Ах-йата (Ах-йот, нынешняя Эль-Амарна), почти не касается торговли в точном смысле слова, хотя оба царя переписывались не только с подвластными сиро-палестинскими владениями, но и с главами самостоятельных крупных держав. Обмен подарками между царями этих последних и фараонами хотя и граничил с торговлею, просто-напросто ею все-таки не был. Дхут-маси (Тхут-мосе) III получал дары от царей Вавилонии, Ассирии, Хатти, Митанни и еще одной северной страны («Иси»), Аман-хатпи (Амен-хотп) II от глав первых из пяти царств, когда египетские войска оказывались поблизости от них, и нет никаких известий о возможных ответных дарах с египетской стороны. В конце XVIII царского дома, когда Аман-хатпи (Амен-хотп) III и IV бесспорно слали ответные дары, торговая выгода от такого «обмена» была часто более чем сомнительной. Иные «великие» цари под лю-

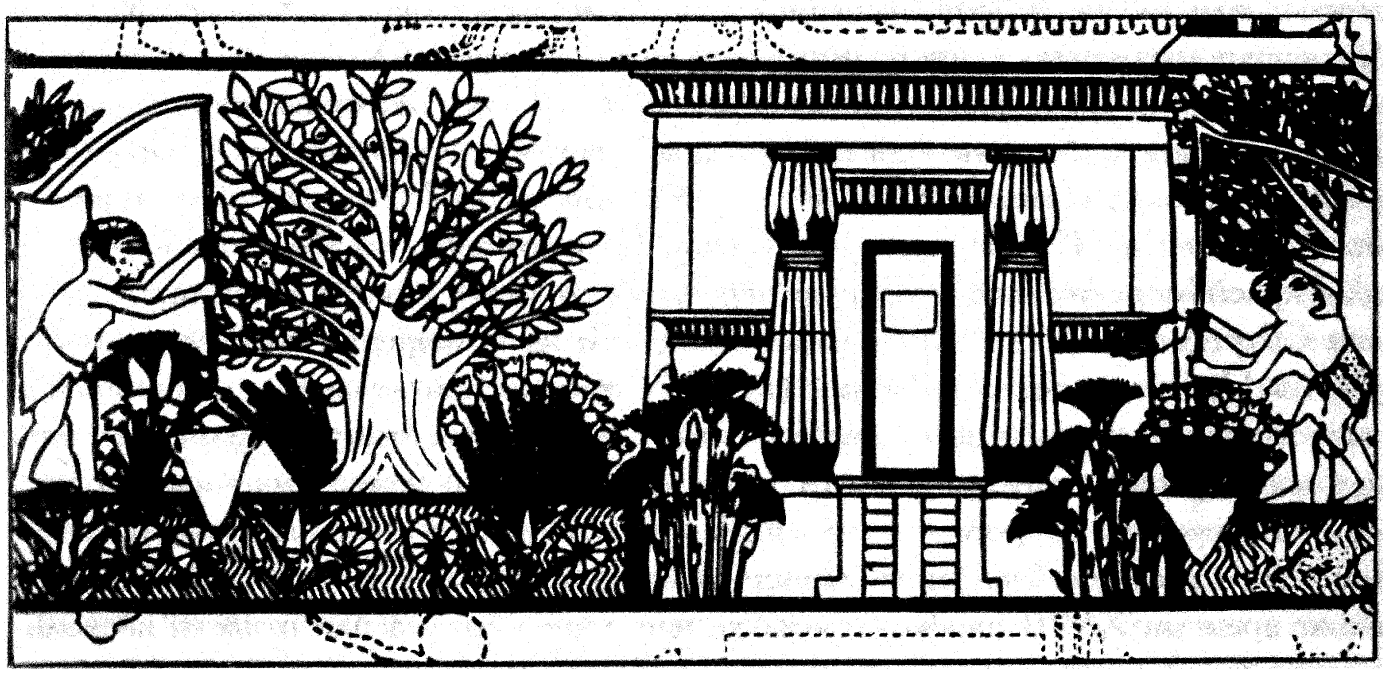
быми предлогами клянчили у египетского «брата» золото, которого-де у того было, что пыли, а тот своими золотыми посылками покорял их своей воле. То, что державные «братья» сами слали фараону, явно не окупало его расходов, и он подчас придерживал поток своих милостей, к великому раздражению получателей.

В своих сиро-палестинских владениях Аман-хатпи III и IV терпели полнейший беспорядок, и местные владетели вкупе ни много ни мало как с представителями египетской власти грабили купцов самого вавилонского царя. И примечательно, что этот последний, жалуясь фараону, стращал его затруднительностью передвижения при таких условиях по Сирии-Палестине с вавилонской стороны — купцов, с египетской же всего-навсего — послов. О египетских купцах вавилонянин не проронил ни слова, да и о том, что вавилонские направлялись в Египет, а не в одну лишь Сирию-Палестину, в письме ничего не сказано. И в самом деле, какие могли быть оживленные торговые сношения между Египтом и Вавилонией, когда в Египте в ту пору золото ценилось немногим больше серебра, а в Вавилонии было во много раз его дороже?

Знаменитое плавание судов и воинов фараона-женщины Хи-шапсауы (Хашепсове) в южное Красноморье (Пунт) было скорее грабительским, чем торговым предприятием. Правда, посол привез в дар местной богине, отождествленной египтянами со своей Хат-харой (Хат-хор), сосуды с жертвенными припасами и «*вещи всякие добрые*» из дворца: кольца, оплечья, ожерелья, секиру, кинжал, — зато египетские корабли при отплытии обратно были до отказа нагружены «чудесами» чужеземной страны: всевозможными «*добрыми*» травами, грудами благовонной смолы и производящими ее деревьями, черным и разным другим ценным деревом, куреньями, притираньями, золотом, невольниками с их детьми. Ограбление края сопровождалось установлением над ним египетского главенства, и местные вожди отбыли с египтянами в их столицу на поклон женственному фараону. Впрочем, сами египтяне считали красноморские «чудеса» данью и именовали так поставки оттуда и впоследствии. Только раз при Дхут-маси (Тхут-мосе) III слышим мы в связи с южным Красноморьем и крайним югом «*земли*» о поступлении к царю всяких благ в порядке купли-продажи.

Мелочную торговлю, завязывающуюся у причала с приплывшими в Египет данниками, трудно назвать иностранной. На изображении в одной из тогдашних гробниц торговцы сидят каждый порознь на скамейке, за столиком с товаром под скромным навесом, увешанным вещами, иногда с весами в руках. При сходе на берег сиро-палестинских данников торговцы предлагают приезжим обувь, одежду, съестные припасы. Более внушительно выглядят постройки, откопанные в столице Аман-хатпи (Амен- хотпа) IV и принимаемые, на основании остатков заморской посуды, за подворье микенских купцов. Но за всё Новое царство неиз-

▲ *Нубийские данники, роспись гробницы родителей царицы Тэйе, XVIII династия*



▲ *Поливка храмового сада с помощью колодцев-«журавлей» (шадуфов), роспись гробницы Ипуи в Фивах, XIX династия*

вестно ни одного сколько-нибудь видного египетского дельца, который на правах частного лица вел бы торговлю с заграницей.

Некоторое оживление внешней торговли наблюдалось как будто б во вторую половину Нового царства. В школьной прописи времени XIX царского дома сановный богач оказывается хозяином судна, которое ходит для него в Сирию-Палестину за «*вещью всякою доброй*». В другой школьной прописи того же времени в числе потребного египетскому двору перечислены такие зарубежные блага, которые, если их приобретали путем непосредствованного обмена, свидетельствовали бы о далеко простершихся торговых связях. Упомянуты вавилонские жеребцы, быки Хатти, кипрские коровы, масло Хатти и Междуречья, какие-то жидкие вещества, вавилонское и кипрские. Из третьей прописи мы узнаем, что у египтян в употреблении были копья Хатти.

Высокому по тому времени производственному развитию Египта не мог не отвечать относительно высокий уровень точных и естественнонаучных знаний. О достижениях египетской счетной и землемерной науки к началу Нового царства нам довелось говорить в главе о Среднем. Новому царству принадлежит изложение полунаучное-полубаснословное того положения, что созвездия находятся на небе и днем и невидимы только потому, что тогда на небе находится солнце. По части измерения времени новоегипетская наука достигла значительных успехов. Только со времени XVIII царского дома засвидетельствованы в Египте водяные часы (приборы для определения времени по звездам были известны и раньше). Что касается солнечных часов, то в Палестине были найдены «карманные» или, лучше сказать, нашейные солнечные часы конца XIX царского дома, оброненные, возможно, египетским воином или посланцем. От начала того же царского дома имеется известие об особых теневых часах, отличных от солнечных. Примечательна любознательность тогдашних египтян по отношению к иноземной природе. В походы, видимо, брали с собой художников. Изображая плавание судов Хи-шапсауы (Ха-шепсове) в южное Красноморье, изобразили и разные виды красноморских рыб, морскую черепаху, морского рака, каракатицу. Джхутмаси (Тхут-мосе) III велел изобразить в одном из помещений государственного храма в Нии множество растений (целый ботанический атлас!) и ряд зверей и птиц, «*найденных*» им во время похода в Сирию-Палестину. К царствованию того же фараона надо приурочить любопытное изображение диковинного зверя — носорога с подробным указанием его обмеров (в храме города Арманта, Ермонтиса греков). Особенно хорошо осведомлены мы о врачебной науке, так как от времени XVIII царского дома до нас дошло сполна или отчасти несколько подробных лечебников. Самый обстоятельный из них, представляющий смесь вздорных и колдовских советов с вполне толковыми, заполняет свиток длиною в 20 м. От того же времени, начала XVIII царского дома, до нас дошла, к несчас-

тью, неполностью, замечательная рукопись, посвященная лечению ран и сходных повреждений, в частности таких, как подкожный пролом черепа и заболевание внутренних полостей носа. Общий строй изложения поразительно научен и последователен, некоторые описания повреждений необыкновенно точны. Правда, сами лечебники были, наверное, много старше дошедших до нас списков.

Стоит, пожалуй, отметить разнообразие музыкальных инструментов, имевшихся к услугам игрецов-певцов уже при XVIII царском доме. К стародавним арфе, длинной и короткой дудке, трещоткам и гремушкам прибавились гусли, заимствованные у хананеян, лютня, двойная дудка, воинская труба, барабан, бубны. Арфы и гусли делались иногда огромных размеров.

Развитие производственных сил в Новом царстве представляло прямое завершение начавшегося в Среднем. Можно ожидать, что и производственные отношения в новоегипетскую пору представят в окончательном виде то, к чему тяготела предыдущая пора.

Рабовладение достигло в Новом царстве распространения дотоле невиданного. Оно проникло едва ли не во все слои египетского общества. Слово ***бак*** сохранило свое прежнее значение, по-прежнему употреблялось для обозначения раба. Но в этом употреблении со времени XVIII царского дома его сильно потеснило слово, обозначавшее прежде слугу, зависимого человека, а теперь ставшее самым употребительным обозначением раба, слово ***хам***. То же произошло и со словом ***бака*** «*рабыня*», и словом ***хама***, обозначавшими раньше служанку, зависимую египтянку, а теперь получившими значение «*рабыня*». Наплыв пленных в хозяйство страны был, видимо, настолько велик, что прежние обозначения зависимых работников наполнились новым содержанием, стали обозначать рабов.

Рабами сплошь и рядом владели люди со скромным положением в обществе: пастух и ремесленник, садовник и привратник, корабельщик и торговец, возница и воин, сын воина, слуга, певец, рядовые жрецы, мелкие должностные лица, простые горожане, безвестный иноземец. В указе второго царя XIX царского дома Сутайи (Сетойа) I об ограждении храма Усири (Осириса) в городе Абаде (Эботе, Авидосе греков) от разного рода государственных повинностей и от посягательств со стороны должностным лицам возбраняется, между прочим, посягать на храмовую рабочую силу в Эфиопии, забирать работников в другой округ для отбывания там пахотной, жатвенной или иной повинности. Ослушнику грозит жестокое избиение и отдача храму для отработки каждого дня, проведенного храмовым человеком у виновного. Запрет распространяется на жен и рабов работников храма. И кто же из храмовых работников может иметь рабов? «*Блюстители пашень, доверенные, пчеловоды, землепашцы, садовники, виноградари, [дружины(?)] грузовых судов, [доставщики (?)] грузов, торговцы с чужеземными странами, золотоискатели, промыватели золота, судостроители, всякий, кто*

творит дело свое» для храма. Вслед за тем запрещение распространяется на храмовых пастухов, их жен и рабов. Не правда ли, представительный перечень возможных рабовладельцев? В него попали едва ли не все производители храмового хозяйства! Запрет посягать на жрецов и храмовых служащих, их жен и рабов изложен особо.

Но простые смертные были сплошь и рядом не просто рабовладельцами, а рабовладельцами завзятыми. Они часто владели несколькими и даже многими рабами. В конце XVIII царского дома один пастух имел, по меньшей мере, раба и двух рабынь, привратник не менее трех невольниц. Во вторую половину Нового царства у второстепенного жреца в гробнице было изображено семь рабынь с детьми, а у другого, тоже не высокопоставленного, было девять рабов мужчин и женщин. В начале XVIII царского дома сын корабельного воина, сам долгие годы служивший воином на кораблях и лишь впоследствии выслужившийся в начальника гребецкой дружины, владел девятью рабами и десятью рабынями, которые все или почти все были получены им до производства в начальники. При XIX царском доме, по школьному поучению, мальчишку, принятого лишь ради деда с материнской стороны для обучения на колесничного бойца, сопровождало в место обучения пять рабов, из которых, правда, ему оставили там только двух.

И как рьяно и упорно такие люди добивались рабов! Еще на заре Нового царства войско царя Ка-маси (Ка-мосе) вело себя *«наподобие львов»*, беря добычу, в первую очередь рабов, и делило добытое *«с радостным сердцем»*. В начале XVIII царского дома раздача пленных служила главным средством поощрения воинов. Не только упомянутый корабельный воин Ах-маси (Ах-мосе) сам получил так своих рабов, из которых некоторых пленил собственноручно: одновременно с пожалованием ему пяти *«голов»* и пахотной земли, таким же образом была награждена вся гребецкая дружина. С упрочением своей власти фараоны XVIII царского дома стали, видимо, скупее на раздачу пленников. Такой заслуженный воин Дхут-маси (Тхут-мосе) III, как Аман-ма-ху (Амен-ем-хоп) мог похвалиться получением за все время своей походной жизни одного раба и одной рабыни. Дело было, конечно, не в потере воинами охоты к завоеванию себе рабов. В гражданскую войну в самом Египте при XX царском доме, когда разоряли один из среднеегипетских городов, воин-эфиоп поторопился захватить себе раба, которого, впрочем, потом продал.

Страсть к добыванию рабов обуревала людьми не только на войне. При XIX царском доме одной горожанке, жене должностного лица, так приглянулась девочка-хананеянка у пришлого торговца, что, не имея достаточно дома, покупательница обежала полдюжины знакомых, чтобы занять всякой всячины для обмена на рабыню. Стоило в конце XX царского дома жене садовника разжиться краденным на кладбище имуществом, как она уже обратила его в рабов. При

XVIII царском доме покупали даже «*дни*» чужих невольниц. Какой-нибудь пастух или сын воина сами приходили и предлагали нанять у них рабынь. Спрос же на рабские «*дни*» был, по-видимому, немалый. Пастух Ниб-махэ (Неб-махэ) нанимал рабынь не раз и не два, а в течение ряда лет; сохранилось пять сделок, в которых он выступает нанимателем. Неудивительно поэтому, что другой пастух, сдававший в наём своих невольниц, держал раба и двух рабынь, хотя, по собственным словам, нуждался даже в одежде.

Среди мелких рабовладельцев наблюдался частый переход рабов из рук в руки, возможно, из-за недостаточной обеспеченности хозяев. В 27-м году царствования Аман-хатпи (Амен-хотпа) III две рабыни принадлежали упомянутому пастуху Ниб-махэ (Неб-махэ), в 33-м году ими владели уже горожанка и ее брат, мелкий жрец, а лет через восемь рабыню, одноименную с одной из тех, отдал в наём, притом тому же лицу, что и прежние владельцы, сын воина. В те же годы за рабыню дали раз двух коров, оцененных вместе в 16 «денег», и двух телят, оцененных вместе в 12 «денег», итого четыре головы скота на 26 «денег» или 210 гр. серебра («деньга» равнялась примерно $7^1/_2$ гр.). Чтобы яснее представить себе стоимость рабыни, следует учесть, что тогда же и там же корову можно было купить и за 6 «денег», 1 сату пахотной земли («сата» — свыше 2700 кв. м) — за 2 «деньги», козу — за $^1/_2$ «деньги». Цена «*дня*» рабыни была поразительно высока — 1 или 2 «деньги». Поэтому, вполне естественно, сроки найма в уцелевших сделках обычно коротки: от двух до шести «*дней*», один раз десять, другой раз, возможно, семнадцать «*дней*». Покупка рабыни, упомянутая выше, происходила в несколько необычных условиях. Продавец, пастух, предстал перед покупателем, сотоварищем по ремеслу, связанный, в сопровождении каких-то лиц, которые, вероятно, требовали от него скот, и ему потому спешно надо было во что бы то ни стало его приобрести. Во всяком случае, цены на рабов во вторую половину Нового царства бывали значительно выше. При XIX царском доме за девочку-ханаанеянку торговцу было дано вещей на 373 гр. серебра, в конце XX царского дома за одного раба заплачено было серебром, медью, зерном и одеждою общей стоимостью более чем на 360 гр. серебра. Впрочем, в конце того же XX дома раба купили однажды всего за 182 гр. серебра. Надо, однако, иметь в виду, что отношение по стоимости меду серебром, медью и зерном сильно менялось в течение второй половины Нового царства.

Несомненно, мелкие рабовладельцы использовали своих невольников и невольниц не для одних личных услуг, но и на производственной работе. Погоня за рабами, покупка рабов, несмотря на дороговизну, приобретение дорогостоящих «*дней*» рабынь трудно объяснить иначе, как настоятельной потребностью в рабском труде в небольших хозяйствах. Когда основатель Нового царства фараон Ах-маси (Ах-мосе) I награждал своего тезку, корабельного воина Ах-маси, за

участие в гражданской войне на стороне царя, он каждый раз прилагал к рабам наделы пахотной земли. В первый раз он дал пять «*голов*» и — по числу их? — пять «*сат*» («*сата*» — свыше 2700 кв. м), во второй раз 3 «*головы*» и те же пять «сат». В первом случае таким же образом была награждена вся гребецкая дружина.

В богатых и просто состоятельных домах рабов использовали, конечно, и для удовлетворения всякого рода прихотей. Пятеро рабов, отправленных с будущим колесничным бойцом, внуком относительно влиятельного лица, в место обучения, предназначались, понятно, не для производственной деятельности, а для ухода за подростком и, может быть, его конями. Во всяком случае, трех рабов отослали обратно за полной ненадобностью. Богач был окружен рабами и рабынями. Эфиопские скороходы бежали перед его колесницей.

Случалось, что в частных домах к рабам относились более или менее по-семейному («по-патриархальному»), так что рабы как бы входили в состав домочадцев. На заупокойной плите одного привратника — конца XVIII дома — три рабыни изображены в тех же длинных платьях и с теми же пышными накладными волосами, что и хозяйские сестры. И точь-в-точь, как те, одна из рабынь держит у носа благоуханный цветок. В нарядных платьях изображены рабыни и на стенах гробниц второй половины Нового царства — у второстепенного жреца и у домоправителя небольшого поминального храма. В обоих случаях рабыни исполняют обязанности плакальщиц — плачут по умершем хозяине, а одна — у жреца — правит обряд разбития горшка. На заупокойной плите придворного сановника XVIII царского дома поминальную жертву покойному приносят вместо сына два раба. В гробнице упомянутого домоправителя заупокойную службу по нем правят, кадят и волхвуют, его рабы — «*(жрец-)заклинатель своего владыки* (т. е. владельца)» и «*носитель кадильницы и двух ларцев своего владыки*», оба, как заправские жрецы, в барсовых шкурах! При XVIII царском доме один раб как будто б даже соорудил своему хозяину представительную заупокойную плиту. От рабов дошли до нас так называемые «*ответчики*» — заупокойные куколки, обязанные откликаться на том свете, когда призовут исполнять повинности, и работать за умершего. В нанесенной на такого «*ответчика*» надписи раб отождествлялся с самим богом мертвых Усири (Усире, Осирисом греков), как полноправный покойник. Царский брадобрей Си-убести (Си-убасте) в 27-м году царствования Дхут-маси (Тхут-мосе) III даже породнился со своим рабом, которого «*добыл*» «*мышцею своею*», сопровождая царя, видимо, в поход. Брадобрей отдал в жены рабу дочь своей собственной сестры с обязательством отрабатывать повинности за эту последнюю. Он сделал это самым законным и торжественным образом в присутствии придворных чинов, мало того, увековечил событие на плите из черного камня с выпуклым своим изваянием.

Мы видели, что такие рыбы разделяли верования своих господ. В большинстве случаев имена известных нам рабов египетские. Хозяева охотно переименовывали иноземных рабов на египетский лад, нередко в честь египетских богов.

Конечно, наряду с «семейными» наблюдались и иного рода отношения между хозяевами и рабами. Один сановник середины XVIII царского дома хвалился, что тайком от отца не знавал рабыни дома его — обратное было, очевидно, обычным явлением. В сказке второй половины Нового царства Кривда, беззаконно овладев имуществом Правды, может спокойно положиться на двух его рабов не в чем ином, как в том, что те не ослушаются и бросят бывшего хозяина в пустыне на съедение львам.

Особенного развития рабовладение достигло в государственном, царском и храмовом хозяйстве. Здесь основным источником рабской рабочей силы были победоносные войны и дань людьми с покоренных соседей.

До чего чудовищно большим могло быть число пленных, угнанных в Египет, показывает надпись Аман-хатпи (Амен-хотпа) II, найденная подле древнего Мэмфи (Менфе, Мемфиса греков). Из одного только похода в Сирию-Палестину царь привел до 100000 пленных: 217 державцев, 179 братьев державцев 3600 апири, 15200 шас, 36300 хурри, 15070 нухашше и 30652 жены их, всего 101218 человек. Итог надо, видимо, несколько уменьшить, так как указанный в самой надписи — 89600 и одно слагаемое, именно 30652, написаны очень странно. Правда, прочие известные нам числа пленных далеко отстают от приведенных в надписи Аман-хатпи (Амен-хотпа) II, не превышая 3000, а то и 1000 и даже несколько сотен человек. Сам Аман-хатпи (Амен-хотп) II в другой свой поход в Сирию-Палестину увел оттуда только 2015 пленных. Но походы завоевательные, оборонительные, карательные были постоянным явлением, и потому приток пленных не мог не быть значительным.

Другим существеным источником рабской рабочей силы была дань с покоренных народов, включавшая в себя как в первую, так и во вторую половину Нового царства также людей. Судя по тому, что осталось от списков дани, полученной Дхут-маси (Тхут-мосе) III, мужчины и женщины составляли неотъемлемую часть сиро-палестинской и эфиопской дани. Количество людей, поступавших за год в виде дани из Сирии-Палестины, составляло чаще всего несколько сот человек (наибольшее сохранившееся число — 700 с лишним). Число людей, доставлявшихся за год в том же порядке из южной Эфиопии, было значительно меньше, не превышало ста с лишним человек, а часто опускалось еще ниже (наибольшее сохранившееся число — 134). Северная же Эфиопия ограничивалась присылкой в год от десяти до трех десятков человек (наибольшее сохранившееся число — 34).

Пленных гнали связанными гуртом веревками за шеи, с руками, зажатыми в

деревянные скобы или скрученными самым мучительным способом. Во вторую половину Нового царства, а может быть и раньше, пленных клеймили, как скот, каленными печатями с царским именем. С людьми, которых поставляли в виде дани, сами поставщики обходились, как с пленными: взрослых мужчин доставляли скованными.

Значительная часть пленных поступала в храмы, преимущественно Аманы (Амуна), главного бога и военного покровителя египетской державы. Привод пленных для наполнения ими его служб — общее место в тогдашних надписях. По-видимому, за короткий промежуток времени после своего первого похода в Палестину Дхут-маси (Тхут-мосе) III пожертвовал Амане (Амуну) 1588 сиропалестинских пленных и еще какое-то количество эфиопов. Второй царь XX дома Ра-масэ-са (Ра-месэ-с) III отдал Амане (Амуну) 2607 сиро-палестинских и эфиопских пленных, а храму Птаха — 205.

Многие иноземцы становились храмовыми рабами в полном смысле слова. Как место их использования чаще всего называются храмовые заведения, где приготовлялись жертвы. Так как жертвоприношения бывали весьма богатыми и совершались постоянно, такие заведения — они же и места хранения — могли быть очень крупными. Поскольку приготовлявшееся здесь должно было быть особенно изысканным, сюда набирали «*отборнейших*» из иноземных невольников, в частности детей сиро-палестинских владетелей. В середине XVIII царского дома пленными были полны также ткацкие мастерские Аманы (Амуна), где ткали разные виды полотна, от плотного до тончайшего. Подневольным ткачам выдавали на год вперед умащение и одежду, что предполагает у каждого жилище или, по меньшей мере, обособленное хранилище. К рабам в точном смысле слова можно причислить и тех пленных, которые при XVIII царском доме использовались в храме Аманы (Амуна) для приготовления кирпича-сырца и на кирпичном строительстве. Для времени XIX царского дома засвидетельствованы как будто 6 рабы в составе храмовой корабельной дружины. Каждый из них получал столько же хлебцев, сколько и корабельщики и прочие нерабы. Однако неизвестно, были ли эти невольники иноземцами.

Мы хуже осведомлены об использовании иноземных рабов в государственном и царском хозяйстве. В места назначения «новые» эфиопы поступали целыми толпами, задавая новую работу государственным пекарням и писцам, рассчитывавшим зерно, тесто и припек (раб-эфиоп получал в день один «*большой*» хлеб). Мы знаем, что при XIX царском доме иноземцы должны были тащить камни, но были ли эти люди рабами — нам неизвестно. Во вторую половину Нового царства рабы состояли даже при ремесленных дружинах, трудившихся на столичном кладбище, и получали зерновое довольствие на месяц вперед, как и сами ремесленники, но народность этих рабынь опять-таки неизвестна. При дворе XIX цар-

ского дома особый вид пива — киликийское варили как знатоки этого дела рабы-киликийцы.

Велико было, во всяком случае, и непроизводительное использование при дворе рабов-иноземцев. В дни XIX царского дома киликийские юноши, которых доставляли ко двору помногу зараз, служили не только пивоварами, но и кравчими; умытые, умащенные, приодетые, представали они пред очи царя. Отборные молодые сирияне и эфиопы, обутые в белую обувь и тоже принаряженные, служили царскими опахалоносцами. На одном изображении конца XVIII царского дома представлена гурьба эфиопов, сидящих на земле и переписываемых египетским писцом. Их тоже доставили для службы опахалоносцами.

Мы не знаем, как жилось при дворе тем «*добрым*» юношам, но только участь их собратьев, занятых на тяжелых работах, должна была быть ужасной. Мы уже говорили о том, что иноземцев при XIX царском доме заставляли тащить камни. На изображении времени Дхут-маси (Тхут-мосе) III показано, как пленные изготовляют кирпич и кладут стены в службах храма Аманы (Амуна) под надзором надсмотрщиков, вооруженных палками. Вещественным доказательством зверского обращения с подневольной рабочей силой может служить находка, сделанная подле красивейшего поминального храма фараона-женщины Хишапсауе (Ха-шепсове). Найдено было тяжелое кнутовище, надписанное именем корабельщика самого зодчего этого храма временщика Сан-на-мауе (Сен-мау). От постоянного нахождения в руке оно внизу вылощилось и почернело. Некогда то был бич о двух широких ременных хвостах. Им, надо полагать, корабельщик подгонял подчиненных, когда те тащили к храму привезенный ими камень (как такими бичами подгоняли гребцов на судах, показано на тогдашних изображениях). Чего стоили мирные походы в каменоломни, можно судить по тому, что за один такой поход при XX царском доме из восьми с лишним тысяч участников — в числе их было не менее 800 иноплеменных работников — умерло 900.

Но далеко не все пленные использовались как рабы. Руководитель воинского учета и набора при Аман-хатпи (Амен-хотпе) III знаменитый Аман-хатпи (Амен-хотп), сын Хапу, заявлял в своем жизнеописании: «*Пополнял я подданных лучшими из добычи, взятой величеством его на бранном поле*». Пленные при третьем царе XIX дома Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) II морские разбойники-шрдани стали царскими телохранителями и верно бились затем на стороне египтян. При XVIII царском доме имелись укрепленные места, населенные пленными, хананеянами и эфиопами. При XX царском доме пленные ливияне с женами и детьми, хотя и поголовно клейменные, были поселены в крепости под начальством собственных племенных или родовых старшин. Скот у пленников был, правда, отобран, но они, как настоящие воины, получали из казнохранилища содержание.

Эфиопы, присланные в середине XVIII царского дома в виде дани, предназначались в «*провожатые*» — возможно, в вестовые.

Многих иноземцев делали земледельцами. Дхут-маси (Тхут-мосе) III отдал часть своих сиро-палестинских пленных после первого похода храму Аманы (Амуна) в «*надельные (землепашцы), обрабатывать наделы, творить* (т. е. производить) *зерно, наполнять житницу* (предназначенного для) *жертв* (владения) *бога*». Слова, переведенные здесь как «*надел*» и «*надельные*», обозначали: первое — участок выделенной пахотной земли, второе — землепашцев, которым такой участок предоставлен для обработки без закрепления его за ними и их за ним. Аман-хатпи (Амен-хотп) III отдал пахотную землю и землепашцев из числа пленных своему поминальному храму в Мэмфи (Мемфисе греков). Поминальный храм того царя в Нии (Нэ, Фивах греков) окружали деревни, населенные пленными хананеянами. От времени XIX царского дома имеется письмо, касающееся храмового землепашца из сириян. Отвечая на запрос жреца храма Дхути (Тховта), писец сообщает, что, по наведенным справкам, сириец был отдан в землепашцы храма под начальство данного жреца такого-то числа и был из «*судового груза*», доставленного начальником крепости. Следуют имя раба, имена его отца и матери, название родной страны. Жрец добивался освобождения от обложения зерном за четырех землепашцев: за двух мужчин и одного юношу, взятых на военную службу, и еще, очевидно, за отсутствующего сирийца, который в податном отношении — по обложению зерном — приравнивался к египетским землепашцам храма. Для египтян-землепашцев, как мы скоро увидим, отличительной чертой была работа на отдельном участке пахотной земли. И у нас нет никаких причин противопоставлять в смысле работы землепашцев из иноземцев прочим землепашцам. И если землепашца-сирийца то лицо, которое приняло его для доставки в храм, удержало у себя, то присваивали и обыкновенного землепашца, уже работавшего на своем земельном участке. В правовом смысле сириец был рабом, но в этом нет ничего исключительного. В писцовой книге времени XX царского дома в числе землепашцев и других держателей земельных наделов значится свыше десятков рабов, такие наделы имевших. Имеется даже как будто б известие о продаже рабами земли сапожнику.

Каково было хозяйственное положение пастухов из иноземцев, остается пока что неясным.

Итак, часть иноземных рабов в смысле своего хозяйственного положения непосредственно смыкалась с низами египетского населения, вливалась в его состав. О положении основной части египетского населения, о том, как жилось египтянам, непосредственно занятым в производстве, мы осведомлены для Нового царства значительно лучше, чем для всех, предшествовавших ему.

«Дитя народа» резко противопоставлялось человеку сановному. Сановник

был защищен от любой принудительной работы, народ постоянно учитывали и переучитывали на предмет обложения всяческими тяготами. Подучетное население при XVIII царском доме делилось на воинов, жрецов, «*слуг царевых*» и «*мастеров всевозможных*». Сходное деление существовало и при XIX царском доме: пешее и конное войско, храмы, народ, «*парни мест*». «*Слуги царевы*» и народ в узком смысле представляли земледельцев, «*место*» — обозначение мастерской. «*Смотры*», которым неизменно подвергался народ, выражались не в одной переписи — таковой при XVIII царском доме подвергались, вместе с людьми, скот и птица, — но и в назначении на ту или иную работу. «*Делают смотр народу всякому, берут из них лучших. Отдают мужчину в воины, юношу в новобранцы. Мальчика растят, чтобы взять его из объятий матери его. (Когда) достигнет он (возраста), чтобы быть человеком, кости его сломаны (вследствие побоев)*». Но так забирали не только в войско. «*Выходит ребенок из утробы матери своей — (уже) простирается он перед начальником. Мальчик — провожатый* (т. е. *прислужник*) *у воина, юноша — новобранец, старик отдан в землепашцы, мужчина — в воины, хромой — в привратники, слепой — в откормщики быков*». «*Смотр*» ремесленного люда выливался в учет всех «*знающих мастерство*», «*знающих, (как пользоваться мастерски) руками своими*». Об одном «*смотре*» ткачих в конце XIX царского дома известно, что он сопровождался перераспределением их между учреждениями.

Приведенные слова одного из школьных поучений времени XIX царского дома: «*старик отдан в землепашцы*» — находят себе подтверждение в письме того же времени, толкующем о «*старике из воинов*», отданном в землепашцы. Землепашца «*определяли на поле*» так же, как, скажем, каменосечца на его работу. Отдачу в землепашцы храма, после избиения или изувечения, любого должностного лица, покусившегося на храмовую землю или храмовый скот или не внявшего жалобе храмового человека, предписывал указ начал XIX царского дома. В одном случае было еще добавлено, что жена и дети виновного должны быть отданы в челядь домоправителя храма, т. е. управляющего его хозяйством. По тому же указу Сутайи (Сетой) I всякий, оторвавший храмового работника, в том числе землепашца, от его прямого дела ради государственных работ, подлежал избиению и отдаче в храм для отработки каждого дня храмового человека, который тот провел у него. О двух землепашцах конца XIX царского дома мы знаем, что их жен как подневольных работниц старались оттягать одно у другого государственные учреждения. Из того же письма мы узнаем, что отобранный у учреждения землепашец продолжал пахать на новом месте, а его старые пашни оставались невозделанными. Если ремесленники Нового царства оставили нам множество собственных памятников, то от землепашцев памятников почти не осталось, так же как от рабов. И причиною тому, конечно, — не отдаленность их места жительства от

мастерских, где такие памятники изготовлялись: у иного землепашца был дом в самой столице. Большинство известных поименно землепашцев имели наделы на царских или храмовых землях и подчинялись начальникам — находились у них под «палкой», но известны также землепашцы частных лиц.

Но если египтяне-землепашцы и были «*слугами царевыми*», а по словоупотреблению Нового царства «*рабами царевыми*» (поскольку слово ***хам*** — «*слуга, работник*» приобрело значение «*раб*»), то невольниками они все-таки не были. Мы видели, что при XIX царском доме храмовые землепашцы сами могли иметь рабов. По другой надписи того же времени в храмовом хозяйстве, полном челядью, богатом пашнями и скотом, люди, считавшиеся «рабами» заведений, приготовляющих жертвенные приношения, были из военной добычи фараона. Да и школьные поучения времени XIX—XX домов, предупреждая о тяжелой участи землепашца, ратуют ведь против добровольного предпочтения ее учеником занятию писца и тем самым показывают, что имеют в виду землепашца, который отнюдь не является рабом.

По этим поучениям землепашец возделывает свой пахотный участок, живет своим домом с женой и детьми. Он сам приготовляет свое несложное рабочее снаряжение: днем режет деревянные части земледельческих орудий, ночью вьет веревку. Этим он занимается, пока пашня затоплена разливом. Когда вода с нее ушла, землепашец идет раздобывать упряжку рогатого скота для пахоты, но может пройти много дней раньше, чем землепашцу удастся получить от пастуха упряжку. Все поучения согласны в том, что упряжка, на которой работает землепашец, не его: он должен вымаливать ее у пастуха, неотступно преследуя его изо дня в день, она нанимается за медь(?) или одежду, в случае пропажи землепашец отвечает перед пастухом и заведующим быками, обязан вернуть двух коров. И если землепашец бесхозяйственно высеет зерно, за которое ему, очевидно, надлежит быть в ответе — дословно «*ячмень от ответа*», — он не найдет ничего взамен. Из деловых бумаг того времени можно усмотреть, что даже иной зажиточный землепашец снабжался посевным зерном. Но вернемся к землепашцу поучений. После всего, сказанного о нем, нас не удивит, что и урожай у него не совсем-то свой. Землепашцу заранее назначено, сколько зерна он обязан представить. Урожай подлежит описи, и если почему-либо представить нечего, то следует дикая расправа. С писцом-учетчиком прибывают привратники и эфиопы, вооруженные прутьями и палками и беспощадно избивают землепашца. Связанного, его бросают вниз головой в колодец. Жену и детей тоже заключают в узы. Причины, по которым нет зерна, нисколько не принимаются во внимание. Соседи не приходят на выручку, так как, узнав о начавшейся расправе, спасаются бегством. Последняя черточка не лишена значения, так как опять-таки показывает, как слабо землепашец был привязан к своему участку.

О бегстве землепашцев сообщает письмо конца XIX царского дома. Стоило

начальнику конюшни поколотить их — угодия, по-видимому, содержали дворцовую конюшню, — как землепашцы покинули на произвол судьбы свои участки и бежали. Вспомним тоже, как, согласно письму того же землепашца, насильственно разлучили с его участком: он продолжал работать на новом месте, а его участок лежал невозделанным. Насколько слабо было закреплено за местами подневольное население вообще, хорошо видно по повторным царским похвальбам в начале XX царского дома о возврате храмам таких людей, до того рассеянных по чужим хозяйствам. Хотя свои участки землепашцы, случалось, передавали по наследству, они были в подлинном смысле слова не крепки земле.

Все это, конечно, нисколько не исключает, что в Новом царстве могли быть и такие землепашцы, у которых был свой рабочий скот. В сказке о двух братьях зажиточный селянин ничем иным, как землепашеством, не занимается и за работника имеет только младшего брата. Вполне вероятно, что этот селянин, хотя и не назван в сказке «землепашцем», сошел бы за такового, если поле, которое он обрабатывал, не принадлежало ему. В таком случае в его лице мы имели бы землепашца, владевшего несколькими головами крупного рогатого скота, за которыми ходил все тот же младший брат, что помогал пахать и изготовлял одежду. Разумеется, перед нами всего лишь сказочный землепашец, но он, вероятно, имел свои соответствия в действительности. Сочетание в небольшом хозяйстве землевладения и скотоводства засвидетельствовано купчею конца XVIII царского дома. По ней некий пастух приобретает за корову 3 саты пахотной земли (сата — свыше 2700 кв. м). Другой раз тот же пастух меняет двух коров и двух телят на рабыню (рабов он тоже нанимал). Из писцовой книги XX царского дома следует, что земельными наделами очень часто владели скотоводы: обыкновенно пастухи, но также откормщики скота, заведующий хлевом. Из той же писцовой книги можно усмотреть, что некоторые держатели наделов засевали их своим зерном.

Надо, впрочем, иметь в виду, что «землепашцами» называли иногда людей, ничего общего не имевших с убогим «землепашцем» школьных поучений. В упомянутой писцовой книге «землепашцами» в большинстве случаев числятся, несомненно, держатели наделов, сделавшие землепашество своим жизненным делом. Однако «землепашцами» в ней зовутся также лица, лишь между прочим державшие тот или иной надел. И такими лицами бывали отнюдь не одни пастухи или воины, но и жрецы, притом не низшего разряда. Впрочем, о таком жреце как «землепашце» и человеке с незавидной участью толкуют и школьные поучения. Но в писцовой книге XX царского дома в «землепашцах» значились и люди, вносившие со своих наделов большие количества зерна. Подобные лица вряд ли могли возделывать свои участки одними своими силами. У них должны были быть если не рабы, то многочисленные домочадцы. Но, конечно, не такие держатели наделов определяли лицо «землепашцев» как общественного явления. Те

«землепашцы», что составляли большинство населения страны, были самыми, что ни на есть непосредственными производителями, рядовыми тружениками сельского хозяйства.

Впрочем, величина пахотного надела и обилие поступавшего с него зерна отнюдь не представлялись современникам бесспорным показателм благоденствия. Скорее наоборот. Первое бедствие землепашца школьные поучения усматривают в наделении его с избытком пахотной землей (которая на поверку оказывается плохого качества) и назначении ему соответственно повышенного количества подлежащего сдаче зерна (300 мешков вместо, скажем, 200 с человека).

Итак, рядовой «*землепашец*» был слабо привязан к своему пахотному наделу. То, что в «*землепашцах*» числились люди состоятельные, жрецы и должностные лица, лишний раз подтверждает это, потому что они явно не были крепки земле. Землепашцу назначали количество зерна, которое он должен был произвести, а то и само посевное зерно бывало не его, а казенным. Рядовой землепашец не имел обыкновенно своего рабочего скота. По существу, рядового землепашца от посаженного на землю раба (а такие рабы, как мы видели, были) отличала только относительная свобода, то, что он не был «*вещью*» хозяина.

Ни в чем, однако, слабость связи между землепашцем и средствами производства не сказывалась с такою четкостью, как в способе использования рабочей силы на государственных и частновладельческих полях. Мы уже видели, что царским указом второго фараона XIX царского дома строжайше воспрещалось привлекать к отбыванию государственных повинностей, пахотной и жатвенной, работников облагодетельствованного царем храма Усири (Усире, Осириса греков), в том числе храмовых «землепашцев». Как такое привлечение осуществлялось, показывает письменное предписание, направленное в начале XX царского дома заведующим быками храма Амана (Амуна) ряду лиц: двум стражникам, «*доверенному*» (видимо, лицу, которому был «*доверен*» участок земли или сад), двум землепашцам и всем пастухам, приписанным к жертвеннику Аманы (Амуна), отправиться с присланным слугою на поля отбывать повинность и питаться с них. Как протекала подобная работа на царских полях, описано в письме-прописи конца XIX царского дома. Молодой писец отчитывается перед наставником, писцом казнохранилища, управляющим царскими землями, в своем руководстве уборкою на них урожая. В полдень, когда ячмень «*горяч*», писец отправляет жнецов подбирать колосья, увольняя лишь тех, кто сегодняшний урок внес еще вчера подобранными колосьями. Каждому жнецу писец выдает ежедневно хлеб, а кроме того три раза в месяц отпускает умащение. «*Нет ни одного из них, кто обвинил бы меня перед владыкою моим из-за (хлебного) довольствия или из-за умащения*». Особо докладывает писец об учете им ослов, везущих ячмень на гумно.

Надписанные изображения на стенах гробниц дополняют показания писем.

В первой половине XVIII царского дома местный князь города Анхаба (Энхаба) П-хри (Пе-хрэ), заведовавший также пашнями в южной части страны, изобразил себя надзирающим за пахотой, уборкой урожая, обмолотом и погрузкой на суда. Из призыва к быкам молотить зерно для своих владык академик В. В. Струве сделал правильный вывод, что рабочий скот не принадлежал работникам. Впрочем, за таковой у князя сходили и они сами: в один из плугов впряглось трое молодых мужчин. Всякому понятно, что ни они, ни пашущий на них старик со спутником-сеятелем не пришли сюда со своими плугами и упряжками. Но и те плуги, в которые тут и на других изображениях запряжен рогатый скот (по две головы в каждый), совсем не похожи на собственность работников, так как обслуживают плуг обыкновенно двое или даже несколько мужчин: пахарь, погонщик или водитель, сеятель, мотычник, разрыхляющий землю. На одном новоегипетском изображении молодые коровы, на которых пашут, названы каждая по имени, что могло иметь только в том случае, если они были хозяина гробницы. На изображениях середины XVIII царского дома можно видеть продовольствие, сложенное на поле для подкрепления работников. К работам привлекались мужчины и женщины — последние подбирали колосья и веяли, — подростки, люди средних лет и старики. Работали согласованно по нескольку человек. Одни выкорчевывали деревья, другие мотыками и молотами разрыхляли землю, один шел за плугом, другой направлял упряжку, третий бросал зерно и т. д.

Поучительны также волшебные «куколки», которых клали в гробницы иногда сотнями и почитали за «рабов» того покойника, которого они изображали. Делали это в расчете, что они будут отбывать за умершего повинности на том свете, в частности «*растить поля, орошать берега*», возить песок. Многие из таких «куколок» были представлены в большом количестве, им придавали надсмотрщика в длинной начальнической одежде и с бичом в руке. До чего свирепствовали действительные надсмотрщики, видно по жалобе времени XIX царского дома на стражника, который на государственных работах орудовал палкою, как «*враг солнца любой*».

Новоегипетский «землепашец» походил не столько на самостоятельного хозяина, сколько на работника, которому поручена обработка определенного участка земли.

Существенно иным, чем положение «землепашцев», было положение египтян-ремесленников, не в том, правда, смысле, что они пользовались большей свободой — скорее она была у них еще ограниченнее; также не в том смысле, что у них не было собратьев по ремеслу среди иноземных рабов — таковые, как мы видели, имелись, — но в том смысле, что многие ремесленники жили относительно зажиточно и для них, при особых способностях и благоприятных обстоятельствах, была открыта дорога к богатству и почестям.

Конечно, подавляющее большинство новоегипетских ремесленников жило довольно скромно, а то и влачило убогое существование. Нам хорошо известно столичное кладбищенское производство, благодаря исключительному богатству источников, особенно времени XIX—XX царских домов. Но только жизненный уровень этих мастеров, царских умельцев, нельзя считать показательным для остального ремесленного населения.

Устройство и отделка гробниц, а также изготовление погребальной обстановки, при том значении, которое всему этому придавали египтяне, развилось в Нии (Нэ, Фивах греков) на западном берегу реки, где было расположено кладбище, в большую своеобразную промышленность. Трудившиеся здесь государственные ремесленники составляли рабочее соединение, насчитывавшее в своем составе в первую половину XX царского дома человек 120. Соединение делилось на две половины: правую или левую «*стороны*». Каждую из них возглавляли свой начальник и свой писец, ведший с мелочной обстоятельностью дневник работ и счетную часть. В составе соединения имелись каменосечцы, обмазчики (штукатуры), живописцы, резчики, древоделы, медники, горшечники, бывшие одновременно, возможно, и каменщиками. Работники получали от государства довольствие: зерно, рыбу, овощи и т. д. Начальство соединения получало довольствие подчас в двойном, а то и тройном размере. Для снабжения соединения водой, овощами и рыбой имелись особые водоносы, огородники и рыбаки. Во времени XX царского дома продовольственные выдачи ремесленникам часто задерживались, изголодавшиеся люди прекращали работу, и дело доходило от открытых бурных выступлений. Прорвавшись через пять стен, они выходили к поминальным храмам умерших и царствующего фараонов, требовали, чтоб о их крайней нужде в одежде и пище доложили царю, смело обвиняли в хищении припасов самого верховного сановника. Власти старались успокоить работников уговорами и частичной выдачей задержанного проводольствия, но затем следовали новые задержки и новые бурные выступления.

Иной начальник соединения распоряжался подчиненными, как своими слугами: заставлял приготовлять ему гробницу или гроб, а то и месяцами кормить его быка. Особенно дурную славу стяжал себе такого рода начальник, живший в конце XIX царского дома, закоренелый уголовный преступник.

И все же откопанный на западе Нии (Нэ, Фив греков) городок, где жили кладбищенские ремесленники вперемежку с должностными лицами, далеко не имел того убогого и унылого вида, который при XII царском доме отличал рабочие околотки в городе, откопанном у одной из тогдашних пирамид. В поселке на западе Нии (Нэ, Фив греков) входы в дома ремесленников бывали отделаны камнем, испещренным художественными надписями. От некоторых кладбищенских ремесленников остались гробницы, довольно вместительные, частично высе-

ченные в скале, частично пристроенные к ней, полные росписей и надписей. Живописца, ваятеля и других мастеров, потрудившихся над его усыпальницей, высокопоставленный сановник XVIII царского дома велел изобразить на ее стене получающими от него подношения и приписал, что молится за них, кормит храмовыми жертвами, дарит их и возлагает им на голову повязки.

К несчастью, мы не в пример хуже осведомлены о представителях других, более важных ремесленных производств. Но что не одни кладбищенские ремесленники столицы жили сравнительно зажиточно, доказывают многочисленные заупокойные плиты и более редкие гробницы разных мастеров царских и храмовых заведений. Известно немало жрецов, бывших одновременно ремесленниками: медниками, сапожниками, древоделами, живописцами и т. д.

Отдельных мастеров их искусство или счастье возносило высоко над их средою. На стене богатой, почти вельможеской гробницы двух резчиков Аман-хатпи (Амен-хотпа) III Ниб-аманы (Неб-амуна) и Апу-ки (Ап-кэ) один из них изображен надзирающим за целым сонмом подчиненных: столяров, изготовителей украшений, драгоценной посуды и т. п. Другой резчик, Апуйа (Апой), современник XIX царского дома, изобразил у себя в гробнице целую толпу подмастерьев, изготовляющих погребальные принадлежности для давно умершего обожествленного фараона, также красивый дом в саду, у обсаженного цветами пруда, и рабов, поливающих из него сад с помощью «журавля» и бадьи. Этот резчик, как истинный вельможа, изобразил себя и на охоте в болотных зарослях. За тем же занятием представлен в скромной гробнице времени XVIII царского дома золотых дел мастер. Мало того, он изобразил в ней слуг и служанок, услужающих его многочисленным гостям, работников, занятых сбором винограда, виноделием, ловлею птиц, потрошением рыбы... Отвечай хоть одна десятая доля всего этого действительности, нашего златокузнеца пришлось бы признать подлинным барином. Но, может быть, многое тут было не столько правдою, сколько условностью, пустым подражанием стенописям важных бар. Как бы то ни было, замашки у золотых дел мастера были не менее барские, чем у тех двух высокопоставленных резчиков.

Эти последние были, несомненно, людьми, пользовавшимися благоволением верхов общества. Но и презрение к ремеслу как таковому вовсе не было общим явлением в Новом царстве. Иначе стали ли б, к примеру, жрецы, не стесняясь, с достоинством величать себя по совместительству сапожниками, древоделами, медниками? Надо учесть, что ремесленниками бывали издавна большей частью египтяне, а не иноземные рабы.

При таком отношении к ремеслу неудивительно, что в Новом царстве, как, впрочем и раньше, ремесленное производство было разветвлено на множество дробных отраслей, успешно между собой взаимодействовавших.

Сочетание в кладбищенском производственном соединении разных ремесел

позволяло, скажем, приготовление гробницы распределелять между многими его членами — представителями разных отраслей. Сходное можно наблюдать и на изображениях больших мастерских в гробницах времени XVIII царского дома. Нельзя, правда, сказать, что распределение работ было всегда и во всем налажено. По крайней мере, в кладбищенском соединении, когда к работе приступали наметчики-живописцы и резчики, прочие работники, случалось, бездействовали в течение нескольких дней.

Тем не менее, поразительная дробность отличала тогдашнее ремесло. В этом смысле чрезвычайно любопытен своеобразный словник (своего рода терминологическая энциклопедия), представляющий список расположенных в определенном порядке обозначений: явлений природы, должностей и занятий, народов, египетских городов, зданий, видов зерна, хлеба, напитков, мяса, птиц и т. д. Этот словник дошел до нас в нескольких списках, но ни в одном полностью. Самый полный хранится в Москве в Государственном музее изобразительных искусств. Все списки принадлежат времени, непосредственно следовавшему за Новым царством, но самый словник был, по всей видимости, составлен раньше — при XX царском доме. Так вот, например, в этом словнике среди строительных работников названы горнорабочий, каменосечец, еще какой-то работник по камню («*ломатель*»), живописец (наметчик), резчик, обмазчик (штукатур, дословно — «*гипсовщик*»), носильщик камня, строитель стен, «*смыкатель (кладки)*». Оружейное дело представлено изготовителем броней, колесничным мастером, мастером по части стрел, изготовителем луков. Названы пять различных пекарей, различаются резник и «*переворачивающий внутренности*» и т. д. При этом словник вовсе не притязал на исчерпывающую полноту. Так, например, во вторую половину Нового царства существовали особые мастерские, где ковали холодное оружие. Один из чиновников XIX царского дома, ведавший мастерами фараона, управлял раздельно колесничными мастерами и мастерами оружейной кузницы.

Ремесленники редко владели земельными наделами. В писцовой книге XX царского дома в числе держателей их значится всего лишь несколько человек ремесленников: строитель или горшечник, древодел, медник, ткач и т. д. Зато другое подразделение подучетного народа — воины постоянно упоминаются в этой книге как держатели наделов.

Новоегипетское воинство делилось на две большие части: на пешее (включая корабельное) и колесничное. С верховой ездой были знакомы с начала XVIII царского дома, если только не раньше, но конницы в нашем смысле не существовало. Военные суда можно было б выделить в третье большое подразделение, так как они не только перевозили войска, но и сами принимали участие в сражениях, особенно при XX царском доме. Однако в глазах египтян корабельные воины смыкались с пехотой. Пехотинца и судового воина обозначали одним и

тем же словом ***узу***. Корабельные воины сражались на суше вместе с пехотинцами.

В конце XVIII царского дома войско делилось надвое по месту размещения: на «полк», стоявший в южной, и на «полк», стоявший в северной части страны. При XIX царском доме действующее войско распадалось на несколько «войск», прозывавшихся по главным богам того времени. Основной войсковой единицей было соединение, имевшее собственный стяг и насчитывавшее при XIX царском доме 200 воинов в своем составе. По изображениям того же времени на каждых пять пехотинцев приходилось по старшине, разделявшему с ними вооружение, но снабженному дополнительно палкою. На службе воины состояли на государственном снабжении. Государственным было и оружие, так как в мирное время при XX царском доме оно определенно хранилось в складах. По школьному поучению времени XIX царского дома, колесничий, как более состоятельный, сам покупает себе колесницу. Пехота имела трубы и барабаны.

Если верить школьным поучениям второй половины Нового царства, ставившим себе целью отвратить будущих писцов от предпочтения воинской службы и потому сгущавших краски, то быть пехотинцем значило подвергаться диким избиениям, терпеть голод и работать с утра до ночи. Впрочем, школьные учителя были не совсем не правы. На изображениях палки отличают не только старшин, но и низших военачальников. Воины постоянно упоминаются как участники походов в каменоломни и в связи с перевозкой каменных глыб.

В основном пехотинцами служили люди из народа, отчасти набранные в мальчишеском возрасте, отчасти в юношеских и зрелых годах. Фараону Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) III, второму царю XX дома, вложено в уста заявление, что до него брали на военную службу каждого десятого даже из храмовых людей. В письме, написанном при XIX царском доме, говорится об отдаче в воины храмовых «землепашцев». Но в другом письме того же времени мы читаем об увозе на воинскую службу даже молодых людей, направленных верховным сановником для посвящения в жрецы. «*Воинами величества его*» при XVIII царском доме становились родственники местных князей, но то был, вероятно, особый род воинов.

Относительно высокопоставленным по положению в обществе и происхождению был, по-видимому, состав колесничного войска. Чтобы как-нибудь очернить участь колесничего, школьные поучения времени XIX царского дома вынуждены приписать бойцу особую незадачливость. Только таким способом удается привести рассказ к назидательному концу — награждению ста ударами. До этого же поучительного заключения живописуется, как молодой человек ради деда с материнской стороны зачисляется в «конюшню», как он является туда с пятью рабами, из которых у него отбирают трех, а двух все-таки оставляют, как он берет себе добрых коней с конского двора в присутствии самого фараона, как покупает себе

сам колесницу и красуется, разъезжая, на виду у родного города. Лошадь не была рабочим животным. Уменье править конями высоко ценилось. Военные возницы числились едва ли не начальствующим составом. Возницами на царской колеснице во вторую половину Нового царства состояли нередко царевичи. Существовали и особые «*колесничие (бойцы) величества его*». Но и простые колесничие бывали братьями важного военного, верховного жреца и т. д. Было б, однако, неверно представлять себе колесничное воинство в виде какой-то конной знати. Когда в начале XX царского дома фараону Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) III вложили в уста утверждение, что он не следовал примеру прежних царей и не призывал в войско каждого десятого из храмовых людей, то это касалось как пехоты, так и колесничного воинства. Колесничие наравне с пехотинцами простирались на животах даже перед женою начальника, их обучавшего, и делали ей всяческие подношения.

Школьные поучения, естественно, молчали о тех сторонах воинской службы, которые могли иметь притягательную силу для учащейся молодежи. А таковые все-таки имелись. На войне победоносное воинство Дхут-маси (Тхут-мосе) III вело разгульную жизнь: напивалось допьяна награбленным вином, мазалось маслом, как в праздники в Египте, расхищало всё, что только могло, от урожая на нивах до брошенного врагами имущества, забывая даже преследовать их. Сиропалестинские владетели доставляли войску Дхут-маси (Тхут-мосе) III для пропитания зерно, вино, крупный и мелкий скот. На родине воины не вполне забывали свои зарубежные привычки. Так, в конце XVIII царского дома воины столь усердно отнимали у населения в Египте бычьи шкуры, что для обуздания грабителей понадобилось законодательное вмешательство верховной власти в лице фараона Хар-ма-ху (Хар-м-ха). Нам известны воины, которые при XVIII царском доме выслужились из рядовых в военачальники. Ах-маси (Ах-мосе) стал начальником гребецкой дружины на военном судне, Аман-ма-ху (Амен-ем-ха) — начальником царских телохранителей. Первый к концу жизни имел до двух десятков рабов, которых едва ли не всех вместе с пахотной землею получил в награду за свои «подвиги». Оба, и Ах-маси (Ах-мосе) и Аман-ма-ху (Амен-ем-ха), оставили по себе представительные гробницы. Заупокойные плиты колесничих, корабельных воинов и пехотинцев дошли до нас в значительном количестве. Красной нитью через всё Новое царство тянутся известия о милостях, оказанных фараонами воинам. При XVIII царском доме это сперва раздача направо и налево рабов и земли, затем дождь золотых и серебряных знаков отличия: ожерелий, запястий, «*львов*» и «*мух*» (названия военных орденов) и т. п., щедрое угощение. О прямо-таки вельможеском снабжении войска заявлял третий царь XIX дома Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II: «*Вы были сиротами* (т. е. бедняками) — *я сделал вас сановниками моим питанием*». И действительно, на плите частного

лица этот царь представлен мечущим в толпу воинов знаки отличия и снедь. Царь Хар-ма-ху (Хар-м-ха) в конце XVIII царского дома призывал военачальников и рядовых во дворец и кормил в своем присутствии хлебом, пивом, говядиной, вином, жирными медовыми пирожками, овощами и т. п. В начале XIX царского дома при Сутайе (Сетойе) I воинам, отправленным в каменоломни, отпускали каждому ежедневно около 1,8 кг хлеба, кусок жареного мяса, два пучка овощей и в месяц две полотняных одежды. Цари XIX и XX домов хвалились, что распускали воинов по их селениям, предоставляя им жить там в свое удовольствие.

Значительную часть войска, особенно во вторую половину Нового царства, составляли иноземные воины. Эфиопы бились на стороне египтян во время освободительной войны с «*властелинами стран*», а во вторую половину XVIII царского дома составляли едва ли не основную часть воинских сил, стоявших в мирное время в Сирии-Палестине (египтяне ненавидели постой на чужбине). С тех времен иноземными воинами заселялись крепости. В конце XVIII царского дома при Аман-хатпи (Амен-хотпе) IV среди его телохранителей имелись сирияне, ливияне и эфиопы, подчиненные, впрочем, египетским начальникам. Шэрдани (возможно, будущие сардинцы) служили в египетском войске еще при XVIII царском доме. При XIX царском доме они стали едва ли не главными царскими телохранителями. При этом же доме египетское войско вообще наполнилось иноземцами. В изображении писателя того времени отряд, посланный в Сирию-Палестину против «мятежников», оказывается составленным из 1900 египтян, 520 шэрдани, 1600 ливиян одного и 100 ливиян другого племени и еще 800 эфиопов. Когда бывает возможно установить происхождение иноземных воинских сил, они оказываются, как мы видели, из числа пленных. Тем не менее, эти иноплеменники по своему положению мало чем отличались от воинов-египтян. Например, шэрдани часто упоминаются в писцовой книге XX царского дома как держатели земельных наделов. По другим источникам, фараон сам выделяет землю для шэрдани, распускает их по домам. Как и у рядовых воинов-египтян, у шэрдани были прислужники («*провожатые*»). На плите конца XVIII царского дома сиро-палестинский копейщик фараона изобразил себя в своем иноземном наряде (иноплеменные воины сохраняли неегипетские одежды, прическу и бороду) вместе со своею иноземной супругой, одетой в нарядное египетское платье. Копейщик тянет с помощью слуги или раба какой-то напиток через коленчатую трубку, сидя на изящной египетской скамейке.

По вооружению, численности и боевым навыкам новоегипетское войско представляло куда более грозную силу, чем войско среднеегипетское, и с усовершенствованием вооружения и накоплением боевого опыта делалось все грозней и грознее. Хотя пехотинцы по-прежнему делились на стрелков и щитоносных копейщиков (последовательно, впрочем, это деление не выдерживалось), оружие

первых и отчасти вторых стало много действеннее. Стрелки XVIII царского дома имели уже сложный (слоеный) лук, более мощный, чем прежний простой, и стрелы с медными наконечниками. В качестве добавочного оружия копейщики пользовались секирами и короткими мечами. Меч рубящий, а не только колющий, как старые кинжалы, в обеих своих разновидностях — прямой и серповидной, представлял нововведение. Брони с нашитой медной чешуей были известны еще при XVIII царском доме. Во вторую половину Нового царства получили широкое распространение и нечешуйчатые брони (юшманы?), а также шлемообразные головные покрытия. Однако самым важным приобретением была боевая колесница и вместе с нею широкое применение в военном деле конских упряжек. И тем и другим Египет был обязан, по-видимому, «*властелинам стран*». В освободительной войне с ними боевые колесницы были введены в действие еще при последнем царе XVIII царского дома Ка-маси (Ка-мосе). В Новом царстве колесничное войско составляло главную ударную силу египтян. Их боевые колесницы были легкими двуколками, в которые запрягали по две лошади — по бокам дышла с ярмом на загривках. На колеснице стояло двое воинов — возница и боец, обыкновенно стрелок. Вооружение иноземной пехоты, делившейся в основном тоже на стрелков и копейщиков, было отчасти сходным, отчасти отличным от египетского. Царские телохранители-шэрдани щеголяли в своеобразных шлемах, имели круглые щиты (египетские были внизу прямоугольными, вверху округлыми) и широкие длинные мечи. О том, чтобы иноземные воины допускались на колесницы, ничего не слышно. Видимо, эта избранная часть войска, представлявшая к тому же его ударную силу, наполнялась одними египтянами, притом далеко не всегда любыми.

Хорошими полководцами выказали себя египетские военачальники перед битвой под Мегиддо, когда обратили внимание Джутмаси (Тхут-мосе) III на опасность перехода через горы по тесному ущелью на виду у врага. Точная согласованность движений отдельных соединений спасла египтян в роковой битве под Кидши (Кадешем) в дни Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II, третьего царя XIX дома. Если Джут-маси (Тхут-мосе) III, крупнейший воитель египетской древности, еще очень плохо умел брать укрепленные города, то Риа-масэ-са (Ра-месэ-са) II, словно стремительный вихрь, сокрушал одну за другой сиро-палестинские крепости.

Мы, к сожалению, не знаем численности египетских вооруженных сил на протяжении Нового царства, но уже при XVIII царском доме они должны были быть немалыми. Если в битве под Мегиддо Джут-маси (Тхут-мосе) III имел дело с 330 сиро-палестинскими владетелями, из которых каждый привел какое-то количество воинов, то и египетское войско не могло не быть многочисленным. Аман-хатпи (Аменхотп) II гнал в Египет из Сирии-Палестины до 100000 пленных, воинов и гражданского населения. Риа-масэ-се (Ра-месэ-са) II в битве под Кидши (Кидшем) проти-

востояло до 3500 вражеских колесниц с тремя воинами на каждой, что вместе с 17000 воинами, не введенными противником в сражение, составит 27000 бойцов.

Таким образом, новоегипетское воинство представляло внушительную силу, и правящие круги не могли не считаться с ним, тем более, что их сказочное богатство, их мировладычество держалось именно им. Но воины были по происхождению и хозяйственному положению плоть от плоти и кровь от крови простых египтян, рядовых граждан, и в лице воинов они имели как-никак вооруженных и потому не вовсе безгласных представителей.

С высокопоставленной частью войска, колесничими, можно, пожалуй, сопоставить по положению в обществе рядовое жречество. Школьные поучения тут тоже не знают, к чему прицепиться. О высшем разряде обыкновенных жрецов — «*слугах божьих*» школьные мудрецы утверждали, что те-де стояли как «землепашцы» (эти жрецы часто управляли храмовой землею), о низшем же разряде жрецов могли только сострить, что они — по требованиям обрядовой чистоты — должны трижды в день окунаться в реку, безразлично зимой ли, летом ли, при любой погоде. Египетская храмовая служба состояла по существу в удовлетворении бытовых «потребностей» обитавшего в своем «*доме*» идола (его «угощали» едой и питьем и т. д.), но все это сопровождалось таким количеством действий и возгласов, что, взятое вместе, составляло весьма сложное целое. Однако составители школьных поучений, видимо, не считали возможным к этому придраться.

Обширные храмовые владения, отчасти управляемые самим жречеством, и обильные жертвоприношения как будто б обеспечивали его в достаточной мере. Тем не менее, многие рядовые жрецы занимали в храме или на стороне разные должности в порядке совместительства: писца священных книг, войскового писца, храмового счетчика скота, храмового сапожника, садовника и т. д. Нам уже доводилось говорить о том, что обыкновенные жрецы бывали владельцами значительного количества рабов. В писцовой книге XX царского дома многие земельные наделы значатся за отдельными жрецами как их держателями. По записям того времени, некоторые жрецы похищали ценности из храмовых кладовых, обдирали даже самый храм — его золотую обшивку, отдирали медные части. Один жрец ухитрился торговать тельцами того самого быка, которого чтили как священное животное солнца.

Надписи неоднократно говорят о посвящении в жрецы сыновей местной знати, людей именитых, избранных военных. Действительно, иной сын верховного жреца или гражданского сановника начинал службу в храме с низших жреческих должностей, а то и застревал на них. Однако многие рядовые жрецы были детьми простых смертных, многие были сыновьями таких же рядовых жрецов, некоторые попутно занимались ремеслами. «Благородное» происхождение в отношении рядового жречества было скорее желательным, чем обязательным.

Существовало ли в Новом царстве купечество? Внутренний обмен уже при XVIII царском доме был довольно оживленным. Лучше всего это доказывает любопытный дневник, касающийся передачи торговцам всевозможной снеди и вина. Торговцам передаются бычьи головы, хребет, ноги, куски мяса, вино, печенья, хлеба, куски пирожков. Нередко это производится дословно изо дня в день. Поименованы три или четыре торговца. В случае одного лица сказано, что мясо дано ему «*чтоб оплатить его*», а от одного из торговцев «получено» что-то, но что именно — неясно. Цены передаваемых припасов указаны в серебре и золоте. Выходит, имелся значительный круг покупателей продовольственных припасов и для удовлетворения спроса был налажен сбыт даже остатков — видимо, от храмовых жертв. В школьной рукописи времени XX царского дома рассказано, как торговцы едут вверх и вниз по течению реки, доставляют «*вещи*» одного города в другой, удовлетворяют нуждающихся в таковых «*вещах*». Об относительной оживленности внешнего обмена при XIX—XX царских домах было уже сказано в своем месте.

И тем не менее денежное обращение было развито слабо. Главным мерилом стоимости еще при XVIII царском доме стало серебро. Во вторую половину Нового царства слово «серебро» определенно означало также «деньги». При XVIII царском доме наряду с серебром употреблялось золото, при XIX—XX царских домах с серебром соперничала более ходкая медь. Несмотря на приток серебра из Сирии-Палестины и смежных стран, отношение по стоимости золота к серебру было как 5 к 3 (в конце Среднего царства оно было 6:3). Отношение серебра к меди было при XIX царском доме как 100 к 1, в конце XX царского дома как 60 к 1. Чеканных денег не существовало. Их заменяли весовые единицы: при XVIII царском доме «*круг*» (91 гр.) и $^1/_{12}$ его — «деньга» ($7^1/_{12}$ гр.), при XIX—XX царских домах тот же «*круг*» и более удобная для расчетов $^1/_{10}$ его — «*кита*» (9,1 гр). Иногда платили деньгами, но получающий даже при XX царском доме не видел особой разницы в том, дадут ли ему 1 мешок зерна или 1 «*круг*» серебра. Обычно же меняли по старинке предметы на предметы, предварительно оценив их в деньгах. Так, в конце XVIII царского дома рабыня была продана за 2 коров и 2 телят, оцененных соответственно в 16 «денег» и в 1 «*круг*» серебром, итого в 2 «*круга*» 4 «деньги». При XIX царском доме девочка-рабыня была куплена за 1 передник, 1 простыню, 1 полотняную одежду, 3 одежды тонкого полотна, 1 такую же одежду иного покроя, 10 рубах, 3 медных чаши, 1 медный котел, 1 медную кружку, около 1 кг медного лома и 1 кружку мёда. Все по отдельности оценено было в серебре, всего на 373 г. Случалось, что в числе предметов давали также деньги. За время, протекшее между XVIII и XX царскими домами, денежное хозяйство как будто б значительно развилось, но тем не менее, пока стояла новоегипетская мировая держава, оно оставалось в зачаточ-

ном состоянии. Захват несметных богатств вооруженной силой и распределение их и произведений страны в порядке пищевого и вещевого довольствия, наград и дарений не могли способствовать развитию обмена.

Очень показательно, что свое странное на современный взгляд отношение к золоту египтяне сохранили и в новоегипетскую пору, мало того, дали тому самое блистательное доказательство, какое только можно себе представить. Мы называем «золотым» в переносном смысле то, что особенно дорого, то, что особенно ценно: «золотой ты мой», «золотое сердце», «золотые руки», «золотые слова». Египтянин же издавна воспринимал золото не со стороны его общественных свойств, а со стороны свойств природных. Для египтянина золото прежде всего нетленное, вечное. Поэтому, как некогда в Старом царстве, он и в Новом объявлял тело своих богов и царей золотым (костям достаточно быть медными). Поэтому фараон, земное явление соколообразного Хары (Хора), есть «*сокол золотой*». Поэтому царей кладут в золотой и обшитые золотом гробы, пальцы покойного обворачивают золотым листом, на лицо кладут золотую личину. Поскольку не ржавеет и серебро, в него тоже одевают, как в перчатку, руку. Нетленные свойства золота и серебра, предполагалось, сообщаются одетому или трупу. Неистощенные еще рудники Эфиопии наводнили казну фараонов Нового царства потоками золота. Огромно было и количество золота, захваченного на войне и полученного в виде дани. По мнению одного из властителей Двуречья, золота в Египте во вторую половину XVIII царского дома было столько, сколько праха земного. И поразительно, с какой баснословной расточительностью новоегипетские властелины расходовали свое золото на дела, ничего общего с обменом не имевшие. Речь идет не о золотых уборах, жезлах, утвари, кумирах, засвидетельствованных письменными памятниками и вещественными находками. Мы читаем в источниках того времени об обшитых золотом скамьях, носилках, колесницах, храмовых ладьях. Одетые золотым листом кресла, колесницы, божницы, гробы сохранились до наших дней. Чего стоит один только гроб целиком из золота, в котором в конце XVIII царского дома был похоронен фараон Тут-анх-амана (Тут-анх-амун)! Мало того, мы узнаем из письменных источников, что золотом обивали вершины граненых столбов (обелисков), высившихся перед храмами, громадные столбы, поддерживавшие перекрытия внутри их, даже стены этих исполинских сооружений. Да что стены? Полы в них выстилали серебром и золотом! И что все это не сказка, а быль, тому порукою следы золотой обшивки в храмах Нии (Нэ, Фив греков), во дворце Ах-на-йати (Эх-не-йота) в его солнцепоклоннической столице, во дворце Мар-ни-птаха (Мер-не-птаха) (конец XIX царского дома) в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков). Могло ли бы быть это былью, если бы золото как средство обмена имело значение, сколько-нибудь близкое к современному?

После всего сказанного нам становится понятным, почему до конца новоеги-

петского «мировладычества» мы не знаем ни одного купца-египтянина и почему торговцы занимали в обществе скромное и подчиненное положение. Московский словник, о котором мы говорили в связи с дробностью ремесла, называет торговцев в конце перечня должностей и занятий после корабельщика, «*приставленника переда* (т. е. носа корабля)», кормчего, ловца водяных птиц и рыбака. Торговцы, действительно, разъезжали на судах, так как река и море были самыми удобными путями сообщения. Об одном торговце известно, что он прямо-таки проживал на судне другого. Часто торговцы состояли на службе у храмов и подчинялись своим начальникам или тому или иному жрецу, короче говоря, были служащими храма. Это лишний раз показывает, как далеко было новоегипетским торговцам до купцов. Мы встречаем во вторую половину Нового царства отдельных торговцев частных «*домов*», только эти «*дома*» мало похожи на торговые, купеческие. Два начальника сиро-палестинских воинов имели каждый по торговцу, у храмовой певицы, дочери военачальника, их было не меньше двух. Торговцами могли быть и рабы. Так, раб храмового военачальника состоял торговцем своего господина. Конечно, торговцы не забывали и самих себя. Они очень охотно скупали краденое имущество. Иной торговец имел своего раба. Еще до конца Нового царства кое-кто из торговцев, торговавших в Египте, был сиро-палестинского происхождения.

Над совокупным народом, «*слугами царевыми*» или земледельцами, ремесленниками, воинами и рядовыми жрецами стояла надменная новоегипетская знать. С презрением смотрели на толпу князья и сановники XVIII царского дома, на этот «*излишек народа*», как они выражались, и хвалились тем, что не употребляли его слов. Правда, сословной преграды между знатью и народом не существовало, и бесчисленные мелкие и второстепенные должностные лица составляли как бы посредствующие звенья, постепенные переходы от низов общества к его верхам. Тем не менее, различие между верхами и низами было разительным, и если отдельные представители или даже слои новоегипетского народа могли казаться относительно обеспеченными, то по сравнению со знатью они выглядели бедняками.

Вот как представляли себе при XIX царском доме быт сановного барина (знатный человек был всегда сановником): «*Оделся ты в тончайшее полотно, поднялся ты на упряжку (колесничную), жезл золотой в руке твоей, (что-то) у тебя новое, запряжены жеребцы сирийские, эфиопы бегут впереди тебя из добычи, добытой тобою. Ты спустился в твой корабль кедровый, оснащенный от носа до кормы, ты достиг твоего замка доброго, который сотворил ты себе сам. Уста твои полны вином, пивом, хлебом, мясом, пирожными. Откормленные быки заколоты, вино открыто* (т. е. откупорено), *сладостное пение* (звучит) *перед тобою. Твой распорядитель умащения умащает* (тебя) *маслом, твой заведующий садоводством* (несет) *венок, твой*

*распорядитель птицеловов доставляет уток, твой рыболов доставляет рыб. Корабль твой пришел из Сирии-Палестины (**х'рв**), груженый добрыми вещами всякими. Твой загон полон телят. Твоя челядь здорова».*

Роскошь, которую позволяла себе знать, была действительно необыкновенной: золото, черное дерево, слоновая кость, страусовые перья, тончайшее полотно, цветы, курения, благовония... Стоило, говорили, сановнику кликнуть одного слугу, как откликалась тысяча. И, приветствуя господина, слуги и подчиненные падали перед ним ниц.

Но точно так же, как знать заставляла пресмыкаться перед собой подчиненных, она сама пресмыкалась перед царем, и великолепный двор приветствовал его, лежа на животах и лобзая землю. В этом, правда, не было ничего нового, но теперь у знати появились особые основания для преклонения.

С упразднением мощных хозяйств областных правителей обозначение вельможеского хозяйства как «*дома собственного*», противостоящего «*дому цареву*», в Новом царстве окончательно вышло на употребления. Забавно, что единственный, кажется, пример сочетания «*дом собственный*» относится к царскому хозяйству, которому «*дом собственный*» прежде как раз и противопоставлялся. В конце XVIII царского дома управляющий личным хозяйством, или «*домом*» Аманхатпи (Амен-хотпа) IV в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков), Апи (Опе) уничижительно называл себя в докладах царю «*рабом дома собственного*». Но это не что иное, как желание частного управляющего Среднего царства так величать себя в письмах к своим господам.

Исчезновение в Новом царстве понятия «*дом собственный*», противоположного понятию «*дом царев*», не было просто случайностью. Когда в конце XVIII царского дома Аман-хатпи (Амен-хотп) IV основал новую столицу на никому до того не принадлежавшей и никем не занятой земле, он выразил это следующими словами: «*Глядите, фараон — жив, цел, здоров! нашел его* (т. е. место будущей столицы) (таким, что) *не было принадлежащим оно богу, что не* (было) *принадлежащим оно богине, что не* (было) *принадлежащим оно властителю, что не* (было) *принадлежащим оно властительнице, что не* [(какой-то глагол)] [*ег*] *о люди всякие* (т. е. какие-либо), (устроить, построить) *чтобы сотворить что-нибудь на нем*». К несчастью, глагол перед словом «*люди*» сильно поврежден в надписи, но предшествующее ему отрицание отлично от предыдущих и требует не прилагательного (переданного нами причастием «*принадлежащий*»), а спрягаемого глагола. Египетским богу или богине, властителю или властительнице место могло принадлежать, хотя на деле не принадлежало. «*Люди*» же «*всякие*» могли только «*сотворить нечто на нем*». Заявление царя очень любопытно. Фараон отличал право собственности на землю от права пользования ею для сооружения на ней чего-либо.

Подданные лишь пользовались землей, но и царь не считался собственником всей земли в стране. Даже свободная земля не принадлежала ему, и наряду с ним, с тем же правом собственности, владеют землей не только египетские боги и богини, т. е. их храмы, но и царица. (Надпись на ранних пограничных плитах в Эль-Амарне.)

Но как бы ни ограничивали в правовом отношении собственность на землю от пользования ею, новоегипетские вельможи пользовались ею, как своей. В этом смысле примечательна надпись управляющего личным хозяйством Аман-хатпи (Амея-хотпа) III в Мэмфи (Мэнфе), царского тезки Аман-хатпи (Амен-хотпа), сокращенно Хайи. Домопровитель, получив от царя землю, выделил из нее часть и подарил, так сказать, обратно — не царю, правда, а его изображению, царскому кумиру. Для всего Нового царства свойственны упоминания о частных земельных владениях — не просто о наделах, используемых на определенных условиях, но землях, закрепленных за тем или иным человеком или даже родом и находящихся в распоряжении владельца. Однако для распоряжения ими не нужно было обладать правам собственности, достаточно было права владения.

Сановники XVIII царского дома говорят не только о своих имениях, куда они ездили отдыхать, но и о владениях, разбросанных по всей стране, в Верхнем в Нижнем Египте. Во вторую половину Нового царства один сочинитель школьного поучения «*заставил*», очевидно, безземельных «*больших и малых сирот*» приходить к богачу и селиться на его землях. В гробницах сановников XVIII царского дома встречаются изображения многолюдных работ на поле и гумне. Но ни об одном сановнике Нового царства не известно, нельзя сказать, что его земельные владения по своим размерам приближались к владениям вельмож Старого царства или областных князей Среднего. Староегипетским надписям с перечнями десятков селений, принадлежавших вельможам, нечего противопоставить в новоегипетских источниках. Когда в конце XVIII царского дома один из виднейших вельмож Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV, военачальник Майа, вознесенный царем, по его словам, из ничтожества, пожелал похвалиться своим новым положением, он назвал себя «*владыкой*» одного городка или селения. И даже богатый сочинитель школьных упражнений второй половины Нового царства имел, случалось, владения не на своей, а на чужой, именно храмовой земле. Если некоторые изображения сельскохозяйственных работ находятся в гробницах сановников, по роду службы не имевших к ним касательства, и могут свидетельствовать, что эти работы производились в их личных владениях, то другие встречаются в гробницах вельмож, ведавших полями, а по припискам к ним подчас прямо видно, что изображенные работы ведутся отнюдь не на их собственных землях. Областные правители перестали, по-видимому, распоряжаться пахотными землями своей области. Во всяком случае, областной правитель Па-хри (Па-хре) еще в первую половину

правления XVIII царского дома заведовал пашнями в областях соседей, на всем юге страны. Но следует ли из этого, что местная знать стала мало значить в египетском государстве?

Костяк новоегипетской знати составляли по-прежнему местные правители. Одни из них были ставленниками царя, другие — преемниками своих отцов. Даже во вторую половину Нового царства иной областной правитель, совсем в духе Среднего царства, похвалялся знатностью происхождения. Титул областного правителя был из самых высоких. Даже начальник царского казнохранилища во времена XVIII царского дома получил такой титул в виде повышения. Иногда власть правителя простиралась за пределы его области; например, тинским правителям подчинялась Южная котловина (т. е. Южный оазис), хотя эта местность лежала посреди пустыни в имела своего властителя. Цари XVIII царского дома поддерживали самые близкие отношения с областными правителями, некоторые из них занимали важные должности в общегосударственном управлении. Стоило в конце XIX царского дома пошатнуться фараоновской власти, как страна оказалась в руках местной знати.

В этой последней теснейшим образом смыкалась придворная и вообще служилая знать, вернее, та ее часть, которая была ровней местной по унаследованному положению в обществе. Но была и ненаследственная знать, обязанная своим положением личным способностям и случаю. Можно назвать видных и даже виднейших государственных деятелей еще первых двух столетий Нового царства, не говоря уже о последующем времени, которые были детьми не сановных родителей, первоначально небольшими служащими, чуть ли не бедняками.

Если даже среди рядовых жрецов часто бывали представители знати, то верховными жрецами — не только первой, но и последующих степеней — числились царевичи, родственники царского дома, сыновья верховных жрецов, областные правители и в порядке совместительства важнейшие сановники, вплоть до верховных. В быту такое верховное жречество мало чем отличалось от прочей знати. Долгое время верховные жрецы одевались так же, как и остальные знатные лица, а при XVIII царском доме так же страстно увлекались охотой. В те времена иной верховный жрец с удовольствием вспоминал, как ходил с царем в походы и не отставал от него на поле брани.

Если верховные жрецы бывали «*распорядителями слуг божьих*», т. е. жрецов, в своих храмах, то этот сан и в Новом царстве оставался важнейшим после княжеского титула у областных правителей. А если принять во внимание, что считалось желательным пополнять жречество представителями местных именитых, сановных кругов, то связь местных храмов с местной знатью станет еще приметнее.

Жреческая знать ведала громадными храмовыми угодьями, стадами, мастерскими, рабочей силой. Мы не располагаем числовыми данными, которые позво-

ляли бы судить о размерах храмовых владений при XVIII царском доме. Однако управлять «*домом*», т. е. хозяйством, главного государственного бога Аманы (Амуна) не гнушались сами верховные сановники и даже такой могущественный временщик, как доверенный Хи-шапсауы (Ха-шепсове) — Сан-на-миуа (Сенен-мау). Поэтому столичный Амана (Амун), вероятно, был уже тогда очень богат. Известно также, что его стада были разбросаны по всем областям Египта. Каких размеров храмовые владения достигали во вторую половину Нового царства, можно судить по тому, что за одно только тридцатилетнее царствование Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III (начало XIX царского дома) храмам было передано свыше 100 тыс. людей, около 500 тыс. голов скота и свыше 1 млн. «*сат*» пахотной земли, и это не считая множества других подношений и ежегодных поставок и даров. О том, что представляло собой хозяйство большого храма, красноречиво свидетельствует число подневольных людей — 62626 «*голов*», переданных Риамасэ-сой (Ра-месэ-сом) III своему поминальному храму, посвященному Амане (Амуну) и ныне известному как храм Мединет-Абу. Иногда, правда, храмовым хозяйством управлял не верховный жрец, а сановник, например в храме Риа-масэсы (Ра-месэ-са) III, однако правилом это не было. В тех случаях, когда хозяйством храма ведало светское лицо, оно могло быть только человеком знатным, как сын и внук верховных сановников и сам верховный сановник Дхут-маси (Тхутмосе) III — Рих-ма-риа (Реш-ме-рэ).

Нельзя не признать, что храмовая знать Нового царства умела идти в ногу со временем. Движение за освобождение Египта от «*властителей стран*» зародилось в Нии (Нэ, Фивах греков). Последовавшее завоевание половины тогдашнего мира было осуществлено фараонами, происходившими оттуда же. Нии (Нэ, Фивы греков) стали столицей «мировой» державы, а городской бог Амана (Амун) воспринимался уже как покровитель египетской «мировой» державы. Но значение Аманы (Амуна) этим не исчерпывалось.

Среднеегипетское учение об Амане (Амуне) как сокровенном и вместе с тем зримом в Солнце, как творце мира и подателе благ, развилось ко второй половине Нового царства в предельную для фараоновской древности отвлеченность. Теперь Амана (Амун) воплощал в себе главных богов страны, оставался Солнцем, но порождал из себя и земную растительность, был всюду — на небе и в преисподней, но как «*сокрывший себя от богов*», чей подлинный образ никому из них не ведом, был далек от неба и чужд преисподней. Отвлеченное учение о всебоге Амане (Амуне) сочеталось со среднеегипетским же представлением о нем как о заступнике обездоленных. Но в Новом царстве и это представление получило дальнейшее развитие. Целитель больных, неподкупный заступник бедняка на суде, спасающий человека из рук надменного, дыхание того, кто заключен в темнице, вызволяющий из самой преисподней, гневный всего на миг, прогоняющий страх

и подающий радость — таким представляли себе Аману (Амуна) его новоегипетские почитатели. Именно таким он предстает в надписях ремесленников, мелких жрецов и служащих. Но эти же свойства прославляются и в школьных молитвах-прописях, и даже в самых торжественных славословиях — вперемежку с восхвалениями его таинственности и всесокрушающей силы.

В исполинских храмах Аманы (Амуна) в Нии (Нэ, Фивах греков) громады привратных башен, дворов, чертогов сменялись недоступными простым смертным покоями, где в таинственном мраке обитал идол. А на храмовом дворе изваяние чтимого мужа — зодчего Аман-хатпи (Амен-хотпа), сына Хапу, — приглашало читавших надпись возносить свои молитвы Амане (Амуну) через посредство его, царского любимца. Сюда, к этим храмам, в камне славившим величие и мощь Аманы (Амуна) и его сына-фараона, шли победители сложить добычу перед незримым вдохновителем их побед. Сюда же шли излить перед Аманой (Амуном) свои горести и выразить ему благодарность простые горожане. Впрочем, они охотно обращались не только к государственному богу Амане (Амуну), но и к второстепенным местным божествам, например, к чтимому на западном берегу Нии (Нэ, Фив греков) обожествленному мертвому царю Аман-хатпи (Амен-хотпу) I и к горной вершине под названием «Любит она молчание».

То же самое, что и в Нии (Нэ), происходило с теми или иными изменениями и в других больших городах. Стоило в середине Нового царства поколебаться могуществу Аманы (Амуна), как Птах, бог Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков), с готовностью взялся «*вложить*» в руку царя победный меч. Впрочем, еще Дхутмаси (Тхут-мосе) IV был изображен в Мэмфи (Мэнфе) поражающим врага перед Птахом. Все это не мешало размышлять о Птахе в духе староегипетских мудрствований и обращаться к богу Мэмфи (Манфе) как к «*слушающему мольбы*». В городе Птаха имелся и свой Аман-хатпи (Амен-хотп) — обожествленный царь VI династии Атати (Атоте), и своя вершина — великий сфинкс. И если в Нии (Нэ) свой поминальный храм царь посвящал Амане (Амуну), то в Мэмфи (Мэнфе) он имел возможность посвятить такой же храм Птаху.

Посвящение поминальных царских храмов тому или иному местному богу стало возможным после того, как они обособились от гробниц. Со времени Дхутмаси (Тхут-мосе) I от пирамиды как места царского упокоения окончательно отказались. Дхут-маси (Тхут-мосе) I велел вырубить себе гробницу в недрах скалы на западном берегу Нии (Нэ), что было проделано втайне под руководством царского зодчего Анани. Так возникло новое царское кладбище с пещерными гробницами, иной раз в сотню метров длиной, в глухом ущелье, именуемом ныне Долиной царей (Бибан эль-Молук — «*Врата царей*» по-арабски). А поминальные храмы остались в речной долине, у подножья скал. Посвящение таких храмов Амане (Амуну) означало подчинение ему царя после смерти. На рубеже

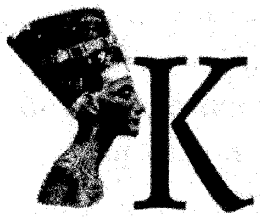
Старого и Среднего царств царские пирамидные заклинания были распространены на гробницы простых смертных. При XVIII царском доме, наоборот, свод заупокойных заклинаний (для «*выхода днем*» из гробницы и т. п., известный в науке под названием «*Книга мертвых*»), приспособленный для заупокойного культа простых смертных, считался обязательным и для царей! Он сопровождал мертвеца на тот свет в записи на свитке папируса, иногда на саване или на гробничных стенах, и царям приходилось наряду со всеми оправдываться в сорока двух грехах перед загробным судилищем Усири (Усире, Осириса греков) и заклинать магических статуэток («*куколок*»), чтобы они работали за них, если их (царей!) на том свете заставят отбывать повинности. И здесь торжество храмовой веры, веры в богов над верой в царя было полным.

Усиление общественного значения храмов, увеличение их влияния вполне соответствовало углублению верований среди населения. С середины XVIII царского дома частные лица стали покрывать свои заупокойные плиты изображениями местных божеств. Если при XVIII царском доме сановники верили в посмертное переживание изображенных на стенах гробниц бытовых утех и успехов по службе, то состоятельные люди времени XIX—XX царских домов, судя по их гробничным изображениям, стремились не столько к повторению после смерти пройденной ими жизни, сколько к благоустройству в таинственном загробном мире.

ГЛАВА VI

СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ

XVIII ЦАРСКИЙ ДОМ; СЕРЕДИНА XIV ВЕКА



Когда умер Аман-хатпи (Амен-хотп) III, престол перешел к его юному и неопытному сыну от царицы Тэйе Аман-хатпи (Амен-хотпу) IV. Царь Междуречья (Митанни) Тушратта, прося нового фараона о продлении дружбы между обоими дворами, советовал ему справляться о международных делах у матери и сам просил вдовствующую царицу влиять в благоприятном смысле на сына. В незаконченной гробнице Аман-хатпи (Амен-хотпа) III в Нии (Нэ, Фивах греков) не было произведено никаких переделок или добавлений, враждебных старым богам, хотя стены ее пестрели их изображениями. Служение умершему царю было поручено особому жречеству. Царица-вдова занялась сооружением мужу заупокойных памятников, на которых по стародавнему обыкновению призывала бога мертвых Усири (Усире, Осириса греков). Пятичленное царское прозвание, принятое новым фараоном, было самым лестным для стольного Нии (Нэ) из всех, когда-либо принятых властелинами Нового царства. Казалось бы, ничто не предвещало надвигавшейся бури.

И все же очень рано в царском прозвании молодого фараона появилось знаменательное добавление. По-видимому, не при воцарении, а через несколько месяцев, если не год спустя, Аман-хатпи IV присоединил к своему фараоновскому имени слова «*Единственный для Рии* (Рэ)» в смысле «*Имеющий исключительное значение для солнца*». Этому добавлению, засвидетельствованному уже для начала 2-го года царствования, суждено было стать потом излюбленным обозначением фараона. Не позже того же 2-го года местопребывание двора в Нии (Нэ) получило необыкновенное название: «*Замок ликования* (или: *ликующего?*) *в небосклоне*». По виду это были скромные нововведения, не способные вызвать резкое противодействие. Тем не менее, еще в 6-м году царствования фараон хорошо помнил о чем-то дурном, «*слышанном*» им в 1-м. Однако в народе новые

веяния почти не ощущали, и на печатках и украшениях царя-солнцепочитателя спокойно называли вместе со старыми богами.

Да и само нарождающееся новое солнцепочитание легко укладывалось в прежние понятия и обычаи еще в конце 3-го года царствования. Правда, при отделке вельможеских гробниц стало принятым уделять сугубое внимание солнцу и его царственному почитателю, однако оно именовалось по-старому «*Рией-Харой-Небосклонным* (Ра-Хар-Ахтом), *богом большим, владыкою неба*», реже попросту Рией, т. е. «*солнцем*». Даже древний, вполне человекообразный солнечный бог Атама (Атом), позже отвергнутый, пользовался тогда при дворе известным признанием. Наименование «Йати (Йот)» — «*видимое солнце*» уже охотно прилагалось к царскому богу, хотя таким употребительным, как впоследствии, оно не было. Тем не менее, именно под этим наименованием солнцу воздвигали храм — «*Дом Йати* (Йота)», где работами руководил царский стольник Парин-нафа (П-рен-нуфе). Впрочем, в 3-м году царствования у нового бога имелся еще один храм, посвященный ему под другим его своеобразным наименованием, — «*Дом Рии* (Рэ), *ликующего в небосклоне*», владевший виноградниками, вероятно, в Нижнем Египте. И сам царь ввел к концу 3-го года в свое царское прозвание необыкновенное добавление «*большой по веку своему*».

Никаких признаков отрицания старых богов и в конце 3-го года царствования незаметно. Никто не возбранял придворным изображать и призывать в их гробницах любые древние божества и даже представлять царя и его мать почитающими их. В глазах вельмож бог столицы Амана (Амун) все еще был главнее нового бога. И даже вдали от Нии (Нэ) народ клялся, как ни в чем не бывало, Аманой (Амуном) и властителем.

Около начала 4-го года царствования солнце получило новое, особенное имя. Обозначения, под которыми царское божество было известно в первые годы царствования — «*Риа-Хара-Небосклонный* (Ра-Хар-Ахт)», «*Ликующий в небосклоне*», «*Йати* (Йот)», были объединены с довольно частым в те времена словом для солнца «*Шау* (Шов)» в одно сложное имя: «*Риа-Хара-Небосклонный* (Ра-Хар-Ахт), *ликующий в небосклоне под именем своим как Шау* (Шов), *который есть Йати* (Йот)». На первое время, видимо, до подыскания подходящего лица, верховным жрецом новоявленного бога провозгласил себя сам фараон, и этот жреческий сан в течение нескольких месяцев значился в царском прозвании. Сохранилось небольшое славословие солнцу, напоминающее произведения последующих лет по своему содержанию и особенно заглавному посвящению одновременно солнцу под его полным именем и Аман-хатпи (Амен-хотпу) IV.

Не позже начала 4-го года, а, вероятно, гораздо раньше, царь отрядил множество народа со всей страны, от южного края до северного, в песчаниковые каменоломни к югу от столицы. Здесь под наблюдением сановников и начальников

резчиков ломали камень для ее солнечного храма, а также высекали для него большой столп наподобие чтившегося в давнем городе солнца Ане (Оне, Илиополе греков) и все затем отправляли водою в Нии (Нэ). Свое сооружение царь воздвигал под самым боком у государственного храма Аманы (Амуна) в Апасауе (Эп-эсове), у нынешней деревни Карнак. В 3-м — 4-м годах строительство настолько продвинулось, что можно было приступить к отделке стен изображениями и надписями. Изображения пока что мало отличались от принятых прежде. Образ солнца в виде человека с головою сокола, увенчанного кругом, был унаследован от древнего Рии-Хары-Небосклонного (Ра-Хар-Ахта). Изображения царя, посвящающего или подносящего приношения, тоже следовали старым образцам.

Хотя в каменоломнях работали на нового бога, над оставленной там около начала 4-го года памятной надписью Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV изобразили не перед ним, а перед Аманой (Амуном), который в глазах сановников оставался первенствующим богом государства. Сам фараон, строя храм новому богу в столице, не переименовал в свои отцовские изображения в далеком эфиопском храме, на которых Аман-хатпи (Амен-хотп) III был представлен почитающим Аману (Амуна)! Даже несколько месяцев спустя после придания солнцу особого имени не кто иной, как верховный сановник государства Риа-маси (Ра-мосе), изобразил себя в гробнице подносящим Аман-хатпи (Амен-хотпу) IV дары сперва от Аманы (Амуна) и только затем от нового бога. Никому по-прежнему не возбранялось и в гробницах и в каменоломнях изображать и призывать старых богов, даже представлять фараона в их обществе. Па-рин-нафа (П-рен-нуфе) мог быть одновременно доверенным лицом царя и «*распорядителем слуг божьих* (т. е. *жрецов*) *богов всех*». Мало того, некоторые древние боги и баснословные существа находили себе приют в самом новом солнцепоклонничестве. «*Души*» священного города на западе Низовья, люди с соколиными головами, совместно с песьеголовыми обезьянами по-прежнему воздавали хвалу восходящему солнцу; и тех и других изображали на стенах и ваяли из камня.

Но каким бы прочным ни казалось еще положение старых богов, вещественное основание его — храмовое богатство — все больше и больше отходило от них к новоявленному сопернику. Если прочим богам страны поступления зерном мерили обычными мерами, то солнцу к концу 4-го года царствования их мерили мерами переполненными. Храм солнца — «*Дом Рии-Хары-Небосклонного* (Ра-Хар-Ахта)» располагал значительными угодьями в Нижнем Египте. Хлебы для жертвоприношений в столичном солнечном храме отпускались многими тысячами. Должностному лицу, которое не порадело бы об имуществе солнца, грозила опасность впасть в руку цареву.

На конец 4-го года падает резкий перелом в отношениях царя, с одной сто-

роны к солнцу, с другой стороны — к старым богам. «*Риа-Хара-Небосклонный* (Ра-Хар-Ахт), *ликующий в небосклоне в имени своем как Шау* (Шов), *который есть Йати* (Йот)» был провозглашен царствующим фараоном. Солнечное имя стали писать в двух кольцах (ободках) как фараоновское. Даже простые обозначения солнца «Йати (Йот)» и «Риа (Рэ)» начали в скорописи заключать в царские кольца. Для солнца было составлено длинное прозвание, напоминавшее царское. Летосчисление продолжали вести по годам царствования Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV, но после числа перестали писать «при» Аман-хатпи (Амен-хотпе) IV, поскольку первым фараоном считалось солнце.

Вслед за воцарением солнца резко изменился способ его изображения. Старый образ человека с головою сокола, увенчанной кругом, заменился новым. Солнце изображали теперь в виде круга с солнечной или царской змеею спереди и множеством устремленных вниз лучей с кистями человеческих рук на концах. Такой способ изображения при полном отказе от очеловеченных образов наглядно показывал, что за своим божеством фараон признавал только один облик — зримого солнца.

Но в образе древних богов, в прикрашенном виде, с торжественной осанкой, искони изображались фараоны, сами почитавшиеся за богов. Так изображали и Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV в первые годы его царствования. Теперь же, после отказа от старых богов, царя стали изображать в неприкрашенном виде со всеми далеко не прекрасными особенностями строения его головы и туловища. И чем резче, чем отчетливее эти особенности были выделены, чем менее похоже было новое изображение на отвергнутые старые, тем угоднее было оно фараону. К началу 6-го года художники Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV дошли постепенно до такого преувеличения его особенностей, что изображения того времени и ближайшего последующего производят на европейца впечатление злой карикатуры. Однако их менее всего принимали тогда за таковую. Новому образу фараона как образцу стали уподоблять изображения царицы и других людей.

Отказ от вековых правил в искусстве имел и иные последствия. Стены нового храма пестрели не только изображениями царя, служащего солнцу или шествующего в его лучах. Они были также испещрены случайными изображениями бытового порядка со множеством действующих лиц. Такие изображения бывали выполнены небрежно, но движение они передавали очень живо. Столичный храм солнца представлял уже большое сооружение, состоявшее из целого ряда самостоятельных частей, носивших каждая особое имя. Фараон всеми силами подчеркивал свою преданность солнцу. Судя по воздвигнутым в храме большим изваяниям и по тамошним стенным изображениям, царь носил пластинки с полным солнечным именем на груди, на животе, над кистями рук и на предплечьях.

Тем не менее фараон не рвал еще окончательно ни с Аманой (Амуном), ни с прочими старыми богами. Имя царя звучало по-прежнему «*Аман-хатпи*» (Амен-хотп), что значит «*Амана* (Амун) *умиротворен* (т. е. доволен)». В 5-м году домоправитель фараона в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) по имени Апи, пользовавшийся впоследствии расположением царя, докладывал ему о целости и сохранности храма его «отца» Птаха и исправных жертвоприношениях городским богам и богиням «*за жизнь, целость и здоровье*» фараона. При этом Апи ни словом не обмолвился о новом божестве, хотя ставил царя под покровительство Птаха.

Пятичленное полное прозвание царя дышало по-прежнему благоволением к столице, но в начале 5-го года, если только не в самом конце 4-го, было сделано знаменательное добавление. Перед царским и перед личным именем царя появились слова «*живующий правдою*», имевшие, впрочем, отношение не столько к солнцепоклонничеству, сколько к государственной деятельности Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV.

В 4-м году фараону пришлось снова «*услышать*» что-то очень дурное, быть может, в связи с его решительными нововведениями. Хотя соответствующее место в речи царя от 6-го года сильно повреждено, из него всего же как будто бы следует, что в 5-м или 6-м году произошло нечто еще худшее, чем «*услышанное*» царем в 1-м и 4-м годах или «*услышанное*» его предшественниками. Сооружение Аман-хатпи (Амен-хотпом) IV именно в Нии (Нэ), а не в ином каком месте, главного храма своему солнцу, не говоря уже о более чем учтивом по отношению к столице царском прозвании, убедительно свидетельствуют, что первоначально он ничего не замышлял против царствующего города как такового, хотя к 5-му или 6-му годам значение и доходы Аманы (Амуна) были уже значительно умалены, а царского солнца, обосновавшего рядом с его храмом, в Апа-сауе (Эпэсове) у нынешней деревни Карнак, невероятно возросли. Еще в конце 4-го года, уже после воцарения солнца, верховному жрецу Аманы (Амуна) Майе царь поручал добычу камня для его, фараона, изваяния в каменоломнях в восточной пустыне.

«*Дурное*» ли «*услышанное*» в Нии (Нэ), или нечто другое подвигло царя на разрыв с господствующим городом, но только в начале 6-го года фараон основал новую столицу. Наверно, одновременно он выкинул из своего царского прозвания все, что напоминало прежнюю столицу и ее бога, а взамен ввел наименования в честь солнца и нового города. В частности, вместо прежнего личного имени «*Аман-хатпи* (Амен-хотп) (“*Амана* (Амун) *умиротворен*”), *бог, властитель Уисы* (Висе, Фив греков)» царь принял имя «*Ах-на-йати*» (Эх-не-йот), что значило «*Полезный солнцу*». Место для новой столицы было выбрано в среднем Египте на правом берегу реки, где горы, отступая полукругом от нее, образовывали просторную равнину. Ныне это место известно под названием Эль-

Амарны. Весною 6-го года на равнине был разбит царский шатер, и фараон направился на золотой колеснице туда, где должен был быть основан город. В жертву солнцу принесли хлеб, пиво, скот, птицу, вино, плоды, фимиам и всевозможную зелень. Стоя на колеснице под горячими лучами солнца, царь велел собрать придворных и военачальников. Когда же распростерлись перед ним на земле и облобызали ее, он обратился к ним с речью, в которой место для нового города объявил облюбованным и указанным самим солнцем. Выслушав хвалебный ответ двора, фараон воздел руку к небу и поклялся своим лучезарным «*отцом*», что никуда не перенесет его город, но построит его именно здесь согласно желанию солнца и создаст в новой столице храмы, дворцы и гробницы. Город получил имя «*Ах-йати*» (Ах-йот), что значит «*Небосклон солнца*», т. е. место, где солнце касается земли, в первую очередь при восходе, но также при закате (различали «*небосклон восточный*», «*небосклон западный*»). Ах-йати (Ах-йот) был объявлен исконным местом солнца, его местом с первобытных времен, которое оно отвело себе, окружив горами. Прилегающий к городу округ — горы, пустыня, поля, воды и побережья с людьми, стадами и «*вещью всякой*» — был провозглашен достоянием солнца. Было сделано все, чтобы превратить его и в местного бога Ах-йати (Ах-йота) наподобие местных божеств других городов Египта.

Первые годы после основания новой столицы, примерно до 8-го года, были временем усиленного строительства собственно города. Гробницы, если и были частично заложены, то еще не были отделаны теми изображениями и надписями, которым суждено было стать главным источником наших сведений об Аман-хатпи (Амен-хотпе) IV и его солнцепоклонничестве. На скалах, сперва на правом, а потом и на левом берегу реки, высечены были одна за другой пограничные плиты города. На них было представлено царское семейство, служащее лучистому солнцу, и вырезан рассказ об основании Ах-йати (Ах-йота) и царская клятва. Ее царь возобновил в 8-м году при осмотре пограничных плит. Искусство этого времени оставалось на уровне, достигнутом в Нии (Нэ). Изображения фараона стали едва ли не еще уродливее, чем в старой столице, и даже красивую царицу Нафт-иту (Нефр-эт) изображали наподобие ее мужа.

Чувства фараона к солнцу продолжали быть самыми горячими. Тело и руки царя по-прежнему покрывали пластинки с солнечным именем. Теперь на изображениях солнечные лучи своими маленькими ручками уже любовно обнимали царя и царицу или поддерживали их венцы. В молельне в древнем городе солнца Ане (Оне, Илиополе греков) царское семейство было изображено не только коленопреклоненно молящимся, но и целующим землю перед солнцем. После года, месяца и числа имя царствующего солнца писалось раньше имени фараона. Солнечное имя было еще больше уподоблено царскому вследствие присоединения слов «*кому дано жить вечно вековечно*», и это несмотря на то, что по представлени-

ям Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV солнце само давало жизнь, а не получало ее от кого бы то ни было!

К старым богам фараон относился терпимо еще в год основания новой столицы. Тогда он считал нужным оговаривать, что место, где был основан Ай-йати (Ах-йот), до того «*не принадлежало ни богу, ни богине, ни властителю, ни властительнице*». Древнейшие пограничные плиты Ах-йати (Ах-йота) не раз упоминали «*богов* (и) *богинь*». При основании города царь клялся устроить там гробницу для быка, чтившегося издавна как явление солнца в низовом городе последнего Ане (Оне, Илиополе греков). В дальнейшем это обещание, по-видимому, не было выполнено.

Примерно с 9-го года в вельможеских гробницах, высекавшихся в скалах за городом Ах-йати (Ах-йотом), стали появляться изображения и надписи. На время между 9-м и 12-м годами приходится подавляющее большинство сохранившихся славословий царскому солнцу, хотя не исключено, что некоторые из них могли быть составлены в предшествующие годы. В изобразительном искусстве острота противопоставления нового старому, ощущавшаяся в годы разрыва с прошлым, начала постепенно сглаживаться. Способ изображения Ах-на-йати (Эх-нейота) с нарочно преувеличенными телесными особенностями встречался еще в смягченном виде в начале данного отрезка времени, но затем художники перешли к более правдивому изображению своего повелителя. Отмечая особенности в строении его лица и туловища, они стали избегать крайностей «преувеличивающего» способа изображения. Кое-кто из художников начал даже впадать в обратную крайность, придавая лицу фараона мечтательную нежность, вряд ли отличавшую крутого преобразователя. Перемена в способе изображения царя влекла за собой соответствующую перемену и в способе изображения царицы и других лиц. Прозвания, сопровождавшие солнечное имя, подвергались неоднократно переделке и дополнению между 8-м и 12-м годами, отчасти, возможно, с целью дальнейшего усугубления их фараоновского облика.

Ко времени 9-го — 10-го годов восходит древнейший известный пример преследования бога отверженной столицы Аманы (Амуна). Под запрет попало даже личное имя покойного Аман-хатпи (Амен-хотпа) III: взамен стали повторять престольное имя, так что вместо «*Ниб-муа-риа — Аман-хатпи, властитель Уисы* (т. е. Фив)» писали «*Ниб-муа-риа* («Неб-ма-рэ») — *Ниб-муа-риа*» («Неб-ма-рэ»). К тому же времени относится также, видимо, сознательное опущение в письме знака бараньей головы, поскольку баран считался священным животным Аманы (Амуна) (в старых надписях этот знак определенно истребляли). Известны также случаи уничтожения имени Аманы (Амуна) на прежних памятниках, относящиеся ко времени не позже примерно как 12-го года. В новой столице надписи 9-го — 12-го годов не называют уже ни разу по имени ни одного старого бо-

жества, не содержат и слов «*боги*», «*богини*». Однако отдельные неопределенные намеки на прежних богов можно еще обнаружить на столичных памятниках, и даже близкие ко двору лица продолжали носить имена в честь старых божеств. Впрочем, к концу данного отрезка времени кое-кто из таких особ уже переименовывал себя в честь солнца. Те из сановников, которые прозывались в честь Аманы (Амуна), сделали это, по-видимому, еще раньше. Вполне возможно, например, что верховного сановника Нахт-па-йати (Нешт-п-йот) («*Крепко солнце*») и управляющего царским хозяйством Па-йати-ма-ху (П-йот-ем-ха) («*Солнце в празднестве*») звали прежде Нахт-амана (Нешт-амун) и Аман-ма-ху (Амен-ем-ха).

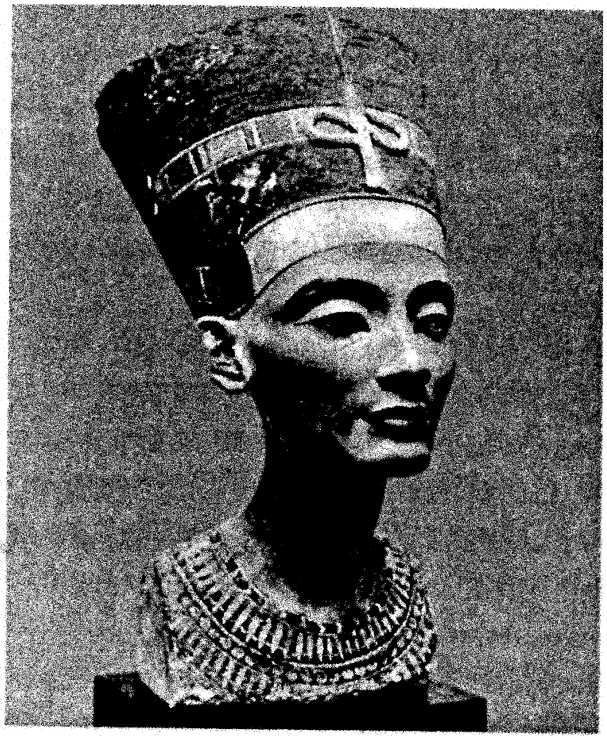
Так обстояло дело в столице. А как прививалось царское солнцепоклонничество на местах?

Вот заупокойная плита, несомненно из древнего города солнца Аны (Она, Илиополя), сооруженная между 9-м и 12-м годами царствования. «*Писец стола владыки обеих земель*» Хайа посвятил ее своему отцу «*распорядителю быков Дома Рии* (Рэ)» «(жрецу-) *чистителю*» Па-нхаси (Пи-нхасу). Вверху сын, царский служащий, по-столичному молится вместе с женою лучистому солнцу, надписанному своим царственным именем. На основной же части памятника отец и мать посвятителя предстоят солнцу в его стародавнем образе человека с головою сокола, увенчанною солнечным кругом. И названо оно здесь тоже по-старинному: «*Риа-Хара-Небосклонный* (Ра-Хар-Ахт), *бог большой*». Так же названо оно в одном из заклинаний, тогда как другое обращено к давно позабытому при дворе, хотя и отождествлявшемуся прежде с Рией (Рэ), «*Атаме* (Атому), *владыке Аны* (Она, Илиополя греков)». Как будто б ничего не произошло с начала царствования!

Управляющий хозяйством Дома солнца в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) построил себе там гробницу, но от нее, к сожалению, осталось всего несколько обломков. Если б не должность ее хозяина, не его переделанное впоследствии в «*Марити-риа* (Мерит-рэ)» имя да налет солнцепоклоннического искусства, мы никогда бы не догадались, что имеем дело с памятником, созданным между 9-м и 12-ым годом царствования Ах-на-йати (Эх-не-йота). Настолько по-старинному выглядят заклинания!

Но Ана (Он) и Мэмфи (Мэнфе) — полустоличные города. В обыкновенных областных городах старое и новое сплеталось, по-видимому, много причудливее.

Князь города Ипу (Панополя греков) Нахт-мину (Нешт-мин) соорудил две плиты в средние годы царствования Ах-на-йати (Эх-не-йота), одну — в первые годы после основания Ах-йати (Ах-йота), другую — в ближайшие последующие (между 9-м и 12-м). Хотя первая плита целиком посвящена солнцу, князь и княгиня чтут его по-старому. Лишь путем внимательного обследования можно уловить отголоски столичного солнцепочитания. Вторая плита по бокам и отчас-



▲ *Скульптурный портрет Нафт-иты (Нефр-эт) из Ах-йота, XVIII династия*

▲ *Скульптурная маска Ах-на-йати (Эх-не-йота), XVIII династия*

▶ *Ах-на-йати (Эх-не-йот) и Нафт-ита (Нефр-эт) поклоняются Йоту, рельеф из Ах-йота, XVIII династия*

ти спереди надписана вполне по-столичному, но славословие солнцу посреди ее — совсем старинное, с упоминанием не только Атамы (Атома), но и «*матери*» солнца! Мало того, на верхушке плиты изображены два пса кладбищенского бога Анапы (Анупа, Анубиса греков) и точно для того, чтобы никто не усомнился в том, кого они представляют, к каждому приписали «*Анапа* (Ануп)». В дальнейшем мы увидим, что местные князья позволяли себе еще больше.

После всего сказанного неудивительно, что на далеком западе Низовья старший виноградарь Дома солнца Аман-апа (Амен-опе) не менял, по меньшей мере до 11-го года, своего сложенного в честь Аманы (Амуна) имени, хотя в столице в то время уже объявили или готовы были объявить беспощадную войну отверженному «*царю богов*». Впрочем, в том же западном Низовье и в том же 11-м году другой старший виноградарь уже носил имя в честь Йати (Йота), царского солнца.

Такова в общих чертах последовательность событий до 12-го года царствования, насколько она может быть восстановлена по имеющимся памятникам. Но уже из этого обзора видно, что за первые 12 лет правления Аман-хатпи (Аменхотпа) IV — Ах-на-йати (Эх-не-йота) в Египте произошел настоящий переворот. Потрясены были древние устои. Вековое преобладание Града Южного было уничтожено. Столицею стал новый город, выросший со сказочной быстротою, всего за несколько лет, в безвестном пустынном захолустье. Амана (Амун), еще недавно бог царствующего города, первенствующее божество мировой державы, сделался предметом преследования. Прочих старых богов тоже перестали чтить при солнцепоклонническом дворе. Вместо сонма тысячелетних божеств Египта фараон и его двор почитали одно солнце, да и то под неслыханным именем и в невиданном образе. Изобразительное искусство изменило многовековым установкам. Храмоздание отказалось от всех своих прежних образцов, за исключением разве принятых в древнем городе солнца Ане (Оне). В книжный среднеегипетский язык густою струею влился разговорный новоегипетский.

Но что же вызвало подобные перемены? Исчерпывающий ответ можно будет дать только тогда, когда будет по-настоящему изучено развитие новоегипетского общества. До тех пор приходится ограничиваться частичными наблюдениями.

В новой столице в гробницах сановников было начертано немало надписей, сполна или отчасти посвященных благодеяниям, оказанным фараоном хозяевам гробниц. Сановники наперебой выставляли себя созданиями фараона, вознесенными им из ничтожества и нищеты. Вот два образца подобных прославлений царственного милостивца. Военачальник Майа писал: «[*Слу*]*шайте, что скажу я, око всякое* (т. е. все, кто прочтет надпись), *большие, как* (и) *малые! Расскажу я вам* (о) *добре, сотворенном мне властителем, и скажете вы: "Как велико сотворенное этому сироте!" и пожела*[*ете в*]*ы ему* (т. е. царю) *вековечность*

в празднованиях тридцатилетних, вечно (в бытие) владыкою обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта), *сотворит он вам* (подобное) *сотворенному мне богом, дающим жизнь. Я — сирота о отце* (и) *матери. Создал меня властитель. Дал он объявиться*(?) *мне,* (после того как) *обо*[*гатил*] *меня питанием своим,* (а) *был я неимущим. Дал он явиться для меня людям моим...* (чем-то). *Дал он умножиться братьям моим. Дал он заботиться обо мне людям моим всем,* (когда) *явился я владыкою селения. Дал он смешаться мне с сановниками* (и) *друзьями* (царевыми, т. е. придворными), (а) *был я тем, кто позади. Дал он мне питание — пищу повседневн*[*ую*], (а) *я просил хлеба. Дал он* [...]». Один из главных жрецов солнца обращался к царю с такими словами: «*Хвала тебе, мой бог, создавший меня, определивший мне добро, явивший меня, давший мне поступления, сотворивший потребное мне питанием своим, властитель, сотворивший меня человеком, давший смешаться мне с жалуемыми им — знает меня око всякое* (с тех пор, как) *возвышен я с конца*(?), — *давший быть богатым мне — а был я беден*». «*Сиротой*» в прошлом и сановником милостью фараона («*я — сановник из* (тех, что) *творит властитель*») называл себя военачальник Риа-маси (Ра-мосе). Начальник казнохранилища Сута (Сэт) утверждал, что его, «*сироту*», фараон возвысил, сделал человеком. В сходных словах, хотя и не называя себя «*сиротой*», говорят о себе и многие другие вельможи. Они тоже «*сотворенные*», «*созданные*», «*явленные*» (в смысле «*ввращенные*») фараоном, присоединены им к знати и т. д. Вполне возможно, что не одно заявление было только данью заведшемуся при дворе обыкновению: прибеднялись, чтобы выпуклее оттенить царские щедроты. Но примечательно, что такое обыкновение завелось. В предыдущие царствования подобные заявления, ссылки на возвышение царем из нищеты и ничтожества, представляли величайшую редкость. На одном черепке около середины XVIII царского дома было переписано несколько назидательных строк, прославлявших возвышение безродного бедняка царской милостью. Но то было не заявление определенного, тогда жившего вельможи о собственной судьбе. Знаменитый сановник Аман-хатпи (Амен-хотпа) III Аман-хатпи (Амен-хотп), сын Хапу, выставлял себя бедняком или простецом, возвеличенным царской милостью («*нет простолюдина, которому было б сотворено подобное*»). Но и он не употреблял слова «*сирота*». В устах солнцепоклоннических вельмож, как и вообще нередко в Новом царстве, слово «*сирота*» и образованные от него выражения «*сиротство*», «*сиротствовать*», имели в виду незавидное общественное и имущественное положение (сравни сходное словоупотребление в русских челобитных: «*сироты твои*»). Далее. Вельможи в солнцепоклоннической столице величали фараона «*творящим сановников, виждущим сирот*», «*творящим сановников питанием своим*», «*творящим людей*», утверждая, что нет «*сирот-*

ства» для внемлющего замыслам царя, для заключившего его в свое сердце, для жалуемого им. Подобные выражения были неупотребительны в предшествующие времена. В этой связи нельзя не привести слова, вложенные в уста царю его могущественным временщиком Туту (тоже выдавшим себя за обогащенного фараоном). Согласно надписи в его гробнице, царь объявил гражданским и военным должностным лицам, что обяжет «*своих сановников больших, равно как и сановника всякого, созданного фараоном, в земле всей* (египетской)» платить ежегодную подать царскому любимцу.

Для правильного понимания переворота следует всегда учитывать то исключительное положение, которое Ах-на-йати (Эх-не-йот) занимал в государстве, положение, необычное даже для египетского царя. Подавляющее большинство изображений в вельможеских гробницах Ах-йати (Ах-йота) посвящено фараону. Его изображали за самыми различными занятиями: то он служит солнцу, то направляется в его храм, принимает дань, награждает вельможу, назначает на должность, обедает или ужинает во дворце, прохлаждается в садовой беседке и т. д. Большинство молитв, начертанных в домах и гробницах, было обращено одновременно к солнцу и его «*сыну*». Храмы, дворцы, особняки и усыпальницы пестрели именами солнца, царя и царицы, выписанными вместе, одни подле других. Изображения царского семейства под лучезарным солнцем ставились в служебных помещениях и жилых домах для поклонения. В своем самообожествлении фараон далеко превзошел предшественников. В Нии (Нэ) и в Ах-йати (Ах-йоте) существовало особое жречество царствующего фараона. Верховным жрецом царя в новой столице был не кто иной, как всесильный временщик Туту. Во время царских выходов и царского служения солнцу присутствующие, от высших сановников до воинов и прислужников, стояли и двигались в мучительных положениях, согнув спину и задрав голову, устремив глаза на властелина. Даже главные жрецы прислуживали царю у солнечных жертвенников, согнувшись в три погибели. Можно было видеть, как сам верховный сановник бегал перед царской колесницей. Вельможи хором, как никогда прежде, воспевали царя как источник богатства, как питание свое повседневное, как свою благую судьбу, как тысячи половодий, изливающихся на них ежедневно. Наряду с солнцем молились царю и царице, прося о благах житейских и посмертных.

Огромен был дворец Ах-на-йати (Эх-не-йота) в солнцепоклоннической столице, сооруженный в основной своей части из белого камня. Этот дворец считают самым большим из всех гражданских зданий древности. У входа в него высилось сооружение, прозывавшееся «*Восходит солнце для Ах-на-йати* (Эх-не-йота)». Следовал обширный двор, окруженный высокими изваяниями фараона, с великолепным крыльцом в глубине — навесом на каменных столбах, покрытых тонкой резьбой. По бокам двора и в глубине его за крыльцом тянулись крытые помеще-

ния, большие и малые, с потолками, подпертыми столбами и без столбов, перемежавшиеся со дворами и двориками с деревьями и водоемом посередине или без таковых. Роскошна была и отделка дворца. Стены покрыты росписями или выложены изразцами. Верхушки столбов в виде пальм были обшиты золотом и испещрены самоцветными вставками. При преемнике Ах-на-йати (Эх-не-йота) Самнах-ку-рии (Сменх-ке-рэ) сзади ко дворцу было пристроено громадное кирпичное сооружение. На площади, занятой одним только главным его чертогом, перекрытия которого покоились на несметном числе граненых столбов, мог бы уместиться целиком большой европейский дворец. Через улицу от дворца, соединенные с ним висячим переходом, были расположены личные покои семьи Ах-на-йати (Эх-не-йота) — обширное кирпичное здание со множеством помещений внутри и садом спереди. Кроме главного дворца, у царя было еще несколько дворцов в столице.

Сопоставляя настойчивые заявления о возвышении и обогащении «*сирот*» и необыкновенное значение царской особы, трудно уклониться от заключения, что в основе переворота Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV Ах-на-йати (Эх-не-йота) лежал союз царя с какою-то частью простых египтян. Ввести их в состав знати значило для царя разбавить ее лицами, обязанными ему всем, и тем самым усилить свою власть. Для «*сирот*» присоединение к знати означало почет и богатство. А в намерения Ах-на-йати (Эх-не-йота) не входило полное отстранение старой знати от управления, двора и источников обогащения и замена новой. В течение первых пяти лет царствования верховным сановником в Нии (Нэ) состоял Риа-маси (Ра-мосе), занимавший ту же должность в последние годы Аман-хатпи (Амен-хотпа) III и связанный родственными узами со многими другими знатными семьями. В родстве с ним состоял Апи, унаследовавший от отца должность управляющего царским хозяйством в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков). Апи пребыл в чести у Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV как до, так и после переселения двора в новую столицу. В ней у Апи были и дом и гробница. На местах оставались наследственные князья-градоправители вплоть до последних лет Ах-на-йати (Эх-не-йота). Да и желания «*сирот*» не шли дальше присоединения к знати. Став сановниками, они всеми силами старались уподобиться ей. С упоением иной вельможа, выставлявший себя созданием фараона, описывал привалившее ему счастье. Стоит ему позвать одного, как откликаются десять, а то и целая тысяча. С тех пор, как он стал «*владыкой селения*», его люди «*заботятся*» о нем. Он разъезжает на судне, снабженном гребцами и другими корабельщиками. Особняки знати, откопанные в Ах-йати (Ах-йоте), с их столбовыми расписными покоями, опочивальнями, умывальными помещениями возле них, службами и садами являются вещественным поводом удобной и привольной жизни вельможных хозяев.

Не следует также думать, что фараон, «*зиждивший сирот*», распространял

свои милости на широкие круги простолюдинов, принимал меры к улучшению положения «*сирот*» вообще. Дошедшие до нас памятники переворота хранят молчание относительно подобных мероприятий. Раскопками в Ах-йати (Ах-йоте) было обнаружено множество жилищ простых горожан. Это маленькие постройки, совершенно терявшиеся перед пышными особняками вельмож. На пустыре за городом у подножия скал, в которых вырубались роскошные гробницы сановников, было откопано поселение работников, эти гробницы высекавших и отделывавших. Оно представляло большой прямоугольник, обнесенный стеною. По сторонам прямых улочек теснились вплотную примкнутые одни к другим единообразные жилища, правда, из нескольких помещений и даже с расписными столбами внутри для поддержки нехитрой кровли. Только одно жилище выделялось своими размерами. Оно, очевидно, принадлежало начальствующему лицу.

Каково было положение «*сирот*» непосредственно после переворота, показывает указ, изданный в их защиту и вместе с тем в пользу царской казны четвертым преемником Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV Хар-м-аху (Хар-м-ха). У «*сирот*», бывало, не было ладьи, чтобы выполнять государственные повинности. «*Сирот*» грабили все, кому не лень — вплоть до рядовых воинов. С «*сирот*» взымали незаконные поборы. У «*сирот*» отнимали рабов, отбирали бычьи шкуры. Видное место среди грабителей занимали дворцовые служащие. Статьи указа против взяточничества судей свидетельствовали, что и на суде бедняк не находил управы на обидчиков.

Но как бы своекорыстно ни действовал Ах-на-йати (Эх-не-йот), вводя в состав знати «*сирот*», поступать так, в ущерб ей, он мог только при сильной поддержке со стороны самих «*сирот*». При всей своей ограниченности мероприятия Ах-на-йати (Эх-не-йота) все-таки открывали путь к благосостоянию и почету значительному количеству «*сирот*». Возвышение их началось, возможно, еще в старой столице и в таком случае было давней, неотъемлемой особенностью переворота. Примерно около начала 5-го года в своей первоначальной гробнице в Нии (Нэ) стольник Па-рин-нафа (П-рен-нуфе), блиставший впоследствии и при дворе в Ах-йати (Ах-йоте) и там тоже оставивший гробницу, величал царя своим создателем в тех же самых выражениях, что и вельможи в солнцепоклонической столице. Правда, он не называл себя «*сиротою*», но если он даже никогда и не был им, то все же слова его доказывают, что восхвалять царя за возвышение из ничтожества уже стало принятым при дворе.

Исключительное почитание одного солнца из всего сонма египетских божеств было, несомненно, связано с повышенным фараоновским самосознанием Ах-на-йати (Эх-не-йота). Со времени Старого царства солнце было царским богом по преимуществу. Фараоны величались «*сынами солнца*», сравнивались с ним и уподоблялись ему, и солнцу предпочтительно перед прочими своими богами египтяне

присваивали царские черты. Царь-солнцепоклонник Аман-хатпи (Амен-хотп) IV полностью воцарил солнце. Его имя было заключено в ободки, причитавшиеся царским именам, после обозначений солнца в скорописи стали писать «*жив, цел, здоров!*», как после царских имен, к солнечному имени были добавлены прозвания наподобие царских, после года царствования называлось сперва солнце и затем только царь. Своего царского бога фараон противопоставил прочим богам Египта в их человеческих и животных образах как зримое солнце, такое же единственное, как сам египетский царь. Отказ царя от почитания старых божеств при своем дворе и изменение способа изображения солнца совпали по времени с воцарением солнца. Старые боги были прежде всего богами знати. Местные владетели, областеначальники, областные и затем городские князья были издавна «*распорядителями*» жречества местных божеств, иногда и верховными жрецами. Считалось желательным, чтобы даже обыкновенные жрецы были знатного происхождения. Всем этим местным божествам Ах-на-йати (Эх-нейот) противопоставил своего царского бога — солнце. Особенно ненавистным должен был стать местный бог царствующего города Нии (Нэ) Амана (Амун), «*царь богов*», в глазах своего города и в глазах чужеземцев божество всей мировой державы фараонов. Высшее жречество Аманы (Амуна) было неотделимо от местной столичной знати, самой могущественной в стране, самым ощутительным образом ограничивавшей царское самовластие. Свое солнце фараон противопоставил в первую очередь Амане (Амуну).

Уже к концу 4-го года Аман-хатпи (Амен-хотп) IV отпускал зерно солнцу переполненными мерами, а прочим богам страны — обычными. Еще в 3-м и 4-м годах храмы царского солнца владели виноградниками. Храмы солнцепоклоннической столицы располагали огромными хозяйствами, особенно ее главный храм — «*Дом солнца*». Он состоял из двух громадных каменных сооружений внутри прямоугольной ограды, вытянутой в длину на необозримое расстояние (800 м). Один двор следовал за другим, разделенные двойными то предваренными, то не предваренными навесами на каменных столбах. Дворы окружали несчетные мелкие помещения. Самой священной частью считался задний храм, названный по древнему каменному столбу солнца «*Двором солнечного камня*». Оба храма и окружавшее их пространство были полны тысячами жертвенников, на которых в жертву солнцу приносились говядина, птица, хлеб, овощи, напитки, цветы и курения. К храмовой ограде примыкали обширнейшие склады. Складочные помещения даже второго — придворного — храма столицы, «*Двора солнца*», могли соперничать с дворцовыми. Солнцу была посвящена вся местность окрест столицы с населением, стадами, насаждениями. У солнца была своя житница, отличная от государственной, и свое казнохранилище. У солнца были свои суда и мастерские. Оно владело стадами, пашнями, виноградниками. Последние были

разбросаны по разным местностям страны, особенно же по Низовью, и состояли в ведении многочисленных управителей. Об этих виноградниках мы хорошо осведомлены по множеству производственных пометок на винных сосудах. Находки были сделаны в разных местах города, как если б главный храм солнца снабжал вином не только дворец (у царя, царицы, вдовствующей царицы и старших царевен были и свои виноградники), но и более или менее широкие круги горожан. Вина у храма должно было быть, действительно, очень много, потому что солнцу платило десятину с вина даже хозяйство царицы. Сходное положение в отношении мясных заготовок прослеживается по производственным пометкам на сосудах с заготовленным впрок мясом. У «*Дома солнца*» были не только свои мастерские, но как для праздничной, так и для повседневной службы ему заготовляли мясо, притом в большом количестве, мясозаготовочные заведения, состоявшие в ведении высоких сановников. При раскопках в храме были обнаружены тысячи жертвенников. По подробным его изображениям в вельможеских гробницах, эти жертвенники загружали всяческими приношениями. Вывод может быть, кажется, только один. Поскольку никакое жречество не могло поглотить такого количества еды и напитков, храм явно самым щедрым образом кормил и поил столичное население. А это, конечно, не могло не сказаться на отношении горожан к царскому солнцу, его «*сыну*» и его окружению.

Хозяйство второго столичного храма солнца, «*Двора солнца*», было значительно скромнее хозяйства главного храма. Но мы знаем, что число таких храмов в столице не исчерпывалось этими двумя. В Нии (Нэ) тоже имелся большой солнечный храм, свой «*Дом солнца*», воздвигнутый в первые годы правления Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV. Уже тогда там приносились изобильные жертвы: у храма были стада, виноградники, мастерские. Одних ткачей у него было не менее 6800. В Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) имелся, должно быть, свой «*Дом солнца*». В старой столице и в Мэмфи (Мэнфе) было, по-видимому, и по одному «*Двору солнца*». В древнем солнечном городе Ане (Оне, Илиополе греков) «*Дом солнца*» имелся определенно. Он располагал собственными гончарными мастерскими, а «*дом Рии* (Рэ)» (отличный от «*Дома Йати* (Йота)», т. е. солнца?), владел настолько большими стадами крупного рогатого скота, что ими не брезговал управлять один из виднейших сановников, военачальник Майа (примерно в 10—11 годах царствования). «*Сень Рии* (Рэ)» (род солнечного храма или молельни) засвидетельствована для области Первых порогов. В Эфиопии к северу от Третьих порогов поныне высятся остатки солнечного храма Ах-на-йати (Эх-не-йота).

Хозяйством столичных храмов управляло высшее жречество. На севере страны нам известен домоправитель (т. е. управляющий хозяйством) «*Дома солнца*», бывший, впрочем, сам жрецом-заклинателем, хотя и не в храме солнца.

Частные отрасли храмового хозяйства управлялись как жрецами, так и гражданскими лицами.

Когда царь и его окружение толковали о солнце как единственном в своем роде боге, создавшем себя самого и мир, заботящимся о нем, сообщающим при восходе жизнь и радость своим созданиям, которые по его заходе обречены на смерти подобный сон, то в этом не было ничего нового. То же говорилось об Амане-Рии (Амоне-Рэ), иногда в тех же самых выражениях. Случалось даже, что его называли «(зримым) *солнцем*» — Йати (Йот), как именовал своего бога Аман-хатпи (Амен-хотп) IV. И под таким обозначением Аману (Амуна) выставляли создателем всех, пекущемся о потребном им. Своеобразие нового солнцепоклонничества в том виде, который оно приобрело в средние годы царствования Ах-на-йати (Эх-не-йота), заключалось преимущественно в провозглашении солнца царствующим фараоном, в признании видимого солнца единственным образом нового божества, в почитании одного только солнца из всех богов Египта, в отклонении всякого рода баснословных сказаний, связанных со старым божеским миром. Представления о человеческих душах, об утреннем выходе мертвеца из преисподней и могилы, о необходимости для него нетленного трупа, волшебного каменного жука и волшебных маленьких изваяний оставались в силе в течение всего царствования. Однако бог мертвых Усири (Усире, Осирис греков) был полностью устранен из представлений о том свете.

Прежний взгляд на фараона как сына египетских богов был в значительной мере государственной условностью. Ведь фараон мог быть одновременно сыном любого из них, даже собственных венцов, верхнеегипетского и нижнеегипетского! Исключительное солнцепоклонничество Ах-на-йати (Эх-не-йота) делало его сыном одного солнца и тем самым влагало в понятие сыновства вполне определенное содержание. Рождение Ах-на-йати (Эх-не-йота) от солнца понималось как образование его солнцем из своих лучей, как происхождение, выход из них. Как солнце рождало себя самого заново каждое утро, так оно рождало вновь каждодневно своего сына. Руководящее место Ах-на-йати (Эх-не-йота) в новом солнцепочитании и в солнцепоклонническом перевороте в целом придавало этому сыновству особый смысл. О проникновении в желания Аманы (Амуна), осознании его значения и осведомленности в касающихся его вопросах распространялись в своих надписях и некоторые из предшественников Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV, но у него знание солнца получило совсем новый смысл. Знание солнца было достоянием одного Ах-на-йати (Эх-не-йота). Никто другой не познал солнце, кроме его сына. Ах-на-йати дал «*познать земле создавшего ее*», сделал «*светлым* (т. е. понятным) *имя его народу*». Солнце посвятило его в свои замыслы и в свою силу. Эта последняя в особенности производила на царя впечатление. В сложенном самим фараоном славословии солнцу он восклицал: «*Сила твоя, мощь твоя*

остаются в сердце моем». Основывая новую столицу, царь уверял двор, что не кто иной, как само солнце указало ему место для нового города, и считал это указание настолько обязательным для себя, что тогда и впоследствии торжественно и пространно клялся не переносить «*Небосклон солнца*», т. е. Ах-йати (Ах-йот), свою столицу, в какое бы то ни было другое место. Двор вторил фараону, утверждая, что солнце внушает ему мысль о всяком месте, которое оно облюбовало.

Новое божество унаследовало от Аманы (Амуна) положение верховного покровителя мировой египетской державы. Солнце, объемлющее лучами все страны, покорило их своему любезному сыну, дало ему подчинить все чужеземные области, на какие оно светит, отдало ему в наследие всю вселенную. О самом фараоне говорили совсем в духе его предков, царей-завоевателей: владетели всех народов попраны его подошвами, слабеют перед его силою, его боевой рык губит врагов, как огонь пожирает дерево.

На деле, однако, международное положение Египта при Аман-хатпи (Амен-хотпе) IV имело мало общего с подобными притязаниями. Отношения с крупными государствами Ближнего Востока расстроились. Аман-хатпи (Амен-хотп) IV не хотел слать туда золото с отцовскою щедростью. Оно было нужно ему самому как для отделки новых зданий, так и для раздачи послушным сановником. Он награждал вельмож золотом, преимущественно золотыми ожерельями, и перед служебными зданиями и с помоста на площади, где принимал иноземную дань, и в своем дворце, и — особенно часто — из дворцового окна. Награждение золотом стало излюбленным изображением в гробницах вельмож. Вавилонский царь Бурнабуриаш жаловался на то, что его египетский «*брат*» неоднократно отпускал вавилонских послов без ответных подарков, а когда прислал золото, то оно оказалось неполновесным. Бурнабуриаш предлагал фараону, если тот не может быть столь же щедрым, как его отец, прислать хотя бы половину. Вместо золотых изображений, обещанных Аман-хатпи (Амен-хотпом) III царю Митанни и даже показанных его послам, Аман-хатпи (Амен-хотп) IV отправил позолоченные деревянные. Представители египетской власти в Сирии-Палестине и тамошние владетели нападали на вавилонских купцов. Сопровождать дочь вавилонского царя, отданную в жены фараону, этот последний оскорбительным образом послал всего-навсего пять колесниц, тогда как при Аман-хатпи (Амен-хотпе) III вавилонскую царевну, его будущую жену, сопровождало три тысячи их. Впрочем, неудивительно, что Аман-хатпи (Амен-хотп) IV мало заботился о поддержании добрососедских отношений с большими царствами Ближнего Востока, если он был не в силах предотвратить даже потерю значительной части своих сирийских владений. При содействии кое-кого из местных владетелей анатолийское царство Хатти распространяло свою власть на Сирию. Не получая действенной поддержки со стороны Египта, верные ему сиро-палестинские царьки гибли в борьбе с враждеб-

ными владетелями и отчасти с собственными подданными. Палестина, охваченная тоже междоусобной борьбою, оказывалась все более и более в руках пришлых воинственных хабири. При крайне напряженном положении внутри Египта фараон, очевидно, не мог направлять помногу и часто свои войска в Сирию-Палестину. Он ограничивался угрозами и полумерами, а то и оставался вовсе глух к мольбам своих сиро-палестинских верноподданных о присылке хотя бы немногих воинов из Египта.

Много прочнее было египетское владычество в Эфиопии. Но и здесь наместнику пришлось предпринять под конец царствования Ах-на-йати (Эх-не-йота) поход на непокорных эфиопов, доставивший египтянам значительное количество пленных и сотни голов скота.

Едва ли не последнею вспышкою призрачного мировладычества явился прием дани в солцепоклоннической столице зимою 12-го года. Царь с царицею отбыли из дворца в золотых носилках, которые несло полтора десятка воинов, и в клубах фимиама, осененные десятком опахал, прибыли на площадь. Усевшись в изящной беседке на возвышении и нежно обнявшись, царская чета в окружении царевен обозрела вереницы скованных хананеян и эфиопов, которых влекли на поводу царские воины, иноземок с детьми, следовавших за мужчинами, толпы коленопреклоненных данников — эфиопов, хананеян, ливиян, островитян; крупный рогатый скот, лошадей, диких зверей, колесницы, сосуды, оружие, золото — одним словом, все, что вели и несли пред царские очи. Было совершено большое жертвоприношение солнцу. Двор, приветствуя, поднялся по подъему, ведшему к царскому месту. Воины исполнили воинские игры. Событие было изображено в двух столичных гробницах, отделенных одна от другой несколькими годами. Очевидно, оно произвело большое впечатление на современников.

Это ли пышное и жестокое зрелище мнимого всемогущества вселило в царя уверенность в своих силах или тому были иные причины, но только около 12-го года своего царствования Ах-на-йати (Эх-не-йот) пошел на окончательный разрыв с прошлым. Теперь фараон объявил войну уже не одному Амане (Амуну), но всем старым богам вкупе. Мероприятия следовали одни за другими. Сначала было переделано пространное имя солнца, откуда были удалены слова «Хара (Хор)» и «Шау (Шов)» («*солнце*»), напоминавшие прежних богов. Солнечное имя после переделки получило такой вид: «*Риа* (Рэ), *властитель небосклонный, ликующий в небосклоне под именем своим как Риа* (Рэ)*-отец, пришедший солнцем*». По неизвестным причинам было изменено и одно из сопроводительных прозваний. Из прозваний самого царя были выброшены обозначения тысячелетней давности, отождествлявшие его со старыми государственными божествами. Слово «*мать*» стали писать буквами, а не знаком коршуна, так как коршун считался священной птицей жены Аманы (Амуна) — Мут. Было за-

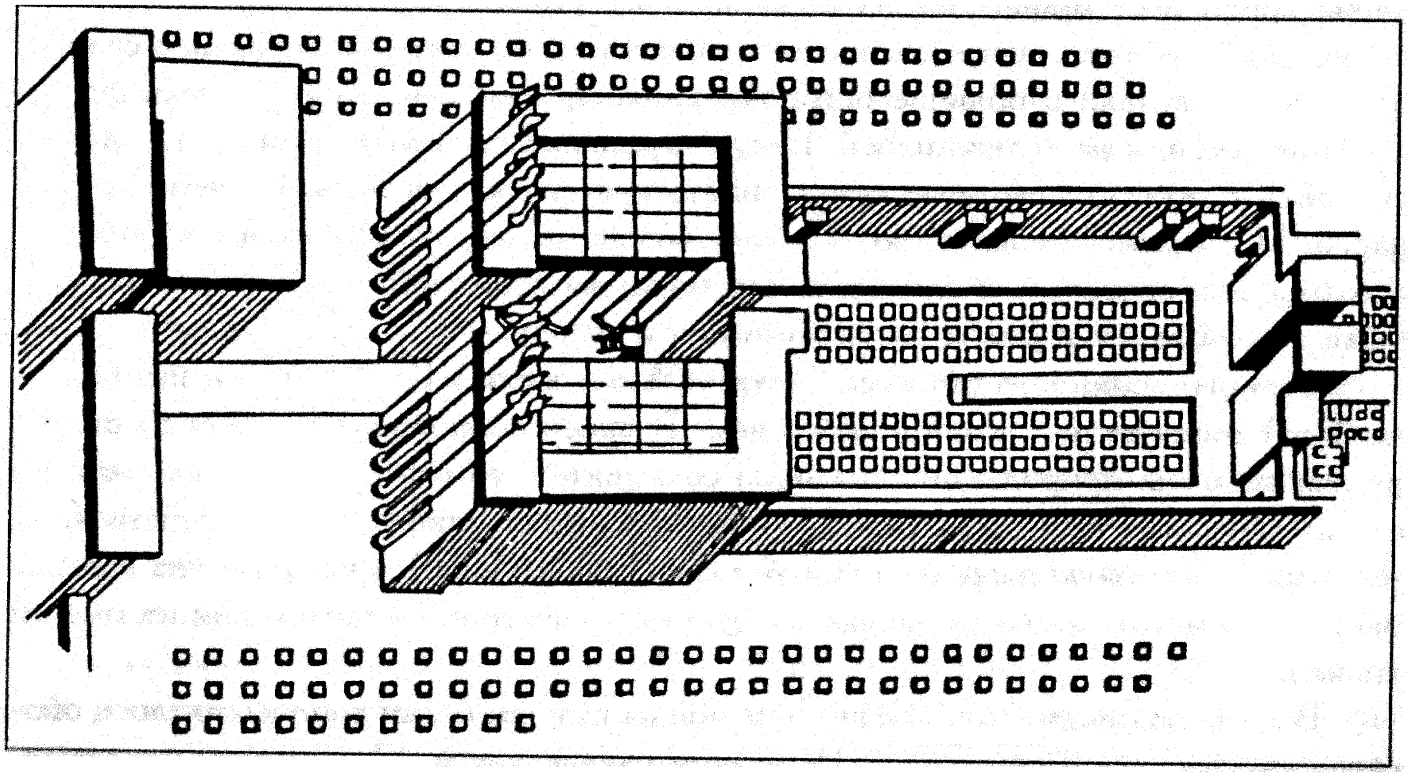
прещено писать слово «*правда*» знаком, изображавшим египетскую богиню правды Муа (Мэ). Со временем был изгнан из письма даже знак игральной доски, потому что он был основным в написании имени Аманы (Амуна) (этот знак обозначал сочетание согласных ***мн***). Имя отверженного Аманы были уничтожено везде, где только его нашли: на стенах храмов, на вершинах столпов, в гробницах, на изваяниях, на плитах, на предметах дворцового обихода, даже в клинописных посланиях иноземных владетелей. Не щадил Ах-на-йати (Эх-не-йот) и имен отца и деда, Аман-хатпи (Амен-хотпа) III и II. В одном только случае имя отверженного бога избегало преследования — в первоначальном имени самого царствующего фараона «*Аман-хатпи* (Амен-хотп), *бог, властитель Уисы* (Висе)», да и то лишь тогда, когда его почему-то не переправили в «Ах-на-йати (Эх-не-йот)». Если в новой столице знаки коршуна и игральной доски только выходили из употребления, а в надписях предыдущих лет не уничтожались, то в опальном Нии (Нэ) известно много случаев истребления обоих знаков на старых памятниках в словах, не имевших ничего общего ни с Аманой (Амуном), ни с его женой. Дело доходило до того, что уничтожали изображения охотничьих гусей-приманок на гробничных стенах на том основании, что гусь считался священной птицей Аманы (Амуна). Имеются примеры изглаживания знака бараньей головы в прежних надписях, потому что баран тоже почитался за животное Аманы (Амуна). Нечего и говорить о том, что изображения недавнего «*царя богов*» подверглись повсеместному уничтожению. Кое-где в Нии (Нэ), а также вне его уничтожены были имена и изображения других старых божеств. Известны случаи истребления в прежней столице множественного числа слова «*бог*» — «*боги*». По египетским представлениям, уничтожение изображения и имени поражало самого изображенного и поименованного.

Вскоре после переделки солнечного имени, следовательно около того же 12-го года, Ах-на-йати (Эх-не-йот) отверг само слово «*бог*» — в единственном числе. До того солнце Ах-на-йати (Эх-не-йота) звалось «*богом*», равно как «*богом*» звался и он сам. Теперь слово «*бог*» было устранено из речи — не только в самостоятельном употреблении, но и в составных словах («*двор бога*», «*слуга бога*», «*то, что под богом*» — в смысле «*храм*», «*жрец*», «*кладбище*»). Где прежде в солнцепоклонническом славословии царское солнце звали «*богом*», там теперь прославляли взамен слово «*властитель*». Где прежде в славословии или титле, будь то царя или сановника, Ах-на-йати (Эх-не-йота) величали «*богом*», там теперь значилось «*властитель*» или «*владыка обеих земель*». Сочетание «*властитель добрый*», заменившее прежнее «*бог добрый*», стало излюбленным обозначением фараона и прямо-таки наводнило памятники. Иногда «*властителем добрым*» стали называть и само солнце.

За этим мероприятием последовали другие. Из письма был удален знак,

▲ *Семья Ах-на-йати (Эх-не-йот), осененная лучами солнечного Диска, XVIII династия*

▶ *Колоссальная статуя Ах-на-йати (Эх-не-йота) из храма Йота в Карнаке, XVIII династия*



▲ *Солнцепоклоннический храм в Ах-йот, реконструкция*

изображавший человекоподобного египетского бога и писавшийся после обозначений мужских египетских божеств. До того этот знак употребляли в столице невозбранно, после любых обозначений солнца. Теперь вместо этого знака стали употреблять знак, изображавший фараона, свойственный фараоновским обозначениям.

Участь человекоподобного знака бога разделил в значительной мере знак, писавшийся в скорописи сокращением отнюдь не человекоподобного знака, а древнего знака сокола на древке. До 12-го года скорописные пометки на сосудах с заготовками пестрели определителями божественного после наименований солнца. Случаи, когда этого знака нет, исчисляются единицами. 12-й год явился переломным: в большей части примеров знак уже опущен. В последующие годы в подавляющем большинстве случаев определитель божественного после наименований солнца опущен.

Как царя, так и само солнце перестали считать богами. Отныне оба со строгой последовательностью считались только царями. Старым «*богам*» себя и свое солнце Ах-на-йати (Эх-не-йот) противопоставил как царей. То было полное отвержение старых богов, вплоть до отказа от слова «*бог*», их обозначавшего, и от знаков письма, их зрительно или мысленно представлявших. Одновременно то было полное торжество и завершение представления о солнце как о фараоне. В своем окончательном, завершенном виде царепоклонническое солнцепочитание представляло необыкновенное, очень своеобразное, единственное в своем роде явление среди всех прочих видов почитания природы. До переделки солнечного имени, до 12-го года, новое солнцепоклонничество, несмотря на воцарение солнца, все еще выступало в обличье богопочитания, продолжало видеть в солнце и в фараоне богов, а не только царей. После переделки солнечного имени новая вера сбросила с себя это обличье, стала видеть и в фараоне и в солнце только двух царей. Неслыханное новшество, впрочем, никак не затрагивало ни представлений о солнце как создателе и промыслителе мира, ни храмовой службы. Какими они были в предшествующие годы, такими они и остались.

Солнцепоклонничество Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV — Ах-на-йати (Эх-не-йота) никогда не было единобожием. В своей солнцепоклоннической столице изо всех сил природы он чтил одно солнце, но это вовсе не означало, что он считал «*богов*» несуществующими. Напротив, они представлялись ему действенными силами, в первую очередь «*царь богов*» Амана (Амун). Иначе откуда взялась бы вся эта мнительная, все возрастающая мелочность в преследовании их имен и знаков?

Вполне возможно, что объявление войны старым богам сопровождалось обострением отношений при дворе. Во всяком случае, около 12-го года или в последующее время царскому гневу подпали два видных сановника: стольник Па-рин-

нафа (П-рен-нуфе) и царский писец, военачальник Майа. Па-рин-нафа (П-рен-нуфе) служил фараону с самых первых лет его царствования и руководил строительством «*Дома солнца*» в старой столице. Теперь в обеих его гробницах, в Нии (Нэ) и в Ах-йати (Ах-йоте), его имя было изглажено. В гробнице Майи в Ах-йати (Ах-йоте) уничтожены были не только его имя, но и его изображения. Даже жизнеописание, в котором он рассказывал о возвышении царем из нищеты и ничтожества, было замазано. Что привело к падению двух царских приближенных — доподлинно неизвестно, но, может быть, виною была их близость к старому жречеству. Па-рин-нафа (П-рен-нуфе) еще в середине 4-го года царствования состоял «*распорядителем слуг божьих* (т. е. жрецов) *богов всех*». Майа в последние годы перед объявлением войны «*богам*» был не только домоправителем «*Единственного для Рии* (Рэ)», т. е. фараона, в старом низовом городе солнца Ане (Оне, Илиополе греков), но также «*распорядителем быков* (т. е. стад крупного рогатого скота) *Дома Рии (Рэ)*» в том же городе. В длинной, но очень поврежденной надписи, начертанной в гробнице Туту в Ах-йати (Ах-йоте) вскоре по объявлении войны «*богам*», этот могущественный временщик и верховный жрец царской особы говорил о гибели ослушников фараона на плахе и сожжении их тел (страшной вещи для египтян, пекшихся о сохранности трупа): «*Жалуемый тобою* (т. е. царем) *всякий видит его* (т. е. солнце) *восходящим, а ненавистный всякий* (попадет) *на плаху*», «*подпадает он мечу, огонь — поедает он плоть* (его)», «*творит он* (т. е. царь) *мощь против не знающего поучения его, пожалования его знающему его* (т. е. царя); *противник царя* (принадлежит) *мраку*».

Полное прекращение поддержки храмам старых богов со стороны фараона не могло не сказаться на состоянии сооружений. Несомненно, преувеличивая, второй преемник Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) так описывал их состояние: «*храмы богов* (и) *богинь, начиная от Иба* (Йэба) (Элефантины, т. е. южной окраины страны), [*конч*]*ая болотами* (низовой) *Топи ... были* [*бл*]*изки к забвению, святилища их были близки к гибели, превратившись в развалины, поросли* [(такою-то)] *растительностью, обители* (стали), *как то, чего не было, двор их* (стал) *дорогой* (для) *пешехода*». Если понимать это дословно, так, как написано, то можно подумать, что почитание прежних богов к концу царствования Ах-на-йати (Эх-не-йота) повсеместно прекратилось, что ни храмов, ни жрецов у них уже не было. В действительности дело обстояло далеко не так просто.

Бесспорно, Ах-на-йати (Эх-не-йот) добился многого. Начатое около 12-го года решительное наступление на старых богов отозвалось по всей стране. Египет неожиданно оказался наводненным именами, сложенными в честь солнца. Люди разного общественного положения, названные при рождении в честь ста-

рых божеств, выкидывали их имена из состава своих и взамен вставляли имя солнца. Любопытно, впрочем, что при этом предпочтение отдавали имени древнего бога солнца «*Ρиа* (Рэ)», а не отличительному наименованию царского солнца «*Йати* (Йот)». Из деловых пометок на посуде с разного рода заготовками особенно многочисленны пометки, сделанные на сосудах с вином, которое поступало преимущественно с запада Низовья, из виноградников, расположенных очень далеко от столицы. Тем примечательнее опущение в винных пометках знака божественности после обозначений солнца. Даже на окраине страны в отдаленнейших храмовых угодьях следовали царским велениям по части правописания! А в отверженной столице, в городе Нии (Нэ), люди незаметного, скромного общественного положения всячески избегали употреблять на собственной погребальной утвари как имена и знаки отверженных божеств, так и слово «*бог*» и знак храмового знамени, которым оно писалось.

В отличие от новой и старой столицы, в полустоличном Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) не были как будто б столь придирчивыми к словоупотреблению. Видимо, вскоре после переделки солнечного имени тамошний служащий храма солнца, притом лицо начальственное, по имени Хайа обзавелся заупокойной плитой с заклинаниями, обращенными к царскому солнцу. Он именует его еще «*богом*», что, впрочем, неудивительно, если плита действительно указанного времени. Поразительно то, что сам Хайа назван Усири (Усире, Осирисом греков) — в смысле тождества с богом мертвых. В солнцепоклоннической столице не только что для последних, но и для всех предыдущих лет царствования наименование «*Усири* (Усире)» не засвидетельствовано ни разу. На другой плите, наверное, тоже из Мэмфи (Мэнфе) отец семейства, пусть невидный, но все же государственный служащий в обоих заклинаниях, обращенных к царскому солнцу (по переделке солнечного имени), носит имя в честь местного бога Птаха — «Птах-майа». Дети названы на солнцепоклоннический лад Па-йати-ма-ху (П-йот-ен-ха) и Маи-ρиа (Маи-рэ), а в числе родственников есть один Ρиа-маси (Ра-мосе). В столице в это время люди выбрасывали имя Птаха из своих имен, в частности из «Птах-майа».

Но «отставание» Мэмфи (Мэнфе) от столицы совершенно блекнет перед тем, что творилось в обыкновеных областных городах. Князь одного такого города, расположенного совсем близко, можно сказать, рядом с солнцепоклоннической столицей (города Нфр-вй-сй), соорудил и надписал изваяние своего отца и предшественника князя Анайа. Почтительный сын, князь Маху, красноречиво толкует о привязанности своего родителя к «*Единственному для Ρии* (Рэ)», т. е. царю, вплоть до преданности его «подчинению», и величает его по-столичному «*властителем добрым*». Обозначение «*властитель добрый*» заменило отверженное «*бог добрый*» после отказа царя от слова «*бог*». Тем не менее, князь Маху при-

зывает в молитвах отнюдь не солнце, а соседнего, местного бога Хнаму (Хнума) и бога мертвых Усири (Усире) (предусмотрительно не называя его по имени!), зовет последнего «*богом большим, владыкой запада* (т. е. царства мертвых)», а своего отца — «*распорядителем слуг бога*», т. е. начальником местного жречества. Впрочем, в обоих случаях, где названо это древнее княжеское звание, сочетание «*слуги бога*» написано не так, как принято было тогда писать, с почтительным вынесением вперед слова «*бог*», а так, как произносилось: не «бога слуги», а «слуги бога». Если совсем близко (в каких-нибудь полутора десятках км) от солнцепоклоннической столицы в самый разгар солнцепоклоннической нетерпимости Ах-на-йати (Эх-не-йота) местное божество и его жречество продолжали открыто пользоваться признанием и поддержкой со стороны местной знати, то на местах, очевидно, царская коса нашла на княжеский камень. Вспомним князя Нахт-мину (Нешт-мина), владетеля города Ипу (Панополя греков), тоже довольно близкого к Ах-йати (Ах-йоту). Этот князь незадолго до 12-го года чтил Атаму (Атома), его мать и Анапу (Анупа, Анувиса греков), чтил в такое время, когда никому при дворе и на ум не приходило упоминать на своих памятниках старых богов. Князь Нахт-мина (Нешт-мин) благополучно пережил Ах-на-йати (Эх-не-йота) и сооружал памятники еще при третьем его преемнике фараоне Айа (Эйе). Местная знать, тесно связанная с местным жречеством, возглавлявшая его и входившая в его состав, была тою силою, которую преобразователь не мог или не посмел сломить.

Солнцепоклонничество Ах-на-йати (Эх-не-йота) было слишком царским, чтобы найти живой отклик у народа. Когда на 17-м году своего царствования Ах-на-йати (Эх-не-йот) скончался, египетский двор, видимо, не знал, что делать дальше. Память почившего была окружена невиданным почетом. Его преемник присоединил к своим именам как престольному, так и личному, по старинному наименованию, выставлявшему его любимцем покойного: «*Анх-хуру-риа, возлюбленный Наф-хуру-рии* (Нефр-шепр-рэ)» — престольное имя Ах-на-йати (Эх-не-йота) или «*Анх-хуру-риа* (Анх-шепр-рэ), *возлюбленный Единственного для Рии* (Рэ)», «*Наф-нафра-йати* (Нефр-нефре-йот), *возлюбленный Единственного для Рии* (Рэ)» или «*Наф-нафра-йати* (Нефр-нефре-йот), *возлюбленный Ах-на-йати* (Эх-не-йота)». Никто из египетских царей ни до, ни после того не присоединял к своим царским именам ссылок на любовь к нему другого царя. Величали себя в таких случаях лишь возлюбленными тех или иных египетских божеств. Таким образом, Ах-на-йати (Эх-не-йот) заступил их в царском прозвании своего преемника!

Но положение в стране оставалось крайне напряженным. Двор, видимо, был в растерянности и пошел на соглашение с приверженцами старины. Оставаясь еще Наф-нафра-йати (Нефр-нефре-йотом) и любимцем преобразова-

теля, новый царь не позже как к 3-му году своего царствования восстановил почитание Аманы (Амуна); мало того, к этому году в Нии (Нэ) уже имелся храм Аманы (Амуна) в составе сооружения, названного по самому царю — «*Двор Аманы* (Амуна) *во дворе Анх-хуру-рии* (Анх-шепр-рэ) *в Висе* (т. е. в Фивах)». И там приносили жертвы восстановленному богу. Имя царя «Наф-нафра-йати (Нефр-нефре-йот)» — «*Добр(озрачно) добротою солнце*» тождественно с позднейшим добавочным именем царицы Нафт-иты (Нефр-эт), а также четвертой ее дочери, и сродни имени пятой дочери Наф-нафра-рии (Нефр-нефре-рэ). Подобные имена ограничены узким кругом царской семьи; вне ее никто из современников подобных имен не носил. Новый царь был, несомненно, членом царского дома и свое сугубо солнцепоклонническое имя получил от предшественника. И вот наступил день, когда из царского прозвания исчезло как это имя, так и ссылки на любовь Ах-на-йати (Эх-не-йота). Теперь фараон именовался вполне безобидно, приемлемым для сторонников старины образом: «*Анх-хуру-риа Самнах-ку-риа* (Анх-шепр-рэ Семнех-ке-рэ), *святой явлениями*». Но супруга царя, старшая дочь Ах-на-йати (Эх-нэ-йота) сохранила свое солнцепоклонническое имя — Маи-йати (Ми-йот), что значит «*Возлюбленная солнца*». Не была покинута и солнцепоклонническая столица, где новым царем ко дворцу Ах-на-йати (Эх-не-йота), и без того огромному, было пристроено еще одно здание, правда, не каменное, а кирпичное, но зато чудовищных размеров (на площади одного его среднего чертога, перекрытия которого покоились на сотнях граненых столбов, уместился бы большой европейский дворец). Не были прекращены и работы на тамошнем вельможеском кладбище. Солнце по-прежнему чтили под его враждебном многобожию переделанным именем и продолжали писать его в царских ободках. Лучезарное и многорукое, как при Ах-на-йати (Эх-не-йоте), солнце продолжало озарять на изображениях и новую царскую чету. Более того, в скорописи все еще по привычке избегали знака божественности, хотя в Нии (Нэ) и он, и само слово «*бог*» были уже опять в употреблении. Слагалось своеобразное двоеверие.

Мы не знаем, как кончил Самнах-ку-риа (Семнех-ке-рэ). В чужом гробу и в чужой гробнице на царском кладбище в Нии (Нэ) были обнаружены царские останки, поразительно сходные с останками преемника Самнах-ку-рии (Семнех-ке-рэ). Большинство ученых считает безымянного мертвеца Самнах-ку-рией (Семнех-ке-рэ). Если это действительно он, то он умер очень молодым, так как останки были двадцатилетнего юноши.

Приемник Самнах-ку-рии (Семнех-ке-рэ) мальчик Тут-анах-йати (Тут-анх-йот), объявленный мужем третьей дочери Ах-на-йати (Эх-не-йота) Анхас-на-па-йати (Анхс-эм-п-йот) — вторая дочь умерла еще в детстве — продолжал поклоняться солнцу своего тестя все под тем же поздним его именем и в том же

образе лучистого круга. Одновременно он чтил и восстановленных богов. Но так продолжалось недолго.

Большая часть Сирии была потеряна для Египта еще в царствование Ахна-йати (Эх-не-йота). Анатолийское государство Хатти распространяло все дальше и дальше на юг свою власть. Палестина была охвачена волнениями: «*Если посыла(ли) войско в Сирию-Палестину расширить границы Египта, не бывало успеха* (у) *них никакого*» — сказано от имени юного царя в торжественной надписи, посвященной восстановлению старины. Строго говоря, речь шла уже не о расширении и даже не о сохранении прежних границ, а о спасении остатков сиро-палестинских владений, еще не отторгнутых Хатти. Прямая угроза окончательной их потери не могла не побудить общественные силы, нуждавшиеся в сохранении мировой египетской державы, независимо от их места в событиях недавнего прошлого, пойти дальше по пути примирения и как-то объединиться для предотвращения нависшей над всеми ими опасности.

Не позже как на 4-м году своего царствования фараону-мальчику пришлось изменить свое солнцепоклоннические имя. «Тут-анх-йати (Тут-анх-йот)» — «*Подобающее* (в отношении) *жизни* (есть) *солнце*» на многобожеское «Тут-анх-амана (Тут-анх-амун)» — «*Подобающий* (в отношении) *жизни* (есть) *Амана* (Амун)». Возврат мировой державы к старому богу и его городу, выраженный в новом имени, был оттенен еще сильнее принятым вскоре добавочным наименованием «*Властитель Ана* (Она) *Верхнего Египта*», т. е. старой столицы Нии (Нэ). Вместе с царем свое имя изменила и царица. Из «Анхас-на-па-йати (Анхс-эм-п-йот)» («*Живет она для солнца*») она превратилась в «Анхас-н-амана (Анхс-н-амун)» («*Живет она для Аманы* (Амуна)»). Одно из второстепенных имен фараона провозглашало его «*умиротворяющим богов*», и оно же было использовано для наименования крупного эфиопского города. И, действительно, правительство принялось изготовлять золотые идолы и храмовые ладьи, восстанавливать и одаривать храмы, наделять их рабами и рабынями, обеспечивать постоянными жертвоприношениями. Даже из дворца в храмы были посвящены рабы, рабыни, певцы и плясуньи.

Общественный смысл всех этих мероприятий приоткрывает одно место в торжественной восстановительной надписи Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна): «*Ввел он* (т. е. царь) (жрецов-)*чистителей* (и жрецов) *слуг божьих из детей сановников городов их* (т. е. восстановленных богов), *именно сына мужа знаемого*, (такого, что) *знают имя его*». Иными словами, восстановленные и обогащенные храмы возвращались местной знати.

«Умиротворенный» Египет оказался в состоянии добиться кое-каких успехов и Сирии-Палестине. Вероятно, в присутствии не иного царя, как Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) великий военачальник Хар-ма-ху (Хар-м-ха), будущий фараон,

одержал там победу. Возможно, что на это же царствование приходятся успешные военные действия в Эфиопии. Во всяком случае, от имени Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) утверждали, что рабов он дарил храмам из своей военной добычи. Наместник Эфиопии Аман-хатпи (Амен-хотп), сокращенно Хайа, изобразил у себя в гробнице, как он представляет царю богатую дань Сирии-Палестины и Эфиопии.

В дальнейшем придется говорить подробнее о последствиях переворота Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV для египетского общества. Сейчас же достаточно отметить, что отступая перед местной знатью, двор тем не менее не вернулся в гнездо самой могучей в прошлом знати — в старую столицу, в город Нии (Нэ). Царь не стал ее пленником. Двор сохранил за собою свободу действий, обосновавшись в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков). Любопытно, что при отъезде из солнцепоклоннической столицы вельможи не были уверены, что не вернутся обратно, и старательно заделывали входы в покидаемые дома. Вполне вероятно, что Мэмфи (Мэнфе) поддерживал какое-то время Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV против Нии (Нэ). По крайней мере, при солнцепоклонническом дворе состояли сановники — достоверно или вероятно — родом из Мэмфи (Мэнфе). При Тут-анх-амане (Тут-анх-амуне) могущественный временщик и военачальник Хар-маху (Хар-ем-ха) воздвиг в Мэмфи (Мэнфе) свою первоначальную, еще не царскую гробницу. Даже в дни окончательного восстановления старины Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) находился не в Нии (Нэ), а в Мэмфи (Мэнфе). В своем торжественном повествовании об этом событии царь подробно говорил об изготовлении идолов только бога южной столицы Аманы (Амуна) и Птаха, бога Мэмфи (Мэнфе). Относительно прочих богов фараон ограничился кратким заявлением общего порядка. Конечно, Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) наезжал в свою южную столицу, в Нии (Нэ), в частности он участвовал там в главном городском празднестве Аманы (Амуна). Однако местом пребывания двора и правительства стал, по всей видимости, Мэмфи (Мэнфе).

Нам ничего не известно о каком бы то ни было служении царя после перемены им имени солнцу Ах-на-йати (Эх-не-йота). Тем не менее, царь и царица не были враждебны памяти тестя и родителя. Изображение его многорукого лучистого солнца и самое имя Ах-на-йати (Эх-не-йота) сохранялись нетронутыми на предметах дворцового обихода. В надписях Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) величался иногда «*сыном Йати*», т. е. зримого солнца; подобное наименование отдавало явно солнцепоклонничеством Ах-на-йати (Эх-не-йота), так как в другие царствования не было употребительным. А когда Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) скончался, то на голову ему надели царский чепец, отделанный полными именами солнца Ах-на-йати (Эх-не-йота), заключенными в царские ободки, правда, в том виде, какой солнечное имя в них имело до переделки.

Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) умер совсем молодым, приблизительно во-

семнадцати лет от роду (позднейший известный достоверно год царствования — 10-й, но, возможно, есть и 14-й). Он был похоронен в скромной гробнице на царском кладбище в Нии (Нэ); баснословно богатая погребальная обстановка юного фараона дошла до нас почти полностью. Ко времени непосредственно за его кончиной большинство ученых приурочивает странное и чреватое последствиями событие, о котором молчат египетские источники, но повествует клинописная летопись царства Хатти. Не желая взять себе в мужья кого-либо из подданных, вдова фараона Нибхуриаша или Нипхуриаша — его имя более всего похоже на Ниб-хуру-риа, престольное имя Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) — предложила свою руку вражескому царевичу, сыну царя Хатти. Последний отнесся к предложению недоверчиво и послал доверенного в Египте проверить всё на месте. Когда предложение подтвердилось, царевич отбыл к невесте, но египетские вельможи умертвили его. Мстя за сына, царь Хатти двинул войска на египтян. Дело грозило кончится для них плохо, если б не мор, передавшийся от египетских племен анатолийским воинам и побудивший царя Суппилулиуму прекратить военные действия.

Не будь у нас клинописного рассказа, мы представили б себе положение в Египте после смерти Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) совсем иначе, и, надо признаться, примирить клинописные известия с египетскими можно только ценою нарочно для того придуманных предположений. Разъезды взад и вперед из Египта в Хатти, из Хатти в Египет, и снова из Египта в Хатти и из Хатти в Египет должны были занять много времени, в течение которого Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) должен был оставаться непохороненным, потому что на стене его гробницы написан его преемник, фараон Айа (Эйе), правящий заупокойную службу перед почившим предшественником, а гробница была заделана немедленно после похорон. Имеется, далее, перстень, на котором имя юной вдовы Анхас-н-аманы (Анхс-н-амун) стоит рядом с именем царя Айи (Эйе). Было б излишне поспешным заключить на этом основании, что царица отдала свою руку Айе (Эйе). Но и о разладе между ними, казалось бы, неизвестном по клинописному рассказу, из мирного сочетания имен никак не заключить. Наконец, есть храмовая надпись, из которой при желании можно даже вывести, что Айа (Эйе) соцарствовал Тут-анх-амане (Тут-анх-амуну). Впрочем, и сам клинописный источник, если считать вдовою Анхас-н-аману, приводит к удвоению вторжение в Келосирию одного и того же полководца Хатти. Поэтому, взвесив все «за» и «против», стоит все-таки спросить себя, что весит больше: перечисленные ли помехи или единый гласный ***и***, который отличает «Нибхурураш»/«Нипхурурiаш», имя царя в клинописной (иноземной!) передаче, от «Наф-хуру-риа (Нефр-шепр-рэ)», престольного имени Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV (клинописное ***б/п*** может передавать египетские ***б, п, ф***)?

Преемник Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) Айа (Эйе) был в дни Ах-найати (Эх-не-йота) одним из виднейших вельмож солнцепоклоннического двора.

Айа (Эйе) был женат на Тии — кормилице царицы Нафт-иты (Нефр-эт) и в силу «молочного» родства с царским домом носил звание «*отца бога*», т. е. нареченного отца фараона. Оба, Айа (Эйе) и Тии, были осыпаны царскими милостями, сотворены, как говорили в народе, «*людьми* (наградного) *золота*». Уже в то время Айа (Эйе) занимал разные высокие должности: был «*носителем веера по правую* (руку) *царя*», «*распорядителем коней всех владыки обеих земель*», «*писцом царевым исправным, возлюбленным им*». В последние годы царствования Ах-на-йати (Эх-не-йота) мы ничего не слышим об Айа (Эйе), равным образом в правление Самнах-ку-рии (Семнех-ке-рэ). Но при Тут-анх-амане (Тут-анх-амуне) мы вновь встречаем его, теперь уж в высочайшей должности верховного сановника (так называемого везиря). Вероятно, он уже тогда в действительности правил страной за своего юного подопечного. Айа (Эйе) с гордостью продолжал носить свое звание «*отца бога*» и, когда сам стал царем, то ввел его в состав своего (личного) фараоновского имени, очевидно, как обоснование своего права на венец. Тии, жена Айи (Эйе), бывшая кормилица Нафт-иты (Нефр-эт), доставившая ему это право в силу «молочного» родства с пресекшимся царским домом, стала теперь царицей. О царствовании мало что известно. По-видимому, оно было прямым продолжением предыдущего, когда он уже был на деле главным вершителем дел. Местом пребывания двора, судя по имеющимся скудным данным, оставался Мэмфи (Мэнфе). Позднейший известный год царствования Айа (Эйе) — 4-й.

Не вполне ясно, чем Тут-анх-амана (Тут-анх-амун) и Айа (Эйе) навлекли на себя немилость сторонников старины. Были ли тому виною первоначальная причастность к делу Ах-на-йати (Эх-не-йота), уважение к его памяти и к его солнцу или просто свойство с отверженным преобразователем, обосновавшее даже в глазах Айи (Эйе) его права на престол, — догадаться сейчас невозможно. Но только ни Тут-анх-амана (Тут-анх-амун), ни Айа (Эйе), не говоря уж об Ах-на-йати (Эх-не-йоте) и Самнах-ку-рии (Семнех-ке-рэ), не считались впоследствии законными фараонами. Оба «ревнителя» старины разделили участь «*мятежника*» и «*супостата из Ах-йати* (Ах-йота)», как величали Аман-хатпи (Аменхотпа) IV последующие поколения, и его нерешительного, половинчатого преемника. Годы правления «незаконных» царей, по меткому наблюдению В. В. Струве, исключая Ах-на-йати (Эх-не-йота) и Самнах-ку-рии (Семнех-ке-рэ), были, по всей видимости, причтены к царствованию их «законного» преемника фараона Хар-ма-ху (Хар-м-ха). Позднейший достоверно известный год царствования Хар-ма-ху (Хар-м-ха) — 8-й, с предполагаемым же начислением лет правления предшественников самым поздним из известных будет год 59-й. Возможно, Хар-ма-ху (Хар-м-ха), главный военачальник и временщик при Тут-анх-амане (Тут-анх-амуне), приписывал себе мероприятия того времени. Во всяком случае, воца-

рившись, он вставлял свое имя вместо имени Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) на памятниках юного фараона, тогда как имя Айа (Эйе) почти всегда просто истреблялось без замены именем преемника.

Для последующих поколений Хар-ма-ху (Хар-м-ха) стал первым законным царем после Аман-хатпи (Амен-хотпа) III. Новый фараон происходил из Ханиса («Хутнисут», Хансэ), незначительного городка в среднем Египте. Своему местному богу Харе (Хору), «*владыке Ха-ниса*», в честь которого он сам был назван («*Хар-ма-ху*» (Хар-м-ха) значит «*Хара* (Хор) *в празднестве*»), фараон приписывал свое возвышение. Первоначально Хар-ма-ху (Хар-м-ха) был, по-видимому, местным князем, так как состоял начальником городского жречества («*распорядителем слуг божьих Хары, владыки Себи*»), каковую должность издавна занимали местные князья. Постепенно возвышение этого выходца из областной знати до положения могущественного временщика и последующее его воцарение в высокой степени знаменательно. В его лице местная знать торжествовала победу.

Уже при Тут-анх-амане (Тут-анх-амуне) Хар-ма-ху (Хар-м-ха) был первым лицом в государстве после царя и «*отца бога*» Айи (Эйе): состоял главным военачальником и главным домоправителем (т. е. верховным управляющим царским хозяйством) и носил звание «*повелителя*» (дословно «*того, кто при подданных*»), свойственное престолонаследникам и могущественнейшим временщикам. Он водил войска в походы, вел учет воинства, был начальником над военачальниками и считал себя избранным своим царем из всего Египта, чтобы печься об «*обоих берегах*» (т. е. всей стране). Видимо, только «родство» с царским домом давало некоторое преимущество престарелому Айе (Эйе) перед своим более молодым соперником.

Со смертью или свержением Айи (Эйе) путь к престолу для Хар-ма-ху (Хар-м-ха) был открыт. Он прибыл в Нии (Нэ) к главному городскому празднику, когда идол Аманы (Амуна) путешествовал из своего северного храма в Апа-сауе (Эп-эсове) (у нынешней деревушки Карнак) в южный храм в Апе (Опе) (у нынешнего городка Эль-куср — «Луксора» европейцев). Вместе с идолом Аманы (Амуна) Хар-ма-ху (Хар-м-ха) вступил в царский дворец, был здесь увенчан царской налобной змеею (небольшим изображением змеи-аспида) и в синем венце фараонов в сопровождении Аманы (Амуна) вышел к собравшимся толпам.

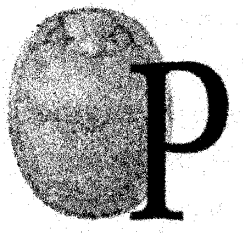
Вся обстановка воцарения, приписанного Амане (Амуну), ясно показывает, кто в восстановленной в своих правах столице поддерживал нового царя. Храмовая знать не ошиблась в своих расчетах. Хар-ма-ху (Хар-м-ха) оправдал ее надежды. Он продолжал восстанавливать храмы от Низовья до Эфиопии и оделял восстановленных богов с великой щедростью. Из камней солнечного храма Аман-

хатпи (Амен-хотпа) IV в Нии (Нэ) он воздвиг во славу Аманы (Амуна) свои привратные башни (пилоны) в его главном храме в Апа-сауе (Эп-эсове). И все же фараон не остался в Нии (Нэ), но немедленно по воцарении отплыл на север — очевидно, в Мэмфи (Мэнфе). И восстанавливая те храмы, которые он застал в развалинах, наделяя их повседневными жертвами, золотой и серебряной утварью, бывший главноначальствующий не забывал и своих прежних соратников — пристраивал их к воссозданным храмам: «*снабдил он их* (жрецами-) *чистителями* (и жрецами-)*заклинателями из избранной* (части) *воинства* (и) *определил им пашни* (и) *стада, оснаряженные службою всякою* (т. е. с обслуживающими их людьми)».

ГЛАВА VII

ЕГИПЕТ ПОСЛЕ СОЛНЦЕПОКЛОННИЧЕСКОГО ПЕРЕВОРОТА

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА НОВОГО ЦАРСТВА КОНЕЦ XIV — НАЧАЛО XI ВЕКОВ; XIX—XX ЦАРСКИЕ ДОМА



азгром исключительного солнцепоклонничества, самого яркого, но и самого беспочвенного детища переворота, дался ревнителям старины сравнительно легко. Любопытно, что даже в Граде Южном (Нэ, Фивах греков) память его самовластного недруга хотя и преследовалась, но далеко не с тем жаром, с каким он сам истреблял изображения и имя Аманы (Амуна). Безоговорочный возврат к прошлому в области общественных отношений был невозможен. Да и сами цари не желали расстаться с видимостью полновластного распределения ими благ между возвышаемыми царскою волею подданными. В изобразительном искусстве и особенно в письменной речи достижения переворота не только закрепились, но и получили дальнейшее развитие. Было, однако, одно неизжитое наследие отверженного царствования, с которым не могли мириться ни двор, ни знать, ни вообще кто бы то ни было в стране, кто имел доступ к государственным средствам. Таким горьким наследием была утрата значительной части сирийских владений в пользу усилившегося царства Хатти.

Пока Египет не оправился от перенесенных потрясений и фараоновская власть не окрепла на новой общественно-государственной основе, нельзя было думать о решительной схватке с противником, равного которому еще не видывали египтяне. «*Крепкая мышца*» мальчика Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) простиралась против врагов Египта, быть может, только тогда, когда вопль разоряемых ими иноземных верноподданных становился нестерпимо громким. На предметах своего царского обихода юный фараон любил изображать пленных сирийцев и эфиопов и даже свои победы над ними. Но насколько существенны были успехи его военачальников в борьбе с Хатти, остается неизвестным. Впрочем, какое-то количество пленных не только сирийского, но и анатолийского облика было доставлено царю его полководцем Хар-ма-ху (Хар-м-ха). Преемник Тут-анх-ама-

ны (Тут-анх-амуна) фараон Айа (Эйе) делал вид, что воскрешает боевые заветы царей-воителей. При нем постоянное фараоновское прозвание вновь зазвучало воинственно, чего не наблюдалось в предшествующие царствования. Однако помимо наименования «*могучий силою, борющий Северо-восток*» и изображения в виде грозного стрелка на колеснице, известий о воинских подвигах престарелого фараона как будто бы нет.

В царствование Хар-ма-ху (Хар-м-ха) Египет выступал на международном поприще уже много смелее. Также и строительная деятельность этого царя, если действительно ему принадлежит сооружение огромного чертога (так называемого гипостильного зала) в Апа-сауе (Эп-эсове), свидетельствовала бы о больших хозяйственных возможностях государства. Впрочем, для двух двойных привратных башен (пилонов) в Апа-сауе (Эп-эсове) были использованы готовые камни из тамошнего сломанного храма солнца четвертого Аман-хатпи (Амен-хотпа). И на противоположном берегу реки лишь достраивали и расширяли поминальный храм Айи (Эйе), предназначавшийся первоначально для Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) и теперь присвоенный Хар-ма-ху (Хар-м-ха). С другой стороны, можно думать, что мероприятия последнего по поднятию податной платежеспособности населения, о которых придется еще говорить в дальнейшем, способствовали подъему и боеспособности страны.

По-видимому, Хар-ма-ху (Хар-м-ха) достиг значительных военных успехов, хотя сведений о его войнах сохранилось очень немного. Военная прогулка в Эфиопию, увековеченная на стене верхнеегипетского пещерного храма, доставила царю пленных и возможность покрасоваться в победном шествии при возвращении войска. Поход в Сирию увлек египтян далеко на север, и столичному Амане (Амуну) могли быть представлены вереницы пленных сирийцев и сириянок вместе с богатой добычей в виде художественных сосудов и иных предметов. Проникновение в Сирию не могло не привести к столкновению с Хатти, и, действительно, в списках побежденных фараоном народов значатся наряду с палестинской Пихилим (Пеллой), сирийскими Кидши и Катной, также севернофиникийская Угарит и такие северносирийские области, как Тунип; наконец, сами Хатти и киликийская страна Арзава. Считать эти имена в списке Хар-ма-ху (Хар-м-ха) плодом пустой похвальбы потому затруднительно, что некоторые из них отсутствуют в списках, дошедших до нас от более ранних царствований. Как бы то ни было, закрепить свои успехи на севере фараон не был в силах. Видимо, при нем был заключен мирный договор с царем Хатти Мурсилисом, и сирийский вопрос остался для Египта нерешенным. Зато возрождение египетского великодержавия нашло отклик на далеких берегах южного Красноморья (в стране Пунт), и тамошние владетели поспешили поднести царю подарки (драгоценную руду или каменья, страусовые перья, шкуры, ткани и т. п.).

Задача восстановления египетской власти в Сирии выпала на долю следующего XIX царского дома. Его родоначальник, преемник Хар-ма-ху (Хар-м-ха), Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) I тождествен, наверно, со временщиком предшествующего царствования, могущественным военачальником и верховным сановником Па-Риа-масэ-сой (Па-ра-месэ-сом). Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) I чувствовал себя в какой-то мере похожим на основателя XVIII царского дома Ах-маси (Ахмосе) I, так как уподобил свое престольное имя «Мин-пахта-риа (Мен-пехте-рэ)» соответствующему имени того царя («Ниб-пахта-риа (Неб-пехте-рэ)»). Однако Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) I царствовал слишком недолго, чтобы проявить себя сколько-нибудь заметно на военном поприще (позднейший известный и, вероятно, последний год его царствования — 2-й; вторая половина XIV века). Равным образом трудно поверить, чтобы за столь короткое царствование мог быть воздвигнут исполинский чертог (так называемый гипостильный зал) перед храмом Аманы (Амуна) в Апа-сауе (Эп-эсове), хотя имя царя в этом чертоге значится. Возможно, высокий проход посреди него был воздвигнут Аман-хатпи (Амен-хотпом) III, а боковые части пристроены Хар-ма-ху (Хар-м-ха), отделка же начата Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) I. Как бы то ни было, Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) I оставил царство своему сыну и, возможно, соправителю Сутайе (Сетойю) I настолько крепким, что тот мог немедленно, в первые же месяцы своего единоличного царствования, двинуть египетские полки на Сирию-Палестину.

Основным источником наших знаний о войнах Сутайи (Сетойя) I служат надписанные изображения его побед, а также возвращения в Египет к столичному Амане (Амуну) с толпами пленных. Эти изображения, высеченные на стенах государственного храма в Апа-сауе (Эп-эсове), сохранились, впрочем, далеко не полностью и не столько повествуют о событиях, сколько славят фараона, единолично торжествующего над врагами. Всюду он один, огромного размера, крушит и влечет к Амане (Амуну) побежденных, без малейшего намека на участие египетских войск. Желанным дополнением к победным изображениям служат разрозненные показания других египетских памятников и особенно найденные в Палестине надписи Сутайи (Сетойя) I, однако и они лишь отчасти восполняют недомолвки и пробелы основных источников.

Непосредственной целью похода I-го царствования было замирение ближайшей к Египту части северных владений — Палестины. Царившие в ней порядки мало чем отличались от неразберихи и смуты, которым там некогда попустительствовали Аман-хатпи (Амен-хотп) III и IV. Главными зачинщиками египетские источники выставляют кочевые племена, которые не только замышляли «*мятеж*» против фараона и небрегли «*законами дворца*», но и вносили в страну беспорядок и истребляли друг друга. Поведение Сутайи (Сетойя) в палестинском вопросе нисколько не походило на коварное и недальновидное попустительство

последних Аман-хатпи (Амен-хотпов). Бороться с Хатти, имея в тылу незамиренную Палестину, было по меньшей мере опасно, и фараон ее замирил. То был возврат к твердым порядкам в духе Дхут-маси (Тхут-мосе) III, грабившего того, кто грабил его сирийских верноподданных. С каким умонастроением Сутайа (Сетой) шел на палестинских смутьянов, можно себе представить по одной из надписей в Апа-сауе (Эп-эсове). Ее неприкрытая кровожадность заставляет отнестись с большим предубеждением к благообразным покою и достоинству, разлитым по лицу изумительно сохранившихся останков фараона. Когда царю донесли о палестинских неполадках, говорит надпись, «*сладко было сердцу его величества от того. Ведь добрый бог* (т. е. фараон) *рад начать бой, веселится о нападении на него. Довольно его сердце видом крови, когда он рубит головы злоумышленников. Он любит миг сраженья более дня ликования*».

Война в Палестине осложнялась тем, что кочевники заняли господствующие над долинами высоты («*стали на хребтах сирийских*» — говорит египетская надпись), и в руках их оказалась, по меньшей мере, одна из нагорных твердынь — укрепленный, возможно, пограничный «*город Ханаанский*». Сражения происходили на большом пространстве, начиная от пограничной египетской крепости Зилу: в пустыне между придорожными крепостицами, сторожившими царские водоемы, в гористых поросших лесом местностях Палестины. В битве под «*городом Ханаанским*» были уничтожены главные силы противника, и победитель мог бы вернуться в Египет. Но замирение палестинского юга составляло только часть задачи, поставленной себе Сутайей (Сетойем). Царю нужно было спокойствие и на палестинском севере.

Из полученных донесений фараон знал, что владетель Хамата (к востоку от Геннисаретского озера), собрав вокруг себя значительные воинские силы, овладел близлежащим городом Бит-шани (Вифсаном, Бэт-шеаном) и, соединившись с жителями соседней Пихилим (Пеллы), запер в Рахаби (Рехобе) его владетеля. При дворе Аман-хатпи (Амен-хотпа) III и его сына на подобные события вряд ли обратили б большое внимание. Происшествие было вполне обычным для тогдашней Сирии-Палестины. Но Сутайа (Сетой) немедленно двинул свои главные силы восстановить порядок. Три больших воинских соединения египтян, носившие название в честь Аманы (Амуна), Рии (Рэ) и Суты (Сэта), действуя каждое по отдельности против Хамату (Хамат), Бит-шани и Йануаммы (Йеноамы) (на крайнем севере Палестины вблизи Ливана) добились успеха «*в течение дня*». Победа над Йануаммой, сильным городом, не раз участвовавшим тогда в мятежах и усобицах, была сочтена достойной изображения на храмовых стенах в Апа-сауе (Эп-эсове), разумеется, с царем в качестве единственного победителя (судя по египетской надписи из Битшани, Сутайа (Сетой) лично не брал Йануаммы). Ливанские местности были приведены теперь в полное подчинение царю, и его

сановник мог уже с полным основанием заверить своего повелителя, что любое его слово будет там выполнено. Напуганные ливанские владетели незамедлительно принялись за рубку леса для священной выездной ладьи Аманы (Амуна) и для его «*великих*» столбов перед привратными башнями в Апа-сауе (Эп-эсове). Неизвестно, встретил ли Сутайа (Сетой) в свой первый поход сопротивление со стороны финикиян, но только Сурру (Тир), Старый Сурру (Палетир) и Акка (Акко) значились впоследствии в числе побежденных царем городов.

Благодаря Сутайе (Сетойю) за избавление от кочевников палестинские царьки с подобающей данью раболепно стекались на проводы властелина. Возможно, фараон вернулся в Египет раньше прибытия с палестинского севера основных воинских сил. На изображениях в Апа-сауе (Эп-эсове) возвращающегося царя из числа пленных сопровождают только кочевники, тогда как представление им Амане (Амуну) захваченных хананеян изображено особо после победы над Йануаммой. Стоя на колеснице, в сопровождении измученных пленников, связанных пачками в мучительных положениях, царь минует одну за другой зубчатые крепостицы, приближается к египетскому рубежу. Здесь за тихим протоком, заросшим густым тростником, за укрепленными мостом и воротами Сутайю (Сетойя) ждут представители жречества, гражданских и светских властей, в приличествующих их сану одеждах, жрецы с роскошными связками цветов. Завидев царя и «*невиданную*» добычу, встречающие шумно приветствуют победителя, кликами, движениями рук и поклонами выражая свой верноподданнический восторг. Великодержавное прошлое воскресало воочию. Снова пленники, ценная утварь, золото, серебро, лазоревый камень, бирюза и иные самоцветы широким потоком вливались во службы и склада Аманы (Амуна). Увековечивая эти первые победы Сутайи (Сетойя) на стенах Апа-сауы (Эп-эсове), жреческий стихотворец заставил своего бога приветствовать фараона словами победной песни Дхут-маси (Тхут-мосе) III.

Замирение Палестины не означало еще воссоздания мировой державы XVIII царского дома. Очередь была за Сирией, где хозяйничали Хатти и зависевший от них царек Амурри. Известий о новой схватке великодержавных хищников, египетского и анатолийского, сохранилось чрезвычайно мало. Изображения в Апа-сауе (Эп-эсове) не скупятся на краски, прославляя победу над «*жалкою землею Хатти, которую его величество превратило в большую груду трупов*». Лучники Хатти, пешие и на колесницах, бегут перед Сутайей (Сетойем). Кто вскакивает на несущуюся мимо колесницу, думая так уйти от погибельных стрел фараона, кто, напротив, со страху выскакивает из своей или, высвободив коня из упряжи, хочет улизнуть верхом. Но надежды беглецов тщетны: трупы павших все гуще усеивают землю перед конями победителя.

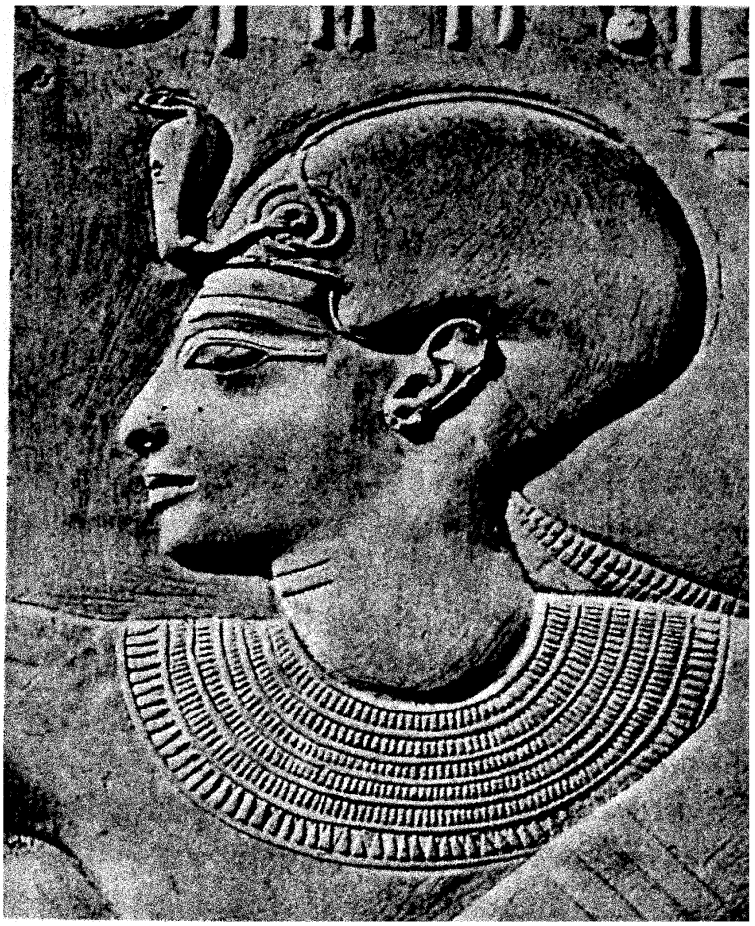
Война с Хатти была для Сутайи (Сетойя) одновременно борьбою с зависевшими от них сирийскими княжествами. Одна из его победных надписей говорит

о его возвращении «*из земли Хатти по истреблении стран мятежных и попрании сириян в местах их*» и о «*державцах больших Сирии жалкой, приведенных величеством его из побед своих над землею Хатти*». Разгром фараоном «*земли Амарри*», важнейшего из сирийских государств, подвластных Хатти, сопровождало взятие города Кидши (Кадэш, Кадеш), изображенного стоящим на лесистой горе, но тем не менее, вероятно, тождественного с Кидши на Оронте.

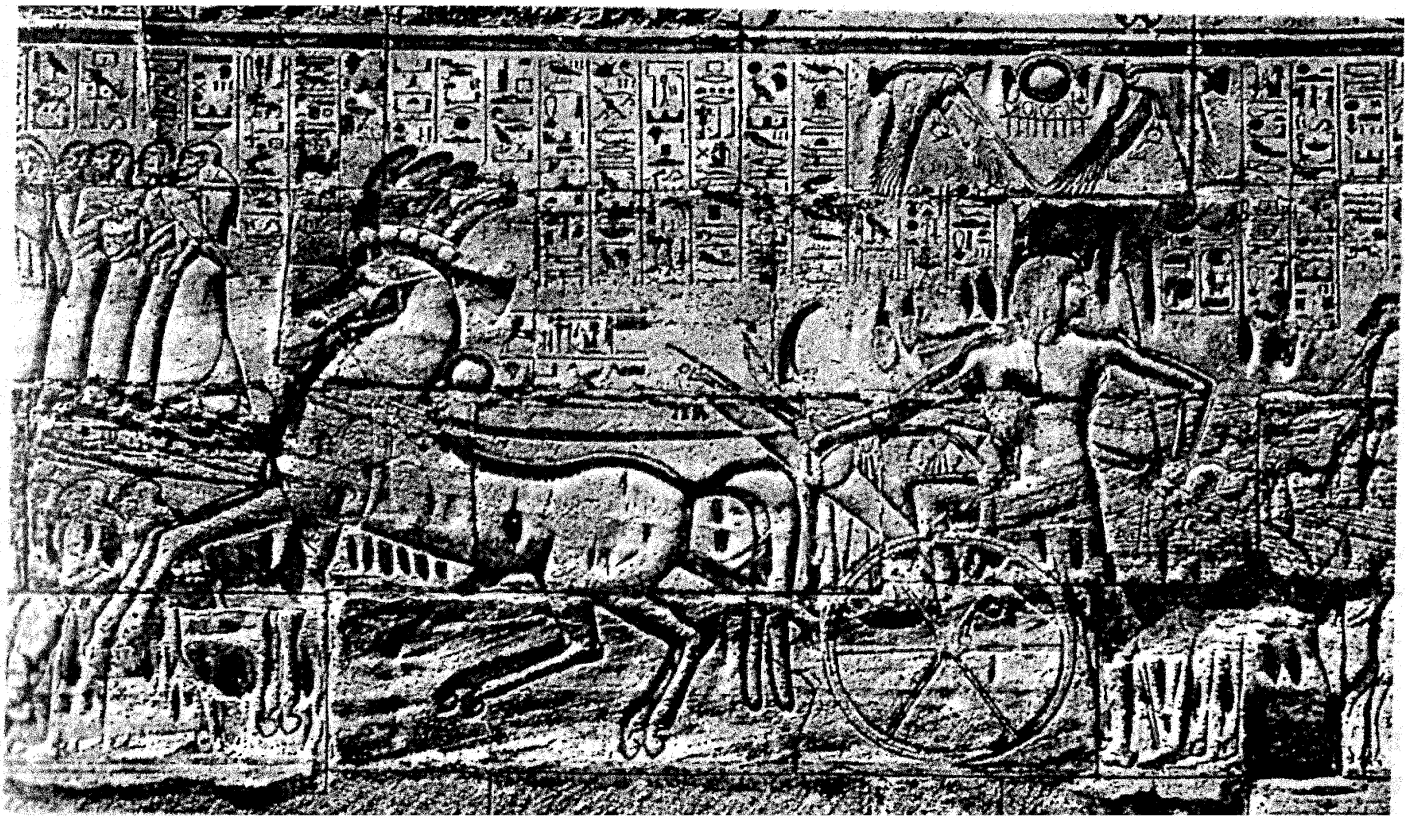
Война с Хатти и их союзниками была успешна для египтян, и стольный Град Южный (Фивы) видел толпы анатолийских и сирийских пленных, доставленных царем в дар Амане (Амуну) вместе со всякого рода ценностями. Как далеко на север продвинул Сутайа (Сетой) египетскую границу, установить с точностью невозможно. В списках побежденных им народов наряду с палестинскими и южнофиникийскими местностями значатся среднесирийские Кидши, Катна (Уллаза, приевфратская Сирия — Нахрима, северносирийский Тунип, Папхи (Бамбика вблизи Евфрата). Перечни стран, побежденных Сутайей (Сетойем), можно считать в общем надежными (за исключением, конечно, мнимого подчинения Ассирии и Вавилонии), так как они опускают ряд важных сиро-палестинских городов, многие имена среди известных нам списков подобного рода называются впервые и неоднократно подтверждаются изображениями в Апа-сауе (Эп-эсове) и надписью из Бит-шани. Если позволительно сомневаться даже во временном занятии египтянами севера Сирии, то подчинение Сутайе (Сетойю) южной и средней ее части не вызывает сомнений. Из клинописных памятников самих Хатти стало известно об отпадении к Египту княжества Амурру. Справедливо отмечено также отсутствие его в числе союзников Хатти, перечисленных в египетских источниках, еще в 5-м году правления преемника Сутайи (Сетойя) I. На некоторое время в состав египетской державы вошел, наверно, и Кидши (Кадеш) на Оронте, так как там была найдена плита с изображением Сутайи (Сетойя) перед египетскими и сирийскими божествами.

Сколько походов понадобилось Сутайе (Сетойю) для достижения столь крупных успехов, нам неизвестно, как не знаем мы и того, в какие годы его царствования они происходили, исключение — поход 1-го года. Эфиопия, как будто бы, не пыталась восставать на грозного воителя, но на западной границе ливияне доставили фараону немало хлопот, судя по тому вниманию, которое ливийской войне уделено на изображениях в Апа-сауе (Эп-эсове). К сожалению, эти источники повествуют лишь об «единоличном» торжестве царя над противниками и их вождями, об испуге ливиян, не устоявших на поле битвы и прятавшихся день-деньской, что волки, в пещерах, да о доставке Амане (Амуну) пленных и захваченных ценностей.

Продолжительность царствования Сутайи (Сетойя) I неясна. Позднейший известный год — 11-й (исход XIV века). Еще нестарым сошел фараон в гроб-



▸ *Сутайа (Сетой) I, рельеф из Абидоса, XIX династия*



▲ *Сутайа (Сетой) I в военном походе, рельеф из Карнака, XVIII династия*

ницу, самую протяженную и изящную по отделке среди всех царских гробниц, вырубленных в скалах на западе Нии (Нэ). В лице Сутайи (Сетойя) I правящие круги хоронили своего последнего удачливого завоевателя. Как не поспел он завершить исполинскую храмину (гипостиль) в Апа-сауе (Эп-эсове) и свои изысканные поминальные храмы в Нии (Нэ) и Абаде (Эботе, Авидосе греков), так не мог он упрочить за одно свое царствование восстановленную им почти в полном объеме мировую египетскую державу. Преемнику и сыну Сутайи (Сетойя) Ρиа-масэ-са II (Ρа-месэ-с; XII век) пришлось, в сущности, заново восстанавливать египетскую власть в Сирии-Палестине, притом в условиях более трудных, чем его отцу. В итоге Ρиа-масэ-са (Ρа-месэ-с) II, несмотря на все победы египетского оружия, оказался не в силах отстоять на севере границы предыдущего царствования.

Смена властелинов на египетском престоле могла, как и в прежние времена, пробудить у угнетенных народов надежды на удачное восстание. Как отнеслась к смерти Сутайи (Сетойя) Сирия-Палестина, сказать трудно. От первых месяцев нового царствования сохранилось изображение привода ханаанских пленных к Ρиа-масэ-се (Ρа-месэ-су), но оно несколько условного порядка. Зато восстание в Эфиопии было, по-видимому, настолько значительным, что потребовало личного присутствия фараона. Исход событий мог быть, конечно, только один. На стенах эфиопских храмов Ρиа-масэ-сы (Ρа-месэ-са) наглядно представлено бегство пеших лучников-эфиопов перед колесницами царя и его приближенных. Унося и уводя своих пленных, повстанцы спешат под кров широколиственных пальм к своим стадам и селениям, к голосящим женам и детям. Видное участие в «*подвигах*» царя принимал, как будто бы, его ручной лев, именовавшийся «*Убийцей противников*». Во всяком случае, он неоднократно показан устремляющимся в бой рядом со своим господином. Толпы пленных потянулись в египетскую неволю, и несчастная страна была вполне спокойна. Ее наместник, «*сын царев Эфиопии*», мог в первые же месяцы нового царствования доставить богатую дань фараону и был осчастливлен за то вещественными доказательствами царского благорасположения.

Возможно, что в самом начале своего правления Ρиа-масэ-се (Ρа-месэ-су) II пришлось иметь дело также с ливийцами. Во всяком случае, некоторые изображения его торжества над западным соседом относятся к первым месяцам царствования. В одной поврежденной надписи военные действия на западе упомянуты непосредственно перед победой над морским народом шердани (сарданянами?). Сделать из этого вывод, что уже тогда зловеще намечался союз ливийских и морских племен, выросший в роковую угрозу царству фараонов семьдесят лет спустя, было б неосмотрительно, хотя и заманчиво. Из другого источника известно, что победа над шердани была одержана в самом начале царствования (не поз-

же 2-го года). Надписи говорят о кораблях неприятеля и разгроме его во время сна. Из этого можно заключить, что дело происходило на море или на одном из нильских рукавов, и воинственные хищники были захвачены египтянами врасплох. Пленные шердани были включены в ряды египетских войск. Они чувствовали себя, по-видимому, недурно на службе у фараона, так как позднее памятники показывают этих неистовых вояк бьющимися в Сирии-Палестине в первых рядах Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са).

Военным успехам царя на юге и западе сопутствовала удача в домашних делах. Здесь Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) была одержана тоже своего рода победа. Пустовало место верховного жреца Аманы (Амуна) в Апа-сауе (Эп-эсове). Вопрос о том, кто возглавит крупнейшее в стране хозяйственно-храмовое установление, представлял, несомненно, одну из неотложных забот нового царствования. Осенью 1-го года Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) был в Нии (Нэ) и, вероятно, тогда, как некогда Аман-хатпи (Амен-хотп) IV, объявил себя на время верховным жрецом государственного бога. В этом звании молодой фараон шествовал рядом с ряженными носильщиками храмовой ладьи Аманы (Амуна) во время его главного праздника и мог со всем удобством предложить Амане (Амуну) вопрос о лице, желательном для замещения пустовавшей должности. Ответ был, конечно, таким, какой был нужен вопрошавшему. Придворные, военачальники, жрецы, даже сановники самого храма один за другим оказывались неугодными, но стоило царю назвать первого жреца тинского бога Ан-хары (Ан-хуре, Онуриса греков) Ниб-унанафа, как Амана (Амун) немедленно подал утвердительный знак. Затем фараон отплыл на север, в тинскую область, в город Абаду (Эбот, Авидос греков), столь взысканный милостью Сутайи (Сетойя) I. И теперь царь плыл туда для обеспечения службы покойному отцу и строительства его поминального храма. По прибытии Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) призвал Ниб-унанафа, облек его новым саном и передал в управление верному тинцу сокровищницу, житницу и все доходы Аманы (Амуна). С какими чувствами восприняла жреческая знать Нии (Нэ) состоявшееся назначение, неизвестно, но таким путем Риа-масэ-са (Ра-месэ-с), бесспорно, обеспечил себе повиновение Апа-сауы (Эп-эсове). Сплоченность всех сил государства вскоре весьма понадобилась правительству, когда пришлось отстаивать свои притязания в Сирии, где тем временем назревали крупные события.

Новая война между Египтом и Хатти разразилась в 5-м году царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II (около 1300 г.). Фараон считал военные действия этого года своим «*вторым победоносным походом*». Какой поход числился первым, нам неизвестно, может быть, эфиопский, в котором личное участие фараона не подлежит как будто б сомнению, но вполне возможно, что «первым победоносным походом» была какая-нибудь военная прогулка в Сирию-Палестину, так как там и 4-ом году была оставлена царская надпись.

Поход 5-го года завершился битвою под Кидши (Кадешем), первым в истории большим сражением, ход которого можно проследить если не с желательной полнотой, то все же довольно подробно. Источники, повествующие об этом деле, если не считать спорного отрывка клинописного письма, сплошь египетские. Можно думать, что Хатти тут мало чем было похвалиться. Сохранились два рода источников. Художественная повесть о битве, известная под ошибочным названием «поэмы Пентаура», обходит молчанием все невыгодное для царя, но, тем не менее, богата ценными известиями. Они, правда, тонут в море речей во славу Аманы (Амуна) и в посрамление египетских воинов. В силу своей хвалебной природы повесть описывает битву превратно, изображает ее победой, одержанной царем с помощью Аманы (Амуна) почти без участия войска. В этом смысле другой наш источник — изображения на стенах храмов — гораздо правдивее. Притом на них многое показано: военный совет, допрос вражеских лазутчиков, отправка гонцов к отставшим частям, царский стан, город Кидши, движение египетских и неприятельских войск, их схватки, частичное (не полное!) поражение противника, взятая добыча. Без этих изображений нельзя было б вообще создать себе сколько-нибудь отчетливое представление о действиях египетских войск в битве под Кидши. Изображения обильно снабжены пояснительными приписками, в том числе одной очень большою. Она представляет как бы самостоятельный источник, местами весьма обстоятельный в изложении событий, предшествовавших бою, но в части, толкующей о нем самом, не более, как набор общих мест и победной трескотни, изредка прерываемой дельными замечаниями.

Источники дошли до нас в значительном количестве «изданий». Повесть представлена двумя рукописями (на папирусе) и восьмью надписями в четырех храмах, большая приписка — столькими же надписями в стольких же храмах; изображения, то повторяющие, то восполняющие одни другие, имеются на стенах пяти храмов.

Завязка войны не вполне ясна. Правда, в одной из египетских надписей, по раз заведенному обычаю, сказано, что северные народы пришли «*напасть на* (границы) *его величества*». Однако нападающей стороной в 5-м году был, по-видимому, фараон, если даже к тому его понуждали происки Хатти в средней Сирии. Никаких войск Хатти в Палестине не было. Местные владетели и тамошние представители египетской власти единодушно доносили фараону, что царь Хатти бежал далеко на север, в Халеб (Алеппо), при вести о приближении египтян, и Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) верил, что, прослышав о его выступлении, неприятель боится идти на юг. Возможно, прямой целью египтян был захват города Кидши, а не схватка с Хатти, хотя с возможностью ее, несомненно, считались и к ней готовились. Новооткрытый список песни о бое под Кидши повествует, что фараон шел не на землю Хатти (к которой причислялись и ее владения в Сирии), а на

«*землю Сирийскую*». Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) устремлялся к Кидши (Кадешу), здесь он намечал соединение своих сил, двинутых на город разными путями, сюда же явился царь Хатти с войсками, и вокруг Кидши разыгрались все события похода. Если вспомнить, что в дни Сутайи (Сетойя) I Кидши (Кадеш) как будто б вошел в состав египетского государства, то принадлежность его в 5-м году царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II к враждебному Египту союзу, возглавленному Хатти, могла бы указывать на отпадение города незадолго до того от египетского царя. В таком случае поход Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II был бы прежде всего попыткой восстановить положение дел в Сирии, нарушенное этим отпадением.

Весною 5-го года своего царствования Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II во главе большого войска миновал пограничную крепость Зилу (Чару) на северо-востоке Низовья. Египетское войско в составе колесниц и пехоты, в том числе воинов морского племени шердани, недавно плененных фараоном, беспрепятственно продвигалось вперед по Сирии-Палестине тесными дорогами, как если бы шло «*по путям египетским*». Судя по похвальбе одного из источников, можно думать, что местные владетели спешили лично засвидетельствовать подношениями проезжающему властелину свои верноподданические чувства, и даже «*мятежники*» — в виду царских войск — представали перед ним с изъявлениями покорности. В приподнятом умонастроении Риа-масэ-су (Ра-месэ-са) неизменно укрепляли донесения его палестинских военачальников и представителей, а также тамошних владетелей, о бегстве царя Хатти на север, в Халеба (Алеппо). Питаясь подобными слухами, исполнясь всепобедным настроением, Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) покинул приморскую (?) «*долину кедра*», углубился (?) внутрь страны и прибыл на «*хребет южнее Кидши* (Кадеша)» — последнюю значительную высоту перед спуском в долину Оронта.

Пробудившись в своем шатре в наилучшем самочувствии, фараон облекся в боевые доспехи и в блеске занимающегося утра стал спускаться с войсками с высот в долину — к броду через реку (вероятно, у Риблы). Несколько южнее города к Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) явились два сирийских кочевника и заявили ему, что посланы своими племенными вождями, находящимися в данное время у царя Хатти, заверить фараона в их готовности передаться на его сторону. Из ответа сирийцев на его искусно поставленный вопрос Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) узнал, что неприятель стоит на севере Сирии в Халебе (Алеппо) и боится идти на юг. Показания пришельцев в точности совпадали с известиями палестинских князей и чиновников, почерпнутыми, очевидно, из сходных источников. Неудивительно поэтому, что египетский царь, окрыленный предшествующим «*победным*» шествием по Сирии-Палестине, поддался на грубую уловку царя Хатти и поверил подосланным им мнимым перебежчикам.

Египетское войско, шедшее на Кидши (Кадеш), состояло из нескольких

больших соединений, заключавших каждое пехоту и колесницы. Соединения прозывались по четырем государственным богам XIX царского дома, божествам главных городов Нии (Нэ), Аны (Она, Илиуполя греков), Хи-ку-птаха (Хе-копта, Мемфиса греков) и Пи-Ра-масэ-сы (Пэ-ра-месэ-са) — Маи-аманы (Миамуна) воинствами Аманы (Амуна), Ра (Рэ), Птаха и Суты (Сэта). Главные силы подходили теперь с фараоном к броду через Оронт. Одно соединение, прозывавшееся по-ханаански «*молодцами*», было составлено царем из отборнейших воинов всего его войска и шло особо берегом Средиземного моря и затем долиной Елевфера на соединение с главными силами у Кидши (Кадеша). Переправа многотысячного войска вброд должна была, естественно, затянуться, а фараону, быть может, из военных соображений, не терпелось обложить «*жалкий*» Кидши (Кадеш) как можно скорее. Ра-масэ-са (Ра-месэ-с) оставил большую часть войска у переправы через реку (соединение Ра (Рэ) как раз переправлялось через нее, остальное воинство еще не дошло до брода), а сам фараон в сопровождении уже переправившегося соединения Аманы (Амуна) устремился вперед по широкой равнине. На севере на мыску при слиянии Оронта и его левого притока громоздились зубчатые стены и башни Кидши (Кадеша), увенчанные парусом-стягом.

Фараон остановился к северу-западу от города, на левом берегу Оронта между ним и другою речкою, имея с севера большое озеро в виде третьего естественного ограждения. В смысле предупреждения нападения с севера, куда якобы удалился враг, место было выбрано превосходно, но при нападении с юга могло обернуться ловушкою.

На прибрежном холме поставили золотую скамью, Ра-масэ-са (Ра-месэ-с) сел, и слуги с опахалами заняли свои места за ним. Внизу над рекою еще ждала дорожная царская колесница с роскошным навесом для защиты от солнца, стояли колесницы царского сопровождения и недвижные ряды тяжеловооруженных телохранителей из египтян и заморских шердани. Неподалеку суетились воины соединения Аманы (Амуна), разбивая стан, распрягая и развъючивая животных, а вдали, почти отовсюду окруженная водами, высилась угрюмая твердыня Кидши (Кадеша). К ней были прикованы жадные взоры фараона. Если б его глаза могли проникнуть за ее громаду, в заречную равнину к северо-востоку от крепости, его победная самоуверенность сменилась бы смертельным испугом. Там, скрытое городом, в полной боевой готовности стояло все войско Хатти и их союзников и делались последние приготовления для сокрушительного удара по беспечному, обманутому противнику.

Царь Хатти Муватталис имел все основания не желать схватки с египтянами в равном бою. Его войско, правда, было огромно по тем временам (по египетским данным, в его составе имелось не менее 28000 бойцов и свыше 6000 коней), но оно было донельзя смешанным и в значительной части наемным. Воины Хат-

ти составляли его ядро, но помимо их в нем были представлены едва ли не все анатолийские и сирийские народы, так или иначе зависевшие от Муватталиса: киликийские Арзава, западнокиликийские(?) Маша, ликияне — Лука, причерноморские Кизватна, понтийские Гашгаш, восточнотаврские Араванна, приевфратская Сирия, Каргамиш (Каркемиш) на Евфрате, северносирийский Халеб (Алеппо), севернофиникийский Угарит, Нухалше на Оронте, сам Кидши (Кадеш), кочевые племена и т. д. Все эти разноплеменные союзники явились каждый под начальством своих владетелей, и можно себе представить, как нелегко было главноначальствующему управляться со всем этим скопищем. Вдобавок последнее связывал с ним, возможно, не только страх перед его силою, но также денежный расчет. Египтяне глумливо рассказывают, как царь Хатти не оставил у себя в стране ни серебра, ни золота, дочиста обобрал ее и отдал все союзникам, только б они пошли за ним на фараона. Рассчитывать с подобными полчищами одолеть в равном бою египетское войско, сплоченное, вышколенное и направляемое единою волею, было трудно. Последующая шестнадцатилетняя борьба показала, что Хатти избегали битв в открытом поле и больше отсиживались в сирийских крепостях. Во всяком случае, ни на одном из бесчисленных памятников Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II не показано крупного сражения с Хатти вне городских стен после дела под Кидши (Кадешем). Но и сама битва под Кидши (Кадешем) доказывает, что Хатти надеялись больше на обман и внезапность нападения, чем на свою военную мощь. Полная несостоятельность египетской осведомительной службы в Палестине благоприятствовала распространению лживых слухов о местонахождении неприятеля, сеявшихся, очевидно, подосланными ими лицами. Поспешность фараона, приведшая к разобщению его главных сил после его переправы, несказанно облегчила Хатти задачу их разгрома. Тем показательнее, что Хатти все-таки оказались не в состоянии с этой задачею справиться.

Переправившись через Оронт, воинство Рии (Рэ) не стало дожидаться остальных частей и пошло на север на соединение с фараоном. Тем временем южнее Кидши вне поля зрения египетского царя сосредоточилась основная громада колесничного войска противника. Переправа через Оронт должна была быть произведена заблаговременно и прошла незамеченной египтянами. Соединение Рии (Рэ) продолжало свой путь к Кидши, в походном порядке, неготовое к бою. Неожиданно перед египтянами выросла туча вражеских колесниц, врезалась в их гущу, смяла их, прорвала их строй посередине и покатилась дальше на север к стану фараона, гоня перед собою какие-то остатки воинства Рии (Рэ).

Весть о разгроме второго египетского соединения еще не долетела до фараона, как царская ставка уже была охвачена смятением. Разведчик из сопровождения Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) перехватил двух соглядатаев Хатти, и те на допросе, избитые палками, выдали истинное местонахождение и состав вражеских

сил. Но и теперь египетский полководец не осознал размеров опасности. Вместо того, чтобы привести в боевую готовность соединение Аманы (Амуна), Риамасэ-са (Ра-месэ-с) распорядился созвать сановников и, возвестив им неприятную новость, разразился жалобами на своих палестинских представителей и тамошних владетелей, питавших его ложными данными. Высокие военные и гражданские чины, довольные, что царские упреки относились не к ним, громко негодовали по поводу преступной оплошности палестинских осведомителей. Единственной мерой, принятой на совете, была отправка верховного сановника (так называемого «везиря») с поручением немедленно привести покинутые у переправы войска. Высокому посланцу придали царского служителя и еще двух разведчиков, может быть, с тем, чтобы показывать дорогу, но почему понадобилось послать столь важное гражданское лицо, остается загадкою.

Не поспел еще фараон закончить беседу с сановниками, а воины Аманы (Амуна) — разбивку стана, как была получена весть об участи соединения Рии (Рэ), и одновременно на египтян обрушились вражеские колесницы. Широко охватив прямоугольник стана с западной стороны, они прорвали ограду из щитов и ворвались внутрь. Большинство воинов, застигнутых врасплох за устройством стоянки, обратилось в бегство, и соединение Аманы (Амуна) как боевая единица перестало существовать. Спешно на колеснице прилетел дворцовый сановник и возбужденно поторопил царских сыновей бежать из угрожаемого места. Южные царевичи повскакали на колесницы и погнали во весь опор прочь из стана. Боевой лев фараона лежал у его палатки, но его не поспели доставить хозяину. Бой кипел уже вокруг царского шатра, большого укрепленного сооружения посреди стана, но здесь нападающие наткнулись на яростный отпор со стороны дворцовых служителей. Долго выдерживать неравную борьбу эти последние были, конечно, не в состоянии, но на выручку им уже спешила нежданная подмога. В полной боевой готовности, сомкнутым строем быстро приближались к стану пехота и колесницы лучшего египетского соединения, так называемых «*молодцов*», составленных из отборнейших воинов и шедших к Кидши (Кадешу) с морского побережья. Очутившись между двух огней, враги в стане были полностью уничтожены «*молодцами*» и дворцовыми служителями. Но средоточие боя уже переместилось оттуда.

Как только было доложено о разгроме воинства Рии (Рэ) и показались колесницы противника, фараон прервал совещание, натянул на себя броню, схватил оружие и поднялся на ожидавшую его боевую колесницу. Царские телохранители, еще до нападения окружавшие во всеоружии местонахождение царя, мужественно бились с врагом, но их было слишком мало, чтобы сдержать его натиск. Несколько колесниц, судя по одному изображению, бросившихся навстречу наседавшему неприятелю, тоже не могли отвратить опасность, угрожавшую Риа-масэсе (Ра-месэ-су). Врезавшись было на своей колеснице в ряды нападавших, фара-

он быстро осознал неравность борьбы и повернул назад, но к ужасу своему увидел, что вокруг него и кучки его защитников, главным образом, вооруженных слуг, уже сомкнулось кольцо вражеского окружения. Всюду, куда он ни оглядывался, бушевало море неприятельских колесниц. До двух с половиной тысяч насчитали их египтяне. Прорвать плотную стену нападавших было трудно, но, с другой стороны, стесненность их рядов сулила надежду на успех. Две с половиной тысячи двойных упряжек и вместительных возков (в отличие от египетских, на вражеских колесницах стояло не по два, а по три человека), будучи скучены на небольшом пространстве вокруг горстки окруженных, не могли двигаться сколько-нибудь свободно. Стоило где-нибудь дрогнуть колесничному скопищу, как давка и неразбериха делали невозможным всякое правильное передвижение. Вдобавок окруженные египтяне вовсе не были столь одиноки, как то изображают письменные источники. Подоспевшие со взморья «*молодцы*» уже шли на выручку (точность движения египетских войск спасла положение!). Развернутым строем бросились их колесницы на неприятеля. Последнему, затрудненному в движениях собственной многочисленностью и скученностью, приходилось биться на две стороны: впереди были лучшие силы египетского войска, изнутри с яростью отчаянья напирал фараон со своими людьми.

Оправившись от первого испуга, Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) решил оборонятьсся, нападая. Натиск следовал за натиском. Фараон врезывался в гущу вражеских колесниц, сея ужас и смерть на своем пути. Вид ли остервенелого властелина, стрелявшего и «*хватавшего*» направо и налево, ошеломлял врагов (так думали египтяне и некоторые ученые), ловкость ли возницы, правившего конями и прикрывавшего владыку щитом, уберегли фараона от стрел, которые и по египетским источникам летели в их сторону, но только Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) каждый раз выходил невредимым из сечи. Дело происходило на берегу Оронта, и немало колесниц противника было уже сброшено в реку. На противоположном берегу под прикрытием многотысячного войска стоял на колеснице дородный царь Хатти, в ужасе отвернувшись от зрелища по ту сторону реки. Там беспомощно гибли его лучшие силы, попав между двух «огней». Он двинул на помощь своим еще «*тысячу*» колесниц, преимущественно союзных владетелей, анатолийских и северосирийских, — битва была ведь, по существу, схваткою колесниц.

Но и люди из сопровождения Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) изнемогали в неравном бою. Уже пять раз фараон бросался на врага, а кольцо окружения оставалось непрорванным. Положение казалось настолько безнадежным, что даже царский возничий (Менена) молил фараона прекратить сопротивление и бежать. Не совсем ясно, каким способом могло быть осуществлено бегство, когда вражеский строй оставался непрорванным. Может статься, что Риа-масэ-са (Ра-месэ-с), находясь на берегу Оронта, мог бежать водою через ближнее озеро. Позже стертая

приписка к изглаженному же изображению содержала разговор царя с рядовым Нахт-аманой (Нахт-амуном). Из сохранившихся обрывков речей как будто бы следует, что фараон просил прийти к нему и что-то ему сделать, воин называл себя, и в дальнейшем говорилось о гребле(?) или гребцах(?), после чего царь отдавал какое-то распоряжение и действовал, пренебрегая «*чужими странами всеми*(?)». Однако связь этой надписи с предложением возничего более чем сомнительна. Как бы то ни было, его совет был отвергнут, и Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) вместо бегства в шестой раз ударил по врагу. Судя по одной, тоже стертой надписи, прорыв вражеского окружения произошел южнее Кидши (Кадеша) (в начале битвы фараон находился севернее города), и Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) вырвался наружу, гоня перед собою бегущего врага.

Тем времем верховный сановник и царский служитель на колесницах, а разведчики верхом благополучно доскакали до соединения Птаха. Оно медленно тащилось со своим обозом по неровной местности, местами в приятной лесной тени. Криками и телодвижениями торопили прибывшие отставшее воинство поспешить на помощь покинутому фараону, но поспело ли оно принять участие в сражении этого дня, остается неясным.

Возможно, надвигавшийся вечер положил конец кровопролитию. Исход битвы был двусмысленным. Часть вражеских колесниц полегла на поле сражения, часть была опрокинута в реку, откуда кое-кто выбрался на другой берег, но многие, вероятно, подавляющее большинство, отступили невредимыми к городу. Немало знатных анатолийцев полегло в бою. Египетские источники называют в числе их двух братьев царя Хатти, его письмоводителя, щитоносца, нескольких возничих и военачальников. Пострадали и некоторые из союзных владетелей. Так, египтяне злорадно наблюдали, как по ту сторону Оронта откачивали захлебнувшегося в его волнах царька Халеба (Алеппо), подняв его стоймя вверх ногами. Множество Хатти и некоторое количество сирийцев были пленены египтянами и вместе с руками, которые не забывали отрубать у убитых врагов даже в самый разгар боя, а также конями и колесницами были предъявлены впоследствии при трубных звуках восседавшему на колеснице фараону, конечно, под видом его единоличной добычи. В руки египтян попало также значительное количество другого боевого вооружения противника. Замысел Муваталиса справиться с египтянами, напав на них врасплох, не увенчался успехом, поле битвы осталось за Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом). Однако силы врага отнюдь не были сломлены. Судя по изображениям, в бою со стороны Хатти участвовали одни колесницы, хотя в одном из письменных источников вскользь говорится также о пехоте. К концу сражения у Муваталиса оставалось не менее 17000 пехотинцев и колесничных бойцов, не участвовавших в побоище, и значительное количество воинов, вернувшихся из схватки. Потери египтян должны были быть тоже большими, но наши источники,

естественно, молчат о них. Соединение Аманы (Амуна) как целое так и не оправилось в тот день от потрясения, хотя часть его воинов, по-видимому, приняла участие в схватке. Возможно, что так же обстояло дело с соединением Рии (Рэ). Повесть о битве под Кидши (Кадешем) красочно описывает возвращение беглецов вечером на бранное поле, белевшее во мраке от множества вражеских трупов в светлых одеждах. Можно думать, что с прибытием отставших частей и возвращением беглецов египтяне были способны продолжить незавершенную схватку не в меньшей мере, чем их противники.

Повесть о бое под Кидши (Кадешем) действительно рассказывает о том, как с рассветом сражение возобновилось с новою силою, но кратко, в общих выражениях, так что эта вторая «победа» Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) выглядит довольно неопределенно. Учеными было даже взято под сомнение самое возобновление боя следующим утром, но вряд ли основательно. На изображениях, правда, продолжение битвы не показано, на них все кончается победоносным «единоборством» Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са), сопутствующими событиями и смотром добычи, взятой тоже «единолично» царем. Но зачем было уничтожать впечатление от действительного подвига властелина, его победоносного «единоборства» с врагами присовокуплением еще какого-то добавочного сражения? О нем, правда, молчит и большая приписка. От ее окончания почти ничего не осталось, но за краткостью концовки в ней, надо думать, не могло быть речи о втором сражении. Однако и это молчание недоказательно, потому что большая приписка относилась к изображениям, а на них битва не возобновлялась. Потому нет как будто бы веской причины заподозрить достоверность показаний повести, тем более, что ее хвалебное назначение вовсе не требовало, чтоб битва возобновлялась, скорее даже исключало это.

Согласно повести, нападающей стороной на этот раз был фараон, враги же стали «*далеко, творя поклонение руками своими пред лицом его*». Вполне вероятно, что Хатти не желали встречи с египтянами в открытом поле, и это хорошо согласовалось бы с их поведением накануне, когда большая половина их войска так и не была введена в сражение. Возможно, она должна была служить прикрытием для их царя и обоза на тот случай, если бы страшные египтяне все-таки добрались до них. Однако сломить врага Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) не удалось и утром. Сквозь неопределенные восторги повествователя по поводу царских «успехов» проглядывает как будто б, что решительная победа так и не была одержана. Во всяком случае, ни один источник не говорит, что фараон овладел Кидши (Кадешем). Обескровленные противники явно были не в силах одолеть друг друга. Как можно было ожидать, Муваттали с первый предложил фараону мир. Так, по крайней мере, изображает дело повесть о бое под Кидши (Кадешем). Она рассказывает о прибытии посланца с письмом царя Хатти к Риа-масэ-се (Ра-месэ-су), о военном совете египтян и милостивом снисхождении фараона к

просьбе противника, толкуемой, конечно, как изъявление покорности. Сомневаться в правильности свидетельства повести о достижении временного соглашения между державами трудно, потому что иначе пришлось бы допустить, что египетский царь с войсками и пленными торжественно вернулся в свою новую столицу в северо-восточном Низовье, Пи-Ра-маса-са-Маи-амана (Пэ-Ра-месэ-с-Миамун), в то время как в Сирии у самой границы египетских владений оставалось в поле сильное вражеское войско.

Неизвестно, сколько времени суждено было фараону покойно проживать в своем дворце и наблюдать, как ежедневно в его присутствии кормили коней, ходивших в его упряжке под Кидши, — он клятвенно обязался в том после битвы. Достоверно лишь то, что в 8-ом году царствования Ра-масэ-сы (Ра-месэ-са) египетское войско снова стояло в Сирии-Палестине. Двусмысленный исход битвы под Кидши (Кадешем) не мог не ободрить «*мятежные*» круги в Палестине, и скоро едва ли не вся она до Ашколуны (Аскалона) на юге восстала на угнетателей. Положение беспримерно осложнялось враждебностью Хатти и сирийского севера, так что Ра-масэ-се (Ра-месэ-су) приходилось воевать одновременно со всеми ханаанскими подданными, анатолийским царством и подвластными тому сирийскими княжествами.

Последовательность военных действий в Палестине и египетской южной Сирии неясна. Сохранилось лишь множество изображений на храмовых стенах взятия фараоном сиро-палестинских крепостей и перечни побежденных им «*стран*», в большинстве случаев второстепенных поселений, не поддающихся отождествлению с известными местностями.

Ко времени Ра-масэ-сы (Ра-месэ-са) II военное искусство египтян далеко ушло от медленных приемов Джут-маси (Тхут-мосе) III. Тот предпочитал брать крепкие города измором и часто отходил от них, в бессильной злобе опустошив окрестные сады и нивы. Лишь изредка шел он на приступ значительных укреплений. Напротив, войны Ра-масэ-сы (Ра-месэ-са) II в Палестине вылились в сплошное взятие приступом как крепостиц, так и крепостей. При том трудном положении, в котором Египет оказался по отношению к Сирии-Палестине, фараон не мог тратить время на долгую осаду. Современные изображения и данные раскопок знакомят нас с обликом этих крепостей. Они стояли обыкновенно на возвышенности, часто поросшей лесом, на берегу речки или озерка. Высокие кирпичные стены на каменном основании изломанным поясом чередующихся выступов и отступов окружали в городе его средоточие и последний оплот — княжеский кремль. Укрываясь за округлыми зубцами, защитники крепости могли с ее выступов поражать нападающих в бок и даже в тыл, так как верхи выступов несколько выдавались вперед. Целям обороны служили и проделанные в толще стен окна-бойницы. Приступу обычно предшествовало сражение в прилегающей

долине. Разбитые там воины бежали к крепости, большинство пешком, часть на колесницах или верхом на высвобожденных из них конях. Случалось, что беглецы искали убежища в ближнем лесу. Туда, если только не куда-нибудь дальше, гнали городское стадо и перепуганные пастухи. Главный удар осаждающие направляли на сильно укрепленные городские ворота, рубя их топорами и расшатывая их устои. В ходу были длинные лестницы, с помощью которых, прикрывшись щитами, египтяне взбирались на стены. Град крупных камней, снарядов из пращей, стрел и копий сыпался на головы осаждавших. В качестве прикрытия помимо щитов египтяне пользовались передвижными стенками с навесами, за которыми могли сравнительно безопасно приближаться к подножию крепости. В то время, как одни воины шли на приступ, другие, именно стрелки, во главе с фараоном засыпали ее защитников стрелами. В конце концов на вершине городских укреплений над зубцами стен показывался старейшина и протягивал в сторону победителя пламенеющую курильницу в знак сдачи крепости. Воздевая руки и спуская со стены детей-заложников, молили осажденные о пощаде. Ужасна была расправа со взятым городом. Воины фараона набрасывались на побежденных: кто за волосы выволакивал пленника из городских ворот, кто вязал добычу, кто ударами палки гнал в неволю вереницы побежденных. Победоносное войско египетского царя шло дальше, оставив позади себя мертвую развалину. Нелюдимо высились городские укрепления с покосившимися воротами, с полусорванными решетками на окнах, с зияющими дырами в стенах и кучами кирпича вокруг. А там, где еще недавно был лес, теперь стояли лишь разрозненные деревья да торчали из кустарника обрубки стволов, чьи густолиственные вершины валялись, срубленные, на земле.

Одни за другими никли под ударами царского войска палестинские крепости и племена. Приморский Ашкалуна (Аскалон) на юге, Гаваа к юго-западу от Иерусалима (?), Моав к востоку от Мертвого моря, Акка (Акко) на финикийском побережье, Кана немного южнее Сурра (Тира), Йануамма (Иеноам) у южного Ливана упомянуты на победных памятниках Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) вместе с десятками местностей неизвестного местоположения. Война была перенесена во владения Хатти, и уже в 8-м году царствования фараон подступил к крепости Дебиру (Дапуру) в области Тунипа в северной Сирии.

Взятие Дебира Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) считал одним из своих славнейших деяний. Он отводил этому «*подвигу*» второе место после «*победы*» под Кидши (Кадешем), не столько, быть может, в силу значительности дела, сколько из-за мужества, которое он, Риа-масэ-са (Ра-месэ-с), снова выказал тут на глазах у своего войска. Как обычно, приступу предшествовала битва на равнине под нагорной крепостью, но разбитые в поле противники по-разному представлены на египетских изображениях: на одном это — сплошь сирийцы, на другом — Хатти. Зато

защищают крепость везде одинаково Хатти. Они яростно обороняются от египтян, берущих приступом городские укрепления. Эти последние выглядят особенно внушительно с их двойным кольцом стен, высокими башнями и водруженным наверху огромным парусом-стягом с четырьмя поперечными стрелами. Фараон лично участвовал в обстреле крепости и хвалился впоследствии, что «*стоял, воюя город супостата Хатти во главе своей пехоты и своей конницы* (т. е. колесничного войска)» в течение двух часов, не надевая брони. Наконец на дворцовой башне затеплилась долгожданная курильница, знак сдачи, и к Риа-масэ-се (Ра-месэ-су), если верить изображению, вышел представитель Хатти, ведя в дар тельца, в сопровождении женщин, несших сосуд и корзины с хлебом.

Взятием Дебира не ограничились успехи египтян на сирийском севере. В стране Кеде, расположенной, возможно, на подступах к Анатолии, был взят укрепленный город с великолепным княжеским дворцом. Число пленных было столь велико, что их целыми отрядами отправляли в Египет под общим наблюдением наследного царевича, принимавшего, как и его братья, деятельное участие в походах. В перечнях народов, побежденных Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом), значится целый ряд местностей южной и северной Сирии: Тахши в Килисирии, Уллаза у устья Елевфера, Барга южнее Халеба (Алеппо), Папхи (Бамбика) вблизи Евфрата и т. д.

Казалось бы, мировая держава Джут-маси (Тхут-мосе) III была полностью восстановлена, но, странным образом, по клинописным источникам северная Сирия и даже княжество Амурри в конечном итоге остались за Хатти. Лишь в прибрежной полосе, уже по свидетельству египетских источников, владения фараона доходили, по меньшей мере, до Семиры у устья Елевфера. Тем самым в итоге долголетних войн не была восстановлена даже граница Сутайи (Сетойя) I, не говоря уж о рубежах XVIII царского дома.

Надежно объяснить столь неожиданный плод бесчисленных побед Риа-масэсы (Ра-месэ-са) II невозможно. Египетские источники до конца пребывают настроенными на победный лад. Клинописные источники тоже молчат о повороте военного счастья в сторону анатолийского царства. Мир, заключенный с Хатти в 21-м году царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II, египтяне объясняли полным изнеможением противника, и, действительно, последующее поведение царя Хатти носит отпечаток приниженности. Предположительно можно высказать следующую догадку о причинах уступчивости победителя. Фараоны Нового царства требовали от своих сиро-палестинских подданных, в сущности, только дани. Переустраивать Сирию-Палестину и держать там постоянно большие воинские силы тогдашнему Египту было и невыгодно, и трудно. Но тяжесть дани неизменно питала повстанческие настроения, и спокойно владеть издалека сиро-палестинскими землями египетские цари могли лишь при отсутствии достаточно сильного сопер-

ника. С усилением Хатти таковой появился, и хотя анатолийское царство было слабее Египта, но притязаний и происков северного соседа было довольно, чтобы сделать сиро-палестинские владения фараонов непрочным и хлопотливым достоянием. Египетское войско могло одерживать победу за победой, брать крепость за крепостью, и все же положение в Сирии-Палестине оставалось неустойчивым, пока непокорные владетели находили поддержку со стороны Хатти, будь то в виде присылки вспомогательных отрядов (что засвидетельствовано памятниками) или в виде одновременных военных действий против общего врага. Положение, занятое Хатти по отношению к Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) II, сильно напоминало поведение Митанни в дни Джут-маси (Тхут-мосе) III с тою разницею, что Хатти было много опаснее Митанни. Царя этого последнего можно было поразить в его собственной стране, заставить отказаться от Сирии и затем для внешнего обеспечения ее спокойствия принять в друзья и союзники. Разгромить Хатти в далекой Анатолии было Египту не под силу, и после шестнадцатилетней разорительной борьбы Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) пришлось, видимо, признать, что спокойное обладание Палестиной и частью Сирии могло быть куплено лишь ценою отказа от призрачных завоеваний на севере. Некоторые ученые полагают, что примирению соперников способствовало возвышение Ассирии и связанные с этим опасения.

Мир был заключен со вторым преемником Муватталиса Хаттусилисом III. За миром последовало заключение союзного договора, причем почин в этом деле принадлежал анатолийскому царству. В начале зимы 21-го года царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II посол Хаттусилиса в сопровождении переводчика-египтянина прибыл в столицу фараона, Пи-Риа-масэ-са-Маи-амана (Пэ-Ра-месэ-с-Ми-амун), на северо-востоке Низовья и вручил египетскому царю от имени своего повелителя серебряную дощечку с клинописным договором и «печатями», изображавшими царя и царицу Хатти в объятиях их божеств. С этой дощечки договор был переведен на египетский язык и впоследствии увековечен на камне египетскими письменами. Список договора, который фараон отослал Хаттусилису в обмен на его дощечку, был тоже клинописным на международном тогда аккадском языке, но по составу несколько отличался от присланного царем Хатти. Фараон не намеревался лично водить войска на помощь союзнику и лишь бегло касался предшествующих отношений между обоими царствами, излагавшихся Хаттусилисом в несколько покаянном духе. Особенного труда стоило уполномоченному царя Хатти добиться согласия египетского двора на телесную и имущественную неприкосновенность беглых египтян и их семей после выдачи их фараону (анатолийскому царству в силу его правовых установлений было нетрудно отказаться казнить и увечить возвращаемых подданных, равно как лишать их имущества). В основном договор был направлен на обеспечение взаимной неприкосновенности владений и предоставление помощи пехотой и колесницами в случае

нападения на одну из договаривающихся сторон или восстания подданных. В свидетели договора по анатолийскому обычаю призывались «*тысяча*» божеств Хатти и «*тысяча*» египетских божеств.

Словно для того, чтоб увеличить сходство взаимоотношений между Риа-масэсой (Ра-месэ-сом) и Хаттусилисом с существовавшими некогда между Египтом и Митанни, последовала женитьба уже немолодого фараона на старшей дочери царя Хатти. Это произошло в 34-м году царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэса) II. Сообразно большему значению ее родителя, дочь Хаттусилиса, в отличие от митаннийских царевен, стала не одной из второстепенных жен, а главной («*великой*») супругой фараона под египетским именем «Ма-нафру-риа» — «*Зрящая красоту солнца*».

Некогда Аман-хатпи (Амен-хотп) III забирал к себе в женский дом одну за другой матаннийских и вавилонских царевен, не отдавая в обмен за них своих дочерей. Тогда эти царевны сильно походили на заложниц, данных фараону в залог дружбы и верности. Они напоминали тех сиро-палестинских княжен, которых, уже в виде «дани» (как их братьев-заложников) отсылали к царю их владетельные родители. Хотя представительницы царствующих домов Египта и Хатти уже давно вступили в сношения между собою (сохранилось письмо египетской царицы Нафт-эры (Нефр-эре) к жене Хаттусилиса с изъявлением радости по поводу заключения мира), но ни один источник не говорит о том, что царь Хатти получил в жены египетскую царевну. И это когда сам он впоследствии отдал в жены фараону еще одну дочь! Все это тем знаменательнее, что у Риа-масэсы (Ра-месэ-са) было огромное число не только сыновей, но и дочерей. Подобная односторонность брачных связей не могла не подчеркивать первенство Египта, и Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) мог иметь некоторое, хотя и довольно отвлеченное, основание считать богатое приданое, присланное в 34-м году с царевной, своего рода «данью».

Встреча старшей дочери Хаттусилиса была обставлена с большой торжественностью. Царевну сопровождали воины ее отца. Перед нею везли или несли множество серебра, золота и меди, тянулись рабы и лошади «*без конца*», двигались целые стада быков, коз и овец в количестве «*десятков тысяч*». С египетской стороны доставка царевны из ее далекой родины была поручена видному сановнику по иностранным делам, тогда или впоследствии занимавшему должность наместника Эфиопии. Но царственному жениху надо было выслать навстречу невесте и подобающее воинское сопровождение, но тут, как назло, в Сирии-Палестине пошли зимние дожди, к которым египтяне в своей солнечной стране были непривычны. Тогда устроили большое жертвоприношение египетскому богу пустынь и непогоды Суте (Сэту) и, как сообщает надпись, дожди в Сирии-Палестине прекратились, так что воины фараона встретили царевну при вполне приемлемой по-

годе. Недавние противники смешались в одну пеструю толпу и по-дружески делили совместную трапезу. «*И была приведена дочь державца большого* (*Хат*)*ти к величеству его, и она пришлась по сердцу величеству его*».

Одно художественное египетское произведение намекает на то, что и сам царь Хатти посетил фараона. Если это действительно имело место, то Риа-масэса (Ра-месэ-с), не ездивший на поклон к Хаттусилису, получил опять-таки некоторое право воображать себя главою Хатти.

Сближение Египта с Анатолийским царством не могло не сказаться благотворно на деловой жизни Сирии-Палестины. «*Если отправляются мужчина или женщина по делам своим в Сирию-Палестину, достигают они земли Хатти безбоязненно, потому что* (столь) *велика крепость* (т. е. сила) (*величества*) *его*» — говорит современная египетская надпись. И еще при преемнике Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II Мар-ни-птахе (Мер-не-птахе) Египет снабжал Хатти зерном в голодные годы, что, конечно, не мешало египетскому двору, невзирая на сорокалетнюю дружбу, высокомерно сравнивать анатолийских посланцев с псами, подползающими к своему господину.

Долгий спор между Египтом и Хатти, страшно осложнившийся в связи с переворотом Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV, получил, наконец, после жестокой борьбы мирное решение. Как же обстояло дело с наследием переворота в области внутренних отношений новоегипетского общества?

Если узко фараоновское солнцепоклонничество Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV не нашло отклика в народе и было легко преодолено жреческой знатью, то с правами, добытыми «*сиротами*» за время переворота, ей пришлось считаться. Похоже на то, что тут она вынуждена была уступить и открыть «*сиротам*» куда более широкий доступ в свои ряды, чем это было до переворота. Более того, натиск «*сирот*» сквозь пролом, учиненный переворотом в вековых общественных устоях, принял, по-видимому, такие размеры, что цари принуждены были думать уже не только о возвышении некоторых, хотя бы и многочисленных «*сирот*», но и об улучшении их положения вообще.

Главным источником наших сведений о выдвижении «*сирот*» при Аман-хатпи (Амен-хотпе) IV служат восхваления царя за возвышение из ничтожества «*сирот*» в единственном или множественном числе. Подобного рода заявления, редкие до переворота и обычные в течение его, не исчезают вместе с Аман-хатпи (Амен-хотпом) IV. При преемниках отверженного преобразователя они по-прежнему часты и даже бывают выражены теми же самыми словами, что и в его дни. «*Начальник резчиков владыки обеих земель*» Хитайа (Хетой) вскоре после восстановления старых богов писал: «*Я это* (самый) *убогий из свойства своего,* (самый) *маленький из селения своего... Возвеличил он* (т. е. царь) *меня превыше друзей* (царевых), *смешался я с великими дворца*». Верховный сановник

Сутайи (Сетойя) I Пасиур (П-сйур) восклицал: «*Я — друг* (царев) *из* (тех, кому) *дал объявиться он*». Распорядитель казны, распорядитель женского дома царева Хара-мина (Хар-мин), обращаясь к царю, говорил: «*Властитель, сотворивший меня человеком, давший объявиться мне питанием своим... Я — сирота из* (тех, кому) *дал объявиться ты, сановник из* (тех, кого) *сотворил ты!*» Наместник Эфиопии при Сутайи (Сетойе) I заявлял ему: «*Мой бог, создавший меня, сотворивший меня,* (дал) *ты смешаться мне с сановниками!*» Другой наместник Эфиопии Хака-нахти (Хек-нашт) вещал о царе: «*...сотворивший меня. Он — давший объявиться* (мне) *питанием своим*». Но сановники последовавшего за переворотом времени славят фараонов не только за действительное или мнимое возвышение их самих из ничтожества. Они хвалят царей и в более общих выражениях как благодетелей «*сирот*» вообще. Известный уже нам верховный сановник Сутайи (Сетойя) I Па-сиур (П-сйур) говорил о нем: «*Хнама* (Хнум, египетский бог — создатель людей) *это,* (творящий) *людей, зиждущий сирот, защищающий убогих... знатных*». Двор называет Риамасэ-су (Ра-месэ-са) II «*творящим сановников, зиждущим сирот*». Любопытно, что подобные выражения, употребительные у солнцепоклонников применительно к фараону, стали теперь прилагаться даже к восстановленным божествам. На своем изваянии из храма Мут в Нии (Нэ) писец царев Рийа (Рэ, Рии) называет Аману (Амуна) «*зиждущим сирот*», а наместник Эфиопии «Хака-нахти (Хек-нашт)» зовет Атаму (Атома) «*творящим сановников*»!

Нельзя, конечно, быть уверенным, что тот или иной сановник, твердивший о своем возвышении из ничтожества, действительно пребывал в нем прежде. Так, верховный сановник Па-сиур (П-сйур), выставлявший себя вельможею, поднятым царем, а его самого — образователем людей, зиждущим «*сирот*», был на деле сыном верховного жреца Аманы (Амуна). Но то, что подобные утверждения перекочевали без существенных изменений из солнцепоклоннической столицы к двору царей-восстановителей старины и их продолжателей, все-таки знаменательно. Очевидно, и при дворе этих царей подобного рода словоизлияния были не совсем беспредметными.

Важным мероприятием в пользу простых египтян явился указ фараона Хар-ма-ху (Хар-м-ха). Царь придавал большое значение своему указу и позаботился о широком его обнародовании. Списки его, вырезанные на больших каменных плитах, Хар-ма-ху (Хар-м-ха) поместил едва ли не во всех важнейших городах страны: до нас дошла огромная, хотя и сильно поврежденная, плита во храме Апасуа (Эп-эсове, Карнаке) в Нии (Нэ, Фивах греков) и обломок плиты, стоявший в городе Усири (Усире, Осириса греков) Абаде (Эботе, Авидосе греков). Хар-ма-ху (Хар-м-ха) требовал прекратить грабеж и вымогательства, которым подвергались простые египтяне, и грозил ослушникам суровыми карами: телесными нака-

заниями, увечьями, ссылкой. Фараон выступал тоже против взяточничества судей, от которого, естественно, всего больше страдали бедняки. С этой целью он слагал с судей налог в пользу казны. Впрочем, из самого указа видно, что Хар-ма-ху (Хар-м-ха) отнюдь не из одного человеколюбия защищал «*рядового всякого войскового, людей всяких, которые в земле до края ее*» от поползновений на их ладьи, ограждал население от посягательств на его рабов, бычьи шкуры и т. д. Законодатель преследовал также выгоду царской казны. У «*сироты*» нельзя отнимать его суденышко, но суденышко-то сирота построил и оснастил, чтобы служить фараону. «*Сироте*», у которого нет судна, надо таковое доставить от другого или дать дерево для постройки, однако затем, чтобы он «*работал*». Незаконное изъятие у населения воинами бычьих шкур карается, но скот-то по всей стране состоит на учете у распорядителя быков фараона «(да будет он) *жив, цел, здоров!*» Поскольку выгоды казны и покровительство простолюдинам в отдельных случаях переплетались между собой плотно и ощутимо, можно допустить, что указ Хар-ма-ху (Хар-м-ха) и его суровые кары, если не всегда, то все-таки нередко приводились в действие. Требование неподкупности судей осталось, конечно, невыполненным пожеланием.

С указом Хар-ма-ху (Хар-м-ха) в какой-то степени перекликаются некоторые действия его преемников. Сутайа (Сетой) I, ограждая эфиопские владения одного из храмов в Абаде (Эботе, Авидосе греков), от посягательств на них чиновников, запрещал уводить не только храмовых людей, но также их личных рабов. А в числе таких рабовладельцев могли быть, как мы видели, любые непосредственные производители храмового хозяйства. Заслуживает внимания, с какою настойчивостью цари XIX дома расписывали свои благодеяния работникам, занятым изготовлением их памятников. Согласно надписи, оставленной сановниками Сутайи (Сетойя) I в каменоломнях, каждый воин соединения, отправленного туда на работу, получал ежедневно около 1,8 кг хлеба, кусок жареного мяса, две связки зелени и ежемесячно две полотняных одежды. Не доверять этому сообщению нет достаточных оснований, тем более что строкою ниже безо всякого стеснения перечислены те куда более щедрые блага, что приходились на долю руководителей работ. Возглавлявший их «*посланец царев*» получал ежедневно говядину, вино, разное растительное масло, мед, смоквы, виноград, рыбу, зелень, а также цветы из местного храма, кроме того, вероятно, ежемесячно четыре полотняных одежды. Подобным образом были оделены и знаменосцы его воинства, по египетским порядкам — лица начальственные. Несколько более отдает преувеличением рассказ Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II о неправдоподобно богатом снабжении мастеров-камнеделов, высекавших для него из каменных глыб вблизи города Аны (Она, Илиуполя греков) всевозможные изваяния. Фараон хвалился, что для своих работников он наполнил склады хлебом, мясом, пирожками, обувью, одеждой и ума-

щениями. Последние выдавались для умащения головы каждые десять дней, одежды же — ежегодно. Объединенные в рабочие соединения люди должны были: одни — снабжать камнеделов довольствием и доставлять им рыбу, другие — возделывать для них сады на положении садовников или изготовлять сосуды в целях обеспечения холодной водою в летнее время. Как Верхний, так и Нижний Египет везли работникам ячмень, двузернянку, пшеницу, соль и бобы якобы в бесконечном количестве.

Всего ярче расписана забота Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II о воинах во вложенной ему в уста речи к ним на поле брани под Кидши (Кадешем). Упрекая их в неблагодарности, фараон говорит: «*Не восстал ли я владыкою,* (когда) *были вы "сиротами"? Дал я сотвориться вам сановниками питанием моим повседневно*». Царь добавляет, что вводил сына во владение отчим имуществом, сложил с воинов «*отработки*» и не налагал новых, дал воинам сидеть по домам и селениям, не неся воинской службы. И это была не совсем праздная болтовня. Из Нижнего Египта до нас дошла любопытная плита некоего войскового должностного лица по имени Маси, на которой Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II представлен осыпающим толпу воинов буквально дождем украшений и снеди. И происходит это в совершенно мирной обстановке — перед царским дворцом у подножия царского изваяния «*Риа-масэ-са Маи-амана, солнце властителей*».

Подобно указу Хар-ма-ху (Хар-м-ха), надписи, повествующие о мероприятиях его преемников на благо простым египтянам, порою прозрачно намекают на выгодность подобных мер для самих властителей. Рассказывая об устройстве Сутайей (Сетойем) I колодца в пустыне, сочинители надписи не пожалели красок на изображение жалостливых чувств фараона, «*дающего жить своему войску*», к несчастным путникам, терпевшим жажду в пустыне. Однако речь идет об «*открытии*» доступа к золотым приискам, который до устройства колодца был весьма затруднен. Если Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II печется о мастерах-камнеделах и якобы желает, чтоб никто из них не проводил ночи в печали из-за нужды, то сама же надпись столь трогательную заботливость объясняет желанием, чтобы мастера работали над изваяниями с большей охотою.

Как преувеличены ни были б «благодеяния», как своекорыстны или бесплодны ни были б иные мероприятия, все же создается впечатление, что простолюдины заставили считаться с собою, пускай в ограниченной мере, господствующие верхи. Такое впечатление основано не столько на содержании отдельных памятников, сколько на общем их «человеколюбии» по отношению к рядовым воинам, работникам, простым людям вообще. До солнцепоклоннического переворота подобного умонастроения почти незаметно в фараоновских надписях. Проявление его в них после царя-солнцепоклонника, «*зиждившего сирот*», вряд ли простая случайность. Академик В. В. Струве с основанием отмечал, что XIX царский

дом уделял известное внимание своим «*сиротам*». Даже торжествуя победу над нагрянувшими на Египет врагами, сын и преемник Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II Мар-ни-птах (Мер-не-птах) помнит не об одних только знатных богачах, но и о неимущих «*сиротах*»: «*дал он* (т. е. фараон) *обладать сановникам вещами своими, дал он сиротам быть при своих городах*».

Самовластие отверженного Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV наложило неизгладимую печать на придворные порядки и самосознание последующих фараонов. Двор славил их по образцам, выработанным в царствование солнцепоклонника. О такого рода подражательном восхвалении царей как благодетелей «*сирот*» мы уже говорили. Приверженность к словоупотреблению солнцепоклоннического двора доходила до смешного. Царское обозначение «*властитель добрый*», редкое до Ах-на-йати (Эх-не-йота) и распространившееся в последнюю треть его царствования за отказом от слова «*бог*», продолжало пользоваться величайшей любовью при царях-восстановителях и при XIX царском доме.

Возможно, фараоновская власть при этом доме не была такой сильной, как при Аман-хатпи (Амен-хотпе) IV, и все же необыкновенная мощь ее неоспорима.

Как и прежде, на дворцовых приемах пышный двор простирался на животах, касаясь носами пола, но длиннейшие речи, обращенные к повелителю, превосходили по льстивости все, сочинявшееся прежде. Фараона объявляли владыкой неба и владыкой земли, столпом неба и опорным брусом земли, способным смотреть на солнце, распоряжающимся по своей воле дождем и т. п. Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II утверждал, что правил государством, еще не родившись. Ревностью в служении своим собственным изображениям он оставил далеко позади даже такого почитателя собственной особы, как Аман-хатпи (Амен-хотпа) III. Для служения живому фараону, как во дни Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV, существовало особое жречество. Некоторое представление об огромных средствах, которые шли на содержание двора, дает длиннющее «письмо», сочиненное для переписки в школе и касающееся приготовления всего, что нужно путешествующему царю, его сопровождению и войску. Такие царские поездки должны были быть настоящим бедствием для населения, вынужденного их обслуживать, двор же при XIX царском доме был охоч до разъездов.

Вещественным следом богатства и могущества таких представителей XIX царского дома, как Сутайа (Сетой) I и особенно Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II, остались сооружения, разбросанные по всему Египту и Эфиопии и достигающие подчас чудовищных размеров. Впечатление от этого строительства было б еще более потрясающим, если б все тогда созданное дошло до нас полностью. Из этих бесчисленных памятников в смысле тонкости отделки выделяются заупокойный храм Сутайи (Сетойя) I в Абаде (Эботе, Авидосе греков), достроенный, хотя и не с той же тщательностью в резьбе настенных изображений, Риа-масэ-сой (Ра-

месэ-сом) II, затем заупокойный храм того же Сутайи (Сетойя) I и Нии (Нэ) (у нынешнего поселка Курны) и, наконец, его гробница протяженностью в 100 м в недрах скал на запад от города. По внушительности все творения древнеегипетских храмоздателей превосходят громадный чертог перед храмом Аманы (Амуна) в Апа-сауе (Эп-эсове, Карнаке), завершенный Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) II, и пещерный храм этого царя у вторых порогов Нила (Абусимбельский храм). Чертог в Апа-сауе (Эп-эсове) целиком из камня занимает площадь в 5000 кв. м. Двенадцать столбов в виде расцветших стеблей осоки (папируса) по бокам среднего прохода имеют в высоту 21 м, а вместе с покоящимися на них навершиями и перекладинами — 24 м. Остальные сто двадцать два столба в виде нераспустившейся осоки расположены семью рядами с каждой стороны среднего прохода и достигают в вышину 13 м. Исполинские изваяния Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II перед его пещерным храмом, посвященным Амане (Амуну) и Рии-Харе-Небосклонному (Ра-Хар-Ахту), а по существу самому царю (рядом был вырублен пещерный храм его жены царицы Нафт-эры), имеют в вышину по 20 м. Можно только дивиться сноровке древних мастеров, сумевших при таких размерах изумительно искусно и верно изваять лицо фараона. Каменные изваяния того же царя всего на несколько метров ниже высились в Нии (Нэ) перед новопристроенной частью храма Аманы (Амуна) в Апе (Опе) Южном (Эль-Кусуре, Луксоре) и перед роскошным поминальным храмом фараона на западном берегу, так называемым Рамессеем. Исполинские изваяния Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II стояли также в Мэмфи (Мэнфе, Мэмфисе греков) перед ныне почти исчезнувшим храмом Птаха. Ведя с лихорадочной быстротой такое громадное храмоздание, фараоны оказывались в состоянии строить еще новые города. Из них самым большим и блестящим был город на северо-востоке Низовья, названный в честь строителя «*Домом Риа-масэ-сы, возлюбленного Аманой* (Пи-Риа-масэ-са-Маи-амана)». До сих пор спорят о том, где в точности было расположено это любимое местопребывание Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II — на месте ли города Зану (Цоана евреев, Таниса греков), где видны еще груды обломков больших каменных сооружений, неподалеку ли оттуда, где были откопаны остатки пышных дворцов, или, может быть, на пространстве всей той местности в целом. Надо полагаться, что храмы и дворцы Пи-Риа-масэ-сы-Маи-аманы по роскоши отделки и размерам приближались к имевшимся в древних столицах. О новом городе речь будет еще в дальнейшем.

На чем зиждилось могущество Сутайи (Сетойя) I и Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II, откуда у них были средства для подобного строительства?

Одними военными успехами тут ничего не объяснить. При XVIII царском доме они были куда более значительными, однако храмоздание при Сутайе (Сетойе) I и особенно его сыне по своим размерам нисколько не уступало прежне-

му, скорее даже превосходило его. Сиро-палестинские владения XIX царского дома составляли всего лишь половину того, чем владели Дхут-маси (Тхутмосе) III или Аман-хатпи (Амен-хотп) II в Сирии-Палестине. Разоренная и опустошенная за время нескончаемых войн Ра-масэ-сы (Ра-месэ-са) II Палестина не могла быть особенно доходным владением. То же, если отвлечься от золотых приисков, можно сказать об египетской Эфиопии. Относительно цветущая при XVIII царском доме, она сильно захирела при XIX-м. Постепенное снижение уровня нильского разлива при неослабевающем египетском налоговом гнете сделали свое дело. Резкое снижение числа захоронений свидетельствует об отливе населения, очевидно, на юг. Огромные строительные возможности XIX царского дома одними доходами с иноземных владений никак не объяснить.

Следовательно, дело во внутреннем хозяйственном развитии Египта. Низовье из «получужой» страны на отлете, какою оно было еще для правивших им издалека Дхут-маси (Тхут-мосе) и Аман-хатпи (Амен-хотпа), превратилось в местопребывание двора и большой части высшего чиновничества. Если уже при XVIII царском доме именно там, поближе к Сирии-Палестине, были сосредоточены крупные военные силы, то теперь, когда постоянно приходилось иметь дело с таким противником, как царство Хатти, количество войск, расположенных в Низовье, должно было возрасти. Ведь и сам царь и его двор переселились поближе к месту военных действий — в Пи-Ра-масэ-са-Маи-амана (Пэ-Ра-месэ-с-Ми-амун) на стыке Египта и Палестины. Все это не могло не вызвать заметного подъема хозяйственной деятельности в Низовье. Оживилось даже заболоченное поморье. Вдоль него бежали теперь морские суда из Пи-Ра-масэ-са-Маи-амана (Пэ-Ра-месэ-с-Ми-амуна) в богатые виноградники, разбитые неподалеку от моря. Сочинители с восторгом описывали богатство и процветание округи новой столицы. Двор, чиновничество, войско надо было кормить, снабжать ремесленными изделиями. Расцвет сельского хозяйства и ремесла в Низовье был обеспечен.

Если хозяйственный подъем Низовья до какой-то степени объясняет нам богатство XIX царского дома, то его могущество могло быть обусловлено не в меньшей мере и другими причинами, возможно даже более вескими, чем подъем низового хозяйства. Продолжавшийся напор на общественные верхи со стороны простолюдинов и возвышение северного Египта в ущерб Нии (Нэ) высвобождали царя из-под опеки знати, в первую очередь господствующих кругов южной столицы, придавали ему большую самостоятельность. Да и сама знать, как и прочие любители легкой наживы за чужой счет, чтобы отстоять сиро-палестинские владения, нуждались в сильной верховной власти, особенно перед лицом такого противника, как государство Хатти.

Солнцепоклоннический переворот оставил заметный след и в духовной жизни страны, в частности в изобразительном искусстве и особенно письменности.

До Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV на изображениях в храмах цари, их боги и даже подданные (последние в поминальном храме Хи-шапсау (Ха-шепсове)), держались и двигались торжественно и размеренно, располагаясь относительно друг друга в строгом и чинном порядке. Если не считать изображений красноморского похода Хи-шапсауы (Ха-шепсове), царские победы на стенах храмов увековечивались более чем условно: царь избивал врагов перед Аманой (Амуном), покоренные местности олицетворяли связанные пленники, по пояс прикрытые каждый ободком с названием представляемой местности. В солнцепоклоннических храмах еще до основания новой столицы, а также в ней самой живая действительность, прорвав все условности, бурным потоком влилась в изображения. Люди, животные, даже неодушевленные вещи пришли в стремительное движение. От прежних величавой размеренности и исполнительской тщательности мало что осталось. И вот при Сутайе (Сетойе) I не где-нибудь, а на стенах самого государственного храма Аманы (Амуна) в Апа-сауе (Эп-эсове, нынешнем Карнаке), мы видим первые опыты изображения военных событий в столь торжественном месте, если и не всегда так, как они происходили, то все же с сильным приближением к действительности. При Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) II храмовые стены покрываются огромными «полотнами», живописующими со множеством подробностей военные действия — много точнее, чем длинные сопроводительные надписи! В смысле живости в передаче движений и богатства частностями эти резные каменные «полотна» перекликаются с храмовыми изображениями солнцепоклоннической поры. Даже условные изображения единоборства пешего царя с отдельными противниками «оживают» при Сутайе (Сетойе) I и особенно Риамасэ-се (Ра-месэ-се) II, выразительно передавая стремительность действия.

Очень любопытны стенописи в гробницах зажиточных кладбищенских мастеров в Нии (Нэ). Наряду с изображениями чисто потустороннего порядка, здесь имеются очень красочные, очень живые росписи, поразительно непринужденно передающие повседневную жизнь. Такой своей вольностью и непосредственностью гробничная живопись простых современников XIX царского дома несколько напоминает искусство той поры, когда впервые стали «зиждить» простолюдинов. Впрочем, иные бытовые изображения второй половины Нового царства кажутся прямо-таки сошедшими с солнцепоклоннических памятников.

При предшественниках Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV надписи составлялись обыкновенно на среднеегипетском языке, несмотря на то, что для современников XVIII царского дома среднеегипетский был уже мертвым языком, а разговорным был новоегипетский, представлявший дальнейшую ступень в развитии египетского языка и отличавшийся от среднеегипетского, как, скажем, итальянский от латинского. Разрыв со стариной при Аман-хатпи (Амен-хотпе) IV потряс и засилие ее искусственного языка в надписях, привел к широкому проникновению в них

◂ *Голова статуи Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II из Мемфиса, XIX династия*

▲ *Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) III на охоте, рельеф из Мединет Абу, XIX династия*

новоегипетского языка вплоть до самых торжественных славословий солнцу. При преемниках Аман-хатпи (Амен-хотпа) IV, во вторую половину Нового царства, новоегипетский язык победил полностью, и тогда окончательно сложилась новоегипетская художественная письменность.

Если судить по случайно уцелевшим рукописям (папирусам) времени XVIII царского дома, тогдашние писцы больше переписывали художественные произведения Среднего царства, нежели сочиняли сами. Напротив, многочисленные рукописи, дошедшие до нас от времени XIX и XX царских домов, содержат множество произведений, написанных на живом новоегипетском языке. Художественная письменность второй половины Нового царства не была однородной в общественном смысле. В ней можно различить более народное и менее народное течение, хотя о принадлежности отдельных произведений к тому или к другому можно спорить.

К более народному течению хочется отнести сказки о двух братьях, об обреченном царевиче, о Правде и Кривде. Сказка о двух братьях начинается с пространного и красочного бытового рассказа о селянине, его неверной жене и целомудренном младшем брате, живущем при нем и работающем на него. В ходе повествования младший брат претерпевает ряд бед и волшебных превращений, пока, наконец, не вступает на египетский престол, который, умирая, оставляет старшему брату. Сказитель заставляет царя, при котором происходят превращения младшего брата, не только браниться по-обывательски с прачешником, но и совершать одно за другим злодеяния. Брата-оборотня трижды умерщвляют по приказу фараона (раз даже в образе быка, признанного священным!). В одном случае зачинщиком злодеяния выставлен сам царь, в двух других — царская возлюбленная, бывшая супруга меньшего брата. А добывает она расположение оба раза, напоивши царя. Так изображать фараона было, конечно, не в обычае у придворных сочинителей.

В сказке об обреченном царевиче сын египетского царя, путешествуя по Сирии, встречает мощных княжичей, добивающихся руки месопотамской царевны. Княжичи вежливо и ласково обходятся с безвестным путником. В сказке нет и тени заносчивого глумления над иноземцами, которого столько в надписях фараонов. Царевич выдает себя за несчастного сына египетского колесничего и один из всех достигает высокого окна царевны. Но ее отец, царь Междуречья, т. е. Митанни, не желает отдать свою дочь безродному парню. Только повторное заступничество царевны, грозящейся умереть, если у нее отнимут любимого, спасает юношу от изгнания и смерти. Но и в час величайшей опасности, мало того — даже после вынужденного согласия месопотамца на брак, царевич упорствует в своей выдумке, продолжает выдавать себя за худородного беглеца. Сказителю, видимо, претит высокородное чванство в брачных делах.

Судебную волокиту и лицеприятие судей, от которых столько терпели бедняки, обличает сказка о Правде и Кривде. Главное действующее лицо — внебрачный сын знатной особы и несчастного Правды, пострадавшего от Кривды и судей. Школьные товарищи издеваются над мальчиком, который не знает, кто его отец. Отрок узнает от матери, что его отец — слуга в ее доме, и негодует, что родитель содержался в черном теле. Сын выказывает Правде всяческое почтение, но добиться от судей осуждения Кривды мальчику удается лишь путем уловки.

Иное впечатление оставляют сказки о взятии города Йапу (Яффы), о столкновении властителя Нии (Нэ) Сакнан-рии (Секн-рэ) с «*властителем стран*» Апапи (Апопе), о верховном жреце и призраке. Первая сказка прославляет «*подвиг*» полководца Дхут-маси (Тхут-мосе) III Дхаути (Тховта), овладевшего хитростью палестинской крепостью. Бездушно жестокая по отношению к иноземцам, эта сказка звучит местами, как высокопарная царская надпись. В том виде, в каком дошла до нас сказка, она вряд ли могла выйти из среды простых воинов: сказитель молчит о их «благоприобретениях» и наградах, зато восхищен добычей, что выпала на долю царя и Аманы (Амуна). Во второй сказке — возможно, под впечатлением борьбы с солнцепоклонниками — размолвка между правителями оборачивается столкновением их богов. Иноплеменный фараон Апапи (Апопе) чтит на солнцепоклоннический лад из всех египетских богов одного Суту (Сэта), Сакнан-риа (Секн-рэ) же полагается только на «*Аману-Рию* (Амуна-Рэ), *царя богов*». Сута (Сэт) пользовался особым вниманием у XIX царского дома и в новоявленной северной столице. Это одно уже могло вызвать нерасположение к Суте (Сэту) у жречества Аманы (Амуна) и в Нии (Нэ) вообще. В сказке о верховном жреце и призраке собеседники, живой и мертвый, — сановитые люди. Они поглощены вопросами заупокойного порядка и ведут беседу торжественным слогом.

Не производит впечатления народных произведений большинство любовных стихов. Многие из них принадлежат к лучшим созданиям новоегипетской словесности, но быт, отраженный в них, слишком часто не похож на народный (замок, сад с иноземными деревьями, садовники, привратники, рабы, тончайшее полотно и т. п.).

Неприязнь храмовой знати к воинству отразила, по всей видимости, неоднократно упоминавшаяся нами повесть о битве под Кидши (Кадешем). Наперекор действительному ходу событий воины фараона выставлены поголовно трусами. Они оставили царя одного посреди вражеских полчищ и вернулись к нему лишь после того, как он разгромил неприятеля. Повесть заставляет фараона горько упрекать воинов в черной неблагодарности по отношению к нему, их благодетелю, осыпавшему их, прежних «*сирот*», всевозможными милостями. По повести победа над Хатти была одержана Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) с помощью одного

Аманы (Амуна). К нему в отчаянии воззвал Риа-масэ-са (Ра-месэ-с), напоминая оказанные им, царем, услуги, и Амана (Амун) внял его зову и пришел на помощь. Сочинитель, очевидно, хотел сказать, что, в отличие от воинов, Амана (Амун) умеет быть благодарным. Расходы на воинство-де не оправдали себя, дарения же Амане (Амуну) окупились сторицей. Повесть обнародовал, несомненно, фараон, но рука жреческого сочинителя чувствуется в ней довольно отчетливо. Она была начертана на стенах нескольких храмов в придачу к военным изображениям, хотя на самих изображениях боя Амана (Амун) отсутствует. Все говорит за то, что из солнцепоклоннической столицы двор переехал не обратно в Нии (Нэ), а на север, в Мэмфи (Мэнфе, Мемфис греков). По всей видимости, Мэмфи (Мэнфе) оставался местом пребывания двора и при ближайших преемниках Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна), Айе (Эйе) и Хар-ма-ху (Хар-м-ха). В Мэмфи (Мэнфе) подолгу проживал и Сутайа (Сетой) I, возможно, при нем уже в северо-восточном углу низовья возник город, ставший под именем Пи-Риа-масэ-са-Маи-амана — «*Дом Риа-масэ-сы, возлюбленного Аманой*» (Пэ-Ра-месэ-с-Ми-амун) местожительством Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II. Новая столица была приморским и приграничным городом. Отсюда отходили морские корабли, здесь производили смотр войскам, отсюда выступали в поход. Тут, по меньшей мере, иногда имел местопребывание верховный сановник, так называемый визир. Придворные и школьные сочинители на все лады воспевали величие и природные богатства города. Его местным божеством был Сута (Сэт), состоявший в большой чести у XIX царского дома. Из остальных египетских и иноземных богов, чтившихся в городе, первое место занимал Амана (Амун). Словно взагладку выдвижения Суты (Сэта), Сутайа (Сетой) I и Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II ревностно строили и обогащали храмы в городе Усири (Усире) Абаде (Еботе, Авидосе греков; считалось, что Усири (Усире) был убит Сутой (Сэтом)).

Возвышение северных городов в ущерб Нии (Нэ) нисколько не означало, что за Градом Южным не признавали первенствующего положения. Цари часто наезжали в свою южную столицу, праздновали там праздники Аманы (Амуна), погребались на тамошнем царском кладбище. Местные стихотворцы как ни в чем не бывало прославляли торжество своего города и гибель противника Аманы (Амуна). Быть может, никогда прежде так охотно не оттенялось величие «*Уисе* (т. е. Нии) *победоносного*», как во вторую половину Нового царства, когда господство города Аманы (Амуна) было на деле поколеблено. Еще никогда в Нии (Нэ) исполинские громады храмов так не росли и не разрастались, как в это время, свидетельствуя о несокрушенном могуществе местной храмовой знати. Однако новые царские столицы, равно как и бесчисленные вельможеские гробницы, одна за другой поднимавшиеся на кладбище Мэмфи (Мэнфе), красноречиво говорили о перемещении придворной жизни и высшего государственного управ-

ления с юга на север. Переселение двора в Низовье нельзя объяснить одним только желанием быть поближе к Сирии в годы борьбы с Хатти. Подобные побуждения явно не владели последними представителями XVIII царского дома, с которых, однако, это переселение началось. Решающее значение имели, скорее, непоправимый урон, нанесенный граду Аманы (Амуна) царем-солнцепоклонником, усиление северных городов и нежелание царей отдаться снова под опеку слишком сильной знати Нии (Нэ).

Крупнейший город севера Мэмфи (Мэнфе) стал при XIX царском доме своеобразным двойником Нии (Нэ), а городской бог Мэмфи (Мэнфе) Птах — прямым соперником Аманы (Амуна). Уже Сутайа (Сетой) I считал возможным носить добавочное имя Мар-ни-птах (Мер-не-птах) — «*Тот, кого возлюбил Птах*» и не упоминать в своем общепринятом царском прозвании ни единым словом об Амане (Амуне). Это «Мар-ни-птах (Мер-не-птах)» было далеко не пустым для ушей современников: на некоторых памятниках в Нии (Нэ) оно предусмотрительно заменено именем Мар-ни-Амана (Мер-н-амун) — «*Тот, кого возлюбил Амана* (Амун)». Именно таким образом на памятниках, так или иначе связанных с почитанием Усири (Усире, Осириса греков), имя «Сутайа (Сетой)», носимое царем в честь Суты (Сэта), убийцы Усири (Усире), заменяли другим, искусственно для того сочиненным. При Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) II любимый сын его Ха-ма-уиса (Ха-м-висе) состоял верховным жрецом Птаха в Мэмфи (Мэнфе) и выказал себя там ревностным обновителем древних сооружений. Еще дальше пошел в смысле выдвижения Птаха и вместе с ним его города преемник Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II фараон Мар-ни-птах (Мер-не-птах) (вторая половина XIII века).

Он был уже пожилым человеком, когда за смертью одного за другим старших наследников престол достался ему (Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) II, процарствовав 67 лет, пережил многих своих сыновей). Новому фараону вскоре пришлось принять решительные меры для отражения надвигавшейся с запада беды. Уже некоторое время Нижний Египет страдал от наплыва ливийцев, доходивших до его восточной окраины. Даже большие города заперли свои ворота, сами храмы терпели недостаток в жертвенных припасах, население бежало с насиженных мест, когда весною 5-го года царствования Мар-ни-птаха (Мер-не-птаха) главные силы ливиян ринулись вниз с плоскогорья на колосящиеся пажити Низовья. Во главе союзных племен стояли собственно ливийцы под предводительством Марайи, сына Диды. Ливийские полчища шли не одни. К ним примкнули отряды «*морских*» племен: Акайваша (ахеян?), Турша (тирсенов), Луку (ликиян), Шердани (сардинян?) и Шакалша (сикулов?). Египетское войско в составе пехоты и колесниц сошлось с неприятелем у царской усадьбы на западной границе не то Низовья, не то северной части Верхнего Египта. Шесть часов длилась кровопро-

литная схватка. До восьми с половиной тысяч вражеских трупов усеяли бранное поле. Союзные полчища были разбиты наголову. Египетские колесницы преследовали бегущих. Марайа, босой, без колчана и лука, потеряв и перо с головы, глубокой ночью проскользнул мимо пограничной крепости и скрылся в пустыне. Свыше девяти тысяч пленных взяли египтяне, в том числе жен Марайи. Победителям досталось много скота, оружия, утвари. Опустошенные кожаные шатры вражеского стана были сожжены. Кое-какую добычу доставили на ослах во дворец, и фараон из окна обозрел ее, в частности кровавые груды рук и других частей тела, отрубленных у павших врагов.

Первую волну переселения народов запада и севера Египет отразил. Возможно, пользуясь тем, что внимание египтян было отвлечено иноплеменным нашествием, подвластная им Палестина пришла в движение. Мар-ни-птах (Мер-не-птах) хвалился ее замирением: «*Доставлен был Ашкулуна* (Аскалон), *схвачен был Газри* (Гезер, Газер), *Йануамма* (Иеноам) *сотворен не существующим, Йисраэл* (Израиль) *опустошен, так как нет семени его*».

Победа над ливийцами была воспета в длиннейших надписях, но примечательно то, что Амана (Амун) в них упомянут почти только из вежливости. Главное место в изложении событий было отведено Птаху. Это он-де явился во сне фараону и вручил ему меч на одоление врагов, тот самый победный меч, который прежние цари, да и сам Мар-ни-птах (Мер-не-птах), на некоторых изображениях принимали из рук Аманы (Амуна). Бесспорно, опасность грозила прежде всего городам Птаха и Рии (Рэ), Мэмфи (Мэнфе) и Ане (Ону, Илиополю греков), но что рассказ о всепобедном вмешательстве Птаха мог быть начертан в Нии (Нэ) на стене храма в Апа-сауе (Эп-эсове, современном Карнаке), в самом средоточии почитания Аманы (Амуна), выглядит, как-никак, вызывающе. Фараон с детства носил имя в честь Птаха (Мар-ни-птах (Мер-не-птах) — «*Тот, кого возлюбил Птах*»). Не довольствуясь этим, царь провозгласил себя во втором члене своего государственного прозвания «*воссиявшим, что Птах, из сотен тысяч*», к чему иногда добавлялось, «*чтобы установить законы добра в Египте*». С оглядкой на южную столицу Мар-ни-птах (Мер-не-птах) принял в качестве второстепенного имени наименование «Маи-амана (Ми-амун)» — «*Возлюбленный Аманы* (Амуна)». Однако вне Нии (Нэ) царь очень охотно отказывался и от этого единственного намека на Аману (Амуна) в своем государственном прозвании, величая себя взамен «*возлюбленным богов*». В Мэмфи (Мэнфе) был откопан обширный двор Мар-ни-птаха (Мер-не-птаха) с великолепной престольной палатой, отделанной золотом и изразцами.

Последний известный год царствования Мар-ни-птаха (Мер-не-птаха) — 8-й. Престол наследовал его сын Сутайа (Сетой) II, еще при жизни престарелого отца правивший за него страною. Но и новый царь оказался недолговеч-

ным: он умер на 6-м году своего царствования. Со смертью Сутайи (Сетойя) II началась едва ли не самая бурная пора Нового царства. К несчастью, известий о несомненно значительных событиях этого времени сохранилась чрезвычайно мало.

Видимо, непосредственно после Сутайи (Сетойя) II на престоле оказался некий Аман-масэ-са (Амен-месэ-с), отношение которого к царствующему дому совершенно неясно. Своими именами престольным и личным Сутайа (Сетой) II воздавал как бы равную честь четырем государственным богам того времени, во славу которых, как мы видели, были названы и четыре главных подразделения войска Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II. Престольное имя Сутайи (Сетойя) II звучало Уас-хуру-риа Маи-амана (Вес-шепр-рэ Ми-амун) — «*Мощен явлениями Риа* (Рэ)», «*Возлюбленный Аманы* (Амуна)», личное имя было — Сутайа Мар-ни-птах (Сетой Мер-не-Птах) — сокращение какого-то имени в честь Суты (Сэта) и «*Тот, кого возлюбил Птах*». Вместо такого ровного отношения к божествам четырех главных городов царское прозвание Аман-масэ-сы (Амен-месэ-са) отдает внезапно и резко полное предпочтение южной столице и ее богу. Само имя «Аман-масэ-са» (Амен-месэ-с) уже означает «*Амана* (Амун) — *родивший его*». Нисколько не довольствуясь этим, фараон извлек из полузабвения излюбленное наименование царей XVIII дома «*властитель Уисы* (Висе, т. е. Фив греков)», малоупотребительное в предшествующие царствования XIX дома, и присоединил в качестве постоянного придатка к «Аман-масэ-са». Далее царь принял как второй член своего пятичленного царского прозвания соответствующее имя восстановителя величия Нии (Нэ) Хар-ма-ху (Хар-м-ха): «*Большой дивными* (делами) *в Апа-сауе* (Эп-эсове, современном Карнаке)». В довершение всего фараон именовал себя иногда еще Маи-амана (Ми-амун), т. е. «*Возлюбленным Аманой* (Амуном)». За малочисленностью памятников этого царствования оно не могло быть долгим и мы, в сущности, о нем почти ничего не знаем, помимо поразительного и одностороннего пристрастия к Нии (Нэ) и Аману (Амуну), выраженного в царском прозвании.

Последним мужским представителем XIX царского дома на египетском престоле был Си-птах. Имеются некоторые, хотя и далеко не прочные, основания предполагать, что он не мог быть сыном Аман-масэ-сы (Амен-месэ-са). В гробнице Си-птаха были найдены обломки погребальной обстановки похороненной там жены царевой и матери царевой Тиа (Тэйе). Всего проще счесть эту царицу за жену Аман-масэ-сы (Амен-месэ-са). Си-птах вступил на престол мальчиком, и на первых порах его царское прозвание напоминало по уравновешенности прозвание Сутайи (Сетойя) II. После солнцепоклоннического переворота при XIX царском доме Амана (Амун) был вынужден уже делить первенство среди богов Египта с божествами древних больших городов Низовья Мэмфи (Мэнфе) и Аны (Она, Илиуполя греков) Птахом и Рией-Харой-Небосклонным (Ра-Хар-

Ахтом). Престольным и личным именами Си-птаха была возведена честь всем трем первенствующим богам государства. «Саха-ни-риа Маи-амана (Саш-не-рэ Ми-амун)» значило «*Тот, кому дал воссиять Риа* (Рэ), *возлюбленный Аманы* (Амуна)», а «Риа-масэ-са Си-птах (Ра-месэ-с Си-птах)» значит «*Риа* (Рэ) — *родивший его, сын Птаха*». Однако вскоре царские имена были коренным образом преобразованы — преобразованы настолько основательно, что первоначально ученые раздвоили Си-птаха в двух разных царей. После переделки личное имя царя оказалось целиком в честь Птаха, так что более «своим» для Мэмфи (Мэнфе), чем в своем новом виде, этому имени нельзя было и стать. Из престольного же имени исчезло «Маи-амана (Ми-амун)», мало того, «Саха-на-риа (Саш-не-рэ)» было изменено в «Ах-на-риа (Эх-не-рэ)» — «*Благой для Рии* (Рэ)», что звучало уже прямым вызовом Амане (Амуну) и его городу. Стоило заменить слово «Риа (Рэ)» другим обозначением солнца — «Йати (Йот)», и воскресало страшное для Нии (Нэ) имя «Ах-на-йати (Эх-не-йот)», имя смертельного врага Аманы (Амуна), имя «*супостата из Ах-йати (Ах-йота)*»! И словно нарочно для того, чтобы оттенить, в чью сторону глядит фараон, зловещему «Ах-на-риа (Эх-не-рэ)» придавали подчас слова «*творящий правду*» — наименование тоже отверженного третьего преемника Ах-на-йати (Эх-не-йота) Айи (Эйе). Вместо «Маи-амана (Ми-амун)» в престольном имени появилось «Сатип-на-риа (Сетп-не-рэ)» — «*Тот, кого избрал Риа* (Рэ)». На памятниках мы находим имя Мар-ни-птаха Си-птаха (Мер-не-птаха Си-птаха) проставленным поверх изглаженного имени Аман-масэ-сы (Амен-месэ-са) подобно тому, как сам Аман-масэ-са (Амен-месэ-с) поступил с именем своего предшественника Мар-ни-птаха (Мер-не-птаха). Если из всех этих намеков и указаний, почерпнутых из царских прозваний конца XIX дома, можно вывести какое-нибудь заключение, то, пожалуй, только одно: последние царствования XIX дома были временем обострения давно назревавшего разлада между Градом Южным (Нэ, т. е. Фивами греков) и окрепшим севером во главе с его древней столицей Мэмфи (Мэнфе). Но столкновение юга и севера не следует сводить к простому соперничеству разных частей страны. Разлад между ними мог иметь глубокий общественный смысл. Если юг оставался оплотом родовитой и жреческой знати, то в Низовье сосредоточилось воинство, состоявшее, по словам Риа-масэ-сы (Рамесэ-са) II в повести о битве при Кидши (Кадеше), из бывших «*сирот*». Спор между знатью и «*сиротами*», спор затяжной, начатый в солнцепоклоннический переворот и продолженный Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) II, этим в известном смысле «правоверным» Ах-на-йати (Эх-не-йотом), мог разыграться с новой силою к концу XIX царского дома. Столь по-солнцепоклоннически звучавшее «Ах-на-риа (Эх-не-рэ)» Си-птаха, представителя севера в междоусобной борьбе, стало б тогда особенно понятным.

Позднейший известный нам год правления Си-птаха — 6-й. Затем власть перешла ненадолго ко вдове Сутайи (Сетойя) II царице Та-уасе (Та-восре), и XIX царский дом кончился (около 1200 г.).

Как ничтожно мало мы знаем о событиях последних лет этого дома, показывает рассказ о них, увы, досадно краткий, включенный в пространный отчет заупокойного назначения о деяниях второго царя нового XX дома Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III (так называемый большой папирус Харрис).

«*Сказал царь Уас-муа-риа Маи-амана* (Уср-ма-рэ Ми-амун, т. е. Риамасэ-с (Ра-месэ-с III)), *бог большой, сановникам, предводителям земли, пехоте, коннице* (т. е. колесничному воинству), *шердани, полкам многим, жителям всем земли* (т. е. населению) *Земли Египетской: "Слушайте-ка, дам я уведать вам о моих благодеяниях, сотворенных мною,* (когда) *был я царем народа.*

Была Земля Египетская (т. е. египетское государство) *выкинута наружу,* (и) *муж всякий пред*(*оставлен?*) *себе,* (затем что) *не* (было) *им уст верховных* (т. е. начальника) *годы многие прежде до времен других,* (и) *была земля Египетская* (представлена) *сановниками* (и) *властелями городов,* (и) *один убивал второго своего* (т. е. другого).

Другое время объявилось после того, годы пустые, (и) *был Ар-са, один сириец, у них за великого,* (и) *вдал он землю до края ее* (т. е. весь Египет) *в подать перед собою,* (и) *один соединялся с при*(*ятелем*) *своим* (т. е. соединялись друг с другом), (чтобы?) *грабить вещи их,* (и) *сотворили они богов как бы людьми,* (так что) *не правились жертв*(*оприношения*) *внутри храмов.*

(Что) *же до богов,* (то) *обратились они к миру* (т. е. к милости), *чтобы дать земле* (быть) *предо*(*ставленной?*) *себе согласно состоянию ее верному,* (и) *они поставили сына своего, происшедшего от плоти их, во властителя земли всякой на место их великое* (т. е. на свой престол), *Уас-хау-рию Сатит-на-рию Маи-аману* (Уср-ша-рэ Сетп-не-рэ Ми-амуна), *сына Рии* (Рэ) *Сута-нахти Мрар-аману* (Сет-нашта Мрэр-амун), (и) *был он явлением Суты* (Сэта), (когда) *ярится он,* (и) *он выправил землю до края ее, бывшую мятежной,* (и) *он убил злоумышленников, бывших в Земле Египетской,* (и) *он очистил престол большой Египта,* (и) *был он властителем обеих земель* (т. е. Египта) *на месте Атамы* (Атома), (и) *он дал лицам* (быть) *выправленными, после того как были они отвергнутыми,* (так чтобы) *уведал муж всякий брата своего,* (после того как) *были они отгорожены* (друг от друга), (и) *он* (*вос*)*становил храмы в обладании жертвами божьими* (т. е. имуществом, обеспечивающим жертвоприношения), *чтобы править* (жертвы) *девятке* (богов) *согласно уставу их,* (и) *он назначил меня наследником на престоле Гебы* (Кэба, египетского бога земли)"» и т. д.

Большая часть того, что рассказано в этом отрывке, известна нам только из него. Но кое-что перекликается с другими источниками. Если по противоречивым прозваниям царей конца XIX дома можно заключить о напряженной борьбе между ведущими городами юга и севера, то в обстановке ее легко могли поднять голову и второстепенные города, местная знать вообще, и египетской государственности грозило распыление, говоря словами переведенного отрывка, «*по сановникам и властителям городов*». А если борьба юга и севера была прежде всего борьбою знати и «*сирот*», то становятся понятны и слова отрывка, что «*один убивал другого, знатные* (и) *убогие*». Если, наконец, «*годы пустоты*(?)» означает «*годы нехватки*», то одно из государственных наименований Си-птаха, как будто бы недвусмысленно свидетельствует о том, что вопросы нильского разлива волновали умы, были жгучими вопросами для государства. При самом воцарении, еще будучи Ра-масэ-сой (Ра-месэ-сом), не Мар-ни-птахом (Мер-не-птахом), юный фараон был провозглашен в первом же имени своего пятичленного царского прозвания «*возлюбленным Половодья, животворящим землю всякую питанием своим повседневно*». И слова «*возлюбленный Половодья*» царь сохранил в своем первом имени и после переименования в «Мар-ни-птаха» (Мер-не-птах). «Нильское» имя Си-птаха стоит совершенно особняком в ряду фараоновских наименований Нового царства. Положение в стране, вполне возможно, осложнялось еще недостаточным разлитием Нила.

О загадочном сирийце, завладевшем верховной властью и, быть может, даже воцарившемся, если престол «*очищали*» от него, мы ниоткуда больше ничего не слышали. В те времена в Египте было много сирийцев, и не только рабов, но и воинов и придворных. Кое-кто из сирийцев достигал даже влиятельного положения при дворе. Советскому ученому Д. Г. Редеру принадлежит существенное наблюдение, что сирийцы, многочисленные в новоегипетском войске, до конца XX-го дома из войска исчезают. Из этого Д. Г. Редер сделал весьма правдоподобный вывод, что сирийские воины фараонов были замешаны в бурных событиях конца XIX дома. Что касается имени «сирийца», то оно должно быть неегипетским ввиду сопутствующего ему знака-определителя, именно палицы, проставлявшейся после имен иноземного порядка. Если б не правописание, «Ар-са» (Арсу) можно было б понять по-египетски как «*Сотворивший себя*», т. е. «*выскочка*», «*самозванец*».

О Сута-нахти (Сет-наште), восстановившем «*порядок*», перебившем «*злоумышленников*» и основавшем XX царский дом, мы узнаем кое-что и из других источников. Похоже на то, что египетская государственность была далеко не так разрушена, как представлено в приведенном отрывке, и тем самым восстановить ее было не так уж трудно. Верховный сановник Хара (Хори) был унаследован XX царским домом от Си-птаха. Новый фараон истреблял память Си-птаха, впрочем, одновременно с памятью царицы Та-уасы (Та-восе), и необычным образом в

государственном своем прозвании дважды наименовал себя любимцем Аманы (Амуна): «Маи-аманой (Ми-амуном)» — «*Возлюбленным Аманы* (Амуна)» и «Мрар-аманой (Мрэр-амун)» — «*Любимым Аманой* (Амуном)». Это могло бы указывать на то, что своим торжеством Сута-нахти (Сет-нашт) был обязан в первую очередь Граду Южному и, следовательно, знати. То, что победа Сута-нахти (Сет-нашта) была ее победой, можно подтвердить и куда более вескими соображениями.

При XX царском доме из египетского войска выбывают не одни сирийцы. Заметно убывает и число воинов-египтян. В том самом заупокойном отчете, отрывок которого мы перевели, тому же Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) III, второму представителю нового царского дома, вложены в уста и такие слова: «*Я выправил вашу* (т. е. «*богов, богинь, владык неба, земли, вод*») *рабочую силу, пополнил я их людьми многими. Не добывал я людей в* (количестве) $^{1}/_{10}$ *из храмов богов всех, затем те* (т. е. прежние) *цари творили то, чтобы назначить их в пехоту и конницу* (т. е. колесничное войско). *Сотворил я указы, чтобы упорядочить их на земле, царям, имеющим объявиться после меня*». Храмовое хозяйство при Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) III было очень многолюдным, так что $^{1}/_{10}$ храмовой рабочей силы составляла великое множество людей. Отказываясь от набора в войско каждого десятого работника храмов, как то делалось прежде, царь должен был пополнять воинство другими людьми. И ими были иноплеменники, прежде всего ливияне. Те, кого с таким напряжением сил египетское государство одолело в бранной схватке, превращались в основу его воинской силы. Роковые последствия подобного мероприятия не замедлили сказаться. Опасность его вряд ли могла быть тайной для правителей, и если они на то все-таки пошли, то египтяне в войске представлялись им, видимо, всего опаснее.

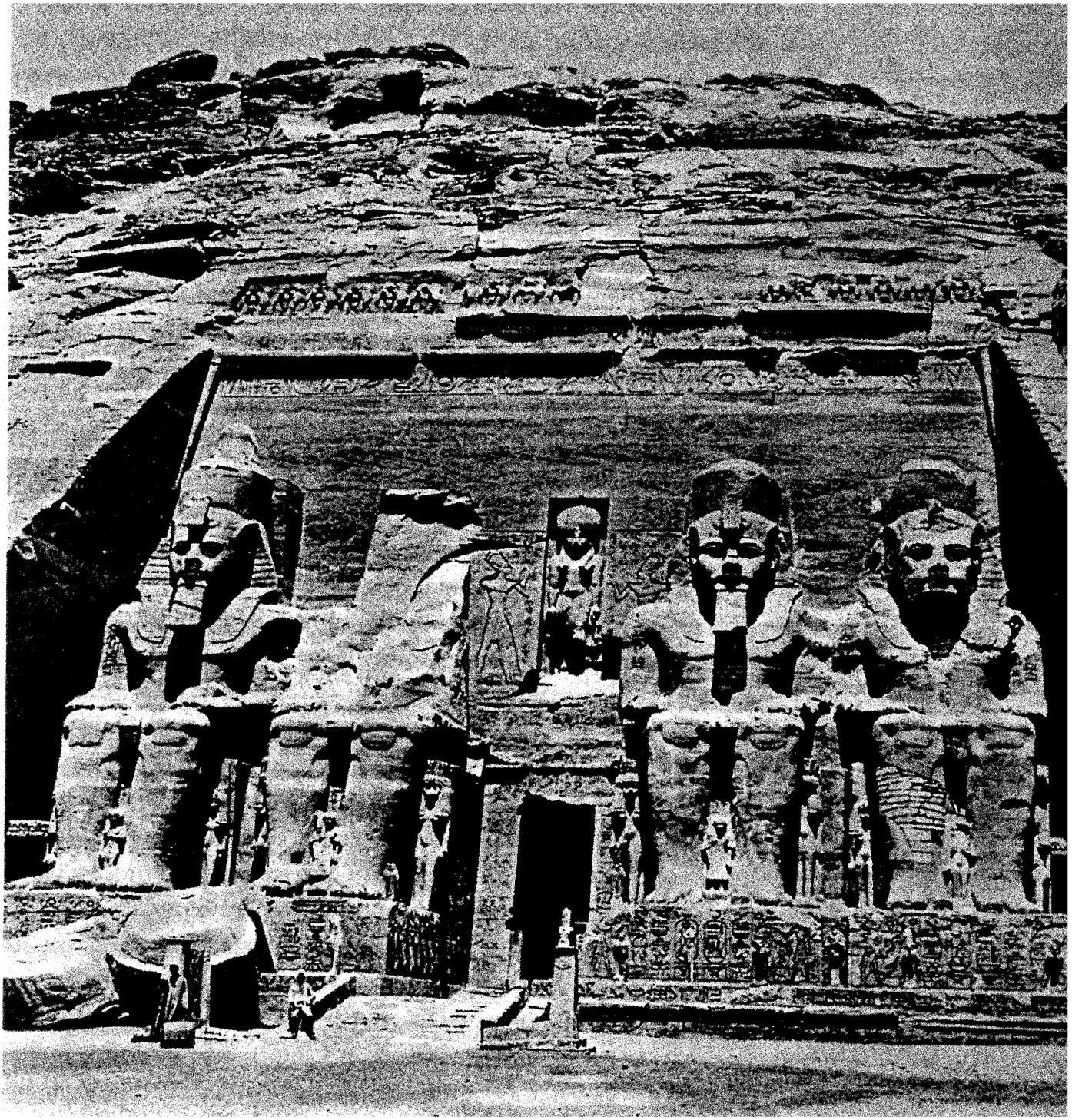
По словам Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II, воины до обогащения их им были «*сиротами*». И вот, с воцарением XX дома, прежнее «сиротолюбие» иссякает в сердцах фараонов. Цари перестают печься о «*сиротах*». Голоса вельмож, славящих властелина за воздвижение из ничтожества, из «сиротства» как их самих, так и «*сирот*» вообще, неожиданно смолкают. Одновременная убыль египтян в войске и «сиротолюбия» в царских сердцах настолько подозрительны, что трудно не поставить то и другое в связь между событиями, предшествовавшими воцарению XX дома. Что если действительно вековая борьба между знатью и простолюдинами достигла предельного накала и обострения к концу XIX царского дома и кончилась разгромом «*сирот*» и торжеством знатных? А такой исход борьбы не означал ли бы конца поступательного развития Египта в том направлении, в котором оно неизменно шло с конца Старого царства? Поражение наиболее воинственной части общества и недоверие к ней победившей знати не могли не сказаться на боеспособности государства. Лишенная основной своей движущей силы,

раздираемая внутренней усобицей, военная держава Нового царства должна была быстро прийти к концу.

На первых порах восстановленный XX царским домом государственный строй выглядел довольно прочным. Под натиском со стороны «*сирот*» и их вооруженного представителя — египетского воинства южная и северная знать должны были отложить на время междоусобные споры. Временному закреплению восстановленного «*порядка*» не могла не способствовать необходимость обороняться от внешнего врага, ливиян и морских племен, в которую вскоре были вовлечены все слои египетского общества. Однако соперничество севера и юга нисколько не было изжито. Противоречия между возвысившейся северной знатью и отстающей южной нисколько не сгладились, хотя на место египетского воинства в северной половине государства становилось воинство ливийское, не имевшее тех глубоких корней в народе, что имели египетские воины.

Преемник Сута-нахти (Сет-нашта) Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) III, принимавший еще престолонаследником участие в управлении страною, был последним крупным воителем Нового царства. Внешне мало похожий на Риа-масэ-су (Ра-месэ-са) II, низкорослый и коренастый, он старательно подражал ему даже в мелочах. Но на долю подражателя выпали не столько шумные «подвиги» в Сирии-Палестине, сколько суровая оборона государства от надвигавшейся на него смертельной опасности. При Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) III на Египет несколько раз набегали волны великого переселения народов, ливиян и морских племен, первый натиск которых был некогда отражен Мар-ни-птахом (Мер-не-птахом). Но если последнему пришлось иметь дело лишь с передовыми ополчениями переселенцев, то теперь на Египет шли уже целые вооруженные племена с обозом, женами, детьми.

Покинув средиземноморские острова и побережья, морские народы двигались с севера вдоль сирийского берега. Часть воинских сил сопровождала женщин и детей, ехавших в повозках, запряженных быками, другая плыла по морю на парусных судах со вздыбленными вверх носом и кормою. То была грозная сила, опустошившая на своем пути царство Хатти, Кипр и Сирию. По составу переселяющихся племена значительно отличались от нападавших на Египет при Мар-ни-птахе (Мер-не-птахе). Среди них не было уже Акайваша (ахеян?) и Луку (ликиян), но зато наряду с прежними Шакалша (сикулами), Шердани (сардинцами?) и Туриша (тирсенами) выступали новые имена: Пуласати (филистимляне), Джаккара, Данона (данайцы) и Уашаша. Основную воинскую силу составляли филистимляне и Джаккара. Передовые отряды переселенцев напали на Египет с моря и с суши, быть может, еще в 8-м году царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III одновременно с ливиянами, однако решительная схватка с морскими народами произошла не тогда, а позже. В 8-м году царствования Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) III встретил врага в Сирии и нанес ему жестокое поражение на суше. В



▲ *Фасад скального храма в Абу Симбеле, XIX династия*

том же году фараон дал переселенцам большую битву на море. Сражение произошло около какой-то «Башни», неизвестно только, в Финикии ли или — что много вероятнее — в одном из устьев Нила. Египетские суда осыпали неприятельские градом стрел, местами корабли сходились вплотную и противники дрались врукопашную. Фараон стоял на берегу, окруженный военачальниками, и вместе с размещенными впереди лучниками стрелял по вражеским судам. Египтяне остались победителями. Неприятельские корабли с покрившимися парусами, а то и вверх дном, плавали посреди мертвых и живых пришельцев, попадавших в воду. Живых египтяне вылавливали на свои суда или вытаскивали на берег, где их связывали и угоняли толпами. Успехи, одержанные Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) в эту войну, были настолько решительными, что в дальнейшем уже ничего не слышно о нападении на Египет морских народов. Разбитые филистимляне и Джаккары вынуждены были удовольствоваться палестинским берегом, где они поселились, видимо, с «милостивого» дозволения египетского царя.

Вторжение ливиян в 5-м году царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III по своим размерам значительно превосходило отраженное Мар-ни-птахом (Мернe-птахом). Как и тогда, военному столкновению предшествовало постепенное проникновение ливиян в Нижний Египет. К 5-му году они широко распространились по западной половине Низовья. В кровопролитной битве Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) полностью разгромил ливийские полчища. Свыше двенадцати с половиной тысяч ливийских трупов усеяло поле сражения. Первые места среди союзных ливийских племен принадлежали собственно ливиянам и максиям (машвеш). Последние повторили нападение в 11-м году царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са), но то, что не удалось союзу племен, не удалось, естественно, одному племени. Максии были разбиты и бежали, преследуемые египтянами. Около 2200 ливиян пало в битве, свыше 2000 было взято в плен, причем около трети пленных составляли женщины и дети. В руки египтян попало также значительное количество рогатого скота, лошадей, ослов и много оружия.

Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) III вел и наступательные войны. Если поход на Сеир, к югу от Мертвого моря, был, возможно, оборонительным мероприятием — в целях отражения соседних с палестинскими владениями кочевников, то вторжения в пределы царства Амурру и во владения Хатти в Сирии могли быть предприняты с завоевательной целью. Не исключено, что фараон проник очень далеко на северо-восток, но прочных завоеваний сделано не было. Докуда простирались сирийские владения Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III, неизвестно. В Палестине, во всяком случае, имелись еще египетские крепости и храмы, и целые города принадлежали там Амане (Амуну).

Вещественным следом временного укрепления новоегипетской державы остался на западе Нии (Нэ) громадный поминальный храм фараона, посвященный

Амане (Амуну) и известный ныне под именем храма Мединет-Хабу. Это роскошное каменное сооружение служило одновременно памятником царских побед. Если по величине и богатству отделки оно и уступало исполинским сооружениям Аман-хатпи (Амен-хотпа) III или Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II, то оно тем не менее наглядно показывало, какими средствами располагало Новое царство даже накануне своего падения. Громаду храма с тяжеловесными столбами и изваяниями предваряли спереди и сзади каменные же укрепления башни с воротами посередине. Сбоку ко храму примыкал дворец, из окна которого фараон показывался присутствовавшим на храмовом дворе лицам. Двери храма, огромные каменные столбы, подпиравшие навес перед дворцом, его косяки и ворота были обшиты золотом. Сокровищница храма ломилась от золота, серебра и ценных камней, житница была до отказа набита зерном, храмовые стада были многочисленны, как песок прибрежный. Храм владел пашнями и садами, у него были свои корабли, в него поступали пленные; Верхний и Нижний Египет, Палестина и Эфиопия должны были платить ему подати. О размерах храмового имущества можно судить хотя бы по тому, что людей у храма числилось свыше шестидесяти тысяч.

Храмоздание Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III распространялось на разные местности Египта и захватывало даже Эфиопию и Сирию-Палестину. Фараон щедрой рукой одарял старые и новые храмы. Всего за свое тридцатилетнее царствование он раздал храмам свыше ста тысяч человек, около трех тысяч кв. км пахотной земли, пятьсот тысяч голов рогатого скота, — и это не считая несметных сокровищ, садов, кораблей и разного рода поступлений... Такие дарения ясно свидетельствуют о хозяйственной мощи и государственном значении храмовой знати. Львиная доля царских подношений приходилась на поминальный храм фараона. Любопытно, что по отношению к главному государственному храму Аманы (Амуна) в Апа-сауе (Эп-эсове, нынешнем Карнаке) и его верховному жрецу Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) III держал себя довольно сдержанно. По сравнению с числом людей, полученных царским поминальным храмом, количество отданных в храм в Апа-сауе (Эп-эсове) было ничтожно малым. При этом только часть их поступила в непосредственное ведение верховного жреца, остальные, как и в случае поминального храма, состояли под начальством храмовых сановников. Было ли это вызвано желанием предупредить усиление верховного жречества? Однако вековое местопочитание Аманы (Амуна) вряд ли нуждалось еще в приросте своего и без того несчетного имущества.

В резком противоречии с красочными перечнями богатств, сосредоточенных в руках храмовой знати, стоят заявления высших сановников государства голодным работникам об отсутствии зерна в государственной житнице, о необходимости ждать особого царского распоряжения для получения недоданного доволь-

ствия. Вполне возможно, что с общегосударственной житницей дело обстояло действительно плохо, хотя также несомненно, что и чиновники не прочь были поживиться за счет работников. Волнения на почве голода стали обычным явлением даже в рабочем соединении самого царского кладбища на западе Нии (Нэ). 10-го числа 2-го зимнего месяца 29-го года царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III изголодавшиеся работники прорвались через пять кладбищенских стен и засели позади поминального храма Дхут-маси (Тхут-мосе) III. Несмотря на все успокоительные заверения начальства, работники оказались вынуждены прибегнуть к тем же средствам и 11-го числа; на этот раз они направились к поминальному храму Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II. По-видимому, на следующий день начальство и жрецы храма имели объяснение с работниками, которые им заявили: «*Мы пришли сюда с голода и от жажды. Нет одежды, нет масла, нет рыбы, нет зелени. Напишите о них фараону, нашему владыке, и напишите верховному сановнику, нашему начальнику, чтобы нам предоставили средства к существованию*». Положение становилось неудобным, и голодающим отпустили довольствие — за прошлый месяц!.. 13-го числа один из работников в кладбищенской крепости призвал своих товарищей забрать свои орудия производства, жен и детей и следовать за ним к поминальному храму Сутайи (Сетойя) I. В 3-м зимнем месяце волнения возобновились. Пройдя сквозь стены, работники засели на кладбище. Начальство оказалось бессильным совладать с ними и вынужденно было выслушать от них резкие отповеди и даже угрозы: «*Воистину, мы прошли* (стены) *вовсе не с голода — мы имеем сделать важное показание: воистину, неправда творится в этом месте фараона*». В итоге сам верховный сановник счел нужным, правда, заочно, оправдаться перед работниками в возведенном на него обвинении, будто б он расхищал их довольствие. Даже то, что он не явился к ним лично, он счел нужным оправдать пустотою государственной житницы. За извинениями последовало обещание выдать половину причитавшегося довольствия. 2-го числа 1-го летнего месяца на все рабочее соединение отпустили месячное содержание всего лишь в количестве двух мешков пшеницы-двузернянки. Следуя призыву одного из своей среды, работники двинулись к кладбищенской крепости на берег реки. Они поспели пройти всего одну стену, как уж явился писец и стал отговаривать идти на берег, стращая «*судом*» и суля выдать «*сейчас же*» недоданную пшеницу. Однако 13-го числа того же месяца голодные работники вновь прошли кладбищенские стены и засели позади поминального храма Мар-ни-птаха (Мер-не-птаха). Они обратились со своими требованиями к градоначальнику, и тот прислал сказать, что выдаст пятьдесят мешков зерна, чтобы дать возможность работникам просуществовать, пока фараон не даст им довольствия.

Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) III был последним видным властителем Нового

царства. Сила фараоновской власти, несколько окрепшей в борьбе с сирийцами и иноплеменными нашествиями, оказалась мимолетной. Надломленное событиями конца XIX царского дома, новоегипетское государство клонилось к распаду. Юг и север, бессильные побороть друг друга, вступали на путь обособления. После Риа-масе-сы (Ра-месэ-са) III верховная власть быстро ослабла.

На 32-м году своего царствования фараон стал жертвою придворного заговора, возможно, даже был убит. Заговорщики ставили себе целью возвести на престол царевича Па-та-уиру (Пе-те-вэра), сына одной из жен Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) III, лично замешанной в заговоре. Воцарить своего ставленника заговорщикам не удалось. Они были схвачены и вместе с царевичем и его матерью преданы суду, престол же перешел к другому сыну фараона — Риа-масэ-се (Ра-месэ-су) IV. Последний еще пытался править по-великодержавному в духе своего отца. Так, новый царь отправил свыше девяти тысяч человек за камнем в пустыню к востоку от реки (в Вади Хаммамат). Продолжал Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) IV и щедрую раздачу государственного имущества храмам. За Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) IV последовал длинный ряд царей, носивших все то же громкое имя «Риа-масе-са (Ра-месэ-с)», но полностью бессильных перед неминуемым распадом своего государства. Правления были большей частью кратковременными. Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) IV царствовал 6 лет, позднейший известный год Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) V — 4-й, Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) VII — 7-й, Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) IX — 17-й или 19-й, Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) X — 3-й, Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) XI — 27-й. От Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) VI и Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) VIII памятникаов, помеченных годами царствования, не сохранилось. Общая продолжительность правления этих фараонов от Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) IV до Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) XI включительно не превышала, вероятно, трех четвертей века (примерно последние три четверти XII столетия).

Уже Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) III был не в состоянии предохранить от нападений ливиян даже среднюю часть страны и для защиты от них обносил храмы среднеегипетских городов крепкими стенами. При его преемниках от ливиян страдало само Нии (Нэ): в конце XX царского дома работы на царском кладбище неоднократно прерывались из-за ливиян, не то пришлых из пустыни, не то иноплеменных воинов фараонов. Слабость верховной власти при Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) IX и в последующее время сказалась также в полной неспособности правительства оградить от воров царские погребения на западе Нии (Нэ). Начиная с царствования Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) IX тянутся длиннейшие судебные дела об ограблении царских и частных гробниц, и можно только дивиться, сколько лиц самых разнообразных занятий участвовало в грабежах или было к ним так или иначе причастно. Видимо, на гробницы частных лиц власти уже махнули

рукою и пеклись единственно о царских погребениях. В правление Ρиа-масэ-сы (Ρа-месэ-са) IX дело осложнялось еще склоками между начальствующими лицами. Дошло до устройства кладбищенскими властями «народного» шествия к дому градоначальника на восточный берег реки и открытой перебранки на улице. Толпе, торжествовавшей по поводу, надо думать, подстроенного провала обвинений, видвинутых градоначальником, тот отвечал ссылкою на дополнительные данные, сообщенные им непосредственно фараону, чем, конечно, не преминул восстановить против себя обойденного верховного сановника. Храмоздание в Нии (Нэ) при преемниках Ρиа-масэ-сы (Ρа-месэ-са) III резко сократилось и сосредоточилось почти что на одном только не слишком внушительном сооружении — храме местного лунного бога, сына Аманы (Амуна) Хансы (Шонса) в Апа-сауе (Эп-эсове).

По мере приближения к концу XX царского дома юг все более и более оказывался во власти верховного жреца Аманы (Амуна) как главы самого мощного там хозяйства, богатейшего из храмовых хозяйств, и самого влиятельного в стране жречества. Не в пример фараонам в их северной столице, верховные жрецы Аманы (Амуна) прочно сидели в своем Нии (Нэ). За время от Ρиа-масэ-сы (Ρа-месэ-са) III до Ρиа-масэ-сы (Ρа-месэ-са) IX на царском престоле сменилось семь правителей, а в Нии (Нэ) всего только три верховных жреца: Ρиа-масэ-са-нахти (Ρа-месэ-с-нашт), Ас-амана (Эс-амун) и Аман-хатпи (Амен-хотп), из которых два последних были сыновьями первого. Впрочем, путь к власти был не всегда гладким для верховного жречества Аманы (Амуна). Дошли известия о «*войне*» верховного жреца Аман-хатпи (Амен-хотпа), в которой нападающей стороною был, по всей видимости, не глава южноградского жречества. «*Война*» сопровождалась как будто б настоящими военными действиями и с ней, возможно, связано взятие одного среднеегипесткого города, сопровождавшееся захватом пленных. Порядок был восстановлен войсками наместника Эфиопии Пи-нхаси (Пе-нхосе). О самом верховном жреце Аман-хатпи (Амен-хотпе) мы больше ничего не слышим, но на смену ему в Апа-сауе (Эп-эсове) появляется лицо еще более значительное.

При Ρиа-масэ-се (Ρа-месэ-се) XI верховный жрец Аманы (Амуна) Хрихара (Хре-хор) совмещал верховный жреческий сан с начальством над войском — недостававшей его предшественнику вооруженной силой, с управлением Эфиопией и заведованием государственной житницей. Еще при последнем представителе XX царского дома Хри-хара (Хре-хор) казался уже наполовину фараоном, и новые порядки были притязательно объявлены «возрождением». Верховный жрец самолично посылал за границу за строевым лесом для храмовой ладьи Аманы (Амуна), а отделывая храм Хансы (Шонса) в Апа-сауе (Эп-эсове), настолько выдвигал свою собственную особу, что его верноподданические

чувства могли казаться сомнительными. С падением или смертью последнего, одиннадцатого, Ρиа-масэ-сы (Ρа-месэ-са), Хри-хара (Хре-хор) принял царское прозвание. Впрочем, вполне фараоном он и теперь себя не чувствовал. Вместо престольного имени, в течение полутора тысячелетий слагавшегося в честь Ρии (Ρэ) и выражавшего те или иные его, солнца, свойства, Хри-хара (Хре-хор) употреблял свое верховножреческое звание «*слуга первый Аманы* (Амуна)», вписывая его, как и личное имя, в отдельный царский ободок.

Обособление юга в полунезависимое владение было облегчено долговременным пребыванием двора в Низовье. В сущности, к концу XX царского дома распад государства надвое стал совершившимся событием. При Ρиа-масэ-се (Ρа-месэ-се) XI север Египта со столицею Зану (Танисом греков) на северо-востоке Низовья вел тоже обособленное существование. Здесь имелся под призрачным главенством фараона свой правитель Ас-би-ниб-дида (Эс-бе-неб-тэт). Но Зану был не только столичным городом — возможно, еще со времени XIX царского дома, если только действительно тождествен с Пи-Ρиа-масэ-са-Маи-амана (Пэ-Ρа-месэ-с-Ми-амуном) или примыкал к нему как его город-спутник. При последнем представителе XX царского дома Зану был, по-видимому, и значительным торговым городом. Его владетель Ас-би-ниб-дида (Эс-бе-неб-тэт) вел оживленную торговлю с Финикией: упоминаются двадцать кораблей в финикийской Губле (Вивлосе греков), поддерживавших с ним деловую связь. Еще крупнее были торговые обороты у «дома» одного иноплеменника, проживавшего, возможно, в том же Зану: в Зидуну (Сидоне) имелось якобы пятьдесят судов, поддерживавших отношения с этим лицом.

Между владыками юга и севера, Хри-харой (Хре-хором) и Ас-би-ниб-дидой (Эс-бе-неб-тэтом), существовали, по-видимому, хорошие взаимоотношения. Так, северный владетель еще в царствование последнего Ρиа-масэ-сы (Ρа-месэ-са) оказывал всяческое содействие торговому посольству Хри-хары (Хре-хора) за финикийским лесом для храмовой ладьи Аманы (Амуна). С исчезновением последнего представителя XX царского дома Хри-хара (Хре-хор) и Ас-би-ниб-дида (Эс-бе-неб-тэт) объявили себя царями, однако жреческое государство на юге тотчас же или очень скоро признало главенство северного фараона Ас-би-ниб-диды (Эс-бе-неб-тэта). По-видимому, еще в конце XX царского дома распаду египетской государственности сопутствовало усиление «*больших*» людей вообще. В таком смысле толкуют заявление посланца верховного жреца в Финикию, что похищенные по дороге ценности, которые предназначались для покупки финикийского строевого леса, принадлежали Хри-харе (Хре-хору), Ас-би-ниб-диду (Эс-бе-неб-тэту) и «*другим большим* (мужам) *Египта*».

Ослабление и затем распад египетского государства не могло, естественно, не сказаться на его международном положении. Только Эфиопия, всего более испы-

тавшая на себе египетское влияние, осталась покорной фараонам до конца XX царского дома. При Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) XI там все еще правил египетский наместник. С ливиянами, судя по одному поврежденному памятнику, успешно воевал Риа-масэ-са (Ра-месэ-с) IX, но в то же время ливияне, как уже говорилось, нередко угрожали самому Нии (Нэ). Их стало очень много в египетском войске, и это вскоре возымело роковые последствия для дальнейших судеб Египта. В Палестине, даже на ее севере, остатки египетского владычества держались, по меньшей мере, до Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) VI, если о том позволительно заключить по подножию от изображения этого царя, найденному в Магидде (Мегиддо). Добыча бирюзы на Синайском полуострове прекратилась, по-видимому, непосредственно после того же Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) VI.

Хорошее представление об отношении к Египту его бывших сиро-палестинских владений при Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) XI дает полуделовой-полухудожественный «отчет» Ун-аманы (Ун-амуна) о своем плавании в Финикию по поручению верховного жреца Хри-хары (Хре-хора) за строевым лесом для храмовой ладьи Аманы (Амуна). Ун-амана (Ун-амун) отправляется не требовать леса, как то бывало в былые дни египетского великодержавия, а покупать. Филистимлянский владетель палестинского города (Дора) остается глух к жалобам путника, когда один из его корабельных людей похитил у него ценности и скрылся на берегу. Царь финикийской Гублы (Вивлоса греков) сперва даже не желает принять посланца, потом издевается над ним и предлагает показать могилу египетских послов, задержанных до него в Губле. Дождавшись присылки из Египта средств для покупки и получив, наконец, от финикийца лес, египтянин не отваживается выйти в море со страху перед стерегущими его филистимлянскими кораблями. По благополучном же отплытии из Гублы буря прибивает глубокое судно Ун-аманы (Ун-амуна) к кипрскому берегу, где самая жизнь путешественника оказывается в опасности. Очень показательно, что египетский посол как в Палестине, так и на Кипре страшат финикийскими властями! Ни палестинское побережье, ни Финикия, ни некогда зависимый от фараонов Кипр не признавали больше египетского главенства. От владычества фараонов в Сирии-Палестине не осталось и следа. Тем не менее, по отчету Ун-аманы (Ун-амуна), в Финикии все еще преклонялись перед Египтом, только уже не как мировой державой, а как родиной ремесленного мастерства и мудрости.

ГЛАВА VIII

НОВЕЙШЕЕ ЦАРСТВО

СЕРЕДИНА XI — СЕРЕДИНА VIII ВЕКОВ; XXI—XXIII ЦАРСКИЕ ДОМА

овейшее царство — это время сперва усиления, а затем и господства в Египте вождей ливийского воинства. Можно спорить о том, куда лучше отнести XXI царский дом — к Новому или Новейшему царству, потому что ливийцы взошли на престол фараонов только с XXII царским домом, XXI же царский дом еще не был ливийским. Однако захват ливийцами верховной власти был подготовлен еще при нем. Именно при нем ливийские вожди захватили власть, возможно, в ряде египетских областей и, во всяком случае, в крупном городе (и княжестве) Хи-ни-нси (Хнэс, Ираклеуполе греков) на севере Верхнего Египта. Именно тогда уже ливийцы стали твердой ногою на египетской почве и их предводители сделались местными князьями, в то время как другие части страны находились под постоянной угрозой вторжения сородичей этих князей из сопредельной западной пустыни. Ведь ничему иному, как отпору ливийцам не должен был служить заслон из крепостей, созданный в среднем Египте при XXI царском доме. Ну а, кроме того, разве Египет не был полон ливийскими воинами-наемниками, этим тяжким наследием Нового царства, уже при XXI царском доме? Поэтому время правления его можно причислить к Новейшему царству. Сделать это тем более удобно, что памятники времени XXI царского дома бывают до неразличимости схожи с созданными при следующих XXII и XXIII ливийских царских домах. То же можно сказать о большинстве имен современников названных трех царских домов. И что, конечно, всего существеннее — время правления этих трех домов составляет нечто цельное в смысле хозяйственного развития. Время XXI, XXII и XXIII царских домов в хозяйственном отношении занимает, как мы сейчас увидим, промежуточное положение между Новым и Поздним царствами, будучи отмечено с одной стороны изживанием новоегипетских начал, с другой стороны — нарождением позднеегипетских.

Уровень производственного развития страны в первые столетия занимающего нас сейчас времени не превышал заметно достигнутого Новым царством. Показательно, что от времени XXII царского дома до нас дошли предметы из железа волшебного назначения. Это — железное око, вставленное как некая драгоценность в золотое запястье — совсем как в Новом царстве! — и крошечный подголовник грубой работы из дурно приготовленного железа. В таком «учтивом» обращении даже с низкокачественным железом не без основания усматривают указание на то, что плавка и обработка железа — ковать его, в отличие от меди, можно было лишь в раскаленном виде — находились тогда еще в зачаточном состоянии. Однако в последующие десятилетия железное дело должно было получить значительное развитие. Как будет показано в дальнейшем, в главе об «Египетском обществе при эфиопах и в пору возрождения», к исходу Новейшего царства засвидетельствован даже начальник над изготовителями железа, а для начала Позднего царства ряд потомственных железоделов. Окончательное превращение серебра в основное средство обмена, о чем будет сказано ниже, предполагает увеличение запасов серебра в стране. Из погребений царей XXI и XXII домов в Джану (Джаане, Танисе греков) Па-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ, Псусеннеса) и Шушинку (Шешонка) IV до нас дошли их серебряные гробы, но, может быть, они свидетельствуют не столько о богатстве этих царей серебром, сколько об их обеднении по сравнению со временем XVIII царского дома, когда гроб для царя Тут-анх-аманы (Тут-анх-амуна) был отлит из чистого золота (из него в Джану была, как и у Тут-анх-аманы, личина, лежавшая на царском лице). Впервые при XXII царском доме встречаемся мы с приготовлением поливы со свинцовой примесью. В лицевой рукописи так называемой «Книги мертвых» из Нии (Нэ) (из Дэр-эль-Бахри), приготовленной для царевны (по имени Нан), эта последняя представлена пашущей на том свете с помощью плуга нового вида — с почти отвесным сошником. Однако еще при XXII царском доме по-прежнему, как некогда в дни Раннего царства, жали деревянными серпами со вставным лезвием из острых кремневых вкладышей.

Но если что заметно отличало Новейшее царство еще в первые его столетия от Нового царства в хозяйственном отношении, так это развитие обмена, рост денежного хозяйства. Еще в конце XX царского дома при Риа-масэ-се (Рамесэ-се) XI, как мы видели, нижнеегипетский владетель в городе Джану (Танисе) Ас-би-ниб-дида (Эс-бе-неб-тэт, Смендес греков) вел настолько оживленный торг с Финикией, что царь тамошнего города Гублы (Библоса греков) мог, согласно «отчету Уну-аманы (Ун-амуна)» (папирус Государственного музея изобразительных искусств), говорить об одновременном присутствии в одной только Губле до двух десятков судов, поддерживавших сношения с тем низовым владетелем. Потеря к концу Нового царства сиро-палестинских владений и об-

щее оскудение государственных средств вкупе с растущей слабостью фараоновской власти должны были неизбежно делать все более и более трудным удовлетворение возросших за Новое царство общественных потребностей, в первую очередь запросов верхов общества, за счет государственных выдач, раздач и подарков. Привыкшая за Новое царство к изысканной роскоши, египетская знать не могла не искать удовлетворения своих потребностей уже не путем захватов и принудительных поставок, а посредством закупок, обмена. Но и для других слоев населения обмен приобретал все большее и большее значение по мере распада государства на все более и более дробные государственные образования, но все менее и менее зависимые от верховной власти княжества. С концом мировой египетской державы ход событий подрывал расчеты на царское снабжение. Вполне возможно, что со временем удастся вскрыть и более глубокие причины развития денежного хозяйства в конце Нового царства и в последующие столетия, но в настоящее время, за слабой изученностью египетского общества времени XXI и XXII—XXIII царских домов, указать такие, более глубокие, причины затруднительно.

Когда под конец XXI царского дома будущий основатель следующего XXII ливийский военачальник и князь города Хи-ни-нси (Хнэс, Ираклеуполя греков) Шушинку (Шешонк) учреждал роскошное заупокойное служение по своем сыне Нималате, он платил храму серебром. Когда при XXII царском доме верховный жрец Амуну (Амуна) царевич Ауалат скупал у множества мелких держателей землю вместе с десятками рабов и домашними животными, он платил опять-таки серебром. При этом нельзя не отметить, что платили большие деньги за землю, рабов, животных, поминки люди очень высокопоставленные, властные, которые, казалось бы, могли получить желаемое, землю с рабами или поставки для поминок, в силу уже своего высокого общественного положения. Не менее любопытно, что тонкий перевод денежных взносов Шушинку (Шешонку) на потребное для службы по его сыне должен был производить храм. Известно также, что храмы «выпускали» свое серебро, поступавшее в обращение как деньги, и происхождение данного серебра из такого-то храма служило удостоверением доброкачественности (полновесность деньги не удостоверялась). Так, в купчей времени XXII царского дома за дом платят 2 «*круга*» серебра («*круг*» = 91 г), и серебро определено как «*серебро казнохранилища бога Хри-шифа* (Харшафэ)», божества города Хи-ни-нси (Хнэса, Ираклеуполя греков), колыбели царствующего ливийского рода (берлинский иератический папирус 3048, оборотная сторона). При этом серебро названо еще «*чистым*». «*Серебро* (*казно*)*хранилища Хри-шифа* (*Харшафэ*)» дает в рост и жрец Амуну (Амуна), «*распорядитель казнохранилища фараона*» Анхаф-на-ханса (Анхеф-ен-шонс) некоему Джи-ханса-ф-анхи (Дже-шонс-эф-онх) согласно долговой расписке того же времени (тот же бер-

линский папирус 3048, оборотная сторона). Свидетелями в расписке выступают один жрец Ханси (Шонса), сына Амуну (Амуна), судя по отечеству, брат заимодавца, и пятеро жрецов Амуну (Амуна), из которых один, возможно, был сослуживцем заимодавца по царскому казнохранилищу (в том же чине его «*распорядителя*»). Храмовое жречество, таким образом, занималось ростовщичеством. В данном случае в долг дают 5 «*кругов*» серебра (без 46 г $^1/_2$ кг), дают ровно на год, день в день, с обязательством внести серебро через год в двойном размере. Рост был, следовательно, очень высок, а это указывает, что денежное хозяйство было все-таки развито относительно слабо.

О том же говорит и то, что старый способ расплаты предметами не вышел из употребления. Даже в распоряжении, вложенном по тогдашнему обычаю в уста Амуну (Амуна) и касавшемся «*ответчиков*» некоей Ас-хансы (Ес-шонс), т. е. заупокойных куколок, обязанных работать за нее на том свете, оплата производится, наряду с медью, одеждой, хлебом, пирожками и рыбой (дощечки Маккалам в Британском музее и Роджерса в Лувре). Не стала господствующим видом займа и денежная ссуда.. Древняя ссуда зерном оставалась по-прежнему самым обычным явлением. Современник XXII царского дома Джи-ханса-ф-анхи (Дже-шонс-ф-онх) говорит в надписи на своем изваянии: «*Тверд был я в даче зерновой ссу*[*ды*] *жителям Уиси* (Нэ, Фив греков). *Давал жить* (я) *сиротам* (т. е. беднякам) *города моего. Не ярился я на лишенного* (возможности) *возместить. Не... я его, чтобы забрать то, что было* (у) *него*». И тем не менее, рост денежного хозяйства, наметившийся в конце Нового царства, продолжается, предвосхищая дальнейшее его развитие в последующие века. Положение дел в области обмена несколько напоминало, таким образом, то, что мы наблюдали в отношении орудий труда.

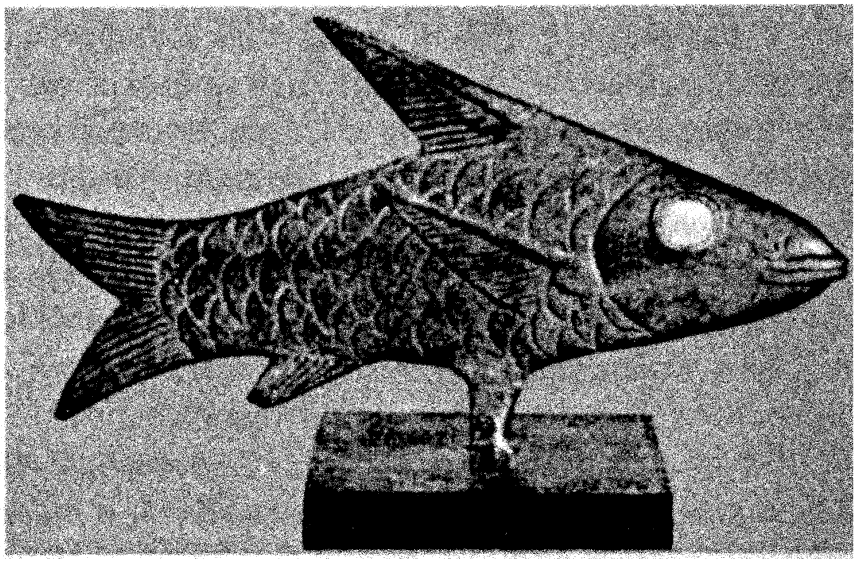
Если утрата ослаблым и расшатанным государством иноземных владений, иноземной дани и прежних возможностей общественного снабжения должна была неизбежно привести к развитию обмена и денежного обращения, то те же причины могли способствовать также росту работорговли. Победоносные войны и дань приводили прежде в страну множество иноплеменных рабов. Конечно, и тогда рабов также покупали и продавали. Но теперь покупка их становилась основным способом их приобретения. Купчие на рабов и дела о покупке их дошли до нас и от Нового царства, но ничего подобного завещанию царевича и верховного жреца Амуну (Амуна) в Нии (Нэ) Ауалата (Иуарата), сына фараона XXII царского дома Усаркуна (Осаркона) среди бесчисленных памятников Нового царства мы не найдем. Завещание подано, в духе того времени, как утверждение самим Амуну (Амуном) сына верховного жреца Ауалата (Иурната) Ха-ма-уиси (Ха-м-висе) во владении имением, переданным ему отцом. Это имение было составлено верховным жрецом путем скупки земли, колодцев, дере-

вьев, мелкого и крупного скота у множества владельцев, причем вместе с недвижимостью и животными куплены были и рабы: «*рабы* (***хам***) (и) *рабыни* (***хами***), *добытые им взамен серебра у сирот земли* (о них см. ниже) *подобным* (же образом): *мужчин* (и) *женщин 32, что сотворяется в* (т. е. составляет) *серебра кругов 15, киди* $1^1/_3$ («*круг*» = 91 гр, «*киди*» = 9,1 гр.) (вместе) *с этими 3 рабами стороны северной, данными им* (т. е. верховным жрецом) (вдобавок) *к тому,* (всего) *вместе пашни различной сат 556* («*сата*» — свыше 2700 кв. м), *мужчин* (и) *женщин 35, их колодцы, их деревья, их мелкий* (и) *крупный рогатый скот*». Не приходится сомневаться в том, что купленные рабы должны были обслуживать составленное из приобретенных небольших владений крупное верховножреческое имение, были не домашними, а производственными рабами. Скупка земли вельможею у мелких владельцев засвидетельствована еще на заре Старого царства (надпись «Мечена»), но о скупке земли и вместе с нею стольких рабов для обработки ее мы слышим впервые теперь. Присоединение к основным 32 рабам еще 3 иных рабов, происходивших со «*стороны северной*», указывает на то, что основные 32 раба были верхнеегипетскими, что, разумеется, только естественно, поскольку скупленные земли были расположены в Верхнем Египте — в Амуновом княжестве. Примечательно, что верховный жрец отказывает сыну не деревни, населенные земледельцами и скотоводами, а купленных за деньги рабов. Только о рабах говорится в завещании, ни о каких других зависимых людях в нем ничего не сказано, так что образованное путем скупки значительное имение должно было обрабатываться одного рода производителями, именно рабами. А казалось бы, кому, как не верховному жрецу Амуну (Амуна), хозяину княжества, было бы к лицу уступить сыну, по примеру прежних времен, подвластные деревни с их землями и населением. Видно, времена изменились, и мы присутствуем при сложении в Египте рабовладельческого уклада, качественно более развитого, чем в дни мировой военной державы с ее сотнями тысяч пленных. Напротив, то, что рабы были скуплены у множества мелких владельцев, что, следовательно, рабами владели многие лица со скромным положением в обществе, не представляет ничего нового по сравнению с предыдущим временем. Но само по себе, конечно, любопытно, что сельскохозяйственными рабами могли владеть такие рядовые египтяне, как мелкий жрец-«*чиститель*» Амуну (Амуна), жена такого же жреца, гребец распорядителя быков Амуну (Амуна), оруженосцы, «*парни*», простые горожанки, у которых верховный жрец скупал землю (у кого именно из них — у всех ли, или лишь у некоторых, были куплены рабы — в завещании не уточнено).

До чего рабовладельческие представления въелись в сознание тогдашних египтян, показывают диковинные «*распоряжения*», «*отданные*» от имени Амуну (Амуна) или какого-либо другого египетского божества так называемым «*от-*

ветчикам». Эти «куколки» из камня, дерева или так называемого египетского фаянса помещались сотнями в гробницу и должны были, по тогдашним представлениям, замещать умершего на неприятных работах, угрожавших ему и на том свете. Что такие волшебные человечки рассматривались как рабы покойного, доказывают надписания некоторых из них. Но теперь появляются целые правовые узаконения, обязывающие «*ответчиков*» работать за умершего в силу того, что они были законно приобретены за «*серебро*» (т. е. за соответствующую такому-то его количеству покупную цену) у их изготовителей. В «распоряжении» Амуну (Амуна) в пользу Ас-хансы (Эс-шонса, Несхонсу), читающемуся на двух дощечках в Британском и Луврском музеях, об «ответчиках» говорится как о настоящих людях: «*Я дал* (иметь) *в виду ответчикам, как были сотворены для Ас-хансы* (Эс-шонса), *этой дочери* (разночтение: мать ее) *Та-хан-дхаути* (Та-хен-тховт), *чтоб творили они слово всякое преклонения* (т. е. дело служебное) *Асханси* (Эс-шонса), *этой дочери Та-хан-дхаути* (Та-хен-тховт), *рода всякого, которое ответчики знают,* (как) *творить*». Затем сообщается о их покупке: «*Что до того всего, что было дано поливщикам* (? — глазуровщикам?) *в возмещение ответчиков, коих сотворили для Ас-ханси* (Эс-шонса), *этой дочери Та-хан-дхаути* (Та-хен-тховт)*: меди, одежды, хлебов, жирных медовых пирожков, рыбы, всего того, что дали им в возмещение,* (и) *того, что дадут им в возмещение их равным* (образом, то) *поливщики*(?) *были оплачены или* (и) *серебром в возмещение их*». В сходном указе, но не на дощечках, а рукописном (на папирусе), «*ответчики*» прямо названы «*рабами*» (***хам***) и «*рабынями*» (***хама***) и также сказано о покупке их за «*серебро*». Дощечки — времени XXI царского дома, рукописный указ — времени XXIII-го. В добавочной 166-ой главе так называемой «Книги мертвых» (сборнике заклинаний, призванных обеспечить на том свете безопасность и благополучие умершего) «*ответчики*» тоже названы «*рабами*» (***хам***) и «*рабынями*» (***хама***) и там тоже говорится о их покупке (глагол «*достать*» имел, в частности, значение «*приобрести, купить*»): «*Смотри, ответчики — рабы* (и) *рабыни. Принадлежат они величеству твоему Й'кбвй* (разночтение: *Усири* (Усире), т. е. покойному имя-рек). *Рабы его эти все, когда был он на земле. Это он доставший их обоснованно*(?). *Да руководит он ими на земле мгновенно. Да творят они работу взамен его*». Большинство списков (один из них хранится в Государственном Эрмитаже), содержащих эту главу — времени XXI царского дома, несколько же — значительно более позднего. Возникновение главы задолго до XXI царского дома по языковым признакам маловероятно.

Нельзя не отметить того, как часто и упорно упоминание рабов и рабынь сопровождается ссылками на то, что они куплены. Мы наблюдаем это одинаково и в завещании верховного жреца, и в «распоряжениях» касательно ответчиков, на дощечках



▲ *Бронзовые культовые статуэтки Новейшего царства. Слева направо: Хор в виде сокола, Осирис на троне, богиня Нейт, священная рыба Лепидот*

и в рукописи, и, наконец, в дополнительной главе «Книги мертвых» («*это он доставший их*» = «*это он купивший их*»). Рабы и рабыни — покупные невольники.

Но если в обществе, наследовавшем Новому царству, рабовладельческие отношения обозначились резче, чем прежде, то мы вправе ожидать, что отчетливее наметилась и противоположность между рабом и свободным. Так оно, действительно, и было. По всем данным, понятие «*свободный*» в греко-римском смысле как противоположное понятию «*раб*» появилось в Египте лишь под конец Нового царства. Египетское слово, которое в конечном итоге стало обозначать «*свободного*» — хорошо нам известное из Нового царства ***намхи*** — «*сирота*». И это в высокой мере знаменательно. Обозначать «*свободного*» стало не какое-нибудь слово для лица высокопоставленного или богатого, а слово, обозначавшее простолюдина, бедняка. Тем самым «*свободное*» состояние связывалось не с сановитостью, не с богатством, а с одною свободою от рабства. Это уже нечто, напоминающее греко-римские понятия.

В данном смысле особенно любопытно заявление начальника конюшни Ниб-нафы (Неб-нуфе) и его жены певицы Суты (Сэта) Рин-нафи (Рен-нуфе), точнее ее одной, сделанное в царствование последнего представителя XX царского дома Риа-масэ-сы (Ра-меса-са) XI, иными словами, под самый конец Нового царства. «*Достали* (т. е. приобрели) *мы рабыню* (***хама***) *Ди-ни-хат-эру* (Те-н-хт-эре) *за цену, а она родила этих четырех ребят, одного мужчину, женщин двух, итого трех, а я взяла их, и я вскормила их, и я возрастила их* (дословно: *дала сотворить им величину свою*), *и я достигла* (сегодняшнего) *дня вместе с ними, и они не сотворили зла мне, и они творили мне добро, а не было у* (меня) *отрока* (т. е. сына) (или) *отроковицы* (т. е. дочери) *наших..., а начальник конюшни Па-ди* (Пе-тэ) *вошел в мой дом, и он сотворил Та-нии-аману* (Та-н-амун) , *их сестру большую женою, а мой он, а мой брат малый* (т. е. младший), *и я приняла его к ней, и он у нее* (и) *сегодня. Так смотрите, сотворила я их людьми-сиротами земли фараона — жив он, цел, здоров! — нашей, а она родила..., и они* (т. е. ее дети) *— люди-сироты земли фараона — жив он, цел, здоров! — также, точно-точно, и они вместе с начальником конюшни Па-ди* (Пе-тэ), *моим братом малым, и малыши вместе с начальником конюшни Па-ди* (Пе-тэ) (*в?*) *дом*(*е?*) *Па-ди* (Пе-тэ), *этого начальника конюшни, этого брата малого моего. Я творю его мне отроком* (т. е. сыном) *сегодня, равно как и их, точно-точно*». *Сказала она* (т. е. Рин-нафи, Рен-нуфе): "*Как долговечен Амана* (Амун), (как) *долговечен властитель — жив он, цел, здоров! — я творю этих людей, мною записанных, людьми-сиротами земли фараона — жив он, цел, здоров! Если отрок* (т. е. сын) (или) *отроковица* (т. е. дочь), *брат* (или) *сестра их матери* (или) *их отца будет говорить о них* (т. е. притязать на них), *помимо Па-ди* (Пе-

тэ), *отрока* (т. е. приемного сына) *моего, то не* (являются) *они у него рабами* (***бак***) *никоим образом, а они у него — братья* (и) *сестры малые* (т. е. меньшие), *и они люди-сироты земли. Зачала его ослица, зачала ослица жену его* (распространенное проклятие) *— того, который скажет: "Раб* (***бак***) *— об одном из них — наш". Есть у меня пашни на поле нашем. Есть у меня вещи всякие земли наши. Есть у меня...* (какие-то люди). *Они поделены между моими 4 ребятами, а Па-ди* (Пе-тэ) *— один из них"*».

В этом заявлении об усыновлении детей рабыни вкупе с женившимся на удочеренной девице младшим братом хозяйки потомство рабыни объявляется «*сиротами*», т. е. освобождается. «*Сирота*» противопоставлен «рабу», как свободный — невольнику. Но вместе со значением «*свободный*» слово ***намхи*** «*сирота*» приобрело еще один очень существенный оттенок: оно стало означать и «частное лицо» — правовое лицо, противостоящее в каком-то смысле «*фараону*», т. е. государству, а также храмам. В дни XXII царского дома сын фараона Усуркуна (Осоркона) I Ауалут («Иууарет»), соединявший в своих руках начальство над войсками Верхнего Египта с верховным жречеством в Нии (Нэ), увековечивая в надписи передачу сыну с «*соизволения*» Амуну (Амуна) своего имения, образованного путем скупки земли у множества владельцев, говорил: «*Эти 556 сат* («*сата*» — свыше 2700 кв. м) *пашни сирот разной* (?), *которые относятся к нему* (т. е. «*месту*», иначе — имению), *их* (т. е. тех земель) *колодцы, их деревья их мелкий* (и) *крупный рогатый скот, добытые* (т. е. купленные) *им* (т. е. верховным жрецом), *взамен серебра* (т. е. за серебро) *у сирот земли,* (так что) *у* (них было) *сердце довольное* (и) *не было случая учинения несправедливости*». И вот эти у «*сирот*» приобретенные «*пашни сирот*» были занесены в поземельную опись между «*пашнями дома Амуну* (Амуна) *и совокупностью* (пашен) *фараона*», следовательно как отличные от храмовой и от царской земли. В те же времена в отдаленном поселении среди пустыни (в оазисе Дахле) за разрешением спора о колодцах обратились к прорицалищу Суты (Сэта). В речи, вложенной в уста этому местному богу, «*сиротские*» водоемы отчетливо противопоставлены как частные водоемам фараоновским: «*Воды сирот эти, нет вод фараона — жив он, цел, здоров! — среди них. Принадлежат они сироте, который* (отве)*дет их прочь сегодня*». И тот же Сута (Сэт) «*постановляет*» в ответ на иск своего жреца Ас-убэсти (Несубастета): «*Закрепи их за ним* (т. е. Ас-убэсти (Эс-убастетом)), *и будут закреплены за сыном сына его, наследником наследника его, женой его, ребятами его,* (так как) *нет другого отрока* (т. е. сына) *— сироты,* (который) *был бы у Т'йи-хнвт* (матери жреца) *и имел бы* (право на) *долю в них, кроме Ас-убэсти* (Эс-убасте), *сына Па-ди* (Пе-тэ)». В последнем случае слово «*сирота*» означает не столько частное лицо, противоположное государству, сколько свободного — сына, являющегося по своему общественному положению свободным, а не рабом.

Таким образом, оба оттенка слова «*сирота*»: «свободный» и «частное лицо», противостоящее государству, соседствуют в этой надписи, переплетаются между собой.

С «*сиротами*» в смысле «частных лиц» мы встречаемся и в двух других имущественных распоряжениях, вложенных в уста местным божествам. Так при XXI царском доме нареченная «*жена*» Амуну (Амуна) Эси-м-хиб (Эсе-м-хэб) в дарственной на имя своей дочери «Хан-тауи» упоминает также пашни сирот, приобретенные путем покупки самой «Хан-тауи». В сходном же «постановлении» богов Нии (Нэ) в пользу дочери последнего представителя того же царского дома П-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) II Му-ку-рии (Мэ-ке-рэ) говорится о «*вещи всякой сирот, купленной ею у людей земли*».

Последнее место любопытно. «*Сиротами*» оказываются «*люди земли*», как со времени еще XX царского дома принято было обозначать рядовых жителей страны. Ну, а если «*сирота*» значило также «*свободный*», то не получается ли, что основное население страны стало рассматриваться как «*свободное*», противостоящее несвободным — рабам? В пользу такого вывода могло бы говорить и то, что в «постановлениях» тогдашних прорицалищ — в дарственных Ауалута («Иууарета»), Эси-м-хиб (Эсе-м-хэб), Му-ку-рии (Мэ-ке-рэ) обозначения «*сироты*» и «*люди земли*» чередуются в приложении к одним и тем же частным лицам, продавшим свою собственность.

Надпись Ауалута («Иууарета»), перечисляющая поименно всех «*сирот*», у которых верховный жрец скупил их владения, сообщает нам, кем были эти «*сироты*». Один из них был мелким жрецом — «*чистителем*» Амуну (Амуна), другой — «*гребцом распорядителя быков Амуна*», двое были «*оруженосцами*», две женщины числились просто горожанками (одна из них была женою жреца — «*чистителя*» Амуну (Амуна), другого, чем названный выше жрец), но большинство составляли лица, названные каждые попросту «*парнем*». Таких «*парней*» оказывается десять человек; один из них владел землею совместно с «*оруженосцем*». Основной — возрастной — смысл слова «*парень*» (***мнх***) не подлежит сомнению. В школьных поучениях второй половины Нового царства (папирусы Анастаси II и V, папирус Саллье VIII) «*парень*» отличен от отрока, мужчины и старика: «*отрок*» — провожатый (т. е. денщик) воина, «*парень*» — новобранец или молодой воин, старик отдан в землепашцы, муж — в воины, «*отдаю мужа в воины, парня — в новобранцы, отрок — взращивают его, чтобы взять из объятий матери его*». В письме, служившем школьной прописью, конца XIX царского дома, значится: «*я нашел виноградарей мужей — 9, парней — 4, стариков — 4, отроков — 6,* (всего) *вместе голов 21*» (папирус Анастаси IV). В дни Риа-масэ-сы (Ра-месэса) II писец Бак-н-амана (Бок-н-амун) писал жрецу храма Дхаути (Тховта) Риамаси (Ра-мосе) относительно количества числившихся за тем храмовых землепашцев и причитавшегося с них зерна: «*нашел я мужей 3, парня 1,* (всего) *вместе 4,*

что составляет мешков 700», и, поскольку «*муж 1 составляет 200*», то, за вычетом одного землепашца, за жрецом остаются «*мужа 2, парень 1, что составляет 400*» (болонский папирус 1086). Если в одном письме — школьной прописи времени XIX царского дома (папирус Анастаси V) «*парнями мест*» названы, возможно, ремесленники, то «*парень эфиопский*», которому учтиво, но в то же время по-хозяйски пишет писец храма Ханси (Шонса) Шад-са-ханси (Шет-се-шонс), имел прямое отношение к земледелию, как и вышеупомянутые «*парни*» виноградари и землепашцы. «*Парень эфиопский*» (с египетским именем) должен был возделывать и опекать принадлежавшие писцу земельные участки. Письмо было написано при XXI царском доме (берлинский папирус 8523).

В дарственной верховного жреца Ауалута («Иууарета») при XXII царском доме все десять «*парней*» тоже связаны с землею, но с той разницей, что сами владели ею. Судя по отчествам, половина «*парней*», пятеро человек, были братьями друг другу и одной из горожанок — той, что не была замужем за жрецом. Количество земли, купленной верховным жрецом у отдельных «*парней*», большей частью невелико: 1 «*сата*» («*сата*» свыше 2700 кв. м), 3 «*саты*», 5 «*сат*» (в двух случаях), 7 «*сат*» (в двух случаях), но один «*парень*» продал 15 «*сат*», другой — 37, а третий даже 71! Два «*парня*» с совладельцами продали один 45, а другой 69 «*сат*», оруженосец же с «*парнем*»-совладельцем — 30 «*сат*». У другого оруженосца было куплено 10 «*сат*» — столько же, сколько у каждой из двух горожанок (сестра пяти «*парней*» владела своими 10 «*сатами*» совместно с тремя сыновьями). Гребец продал только 3 «*саты*». Совершенно особняком стоит имение, проданное жрецом-чистителем, площадью в 236 «*сат*». Недаром оно, как, впрочем, и второе по величине владение «*парня*» Джи-мут-аф-анхи (Дже-мет-эф-онх), одного из пяти братьев (71 «*сата*»), названы «*местом*» (имением), притом впереди всех прочих. И только в этих двух случаях помимо пахотной земли, более ценной и менее ценной, упомянуты еще колодцы и плодовые деревья. К сожалению, мы не узнаем из надписи, как распределялись между землевладельцами те 32 раба и рабыни и те домашние животные, которые были приобретены у этих «*сирот*» верховным жрецом.

Произвести жреца Амуну (Амуна), владевшего шестью с половиною десятками гектаров земли, в разоренного бедняка, вынужденного продать свою последнюю собственность, было б, по меньшей мере, странно. То же можно сказать и применительно к ряду других лиц, продавших свою землю Ауалуту («Иууарету»). Скорее всего, все эти мелкие землевладельцы должны были просто-напросто уступить за надлежащее вознаграждение принадлежавшую им землю царственному покупателю, пожелавшему создать себе в данном месте кругленькое владение. Тем самым, слово «*сирота*», которое, как мы видели, стало обозначать «свободного», определяет здесь владельцев земли опять-таки не как обездоленных го-

ремык, а как частных лиц, противостоящих государству. Мы остановились подробно на «*сиротах*», потому что они имеют большое значение для выяснения развития рабовладельческого уклада в Древнем Египте.

Не надо, однако, и переоценивать развитие рабовладельческого уклада в Новейшем царстве. И не только потому, что земледелие по-прежнему держалось в основном на «*землепашцах*», которых и теперь подчас называли «*слугами царевыми*». То презрение к ремесленному труду, с которым мы встретимся в Позднем царстве и которое так отличало греко-римскую рабовладельческую древность, еще не въелось в плоть и кровь верхних слоев общества при XXI—XXIII царских домах. Известны не единицы, а множество относительно высокопоставленных жрецов, особенно так называемых «*отцов божьих*», состоявших руководителями («*начальниками*») ремесленников: древоделов, резчиков, знаменщиков (наметчиков изображений). Мелкие же жрецы-«*чистители*» совмещали зачастую жречество с ремеслом древодела, резчика, златокузнеца.

Было б, разумеется, очень существенно знать, в каком отношении к местному трудовому населению стояли пришлые ливийские воины, наводнившие собою большую часть страны и составлявшие непосредственную опору владычествовавших над Египтом ливийских царей и предводителей. Некоторые исследователи склонны считать, что ливийское воинство поработило египетское трудовое население, сосредоточив в своих руках военное дело и тем самым разоружив египтян. Допускают также, что ливийское воинство в Египте уже в X—VIII веках было примерно таким же, каким мы его знаем по Иродоту («Геродоту») при XXVI царском доме и в дни персидского господства над страною. В таком случае ливийское воинство при XXII—XXIII царских домах делилось бы на два больших соединения — ермотивиев и каласириев, размещенных преимущественно в Нижнем Египте. Военное ремесло было бы у них наследственным, передавалось бы от отца к сыну. Каждый воин был бы обеспечен одинаковым земельным наделом в двенадцать «*сат*» (1 «*сата*» — свыше 2700 кв. м). Однако, если б ливийские воины XXII—XXIII царских домов владели наделами всего лишь в двенадцать «*сат*», то по размерам своих владений они ничем не отличались бы от тогдашних рядовых «*сирот*», знакомых уже нам «*парней*». Поэтому говорить о порабощении египетского трудового населения рядовым ливийским воинством в своекорыстных хозяйственных видах вряд ли возможно. Другое дело, конечно, угнетение простых египтян предводителями ливийского воинства, опиравшихся на него, и с помощью его таковое угнетение осуществлявших. Впрочем, осуществляли они его не только в силу своего военачальнического положения. Они очень охотно присваивали себе особо доходные саны и должности прежних хозяев страны. Ливийские предводители становились на место египетских местных князей и сплошь и рядом завладевали высшими жреческими должностями.

И тем не менее именно храмы составили то убежище, куда укрылась и где окопалась от пришлых захватчиков значительная часть старой господствующей верхушки. Египетские храмы и жречество так и не стали ливийскими. Более того, вся южная часть страны во главе с городом Аманы (Амуна) Нии (Нэ, Фивами греков) продолжала составлять жреческое государство в государстве. Здесь египетская жреческая и египетская гражданская знать через браки и совместительство сплелись в одно нерасторжимое целое и составляли главенствующую силу, опиравшуюся на богатейшее в стране храмовое хозяйство. Самое большее, чего могли добиться тут иноплеменные цари со своего далекого севера, это принятие в верховные жрецы Аманы (Амуна) ливийского царевича, а в «*жены божьи*» Аманы (Амуна) — ливийской царевны. Но власть этих владетельных жриц была призрачной, а ливийскому верховному жречеству в Нии (Нэ) приходилось, как мы увидим, утверждать и отстаивать себя военной силой. Более прочной связью местных знатных родов с ливийским царствующим домом служили смешанные браки, однако и брачные узы не помешали жреческо-гражданской знати Нии (Нэ) выступить на стороне эфиопских царей против ливийской вольницы под конец XXIII царского дома.

В подвластной Нии (Нэ) южной части Египта государство и жречество сливались воедино до неразличимости. Решение государственных и частноправовых дел с «помощью» Аманы (Амуна) (видимо, посредством движений его ладьи на плечах выносивших «его» в ней жрецов) применялось умеренно и в Новом царстве. Но со времени XXI царского дома такого рода делопроизводство превратилось в Нии (Нэ) в способ государственного управления, более того, в способ устройства любых дел Аманы (Амуна), иногда в сообществе со своей женою Мут и сыном Ханси (Шонсом), «решал» важные государственные дела, назначал и судил должностных лиц, узаконял имущественные распоряжения, определял загробные блага, отдавал предписания заупокойным «куколкам», обязанным работать за умершего на том свете, выносил постановления против разных напастей, подстерегавших ребенка... И все это издавалось в виде правовых узаконений, писалось в виде настоящих указов. Притом подобные порядки завелись не в одном Нии (Нэ), где при XXI царском доме отдельные верховные жрецы провозглашали себя царями, но и в других городах Египта. Даже в самой пустыне (в оазисе Дахле) местный бог Сута (Сэт) выносил приговоры относительно принадлежности колодцев тому или иному частному лицу! Надо ли удивляться тому, что по всему Египту люди наперебой старались обзавестись жреческими местами?

Неизвестно, каким образом верховная власть перешла от XX царского дома к XXI-му. Неизвестно даже, как кончилось царствование последнего, одиннадцатого, Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са): скончался ли он или был низложен. Как бы то ни было, еще при нем Египет был поделен между двумя владетелями: Ас-би-

ниб-дидой (Эс-бе-неб-тэтом, Смендесом) в нижнеегипетском городе Джану (Танисе греков) и Хри-харой (Хре-хором) в Нии (Нэ, Фивах греков). Что дело зашло уже так далеко при жизни последнего представителя XX царского дома, видно по современному полухудожественному-полуделовому отчету Уну-аманы (Ун-амуна), плававшего за лесом для храмовой ладьи Аманы (Амуна) в финикийский город Библу (Библос греков). Из этой рукописи, хранящейся в Государственном музее изобразительных искусств и подробно описывающей злоключения и унижения незадачливого путешественника, видно не только то, что от египетской власти в Сирии-Палестине не осталось даже слабой тени, но и то, что в самом Египте фараон уже мало что значил. Путешествие предпринимается по почину верховного жреца Аманы (Амуна) Хри-хары (Хре-хора) и при содействии низового владетеля Ас-би-ниб-диды (Ес-бе-неб-тэта) без какого-либо участия призрачного обладателя верховной власти, хотя в отчете наряду с Хри-харой (Хре-хором) и Ас-би-ниб-дидой (Ес-бе-неб-тэтом) в качестве (второстепенных) участников предприятия, пожертвовавших на него какие-то средства, названы также другие «*большие*» мужи Египта.

Тем не менее, в царях числился один лишь Ра-масэ-са (Ра-месэ-с) XI: ни Хри-хара (Хре-хор), ни Ас-би-ниб-дида (Ес-бе-неб-тэт) не носят в отчете царских званий, и имена ни того, ни другого не вписаны в ободки (картуши), приличествовавшие фараоновским именам. Но со смертью или низложением последнего Ра-масэ-сы (Ра-месэ-са) оба владетеля, низовый и верхнеегипетский, провозгласили себя царями. Ас-би-ниб-дида (Ес-бе-неб-тэт) принял полное царское прозвание, Хри-хара (Хре-хор) поступил весьма своеобразно. Величая себя «*царем и государем*», он тем не менее не принял особого, престольного, имени, как делали уже более тысячи лет египетские цари при своем воцарении. Взамен такого имени Хри-хара (Хре-хор) употреблял исконный свой сан «*слуги первого Аманы* (Амуна)», т. е. верховного жреца бога Нии (Нэ), вписывая это должностное звание, как царское имя, в присвоенный таковому ободок (картуш)! Тем самым Хри-хара (Хре-хор) показывал, что чувствовал себя все-таки не вполне фараоном. И, действительно, верховная власть над Египтом в целом, сколь слабой она ни была на деле, осталась в руках северного царя. От имени Ас-би-ниб-диды (Ес-бе-неб-тэта) велись кое-какие строительные работы в южном царстве. Хотя по существу оно составляло в полной мере государство в государстве, тем более, что власть над Эфиопией, эфиопское наместничество, принадлежало южному верховножреческому дому, по крайней мере, при первых двух его представителях. И сходное положение сохранялось на протяжении всего основанного Ас-би-ниб-дидой (Ес-бе-неб-тэтом) XXI царского дома, с той только разницей, что за редким исключением преемники Хри-хары (Хре-хора) уже не присваивали себе ни царского звания, ни царских

колец вокруг имени и ничего больше не слышно после сына Хри-хары (Хре-хора) о какой-либо власти верховных жрецов Нии (Нэ) над Эфиопией.

Сколько лет владел своим южным царством Хри-хара (Хре-хор) под верховной властью северного фараона, доподлинно неизвестно (9—12 лет?). Согласно грекоязычному летописцу царства фараонов Манефону Ас-би-ниб-дида (Ес-бе-неб-тэт), которого он именует Смендесом, процарствовал 26 лет. Сын и преемник Хри-хары (Хре-хора) на верховножреческом престоле Пианах (Пианх) полностью отказался от царского сана, никогда не называл себя «*царем и государем*» и не окружал своего имени царским ободком. Пи-анх (Пионх) довольствовался званиями «*слуги первого Аманы* (Амуна)», «*сына царева* (т. е. наместника) *Эфиопии*», «*распорядителя войскового великого*», т. е. главного военачальника. Но вскоре оба дома, северный и южный, породнились между собою. Сын и преемник Ас-би-ниб-диды (Ес-бе-неб-тэта) от царицы Нуджми-мут (Нутме-мут) Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ, Псусеннес Манефона) I выдал свою дочь за преемника верховного жреца Пи-анха (Пионха) Пи-нуджама (Пинутма) I, и верховножреческий зять северного фараона сам начал величать себя царем и писать свое имя с царским ободком вокруг.

Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) I был самым видным представителем XXI царского дома, хотя бы уже ввиду продолжительности своего царствования. Он правил, по всей видимости, 49 лет, и при нем сменилось в Нии (Нэ) несколько верховных жрецов: где-то вскоре после его 16-го года царствования Пи-нуджаму (Пи-нутму) I наследовал его сын (Масахарта), а этому последнему еще до 25-го года царствования северного царя — другой сын Пи-нуджама (Пи-нутма) (Меншепр-рэ). Ни один из братьев не последовал примеру родителя и не принял царского сана. Пи-су-ха-на-нии (П-су-ше-н-нэ) I пережил, по-видимому, и первого своего соправителя (?) Амун-ме-ниси (Амен-(ем)-нэс) Наф-ку-ри (Нефр-ке-рэ, Неферхерес Манефона), но другой его соправитель Аман-апа (Амен-ем-опе) пережил его и царствовал еще некоторое время после его смерти.

Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) I умер, как доказывают его останки, в глубокой старости, но, несмотря на полувековое царствование, значительных памятников от него сохранилось мало. Поныне над развалинами Джану (Джаане, Таниса греков) высится кирпичная стена, воздвигнутая этим царем вокруг внутренней части города, но показательно в смысле слабости царской власти, что эта стена опоясывает площадь в два раза меньшую, чем стена Нового царства, и значительно тоньше ее. А Джану (Джаане, Танис греков) ведь был столицей XXI царского дома (только в самом начале его были, как будто, колебания в пользу Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков)! В Джану (Танисе) была откопана и гробница Пи-су-ха-на-нии (П-су-ше-н-нэ) I, из нескольких помещений, со стенами, отделанными изображениями и надписями, но, вопреки обыкновению, расположенная внут-

ри самого города, неподалеку от городского храма. Хотя фараон покоился в собственном гробе из листового серебра, наружные гробы, в которые был вставлен серебряный, были чужими. На одном из них из добротного камня (гранита) имя царя было вписано взамен изглаженного имени фараона Мар-ни-птаха (Мернe-птаха) конца XIX царского дома.

Не сильнее были и южные свойственники Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ), современные ему верховные жрецы Аманы (Амуна) в Нии (Нэ). И при самом видном из них, Пи-нуджаме (Пи-нутме) I, который, не довольствуясь званиями верховного сановника, градоначальника и «*распорядителя войскового великого Верхнего и Нижнего Египтов*», притязал также на царский сан, местные власти были бессильны прекратить разграбление гробниц на царском кладбище в Нии (Нэ). Пытаясь спасти от гибели хотя бы самые останки властителей Нового царства, их перетаскивали из гробницы в гробницу в поисках убежища понадежней. При сыне и преемнике Пи-нуджама (Пи-нутма) I (Масахарте) внутри господствующей верхушки южного царства разгорелась ожесточенная борьба. Верховный жрец, толстенький и низкорослый мужчина, числившийся и верховным военачальником, надеялся справиться с положением с помощью храмового прорицалища. По «*велению*» Аманы (Амуна) приверженцы одной из враждующих сторон были лишены должностей и сосланы в пустыню (в Большой Оазис, ныне Оазис Харге). Однако новому верховному жрецу, брату прежнего, Ман-ахпир-ри (Мен-шепр-рэ) пришлось вернуть изгнанников. Амана (Амун) был вынужден «пересмотреть» свое решение в благоприятном для них смысле. Власти, по обыкновению того времени, попытались прикрыться именем Аманы (Амуна), но и его «слово» стало непрочным и зыбким.

Верховный жрец Ман-ахпир-ри (Мен-шепр-рэ), дерзнувший, в отличие от своего брата и предшественника, вновь писать свое имя в присвоенном царям ободке (картуше) и даже принявший по примеру прадеда престольное имя «*слуга божий первый Аманы* (Амуна)», скончался еще в правление северного фараона Па-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) I. Сын и преемник Ман-ахпир-ри (Мен-шепр-рэ) Ас-би-ниб-диди (Ес-бе-неб-тэт), почтивший Па-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) погребальными дарами, пережил его не надолго, так как еще в правление фараона Амун-апы (Амен-опе) Ас-би-ниб-диди (Эс-бе-неб-тэту) наследовал его брат и зять Пи-нуджам (Пи-нутм) II. По Манефону после фараона Амун-апы (Амен-опе) царствовал 6 лет какой-то Осохор, но его имя на найдено на памятниках. Пи-нуджам (Пи-нутм) II умер в правление предпоследнего представителя XXI царского дома Си-амуну (Си-амуна). Сын и преемник Пинуджама (Пи-нутма) II жречествовал при Си-амуну (Си-амуне) и, возможно, при своем тезке, последнем царе XXI дома Па-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) II.

И все же среди общего развала и неустойчивости начала обозначаться сила,

способная как будто вывести страну из ее расслабленного состояния. На севере Верхнего Египта почти что на стыке его с Нижним в древнем городе Хи-ни-нси (Хнэсе, Ираклеуполе греков) княжеской властью и местной верховножреческой должностью завладел ливийский воинский род. Дело было, впрочем, не в самом Хи-ни-нси (Хнэсе), городе, пытавшемся однажды, на рубеже Старого и Среднего царств, воссоединить Египет под своею властью (при IX—X царских домах). При XXI царском доме Хи-ни-нси (Хнэс) был далеко не в цветущем состоянии. Даже главный городской храм местного бога Хри-шифа (Хар-шафэ) нуждался в восстановлении. Попытка овладения верховной властью исходила не от городской общины как таковой, а от тех самых предводителей ливийцев-максиев (машауаша), что осели в Хи-ни-нси (Хнэсе) и завладели местной гражданской и духовной властью. Надо полагать, что одновременно ливийское воинство расселялось и по другим городам и областям северной половины страны и его предводители превращались в местных князей и верховных жрецов. Те ливийские вожди, что обосновались в Хи-ни-нси (Хнэсе), были, несомненно, самыми удачливыми, но без поддержки прочих ливийских насельников им вряд ли удалось бы прибрать к рукам власть над целым Египтом.

Ливийские князья в Хи-ни-нси (Хнэсе) породнились с царствующим домом в Джану (Танисе). Князь Шушинку (Шенонк) занимал при последнем представителе XXI царского дома Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) II настолько видное положение в государстве, что сам фараон с торжественностью, приличествовавшею его сану, занимался совершенно частными делами своего подданного, как если бы то были дела государственные. Царскому товарищу оставалось сделать один шаг, чтобы с кончиною фараона очутиться на престоле. И этот шаг Шушинку (Шешонк) сделал и стал основателем XXII царского дома (около середины X века). Свое право на престол, видимость преемственности царской власти, Шушинку (Шешонк) закрепил женитьбою своего сына и наследника Усаркуна (Осаркона) на дочери Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) II. Другого своего сына (Аупута) новый фараон поставил верховным жрецом Аманы (Амуна) в Нии (Нэ), связав таким способом родственными узами жреческое полуцарство на юге со своим домом. Колыбель его, город Хи-ни-нси (Хнэс) и его бог Хри-шиф (Хар-шафэ) были почтены восстановлением местного храма и обеспечением бесперебойных в нем жертвоприношений — за счет, правда, всего местного населения, обложенного начиная с самых верхов до самых низов соответствующими поставками.

Желание ли утвердить свой дом на престоле, или простая жажда наживы толкнули воцаренного главу ливийского воинства на путь завоеваний, но только одно время могло казаться, что возрождаются воинственные времена Нового царства. Началось все, по-видимому, со взятия палестинского города Гэзероа (Газри

эль-амарнской переписки), который египетский царь отдал израильскому царю Соломону вместе с рукой своей дочери. Египетская царевна заняла исключительное положение при израильском дворе: ей — одной из всех жен, насколько нам известно — Соломон построил особый дворец. Дружественные отношения нашли свое выражение и в снабжении израильского царства египетскими конями. Другом и тестем Соломона, взявшим и отдавшим в виде свадебного дара такой город, как Гэзер, вряд ли мог быть какой-нибудь бессильный представитель XXI царского дома. Скорее всего этим фараоном был Шушинку (Шешонк). За дружеским вниманием к израильскому царству последовало внимание далеко не дружественное. Нигде иначе, как в Египте, искал и нашел убежище видный беглец из Израиля, тот самый Иеровоам, который по смерти Соломона отторг от его сына и преемника Ровоама большую часть еврейских племен. С обособлением ее в виде Израильского царства царю в Иерусалиме осталось лишь небольшое Иудейское царство. С разделением надвое царства Давида и Соломона Шушинку (Шешонку) уже нетрудно было появиться самому в Палестине в виде нового Дхут-маси (Тхут-мосе) III.

Это случилось в 5-й год царствования иудейского царя Ровоама, вероятно, вскоре после 20-го года правления Шушинку (Шешонка) (около 930 г.). Фараон не ограничился взятием нескольких более крупных городов и множества небольших селений в царстве Ровоама, но, по всей видимости, простер свои захваты и на какую-то часть северного, Иуровоамова, царства. Он пошел и на самый Иерусалим, но поскольку в перечнях покоренных ливийцем местностей Иерусалим не обнаружен, иудейской столице, видимо, удалось откупиться от грозного врага. Однако внесенный выкуп стоил разорения. Фараону были выданы дворцовые и храмовые сокровища, а также другие ценности. Золотые щиты, с которыми телохранители сопровождали еврейского царя при его выходах в храм, были тоже отданы египтянам и заменены медными. Иудейское царство впало в зависимость от Египта.

Победоносный поход в духе Дхут-маси (Тхут-мосе) III требовал и увековечения по его примеру. От 21-го года царствования Шушинку (Шешонка) в южноегипетских каменоломнях (Гебель Сильсиле) имеется надпись, свидетельствующая о добыче там для построек фараона песчаника. К главному храму Аманы (Амуна) в Нии (Нэ, Фивах греков) в Апи-сауи (Эп-эсове, у нынешней деревушки Карнак) с наречной стороны фараон пристроил или начал пристраивать огромный двор. Это — самый вместительный из всех сохранившихся древнеегипетских храмовых дворов; по бокам справа и слева он окаймлен каменными навесами на каменных же столбах. Однако отделать стены двора изображениями и надписями поспели до конца царствования Шушинку (Шешонка) только в юго-западном углу. Иногда ливийскому времени приписывают и исполинские привратные башни (I-е карнакские пилоны) на лицевой стороне двора. Однако,

судя по кладке, они скорее всего птолемеевского (эллинистического) времени (ни изображений, ни надписей на башнях нет). Но Шушинку (Шешонк) почтил Аману (Амуна), бога мировой новоегипетской державы, не только новыми сооружениями в его главном храме. На южной стене этого последнего, на постройке XIX царского дома по соседству с победными изображениями Риа-масэ-сы (Рамесэ-са) II новоявленный воитель вырезал и свои изображения, выдержанные полностью в духе Дхут-маси (Тхут-мосе) III. Фараону, который должен был быть изображен поражающим своих врагов, Амана (Амун) вручал победоносный меч и вел к нему на привязи палестинские города и селения, представленные связанными пленниками, наполовину прикрытыми каждый названием соответствующей местности с зубчатым (крепостным) ободком вокруг. Богиня Нии (Нэ, Фив греков), сжимая в одной руке победоносное оружие, другою вела за веревку к победителю такие же вереницы плененных палестинских местностей. В числе взятых царем городов значатся Раббит, Таанак, Шунем, Хафарнаим, Маханаим, Гибеон, Бет-хорон, Рехеб, Айалон, самым северным был Мегиддо, входивший в состав уже не Иудейского, а Израильского царства. Первый поход Дхут-маси (Тхут-мосе) III был ведь тоже на Мегиддо, но у Шушинку (Шешонка) других походов за первым и единственным не последовало.

Памятники Шушинку (Шешонку) I в государственном храме Аманы (Амуна) остались незаконченными. Фараон умер, видимо, вскоре после того, как приступили к увековечению его побед на стене храма. Позднейший известный год царствования —21-й. Манефон определяет продолжительность правления своего Сесонхосиса в 22 года. Погребен был Шушинку (Шешонк) I, вероятно, не в Нии (Нэ), а в Джану (Танисе). Останки фараона не найдены, хотя кое-что из его погребальной обстановки до нас, странным образом, дошло (алебастровый ящик для сосудов с внутренностями в Берлинском музее).

Шушинку (Шешонк) I воплотил в своей деятельности на короткое время страстную грезу господствующих кругов о возрождении рухнувшей мировой державы. Временем Нового царства, временем «славного» XVIII царского дома грезили власть имущие современники Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ) и Пи-нуджамов (Пи-нутмов), Шушинку (Шешонка) и его преемников. Как мы видели, основатель ливийского царского дома увековечивал свои победы в духе Дхут-маси (Тхут-мосе) III и рядом с Риа-масэ-сой (Ра-месэ-сом) II. Изваяния, которые знатные люди помещали в государственном храме в Нии (Нэ), представляли подражание произведениям времени XVIII царского дома. Возврат к начертаниям времени этого дома наблюдался даже в скорописном (гиератическом) книжном письме. По всей видимости, при XX царском доме был составлен ученым писцом Аман-апой (Амен-опе) своеобразный словник, свод всевозможных обозначений времени Нового царства. От этого последнего до нас не сохранилось ни

одной рукописи этого сочинения, зато от времени XXI—XXII царских домов до нас дошло несколько списков разной сохранности (самый полный хранится в Государственном музее изобразительных искусств). В словнике Аман-апы (Амен-опе) расположены в последовательном порядке обозначения явлений природы, должностей и занятий, народов, египетских городов, зданий, видов зерна, хлеба, напитков, мяса, птиц и т. д. То была подлинно «терминологическая энциклопедия» той поры и того мира, в которых еще так недавно господствовал великодержавный Египет. «Блестящее» Новое царство в наставшее за ним «лихолетье» не могло не казаться общественным верхам заманчивой «классической» порою.

Вкусы и упования господствующих кругов нашли свое отражение в государственных, мы бы сказали «программных» прозваниях и именах, принимавшихся правителями. Цари XXI—XXII домов один за другим включали в свои царские имена наименования могущественных предшественников — представителей XIX царского дома «Уас-муа-риа» (Уср-ма-рэ, «*Мощно правдою солнце*»), «Сатип-на-риа» (Стп-ен-рэ, «*Избранный солнцем*»), «Маи-амана» (Ми-амун, «*Возлюбленный Аманой* (Амуном)»). Верховный жрец Аманы (Амуна) при XXI царском доме Пи-нуджам (Пи-нутм) назвал своего сына престольным именем Джут-маси (Тхут-мосе) III «Ман-ахпир-риа». С воцарением Шушинку (Шешонка) I царское прозвание вновь зазвучало воинственно, как в дни египетского мировладычества: «*Телец крепкий, возлюбленный солнца,* (кое-кому) *дало воссиять оно царем, чтоб соединить обе земли* (т. е. Верхний и Нижний Египет), *обе владычицы* (т. е. олицетворение верхнеегипетской и нижнеегипетской государственных богинь), *воссиявший в обоих венцах, что Хара* (Хор), *сын Эси* (Эсе, Исиды греков), *умиротворивший богов правдою, Хара* (Хор) *золота* (т. е. как оно нерушимый), *мощный силою, побивший 9 луков* (т. е. все народы), *великий победами в землях всех, царь* (и) *государь, владыка обеих земель, Хад-хури-ри* (Хет-шепр-рэ), *избранник солнца, сын солнца, владыка венцов, возлюбленный Аманой* (Амуна) *Шушинку* (Шешонк)». Это прозвание выражало направление («программу») нового царствования: сплочение Египта и победы над соседями. Короткое время могло казаться, что новый царский дом в какой-то мере преуспеет в осуществлении того и другого. Однако ближайшее же время по смерти Шушинку (Шешонка) I опровергло надежды на единство страны и на великодержавие.

Если на первых порах, при утверждении ливийского господства в Египте, ливийской военной вольнице и ее предводителям могла быть нужна сильная верховная власть, то по утверждении своего господства нужда в ней ими уже не ощущалась. После Шушинку (Шешонка) I власть ливийских фараонов все более и более слабела, и в итоге Нижний Египет и северная часть Верхнего распа-

лись на множество полусамостоятельных княжеств с ливийскими владетелями во главе под призрачным главенством ливийского фараона.

Шушинку (Шешонку) I наследовал его сын от Му-ку-ри (Ма-ке-рэ), дочери последнего царя XXI дома Пи-су-ха-н-нии (П-су-ше-н-нэ, Псусеннеса греков) II Усуркум (Осоркон) I (конец X в.), а этому последнему — Такалут (Такелот) I (начало IX в.). Затем еще единодержавно царствовали Усуркун (Осоркон) II и Такалут (Такелот) II и в течение нескольких лет Шушинку (Шешонк) III (вторым Шушинку (Шешонком) считают или соправителя Усуркуна (Осоркона) I или царя, якобы мимолетно воссевшего на престоле между Усуркуном (Осорконом) II и Такалутом (Такелотом) II). Однако в 7-м году царствования Шушинку (Шешонка) III, на исходе IX в., рядом с XXII царским домом вырос другой соперничающий царский дом, тоже ливийский, XXIII по счету Манефона. Новый царский дом был основан Па-д-убэсти (Петубастисом Манефона), и в течение нескольких царствований оба дома сосуществовали бок о бок в Нижнем Египте. К середине VIII века, если только не раньше, власть этих фараонов стала окончательно призрачной. Весь Нижний Египет и северная половина Верхнего оказались в руках областных князей ливийского происхождения, а в некоторых городах, таких, как Хи-ни-нси (Хнэс, Ираклеуполь греков) на севере Верхнего Египта или Хмуну (Ермуполь) в среднем Египте, объявились даже свои «*цари*». На победной плите нагрянувшего на Египет в третьей четверти VIII века эфиопского завоевателя Пи-анхайя («Пианхи») подобным местным «фараонам» не только приданы царское звание и царская налобная змея (урей), но и самые имена их окружены ободками (картушами), приличествовавшими фараоновскимм именам. На памятниках же частных лиц под конец XXII царского дома — в дни XXIII-го ливийских князьков изображали перед египетскими божествами взамен самих фараонов. И если наряду с превосходно начертанными (иероглифическими) надписями со времени XXII царского дома и вплоть до египетского «возрождения» встречаются в изобилии плиты, надписанные (гиератической) скорописью, то это свидетельствует о вольном обращении также с письменностью.

Манефон связывает XXII царский дом с нижнеегипетским городом П-убести (Бубастисом греков), а XXIII — с Джану (Джаане, Танисом греков), расположенным на северо-восток от него. Однако, если Манефон имел в виду местопроисхождение XXII дома, то он явно ошибался, потому что первый ливийский фараон Шушинку (Шешонк) I был родом из Хи-ни-нси (Хнеса, Ираклеуполя греков). Если же египетский летописец имел в виду не местопроисхождение, а местопребывание, то за столицу XXII дома может сойти скорее Джану (Танис), чем П-убести (Бубастис греков). В последнем, правда, сохранились остатки храмовых сооружений этого царского дома, в том числе примечательного чертога Усуркуна (Осоркона) II для празднования «*тридцатилетия*» царствования.

Но в Джану (Танисе) XXII царский дом воздвиг огромный храм в четверть километра длиною, а главное, там обнаружены погребальные сооружения тогдашних царей — Усуркуна (Осоркона) II, Шушинку (Шешонка) III. То, что последний царь был похоронен в Джану (Джаане, Танисе греков) — в роскошном гробу из литого серебра — тем примечательнее, что в Джану (Танисе) к тому времени должен был уже давным-давно царить XXIII царский дом, если он действительно был «танисским». Имеются, впрочем, некоторые, хотя и не слишком прочные, основания связывать XXIII царский дом или, по меньшей мере, некоторых его представителей с городом П-усири (Бусирисом греков) в среднем Низовье.

Большинство фараонов XXII царского дома царствовало подолгу: по двадцать, тридцать и более лет. Даже такой поздний правитель, как Шушинку (Шешонк) III, продержался на престоле не менее 38—39 лет. Основатель XXIII царского дома Па-д-убести (Петубастис греков) царствовал не менее как 20 с лишним лет. Трудно решить, чем объясняется такая прочность на престоле слабосильных правителей: верностью ливийского воинства, незавидностью положения, безобидностью от немощи или иными причинами. Старший сын Такалута (Такелота) II Усуркун (Осоркон) даже не пытался занять престол, хотя начальствовал над верхнеегипетским воинством и владел как верховный жрец Аманы (Амуна) крупнейшим из княжеств — египетским югом. Напротив, фараон Усуркун (Осоркон) II вынужден был терпеть, что внук Усуркуна (Осоркона) I Хурса-эси (Хар-си-эсе), состоявший верховным жрецом Аманы (Амуна) в Нии (Нэ), величал себя царем и «*владыкою обеих земель* (т. е. Верхнего и Нижнего Египта)» и свое имя писал в царском ободке (картуше).

Было б, однако, глубоко неверным представлять себе время ливийских фараонов мирным и безмятежным. Так называемая «хроника» вышеупомянутого Усуркуна (Осоркона), сына Такалута (Такелота) II, начертанная в главном храме Аманы (Амуна) в Нии (Нэ), знакомит нас, к сожалению, недостаточно подробно, с внутренними распрями между царственным верховным жрецом и его противниками в Нии (Нэ), распрями, затянувшимися на десятилетия (вторая половина IX века).

Царевич Усуркун (Осоркон), прилагающий себе громкие звания «*распорядителя Верхнего Египта*», «*главы обеих земель* (т. е. Верхнего и Нижнего Египта)», «*распорядителя войскового великого земли до края ее* (т. е. всей страны)», хотя и состоял также «*слугою божьим первым Аманы* (Амуна)», местопребыванием своим имел, по-видимому, не Нии (Нэ), куда только исправно наезжал в положенные сроки для отправления своих верховножреческих обязанностей. В качестве начальника ливийского воинства города Хи-ни-нси (Хнэса, Ираклеуполя греков), родины XXII царского дома, царевич пребывал, вероятно, в крепости, расположенной в трех десятках километров к югу от этого города (на бе-

регу реки против нынешнего Эль-Хибе). Сочетание верховножреческого сана в Нии (Нэ) с начальством над крупным воинским соединением не представляло ничего нового для времени XXII царского дома. Но царевичу Усуркуну (Осоркону) удалось удержаться верховным жрецом Аманы (Амуна) только благодаря той воинской силе, которая была в его распоряжении. Царевичу пришлось подавлять восстания в Нии (Нэ) в 11-м и 15-м годах царствования своего родителя Такалута (Такелота) II, из которых второе и затянулось, видимо, на годы. Одно время самую должность верховного жреца Аманы (Амуна) у царевича отнял и присвоил себе некий Хур-си-эси (Хар-си-эсе), одноименный с упоминавшимся выше внуком Усуркуна (Осоркона) I, бывшим при Усуркуне (Осорконе) II верховным жрецом в Нии (Нэ). Восторжествовав, царевич жестоко расправлялся с врагами: «*и доставили их ему немедленно пленными..., сожгли мужа всякого огнем в месте преступления*». Любопытно одно место надписи, к несчастью, сильно поврежденное, где речь шла о «*детях знатных* (людей), *что внутри земли этой*, (которые) (были) *знатоками вещи* (т. е. умели править храмовую службу?)», а затем о «*месте отцов их*». Что тут говорилось о посвящении в жрецы отпрысков знатных семейств, с тем чтобы исправно служить в храме, где служили отцы посвящаемых, представляется правдоподобным, так как следовало предостережение царевича, обращенное к этим «*детям знатных*». Но в таком случае не были ли те, кого заменили ими, людьми незнатными, иными словами, не принимали ли деятельное участие в восстаниях простые люди Нии (Нэ)?

Получившее значительное распространение в эти поздние времена нравоучительное сочинение писца Аман-апы (Амен-опе) осуждало ограбление и притеснение простолюдинов, многократно порицало именно общественные злоупотребления. Умонастроения, свойственные набожности простых людей в новоегипетскую пору, давали знать о себе и в ливийское время даже в среде, которую никак не назовешь народной. И мы еще увидим, с какою отвагою обороняли Мэмфи (Мэнфе, Мемфис греков) его рядовые жители от войск эфиопского царя, друга и союзника египетского жречества. Короче говоря, простые граждане достаточно громко заявляли о себе при XXII—XXIII царских домах. Потому нет ничего невозможного в том, что именно они в первую очередь деятельно и упорно отстаивали себя и свой город против пришлого ливийского царевича.

Та государственная разруха, в которую погрузился Египет к концу правления двух ливийских домов, надолго запомнилась египтянам. Еще в V веке Иродоту («Геродоту») рассказывали о «*двенадцати царях*», якобы деливших между собою власть над страной перед воссоединением ее Псамметихом. И столетия спустя (уже в эллинистическую пору) был записан целый круг сказок о смутах, происходивших при некоем царе Пе-т-убасте.

Естественно, для господства над соседними странами, на юге или севере, ли-

вийским фараонам, чья власть из царствования в царствование хирела и слабела, не хватало сил. Поход Шушинку (Шешонка) I в Палестину по последствиям своим оказался не более, как случайным набегом, и не привел к сколько-нибудь прочному закреплению египетского влияния, не говоря уж о восстановлении египетского владычества над нею. Ни Иудейское, ни тем более Израильское царство не стали египетскими данниками. Возможно, первое время после Шушинку (Шешонка) I египетское влияние держалось в Финикии. От имени второго представителя XXII царского дома Усуркуна (Осоркона) I в городе Гэбале (Губле, Библосе греков) делали надписи в честь местной богини. Но скоро потомки Шушинку (Шешонка) I настолько ослабли, что о каком-либо господстве вовне не могло быть уже и речи. К концу же Новейшего царства Египет стал добычей пришедших из Эфиопии завоевателей, а затем яблоком раздора между ними и ассирийцами.

ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ ЭФИОПОВ

(вторая половина VIII — первая половина VII вв.)

О взаимоотношениях Египта с Эфиопией в ближайшие три с половиной столетия после Нового царства мало что известно. При последнем представителе XX царского дома Риа-масэ-се (Ра-месэ-се) XI Эфиопией еще правил египетский наместник. В начале XXI царского дома звание эфиопского наместника — «*сына царева* (по) *Каши* (Кошу, т. е. Эфиопии)» носил сын фараона-жреца Хри-хары (Хре-хора) Па-анах (Пи-онх). Но относительно того, как складывались затем отношения Египта с его бывшими владениями на юге — в XI, X, IX и отчасти VIII веках мы остаемся в почти полном неведении. Тем не менее, какие-то связи между царством фараонов и Эфиопией существовали — вероятно, менового порядка. В древнейших погребениях того времени в нынешнем Эль-Курру неподалеку от древней Напаты у 4-х нильских порогов были найдены обломки египетских алебастровых сосудов и поливных (фаянсовых) изделий. В Египте около 800 г. упоминается эфиопское золото. Судя по относительному обилию золота в ранних могильниках в Эль-Курру, предшественники будущих царей Эфиопии располагали им в значительном количестве.

Отношения между Египтом и Эфиопией начинают проясняться около середины VIII века, но только самым для нас неожиданным образом — теперь уже не Египет притязает на Эфиопию, а Эфиопия на Египет. В то время как этот последний к середине VIII века окончательно распался на полунезависимые области — южноегипетское жреческое государство и многочисленные ливийские военные княжества под призрачной властью низового фараона, Эфиопия сложилась в сильное царство с царем Куштою (Каштою) во главе. Кушта (Кашта)

принял на фараоновский лад особое престольное имя и фараоновские звания «*царя-государя*», «*сына солнца*» и даже «*владыки обеих земель*», выражавшее уже совсем недвусмысленно притязание как на Верхний, так и на Нижний Египет. Вполне возможно, что власть Кушты (Кашты) простиралась на южную окраину Египта. На острове Йибе (Элефантине греков) Кушта (Кашта) оставил плиту, на которой изобразил себя в обличье фараона-полуэфиопа по виду — перед тамошними египетскими божествами — «*Хнумом-Ри* (Хнем-Рэ), *владыкою* (области) *вод* (т. е. области первых порогов)» и «*Сати, владычицей Йиб*(*ы*)». Из того, что четверть века спустя при преемнике Кушты в Нии (Нэ, Фивах греков) сидела царственной жрицей его дочь, не следует, конечно, что город был подчинен эфиопам уже в царствование ее родителя. Достоверно лишь то, что до 21-го года правления зятя и преемника Кушты (Кашты) Пи-анхайя («Пианхи») эфиопы овладели значительной частью Верхнего Египта, в том числе и самим Нии (Нэ).

Как совершилось присоединение Нии (Нэ) к эфиопскому царству, нам неизвестно. Однако последующие взаимоотношения между великим городом и эфиопами подсказывают нам, что завоеватели не встретили со стороны Нии (Нэ) резкого противодействия. Поведение Пи-анхайя («Пианхи») во время войны с египетскими севером, нескончаемые предписания царя своему войску молиться и освящаться в Нии (Нэ) перед походом и отдача львиной доли богатств, захваченных в среднем и нижнем Египте, государственному храму Аманы (Амуна) в Нии (Нэ) предполагают теснейший союз между городом, точнее — его хозяевами, и эфиопским царем. Этот союз был нужен эфиопам, потому что они вряд ли были настолько могучи, чтобы одной военной силой господствовать надо всем Египтом. Союз был тем легче осуществим, что эфиопская столица Напата, а также некоторые другие эфиопские города были со времени Нового царства объединены с Нии (Нэ) почитанием одного и того же Аманы — Амуну (Амуна). Фараоны Нового царства сделали бога своей столицы и своей мировой державы главным божеством покоренной Эфиопии. И теперь Пианхай («Пианхи») мог выступить как прямой наследник Дхут-маси (Тхут-мосе) III, чье престольное имя Манахпир-риа (Мен-шепер-рэ) он принял, и явиться в Египет как сын и полномочный посланец бога Напаты и Нии (Нэ). Приход новоявленных поборников Амуну (Амуна) должен был быть как нельзя более на руку Нии (Нэ). С их помощью великий, но уже дряхлый город, опереженный севером в хозяйственном и военном отношениях, мог надеяться вернуть, хотя бы отчасти и под главенством эфиопов, свое былое положение в стране. Установление владычества Эфиопии и Нии (Нэ) надо всем Египтом вряд ли казалось заманчивым на севере, и там должны были пробудиться настроения, благоприятствовавшие объединению для отпора натиску с юга.

В 21-м году своего царствования Пи-анхай («Пианхи») получил известие, что великий князь Хбуйи (Исея) и державец Сайи (Саиса греков) Таф-нахти (Теф-нашт), овладев всем северо-западным Египтом вплоть до подступов к Земле Озера (Файюму) на юге, двинулся вверх по Нилу в сопровождении раболепствующих местных князей и градоправителей. Один за другим отворили Таф-нахти (Теф-нашту) ворота среднеегипетские города сперва на западном, а затем и на восточном берегу. Штайи (Крокодилополь) в Земле Озера и принильские области включительно до XIX-й на западе и XXII-й на востоке подчинились северному владыке. Только могущественный Хи-ни-нси (Хнэс, Ираклеополь греков), родина ливийских фараонов, город владетельных жрецов-военачальников из царского рода, не пожелал подчиниться новоявленному объединителю и был плотно осажден войсками Таф-нахти (Теф-нашта). Возникла прямая угроза эфиопскому владычеству над Верхним Египтом. Первым грозным предостережением явилось отпадение от эфиопского царя владетеля Хмуны (Шмуна, Ермуполя греков). Его царек тоже отправился на поклон к Таф-нахти (Теф-нашту).

Своими быстрыми успехами в среднем Египте державец Сайи (Саиса греков) и Хбуйи (Исея) был обязан, по-видимому, не расположением к его начинаниям среднеегипетских городов, а бессилием их разобщенных правителей противостать объединенным силам западного Низовья. Впоследствии от эфиопских войск города среднего Египта, за исключением, конечно, Хмуны (Шмуна, Ермуполя греков), имевшего все основания опасаться гнева Пи-анхайя («Пианхи»), обороняли обычно не местные силы, а размещенные в городах нижнеегипетские отряды. Попытка объединения Египта под главенством севера исходила от западного Низовья, надо полагать, не случайно. Низовый запад был ливийским по преимуществу. Таф-нахти (Теф-нашт), «*державец Запада*», был не только местным князем, но и «*предводителем ливийцев*». Его опорою были «*ливийцы, надежное войско*». Таким образом, эфиопскому натиску противостали прежние хозяева положения, ливийцы, и они же составляли единственную воинскую силу, способную объединить страну и преградить путь Пи-анхайю («Пианхи»).

Если эфиопы опирались на Нии (Нэ), то естественным союзником ливийцев являлся старый соперник Града Южного Мэмфи (Мэнфе, Мемфис греков). Таф-нахти (Теф-нашт) не замедлил провозгласить себя верховным жрецом Птаха. Отвержение впоследствии жителями Мэмфи (Мэнфе) милостивых условий сдачи, предложенных эфиопом, деятельное участие горожан в обороне и кровавая резня, учиненная среди них победителями, свидетельствуют как будто бы о непримиримой враждебности города к победоносному воинству Амуну (Амуна).

В ответ на отпадение Хмуны (Шмуна, Ермуполя греков) Пи-анхай («Пианхи») приказал верным ему верхнеегипетским князьям и начальникам расположенных в Египте эфиопских воинских сил осадить Хмуну (Шмуну), а из Эфио-

пии отправил войско, объявленное посланным самим Амуну (Амуном) и призванным с его помощью одолеть Таф-нахти (Теф-нашта) даже при самых выгодных для него условиях. Когда это воинство Амуну (Амуна) достигло Нии (Нэ), оно по царскому предписанию умылось в реке в виду храма Апи-сауи (Эп-эсове, у нынешней деревушки Карнак), приоделось и, отложив луки и стрелы, окропило себя водою с храмовых жертвенников, поклонилось Амуну и помолилось о его покровительстве. Затем эфиопы отплыли на север, откуда навстречу им шли многочисленные корабли с нижнеегипетским воинством. Столкновение кончилось кровавым разгромом северян и пленением их судов и воинов, отправленных затем к царю в Эфиопию. Не встречая сопротивления, эфиопские суда спешили к осажденному Хи-ни-нси (Хнэсу, Ираклеополю греков). Вблизи его сосредоточились главные силы Таф-нахти (Теф-нашта) и находился он сам в окружении князей и царьков, среди которых были теперь и владетели восточного Низовья и даже бессильный представитель XXIII царского дома фараон Усуркун (Осоркон) III из П-убести (Бубастиса греков). Две битвы на воде и на суше, во второй из которых участвовала также конница, были обе выиграны эфиопами, и остатки северных войск бежали в Низовье.

Известие о том, что неприятель не был уничтожен полностью, привело эфиопского царя в ярость, которую не могли успокоить никакие успехи его войска, бравшего один за другим среднеегипеские города. И вот Пи-анхай («Пианхи») сам отбыл в Египет к месту военных действий.

Царь Эфиопии прибыл в Нии (Нэ) в конце зимы к главному из тамошних праздников, когда идола Амуну (Амуна) торжественно переправляли из храма в Апи-сауи (Эп-эсове, у нынешней деревушки Карнак) в храм в Апи (Опе) Южном (нынешнем Эль-Кусуре, Луксоре европейцев) и обратно. Приняв личное участие в нескончамых торжествах, фараон отплыл к Хмуне (Шмуну, Ермуполю греков), давно осажденному эфиопским войском. Накричав на это последнее, царь распорядился держать несчастный город под непрерывным обстрелом из луков и пращей. Наконец Хмуна (Шмуну) запросил пощады, но переговоры о сдаче затянулись. Супруга и дочь местного царька (Немалота) явились к женам, дочерям и сестрам эфиопского царя, сопровождавшим его в походе, моля их повлиять на неумолимого воителя. Последний, видимо, решил переменить гнев на милость. Царек бил челом фараону и доставил богатую дань. При «*радостных*» кликах побежденного войска эфиоп вступил в город и принес жертву в храме местного бога Дхаути (Тховта). По прибытии во дворец победитель надменно презрел почести, оказанные ему местными царицами и царевнами, но был задет за живое жалким видом отощавших за время осады коней. Еще во Хмуне (Шмуне) или уже по пути на север Пи-анхай («Пианхи») имел удовольствие видеть у ног своих державца Хи-ни-нси (Хнэса, Ираклополя греков). Владетель при-

был благодарить царя за спасение из преисподней и тьмы, сиречь от войск Таф-нахти (Теф-нашта). Движение эфиопов вниз по Нилу от Хмуны (Шмуна) по направлению к Мемфи (Мэнфе, Мемфису греков) вылилось в победное шествие. Неприступные твердыни у входа и севернее Земли Озера (Файюма) одна за другой сдались фараону. В эти дни, между сдачею Хмуны (Шмуна) и овладением подступами к Мэмфи (Мэнфе), когда над эфиопами начальствовал лично Пианхай («Пианхи»), союз Напаты и Нии (Нэ) получил особенно яркое, можно сказать, вещественное выражение. В Хмуне (Шмуне) и городах возле земли Озера (Файюма) имущество царька и содержимое казнохранилищ было передано в сокровищницу, а запасы в житницах — в жертвенное хозяйство храма Амуну (Амуна) в Апи-сауи (Эп-эсове, Карнаке).

Приближаясь к Мэмфи (Мэнфе), эфиопский царь выслал вперед небольшой отряд с предложением сдаться, составленным в самых лестных и милостивых выражениях. Ответом явилось нападение горожан, ремесленников, строителей, корабельщиков на пришлых воинов. Мэмфи (Мэнфе) был сильно укреплен с суши, а с востока, с наречной его части затопившие ее воды половодья не дозволяли, казалось бы, высадки. В городе было много продовольствия и оружия и стояло уже восьмитысячное войско. К тому же Таф-нахти (Теф-нашт), приезжавший ночью подбодрить верных ему горожан и затем спешно ускакавший на север, обещал поднять им на помощью нижнеегипеских владетелей.

Ранним осенним утром корабли эфиопского царя подошли к Мэмфи (Мэнфе), и взорам воинства Амуну (Амуна) предстал великий город, древняя столица страны, с выглядывавшими из воды прибрежными зданиями и высокими городскими стенами. Вид неприступных укреплений смутил эфиопских военачальников. Но их предложения долгих осадных работ вызвали только очередную вспышку гнева у Пи-анхайя («Пианхи»). В голове завоевателя зрела смелая мысль взять город приступом со стороны реки, поведя корабли прямо на затопленную часть города. Эфиопам, действительно, удалось овладеть причалами и стоявшими у них судами. В последовавшем затем приступе Мэмфи (Мэнфе) с кораблей царь принял личное участие. Ворвавшись в город, победители учинили там кровавую бойню. Много народа было перебито, много угнано пленными к царю. Толко на следующее утро Пи-анхай («Пианхи») отрядил людей для защиты городских храмов, хотя в общем отнесся к их жречеству иначе, чем к рядовым защитникам города. После учиненных ужасов Мэмфи (Мэнфе) был «*очищен*» раствором натра и фимиамом, жрецы водворены на свои места, и царь принес великолепную жертву местному богу Птаху. Содержимое городских казнохранилищ и житниц было поделено между Амуну (Амуном) и богами Мэмфи (Мэнфе).

Жречеству других северных городов тоже не приходилось особенно сетовать

на посланца Амуну (Амуна). Царь совершил паломничество в город солнца Уну (Илиуполь греков) и проездом или по приглашению принес жертвы в ряде других нижнеегипетских храмов. О сопротивлении уже почти никто не думал. Города отворяли ворота, владетельные князья, царьки и сановники стекались со всех сторон с изъявлениями покорности и дарами. В числе подчинившихся были и «призрачный» фараон Усуркун (Осоркон) III из П-убэсти (Бубастиса греков). Страшный разгром едва ли не последнего «*мятежного*» города в Низовье (Меседа) отнимал у Таф-нахти (Теф-нашта) всякую надежду на успех. Бежав в труднодоступное поморье и не отваживаясь лично явиться к победителю, он просил Пианхайя («Пианхи») прислать к нему доверенное лицо для приведения к присяге. Эфиоп удовольствовался таким оборотом дела, и некогда грозный властитель ливийского запада принес клятву верности новому фараону в присутствии его уполномоченных: эфиопского военачальника и первого жреца-заклинателя с именем, отдававшим победоносным Нии (Нэ). Груженные богатой низовой добычей, в том числе произведениями Сирии-Палестины, попавшими в Египет, должно быть, торговым путем, корабли эфиопского царя поплыли на юг. И можно себе представить, каким торжествующим кликом встретило Нии (Нэ) победителя! В конце его победной надписи, где славится возвращение его после победы, он так и назван «*властителем, любезным Уиси*» (Висе, Нэ, т. е. Фивам греков).

Однако новое обширное эфиопско-египетское государство было менее всего прочно спаянным. Египет как был, так и остался раздробленным на множество княжеств, из которых единственно крупным было, пожалуй, княжество Нии (Нэ). Князьями и царьками в областях были в общем оставлены те же лица, что правили ими до эфиопского нашествия. В Нии (Нэ) владетельной жрицей числилась эфиопская царевна, сестра Пи-анхайя («Пианхи») Амун-ар-дэ-се (Аменердис) I, но и она была «удочерена» в свое время предшественницею из ливийского царского рода, дочерью Усуркуна (Осоркона) III Шап-ни-йапи (Шеп-ен-опе) I. Об изменении границ слышно исключительно редко. Эфиопский царь ограничивался требованием дани с подвластных владетелей, на словах, правда, со всею строгостью. Относительная слабость эфиопского владычества, сказавшаяся в сохранении сумбурных порядков ливийского Египта, его полусамостоятельных княжеств, отражала, возможно, недостаточную сплоченность основной, эфиопской части государства. Во всяком случае, в одной из своих напатских надписей Пи-анхай («Пианхи») заявлял:

«*Амуну напатский дал мне быть властителем всех неегипетских стран:*
всякий, кому я говорю: "Ты — державец",
является державцем,
всякий, кому я говорю: "Ты не державец",
не является державцем.

Амуну в Уиси (Висе) *дал мне быть властителем Египта:*
всякий, кому я говорю: "Воцарись!",
воцарится,
всякий, кому я говорю: "Не воцаряйся!",
не воцаряется».

Приведенные слова хорошо очерчивают устройство двуединого государства. Видимо, оно было довольно рыхлым не только в египетской, но и в эфиопской своей половине.

Как ни велико было взаимное расположение знати Нии (Нэ) и эфиопского царя, новоявленный фараон все же чувствовал себя больше эфиопом, чем египтянином. Правда, в царском его прозвании, списанном чаще всего с Джут-маси (Тхут-мосе) III, первое из пяти имен вместо заключительных слов: «*воссиявший в Напате*» получило окончание, как у Джут-маси (Тхут-мосе): «*воссиявший в Уиси* (Фивах)», а второе имя стало нередко звучать: «*властитель Египта*». Тем не менее, в храмах Нии (Нэ) сохранились лишь ничтожные следы деятельности Пи-анхайя («Пианхи»), в то время как в родной Напате он развернул большое строительство. В главном храме напатского Амуну (Амуна) большая плита с победной надписью и изображения на стенах повествовали об успехах царя в Египте.

Внимание к Египту в ущерб Эфиопии, сказавшееся уже на царском прозвании Пи-анхайя («Пианхи»), превратилось как будто бы в прямое пристрастие при дворе его наследников: его брата, другого сына Кушты (Каштa) Шабику (Шабако), и его преемника, сына Пи-анхайя («Пианхи») Шабитку (Шабатаки). У себя в Эфиопии они строили едва ли не одни лишь гробницы (небольшие пирамиды). Зато в Нии (Нэ) уцелело немало памятников, воздвигнутых или отделанных Шабику (Шабакой), в меньшей мере Шабитку (Шабатаки).

В Египте Шабику (Шабако) ожидали трудности, возможно, большие, чем преодоленные в свое время его предшественником. Торжество эфиопов и Нии (Нэ) над египетским севером оказалось кратковременным. Уже одно то, что Пианхай («Пианхи») удовольствовался заочной присягой Таф-нахти (Теф-нашта) на верность, могло служить зловещим предзнаменованием для эфиопов. И действительно, незамедлительно или через короткое время по отбытии Пи-анхайя («Пианхи») севера Таф-нахти (Теф-нашт) стал держать себя еще независимее, чем прежде. Он принял полное царское прозвание и завел летосчисление по годам своего царствования (позднейший известный год — 8-й). Его сын и преемник Буку-н-риниф (Бок-ен-ринеф), Бокхорис греков, составляющий у Манефона один весь XXIV царский дом, признавался жрецами в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) по меньшей мере до своего 6-го года, позднейшего известного года его царствования. Как далеко из Сайи (Саиса) на юг простиралась власть Таф-нахти

(Теф-нашта) и Буку-н-ринифа (Бок-ен-ринефа), нам неизвестно. В Нии (Нэ), где при Шабику (Шабако) продолжала княжить на положении владетельной жрицы дочь Пи-анхайя («Пианхи») Амун-ар-дэ-си (Аменердис) I, нет никаких следов хотя бы временного занятия города северянами. Во 2-м году царствования Шабику (Шабако) Нии (Нэ), во всяком случае, было во власти эфиопов.

«Тнефахт» (т. е. Таф-нахти (Теф-нашт)) и его сын «Бокхорис» были известны греко-римским писателям. Из их рассказов можно узнать, что «Тнефахт» предпочитал простоту походного быта ненавистной дворцовой пышности, а «мудрый Бокхорис» разрешил гражданам покупать землю и боролся с долговым рабством. Вполне возможно, что Таф-нахти (Теф-нашт) возглавлял рядовое ливийское воинство в его борьбе с эфиопским царем, опиравшимся на Нии (Нэ) и на египетское жречество вообще, все более и более сливавшееся в то время в одно нераздельное целое с гражданской и военной знатью. На стороне Таф-нахти (Теф-нашта) были, видимо, и рядовые горожане (Мемфи), судя по ожесточению его ремесленников, начальников строителей и «*корабельщиков*» против войска Амуну (Амуна). Но не следует и преувеличивать «народные» черты в Таф-нахти (Теф-наште). Державец Сайи (Саиса) и «*князь великий*» в Хбуйе (Исее), жрец богини Сайи (Саиса) Нэйт и бога Мэмфи (Мэнфе) Птаха, находивший сочувствие и поддержку у владетелей Низовья, был, по-видимому, не столь уж неприемлем для военно-жреческой знати севера, трепетавшей перед могуществом юга. Однако место Таф-нахти (Теф-нашта) и, надо полагать, его сына в событиях того времени все же таково, что в представлении последующих поколений оба они приобрели черты «народных» правителей. Если известие о дозволении Буку-н-ринифом (Бок-ен-ринефом) покупать землю вызывает, по крайней мере, пока что некоторое недоумение (землю в Египте частные лица продавали и покупали со времени Старого царства), то сообщения о законодательных мероприятиях этого фараона против долгового рабства заслуживают полного внимания. Как раз со времени около 700 г., т. е. вскоре после Буку-н-ринифа (Бок-ен-ринефа), берет начало довольно длинная цепь уцелевших письменных сделок на самопродажу себя отдельными египтянами в рабы. Если Бук-н-риниф (Бок-ен-ринеф) действительно боролся с подобными явлениями, то можно было б, конечно, предположить, что его законодательные меры потеряли силу с победою Шабику (Шабако). Но и без такого предположения представляется маловероятным, чтобы они могли иметь сколько-нибудь прочный успех в условиях нарождавшегося денежного хозяйства.

По Манефону, начинающему с Шабику (Шабако) свой XXV царский дом, этот царь победил и сжег живым Буку-н-ринифа (Бок-ен-ринефа). Власть Шабику (Шабако) признавалась как на юге, так и на севере Египта. Свое расположение к Нии (Нэ) фараон, столь скупой на постройки в Напате, доказал

сооружением и отделкою храмов в верхнеегипетской столице. Увлечение седой древностью, все более и более охватывавшее египетские жречество и знать и сказавшееся уже на позднейшем царском прозвании Пи-анхайя («Пианхи»), нашло еще больший отклик при дворе его преемника. Государственное прозвание Шабику (Шабако) сделало б честь любому египетскому царю конца Старого или начала Среднего царства. Свою обходительность по отношению к египетскому жречеству фараон простер до того, что лично позаботился о переписке важного для жречества Мэмфи (Мэнфе) произведения глубочайшей древности с обветшавшей, поврежденной рукописи на каменную плиту (упоминавшийся нами в главе о Старом царстве распорядок храмового представления со вставкою умозрительного рассуждения о Птахе). Фараону Шабику (Шабако) довелось иметь дело с Ассирией. Во дворце в Нинуа (Ниневии) были найдены поврежденные оттиски на глине печатей ассирийской и Шабику (Шабако). О чем, однако договорились обе стороны, приложив печати к несохранившимся договорам, остается нам неведомым.

Позднейший известный, хотя и не достоверно, год царствования Шабику (Шабако) — 15-й. От его преемника Шабитку (позднейший известный год царствования — 3-й) сохранилось совсем немного памятников. Наиболее заметный след это царствование оставило опять-таки в Нии (Нэ), где от имени царя велось, хотя и в скромных размерах, храмовое строительство. По Манефону, Шабитку был свергнут и убит Тахарку (Тахаркой), явившимся с войском из Эфиопии. Если сравнить бросающееся в глаза равнодушие Шабику (Шабако) и Шабитку ко строительству в родной Напате со строительным пылом, проявленным там их предшественником и преемником, то Манефоново известие о расправе эфиопов с Шабитку может представиться заслуживающим внимания.

Сын Пи-анхайя («Пианхи») и брат Шабитку Тахарку (Тахарко), воцарившийся над Египтом в 690 г., но знакомый со страною с юношеских лет, в своей внутригосударственной деятельности во многом напоминал отца. Царское прозвание нового фараона отдавало глубокой древностью, и даже жречество Мэмфи (Мэнфе) было настолько к нему расположено, что и подпав впоследствии под власть Ассирии, продолжало вести летосчисление по годам его царствования. В Нии (Нэ) строительная деятельность Тахарку (Тахарко) на короткое время напомнила своим размахом давно минувшую пору Нового царства. В храме Амуну (Амуна) в Апи-сауи (Эп-эсове, Карнаке) Тахарку (Тахарко) воздвиг, помимо второстепенных построек с каждой из его четырех сторон, по величественному проходу из двух рядов каменных столбов, соединенных между собою внизу каменными же стенками (высящийся поныне имеет в вышину 21 м — столько же, сколько средние столбы в так называемом гипостильном зале XIX царского дома в том же храме). На западном берегу на привратных башнях, пристроенных

Шабику (Шабако) ко храмику XVIII царского дома, Тахарку (Тахарко) поместил большие победные изображения в честь себя и Амуну (Амуна). Фараон был настолько своим для Нии (Нэ), что на его изваянии в Апи-сауи (Эп-эсове) в виде связанных пленников изобразили, наряду с сирийцами, «греками», ливийцами также эфиопские племена и местности! Тем не менее, Тахарку (Тахарко) не забывал Эфиопии и строил там больше, чем в Египте. Возобновив эфиопское строительство своего отца, Тахарку (Тахарко), по-видимому, позаботился и о восстановлении его имени на напатских памятниках, где оно было злонамеренно уничтожено в предшествующие годы, вероятно, по приказу Шабику (Шабаки), имевшего причину ненавидеть предшественника за отстранение его, тоже сына Кушты (Кашты), от престола. В отместку в Нии (Нэ) на привратных башнях (пилонах) Шабику (Шабаки) поверх его изглаженного имени было вписано имя Тахарку (Тахарко). Возможно, что и истребление имен Шабику (Шабако) и Шабитку во храме в Апи-сауи (Эп-эсове) и на кладбище Нии (Нэ) восходят тоже к правлению Тахарку (Тахарко).

Но особенно прославился Тахарку (Тахарко) как упорный, хотя и неудачливый, противник Ассирии. Против нее он выступал в Палестине еще во дни Синахе-рибы, мечтавшего, по-видимому, посадить правителем в Египте ассирийского ставленника — своего зятя-египтянина. В Финикии сопротивление Ассирии питалось в значительной мере надеждами на фараона. В 674 г. Тахарку (Тахарко) удалось не пропустить ассирийцев в глубь Египта, однако новое нашествие Ассур-ах-иддина («Асархадона») летом 671 г. оказалось роковым для эфиопского великодержавия. Воины Тахарку (Тахарко) бились ожесточенно. Понадобились три битвы, чтобы сломить их сопротивление, и только через девятнадцать дней после первой битвы пал Мэмфи (Мэнфе). Тахарку (Тахарко) бежал. Его брат попал в руки победителей. Город был разграблен. Ассирийский царь хвалился, что покорил не только весь Египет, но и Эфиопию. Последнее было явно пустой похвальбою, да и в случае с Нии (Нэ) хотелось бы иметь более веское подтверждение подчинения его Ассирии, чем самохвальное заявление Ассур-ах-иддина («Асархадона»). Зместив эфиопов во владычестве над египетским севером, ассирийцы оставили нетронутыми местные порядки. Царьки и князья сохранили свои области, только теперь эти владетели числились ставленниками ассирийского царя. Уходя из Египта, Ассур-ах-иддин («Асархадон») оставил в нем часть своего войска, но за малочисленностью, как вскоре оказалось, оставленные соединения были не в силах воспрепятствовать возвращению Тахарку (Тахарко).

Эфиоп вновь овладел Египтом. Похоже, что приход южан был встречен в Низовье довольно холодно. Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли), преемник Ассур-ах-иддина («Асархадона»), умершего в 669 г. во время похода на Египет, говорит даже о враждебных действиях Тахарку (Тахарко) против египетских вла-

детелей. Быть может, нелады между северными князьями и эфиопом, не успевшим за короткий срок восстановить свое положение на севере, вместе с боязнью ассириян объясняют быстроту повторного крушения эфиопской власти в Низовье. В 667 г. Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) двинул на Египет большое войско, подкрепленное отрядами и судами подвластных Ассирии государств. В противоположность 671 году, на этот раз достаточно было одной проигранной эфиопами битвы, чтобы Тахарку (Тахарко) бежал из Мэмфи (Мэнфе) в Нии (Нэ). При приближении ассирийцев с судами и отрядами подвластных им иноземных и египетских державцев, эфиопский царь покинул Нии (Нэ) и стал станом на противоположном берегу реки. Сомнительно, чтоб ассирийцы занимали город продолжительное время. Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) оставил египетские порядки в общем без изменений. Его летопись насчитывает до двух десятков царьков, «*поставленных*» в свое время Ассур-ах-иддином (Асархадоном) и «*восстановленных*» в правах его сыном. Но ассирийские воинские силы, оставленные теперь в Египте, были значительнее прежних.

С богатой добычей вернулся ассирийский царь в свою столицу. Однако его владычество было для князей северного Египта немногим милее эфиопского. Могло казаться, что с эфиопским властелином, ослабленным и изверившимся в возможности одними своими силами вернуть Египет, можно будет теперь договориться желательным образом. Некоторые североегипетские владетели, в том числе влиятельнейший их них Нику (Нехао), державец Сайи (Саиса) и Мэмфи (Мэнфе) (потомок Таф-нахти (Теф-нашта) и Буку-н-ринафа (Бок-ен-ринефа)?), решились предложить Тахарку (Тахарке) полюбовный раздел страны. Но их гонцы были перехвачены ассирийцами, и Нику (Нехао) вместе с одним из князей-единомышленников был отправлен в оковах в Нинуа (Ниневию). Вполне возможно, что на столь опасный шаг князей подвигло возбуждение их городов против ассирийского ига. Бьет в глаза поразительная разница между обращением ассирийцев с «*мятежным*» городским населением и обращением их с главою заговорщиков Нику (Нехао). В ряде северных городов, в первую очередь в городе самого Нику (Нехао) Сайе (Саисе), среди горожан была учинена страшная резня. Если верить ассирийской летописи, то вырезано было все население этих городов от мала до велика. Тела убитых были выставлены на шестах, а содранная с них кожа — на городских стенах. А вот с Нику (Нехао) Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) обошелся совсем по-иному. Увенчанный золотым венцом, облаченный в дорогие одежды, одаренный драгоценным оружием, конями и колесницами, помилованный князь был возвращен на царство в Сайю (Саис), а его сын, получивший ассирийское имя, посажен правителем в одном из крупных низовых городов. Правда, вместе с князьями в Египет были отправлены и представители ассирийской власти, но единение между Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) и

североегипетскими владетелями оказалось настолько прочным, что его не поколебала и вновь надвинувшаяся с юга военная гроза.

В 664 г. умер Тахарку (Тахарко), и на эфиопский престол вступил племянник умершего, сын Шабитку Талтамуну (Талтамане). По-видимому, к тому времени ассирийцы удерживали за собою только египетский север, значительная же часть Верхнего Египта была во власти эфиопов. Новый фараон немедленно двинул войска на завоевание Низовья. Храмовые шествия и жертвоприношения сменялись одни другими сперва в Напате, затем в Йибе (Элефантине греков), наконец в Нии (Нэ). Жречество Нии (Нэ) вышло с цветами навстречу своему царю. Восторженно встречали Талтамуна (Талтамане) и среднеегипетские храмы, ждавшие от него восстановления обветшалых зданий, жертв и назначений на жреческие места. Едва ли не первое сопротивление эфиопы встретили под Мэмфи (Мэнфе). В его стенах заперся ассирийский отряд. Повторились в какой-то мере события времени Пи-анхайя («Пианхи»). Вылазка «*детей мятежа*» кончилась их разгромом, и Мэмфи (Мэнфе) пал. Последовали царские жертвоприношения его богам. Был издан благодарственный указ о сооружении напатскому Амуну роскошного храмового чертога и обеспечении его обильными поступлениями. Затем фараон выступил на север против непокорных владетелей Низовья, но тут случилось нечто неожиданное. В уповании на близкую ассирийскую помощь северные князья укрылись за стенами своих городов и не принимали боя. В полном смущении вернулся Талтамуну (Талтамане) в свой дворец в Мэмфи (Мэнфе). Запоздалое признание со стороны нескольких князей, во главе с участником недавнего заговора против Ассирии, ускользнувшим, должно быть, тогда от неприятеля, не могло уже исправить дело. Время было упущено. Ассирийское войско надвигалось с востока. Оборона посреди враждебного Низовья представлялась безнадежной для эфиопов. Талтамуну (Талтамане) покинул Мэмфи (Мэнфе), отступил на юг и укрылся в Нии (Нэ). Низовые царьки высыпали навстречу ассирийцу и целовали ему ноги. Войска Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) последовали на юг за Талтамуну (Талтамане), и Нии (Нэ), дотоле несломленную опору эфиопов в Египте, постигла страшная кара. Фараон и теперь не отважился на битву и бежал. Победители вступили в город. Царский дворец был разграблен. Два храмовых островерхих столпа (обелиска) были увезены в Ассирию. Туда же были угнаны пленные, мужчины и женщины. Захвачены были лошади, золото, серебро, ценные каменья, одежды и ткани. Правда, вскоре эфиопское правление было восстановлено в опустошенном городе, и Талтамуну (Талтамане) признавали в нем, по меньшей мере, до 8-го года его царствования. Но о восстановлении эфиопского владычества надо всем Египтом не могло быть и речи. Мечта о великом царстве Амуну (Амуна) рассеялась, и вместе с нею рассеялась последняя надежда дряхлого Нии (Нэ) на великодержавное положение. С воссоединением

Египта под властью Сайи (Саиса) эфиопы были вынуждены оставить и Нии (Нэ).

Долгая борьба эфиопов и ассирийцев за Египет кончилась частичным поражением напатского царства, но и это неполное торжество Ассирии вряд ли следует сводить к одному лишь военному превосходству. Эфиопы были отнюдь не слабым противником. В первое ассирийское нашествие они так и не пропустили врага в Египет и ассирийцам пришлось уйти ни с чем. Военная мощь эфиопского царства была, несомненно, значительной. В военном деле эфиопы далеко превзошли египтян Нового царства и могли тягаться с Ассирией. Еще во дни Пи-анхайя («Пианхи») эфиопское войско пользовалось метательными приспособлениями для обстрела осажденных городов каменными ядрами и применяло, по-видимому, тараны против крепостных стен. Метательные приспособления и стрелки из лука размещались на высоких сооружениях, устроенных перед городскими стенами, чтобы сверху поражать осажденных. Эфиопы были также знакомы с устройством уклонов до высоты вражеских укреплений. Страсть Пи-анхайя («Пианхи») к лошадям, засвидетельствованная его сетованиями при виде изголодавшихся коней в Хмуне (Шмуне, Ермуполе греков) и дарением царю коней угодливыми державцами, была не просто его личной склонностью. Лошадь была в большой чести в Эфиопии. Рядом с царским кладбищем в Эль-Курру было откопано конское кладбище, где лошади, в частности Шабику (Шабако), были погребены в могилах стоймя и с богатою сбруей, словно готовые к выезду. Хотя для царских поездок эфиопы сохраняли древнюю колесницу, на стенах главного храма в Напате Тахарку (Тахарко) изобразил целое шествие всадников, верхом на конях, притом оседланных. Тут же было изображено и шествие четырехколесных повозок, которыми египтяне в Новом царстве пользовались еще редко. Полководческая смекалка эфиопов сказалась особенно выгодно во взятии Мэмфи (Мэнфе) приступом с кораблей.

Большое значение для исхода эфиопско-ассирийского спора о том, кому обладать Египтом, имело не расположение североегипетских царьков к эфиопам. Оно явственно проступало с каждым новым появлением южан на севере и не могло не стать роковым для обороны Египта от ассириян. Насколько позволяют предполагать источники, военная борьба Эфиопии с Низовьем и Эфиопии с Ассирией тесно переплеталась со стародавним соперничеством Мэмфи (Мэнфе) и Нии (Нэ), египетского севера и египетского юга и противоречивыми устремлениями жреческой знати и ливийского воинства. Благосклонность напатских фараонов к Нии (Нэ) и жречеству, враждебность горожан Мэмфи (Мэнфе) к Пи-анхайю («Пианхи») и поведение Низовья в его дни и в дни ассирийских нашествий дают основание для такого рода предположений. В этой связи стоит припомнить путаный рассказ Иродота («Геродота») об отказе египетских (читай:

ливийских) воинов оборонять от ассириян своего царя — мемфисского жреца, пренебрегавшего ими и лишившего их земельных наделов.

В отличие от Низовья, верхнеегипетский город Амуну (Амуна) Нии (Нэ), все еще величавший себя «*победоносным*», переживал под скипетром эфиопских фараонов свой последний расцвет. Пи-анхай («Пианхи») передал храму Амуну (Амуна) в Апи-сауи (Эп-эсове) огромные количества продовольствия, захваченного в других городах. Во храмах Нии (Нэ) росли вереницами исполинские каменные столбы, возводились новые привратные башни и священные помещения. Время от времени город видел на своих торжествах самого напатского властелина. В Нии (Нэ) имелся царский дворец с роскошною обстановкою.

Постоянной представительницей верховной власти являлась эфиопская царевна, «*жена божья*» Амуну (Амуна), царившая над Нии (Нэ) и прилегающими областями на правах владетельной жрицы. Преемственность власти этих царственных жриц-эфиоплянок осуществлялось путем удочерения правящей жрицей своей преемницы, подобно тому как первая эфиопская царевна, предназначенная в «*жены божьи*» Амуну (Амуна), была удочерена владетельной жрицей из ливийского царского рода. Несмотря на свои звания «*жен божьих*» и «*почитательниц*» Амуну (Амуна) и всю набожность своих царственных родителей, царевны, как и их ливийские предшественницы, не были настоящими жрицами. Их участие в храмовой службе ограничилось едва ли не одним бряцанием умиротворительными гремушками (систрами) и сопроводительными возгласами, как то издавна делали в Египте женские представители царских семейств. Служение Амуну составляло обязанность многочисленного жречества во главе со «*слугою божьим первым*». Хотя последний, т. е. верховный жрец, был отодвинут в тень учреждением преемственного «*рода*» владетельных «*жен божьих Амуну* (Амуна)», сан первого и даже второго «*слуги божьего*» (т. е. жреца) Амуну (Амуна) в Нии (Нэ) представлялся настолько значительным, что им облекались сыновья эфиопских царей. Показательно в смысле рыхлости эфиопской государственности, что, несмотря на свое эфиопское происхождение, владетельные жрицы менее всего чувствовали себя простыми проводницами эфиопского влияния. «*Жены божьи*» Амуну (Амуна) держали себя почти самостоятельными государынями: вели летосчисление по годам своего правления и наподобие фараонов принимали особое царское имя. Они настолько сроднились с верхнеегипетской столицей, что стали считать ее своим городом, а ее область — своею областью, и, по крайней мере иногда, погребались в Нии (Нэ), а не на кладбище цариц возле Напаты. Впрочем, высокородным госпожам было мало одного южноегипетского княжества, и они порою величали себя повелительницами всего Египта и даже всей вселенной, возможно, в качестве дочерей и сестер своих венценосных отцов и братьев.

Однако все эти полудержавные жрецы и высокопоставленные жрицы царской крови были больше показными, чем настоящими хозяевами Нии (Нэ) и его княжества, и не им, конечно, оно было обязано своим полунезависимым положением. Подлинным хозяином города и подвластных ему областей была местная знать, в первую очередь могущественный род князей самого Нии (Нэ). При Тахарку (Тахарке) князем Нии (Нэ) был Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ), но то же положение занимал уже его отец (дед был верховным сановником — так называемым «визирем»), а своего сына Ас-птаха (Эс-птаха) Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) сделал соправителем еще при своей жизни. Князь Нии (Нэ) Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) был одновременно и «*главою великим Верхнего Египта*» — во всяком случае, значительной его части, быть может, от Йиба (Элефантины греков) до Хмуны (Ермуполя греков). Предоставив желающим, в частности эфиопским царевичам, занимать высшие должности в храме Амуну (Амуна) в Апи-сауи (Эп-эсове, Карнаке), Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) с сыном удовольствовались второстепенными жреческими званиями, но по старому праву местных князей сохранили за собой: отец — управление жречеством, а сын — надзор за ним. Оказывая внешние знаки почтения эфиопскому царю, Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) держал себя по отношению к нему отнюдь не подобострастно. Отличным пояснением их взаимоотношений может служить изображение, высеченное на стене храма в Апи-сауи (Эп-эсове). Родитель князя, он сам и его сын представлены стоящими непосредственно за Тахарку (Тахарко), слегка нагнувшись, но почти одного роста с фараоном. Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) самостоятельно воздвигал и восстанавливал храмовые здания, притом не в одном только Нии (Нэ), совершал очищение верхнеегипетских храмов, вероятно, после ассирийского нашествия, изготовляя жертвенные столы, храмовые ладьи и идолы всевозможных местных божеств. Судя по щедрому отпуску золота и серебра на эти работы, князь Нии (Нэ) располагал большими богатствами. Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) приписывал себе изгнание из верхнеегипетских областей «*мятежников*» (ассирийцев и их присных?), именуя себя при этом «*убежищем превосходным*» для своего города. Ассирийские летописцы не без основания считали «*царем Нии* (Нэ)» Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) и, хвастаясь его покорностью, ни словом не упоминали о владетельной «*жене божьей*» тамошнего Амуну (Амуна). Богатству и значению Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) вполне соответствовала огромная роскошная гробница, устроенная им себе на западе своего города, частично вырубленная в скале, частично к ней пристроенная. По своему размеру гробница князя Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) затмевала скромные погребательные сооружения «*жен божьих*» Амуну (Амуна) там же на западе Нии (Нэ) в Чими (нынешнем Мединет-Хабу), соединявшие в себе поминальный храм и гробницу.

ЕГИПЕТСКОЕ «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

(664—525 гг.; XXVI царский дом)

Отступление на юг эфиопского царя Талтамуну (Талтамане) отдало Низовье полностью во власть местных державцев, подвластных ассирийцам. Можно думать, что между последними и Ассирией отношения установились сравнительно сносные. Свою благосклонность к влиятельнейшему из владетелей, державцу Сайи (Саиса), Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) доказал весьма наглядно и ощутимо. Под защитой ассирийских войск Нижнему Египту теперь уже не надо было бояться возвращения эфиопов, хотя те оставались все еще достаточно грозными и по-прежнему владели Нии (Нэ, Фивами греков) и египетским югом. Однако ассирийская «*защита*» обходилась очень дорого, прежде всего, конечно, княжеским подданным. Для избавления от обоих зол — эфиопского и ассирийского засилия — северному Египту надо было сплотиться в сильное государство, выбить эфиопов из южноегипетского княжества и, поставив на службу своему делу неисчерпаемые средства Верхнего Египта, занять более или менее самостоятельное положение по отношению к Ассирии. Объединителем должен был, естественно, выступить могущественный владетель Сайи (Саиса).

Дело воссоединения и освобождения Египта выпало на долю Псаммечика (Псамметиха) I, основателя XXVI царского дома. Этот Псаммечик (Псамметих), вероятно, одно лицо с тем самым сыном князя Сайи (Саиса) Нику (Нехао), которого некогда под ассирийским именем Набу-шези-бани Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) воцарил над городом Ха-т-хр-иби (Атрибисом греков) в среднем Низовье. Владетель древнего Сайи (Саиса) в западной части Нижнего Египта был уже в VIII веке подлинным вождем окрестного ливийского воинства. Но Нику (Нехао) был одновременно и державцем Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков), важнейшего города северного Египта и вместе с тем средоточия в высшей степени влиятельного жречества. Псаммэчик (Псамметих) был лично связан женитьбой со жреческими верхами: возможно, еще до превращения в фараона он женился на дочери верховного жреца Солнца в городе Уну (Оне, Илиуполе греков) Хур-си-эси (Хор-си-эсе), что тем более любопытно, что Уну (Он) считался одной из опорных точек Талтамуну (Талтамане) при движении на Мэмфи (Мэнфе). Если Псаммэчик (Псамметих) действительно тождественен с тем Набу-шези-бани, его личная связь с ассирийским царем была б очевидной, не говоря уж о милостивом снисхождении Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли) к его отцу. По Иродоту («Геродоту»), Псаммэчик (Псамметих) даже бежал в «*Сирию*» от эфиопа, убившего его отца Нику (Нехао) — возможно, от Талтамуну (Талтамане) и уже никак не от Шабику (Шабако), у Иродота («Геродота») — Сабакона.

Может статься, ассирийский царь, занятый в конце шестидесятых годов VII века войнами в областях более близких, чем Египет, не имел ничего против, чтобы его верный Псаммэчик (Псамметих), упрочив свое положение в Низовье, выбил, наконец, эфиопов из южного Египта. Но сплотить прочно вокруг себя северные области, Псаммэчик (Псамметих) мог, только сломив противодействие полунезависимых царьков. На такое не решались ни эфиопы, ни ассирияне. Греческое предание утверждало, что на помощь Псаммэчику (Псамметиху) и его приверженцам пришли греческие, именно ионийские, и карийские воины; ассирийцы говорят о присылке ему воинов лидийским царем Гигом. По Иродоту («Геродоту»), именно эти анатолийские наемники вместе с египетскими сторонниками Псаммэчика (Псамметиха) доставили ему победу над враждебными владетелями.

Псаммэчик (Псамметих) I считал свое царствование с 664 г. Однако до 657—656 гг. Нии (Нэ) и его княжество все еще оставались во власти Талтамуну (Талтамане). Только утвердившись на севере, мог фараон из Сайи (Саиса) приступить к овладению югом. Как произошло воссоединение юга с севером — нам неизвестно. Было ли для этого достаточно одних египетских и анатолийских сил самого Псаммэчика (Псамметиха), или он прибег также к помощи ассирийцев, и бились ли эфиопы с северянами или эфиопский царь покинул Египет без боя — сказать невозможно, и даже неясно, какому предположению отдать предпочтение. Как бы то ни было, в 655 г. Псаммэчик (Псамметих) был уже бесспорно хозяином Нии (Нэ).

Как и когда Египет освободился от Ассирии и Псаммэчик (Псамметих) из ее ставленника превратился в ее союзника — нам еще менее известно. Может быть, Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли), у которого было вдоволь хлопот с Шамашшум-укином, предпочел иметь в лице Египта верного союзника вместо докучливого и ненадежного подданного. Если в Ассирии действительно рассудили таким образом, то не ошиблись в расчете. Правда, во время нашествия причерноморских кочевников (скифов) Египет не мог помочь Ассирии и, по Иродоту («Геродоту»), сам откупился от них дарами. Неизвестно, с какой целью Псаммэчик (Псамметих) упорно добивался палестинского города Ашдода, так что потратил, по тому же источнику, 29 лет на осаду. Но в 616 г. египетское войско оказало действенную помощь Ассирии в Двуречье в ее последней смертельной схватке с Вавилоном.

Внутри воссоединенного государства первою заботою нового фараона должно было, естественно, стать определение взаимоотношений между верховной властью и местными владетелями. Устранить их Псаммэчик (Псамметих) был не в силах, и не без основания полагают, что и самое подчинение их заняло немало времени и было достигнуто далеко не мгновенно. Во всяком случае, государство Псаммэчика (Псамметиха) было менее всего единообразным в смысле управления. В низовых городах продолжали сидеть «*великие*» и невеликие местные

князья. Но все они подчинялись теперь одному общеегипетскому царю, и никто из них уже не присваивал себе царских званий. Много сложнее обстояли дела в Верхнем Египте. Здесь тоже не было недостатка во второстепенных владетелях, князьях отдельных городов с прилегающими областями, но наряду с ними по-прежнему имелись два больших и сильных государственных образования, включавших в себя на тех или иных основаниях владения мелких князей. При этом правители, по-видимому, обоих этих государственных образований оставались бессменно теми же, что и при эфиопах.

Северное из этих двух княжеств, княжество Хи-ни-нси (Хнэс, т. е. Гераклеопольское) у входа в Землю Озера (Файюм) возглавлял по-прежнему правитель, соединявший в своем лице княжескую власть и служение местному богу Хришифу (Харшафэ) с заведованием судоходством едва ли не во всем государстве и управлением средней частью страны. Если верить преданию, сохраненному много более поздней рукописью (папирусом), князь Хи-ни-нси (Хнэса) якобы правил даже всем Верхним Египтом от южной окраины Мэмфи (Мэнфе) до Суины (Сиены, Асуана) у первых нильских порогов! Иными словами, Хи-ни-нси (Хнэс) сохранило в какой-то мере то положение, которое принадлежало ему в предшествующее время, когда оно, колыбель XXII ливийского царского дома, было и местопребыванием членов его, владетельных жрецов-военачальников, простиравших свою власть далеко за пределы города и его области.

Другое, южное, княжество, владения Нии (Нэ), продолжало управляться князем Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ), которому его прежняя близость к эфиопскому царю не мешала и при Псаммэчике (Псамметихе) I управлять всем южным Египтом. В Нии (Нэ) положение осложнялось еще присутствием эфиопских царевен, владетельной *«жены божьей»* Амуну (Амуна) Шап-ни-йапи (Шеп-емопе) II, дочери Пи-анхайя («Пианхи»), и ее нареченной преемницы, удочеренной ею племянницы, дочери Тахарку (Тахарко) Амун-ар-дэ-се (Аменердис) II, не пожелавших укрыться в Эфиопию следом за бежавшими родичами.

В 655 г., вскоре после того как эфиопы покинули Нии (Нэ), Верхний Египет стал свидетелем умилительного зрелища всеегипетского единения, где действующими лицами выступали великие и малые владыки страны. Преисполнясь благороднейших чувств, царь Псаммэчик (Псамметих) решил не сгонять дочь Тахарку (Тахарко) Амун-ар-дэ-се (Аменердис) с ее наследственного места в Нии (Нэ), а дать ей в дочери и преемницы свою царевну. Нарядившись в платье из тончайшего полотна и бирюзовые уборы, дочь Псаммэчика (Псамметиха) Нитакри (Нит-окре) отплыла на юг. Корабли царевны и ее многочисленного сопровождения вел не кто иной, как сам князь Хи-ни-нси (Хнэса). Владетели поменьше с яствами и напитками высыпали из своих городов навстречу судам. После полумесячного плавания торжественный поезд причалил к Нии (Нэ), где уже

толпы мужчин и женщин стояли в ожидании славного события. Достаточно было владетельной жрице Шап-ни-йапи (Шеп-эн-опе) узреть царевну, как она тотчас воспылала к ней нежной любовью и незамедлительно вкупе с племянницей Амун-ар-дэ-се (Аменердис) завещала дочери фараона, принявшей имя Шапни-йапи (Шеп-ен-опе III), все свое достояние. Великодушный порыв был закреплен письменно в присутствии полномочных свидетелей, жрецов и храмовых сановников. Не лишился своей доли участия в этом представлении и маститый князь Нии (Нэ) Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) с сыном и супругой и высшие жрецы: их обязали ежедневными и ежемесячными поставками продовольствия в пользу новоявленной госпожи.

Сохранив в некоторой степени самостоятельность, великий город был все же вынужден принять в «*жены*» Амуну (Амуна) северную царевну. То же стремление к прикреплению Верхнего Египта к Нижнему посредством личных связей, путем водворения на юге владетелей низового происхождения или прочно связанных с северным двором, сказывалось у Псаммэчика (Псамметиха) и по отношению к другим городам. Так, князь Хи-ни-нси (Хнэса) проживал на севере при царском дворе и был послан оттуда на отчее княжение. Видный сановник, побывав князем поочередно в шести низовых областях, раз даже со званием «*князя великого Запада*», был затем переведен с каким-то поручением в Нии (Нэ) и под конец последовательно назначен князем Анхаба (Нехеба) и Адбу (Эдфу) к югу от Нии (Нэ). Последний пример поучителен и в другом смысле. Нельзя не удивиться тому, с какою свободою новый царь распоряжался областями, как по собственному произволению играл второстепенными княжениями и притом через недолгий срок по воссоединении полунезависимых владений под своей властью.

Несмотря на «родство с владетельницей Нии (Нэ), Псаммэчик (Псамметих) был, несомненно, северным фараоном. За свое полувековое царствование он почти не оставил следов строительной деятельности в Нии (Нэ) — в полную противоположность ливийским и эфиопским предшественникам. Зато он деятельно строил на севере. Несмотря на общую гибель строительных памятников Низовья севернее разветвления реки на рукава, кое-какие обломки тамошних построек Псаммэчика (Псамметиха) уцелели. Больше известно о его строительстве в Мэмфи (Мэнфе). К прежней подземной усыпальнице священных быков Хапи (Аписов греков) он добавил новую, совершенно затмившую старую размерами и великолепием. Судя по сообщениям Иродота («Геродота»), фараон снабдил храм Птаха пристройкой, а по соседству выстроил двор для быка Хапи (Аписа) с крытым ходом вокруг — со столбами с исполинскими изваяниями. Псаммэчик (Псамметих) был женат на дочери верховного жреца солнца в Уну (Оне, Илиуполе греков) Хур-си-эси (Хор-си-эсе), а полусказочный рассказ Иродота («Геродота») об отдалении Псаммэчиком (Псамметихом) одиннадца-

ти соправителей (ливийских владетелей) выставлял невольным виновником возвышения Псаммэчика (Псамметиха) верховного жреца Птаха в Мэмфи (Мэнфе). Вслед за этим рассказом, раньше чем коснуться награждения иноземных воинов-пособников, Иродот («Геродот») переходил к постройкам в Мэмфи (Мэнфе), как если б они были благодарственным даром за воцарение.

Особенно резко эту дружбу Псаммэчика (Псамметиха) с северным жречеством оттеняют натянутые отношения царя с египетским, точнее, ливийским, воинством. С иноземными — анатолийскими — воинами, оказавшими большую услугу при объединении страны, отношения у царя были самые лучшие. Его ионийские и карийские наемники были поселены в двух укрепленных точках вблизи западной и восточной границ Низовья, наделены землею и засыпаны милостями. В нужном случае они могли быть использованы против ливийских воинов, размещенных преимущественно в том же Низовье. Иродот («Геродот»), правда, говорит, что воцарению Псаммэчика (Псамметиха) помогали и египетские его приверженцы, но сломить-то ему все-таки пришлось ливийское воинство, когда подчиняли местных князей северной половины страны, по происхождению своему ливийских военачальников. Потому и понадобились иноземные наемники, и именно они одолели «соправителей» Псаммэчика (Псамметиха) и их ливийских воинов. Поэтому трудно было б ожидать, что отношения между этими последними и правительством Псаммэчика (Псамметиха) будут очень теплыми. И действительно, у того же Иродота («Геродота») мы читаем, что огромное количество туземных воинов — якобы до двухсот сорока тысяч! — не получив смены после трехлетней пограничной службы, вопреки всем уговорам фараона покинуло страну и ушло к эфиопскому царю. Если бы даже число ушедших воинов и было преувеличено, само событие не вызывает сомнений. При третьем преемнике Псаммэчика (Псамметиха) I Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ, Априи греков) важному пограничному чиновнику Ас-хуру (Ес-хору) пришлось удерживать от ухода в Эфиопию отряд наемников, в составе которого были греки и сирийцы.

Ввиду подобных взаимоотношений с туземным воинством дружба Псаммэчика (Псамметиха) с североегипетским жречеством приобретает особый смысл. Богатые позднеегипетские храмы, как мы уже видели и еще увидим в дальнейшем, заправляли нарождающимся денежным хозяйством. Поэтому довольно-таки правдоподобно, что средства для найма анатолийских пособников были предоставлены Псаммэчику (Псамметиху) именно ими. Ведь выманивал же три века спустя фараон Чи-ха (Тах греков) у египетских храмов золото и серебро для войны с персами. Конечно, все это только догадки, но если они сколько-нибудь близки к истине, то с XXVI царским домом к власти пришла храмовая знать, державшая в своих руках нити развивавшегося денежного обращения. Возглавив денежное хозяйство, она могла только желать государственного единства.

После долгого, почти полувекового царствования Псаммэчик (Псамметих) I скончался. Это было в 609 г. Псаммэчику (Псамметиху) наследовал его сын Нику (Нехао греков). Когда он вступил на престол, Ассирии уже почти не существовало. Теперь вопрос шел уже не о спасении ее остатков, как в дни Псаммэчика (Псамметиха) I, а о дележе ее наследства. Прорытие (или, быть может, восстановление) искусственного протока между Нилом и Красным морем могло преследовать как торговые, так и военные цели, но не было завершено, хотя на Средиземном и Красном морях были построены большие гребные суда. В 608 г. Нику (Нехао греков) двинул свои войска на Сирию-Палестину. Дорогу фараону у Мегиддо преградил иудейский царь Иосия, но был смертельно ранен. Иудеи воцарили его сына Иоахаза, но спустя три месяца Нику (Нехао) низложил его и поставил царем его брата Иоакима, наложив на него тяжелую дань серебром и золотом. Финикия, по-видимому, сама покорилась египтянам. Под конец вся Сирия-Палестина до самого севера оказалась во власти фараона. Казалось, воскресали времена Джут-маси (Тхут-мосе) III. Но только три года суждено было Нику (Нехао) наслаждаться своим призрачным величием. Возможно, к этому времени относится небольшой памятник в виде жука с изображениями Нику (Нехао) и воинственной богини его родного города Сайи (Саиса) Нэйт, дарующей ему, согласно приписке, все чужеземные страны. На ассирийское наследие притязали и другие державы. В 605 г. вавилонское войско под начальством царевича Набу-кудурри-уссура (будущего Навуходоносора II) и при поддержке, быть может, мидян напало на египтян в Каргамише (Кархемише) на Евфрате. По данным раскопок, воины фараона, в том числе греческие наемники, ожесточенно оборонялись в охваченном пламенем городе. Тем не менее поражение египтян было полным, и фараон и его войско, не останавливаясь, бежали через всю Сирию-Палестину в Египет. Все завоевания Нику (Нехао) были потеряны.

В последующие годы он уже не вторгался в Сирию-Палестину. С его именем связано плавание финикиян вокруг Африки, которое вряд ли имело военное значение, а скорее преследовало торговые, если не полуисследовательские цели. По поручению египетского царя финикийские мореплаватели отплыли из Красного моря и, обогнув Мыс Доброй Надежды, вернулись через Гибралтарский пролив в Египет. По Иродоту («Геродоту»), путешествие заняло свыше двух лет, так как плавание чередовалось с длительными остановками, в течение которых мореходы заготовляли себе на берегу продовольствие.

Несмотря на военные неудачи родителя, воинственные замыслы не покидали и преемника Нику (Нехао) Псаммэчика (Псамметиха) II (593—588 гг.). В 590 г. он зачем-то ездил в Сирию, и представители египетских храмов, запасшись цветами, сопровождали его в этом путешествии. Во время похода на Эфиопию сам фараон не поднялся как будто б выше первых порогов, но войско его плыло

дальше и достигло области вторых. На изваяниях Риа-масэ-сы (Ра-месэ-са) II перед его большим пещерным храмом, известного под именем Абу-Симбельского, пришельцы нацарапали свои разноязычные надписи, по которым видно, что войско Псаммэчика (Псамметиха) состояло из египтян и «*иноземцев*» — сирийцев, греков, карийцев. Каждая половина его, египетская и иноплеменная, подчинялась военачальнику египтянину. В самом Египте найдены памятники двух военачальников Па-ди-сим-ту (Пе-те-сем-то) и Ах-маси (Ах-мосе), по всей видимости, тождественных с поименованными в Эфиопии. Надписи на этих египетских памятниках подтверждают, что греческие наемники подчинялись «*распорядителю иноземцев*» — египтянину по происхождению. О том же свидетельствует еще один египетский источник, отличный от только что упомянутых. Все это очень любопытно, потому что рассказы древнегреческих писателей оставляют впечатление, что их соотечественники занимали в египетском войске более самостоятельное положение. На основании одного позднейшего свидетельства (эллинистического времени) можно предположить, что в числе «*иноязычных*» воинов, участвовавших в эфиопском походе, были также иудеи. Вполне возможно, что воинское иудейское поселение в египетской пограничной крепости Йибе (Элефантине греков) существовало уже в то время. Фараон хвастался своим эфиопским походом в надписи на плите, воздвигнутой в Нии (Нэ), но что на деле было тогда достигнуто — остается неизвестным, так как северная Эфиопия не была закреплена за Египтом. Известно только, что поход сопровождался страшным кровопролитием, опустошениями и уводом пленных. Зачинщиками фараон выставлял эфиопов.

Возможно, в эфиопских делах было как-то замешано Нии (Нэ), давний союзник напатских царей. Здесь кое-где на памятниках было истреблено имя Тахарку (Тахарко), в частности, на принадлежавших времени Псаммэчика (Псамметиха) I, когда упоминать имя покойного эфиопского царя не возбранялось. На одном из исполинских столбов Тахарку (Тахарко) в храме Апи-сауи (Эп-эсове, Карнаке) можно поныне видеть имя Псаммэчика II, высеченное поверх изглаженного имени эфиопа. Царствование Псаммэчика (Псамметиха) II было с самого начала ознаменовано натиском севера на Град Южный (т. е. Нэ, Фивы греков). Там уже больше полувека сидела владетельной жрицей дочь Псаммэчика (Псамметиха) I Нит-акри (Нит-окре) — Шап-ни-йапи (Шеп-эн-опе) III, родная тетка царствующего фараона. Но этого ему показалось мало. Не прошло и года со вступления его на престол, как в Нии (Нэ) прибыла еще одна царевна из Сайи (Саиса), внучатая племянница первой, дочь самого Псаммэчика (Псамметиха) II Анх-нас-наф-аб-ри (Анх-нес-нефр-еп-рэ). Молодая царевна была не только удочерена «*женой божьей*» Амуну (Амуна), но и провозглашена — неслыханное дело! — его «*первым*», т. е. верховным жрецом. И этот сан

она сохраняла за собою по крайней мере одиннадцать лет — до смерти «*жены божьей*» Амуну (Амуна) и своего водворения на ее место.

Недолгое, но предприимчивое царствование Псаммэчика (Псамметиха) II завершилось в 588 г. Сын и преемник почившего фараона Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ, Априй греков) оказался еще предприимчивее родителя. Разгром под Каргамишем (Кархемишем), видимо, настолько изгладился из памяти, что египетские верхи отважились открыто поддержать Иудею в ее борьбе с нововавилонским царством. Впрочем, фараон, пожалуй, больше думал о захвате союзной иудеям Финикии, чем о действенном отпоре Набу-кудурри-уссуру (Навуходоносору). Греческие писатели говорят о победе Априя на море над соединенными тирскими и кипрскими силами и о походе на Сидон. Египетское войско появилось и под стенами Иерусалима, вынудив вавилонского царя временно снять осаду, но было затем разбито вавилонянами (в 586 г.) и ушло восвояси. Финикия тоже была потеряна для фараона.

Другое поражение стоило царю престола. К тому времени к западу от Египта выросло и окрепло греческое государство Кирена. Теснимые им ливийцы решили отдаться под защиту фараону. Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) отправил против Киреры большое войско, составленное, естественно, не из греческих наемников, а из египетских воинов, одного рода и племени с новыми подопечными. Однако киренянe наголову разбили царские полки. Тогда, по Иродоту («Геродоту»), в египетском войске вспыхнул мятеж, и воины провозгласили царем Ах-маси (Ах-мосе, Амасиса греков), сановника, находившегося при войске (570 г.). Однако Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) не уступил без борьбы. Хотя Ах-маси (Ах-мосе) был вскоре признан как в Нижнем, так и в Верхнем Египте, Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) с помощью своих греческих и карийских наемников держался на севере до 566 г. Даже кровопролитная битва с участием пехоты, конницы и кораблей, выигранная Ах-маси (Ах-мосе), не покончила с противником. Но вскоре Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) погиб и был похоронен Ах-маси (Ах-мосе) в родном Сайе (Саисе) с царскими почестями.

В свержении Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) противоречие между царской властью и ее греческими наемниками, с одной стороны, и местным воинством, с другой, сказалось с предельной резкостью. Греческие и египетские источники сходятся в том, что греческие наемники были опорою Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) в борьбе с Ах-маси (Ах-мосе). Правда, то была опора не всегда надежная, и даже в царствование Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) иноземные наемники досаждали правительству своими выходками. Из надписи современника, важного пограничного чиновника Ас-хуру (Ес-хора), нам стало известно, что ему пришлось удерживать и удалось удержать от ухода в Эфиопию смешанный отряд наемников из греков и сирийцев. Однако, когда Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) попал в беду, греческие воины сохранили

ему верность и упорно сражались за его проигранное дело. По Иродоту («Геродоту»), восставшие воины утверждали, что Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) послал их против Кирены с явною целью погубить их и тем самым упрочить свою власть над остальными египтянами. Иродот («Геродот») изображает Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) взбалмошным самодержцем, упоенным своею властью, тогда как о других представителях XXVI царского дома он подобного не сообщает. В припадке ярости Априй у Иродота («Геродота») велит изувечить именитейшего вельможу, отталкивает этим последних приверженцев из египтян, полон уверенности в прочности своего положения накануне полного разгрома, мнит, что никто не в силах принудить его к отказу от царства. Иродот («Геродот») считал, что Априй был много счастливее своих предшественников, и отметил его большой и примечательный дворец в Сайе (Саисе). Остатки другого дворца Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) — в Мэмфи (Мэнфе) — были обнаружены раскопками. Власть фараонов окрепла за истекшее столетие. Отец Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) значительно упрочил ее на юге. Что удивительного, если у сына развился вкус к самовластию? Но ливийской военной вольнице, да и местным князьям царское самовластие могло прийтись не по вкусу. Ух-аб-ри (Вах-еп-ре) в таком случае оставалось только искать опоры в иноземных наемниках, помогших его прадеду в борьбе за единодержавие против ливийского воинства. Он так и поступил. К сожалению, нам ничего неизвестно о том, за кого стояли храмы: за Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ) или за Ах-маси (Ах-мосе)?

Позднейшим поколениям Ах-маси (Ах-мосе) представлялся грубоватым шутником и пьяницей под стать любому развеселому воину. Престолом он был обязан прежде всего туземному воинству, и можно было б ожидать, что он станет его царем. Он действительно был милостив к нему. На великолепно оплачивавшейся службе в царских телохранителях, согласно Иродоту («Геродоту»), из года в год сменяли друг друга по две тысячи египетских воинов. Но тот же Ах-маси (Ах-мосе) перевел из окраинных крепостей Низовья в столичный Мэмфи (Мэнфе) ионийских и карийских наемников и, как говорит «отец истории», составил себе из них охрану для собственной особы от египтян. Выходит, что фараон не доверял местному воинству, тому самому, что провозгласило его царем, что он ему предпочитал греков? Существует мнение, что он и не мог отказаться от них, так как нуждался в опытных воинах против могущественных и воинственных держав, которые одна за другой угрожающе поднимались на востоке. Фараон, выдвинутый восстанием греколюбивого предшественника, оказался на деле более «греческим», чем тот. Ах-маси (Ах-мосе) был благорасположен к грекам, делал в их храмы пожертвования, и одна его — второстепенная — жена по имени Ладика была родом ни много ни мало, как из... Кирены. Отведенный греческим поселенцам в Египте город Навкратис в западном Низовье был наделен исключи-

тельными правами, сосредоточившими в нем всю иноземную торговлю Египта.

Но еще существеннее, что, воцаренный воинами, Ах-маси (Ах-мосе) тем не менее стал царем знати. Ей принадлежало господствующее положение в государстве. Она спокойно могла дать пасть Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ), правителю с замашками слишком самовластными, потому что Ах-маси (Ах-мосе), если он хотел удержаться на престоле, должен был быть ее царем. Да он и не противился этому. Его главная жена и мать его наследника была дочерью верховного жреца Птаха в столичном Мэмфи (Мэнфе). Согласно Иродоту («Геродоту»), Ах-маси (Ах-мосе) построил там храм Эси (Эсе, Исиде греков) и поставил в разных храмах изваяния (в том числе сфинксы) и божницу из цельного камня. Иродот («Геродот») упоминает также пропилеи Ах-маси (Ах-мосе) в саисском храме, необыкновенной вышины и протяженности. Не забыты были и другие храмы страны. Как доказывают сохранившиеся памятники, храмоздательская деятельность Ах-маси (Ах-мосе) распространялась на весь Египет, хотя и сводилась больше к пристройкам и восстановлениям. Преимуществом пользовалось, разумеется, Низовье. Когда впоследствии, после завоевания Египта персами зашла речь о восстановлении урезанных ими продовольственных, денежных и иных государственных взносов в храмы, «время фараона Ах-маси (Ах-мосе)» принималось за образец.

Незаметно у Ах-маси (Ах-мосе)...* и самовластных замашек его предшественника. Кое-кто из местных владетелей чувствовал себя чуть ли не ровней фараону. Наследственный князь северной Котловины (Северного оасиса в Ливийской пустыне) изображал себя в своем храме служащим вместе с царем и одного с ним роста. В Нии (Нэ) не слышно ни о каких мероприятиях к дальнейшему ущемлению самостоятельности княжества. Там все еще княжила на положении «*жены божьей*» Амуну (Амуна) дочь Псаммэчика (Псамметиха) II Анх-нас-наф-аб-ри (Анх-нес-нефр-аб-рэ) и дерзала изображать себя наподобие фараона служащей местным богам и общающейся с ними. Действительный тамошний хозяин, ее наследственный «*распорядитель дома* (т. е. хозяйства) *великий*» по-прежнему скромно, но настойчиво выступал на храмовых изображениях следом за своей госпожой.

Последующие поколения сохранили память об Ах-маси (Ах-мосе) и как о законодателе. В частности, ему приписывали закон, требовавший от каждого жителя страны ежегодного объявления князю области своих средств к существованию. Ослушникам и лицам, не сумевшим доказать, что живут на благоприобретенные средства, грозила якобы смертная казнь. Подобного рода заявления по начальству для обложения податями были известны в Египте с давних пор, новой могла быть одна лишь суровая кара. Если нечто похожее было на деле обнаро-

* В рукописи Ю. Я. Перёпелкина пропуск.

довано Ах-маси (Ах-мосе), а не только пересказано доверчивому Иродоту («Геродоту») его осведомителями, то оно вряд ли было встречено с особым удовлетворением разорившимися слоями египетского населения.

Начатое еще Нику (Нехао греков) наращивание морских сил настолько усилило Египет на море, что при Ах-маси (Ах-мосе) Кипр превратился в египетского данника. Вообще же фараон вел себя по отношению к иностранным государствам много осмотрительнее, чем его самоуверенный и заносчивый предшественник. Ах-маси (Ах-мосе) и состоял в союзе с Киреной, откуда заручился для своего женского дома не то царевной, не то просто знатной девушкой Ладикой. Состоял Ах-маси (Ах-мосе) в союзе и с могущественным самосским тираном Поликратом, а одно время еще с Лидией, Вавилоном и Спартой — против персидского царя Куруша (Кира). В 568—567 гг. в начале своего царствования Ах-маси (Ах-мосе) имел неудачное для себя военное столкновение с Вавилоном. Возможно, престарелый Набу-кудурри-уссур (Навуходоносор) II воспользовался междоусобной войной между Ах-маси (Ах-мосе) и Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ). Нашествие персов в 525 г. не застало уже Ах-маси (Ах-маси) в живых: он умер, когда персы еще шли на Египет.

Царствование сына Ах-маси (Ах-мосе) II Псаммэчика (Псамметиха) III начиналось при самых зловещих обстоятельствах. С северо-востока надвигалось огромное разноплеменное войско царя персов Камбуджийи (Камбиса). Недавний союзник Египта Поликрат Самосский перешел на сторону врага и присоединил свои корабли к судам, шедшим на Египет. Влиятельный греческий военачальник Фанет, бежавший от Ах-маси (Ах-мосе) к персам и хорошо знакомый с египетскими условиями, состоял у Камбуджийи (Камбиса) советником. Народ волновали суеверные толки о дожде, только что выпавшем в Нии (Нэ), где почти не бывало осадков. Но власть имущие вели себя, как если бы все шло своим порядком. Престарелая «*жена божья*» Амуну (Амуна), дочь Псаммэчика (Псамметиха) II Анх-нас-наф-аб-ри (Анх-нес-нефр-аб-рэ), все еще правившая в Нии, изображала себя и нового фараона на стенах храма в Апи-сауи (Эп-эсове, Карнаке) в обществе своего «*супруга*» Амуну (Амуна), а его хозяйственники с привычной обстоятельностью писали расписки в получении поступлений.

Тем временем войско Камбуджийи (Камбиса), снабженное водою главою синайских (арабских) кочевников, благополучно миновало пустыню между Палестиной и Египтом и подошло к пограничной египетской крепости, известной у греков под именем Пелусия, у которой уже стоял фараон со своим воинством. Греческие наемники Псаммэчика (Псамметиха), честь которых была запятнана изменою их военачальника, вывели его детей и, зарезав их, упились их кровью, смешанной с водой и вином. Бой был ожесточенным и стоил обеим сторонам больших жертв, но египтяне были разбиты и в беспорядке бежали в Мэмфи (Мэн-

фе). На предложение сдаться они, как и в дни эфиопского нашествия (при Пиан-хайе («Пианхи»)), ответили нападением на посланцев. Они были изрублены, а их судно разнесено в щепы. Город был осажден, осада затягивалась, но, наконец, Мэмфи (Мэнфе) пал. В числе пленных был царь Псаммэчик (Псамметих), процарствовавший всего полгода. Если верить Иродоту («Геродоту»), основному нашему источнику о завоевании Египта персами, то в отместку за перебитых посланцев Камбуджийа (Камбис) казнил много знатных египтян, в том числе сына фараона. Но самого Псаммэчика (Псамметиха) завоеватель на первых порах пощадил. Не исключено, что Камбуджийа (Камбис) даже думал восстановить его в положении правителя страны под персидским надзором и главенством, наподобие Нику (Нехао греков), князя Сайи (Саиса), восстановленного в правах Ассур-бан-апли (Ашшур-бани-апли). Но когда обнаружилась причастность пленника к подготовке восстания, он тоже был умерщвлен по царскому приказу.

Проигранная битва и падение столицы решили участь страны в целом. Верхний Египет покорился без боя — по крайней мере, ничего не слышно о каком-либо сопротивлении. Но один уголок египетского мира остался непокоренным Камбуджийей (Камбисом). Это — «Котловина» (оазис) Амуну (Амуна)» (ныне оазис Сива: слово ***оасис*** не более, как греческая передача египетского ***уах*** — «*котловина*») с прославленным впоследствии храмом. По Иродоту («Геродоту»), посланный туда отряд был застигнут в пути песчаной бурей и так и полег в Ливийской пустыне, засыпанной песком. По странной игре судьбы именно в этой затерянной в песках «*котловине*» был провозглашен два века спустя жрецами Амуну (Амуна) сыном его и фараоном разоритель персидской державы македонский Александр.

ЕГИПЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРИ ЭФИОПАХ И В ПОРУ «ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Разгром персами позднеегипетского царства в 525 г. был только заключительным звеном в длинной цепи его поражений. От Таф-нахти (Теф-нашта) до Псаммэчика (Псамметиха) III Египет почти неизменно терпел неудачи в единоборстве с сильными державами: Эфиопией, Ассирией, Вавилоном, Персией. Даже небольшая Кирена оказалась в состоянии разбить полки Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ, Априя греков). Власть XXVI царского дома над Египтом установилась и держалась более столетия в значительной степени благодаря благоприятным для нее международным условиям. Если у страны еще хватало сил для самостоятельного существования бок о бок с могущественными соседями, то воинственные затеи ее правящих кругов были ей явно не по плечу. В чем же причина того, что египетское «возрождение» так и не привело к возрождению былого могущества?

Позднее царство начиналось, казалось бы, при самых благоприятных производственных предзнаменованиях. Египет наконец вступал в железный век. Из железа, бывшего прежде диковинкой, чуть ли не драгоценностью, теперь уже определенно стали изготовлять орудия.

В представлении исследователей древнейшие вещественные следы употребления железа в Египте в более или менее значительном количестве связывались долгое время с иноземцами. Разнообразные железные орудия (разные резцы, пилы, пробойник, напильники, сверла) были найдены В. М. Флиндерсом Питри в Нии (Нэ, Фивах греков) вместе со шлемом, похожим на ассирийский. На этом основании их сочли за оставленные ассирийским оружейником в дни временного захвата города ассирийцами при XXV царском доме (в VII веке). Следы железоделательных мастерских и орудия из железа были открыты тем же ученым на западе Низовья в греческом городе Навкратисе в пластах, соответствующих VI веку. Помимо кусков железной руды, были обнаружены в большом количестве отходы железоделательного производства, так что плавка и обработка железа в этом месте Египта были точно установлены. В. М. Флиндерс Питри пришел даже к выводу, что тогдашний Навкратис представлял железный рынок едва ли не общегородского значения. Полагают, что в Навкратисе и еще в одном месте, раскопанном в восточном Низовье (Дафнах), железо в VI веке было столь же употребительным, как медь (бронза), если только не более употребительным.

Правда, второй «железный» город, на востоке Низовья, был тоже населен греками, именно — греческими воинами, но то обстоятельство, что греческие наемники XXVI царского дома были вооружены железным оружием, не могло не сказаться на вооружении их египетских собратьев по ремеслу. И это было тем более неизбежным, что восточные великие державы, с которыми приходилось бороться Египту, были вооружены железом. Но в настоящее время мы располагаем прямыми указаниями на широкое распространение и железных орудий труда в среде местного, египетского населения в Позднем царстве. В каменоломнях в среднем Египте, в пустыне между рекою и Красным морем (в Вади Хам-мамат) оставили свои надписи действовавшие там «*творцы железных орудий*». При этом примечательно, что трое мастеров — потомственные железоделы: «*Творец железных орудий На-манх-амуну* («Наменхимен»), *сотворил надпись сын его, дающий жить имени его* (т. е. увековечивший его имя), *творец железных орудий Па-да-уан* («Педиун»)», «*Творец железных орудий Птах-ар-дэ-су* («Птехирдис»), *сын творца железных орудий* (в условном произношении:) *Кена*», «*Творец железных орудий Кур* («Кар»), *сын творца железных орудий Самнах-птаха* («Семнехптеха»)». И только в отношении «*творца железных орудий Па-да-...* («Педиу»...)» мы остаемся в неведении, был ли он тоже потом-

ственным железоделом. Судя по окружающим надписям и по упорному призыванию нашими мастерами Амуну (Амуна), поименованные «*творцы железных орудий*» работали в каменоломнях при XXV царском доме или вскоре после того. Отцы же их могли мастерить железные орудия еще в конце Ливийской поры. Именно к такому времени можно приурочить, по почерку надписи, неизданный памятник начальника железоделов, хранящийся в Государственном музее изобразительных искусств. Следует также заметить, что новые изобильные находки железных орудий показали, что найденные в свое время в Нии (Нэ) орудия из железа вовсе не представляют что-то исключительное, и тем самым отпадает надобность приписывать их пришлому ассирийскому оружейнику.

Можно усмотреть и некоторые косвенные указания на распространенность железа в Позднем царстве. Не потому ли ваятелям XXVI царского дома так полюбились добротные, но неподатливые породы камня, что режущие орудия стали тверже — железные заменили медные? И не потому ли именно с Позднего царства заметно усиливается поток литых медных (бронзовых) изображений (главным образом всевозможных тогдашних божеств), наводнивший собрания египетских древностей, что с распространением железа стало больше свободной меди?

Возможно, что не следует и слишком преувеличивать употребительность железа в Позднем царстве. Во всяком случае в таком смысле толкуется находка, приуроченная ко времени около 600 г.: железный нож, снабженный медной, не железной, рукояткой — как если бы железо ценилось дороже меди и с ним потому обходились бережливо.

Несомненно, Позднее царство могло быть отмечено и разными другими производственными нововведениями. Так, с XXVI царского дома начинается широкое производство высококачественных разновидностей так называемого египетского фаянса, похожих на наш фарфор. Однако вряд ли какое-нибудь из подобных нововведений могло сравниться по значению со вступлением страны в железный век, за исключением одного, касавшегося самих производителей и имевшего, по-видимому, роковое значение для дальнейших судеб фараоновского Египта.

С началом Позднего царства связывают заключение ремесла в сословные границы, с обязательною наследственностью каждого вида ремесел и запретом ремесленникам выхода из своего состояния. О подобном сословном ограничении позднеегипетского ремесла повествуют греческие писатели, и египетские памятники подтверждают их сообщения. Наследственность занятий, в частности ремесел, была и раньше распространенным явлением в Египте, но обязательной и общепринятой она не была, и нарушения встречались на каждом шагу. Равным образом очень часто жреческую службу совмещали с тем или иным ремеслом. Такое положение сохранялось, как мы видели, и в Ливийскую пору. Но с воцаре-

нием фараонов из Сайи (Саиса) все резко меняется. Переход из состояния в состояние прекращается, и жрецы, состоявшие одновременно ремесленниками, исчезают едва ли не полностью. Прежняя текучесть границ между верхними слоями общества и ремесленниками сменяется четким разграничением. При обязательной наследственности ремесел в позднем Египте представители их достигали высокого уровня мастерства, столь восхищавшего древних греков. Но обособление ремесленников в замкнутое сословие внизу общественной лестницы, резко отграниченное от верхних слоев общества, вело к развитию у этих последних презрения к ремесленному труду, тоже засвидетельствованного древнегреческими писателями. Бросается в глаза резкая убыль заупокойных памятников ремесленников, некогда столь многочисленных. Она говорит об обеднении ремесленников.

Памятники *«землепашцев»*, малочисленные даже в Новом царстве, в Позднем, как будто, вовсе пропадают. То немногое, что нам известно о положении трудового сельского населения в поздние времена, выглядит достаточно безрадостно. При XXVI царском доме оно проживало и трудилось в округах и селениях, принадлежавших казне, храмам, *«жене божьей»* Амуну (Амуна) в Нии (Нэ, Фивах греков), знатным людям. При передаче храму сельского округа или деревни они уступались со всеми своими людьми, стадами, всевозможным добром и произведениями. Случалось, что фараон указом возбранял властям брать людей из храмового имения на государственные работы, но это делалось не из расположения к труженикам, а ради исправного поступления продовольствия для жертвоприношений. Из победной надписи Пи-анхайя («Пианхи») известно, что *«слуги царевы»*, т. е. земледельцы, платили подать казнохранилищу.

Обнищание населения ко времени XXVI царского дома наглядно засвидетельствовано сделками, заключенными египтянами на самопродажу себя в рабство. Черты рабовладельческого уклада были присущи Позднему царству, по существу дела, в большей степени, чем Новому. Речь идет не о количестве рабов, которых у победоносного Нового царства могло быть во много раз больше, чем у Позднего, а о более четком разграничении рабов от нерабов. В Новом царстве огромные количества пленных вливались в состав египетского трудового населения и до некоторой степени сливались с ним. Позднее царство не могло похвалиться большими успехами на военном поприще. Конечно, Псаммэчик (Псамметих) II увел кое-каких пленников из похода в Эфиопию. При XXV царском доме, но также и при Псаммэчике (Псамметихе) I в Нии (Нэ) имелись в частном владении какие-то северные рабы. Были ли они из пленных, захваченных эфиопами в Низовье, или нет — сказать невозможно. Как встарь, храмовые пищевые заведения при XXVI царском доме обслуживали рабы и рабыни, которые могли быть из пленных. Но каким убогим должно было выглядеть всё это по сравнению с тем, что было в Новом царстве? И тем не менее, сокращение при-

тока пленных, в какой-то мере сливавшихся прежде с местным трудовым населением, вместе с обособлением, заключением этого последнего в сословные границы должны были резче выделить рабов из его состава, отчетливее противопоставить раба нерабу, будь даже этот нераб рядовым простолюдином. Позднеегипетский язык уже четко отличал «*раба*» (***бук***) от «*свободного*» (***нэмхе***). И примечательно, что обозначать «*свободного*» стало не какое-нибудь слово для «знатный» или «богатый» а слово ***нэмхе*** — «*сирота*», обозначавшее издавна бедняка, простолюдина («*раба*» по-стародавнему обозначало слово ***бук***). Частное рабовладение хорошо засвидетельствовано источниками. Частные лица покупали и продавали рабов, владели ими единолично и совместно, передавали их и земельные участки в распоряжение жрецов, нанятых для заупокойной службы. Цены на рабов колебались в зависимости от их качеств. Если, случалось, рядового раба можно было купить за каких-нибудь 218 гр. серебра, то за обученного раба платили раза в два-три дороже.

При определившемся к Позднему царству четкому разграничению раба от свободного самопродажа себя египтянами в рабство приобретала особенно зловещий смысл. Греко-римские писатели приписывали закон, запрещавший такую самопродажу, еще фараону Бокхорису — Буку-н-ринифу (Бок-ен-ринефу) — единственному представителю XXIV царского дома у Манефона. Но, очевидно, законодательство оказалось бессильным перед этим явлением. От времени XXVI царского дома до нас дошло относительно много сделок на продажу себя тем или иным египтянином в рабы другому. От более ранних времен подобные сделки как будто бы не сохранились. Обыкновенно в этих сделках речь идет о самопродаже за серебро — продавший себя находился, надо полагать, в безвыходном имущественном положении. Человеком без средств должен был быть и тот, кто отдавал себя в рабы за помощь, оказанную ему в нужде. Продавший себя в рабы отказывался от свободы не только за себя, но и за своих детей и притом «*на веки вечные*». Засвидетельствован, впрочем, странный случай возобновления сделки по истечении пятилетнего срока и, если судить по употребленным выражениям, опять-таки за серебро. Рабское состояние не препятствовало продавшемуся приобретать имущество, а также, надо думать, пользоваться полученным при самопродаже серебром, хотя все, что имелось у раба, вплоть до одежды «*на спине*» его и его детей, считалось принадлежащим хозяину. На несколько «семейный» («патриархальный») облик подобного рабства может указывать любопытная сделка о продаже себя одним египтянином другому в «*сыновья*». «Сын» покупается за серебро вместе с ожидаемым потомством и всем, что имеет и что приобретет. Он подвластен исключительно своему «благоприобретенному» отцу, дети «*сына*» объявляются «*детьми*» детей покупателя. По оборотам речи эта своеобразная купчая живейшим образом напоминает сделки на самопродажу в рабы. Весьма

возможно, что нареченный «*сын*» служил покупателю своего рода даровым работником, как еще в старину таковыми служили в хозяйстве старших братьев обездоленные младшие. Позднеегипетские сделки не дают как будто бы права толковать о широком распространении долгового рабства. Больше всего на долговое порабощение походит случай самопродажи себя в рабы за какую-то помощь, по-видимому, во время болезни. Но ссуды были, несомненно, распространенным явлением. На своем изваянии современник XXVI царского дома (Харуа) хвалится, по-видимому, тем, что снабжал зерновою ссудою того, кто находился в стесненных обстоятельствах. Из долговой расписки времени Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ, Априя греков), от 568/567 года, можно высчитать, что рост на ссуду был очень высок — 40% в данном случае. Но как бы ни обстояло дело с распространением долгового рабства, сделок на самопродажу в рабы вполне довольно для вывода об обнищании широких слоев «свободных».

Чем было вызвано такое обнищание? Первое, что, естественно, приходит на ум, это связь обнищания с развитием денежного обращения. Убедительным доказательством роста денежного хозяйства в Позднем царстве могут служить ссылки в купчих, расписках и иных деловых записях на происхождение платежного серебра из казнохранилища того или иного храма или города. Удостоверителем доброкачественности серебра выступали, таким образом, общественные казнохранилища, и это иногда отмечалось на самих кусочках серебра надлежащим надписанием. При XXV царском доме и в начале последующего XXVI-го источники из Нии (Нэ) называют казнохранилище храма Хри-шифа (Харшафэ), бога Хи-ни-нси (Хнэса, Ираклеополя греков). Князьям этого города, расположенного на севере Верхнего Египта, принадлежало тогда, как мы видели, одно из ведущих мест в государственной жизни страны. С начала XXVI царского дома упоминается серебро казнохранилища самого Нии (Нэ). Впоследствии после завоевания Египта персами в том же Нии (Нэ) имело хождение «*серебро казнохранилища Птаха*», т. е. храмовой сокровищницы Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков).

Если употребление в Нии (Нэ) серебра Хи-ни-нси (Хнэса) указывает на некоторое единство денежного обращения на севере и на юге Верхнего Египта, то умозаключить на этом основании о тесных меновых связях между северной и южной частями страны было бы все же слишком поспешным. Развитие денежного обращения при XXV—XXVI царских домах не следует преувеличивать. Судя по произведенным В. М. Флиндерсом Питри обследованиям, после крайнего многообразия весовых единиц в предшествующие полтысячелетия в Нижнем Египте возобладала одна единица веса, а в других частях страны — другая, хотя была хорошо известна и низовая. На слабую деловую связь Нии (Нэ) даже со средней частью Египта указывает и различие в деловом письме. На севере около 700 г. стал слагаться новый вид скорописи, так называемое демотическое

письмо, скорое не только по почерку, но и по самому складу, развившееся путем последовательного упрощения, а также стяжения в новые знаки и без того беглых начертаний прежней деловой скорописи (делового иератического письма). Появление на севере нового письма нельзя не поставить в связь с возросшей потребностью в разного рода частноправовых письменных сделках, о которой нам еще придется говорить. Однако в Нии (Нэ) оставалась долгое время в употреблении прежняя скоропись, правда, предельно беглого почерка, так называемое позднее (или аномальное) иератическое письмо. И только к концу XXVI царского дома новая скоропись (демотическое письмо) возобладало и в Нии (Нэ). Заслуживает также внимания, что немногочисленные египетские клады греческих денег времени до Александра Македонского были найдены почти исключительно в Низовье. В Нии (Нэ) и южнее они не найдены как будто б вовсе. Наряду с серебром, распространенным средством обмена было по-прежнему зерно. Известен случай возмещения погребальных расходов быком. Возможно, по сравнению с прежним временем несколько расширилась внешняя торговля. Во всяком случае, в нововавилонских источниках не раз упоминаются квасцы из Египта.

При недостаточной развитости денежного хозяйства в Позднем царстве возможно сомнение, действительно ли одним только растущим денежным обращением объясняется обнищание населения?

Если когда-нибудь наука обогатится нужными источниками и нам удастся более основательно изучить хозяйство и государственность Позднего царства, то, возможно, вскроются во всем их объеме и причины народного обнищания. При нынешнем же уровне наших знаний к разлагающему воздействию денег можно предположительно добавить еще две-три других причины.

Первая из них — это, видимо, хозяйственные неурядицы, вызванные долговременным развалом государства на многочисленные «*царства*» и княжества, засилием иноплеменной военной вольницы и повторными погромами, эфиопскими и ассирийскими.

Вторая причина — уже не наследие прошлого, а порождение самого египетского «возрождения», была, вероятно, не менее важной. Разоренной стране пришлось вместе с подвигом освобождения от эфиопов и ассирийцев принять на себя непосильные расходы по содержанию огромного войска. Оно должно было быть очень многочисленным уже по одному тому, что таковыми были вооруженные силы враждебных держав. Местное воинство было сплошь или преимущественно ливийского происхождения. Иродот («Геродот») говорит о 410000 воинов в одном Низовье. Возможно, правда, что число их было несколько преувеличено осведомителями ученого путешественника. Значительные воинские силы стояли и в Верхнем Египте, неся там отчасти стражническую службу. Но важно не одно число воинов. Из Иродота («Геродота») следует, что каждый воин владел наде-

лом земли в 12 арур, т. е. около 33000 кв. м и что все эти наделы были свободны от налога. Можно себе представить, какое количество не только плодородной земли, но и податных доходов государство теряло в пользу воинов и как это отражалось на налогоплательщиках. А согласно тому же Иродоту («Геродоту»), две тысячи воинов призывались вдобавок ежегодно ко двору в царские телохранители и обильно снабжались дополнительно хлебом, мясом, вином. Много было у XXVI царского дома и военных кораблей, но о численности их личного состава у нас нет данных. Важнейшую военную опору XXVI царского дома составляли иноземные наемники, в первую очередь греки и карийцы, но также выходцы из Сирии-Палестины. Об этих иноземных воинах нам неоднократно приходилось говорить выше. Им принадлежало видное место в событиях того времени. Для государства, притязавшего на великодержавие, обходиться без опытных греческих воинов становилось в VI веке всё более и более трудным. А при крупных размерах воинских сил, сталкивавшихся тогда на полях битв, иноземных наемников у позднеегипетских фараонов должно было быть немало. Содержание и оплата наемных войск ложилась, естественно, тяжелым бременем на население.

Была, вероятно, еще одна, и притом немаловажная причина разорения трудового населения, но, к сожалению, дальше косвенных и не слишком определенных намеков здесь наши поиски никуда не приведут. Похоже, однако, на то, что многовековое государственное снабжение работников продовольственным и вещевым довольствием пришло с концом Нового царства в некоторое расстройство и в какой-то мере сократилось, особенно в связи с предшествовавшей «возрождению» полутысячелетней государственной разрухой. Не указывает ли на то, во-первых, само развитие денежного хозяйства, предполагающее как будто б сокращение государственного продовольственного и вещевого довольствия? Во-вторых, на большую предоставленность населения собственному попечению намекает, по-видимому, умножение частноправовых сделок, приведшее даже к выработке около 700 г. нового делового очень быстрого письма, так называемого демотического, а немного раньше тоже очень беглого так называемого позднеегипетского письма. Соответственно и язык таких (демотических) сделок уже в VI веке развитее и богаче в правовом смысле, чем в Новом царстве, что опять-таки указывает на поступательное развитие и усложнение частной деловой жизни.

Но как бы ни обстояло дело с теми или иными причинами народного обнищания в Позднем царстве, само это обнищание представляется несомненным, и потому с большой осторожностью следует воспринять известие Иродота («Геродота») о благоденствии Египта при Ах-маси (Ах-мосе, Амасисе греков) II. Впрочем, Иродот («Геродот») имеет в виду не столько общественное благоустройство, сколько изобилие природных даров — Нила и почвы. Не должно нас обманывать и приведенное в этой связи «отцом истории» число египетских «*горо-*

дов» при Ах-маси (Ах-мосе, Амасисе). В Старом царстве город и деревня обозначались одинаково словом ***нии***. В Новом царстве начинают различать «*город*» и «*деревню*» — ***нии*** и ***дима***, но последнее слово могло означать и «*город*» и могло быть употреблено даже применительно к «*городу Аманы* (Амуна)» (Нэ, Фивам греков), так что различие между городом и деревней не получило четкого выражения в речи. Поэтому вполне правдоподобно, что иродотовские («геродотовские») две тысячи «*городов*» включали как собственно города, так и множество деревень. Диодор прямо говорит, что в старые (доэллинистические) времена в Египте было восемнадцать тысяч городов и деревень. Можно, конечно, допустить, что после ста лет относительно упорядоченного существования страна ко времени Ах-маси (Ах-мосе) II окрепла и обнищание народа приостановилось. Сохранившиеся сделки на самопродажу в рабы, действительно, относятся к началу XXVI царского дома. Но то, что до нас дошло некоторое количество их именно от того времени, не более, как случайность, и нет никакой уверенности в том, что они не были столь же многочисленны и в дни Ах-маси (Ах-мосе) II.

Оттеснение ремесленного населения на нижние ступени общественной лестницы, заключение его и остального трудового народа в твердые и нерушимые сословные границы, обнищание простых людей — разве не было все это завершением поражения простолюдинов, начатого в смуту конца XIX царского дома; завершением победы над ними верхов общества и вместе с тем полным пресечением того поступательного развития, которое от VI до XIX царского дома включительно шло в сторону все большего и большего выдвижения широких общественных слоев? Да и торжество эфиопских и затем «возрожденческих» фараонов разве не было достигнуто подавлением ливийской военной вольницы?

Но победившая знать — гражданская, военная, жреческая — была ли она, восторжествовав, в состоянии справиться со сложной международной обстановкой, в которую страна вступила со времени эфиопского нашествия? Была ли египетская государственность при Псаммэчике (Псамметихе) I и его преемниках настолько слаженной, чтобы с успехом противостать напору с Востока и устоять перед ним?

На первый взгляд может показаться, что в возрожденном царстве воскресли порядки двухтысячелетней давности. Для позднеегипетских государственных деятелей, да и не для них одних, вожделенным образцом стало вельможедержавное Старое царство, с которым для них сливалось воедино Среднее. Если ливийские фараоны в своих царских прозваниях и на памятниках выступали продолжателями Нового царства, наследием которого ливийское воинство на деле и было, то победители ливийской вольницы, цари-воссоединители, отчасти эфиопы, но особенно Псаммэчик (Псамметих) и его преемники выдавали себя за восстановителей Старого (со включением Среднего) царства, «счастливой» поры вельмож-

ной знати. Государственные прозвания владык воссоединенного царства живо напоминали прозвания их стародавних «предшественников», а памятники правящих кругов, чем дальше, тем больше походили на староегипетские.

Дело доходило до того, что даже в Нии (Нэ, Фивах греков), далеко от Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков) с его староегипетскими памятниками, с началом XXVI царского дома на гробничных стенах стали высекать изображения в духе Старого царства. Так, верховный сановник этого царского дома (по имени «Неспекашути») изобразил у себя в гробнице целое шествие своих деревень, олицетворенных в духе IV-го и раннего V-го царских домов в виде мужчин и женщин с разными приношениями и названных на староегипетский лад «*Пивом*», «*Смоковницей*», «*Козерогом*» данного вельможи. А главный управляющий хозяйством «*жены божьей*» Амуну (Амуна) «Аби» воспроизвел у себя в гробнице надписанные изображения из усыпальницы своего тезки, современника VI царского дома — князя XIV верхнеегипетской области, очень далеко отстоявшей от той IV-й (фиванской), где находилась гробница подражателя. Вполне возможно, что под прямым воздействием образцов Среднего царства были созданы такие жизненно правдивые памятники, как изваяния князей Нии (Нэ) конца XXV-го и начала XXVI царских домов Манти-ме-хэ (Мент-ем-хэ) и его сына Ас-птаха (Ес-птаха). Правда, большинство изваяний времени египетского «возрождения», нередко безукоризненно отделанных, а иногда и миловидных, не отличается особой выразительностью, но и среди подобных заурядных изделий имеются такие, которые посадкою и облачением похожи на среднеегипетские. В Нии (Нэ), впрочем, в отличие от Мэмфи (Мэнфе), вельможеские гробницы отделывали изображениями и в духе несколько менее отдаленной местной старины — времени XVIII царского дома. Но изобразительное искусство последующей второй половины Нового царства нигде уже не пользовалось вниманием.

В Нии (Нэ), случалось, в частной гробнице воспроизводили также надписи XVIII царского дома — именно из поминального храма фараона-женщины Хишапсауы (Ха-шепсове), но в общем в заупокойной письменности наблюдалось пристрастие к особо древним заклинаниям, и давно неупотребительные «надписи пирамид» стали вновь начертываться на памятниках вперемежку с заклинаниями из так называемой «Книги мертвых» и других более поздних источников. Обычно языком для надписей служил не новоегипетский и не его преемник живой позднеегипетский (демотический), а давно мертвый среднеегипетский, хотя и с примесью более поздних оборотов. В переписывавшихся тогда произведениях Старого царства язык был еще более древний — староегипетский. В распорядке храмового представления, переписанном с обветшалой рукописи на камень по повелению фараона Шабику (Шабако), староегипетский был даже с примесью раннеегипетского (на раннеегипетском могли быть, впрочем, и те или иные

«надписи пирамид»). На памятниках сановников XXVI царского дома правописание и начертание знаков в надписях (иероглифических) порою настолько уподоблялись староегипетским, что при беглом взгляде такие надписи легко принять за начертанные в Старом царстве. Правда, присмотревшись пристально, обнаруживаешь промахи, потому что по-настоящему вживаться в древнюю письменность подражатели были не в состоянии. Жизнь далеко ушла от времени пирамид, и само (иероглифическое) письмо, которым обыкновенно писались надписи, окончательно потеряло связь с употребительной в житейском обиходе скорописью.

Если мы обратимся к званиям тогдашних сановников, то может показаться, что с египетским «возрождением» воскресла государственность Старого царства: до того по-староегипетски величают себя должностные лица XXVI царского дома! В сонме всей этой «старообразной» чиновной знати, всех этих верховных сановников, «*распорядителей казнохранилища*», «*распорядителей казны*», «*распорядителей работ*», «*распорядителей войска*», судей Двора великого и т. д. с первого взгляда и не выделишь таких лиц, как начальник греков и «*распорядитель кораблей царевых*», военных сановников, ведавших двумя важнейшими опорами позднеегипетского великодержавия.

Костяк местной знати по-прежнему составляли областные и городские правители, назначенные царем или унаследовавшие свои должности от отцов. Власть некоторых князей простиралась далеко за пределы их непосредственных владений. Так, князья Нии (Нэ) бывали «*распорядителями*» всего Верхнего Египта, несмотря на то, что там имелись другие областные князья; равным образом князья Хи-ни-нси (Хнэса, Ираклеополя греков) бывали причастны к управлению южной частью страны. Иногда князья по стародавнему обычаю величали себя и начальниками местного жречества. Отдельные князья держали себя с большой независимостью. Храмоздание велось не только от царского, но и от княжеского имени. Еще в конце XXVI царского дома при Ах-маси (Ах-мосе) II князь Котловины северной (Северного оазиса) изображал себя в тамошнем храме служащим своему божеству, стоя непосредственно за фараоном и одного с ним роста. Особенно выдавалось по величине и значению княжество Нии (Нэ, Фив), где наряду с обыкновенным областным князем царила еще «*жена божья Амуну* (Амуна)», особа обязательно царского происхождения. За всё время правления XXVI царского дома в Нии (Нэ) сменилось только четыре «*жены божьих*» Амуну (Амуна): эфиопская царевна, сестра Тахарку (Тахарко) Шап-ни-йапи (Шеп-ен-опе), его дочь Амун-ар-дэ-си («Аменердис») II и Нит-акри (Нитокре) — Шап-ни-йапи (Шеп-не-опе) II, дочь Псаммэчика (Псамметиха) I, и Анх-нас-наф-аб-ри (Анх-нес-нефр-еп-рэ), дочь Псаммэчика (Псамметиха) II, которой суждено было стать последней в длинном ряду «*жен божьих*» Амуну (Амуна). Хотя эти царственные «*супруги*» Амуну (Амуна), «удочерявшие» одна

другую, и составляли подобие владетельного рода, принимали царские наименования, вели летосчисление по годам своего правления и даже изображали себя на храмовых стенах служащими наподобие фараонов своим богам, действительную власть в их княжестве Нии (Нэ) делили, вероятно, между собою наследственный князь города и «*распорядитель дома великий*» (т. е. главноуправляющий хозяйством) «*жены*» Амуну (Амуна).

Этот «*распорядитель*» мог быть тоже потомственным. Так, самый последний «*распорядитель дома великий*» Шушинк (Шешонк) был сыном «*распорядителя дома великого*» Па-да-нэита (Пе-те-нэйта). Заметим, что этот Шушинк (Шешонк) дерзновенно выступал на храмовых изображениях следом за своей госпожой, правда, крошечного по сравнению с нею роста. «*Распорядитель дома великий*» при Нит-акри (Нит-окре) «Аби» величал себя также «*распорядителем дома великим*» Амуну (Амуна), «*распорядителем Верхнего Египта*» и «*распорядителем*» различных верхнеегипетских жречеств. «Аби» был, вероятно, тоже наследственным управляющим у «*жены божьей*» Амуну (Амуна), так как отец сановника, ее же служащий (по имени Херреснет) может быть тождественным с одноименным «*распорядителем дома великим*». Этот последний тоже состоял «*распорядителем Верхнего Египта*», а кроме того еще «*властителем чужих стран* (иноплеменных наемных воинов?) *в Уиси* (Висе, Фивах греков)».

Не надо, однако, и преувеличивать рыхлость возрожденного царства. Уже вскоре по его восстановлении фараон Псаммэчик (Псамметих) I не менее семи раз переводил своего надежного сановника («Неснешмета») с одного княжения на другое, распоряжался ими, очевидно, довольно-таки свободно. Сановник перебывал князем в ряде второстепенных городов и в низовых местностях (был, в частности, «*князем великим Запада*», как в свое время Таф-нахти (Теф-нашт) и под конец княжил даже в таких значительных областных городах, как Анхаб (Эль-Каб) и Абту (Эдфу) в южном Египте. А что касается владений «*жены*» Амуну (Амуна), то как ни сильны были местные князья и великие домоправители в Нии (Нэ) (и те и другие бывали одновременно жрецами Амуну (Амуна)), но все-таки во главе княжества стояли дочери фараонов, из которых одна, Анхнас-наф-аб-ри (Анх-нес-нефр-аб-рэ), некоторое время, в бытность свою наследницей «*жены божьей*» Амуну (Амуна), состояла также его верховным жрецом.

Откуда же черпали цари «возрожденного» Египта ту силу, которая позволяла им, плохо ли, хорошо ли, но все же как-то справляться с местными князьями и своенравной ливийской военной вольницей? Одних иноземных наемников было для того явно недостаточно. Цари должны были иметь какую-то твердую опору в самой стране, притом моцную в хозяйственном смысле. Мы уже видели, что в годы воссоединения страны ею могли быть богатые позднеегипетские храмы, и вполне правдоподобно, что они оставались ею и дальше.

Что представляли храмы и жречество при XXVI царском доме? Земельная собственность храмов должна была быть огромной. Она бывала расположена не только поблизости от них, но и в отдаленных частях страны. А двор все продолжал увеличивать храмовые владения. Сохранилось известие и о своевольном захвате второстепенным храмом государственной земли (свыше 1 кв. км); правда, земля была затем отобрана обратно. Храмы владели своими населенными деревнями, но вместе с тем сдавали в наем, по-видимому, немалое количество земли. Храмовую землю могли передавать по наследству, дарить, отдавать в надел, даже продавать друг другу, отчего она не переставала быть храмовою собственностью. Засвидетельствованы храмовые садоводство, скотоводство, птицеводство. Храмовые склады содержали запасы зерна, вина, мёда, масла. Храмы располагали различными мастерскими. Помимо рабов и рабынь, в них, возможно, работали и другие люди. Для изготовления одних только одежд кумирам даже у второстепенного храма имелись свои ткачи, служанки (рабыни?) и прачешники. Мелкие жрецы охотно брали на себя службу по состоятельным покойникам, получая за нее от родственников умерших особо для того выделенные земельные участки и, по меньшей мере иногда, еще рабов. Несмотря на то, что храмы располагали собственной богатой движимостью и недвижимостью, государство еще поставляло им скот, птицу, зерно, дрова и т. п. и делало крупные взносы серебром. Правда, не все храмы были свободны от уплаты податей, однако известен случай, когда достаточно было указать на них как на причину запущенности храма, чтобы их сняли. Сохранилась надпись Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ, Априя греков), увековечивавшая его указ о полном освобождении целого округа, переданного царем храму в Мэмфи (Мэнфе), от любых работ на государство. Чиновникам, которые ослушались бы указа, царь грозил судом и карою. При Ах-маси II (Ах-мосе, Амасисе греков) у князя древнего и значительного города Тина в среднем Египте были отняты доходы от перевоза через Нил и переданы храму, равно как, возможно, и доходы от торговли с «*Котловиной*» (оазисом) в соседней пустыне.

Хозяйственная мощь храмов нашла яркое выражение в ведущем месте, занятом ими в денежном обращении. Порукою доброкачественности серебра, обращавшегося в виде денег, служило происхождение его из того или иного общественного казнохранилища, и таковым бывало, видимо, чаще всего какое-нибудь храмовое казнохранилище. При Псаммэчике (Псамметихе) I упоминается, правда, «*серебро казнохранилища Уиси* (Висе, т. е. Фив греков)» и, возможно, оно было из городского, а не храмового казнохранилища. Но в других случаях происхождение серебра из храмовой сокровищницы не подлежит сомнению. При Тахарку (Тахарке) и том же Псаммэчике (Псамметихе) I в Нии (Нэ, Фивах греков) имело хождение «*серебро казнохранилища Хри-шифа* (Харшафэ)», следовательно, сокровищницы храма города Хи-ни-нси (Хнэса, Иерак-

леополя греков) на севере Верхнего Египта. Позже, в годы персидского владычества, в Нии (Нэ) упоминается «*серебро казнохранилища Птаха*», т. е. храмовой сокровищницы Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков). Если на подобных деньгах и отмечалась доброкачественность серебра, то полновесность их не удостоверялась. Тем не менее, храмы как-никак брали на себя обязанности государства по выпуску в обращение денег!

Многие жрецы довольствовались одною храмовою службою, не занимали одновременно гражданских должностей. Также сыновья жрецов очень часто становились жрецами, хотя нередко основною у них оказывалась гражданская служба. Каким богатством и значением мог располагать жрец, не бывший даже верховным, наглядно показывает исполинская гробница Па-д-амун-апи (Па-д-йемен-опе) в Нии (Нэ), частично пристроенная к скале, частично высеченная в ней. По величине это сооружение совершенно затмевает соседние вельможеские гробницы Нового царства, а то даже и тогдашние фараоновские. Значение жреческого сана настолько поднялось в глазах современников XXV—XXVI царских домов, что те жреческие должности, которые в Новом царстве считались бы незначительными, теперь сплошь и рядом значились за владетельными князьями и большими сановниками. Высокопоставленные гражданские лица набирали помногу даже скромных жреческих должностей, притом даже в разных городах. Так, например, верховный сановник (так называемый визир) при Псаммэчике (Псамметихе) I Буку-н-ринаф (Бок-ен-ринеф), бывший также верховным судьей и столичным градоначальником, занимал три жреческих должности (в том числе одну верховножреческую) в храме Птаха в Мэмфи (Мэнфе), по одной рядовой жреческой должности в Уне Низовом (Оне, Илиуполе греков) и Уисе (Висе) Низовом и еще одну жреческую должность в столице III нижнеегипетской области Химе (Летополе греков). В итоге гражданская знать и жречество сливались в одно нераздельное целое, сливались вместе так тесно и плотно, как никогда еще за все многовековое прошлое страны. Приобщению гражданской знати ко жречеству позднеегипетское сословное деление по занятиям, очевидно, нисколько не препятствовало. Да и сам царствующий XXVI дом состоял в теснейшем родстве с высшим жречеством. Его основатель Псаммэчик (Псамметих) I женился на дочери Си-эси, верховного жреца солнца в Уну (Оне, Илиуполе греков), и стала она «*женою царевою великою первою*». Последний же представитель этого дарского дома Псаммэчик (Псамметих) III был сыном дочери верховного жреца Птаха Па-да-нэита (Пе-те-нейта) «*жены царевой*» Та-хатти («Тентхеты»).

Погоня верхов общества за жреческими должностями преследовала весьма осязательные, вещественные цели. Владеть жреческой должностью значило получить в свое пользование часть храмового достояния, долю храмовых доходов, будь

то земельный надел или продовольственные поступления. За жреческую должность вели подчас ожесточенную борьбу, не останавливаясь даже перед поступками уголовного порядка, как похищение вещей противника, разрушение его дома и т. д. Жреческие должности с их доходами — хлебом, говядиной, птицей, зеленью, маслом, вином, пивом, полотном и т. п. владельцы продавали за серебро. Доходное жреческое место можно было предложить в виде взятки даже вельможе. Имеются основания думать, что стареющим сановникам жреческие должности предоставлялись как обеспечение в старости. Возможно, именно с этой целью храму был передан однажды с ведома правительства большой участок государственной земли (площадью свыше 4 кв. км) со всем зависимым населением и стадами. Известен случай, когда жена сановного жреца передала участок земли в храм, где числился в жрецах ее муж, очевидно, в его пользу.

Можно себе представить, какую огромную хозяйственную и государственную величину и силу представляли при таких условиях позднеегипетские храмы и их жречество, слившееся в нерасторжимое целое с гражданской знатью. Если увлечение седой древностью, Старым и Средним царством, охватившее позднеегипетские верхи, и нельзя сводить к воздействию одного только жречества, то разрослось подобное пристрастие к священной старине, несомненно, не без его участия. Произведения древней письменности: заклинания, славословия, поучения и т. п., равно как и древние правила для изготовления кумиров, пользовались издавна в Египте большим уважением. Жречество являлось главным хранителем старины, почитавшейся священной, и вот она-то теперь в Позднем царстве стала предметом восторженного подражания. Жречество было, бесспорно, причастно к усилившемуся почитанию животных местных божеств, вылившемуся в Позднем царстве в почитание всех представителей того или иного животного вида.

Нельзя также не отметить некоторого (относительного) уравнения в правах местных храмов и жречества после поражения Нии (Нэ) в борьбе с севером и падением значения города и его бога. Слава Нии (Нэ) отошла бесповоротно в прошлое, и только в своем городе да нескольких других местах страны Амуну (Амун) еще что-то действительно значил. И если кто-либо вместо Амуну (Амуна) выдвигался в покровители возрожденной египетской державы, то это была Нэйт, древняя богиня города Сайи (Саиса греков), родины XXVI царского дома. Воцарение этого последнего привело к ее возвышению в кругу тогдашних божеств, и по некоторым признакам можно как будто б заключить, что она становилась военной покровительницей державы фараонов, вышедших из Сайи (Саиса).

Теперь мы можем вернуться к вопросу, поставленному в начале главы: в чем причина того, что египетское «возрождение» так и не привело к возвращению былого могущества? Возрожденное царство, хотя и сплоченное много крепче, чем ливийский Египет, так и не изжило до конца отличавшую его рыхлость и разно-

родность государственного устройства. Трудовое население, заключенное по признаку занятий в сословные подразделения, было полностью оттеснено от государственной жизни и в значительной мере разорено в связи с развитием денежного хозяйства и, возможно, сужением государственного продовольственного и вещевого снабжения. Ливийская военная вольница, подавленная, но не укрощенная, плохо ладила .с правительством и своевольничала. Не всегда покладистым было и наемное воинство. Гражданская знать, сросшаяся с усилившимся жречеством, видела в богатеющих храмах один из главных источников своего благополучия и, видимо, не слишком радела о военных делах. Египет только что вступил в железный век, только что начал развивать денежное обращение, без которого трудно было, в частности, содержать иноземное воинство. А великие державы Ближнего Востока уже давно вступили в железный век, располагали большими денежными запасами, были воинственны и могущественны. И как было не противостать им отсталому Египту, такому внутренне неслаженному и некрепкому?

И тем не менее тот самый Египет, которого поступательное движение по старому тысячелетнему пути развития вдруг пресеклось в конце Нового царства и который через то вверг себя в безысходную неурядицу и нестроение, пусть медленно и неуверенно, но все-таки начал выходить теперь на новый путь развития, более близкий к тем, которыми шел окружающий мир. И сколько ни воскрешали седую старину в государственности и духовной жизни, как ни раздували такую первобытчину, как почитание животных, новое пробивалось всюду в большом и малом. Начался железный век, стало развиваться денежное хозяйство, обиходное, так называемое демотическое письмо окончательно порвало с древним полуизобразительным-полузвуковым, превратилось в совокупность условных знаков. В самом Египте вырос большой торговый и промышленный греческий город Навкратис, а на западе по соседству с Низовьем появилось греческое государство Кирена, откуда Ах-маси (Ах-мосе) II взял себе во второстепенную царицу знатную девушку Ладику, греческие наемники стали едва ли не главной боевой силой фараонов, египетский царь дружил с греческим миром и делал посвящения в греческие храмы. В городах появились высокие (многоэтажные) жилые дома. Если наперекор многовековому обыкновению царские усыпальницы при XXI—XXII домах стали сооружать подле городского храма, то гробницы фараонов XXVI царского дома были воздвигнуты, по Иродоту («Геродоту»), уже внутри государственного храма в Сайе (Саисе). Согласно греческому путешественнику, гробница Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ, Априя) представляла каменный чертог со столбами в виде финиковых пальм и царским гробом внутри. Если в Нии (Нэ, Фивах греков) и продолжали высекать пещерные гробницы, то усыпальницы «*жен божьих*» Амуну (Амуна) помещались внутри одного из храмов. На столичном же кладбище в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) теперь даже ограничивались, бывало, подземными склепами без наземных надстро-

ек. Не отказываясь от храмоздания, начали охотно заменять воздвижение целого храма приготовлением громадных божниц целиком из одного камня, так называемых наосов. Трудно себе представить, чтобы в прежние времена фараона могли бы изобразить так, как был представлен (вырезан на плоскости) Псаммэчик (Псамметих) I — обрюзглый, некрасивый, ничуть не привлекательный обыватель.

Положение было глубоко противоречивым. Сойдя уже более как полтысячелетия тому назад с прежнего испытанного поступательного пути развития, египетское государство вступало на новый путь, еще не испытанный, вступало робко, изо всех сил цепляясь за старину. Так нагнать соседние страны, далеко продвинувшиеся на этом пути, было Египту, естественно, трудно.

ЕГИПЕТ ПОД ВЛАСТЬЮ ПЕРСОВ

(525—404 гг.; XXVII царский дом)

В 525 г., завоеванный персами, Египет вошел в состав их мировой державы. Их царь Камбис был провозглашен всеегипетским «*царем* (и) *государем*» и принял особое престольное имя, как то делали фараоны — «*Мису-ри*». В египетских кругах была даже сочинена сказка о происхождении персидского царя от египетской царевны — дочери свергнутого мятежным Ах-маси (Ах-мосе, Амасисом греков) фараона Ух-аб-ри (Вах-еп-рэ, Априя) Нит-ити (Нитетис), якобы отданной в свое время в жены отцу Камбиса Киру. При столь «фараоновском» происхождении завоевателя упоминаемые Иродотом («Геродотом») поругание и уничтожение трупа Ах-маси (Ах-мосе) должны были представиться «верноподданным» умам достодолжною карою похитителю престола со стороны его законного наследника. Посмертно Ах-маси (Ах-мосе) II был лишен даже царского звания. Еще в конце правления Камбиса и вдалеке от больших городов писцы не дерзали писать имя отверженного с ободком вокруг, как то приличествовало фараоновским именам.

В числе сановников Ах-маси (Ах-мосе) II и Псаммэчика (Псамметиха) III имелся некто Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне), сын жреца Нэйт и хозяйственника в ее городе Сайе (Саисе греков), совмещавший по обычаю того времени множество придворных и писцовых званий с начальством над военно-морскими кораблями — он был «*распорядителем судов царевых*». Следует ли видимое бездействие египетских морских сил во время борьбы с персами вменять в вину Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) — нам неизвестно. Только последний, потеряв свой военно-морской сан и сохранив придворные, был назначен Камбисом своим главным врачом. Очевидно, египтянин, помимо морских и писцовых знаний, располагал изрядным врачебным образованием. Должность придворного врача Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) сохранял и при Дарии I, жил при нем на чужбине, а после был послан в Египет восстановить в Сайе (Саисе греков) «*дом*

жизни», высшее ученое учреждение, ведавшее, в частности, лечебной наукой. Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) представлял те зажиточные египетские круги, которые шли на мировую с завоевателем и только желали немного принарядить его на египетский лад. Камбис готов был в какой-то мере пойти навстречу таким желаниям. Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) по роду своей службы имел доступ к особе персидского царя и мог влиять на него в желательном для себя смысле. Короче говоря, он стал египетским ходатаем при царе и вместе с тем его советником по египетским делам. Это он сочинил персидскому царю его фараоновское имя. Он же добился от Камбиса удаления из храма Нэйт в Сайе (Саисе греков) иноземных насельников, устроившихся, как в крепости, за мощными храмовыми стенами и даже настроивших себе там жилища. Храм был очищен, жрецы возвращены, возобновлены торжества и жертвоприношения в честь божеств Сайи (Саиса греков). Более того, Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) удалось побудить царя лично посетить Сайю (Саис греков) и храм Нэйт, поклониться ей земно и принести ей и прочим городским богам роскошную жертву. Заботы ученого врача распространялись, видимо, лишь на храм его родного города Сайи (Саиса греков). Однако в Государственном музее изобразительных искусств хранится глиняная печать, на которой имя «*царя* (и) *государя Камбуджиа* (Камбиса)» «предстоит» перед именем «*Уду* (Уто), *владычицы Йит* (древнее имя города П-уду, Буто греков)», так что, возможно, и храм этого города, расположенного неподалеку от Сайи (Саиса греков), не был обойден вниманием завоевателя. Нам неизвестно также, ходатайствовал ли кто-нибудь за храм в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) и еще два других второстепенных, но за ними были сохранены государственные поставки дров, скота, птицы и кое-чего другого, им потребного, в нетронутом виде. У подавляющего же большинства египетских храмов были отняты казенные поставки дров, птицы и т. п. и сокращены наполовину поставки скота. Храмы были также лишены государственных взносов серебром и золотом. Разорение египетских храмов Камбисом упоминает и написанный век спустя арамейский источник (папирус с южноегипетского острова Йиба (Эйба) — Элефантины греков).

Тяжелые дни переживало население Египта. В надписи на своем изваянии Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) хвалится, что спасал людей родного Сайи (Саиса греков) от величайшей бури, обрушившейся на всю страну и не имевшей себе равной в прошлом, что он по-отечески пекся о своих родственниках во время все того же неслыханного бедствия. Показательно для узко городской привязанности ученого египтянина, что его заботы о храмах и египетском населении в эту тяжелую годину ограничивались одним лишь родным городом. Иродот («Геродот») рассказывает, что в Мэмфи (Мэнфе) Камбис вскрывал гробницы и рассматривал трупы (персидского царя, видимо, занимали знаменитые египетские

мумии). Сохранилась клинописная вавилонская купчая от 524 г. на рабыню-египтянку и ее трехмесячную дочь, уведенных в виде военной добычи вавилонским воином Рэмбиса и проданных им затем у себя на родине. В клинописных деловых памятниках персидского времени из Вавилонии упомянуто немало людей с египетскими именами. Впрочем, египтяне проживали там еще при нововавилонских царях.

Египет вошел в состав мировой персидской державы, и положение его в ней твердо определилось с упорядочением ее после воцарения Дария I. Как в свое время Камбиса, так теперь Дария египетские приспешники пытались представить вопреки очевидности законным фараоном и, разумеется, безуспешно. Дарию тоже сочинили особое фараоновское имя, но даже такой верноподданный, как Уджихур-рисни (Удж-хер-рисне) не удосужился привести его на своем памятнике, да и вообще оно редко употреблялось. Мало того. Полное фараоновское прозвание включало в себя пять имен, но ни первого, ни второго, ни третьего ни один из персидских царей так и не носил, точнее — никто не счел нужным их им придумать. Последующим царям Ксерксу I (486—465 г.) и Артаксерксу I (465—425 г.) вообще не прилагали никаких египетских имен, довольствуясь одним персидским — возможно, потому, что отношения между египтянами и персами стали еще более натянутыми. Накануне крушения персидского владычества над Египтом Дарий II (424—405) подобно своему знаменитому тезке вновь принял египетское имя — Ми-амуну (Ми-амун) («*Возлюбленный Амуну* (Амуна)»), как думают, в угоду своим непокорливым подданным. Египетские царские звания: «*царь* (и) *государь*» «*владыка обеих земель*», «*владыка венцов*», «*фараон*» прилагались даже Ксерксу и Артаксерксу; равным образом и персидские их имена, как и у обоих Дариев, окружались ободками (так называемыми картушами) как фараоновские. Впрочем, Ксеркса и Артаксеркса, не говоря уж о Дариях, величали даже «*богами добрыми*» и «*сынами солнца*» и приписывали им долговечность этого последнего. Нечего и говорить, что в храмовых и памятных надписях, составленных на египетском языке, Дария I на все лады выставляли избранником, сыном и любимцем египетских богов. На одной из его памятных надписей под его именем, вписанным в фараоновский ободок и осененным египетским крылатым солнцем, верхнеегипетский и нижнеегипетский Нилы соединяют воедино Верхний и Нижний Египет с придачею «*земель всех, финикиян всех,* (чужеземных) *нагорий* (т. е. стран) *всех, луков* (т. е. подвластных народов) *всех*».

Однако все это были голые слова и пустые условности. На деле в царском дворце в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) не было «никакого фараона». Дворцовый храмик местного бога Птаха настолько обветшал и никем не опекался, что подправлять его был вынужден простой обыватель, старик Джи-хуру-ф-анхи (Дже-хере-ф-онх), не стерпевший того, что на месте его играли дети и взрослые.

Действительным «фараоном», хотя и не по имени и под главенством «*царя царей*», был его наместник в Египте или — на греческий лад — сатрап. В его руках была соединена власть над Египтом гражданская и военная, последняя, правда, под общим надзором высокопоставленного военачальника, возглавлявшего тот военный округ персидской державы, в составе которого числился Египет. Наместник имел право чеканить для местного обращения серебряные деньги. Языком, на котором сносились с ним подчиненные и на котором он сам сносился с ними, был арамейский. Именно наместник представлял персидскую власть в стране в неприкосновенном виде, являя собою наглядное отрицание египетской независимости.

В остальном персы во многом сохранили порядки, которые они застали при завоевании страны. В областях (номах) по-прежнему сидели свои владетельные роды. Мало того, если верить Иродоту («Геродоту»), даже после подавления восстания египтян при Артаксерксе I персы сохранили за сыновьями вождей повстанцев власть над частью Низовья (Нижнего Египта). Правда, были на местах и правители родом из персов. Во всяком случае, в двух из своих надписей в восточной пустыне (в Вади Хаммамат) перс Атийавахйа (? — на греческий лад Эдевес), видимо, ответственный за добычу здесь камня, наряду с неегипетским званием «*сариса* (властеля?) *Персидского*» прилагает себе и египетское: «*повелителя* (***рп т***) *Кибту*», близлежащего города, Коптоса греков. Надписи выполнены египетскими (иероглифическими) письменами, Атийавахйа(?) и его брат Арийаврата (? — Ариаратес на греческий лад); оба — сыновья персидских родителей Артамаса и Ганджавы(?) чтут египетских богов: местных Мина и Эси (Исиду греков), но также «*Амуну* (Амуна), *царя богов*». Брат носит даже второе, вполне египетское имя: Джи-хуру (Дже-хор). Перед нами, таким образом, чистокровный перс, хотя и сильно «объегипетившийся», на положении местного князя. Но подобные случаи были, по-видимому, редкостью, и власть на местах принадлежала египетским владетельным родам. Единственным большим новшеством в местном управлении было упразднение южноегипетского «государства в государстве». С падением XXVI царского дома мы уже больше ничего не слышим о владетельных «*женах божьих*» Амуну (Амуна) в Нии (Нэ, Фивах греков).

Дарий I поручил известному уже нам Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне), бывшему «*распорядителю кораблей царевых*» при Ах-маси II (Ах-мосе, Амасисе греков) и Псаммэчике (Псамметихе) III, а теперь состоявшему придворным врачом при особе персидского царя, отправиться в Египет и восстановить высшее египетское ученое учреждение — «*дом жизни*» в Сайе (Саисе), пришедшее в запустение со времени персидского нашествия. И вот как описывает Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) в надписи на своем изваянии свою восстановительную деятельность: «*Снабдил я их* (т. е. ученые заведения) *книжными* (?) *людьми их всякими из сыновей* (именитых) *мужей — не было сына ничтожного* (чело-

века) *среди* (них). *Отдал я их под руку знатоков всяких... Приказало величество его давать им вещь всякую добрую из желания, чтобы творили они работу свою всякую. Снарядил я их благами их всякими, потребою их всякою, каковые* (значатся) *в писании, согласно состоянию их прежде. Сотворило величество его это затем, что знало оно благотворность уменья этого, чтобы животворить того, кто в болезни, всякого, чтобы устанавливать имена богов всех, храмы их, жертвы божеские их, руководить празднествами их вечно*». Египетская врачебная наука пользовалась в тогдашнем мире громкою славою. Но из слов Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) вытекает, что, как ни высоко ценили египетских врачей персидские цари, «*дом жизни*» Дарий I восстанавливал не ради одной только врачебной науки. «*Дом жизни*» должен был быть восстановлен и ради египетских богов, их храмов, жертвоприношений и праздников. Иными словами, персидский царь выступал продолжателем того отменно благосклонного отношения к храмам и жрецам, которое так отличало свергнутый XXVI царский дом. И мы действительно знаем из другого источника, что Дарий I восстанавливал урезанные Камбисом продовольственные, денежные и прочие государственные взносы в храмы в том самом составе, в каком они поступали им во «*время фараона Ах-маси* (Ах-мосе)». Дружба персидского царя с храмовою знатью означала дружбу с египетской знатью вообще, поскольку, как мы уже неоднократно могли отмечать, жречество и гражданская знать сливались в Позднем царстве в одно нераздельное целое. В этом смысле очень показательно то, кого было поручено Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) ввести в состав высшего ученого учреждения страны, чтобы осваивать там врачебное искусство и печься о храмовых уставах и делах: в «*дом жизни*» надлежало набрать «*сыновей мужа*» и ни одного «*сына ничтожного*» человека! В замкнутый круг «высокородных» ученых не должно было быть доступа «худородным». Наука должна быть закреплена за главенствующим общественным слоем. Именно с его представителями желал сговориться царь.

Не следует, впрочем, и переоценивать благорасположение персидского царя к верхам египетского общества. Ни от времени Дария I, ни тем более от времени его ближайших преемников до нас не дошло памятников сколько-нибудь видных государственных деятелей из египтян, за исключением одного изваяния Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне). В отношении храмоздания Дарий I ограничился скромным храмом в западной пустыне (в Большом оазисе) и мелкими добавлениями в других местах. Первые его два преемника вообще отказались от храмоздания в честь богов мятежного Египта. Заигрывание Дария II накануне крушения персидского владычества в Египте с его верхами нашло лишь жалкое выражение в храмоздании (в том же Большом оазисе).

Неожиданным образом персы сохранили местное по происхождению ливий-

ское воинство и не только при завоевании страны в 525 г., но даже после грозного восстания в 60-ых годах V века.

Разумеется, в Египте были размещены и персидские воинские части в частности в пограничных крепостях и в столичном Мемфи (Мэнфе, Мемфисе греков). Из других иноземцев действительную военную службу в Египте несли также выходцы из Сирии-Палестины. Впрочем, иудейское войско, несшее пограничную службу на южной окраине в крепостях Йибе (Элефантине греков) и Суине (Сиене греков, нынешнем Асуане), персы не сами создали, а унаследовали от XXVI царского дома. От тех же египетских царей получили они в наследство и пограничную крепость на северо-востоке Низовья (Нижнего Египта), которую греки называли Дафнами и в которой теперь стояли персидские воины.

Тем не менее, главную воинскую силу в Египте и при персах составляло египетское (ливийское) воинство. Согласно Иродоту («Геродоту»), путешествовавшему по Египту в середине V столетия, следовательно добрых три четверти века после персидского завоевания, персы не только не распустили египетское воинство, но оставили таким, каким оно было при XXVI царском доме, и в тех же местах, где оно размещалось при нем. Оно по-прежнему делилось на две количественно неравные части: на ермотивиев и каласириев (по-позднеегипетски ***галашери*** — «*молодцы*»). Первых бывало якобы до ста шестидесяти тысяч, вторых — даже до двухсот пятидесяти тысяч. Они были размещены преимущественно в Нижнем Египте, ***ермотивии*** в одних (только нижнеегипетских) областях (номах), ***каласирии*** — в других. Вместе с земельным наделом в двенадцать «*сат*» (одна «*сата*» — свыше 2700 кв. м) воинское ремесло переходило от отца к сыну. Этой воинской силой персы пользовались на войне, чем в значительной мере объясняется сохранение ее в нетронутом виде. По тому же Иродоту («Геродоту») как ермотивии, так и каласирии участвовали в балканском походе персидского полководца Мардония. Однако, поскольку ливийское воинство принадлежало явно не к угнетенным слоям населения, оно именно в силу этого могло разделять до какой-то степени благорасположение персов к египетским общественным верхам. Согласно так называемой «Демотической хронике», источнику, составленному при первых македонских царях Египта, Дарий I в 4-й год своего царствования велел своему египетскому наместнику прислать ему «*воинов, жрецов, писцов Египта*» с тем, чтоб они «*записали закон Египта, который был раньше вплоть до 44-го года фараона Ах-маси* (Ах-мосе, Амасиса греков)». Дарий I представлен египетским законодателем и у Диодора, но примечательно, что в «Демотической хронике» на первом месте среди египетских помощников царя-законодателя названы воины.

Вызывает законное недоумение Иродотов («Геродотов») перечень подразделений египетского населения. По этому перечню их было всего семь: жрецы, воины, волопасы, свинопасы, торговцы, **переводчики** и корабельщики. Куда делись земле-

дельцы и ремесленники — остается неразгаданной загадкой, загаданной грядущим поколениям «отцом истории». Опущение двух столь важных и многолюдных подразделений тем удивительнее, что Диодор, писавший более чем через четыре века после Иродота («Геродота»), но пользовавшийся старыми источниками, в двух местах своей первой «книги», перечисляя виды египетского населения, называет каждый раз также «*земледельцев*» и ремесленников. Иродот («Геродот») не упоминает и рабов, но их он мог — на свой лад и неточно — принимать сплошь за неегиптян. Он полагал, что именно от египтян большинство эллинов и некоторые другие народы научились презрению к ремесленникам и их потомству, равно как уважению к свободным от ручного труда как благородным. Однако пропуск земледельцев и ремесленников нельзя объяснить их приниженным общественным положением, поскольку о свинопасах, попавших в перечень, Иродот («Геродот») говорит, что с ними никто не роднился и им приходилось жениться в собственной среде. Возможно, земледельцы были причислены Иродотом («Геродотом») к «*воинам*», поскольку воины тоже владели наделами. У Диодора в одном из двух мест, где идет речь о подразделениях египетского населения, «*земледельцы*» так-таки и присоединены к «*воинам*»: «*воины и земледельцы*». У самого Иродота («Геродота») в одном случае **(II. 141, 19)** сопоставлены вместе «*торговцы же и ремесленники и рыночные люди*». Присоединение ремесленников к торговцам можно было б объяснить тем, что многие ремесленники продавали свои изделия на рынке. Заметим, что ни у Иродота («Геродота»), ни у Диодора и землевладельческая знать не выделена в особое сословие. Сливавшаяся в это позднее время в единое целое со жречеством, она, возможно, кроется у обоих писателей за общим обозначением «*жрецы*». Но если тогдашняя знать, действительно, составляла одно целое со жречеством, то обеспеченные и свободные от поземельного обложения воины могли быть объединены воедино с земледельцами разве лишь при полном невнимании к общественному положению последних. А это у Иродота («Геродота») выглядело бы тем более странно, что он сам же толкует о налоговом обложении земледельцев и наблюдал внимательно особенности египетских пахоты и сева (II. 14). Для времени более чем столетнего владычества персов в Египте, от царствования Камбиса до царствования Дария II включительно, деловые египетские (демотические) источники далеко не многочисленны, а надписанные производственные изображения в гробницах отсутствуют вовсе. Тем не менее можно предположить, что производственные отношения этого времени мало чем отличались от тех, что существовали в Египте при XXVI царском доме. Как и в случае других слоев египетского населения, персы и в положение земледельцев и ремесленников вряд ли внесли коренные изменения. Но в количественном смысле, при сохранении местной угнетательской верхушки персидское иго, несомненно, означало для трудового народа добавочные тяготы, причем весьма и весьма большие. К труду на собственных господ при-

бавился труд на иноземных завоевателей. Согласно персидской надписи Дария I, в сооружении дворца в Сузах участвовали и египетские мастера: ваятели, плотники, златокузнецы. Из персидских же деловых источников (персепольских табличек) известно, что в Персеполе на строительстве трудился отряд из 55 каменотесов-египтян, прибывших туда из своей страны. Согласно перечню взносов в казну великого царя, приведенному у Иродота («Геродота») (III), Египет вместе с Киреной и Баркою платил больше любого другого наместничества, за исключением Вавилонии. Из того же Иродота («Геродота») мы видим, что персы забирали все, что только могли. Так, от рыбного улова в Земле Озера (Файюме) в царскую казну в течение шести месяцев ежегодно каждый день поступало якобы до таланта серебра (II. 149), а некий город Антилла был навсегда отдан царской жене «*на обувь*» (II. 98). Не приходится сомневаться в том, что персы выкачивали зерно из Египта в огромных количествах (ср. Иродот («Геродот») III) и что больше всего от персидской власти страдало земледельческое население. Поэтому, надо думать, восстания против пришлых угнетателей были делом отнюдь не одних верхов или воинства.

Несколько лучше, чем о земледельцах и ремесленниках, мы осведомлены о рабах, однако не настолько, чтобы судить о росте или сокращении рабского труда в тогдашнем производстве; вдобавок наши сведения относятся преимущественно к рабам, принадлежавшим иноземцам. Как обстояло дело с рабским трудом в хозяйствах самих египтян, мы почти ничего не знаем. Во второй половине V века множество рабов было занято в хозяйстве персидского наместника Египта Аршама. Хозяйственные записи на арамейском языке (на папирусе), сравнительно недавно откопанные, не оставляют в том сомнения. Из других деловых источников (папирусов) на арамейском языке мы знаем о рабах иудейских воинов, несших пограничную службу на южной окраине Египта в крепости Йибе (Йэбе, Элефантине греков). Рабов клеймили, владели ими в одиночку и сообща, наследовали, дарили, продавали, заключали разные на них сделки. Среди рабов бывали несомненные египтяне. Так, у вдовы египтянина Ас-хура (Ес-хора), принявшего иудейское имя Натая, был раб-мальчик с египетским именем Па-д-усири (Пе-т-усире). Рабов числили в составе имущества, среди недвижимой и движимой собственности. Так, в дарственной египетской жрицы своей дочери на половину имущества от 5-го года царствования Дария I на позднеегипетском (демотическом) языке рабы значатся между «*домами, полями*» и «*серебром, медью, одеждой, быками, ослами*».

Но не ознаменовалось ли все-таки вхождение Египта в мировую персидскую державу не одним его ограблением завоевателями, но и поступательным развитием хотя бы в каких-нибудь областях хозяйственной жизни? Увы, помимо денежного обращения, по крайней мере, при наших современных познаниях, показать это...[1]

[1] В рукописи Ю. Я. Перепёлкина пропуск.

Вполне, конечно, возможно, что железо получило большее применение в производстве и быту, чем при XXVI царском доме, но только доказать это нельзя. Включение Египта в одну державу со странами, где железо уже давным-давно было в широком употреблении, должно было сказаться на употребительности железа и в среде туземного египетского населения. В деловых сделках иудейского воинского поселения на юге Египта в крепости Йибе (Йэбе, Элефантине греков) железная посуда не раз упомянута наряду с медной (бронзовой). В тех же арамейских источниках неоднократно упоминаются шерстяные одежды. О верхней одежде из шерсти у самих египтян пишет Иродот («Геродот»). В новоегипетскую пору шерсть была малоупотребительна, и распространиться в Египте в позднюю пору она могла также под иноземным воздействием: в странах Сирии-Палестины и далее на восток шерстяные ткани были давно употребительны. Но шерсть могла получить широкое распространение в Египте еще в десятилетия или даже столетия, непосредственно предшествовавшие персидскому завоеванию.

Гораздо увереннее можно говорить о тех последствиях, которые вхождение страны в состав мирового персидского государства имело для развития в ней денежного обращения. Персидское государство располагало чеканными деньгами определенного качества и веса и следовательно удостоверенного государством достоинства. В составленных по-арамейски сделках не только между южноегипетскими пограничными воинами из иудеев, но и с египтянами, оценка, оплата, ссуда постоянно производятся в шекелях (сиклях) серебра. Шекель был небольшою денежною единицею, но в сделках упоминается и более крупная — карая, равная десяти шекелям. Упоминаются также и более мелкие деньги: четверти шекеля и халлуру, равный одной сороковой шекеля. Шекель весил ...гр.[1]; отношение серебра к золоту было уже близко к существовавшему в соседних денежных странах: 1 к $13^1/_2$ (в Новом царстве при XVIII царском доме оно было еще 3 к 5). В высокой мере примечательно, что наряду с персидскими деньгами имели хождение также и греческие. Хотя и гораздо реже, чем шекель, но все-таки неоднократно в арамейских сделках, как давно известных, так и откопанных сравнительно недавно, упоминается греческий статер (равнялся двум шекелям серебра). И упоминается он при этом в сделках, заключенных не где-нибудь в Нижнем Египте по соседству с греческим Навкратисом, а на самом юге страны в пограничном иудейском поселении! Заслуживает внимания и то, что Иродот («Геродот»), путешествовавший по Египту в середине V века, застал страну уже настолько «денежной», что мог вообразить, что и во времена строителей пирамид овощи для работников покупали за серебро (за тысячу шестьсот талантов!), а строитель

[1] В рукописи Ю. Я. Перепёлкина пропуск.

самой большой пирамиды царь Хеопс, нуждаясь в средствах, якобы принудил свою дочь отдаваться желающим за серебро!

Не надо, однако, и преувеличивать развитие денежного хозяйства в персидском Египте. Наряду с чеканными персидскими деньгами удостоверенного государством достоинства продолжали обращаться слитки серебра, выпущенные храмовым казнохранилищем. Так, в Нии (Нэ, Фивах греков) имело хождение серебро казнохранилища Птаха. Любопытно, впрочем, что в Йибе (Йэбе, Элефантине греков) в 456 году засвидетельствовано серебро «*по весу Птаха*», как если б храм Птаха стал теперь иметь отношение не только к качеству (чистоте) выпускаемого им серебра, но и к его весу. Однако в тех же арамейских сделках и к персидским деньгам прилагается иногда странным образом определение «*по царскому весу*». Более того, уплачивая деньги, «*садились у весов и отвешивали*» их, как если бы то были простые комочки серебра, нисколько не считаясь, с их удостоверенным государством достоинством! В кладах греческих денег, найденных в Египте и относящихся к ближайшим столетиям до завоевания его Александром Македонским, чеканные деньги соседят со случайными кусочками серебра, словно между теми и другими египтяне не делали существенного различия. Вдобавок клады греческих денег для времени до Александра вообще далеко не многочисленны и найдены почти исключительно в Нижнем Египте; в Нии (Нэ, Фивах греков) и южнее они не найдены, как будто б, вовсе. О слабом развитии денежного хозяйства свидетельствует и необыкновенная высота процентов, взимавшихся при денежных ссудах.

Не следует поэтому переоценивать и торговое значение знаменитого мероприятия Дария I — прорытия широкого протока (канала) между Нилом и Красным морем. Начатое еще фараоном Нику (Нехо, Нехао) за сто лет до Дария, но не доведенное тогда до конца, оно было теперь полностью осуществлено персами. Персидский царь очень гордился этим деянием и увековечил его в нескольких надписях на больших каменных плитах, водруженных неподалеку от протока. На них о примечательном событии повествовалось одновременно на двух языках и с помощью двух видов письма: на древнеперсидском персидскою клинописью и на среднеегипетском священными письменами (иероглифами; обыденные некогда, эти язык и знаки стали в позднем Египте священной стариною). Но если в египетских надписях великий царь надевал на себя личину фараона, сына и избранника египетских богов, то в надписях на персидском языке он объявлял себя персом, из Персии покорившим Египет. Новый проток был настолько широк, что по нему могли идти рядом два крупных многовесельных судна — две триеры. Нам он, конечно, приводит на ум современный Суэцкий канал, соединивший в 60-х годах прошлого века Красное море со Средиземным, правда, уже непосредственно, а не через Нил или его рукава. Естественно, нам кажется, что и проток, прокопанный персами, должен

был служить прежде всего торговым целям и сильнейшим образом мог способствовать росту торговых оборотов и, следовательно, денежного хозяйства. На деле, однако, вряд ли это было так. Что проток был рассчитан на торговлю по Красному морю с Двуречьем, маловероятно, поскольку Египет и Двуречье были одинаково высокопроизводительными земледельческими странами. Судя по находкам денег в собственно Персии, она в те времена была малоденежной страною, так что не слишком правдоподобно, чтобы она, имея под боком такую страну, как Двуречье, вела оживленную торговлю с Египтом. Развитыми в денежном смысле были западные окраины персидской державы, расположенные в Анатолии и Сирии-Палестине, но для торговли с ними Египет менее всего нуждался в Красном море. Но, разумеется, персы не зря завершили начинанье Нику (Нехао), только проток между Нилом и Красным морем был нужен им не столько для торговли, сколько для перевозок совсем иного рода. В чем было дело, помогают догадаться кое-какие грузы, шедшие по Красному морю из погрузочных точек на его же берегу. В среднеегипетских каменоломнях в пустыне восточнее города Кибту (Коптоса греков) в нынешнем Вади Хаммамат ломали камень, как о том свидетельствуют наскальные надписи, и при Ксерксе I, и при Артаксерксе I, которые в Египте из него ничего не строили. Зато в дворцовых сооружениях в самом Иране оказался примененным камень именно из этих каменоломен. Его везли из них к Красному морю и по нему, а затем по Индийскому океану доставляли в Персидский залив. Конечно, для перевозки камня из названных каменоломен соединять Красное море с Нилом было совершенно незачем. Но для доставки египетского зерна в Персию, поскольку шло оно не из пустыни, а с берегов Нила, судоходный проток между ним и Красным морем был насущной потребностью. Пройдя проток, груженные зерном суда выходили бы в Красное море, откуда уже зерно тем же путем, что и камень, могло быть удобно доставлено в Персию. Вполне возможно, что тою же водною дорогою из Египта в Иран, помимо зерна, уплывали и другие вещественные ценности, выкачивавшиеся персами из завоеванной страны. Из клинописных источников известно, что из Египта, страны отнюдь не изобиловавшей серебром, это последнее вместе со слоновой костью увозили для отделки персидских дворцов. Если Нил с Красным морем персы соединили именно в подобных видах, не убоявшись огромных расходов и труда, потребных для создания и содержания в порядке судоходного протока, то можно себе представить, сколько завоеватели выкачивали житейских благ из покоренной страны. Впрочем, сам Дарий нисколько не скрывал, что прокопал проток не ради Египта, а ради Персии. В надписи, прославляющей это событие, конечно, персидской, а не египетской, царь прямо говорит: «*Я велел рыть проток от реки Пиравы* (П-ир- — «*Поток Большой*», одно из египетских обозначений Нила), *текущей по Египту, к морю, идущему из Персии. Он был вырыт, как я велел, и корабли пошли по*

нему из Египта в Персию, как была моя воля». Персидскому царю надо было, чтобы суда шли из Египта в Персию.

Не приходится удивляться тому, что большинство египетского населения питало глубокое нерасположение к персам, проявлявшееся в зависимости от среды и обстоятельств то скрытно, затаенно, то бурно в виде частых и упорных восстаний. Сколько самодовольного злорадства скрыто в египетской побасенке, записанной Иродотом («Геродотом») (II. 110), будто бы жрец Птаха в Мэмфи (Мэнфе, Мемфисе греков) возбранил Дарию I поставить свое изваяние перед изваянием Сесостриса: Сесострис-де покорил причерноморских кочевников (скифов), а персидский царь был не в силах это сделать. Сесострис был не более, как собирательный образ египетского царя-завоевателя, отдаленными корнями восходивший к Са-на-уасрам (Се-н-восрам) Среднего царства и разукрашенный теперь вымышленными победами ущемленным самолюбием египтян (на деле никто из их царей не покорял скифов). Но неудача, постигшая «*царя царей*» в южнорусских степях, была самой доподлинной действительностью. Сколько рассказов о злодеяниях Камбиса в завоеванном Египте передавалось из уст в уста в дни посещения его Иродотом («Геродотом») и пересказывалось века спустя греко-римскими писателями! Что завоевание очень тяжело сказалось на Египте, в частности на его храмах, совершенно бесспорно. Но бесспорно и то, что египтяне, современники Иродота («Геродота»), сгущали краски. Например, мы видели, что Камбис посетил город Сайю (Саис) в знак «фараоновского» почтения к местной столичной богине Нэйт, а по Иродоту («Геродоту») только для того, чтобы надругаться над трупом Ах-маси (Ах-мосе, Амасиса греков).

Восстания начались еще при Дарии I. Как понимать его заявление, сделанное еще в начале царствования, что он — перс и из Персии подчинял Египет, представляется не совсем ясным. Иродот («Геродот») говорит только о казни зазнавшегося персидского наместника Египта (сатрапа Арианда, III. 166—206), и даже позднейшее известие Полиена (VII. 11) о том, что египтяне восстали на жестокого наместника, не предполагает как будто б крупного восстания: прибывшему в Египет царю удалось якобы мгновенно умиротворить народ щедрой наградой за находку нового священного быка Хапи (Аписа). Но стоило только померкнуть военной славе персов под Марафоном, как египтяне подняли в 486 г. восстание на того самого Дария I, которого позднейшее предание изображало благосклонным к египтянам, пользующимся их благорасположением и даже их законодателем. «*Царь царей*» скончался, не подавив восстания. Подавлять его пришлось уже преемнику, Ксерксу I.

Но особенно грозным для персов было восстание, вспыхнувшее в Египте в связи со сменою на персидском престоле правителей в 465 г. Воспользовавшись

смутами в персидском государстве, ознаменовавшими вступление на престол преемника Ксеркса I Артаксеркса I, значительная часть Египта отложилась от персов. Положение для них чрезвычайно осложнялось участием греческих воинских сил на стороне повстанцев. Очагом восстания была пограничная область на западе Низовья, и зачинщиком было ливийское воинство. Во главе восставших стояли тамошние владетели И-на-х-рау (И-на-х-роу, Инарос греков), сын Псаммэчика (Псамметиха), и Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-с, Амиртей греков). От важнейшей пограничной крепости на западе Низовья, Мареи греков, восстание быстро перекинулось на другие области Нижнего Египта. Ненавистные персидские сборщики податей были изгнаны, воины призваны под знамена восставших, И-на-х-рау (И-на-х-роу, Инарос греков) провозглашен царем. То было время греко-персидских войн, и греки, естественно, направили подкрепление неожиданным союзникам. Западная соседка Египта Кирена выслала вспомогательные отряды. Аттические корабли, стоявшие у Кипра, получили приказ идти в Египет. В количестве до двухсот боевых единиц они вошли в Нил и подошли к Мэмфи (Мэнфе, Мемфису греков). Большая часть египетской столицы была покинута персами. Вместе со своими приспешниками из египтян они были осаждены в городском кремле — Белых Стенах. Вторгшееся в Низовье с северо-востока персидское войско под начальством царского дяди Ахемена было наголову разбито и уничтожено повстанцами и их аттическими помощниками у города, известного грекам под именем Папремис — где-то в восточном Низовье. Иродот («Геродот»), побывавший там вскоре после битвы, видел бранное поле, еще усеянное костями павших. Мало кому из персов удалось спастись бегством и укрыться за Белыми Стенами. Персидский главноначальствующий умер от раны, полученной в бою. Последующие попытки «*царя царей*» натравить лакедемонян на Аттику и таким образом принудить ее воинов уйти из Египта ни к чему не привели. Персам пришлось набирать новое войско взамен истребленного.

Персидское войско выступило из Киликии в 461 г. в сопровождении кипрских, финикийских и киликийских кораблей, шедших рядом с ним вдоль сирийского, финикийского и палестинского берега. Занятые осадою Стен Белых, повстанцы не дали своевременного отпора вторгнувшемуся в восточное Низовье неприятелю. Когда же они, наконец, выступили против него, они были разбиты и вынуждены снять осаду столичного кремля. Союзные греки и их корабли отошли в местность, известную у греков под именем Просопитис (треугольник, образованный рукавами Нила по середине Низовья). Персы оказались не в силах разбить здесь противника. Полтора года длилась неравная схватка, пока отчаявшиеся в победе персы не перегородили Нил и греческие корабли не оказались на суше. Тем не менее греки, сжегши корабли, приготовились к отчаянной обороне. Однако персы поспешили предоставить им возможность беспрепятственно уйти восвояси.

Шедшие на выручку тридцать аттических триер, не зная ничего о случившемся, вошли в один из восточных нильских рукавов — в тот рукав, что вел к городу Диди (Мэндесу греков), но были почти полностью уничтожены финикийцами, верными клевретами персов в борьбе с греками. Держаться без греческой помощи против превосходящих сил противника повстанцам было очень нелегко. Раненный в сражении, вождь повстанцев И-на-х-рау (И-на-х-роу, Инарос греков) был взят в плен. Персидский военачальник Мегабиз поручился ему, что его не казнят. Пленника отправили в Персию, но там по требованию царицы, мстившей за гибель Ахемена, И-на-х-рау (И-на-х-роу, Инароса греков) вероломно распяли на кресте, а его товарищам отрубили головы. Вероломство персидского двора послужило наместнику Сирии Мегабизу поводом к восстанию на своего владыку, кончившемуся, впрочем, благополучно как для Артаксеркса I, так и для его наместника.

Но египтяне не сложили оружия. Под предводительством Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-са, Амиртея греков) они продолжали держаться в Низовье. Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-с, Амиртей греков) вновь обратился за помощью к победоносной Аттике, и полководец Кимон, действовавший тогда у Кипра, выделил шестьдесят боевых судов в помощь египтянам. Но только она так и не была им оказана: за скоропостижной смертью Кимона корабли повернули и ушли к себе в Аттику (449 г.). Но и после этой неудачи другой предводитель египтян, носивший многообещающее имя Псаммэчик (Псамметих греков), снова завязал сношения с Аттикой. Он был настолько силен и богат, что мог отправить туда тридцать тысяч четвериков зерна в надежде, что греки вступятся за повстанцев. Но вместо помощи египтянам, видимо, по наущению Перикла, был предпринят поход в Понт. И все-таки, несмотря на непрестанные неудачи, египетские повстанцы так и не были полностью разгромлены персами. «*Царь царей*» был вынужден признать владетелями отчих княжеств в Низовье сына И-на-х-рау (И-на-х-роу, Инароса греков), Танниру, как его именовали греки, и сына Амун-ар-дэ-су Па-усири (Амен-ер-те-са, Па-усире, Павсириса на греческий лад), правда, под верховным персидским главенством.

Возможно, основною причиною того, что восстания египтян на Артаксеркса I не привели к освобождению страны от персидского ига, было бессилие повстанцев поднять Верхний Египет. Одному Нижнему Египту единоборство с мировой державой даже при поддержке греков было не по силам. А что Верхний Египет или, по меньшей мере, большую его часть восстание не охватило, на то имеются прямые указания. Еще в начале нашего века, а также сравнительно недавно были изданы сделки на арамейском языке, заключенные в пограничной крепости Йибе (Йэбе, Элефантине греков) от «*года 4-го Артаксеркса царя*». Давно известна наскальная надпись, начертанная по-египетски от имени персидского

сановника Арийавраты (? — Ариаратеса на греческий лад) в каменоломнях в пустыне за городом Кибту (Коптосом греков), в нынешнем Вади Хаммамат, и помеченная «*годом царствования 5-м царя* (и) *государя, владыки обеих земель Артаксеркса — жив он вечно! — возлюбленного богов*». Таким образом, в самый разгар восстания, в 462—461 годах, и иудейское военное поселение на самом юге Египта, как ни в чем не бывало, заключало частноправовые сделки, и персы в среднем Египте продолжали спокойно ломать камень для построек у себя на родине. Царем или фараоном тут и там признавался Артаксеркс, и по годам его правления вели летосчисление. Также и в последующие годы царствования ничего не слышно о восстаниях в Верхнем Египте.

Нам доводилось уже говорить о том, что Дарий II (424—405 гг.) по примеру своего знаменитого тезки вновь начал заигрывать со своими египетскими подданными. При нем возобновилось строительство в честь их богов — в том же храме в Ливийской пустыне, где строил первый Дарий (в Большом Оазисе), и, как тот, Дарий II снова принял дополнительно к своему персидскому имени еще фараоновское, египетское. Похоже на то, что накануне своего падения персидская власть над Египтом не казалась уже такой прочной, как прежде, самому «*царю царей*». Впрочем, египтяне действовали теперь как будто бы с большей предусмотрительностью, не полагаясь на одно Низовье, а подготовляли восстание также на юге. Для решительного свержения персидского ига они, видимо, воспользовались, по примеру прежних лет, сменой правителей на персидском престоле. По Манефону, Дарий II царствовал над Египтом 19 лет, т. е. столько же, сколько над Персией. Следов же следующего царствования — Артаксеркса II (406—358 г.) в Египте не имеется.

Мы можем проследить, как подготовлялось восстание в одном из удаленных уголков Египта — на его южной окраине на острове Йибе (Йэбе, Элефантине греков). Конечно, он представлял лишь небольшой клочок египетской земли, но размеры здесь не соответствовали значению. Стоявшая на острове одноименная с ним крепость вместе о двумя другими пограничными крепостями на северо-западе и на северо-востоке Низовья (Мареей и Дафнами греков) составляли основные опорные точки персидского владычества на границах Египта. Крепость Йиб (Йэб), при поддержке крепости Суины (Сиены греков, нынешнего Асуана), должна была служить поддержанию спокойствия и «*порядка*» не в одной лишь пограничной полосе, но и в других областях южного Египта.

Со времени фараонов XXVI царского дома в крепости Йибе (Йэб) находилось иудейское военное поселение, насчитывавшее, как думают, при персах от 600 до 800 человек в своем составе. Хотя эти воины были иудеями, они говорили по-арамейски и нередко даже называли себя арамеями. Свои письма, сделки, договоры и т. п. они писали на арамейском языке, и оставшиеся от них многочис-

ленные письменные источники (папирусы) позволяют довольно глубоко заглянуть в жизнь общины при персах на протяжении всего V века.

В крепости иудейские воины несли пограничную службу и там же обитали вместе со своими семьями в отдельных домах из кирпича-сырца, притом не слишком скученно, так как к домам нередко примыкали участки возделываемой земли. Помимо земельных наделов, иудейские воины получали довольствие, которое обязаны были поставлять южноегипетские области, а также как будто бы жалованье. Судя по заключавшимся сделкам и договорам, иудейским воинам жилось при персах неплохо. Иудеи имели свой «*дом*» или управление, своих общинных старшин и священников. Средоточием духовной жизни общины был иудейский храм, при котором эти священники и служили. Он был воздвигнут в крепости еще до персидского завоевания и, в отличие от египетских храмов, не пострадал от персов. У него было пять каменных врат, перекрытия поддерживали каменные столбы, потолок был целиком из кедровых бревен, деревянные двери по углам обшиты медью. В храме были золотые и серебряные сосуды. В нем приносились в жертву хлеб и животные.

Мы не знаем, как обстояло дело при XXVI царском доме, когда храм уже существовал, однако при персах в жертву всесожжения, несомненно, приносились овны. Овен же был издавна священным животным для обитавших в тех местах египтян. Их местного бога так и изображали с головою барана, да и имя его «*Хнум*» писали чаще всего с помощью знака, изображавшего это животное. На острове было откопано даже баранье кладбище. Вполне возможно, что иудейские всесожжения уже доброе столетие вызывали затаенное неудовольствие у окрестных египтян и у жречества Хнума в особенности, но вплоть до последних лет персидского владычества до открытых выступлений не доходило, по крайней мере, нам о них ничего неизвестно. Жрец египетского храма проживал среди иудеев в их крепости, а отец иудея Осии носил имя, в составе которого поименовано было египетское божество: Па-ди-хнум (Пе-те-хнум), что значит «*Данный Хнумом*». Но когда к концу царствования Дария II в воздухе запахло восстанием, положение изменилось.

Видимо, именно жрецы Хнума возглавили подготовку восстания в этой важной пограничной области и направили свои усилия в первую очередь против главной опоры персидского владычества в южном Египте — против крепости на острове Йибе (Йэбе, Элефантине греков). Но действовали они отнюдь не напрямик, а хитро и осторожно. В то самое время, как наместник Египта Аршам отбыл к царю, жрецы вступили в тайное соглашение с персидским начальником крепости Вайдрангом относительно разрушения иудейского храма. Они действовали подкупом, но не исключено и то, что ввиду общей напряженности положения недальновидному персу не хотелось перечить египетским жрецам в деле, казалось

бы, не военного значения. Как бы то ни было, Вайдранг направил своему сыну, начальствовавшему в соседней крепости Суини (Сиене, Асуане) письменное распоряжение разрушить храм. Сын привел египтян и других воинов, вооруженных потребными для того орудиями. Египтян впустили в крепость, что им, видимо, и было прежде всего нужно. Стены храма были снесены, каменные врата и столбы разбиты, потолки и двери сожжены, золотые и серебряные чаши и другие вещи расхищены. Но жрецы Хнума похозяйничали в крепости и иным способом. Что-то было сделано с ее стеною, а колодец, который должен был снабжать водою крепость во время осады, они завалили.

Жрецы прикрывались ревностью по своем Хнуме, и персидские власти, по-видимому, не посмели принять против них крутых мер, хотя иудеи и доложили высокому начальству о подкупе Вайдранга, мятеже египтян и ущербе, причиненном жрецами обороноспособности крепости. Мы слышим лишь о суровой каре, постигшей Вайдранга. Наместники Иудеи и Мамарии, которых иудейская община на острове Йибе (Йэбе, Элефантине греков) просила ходатайствовать о восстановлении храма, дали на то свое согласие, но исключили из жертвоприношений жертвы кровавые и всесожжения, оставив лишь жертвы хлебные и курения. Дело восстановления храма затягивалось. Через три года он все еще не был восстановлен за неполучением разрешения на то от персидского наместника в Египте, видимо считавшегося со жрецами Хнума. Все же, как теперь выясняется, в конечном итоге храм был восстановлен.

Жрецы, видимо, поторопились со своими мероприятиями против крепости. Если пролом в ее стене, о котором идет речь в поврежденном месте иудейского донесения, был делом рук египтян, то он, должно быть, был заделан, потому что вслед за тем говорится о «*стене в проломе*». Однако о том, что засыпанный колодец был вновь очищен, не сказано. Выступление против крепости относится к 410 г., следовательно, оно опережало на пять лет свержение персидского ига. Не исключено, правда, что частичное освобождение севера началось еще до 405/404 г., когда Египет вернул себе независимость.

Как пережили крепость Йиб (Йэб) и ее иудейские воины конечное восстание египтян на персов и свержение их власти, мы осведомлены очень плохо. Сохранился в обрывках перечень захваченных иудейских женщин и найденных у каких-то ворот иудеев, возможно, жертв этого восстания. Какого года этот список, неизвестно, но если он действительно имеет какое-то отношение ко взятию крепости повстанцами, то оборона была как будто бы не слишком упорной, так как сохранилось всего несколько женских и мужских имен. Да и само иудейское военное поселение в крепости Йиб (Йэб) не прекратило своего существования с восстановлением египетской государственности. До нас дошли сделки на арамейском языке, заключенные иудеями в крепости Йиб (Йэб) несколько лет спустя по свержении персид-

ского ига в правление первого царя восстановленного египетского царства Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-са, Амиртея греков). Таким образом, на первых порах египтяне сохранили иудейское пограничное воинство в крепости. Сохранены были даже прежние названия его подразделений. Но так продолжалось, видимо, недолго. Самый поздний источник, связанный с иудейской общиной, время которого можно определить с точностью, это — сильно поврежденное письмо на арамейском языке, сообщающее о кончине (?) царя Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-са, Амиртея греков) и вступлении на престол первого царя следующего XXIX царского дома Неф-э-рита. Письмо относится, следовательно, к 399/398 г. После этого мы уже ничего не слышим об иудейском поселении в крепости Йибе (Йэбе). Возможно, храм был разрушен вторично при выселении иудейского воинства из крепости им самим или египтянами. Во всяком случае, в какое-то время он был разрушен настолько основательно, что по сию пору не удалось найти его следов среди развалин жилых построек, хотя местоположение его среди них точно отмечено в письменных источниках. При постоянной угрозе персидского нашествия, висевшей над Египтом в течение IV века, египетские власти могли счесть целесообразным не сохранять у себя в тылу в важной в военном отношении крепости воинское соединение, более столетия служившее опорою персидского владычества.

ЕГИПЕТ ПРИ ПОСЛЕДНИХ ФАРАОНАХ

(405—342 гг.; XXVIII—XXX царские дома)

Дария II признавали в Египте по меньшей мере до 19-го года его царствования, т. е. до 406/405 г. Как Египет освободился от персидского ига — остается неясным, но только год-два спустя после 19-го года Дария II страною правил уже не наместник «*царя царей*», а египетский фараон Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-с, Амиртей греков), составляющий один у Манефона весь XXVIII царский дом родом из Сайи (Саиса греков). Возможно, Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-с, Амиртей греков) был потомком одноименного нижнеегипетского царька, боровшегося с персами в середине V века и сумевшего, несмотря на поражение, удержать за собою и передать своему сыну Па-усири (Павсирису греков) полусамостоятельное княжество в западном Низовье.

Греческие писатели — основной источник для судеб Египта при последних его местных царских домах — молчат о правлении Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-са, Амиртея греков). В египетских надписях его имя не найдено. Это объясняется, вероятно, кратковременностью царствования (6 лет по Манефону) и трудным международным, а то и внутренним положением страны, только что освободившейся от иноземного ига. Единственным тогдашним источником, называющим фараона по имени, является пока что арамейская расписка (папирус с острова

Йиба (Элефантины)) от 5-го года царствования Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-са, Амиртея греков). Из этого источника следует, что фараон сохранил иудейское военное поселение в пограничной южноегипетской крепости Йибе, несмотря на то, что иудейские воины несли здесь пограничную службу при персах. Даже название значащегося в расписке отряда то же, что и при Дарии II. Так называемая демотическая хроника, свод *«прорицаний»* с их истолкованиями, составленный века полтора спустя после Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-са, Амиртея греков), тоже знает этого царя. Но отзывается она о нем неблагосклонно. Хотя он и именуется в ней первым правителем после чужеземцев — *«мидян»*, однако она числит за ним какие-то противозаконные мероприятия, стоившие его дому престола.

Власть перешла к новому царскому дому, XXIX-му по счету Манефона, выводящему этот дом из нижнеегипетского города Диды (Мендеса греков). Основатель XXIX царского дома Наф-э-рид (Неф-э-рэт) при всей краткости его царствования (398—392 гг.) оставил некоторый след как у греческих писателей, так и на египетских памятниках, притом не только в Нижнем, но и в Верхнем Египте. Видимо, страна несколько оправилась после бурных событий конца V века. Внешние отношения Египта при Наф-э-риде (Неф-э-рэте) определялись, естественно, враждою с персами. На просьбу спартанцев о помощи против персидского царя фараон ответил посылкою большого количества хлеба и корабельного снаряжения, перехваченных, правда, персами. «Демотическая хроника» отзывается лестно о Наф-э-риде (Неф-э-рэте) и, хотя она числит за ним множество противозаконных деяний, приведших быстро к его низложению, — все же престол остается в его роде. Но времена были трудные, и причины, толкавшие на «беззакония» Амун-ар-дэ-су (Амен-ер-те-са, Амиртея греков) и Наф-э-рида (Неф-э-рэта), продолжали, видимо, действовать и при четвертом после *«мидян»* правителе П-ше-м-муте (Псаммутисе греков). «Демотическая хроника» говорит, что *«он не был на пути бога»*, и добавляет, что ему не дали долго царствовать. В этом она согласна с Манефоном, который ограничивает продолжительность правления этого царя одним годом. При этом, впрочем, Манефон помещает Псаммутиса (П-ши-м-мута) после Акориса (Хакора). «Демотическая хроника» числит Хагора (Хакора, Акориса греков) более поздним, именно пятым правителем *«после мидян»*. Поскольку во храмике П-ши-м-мута (Псаммутиса) в Нии (Нэ, Фивах греков) имя его изглажено и заменено именем Хагора, права, должно быть, «Демотическая хроника», а не Манефон.

Хагор (Хакор, Хакер, Акорис, Ахорис) был первым фараоном после персов, продержавшимся на престоле сколько-нибудь продолжительное время (13 лет, 392—380 гг.). «Демотическая хроника» недвусмыслённо отмечает причину этого: Хагор-де был благодетелем для храмов. В отличие от своего предшественника, новый фараон был угоден жречеству. Похоже на то, что жреческая

знать, почти что слившаяся в то время с гражданской, властно распоряжалась престолом, свергая и ставя царей по своему усмотрению.

Если Хагор и в самом деле был столь расточительно щедр по отношению к храмам, как то следует из «Демотической хроники», то могущество жречества должно было быть действительно подавляющим. Ведь именно теперь стране приходилось напрягать все силы, употреблять все средства для поднятия своей обороноспособности, для отпора страшному врагу — на правление Хагора падает первое крупное столкновение освобожденного Египта с мировой персидскою державой. С помощью аттического полководца Хабрия были произведены большие работы по укреплению восточного Низовья. Для успешного противодействия персам фараон заключил союзы с окрестными странами: с греческим городом-государством Баркой в северной Африке, писидийцами в Анатолии и островом Кипром, которому Египет оказывал самую действенную поддержку в его борьбе с персидским царем. Первую большую схватку с персами обновленный Египет выдержал успешно, и не эта трехлетняя война с ними (385—382 гг.). поколебала положение Хагора. Он пал из-за внутренних осложнений, быть может, из-за дурных взаимоотношений со своею роднею, так как «Демотическая хроника» обвиняет его в пренебрежении братьями. По ней отступление царя от законности было настолько тяжким, что даже его сын, лично не виновный, не удержался из-за того на престоле. По Манефону, преемник Хагора Наф-э-рид (Неф-э-рэт) II правил всего лишь четыре месяца.

Однако на этот раз неустойчивое положение в стране продолжалось недолго. Греческий полководец Хагора Хабрий представлял в государстве настолько вескую личность, что при его содействии был прочно посажен на престол некто Нахти-нибиф (Наште-ниб-еф, Нектанеб по-гречески), сын главного военачальника Джи-хи (Те-хо, Теоса на греческий лад), родом из нижнеегипесткого города Чиб-ни-нути (Чеб-н-нуте, Себеннита греков). Нахти-нибиф (Наште-ниб-еф, Нектанеб), царствовавший с 380 по 362 г., начинал собою не только новый царский дом, XXX-й по Манефону: с именем Нахти-нибифа (Наште-ниб-ефа, Нектанеба) связан подъем могущества и показного блеска египетского царства. За предшествующие десятилетия Египет настолько окреп, что события, связанные с падением XXIX царского дома, не отразились на международном положении государства. Новое персидское нашествие в 374 г. кончилось полным провалом. И причиною тому были не только робкая медлительность персидского главнокомандующего — после удавшегося было обходного движения — или вовремя подоспевший нильский разлив. Сделала свое дело и упорная оборона египтян.

В своей внутригосударственной деятельности Нахти-нибиф (Наште-ниб-еф, Нектанеб), по-видимому, следовал пути Хагора (Хакора) и ласкал властную храмовую знать. На первом же году царствования Нахти-нибиф (Наште-ниб-еф,

Нектанеб) поспешил закрепить за храмом Нэйт в Сайе (Саисе) десятую часть дворцовых доходов золотом, серебром и прочими благами со всего, что ввозилось греками с моря в их нижнеегипетский город Навкратис или производилось в нем. По надписи на плите, увековечивавшей царское узаконение и поставленной в самом Навкратисе, царь не только пекся о храмоздании и снабжении храмов всем потребным, но спрашивал также у жрецов совета во всяком деле, касавшемся храмов, и поступал по полученному совету. О поразительном размахе храмового строительства при Нахти-нибифе (Наште-ниб-еф, Нектанебе) поныне вещают огромные развалины и бесчисленные обломки его храмовых сооружений, рассеянные по всему Египту от южной его окраины до северной. Возвеличению храмов служило в первую очередь и изобразительное искусство, обнаруживающее при Нахти-нибифе (Наште-ниб-еф, Нектанебе) и его преемниках как в резных изображениях на плоскости, так и изваяниях поиски новых путей. Способствуя благосостоянию храмов, фараон преследовал, возможно, и некоторые своекорыстные цели — помимо удовлетворения жреческих притязаний. По крайней мере, «Демотическая хроника» глухо намекает на то, что он управлял Египтом и храмами с целью добычи серебра. В деньгах Нахти-нибиф (Наште-ниб-еф, Нектанеб), надо думать, сильно нуждался, хотя бы для оплаты греческих наемников, без которых тогда не обходилась ни одна средиземноморская держава.

Вопрос о получении денег для военных нужд встал со всей остротою перед воинственным и предприимчивым сыном и преемником Нахти-нибифа (Наште-ниб-ефа, Нектанеба) Джи-хой (Тахом, Теосом греков, 362—361 гг.). Воспользовавшись внутренними раздорами, вспыхнувшими тогда в персидском государстве, Джи-ха (Тах, Теос) принял сторону анатолийских сатрапов в их борьбе с «*царем царей*». Фараон затеял смелое предприятие: вместо обороны от неотступного врага, напасть на него самого, вторгнуться в Сирию-Палестину, если только не вовсе отнять ее у персов и присоединить к Египту. Джи-ха (Тах, Теос) выставил огромное войско: одиннадцать тысяч греческих наемников, восемьдесят тысяч египетских воинов и великое множество военных судов. Для оплаты греков царю были нужны деньги, а их-то именно, за слабым развитием в Египте денежного обращения, недоставало казне. На то, что местные власти возьмут вдруг и переведут продовольственные и вещевые доходы государства в денежные, надежды было мало. Египетское государство при XXIX—XXX царских домах жило по-старинному и со своими крупными и мелкими местными князьями, полусамостоятельными окраинами (оазисами в Ливийской пустыне), невероятным совместительством гражданских, военных и жреческих должностных лиц мало чем отличалось от царства Псаммэчиков (Псамметихов), если отвлечься от упраздненного персами владетельного «*рода*» «*божьих жен*» Амуну (Амуна) в Нии (Нэ, Фивах греков). Такие государственные деятели, как верховный сановник (так

называемый визир) одного из царей XXX дома, совмещавший судебные и управленческие обязанности с добрым десятком доходных жреческих мест, вряд ли были подходящими лицами для осуществления нововведений в духе Джи-хи (Таха, Теоса). Советником царя выступил аттический полководец Хабрий, вновь появившийся в Египте. Не довольствуясь всевозможными налогами и выкупом с призванных в преизбыточном количестве корабельных новобранцев, фараон потребовал от населения сдачи всего серебра и золота в счет будущих продовольственно-вещевых податей. Далее царь объявил, что за военным временем государство не может продолжать обычные поставки храмам. Однако храмам предоставлялась возможность выкупить эти поставки у казны серебром и золотом. Жречество попалось на царскую уловку и заплатило. Тогда фараон заявил, что лишен возможности выполнить более одной десятой поставок, остальные же девять десятых внесенной платы считает заимообразной ссудой государству, подлежащей возмещению после победы. Правительство получило большое количество серебра и золота и могло заняться чеканкой денег для оплаты греческих и иных наемников. Сохранилась золотая деньга аттического (афинского) образца, но с именем египетского царя. Возможно также, что дружественная столица Аттики предоставила в распоряжение фараона и свой устарелый чекан. Вполне вероятно, что денежные мероприятия египетского правительства были задуманы очень широко, не только ради оплаты греческих услуг. Фараону Джи-хе (Таха, Теосу) можно приписать чеканку и первых египетских денег в полугреческом духе: с изображением лошади и надписями египетскими (иероглифическими) письменами: «*золото*», «*золото доброе*».

Царское повеление сдать казне серебро и золото вряд ли могло рассчитывать на благосклонный прием со стороны населения, в первую очередь его состоятельной части, которой было, что терять. Ну а с каким чувством жречество встретило ловкую проделку Джи-хи (Таха, Теоса) и его заморского советника, легко себе представить. И вот, когда фараон со своими военачальниками и несметными полчищами вторгся в Финикию и прочую Сирию-Палестину и успех за успехом венчали его предприятие, в его тылу, в Египте, вспыхнуло восстание. Двоюродный брат царя, неизвестный нам ближе по имени, оставленный в Египте за правителя, поспешил провозгласить фараоном своего сына Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо), начальствовавшего над египетскими частями действующего войска. Победоносный полководец, стоявший к тому времени уже в северной Сирии, дал согласие на отцовское предложение. Судьба Джи-хи (Таха, Теоса) зависела теперь от поведения греческих наемников. Хабрий, начальствовавший над морскими силами, был, естественно, за Джи-ху (Таху, Теоса), но спартанский царь Агесилай, возглавлявший греческую часть сухопутного войска, имел причину сердиться на фараона и, поколебавшись для прилику, перешел на сторону его соперника. Тогда Джи-ха (Тах, Теос)не нашел ничего лучшего, как бежать к персидскому царю.

Однако окончательное воцарение Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, или Нектанеба II, как его иногда именуют) встретило препятствия в самом Египте, куда новоявленный фараон поспешил прибыть, прервав сирийский поход. Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеб) был двоюродным племянникам свергнутого царя и, следовательно, членом того же царского дома, а в Египте, возможно, нашлись влиятельные круги, которым дальнейшее нахождение у власти XXX царского дома, столь «невыгодно» отличавшегося в лице Джи-хи (Таха, Теоса), было нежелательным. Объявился опасный соперник новому царю родом из нижнеегипетского города Диды (Мендеса греков), быть может, потомок свергнутого XXIX царского дома, происходившего оттуда. Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеб) был почти окружен противником в каком-то египетском городе, и только военное искусство восьмидесятилетнего спартанского царя Агесилая, ловко воспользовавшегося недостроенной врагом осадной стеною, превратило, казалось бы, неминуемый разгром в победу.

Естественно предположить, что воцарение Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо) означало крутой поворот от новшеств Джи-хи (Таха, Теоса) к старым порядкам. Сохранилась надпись, помеченная 2-м годом нового царствования и повествующая о необыкновенной щедрости царя по отношению ко священному быку города Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков) Хапи (Апису греков). Только на погребение мертвого быка было отпущено свыше 40 кг золота и свыше 500 кг серебра — помимо несметного количества других подношений, в том числе более 400 голов крупного рогатого скота и более 1000 птиц. В 5-м году царствования фараон издал указ, запрещавший под страхом тяжкого наказания (изувеченья) ломать камень из чтившейся в Абуде (Эботе, Авидосе греков) горы. Остатки храмовых сооружений Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеба) обнаружены в самых различных частях страны. Особенно внушительно выглядят столбы и остатки исполинских перекрытий из цельных глыб твердого камня (рàзных пород гранита), найденные как на севере, так и на юге страны и достигающие в некоторых случаях изумительной длины (вплоть до нескольких метров). Не менее внушительны божницы — тоже из одного цельного камня каждая, воздвигнутые в разных местах от северо-восточной границы до южной. Божница в храме Хнума на острове Йибе (Элефантине греков) имела, например, в вышину 3,66 м, а в основании около 6 кв. м. Значительные постройки были возведены в частности в нижнеегипетском городе Хбу (Хебите, Исее греков), родом откуда был, может быть, фараон и где имел местопребывание верховный сановник (так называемый визирь; столицею, впрочем, оставался Мэмфи-Мемфис). Таким образом, отношения со знатью жреческой и полужреческой были у Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеба) как будто бы вполне дружественные, и он продержался на престоле целых 18 лет. Он продержался бы на нем, возможно, и много дольше, если б не

персы, возобновившие натиск на Египет. Отказ от начинаний Джи-хи (Таха, Теоса), переход от наступления к обороне сказался теперь роковым образом, когда приспел час роковой схватки с силами персидского Востока. Первое нападение персов в 350 г. не удалось в значительной степени из-за природных препятствий, встреченных на своем пути персами (блуждание по пустыне, разлив Нила). В 345 г. поддержка фараоном восставших на персов финикиян кончилась переходом его греческих наемников на персидскую сторону. В 343 г. уже сам Египет был завоеван персами. Разгрому египтян Артаксерксом III способствовало не одно лишь огромное численное превосходство персидских сил, но также отсутствие действенной поддержки со стороны греческих государств, дороживших миром с «*царем царей*», поддержки, оказавшейся такой существенной для египетских повстанцев за сто лет до этого в условиях несоизмеримо более трудных. Теперь же в последней схватке с Атаксерксом III греческие наемники оказались ненадежными, более того, внесли разложение в египетские ряды.

А начиналась война отнюдь не при безнадежных условиях. У Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеба) было двадцать тысяч греческих наемников, двадцать тысяч ливийских, шестьдесят тысяч представителей египетского воинского сословия и огромное количество отличных речных боевых судов. Восточная граница Низовья была укреплена частными крепостями, стенами и рвами. Укреплены были и все устья Нила. Пространственно Египет был обширнее, чем в дни нашествия Камбиса. Власть Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеба) признавал даже ливийский князь, княживший к западу от Низовья на расстоянии добрых пятнадцати дней пути (в Оазисе Сива). Этот владелец по имени Уну-амуну (Ун-амун) воздвиг у себя в пустыне египетский храм в честь Амуну (Амуна), в котором увековечил себя изобразительно и письменно как подданный фараона. Следует также учесть, что персидское войско подошло к египетским пограничным укреплениям значительно ослабленным, так как потеряло немало воинов в большом приграничном болоте из-за незнакомства с местностью.

У границы, у самого восточного устья Нила, дорогу «*царю царей*» преградила мощная египетская крепость, Полусий греков, которую обороняло пять тысяч греческих наемников под начальством грека же Филофрона. Персы расположились в виду крепости, а их биотийские наемники переправились через ров и завязали ожесточенную схватку с вышедшими на них из Сина воинами Филофрона, длившуюся целый день, но кончившуюся вничью.

Египетские силы были распределены по разным укреплениям, а сам фараон с тремя тысячами египтян, пятью тысячами греков и десятком тысяч ливийцев стал у тех проходов, через которые персы всего вероятнее могли попытаться прорваться. В одной их таких местностей аргосские наемники персов под началь-

ством Нисократа переплыли на судах какой-то проток тайком от противника и стали станом неподалеку от одного из опасных мест, охранявшегося наемниками египтян под начальством Клиния из Коса. Узнав о прибытии непрошенных сородичей, воины Клиния в количестве семи тысяч устремились на них, но в разыгравшейся жестокой битве были разбиты, потеряв своего предводителя и пять тысяч воинов.

Прорыв египетской обороны страшно напугал фараона, которому грек Диодор, наш основной источник, вменяет в вину самоуверенное пренебрежение опытом и способностями бывших у него греческих полководцев. Египетский царь опасался, что теперь Артаксеркс со всеми своими силами ринется сквозь образовавшийся прорыв и пойдет к стольному Мэмфи (Мэнфе, Мемфису греков). Поэтому фараон со своим войском отступил к столице и стал там готовиться к осаде.

Тем временем вражеское войско, боясь оставить у себя в тылу мощную крепость (Пелусий), осадило ее. Осадою руководил биотиец Лакрат. Он отвел ров и, насыпав на его месте насыпь, подвел к крепости стенобитные орудия. Большая часть крепостных стен была разрушена, но защитники города быстро воздвигли новые с крепкими деревянными башнями. Несколько дней подряд кипел, не прерываясь, бой у стен крепости. Греческие воины фараона успешно отражали вражеский натиск, но тут подоспела весть об отходе царя к Мэмфи (Мэнфе). Видимо, считая себя покинутыми, греки завязали переговоры о сдаче и, клятвенно заверенные Лакратом, что их отпустят на родину, сдали крепость. Но она была далеко не единственным укрепленным городом, преграждавшим путь к египетской столице. Двигаться вперед, оставляя позади себя невзятые города, полные множеством воинов, персы не решались. Теперь пришла очередь отличиться другому греческому полководцу, состоявшему на службе у персидского царя. Хитроумный Ментор распустил слух, что те из осажденных, будь то греки или египтяне, которые сами сдадут город, будут помилованы Артаксерксом, а те, которых возьмут силою, будут все поголовно истреблены. В рядах защитников началось разложение. Во всех городах имелись как египетские, так и греческие воины. При недоверии одних к другим отношения между ними резко обострились, и те и другие наперебой старались первыми сдать крепость. Начало положил город П-убести (Бубастис греков) в восточной части Низовья, и примеру П-убести (Бубастиса) последовало множество городов. Укрывшийся в столицу фараон не спешил им на помощь.

Но он, видимо, рассчитывал на них и теперь, видя, как они один за другим спешат сдаться неприятелю, окончательно потерял голову. Не дав персам, в сущности, ни одной крупной битвы, Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеб) забрал большую часть своих сокровищ и бежал из Мэмфи (Мэнфе) на юг и дальше в Эфиопию. Несмотря на такой далеко не красочный конец своего царство-

вания, Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеб) запомнился египтянам как их последний туземный фараон, и египетское предание, наделив его почему-то чертами волхва и волшебника, превратило его в отца победителя персов Александра Македонского. В таком обличье «Нектанив» был известен и древней Руси.

Покорив Египет, включив его вновь как наместничество в состав персидской державы, Артаксеркс III предусмотрительно срыл стены важнейших городов на случай новых восстаний. Он разграбил храмы, забрал много золота и серебра, изъял даже как истинный делец древние храмовые книги: царский любимец перс Багой продавал их потом обратно жрецам за хорошие деньги. Впрочем, многие из изъятых книг возвратились в Египет только после разгрома Александром персидской державы, когда его наместник в Египте, будущий его царь Птоломей I вернулся из храмов Верхнего и Нижнего Египта вместе с увезенными персами на Восток египетскими идолами и храмовой утварью.

Так завершилось примечательное шестидесятилетие независимости Египта, независимости, которую он отстаивал наперекор усилиям мировой державы вновь покорить его. Оно кончилось поражением Египта, но не столько из-за неодолимой силы персов, сколько из-за нежелания египтян идти в ногу с веком. За эти шестьдесят лет Египет сменил три царских дома и до десятка властителей и тем не менее вышел победителем не менее как из пяти больших столкновений с объединенными силами Ближнего Востока. Он пал, вероятно, потому, что его запоздалый хозяйственный и общественный строй туго поддавался перестройке соответственно требованиям международной обстановки. Очень жаль, что древнегреческие писатели говорят об Египте, освободившемся на шестьдесят лет от персов, лишь под углом зрения своих греческих дел, а многочисленные современные египетские памятники мало что сообщают о событиях общественной и государственной жизни. Это в сильнейшей мере затрудняет понимание загадочного государства времени последних трех царских домов, столь неустойчивого внутри и в то же время столь неприступного извне.

Загадочно и то, что произошло в Египте после разгрома его Артаксерксом III. Всего одно короткое десятилетие отделяет падение Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо) (в 343 г.) от прихода в Египет Александра Македонского (в 332 г.). И вот, в какие-то нам ближе неизвестные годы этого десятилетия только что поверженный, разоренный, ограбленный Египет, без стен вокруг городов, без средств, без наемников нашел в себе силы воспрянуть, восстать и, пускай ненадолго, но все-таки сбросить персидское иго. Это событие связано с именем фараона, чье имя условно читается как «Хабабаша». В этом царе все загадочно. Было даже высказано мнение, что царей с таким именем была два: один — в V веке во времена Артаксерскса I — Дария II, другой — в IV веке во времена Артаксеркса III — Дария III. Загадочно и то, какого рода и пле-

мени мог быть царь с таким именем — имя это явно не египетское. Другое — престольное — имя, сопровождавшее его, тоже необычно. Вопреки многовековому фараоновскому обыкновению, в его составе нет имени солнца «*Ри* (Рэ)», а упомянуты одни только боги Мэмфи (Мэнфе, Мемфиса греков): «*Подобие Туна, Избранник Птаха*». Фараон Хабибиш, которого с придачею такого престольного имени, вспоминает в своей надписи македонский наместник Египта, будущий его царь Птолемей I, объезжал Низовье и осматривал каждое из устьев Нила, подлежавших укреплению в целях недопущения туда персидских кораблей. Во время этой поездки Хабибиш вернул богам города П-удо (Буто греков) в западном Низовье отнятую у них Ксерксом землю. Если этот фараон не одно лицо с тем, что царствовал после разгрома Египта Артаксерксом III, то его придется отнести ко времени больших восстаний против персов в середине V века, если только не к более поздним годам второй его половины. То, что где-то между 342 и 332 годами в Египте царствовал некий фараон Хабибиш, не подлежит сомнению. Имеется брачный договор верхнеегипетского происхождения, помеченный 1-м годом царствования этого фараона, с именем свидетеля, значащимся и на деловом памятнике от 324 года. Известна также надпись от 2-го года царствования царя Хабибиша, повествующая о сооружении им каменного гроба для священного быка Хапи (Аписа греков) и напоминающая надписи Нахти-хуру-хбу (Нашт-хер-хбо, Нектанеба II). Этот Хабибиш, видимо, владел как Верхним, так и Нижним Египтом.

Так называемая «Демотическая хроника», не раз уже упоминавшийся нами свод предсказаний, составленный после завоевания Александром Египта при одном из первых его македонских царей, образно описывая состояние страны вслед за покорением ее Артаксерксом III, говорит о реках, наполнившихся слезами, и наставшем безлюдье. Можно полагать, что подобные мрачные образы довольно точно отражали душевное состояние вновь порабощенного народа. Однако его господствующие слои, как ни горько и обидно им было вновь уступить первенствующее положение пришлым завоевателям, и в этот раз, как в дни Камбиса, сумели, по крайней мере в лице отдельных своих представителей, найти общий язык с персами. И как тогда, персидский царь был и теперь не прочь пойти на сближение с египетской знатью.

В этом смысле очень поучительно жизнеописание князя XX верхнеегипетской области Сам-тау-таф-нахти (Сам-тоу-теф-нашт), изложенное в виде благодарственного обращения к своему покровителю Хри-шифу (Харшафэ), местному богу города Хи-ни-нси (Ираклеополя греков), где княжил рассказчик:

«*Повелитель, князь, казнохранитель государя, друг* (царя) *единственный, слуга божий* (т. е. жрец) *Хуру* (Хора), *владыки* (города) *Хбнв, слуга божий богов XVI верхнеегипетской области, слуга божий Сам-тау* (Сам-тоу,

бога города) *Йт-ххв, бога моего, начальника округа моего, распорядитель* (жрецов) *чистителей* (богини Мэмфи) *Сахми в земле до края ее* (т. е. во всем Египте) *Сам-тау-таф-нахти* (Сам-тоу-теф-нашт), *сын владыки, слуги божьего Амун-Ри* (Амона-Рэ), *владыки* (города) *Пр-ш', Джи-сам-тау-ф-анхи* (Дже-сам-тоу-ф-онх), *сотворенный* (т. е. рожденный) *влады*[*чицей*] *дома Анхи* (Онх), *сказывает он:*

О, владыка богов Хри-шиф (Харшафэ), *царь обеих земель* (т. е. Верхнего и Нижнего Египта), *властитель прибрежий, восходящий, освещающий землю! Око его это — солнечный круг,* (другое) *око его это — луна, проявление его это — свет. Выходит северный ветер из носа его, чтобы животворить вещь всякую* (т. е. всё). *Я — слуга твой, сердце* (мое) *на воде твоей* (т. е. предано тебе). *Наполнял я сердце* (мое) *тобою. Не являю* (т. е. не взращиваю) *я* (другого) *города, кроме города твоего. Не перестаю выставлять славу его* (на вид) *лицу всякому. Сердце* (мое) *ликует в доме твоем повседневно. Сотворил ты мне добра против них в тысячу тысяч раз. Расширил ты шаг мой в* (?) *доме царевом* (т. е. дал вольно ходить там). *Сердце бога доброго* (т. е. фараона) *довольно было сказанным мною. Отличил ты меня пред тысячью тысяч, когда обратил ты спину твою к Египту. Вложил ты любовь мою* (т. е. ко мне) *в сердце властителя Северо-восточных* (т. е. азиатских) *стран. Друзья его* (т. е. придворные) *молили бога за меня* (т. е. были благодарны мне). *Дал он мне должность распорядителя* (жрецов) *чистителей Сахми вместо брата матери моей распорядителя* (жрецов) *Сахми Верхнего и Нижнего Египта Нахти-хнба. Защитил ты меня в бою со греками, когда отразил ты Северо-восточные* (т. е. азиатские) *страны. Убили они тысячу тысяч рядом со мной, без того, чтобы оказался поднявший руку свою на меня. Видел* (я) *тебя во сне затем. Величество твое сказало мне: "Ступай-ка ты в Хи-ни-нси* (Хнэс). *Вот,* (я) *с тобою". Прошел я нагорья* (т. е. чужеземные страны), *будучи один, переплыл я Зелень Великую* (т. е. Средиземное море). *Не страшился я* (потому что) *не преступил* (я) *сказанного тобою. Пристал я к Хи-ни-нси* (Хнэсу) *без* (того, чтобы) *отняли* (хотя бы) *волос с головы моей. Начало с тобою* (оказалось) *чем-то добрым, сделал праздничным ты* (также) *конец. Дал ты мне век высокий* (т. е. долгий) *в сладости сердечной».*

Это любопытное полуславословие-полужизнеописание стоило привести полностью — настолько оно знаменательно (конец надписи содержит уже обращение не к Хри-шифу (Харшафэ), а ко жрецам). Сочинитель надписи, который в заключительных ее строках называет себя «*тем, кто в чести у области* (своей)», печется только о своем городе, и эта узкоместная привязанность проступает у Сам-тау-таф-нахти (Сем-тоу-теф-нашта) еще резче, чем у Уджи-хур-рисни

(Удж-хер-рисне): исключительность здесь не просто чувствуется, а прямо высказана всеми словами. Сын жреца, как и Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне), князь и сам совмещал несколько жреческих должностей, притом даже в разных местностях — совсем как то бывало и накануне нашествия Камбиса. Если Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне) пребывал одно время на чужбине в качестве личного врача «*царя царей*», то Сам-тау-таф-нахти (Сам-тоу-теф-нашт) заручился не только любовью персидского царя, но и благодарностью его придворных, не только получил от него должность своего дяди, но и участвовал на стороне персов в роковой для них войне с Александром. Таким образом, положение дел после разгрома Египта персами в 525 и в 343 годах было довольно-таки сходным. Поведение египетских вельмож и персидских царей относительно друг друга тогда и теперь имело много общего. Те и другие, по меньшей мере иногда, находили общий язык. Египетские восстания и более чем полувековая независимость как будто бы мало что тут изменили, так что кое в чем Сам-тау-таф-нахти (Сам-тоу-теф-нашт) сильно напоминал Уджи-хур-рисни (Удж-хер-рисне). Но египетскому приближенному Дария III повезло больше, чем его предшественнику при дворе Дария I. Сам-ту-таф-нахти видел гибель персидской державы. Благополучно вернувшись с войны с Александром, он дождался в своем княжестве прихода в Египет «освободителей».

Греки нашли Египет в какой-то степени подготовленным к их приходу, вступили на почву, не совсем им чуждую.

Мы видели, что первое, более чем столетнее владычество персов в Египте внесло не так уж много нового в жизнь страны. Несколько оживилось денежное обращение, но только именно несколько. Распространились чеканные деньги, но египтяне не видели особой разницы между ними и простыми слитками серебра. Персы соединили Нии (Нэ) с Красным морем, но от этого было больше проку им самим, чем египтянам. Кое-кто из персидских должностных лиц в Египте стал чтить тамошних богов, а то даже принимал добавочное египетское имя. Однако египтяне у себя на родине были туги на заимствование имен и богов у поработителей. На изображениях на стенах гробницы Па-т-усири (Пе-т-усире) в Хмуну (Шмуне, Ермуполе греков), отделанной на рубеже персидской и греческо-македонской поры, иной предмет обстановки носит явные следы воздействия персидского искусства, но это — единичные случаи. Впрочем, известно египетское изваяние еще современника Ах-маси (Ах-мосе) II (Амасиса греков) в одежде персидского покроя. Ни первое длительное владычество персов, ни тем более кратковременное второе не внесли существенных изменений в общественный уклад позднего Египта, но они оставили глубокий след в сознании египетского народа. Именно с этого времени развилось и окрепло в Египте представление о злой силе, противоборствующей людям, олицетворенной в Суте (Сэте), давнем

покровителе иноземцев, враге благодетельного Усири (Усире, Осириса греков). Согласно греческому писателю Динону, египтяне называли злого завоевателя Артаксеркса III «*ослом*», иными словами — «*чертом*», поскольку в позднее время баснословного священного зверя — представителя Суты (Сэта) принимали за осла. Тот же писатель добавляет, что, прослышав о таком прозвище, персидский царь якобы убил, зажарил и съел их священного быка Хапи (Аписа), сказав, что этот осел съест их быка. Другой же греческий писатель, Элиан, присовокупляет, что вместо Хапи (Аписа) царь будто бы приказал чтить осла. В эти поздние века Сута (Сэт) становится предметом ненависти и преследования. Его изображения истребляют, имя на памятниках изглаживают, письмена в виде животных, почему-либо принимавшихся за Суту (Сэта), пишут с вонзенными в них ножами. Множатся памятники, призванные волшебно отражать зло. Возможно, представление о злой силе выработалось у египтян не без воздействия персидских воззрений, противопоставлявших доброму мировому началу злое. Но только в таком случае злым началом в глазах египтян персы оказались бы сами, ну а ждать обильных заимствований у представителей зла уж никак не приходилось. Какое-то количество персов осталось в Египте и после его завоевания Александром. Потомки персов составили даже особую прослойку в населении птолемеевского (эллинистического) Египта. Но о каком-либо влиянии их на египетское население, ничего как будто бы не слышно.

Напротив, связи Египта с греческим миром за время персидского владычества и при последних фараонах заметно окрепли, расширились и углубились. Со времени XXVI царского дома греческий город Навкратис в Нижнем Египте был средоточием железообрабатывающей промышленности и поставщиком привозных греческих товаров. Еще в V веке в деньгах «*ионян*», т. е. греков, производили расчеты даже далеко на юге страны. В середине того же века Иродот («Геродот») толковал о греческих торговцах, скупавших у египтян бычьи головы. Клады греческих денег были найдены в разных местах Низовья. На египетских изображениях V—IV веков можно проследить воздействие на одежду греческих нарядов. Такое же впечатление оставляют и прически женщин на изображениях в гробнице Чи-нуфе. Впрочем, на них греческим кажется и иной, вполне египетский женский наряд, будучи представлен не столько по-египетски, сколько по-гречески. Не следует, конечно, и переоценивать воздействие греческого искусства на тогдашнее египетское. Так, усматривать что-то греческое в изумительно точных, в смысле верности природе, хотя и изваянных из твердого камня, бритых жреческих головах нет никаких оснований. Ведь сами греки в те времена не стремились к такой точности в передаче подлинника. Греческое предание приписывало множеству знаменитых эллинов — философам, писателям, ученым, в частности жившим в VI—IV веках, поездки в древнюю страну мудрости, — только, к сожалению, далеко не всегда можно положиться на такого рода утверждения.

Однако совершенство произведений позднеегипетского ремесла, несомненно, вызывало восхищение у древних греков.

Сближение египтян с греками происходило не только в условиях мирной жизни. Если при XXVI царском доме взаимоотношения местного воинства с греческими наемниками фараона больше походили на соперничество, чем на дружбу, то в годы совместной борьбы египтян и греков с персами в середине V века между ними не могло не выработаться некое братство по оружию. Еще в середине IV века греческий витий Исократ торжествовал по поводу провала первого нашествия Артаксеркса III на Египет. То видное место, которое в середине V века Иродот («Геродот») отвел Египту в своем знаменитом труде, объясняется, вероятно, не одной лишь диковинностью древней страны на Ниле, но также тем пристальным вниманием, с которым греческий мир следил тогда за возможным, а то и действительным союзником в борьбе с персидской державой. Недаром Иродот («Геродот») отнесся с особым вниманием к египетскому воинству, описал с такой подробностью его расположение по областям, отметил размеры наделов и преемственность воинской выучки.

Египтяне встретили Александра как избавителя от персов. Жрецы провозгласили победителя сыном Амуну (Амуна), т. е. египетским царем. Время должно было показать, кем на деле оказались македонцы и греки для верхов и для народов «освобожденного» Египта.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О РУКОПИСИ Ю. Я. ПЕРЕПЁЛКИНА «РАННЕЕ ЦАРСТВО»

Чистовая рукопись исследования Ю. Я. Перепёлкина о Раннем царстве в Египте по особенностям почерка должна быть отнесена к послевоенному времени и сама по себе представляет удивительный образец каллиграфического искусства. Избранный Юрием Яковлевичем прием написания русских букв — весьма удачная стилизация под византийский минускул IX века, хотя в последующие годы Ю. Я. Перепёлкин усовершенствовал способ начертания таких букв, как «б» и «д». Это изменение начертаний — весьма существенный признак, по которому будущие исследователи творческого наследия Юрия Яковлевича смогут распределять по времени недатированные листы его рукописей. Важность подобной работы обусловлена тем, что лучший отечественный знаток египетских древностей до последних дней своей жизни сохранял упорное стремление к улучшениям. Потому-то написанное Ю. Я. Перепелкиным позже обычно совершеннее созданного ранее.

В 1945—1946 годах Ю. Я. Перепёлкин во второй раз был привлечён к написанию египетских глав для «Всемирной истории», а это обязывало его вернуться к изучению Раннего царства, памятники которого начал он столь успешно исследовать еще в довоенное время. В преддверии XXI века приходится лишь поражаться тому, насколько великий русский египтолог опередил поступательное движение мировой исторической науки. Современная российская египтология может рассматривать работу «Раннее царство» как несколько устаревшую лишь по отношению к соответствующей главе в перепёлкинской «Истории Древнего Египта», которая была написана Юрием Яковлевичем в последние годы жизни. Тогда Ю. Я. Перепёлкин усовершенствовал свой перевод ряда царских имён, дошедших до нас от времен Раннего царства. В настоящем издании для удобства читателей имеет смысл предпослать публикации рукописи Юрия Яковлевича краткую таблицу соответствий.

Перечень имен раннеегипетских царей (в транслитерации) и их соответствия у Манефона	Передача имен Ю. Я. Перепёлкиным в «Истории Древнего Египта»	Передача имен Ю. Я. Перепёлкиным в работе «Раннее царство»
Нулевая династия		
1. *Ḥr srq* (*?*)	Хара (Хор) Скорпион	Хор Скорпион / Скорпий
2. *Ḥr k* (*?*)	Хара (Хор) Двойник	Хор Двойник
3. *Ḥr nˁr* (*?*)	Хара (Хор) Сом	Хор Сом
Первая династия		
1. *Ḥr ˁḥ* Личное имя *mn* У Манефона Μήνης	Хара (Хор) Боец Мина	Хор Боец Мэнэ
2. *Ḥr ḏr* Личное имя *jttj* У Манефона Ἄθωθις	Хара (Хор) Хват	Хор Вязальщик Атотэ
3. *Ḥr wḏj*	Хара (Хор) Змея	Хор Змея
4. *Ḥr d(w)n* Личное имя *spˁtj* У Манефона Οὐσαφαΐς	Хара (Хор) Простиратель	Хор Водолей = Хор Подающий(?) Воду(?)
5. *Ḥr ˁḏ-jb* У Манефона Μιεβίς	Хара (Хор) Целостный Сердцем	Хор Благополучный Сердцем
6. *Ḥr smr-ḥ.t* У Манефона Σεμεμψής	Хара (Хор) Дружественный Утробой	Хор Друг Поколений
7. *Ḥr qj-ˁ* У Манефона Βιηνεχῆς (по Африкану) и Οὐβίενθις (по Евсевию)	Хара (Хор) Высокий Рукою	Хор Высокорукий

Разумеется, после прочтения главы о Раннем царстве в «Истории Древнего Египта» кое-что из того, что содержится в отдельном исследовании Ю. Я. Перепёлкина, будет читателю уже знакомо, но еще больше откроется неизведанного. Ведь работа Юрия Яковлевича посвящена всем сторонам древнеегипетской жизни во времена Раннего царства.

А. Л. Вассоевич

РАННЕЕ ЦАРСТВО
(I—II царские дома: около 3000 г.)[1]

Производительные силы

А. Орудия производства

а. Камень. Несчетные и разнообразные кремневые орудия, дошедшие от Раннего царства из разных концов страны, наглядно доказывают, насколько каменный век еще тяготел тогда над производством. Кремни, отесанные в виде ножей, наконечников стрел, скребков и т. д., были найдены в изобилии в погребениях самих царей как I, так и II царских домов. Городище, соседнее с царским кладбищем, следовательно в царствующей Тинской области, не в глухой стороне, в своих пластах, современных Раннему царству, оказалось усеянным кремневыми орудиями: ножами, скребками, лезвиями мотыг и т. п. В гробнице виднейшего сановника I царского дома было обнаружено несколько деревянных серпов с лезвиями из вставных кремней. Если выделка ножей стала грубее, как бы знаменуя упадок каменного дела, то, тем не менее, кремневые орудия были еще жизнеспособны и совершенствовались: ножи начинали высекаться с рукоятками и, чем ближе к концу II царского дома, тем все прямее, скребки постепенно обретали более четкие, а иные орудия граненые очертания, распространялись новые ухищренные наконечники стрел.

б. Медь. Но как ни живуч еще был каменный век, главенство в производстве уже бесповоротно перешло к меди. Правда, то была медь в естественном

---

[1] Деление древнеегипетской истории на «царства» и «царские дома» — деление не столько историческое, сколько источниковедческое, но пока что его вряд ли можно избежать, потому что хозяйственная история древнего Египта едва только стала изучаться, а летосчисление почти всегда только приблизительно верно. (*Примеч. Ю. Я. Перепёлкина.*)

виде, не искусственный сплав ее с оловом, именуемый ныне бронзою, но и так победа меди над камнем означала великий сдвиг в производстве. Уже прежними раскопками в разных частях страны были обнаружены для времени I царского дома возможные медные орудия: много резцов, ножи, топоры, тесла, шилья, щипцы, множество игл, наконечник копья, а также многочисленные медные гвозди и медные проволочные скрепы. Но эти находки совсем потерялись перед сделанной недавно подле древней столицы Мэнфэ (по-гречески Мемфис). Здесь был откопан целый «склад» медных изделий, притом от времени одного из первых царей I царского дома. Согласно предварительному сообщению, были найдены 63 ножа (23—60 см), большое число пил (30 см), 35 кинжалов, шилья, 79 резцов, не считая мелких, 2 тесла, 47 мотыг, сотни разнообразных игл. Медные орудия были обнаружены, конечно, и в погребениях последующего II царского дома (в том числе рыболовные крючки). Насколько для сознания Раннего царства, с самого зарождения его, медь была веществом орудий, по преимуществу, можно судить по тому, что целые наборы их хрупких подобий — тоненькие ножи, резцы, тесла, топоры, остроги — изготовлялись из нее для того света.

в. Дерево, кость. Дереву в производстве орудий принадлежало, несомненно, не менее видное место, чем в последующие времена, когда из дерева изготовлялись не только рукоятки, но и рабочие части некоторых важнейших орудий. Однако, соответствующие находки бывали редки для Раннего царства, по меньшей мере, при прежних раскопках. Наконечники стрел из черного дерева, найденные на родовом кладбище I царского дома, сами по себе малопоказательны, но приобретают некоторое значение в связи с обнаружением там наконечников стрел из камня и особенно из слоновой кости. Последние дошли до множества видов и настолько многочисленны, что наконечники каменные и деревянные количественно теряются перед ними. При широком распространении в тогдашнем быту слоновой кости это означает, что меди в производстве стрел предпочитали кость. От времени I царского дома сохранился даже наконечник копья из слоновой кости.

г. Виды орудий. За скудостью изобразительных данных, точное назначение найденных при раскопках орудий остается часто неясным. Нельзя также точно очертить круг приложений того или иного орудия и разграничить оружие охотничье и боевое. По самим памятникам того времени, мотыги употреблялись и в земледелии и для ломки кирпичных стен, топоры — на охоте и в плотническом деле, булавы, луки и стрелы — на войне и охоте, копье — на охоте, ножи — в битве. Несомненно однако, что основные орудия Древнего царства едва ли не все были известны в начале Раннего.

Из земледельческих орудий мотыга засвидетельствована изобразительно еще на заре Раннего царства, плуг изображен в знаке письма, частом при II царском

доме, и входившем, по очень старому, хотя и позднейшему, летописному списку, в написание имени одного из северных предшественников ранних царей, серп засвидетельствован письменами и вещественно уже для времени I царского дома. Судя по вещевым находкам, серп и был тогда деревянным с лезвием из вставных зазубренных кремней.

Излюбленное орудие древнеегипетских дереводелов и каменосечцев — резец представлен многочисленными медными клинками. Сохранились и медные лезвия тесел. Со своеобразной изогнутой рукояткой тесло было отличительным, можно сказать, народноегипетским деревообделочным орудием, и такая деревянная рукоятка была найдена в одном из погребений I царского дома. Найдены и медные пилы. Назначение сохранившихся медных ножей и шильев могло быть различным. Употребление сверл засвидетельствовано несчетными высверленными и просверленными поделками из камня.

Существование гончарного круга в Раннем царстве пока что надежно не доказано. Вещественными свидетелями применения ткацкого станка являются остатки тканей. Знак, изображавший деревянное огниво, имелся среди письмён I и II царских домов, равно как и знак, изображавший пестик от ступки.

Употребительные и впоследствии на охоте луки, стрелы, копья, топоры, щиты, арканы, по-видимому, также западни, имеются на изображениях из охотничьего быта времени I царского дома и ближайших предшествующих лет. Медные подобия острог дошли от времени I царского дома, а медные рыболовные крючки — от времени второго. Уже при первом царском доме в числе письмен имелось изображение деревянной иглы для сетей.

Производственный опыт

а. Осушительные и оросительные мероприятия. Могучая река, по-египетски Хап, по-гречески Нил, не только давала влагу окрестной земле, но и отлагала здесь, разливаясь, саму почву — плодоносный ил. Дабы стать основой египетского земледелия, она должна была быть освоенной человеком. Без человеческого труда, без искусственной осушки и орошения, страна была бы болотистой низиной среди пустынных песков. Освоить реку, прокопать оросительную сеть, насыпать водопреградные насыпи, исправно содержать, открывать и закрывать то и другое можно было с помощью самых несложных орудий — землекопной мотыги и корзины для переноски земли, и к началу Раннего царства это освоение было уже совершившимся событием. Наглядно работы над оросительной сетью представлены на памятнике одного из непосредственных предшественников I царского дома. На этом изображении от одних вод ответвляются другие, над водою стоит царь и с мотыгою в руках совершает землекопный обряд, перед царем мужчина с

корзиною и другой с пуком колосьев, ниже двое мужчин укрепляют берег, а третий подбегает к воде с мотыгою; проток, над которым работают последние трое мужчин, настолько значителен, что дозволяет судоходство: над водою высится нос корабля. В представлении современников I царского дома государственный округ был прежде всего орошаемой землею, и слово «область» уже тогда писалось знаком, изображавшим земельный участок, разделенный на четырехугольники, наподобие игральной доски, оросительной сетью. Управляющие виноградниками I и II царских домов носили звание, которое может быть понято, как «копатель водопривода» (-управитель) такого-то сада. Так как в половодье река затопляла не всю страну — высокие наносные земли непосредственно по бокам реки и края пустыни вода не покрывала, — в ненаводняемых местах могли прибегать к устройству искусственных водоемов. Дорожа естественно орошаемой почвою, города уже в ту отдаленную пору строили охотно на рубеже с пустыней, и сады в них должны были орошаться не из реки. И, действительно, изображение прямоугольного садового пруда имеется в числе письмен Раннего царства с самого его начала. Знаки, изображающие полноводные колодцы неизвестного назначения встречаются в надписях при I царском доме и даже накануне его водворения. Как и в последующие времена, узкая долина реки — Верховье и широкое Низовье с его близостью к морю, речными рукавами, избытком влаги и соответственной заболоченностью, были освоены неодинаково. Уже при I царском доме Верховье в письме обозначал знак растения, произрастающего из полоски земли, тогда как Низовье, полное болотных зарослей, знаменовал куст местной осоки, известной ныне под названием папируса. Конечно, это не значит, что Низовье было сплошь заболочено: здесь были свои города, притом даже очень значительные, процветало садоводство, и не только при II-м, но и при I царском доме, и современники этого последнего в своем отнюдь еще не окостенелом письме пользовались вышеупомянутым знаком орошаемого участка применительно к областям севера, и отличали от ячменя «верхового» особый «ячмень низовый».

б. Полеводство. Из последних злаков ячмень и пшеница были найдены среди погребальных запасов одного из родоначальников I царского дома; в гробнице другого раннего его представителя были обнаружены великолепные резные изображения колосьев ячменя и, может быть, других злаков, из дерева и слоновой кости. Что надписи, современные I царскому дому, совсем как позднейшие, различали два вида ячменя: южный — «*верховый*» и северный — «*низовый*», было только что сказано. Разведение льна засвидетельствовано остатками полотен того же времени. Сев и уборка хлебов производились, возможно, точно теми же способами, что и в Старом царстве. Во всяком случае, в числе письмен уже I царского дома имелся знак круглого гумна с зерном, вполне сходного с позднейшими гумнами, под открытым небом, за низенькой оградой, сохранявшей зерно от рассеяния

при обмолоте копытами прогоняемого по току скота. Среди тех же письмен встречаются изображения построек, живо напоминающие позднейшие огражденные житницы большого размера.

в. Садоводство. Известия о нем особенно обильны. На многих сосудах с припасами глиняные закупорки были опечатаны производственными управлениями, и благодаря этим печатям известно по имени немало садовых угодий I и II царских домов. Судя по отпечатанным надписям, то были большие огражденные зубчатыми стенами участки, обслуживавшиеся множеством лиц, полные такими же, как и позже, вилообразными столбиками, поверх которых вились живыми сводами виноградные лозы. Очень любопытно, что, совсем как в позднейшие времена, садоводство процветало в Низовье, притом особенно в западной его половине. Печати называют сады в связи с низовой, не верховой сокровищницей, особенно часто при II царском доме, когда рядом с названиями садов упоминается также северная столица, позднейший Мэнфэ (Мэнфэ, Мемфис греков), и многократно изображены и поименованы божества западного Низовья. Впрочем, на печатях, по-видимому, садоводческих установлений I царского дома области Низовья упоминаются в связи то с западом, то с востоком. В погребениях того же дома были найдены сами виноградинки, а также в большом количестве смоквы и плоды одного из крушиновых (египетской ююбы). Пометки на сосудах того же происхождения называют еще один (не отождествленный) мелкий плод, являвшийся позже, в Старом царстве, существенным средством питания. Финиковая пальма изображена за садовым плетнем уже на памятнике одного из ближайших предшественников I царского дома.

г. Скотоводство. Едва ли не все виды домашнего скота, известного Старому царству, были известны уже Раннему. Домашние быки, ослы, старинная, позже выведшаяся, порода баранов с развесистыми, не подогнутыми рогами, козы, белая антилопа засвидетельствованы изобразительно или письменно для времени I царского дома. В диком виде козероги представлены на изображениях немногим древнее Раннего царства, но об их приручении данных как будто бы нет. Велось скотоводство в очень больших размерах: один из основателей Раннего царства считал возможным привести в качестве военной добычи на благодарственно посвященной в государственный храм булаве 400000 голов крупного рогатого скота и 1422000 голов мелкого. На той же булаве изображен загон с быками.

На птицеводство и бортничество находки, по крайней мере прежние, не проливают света, если не считать большого сосуда, помеченного знаком пчелы, который можно прочесть как «*мёд*».

д. Охота. Окрестная пустыня изобиловала дикими зверьми: львы и барсы, различные виды собачьих (гиены, шакалы и т. п.), всевозможные парнокопытные

(дикие быки, белые и коровьи антилопы, газели, козероги, олени, лани), зайцы и переведшиеся там впоследствии животные (например, жирафы) целыми шествиями и скопищами вырезывались на разных поделках в начале Раннего царства и накануне его. Любопытно, что в обществе степных зверей на подобных предметах накануне Раннего царства охотно изображались слоны, порою изумительно верно, иногда тоже идучи по пригоркам пустыни. Прежними и новейшими раскопками в погребениях времени I царского дома изделия из слоновой кости были обнаружены в таком количестве, что получение ее опосредствованным путем, а не непосредственно охотой в ближайших пустынях или за южным рубежом, кажется неправдоподобным. Быть может, именно неумеренное потребление слоновой кости и было виною тому, что к началу Старого царства слоны в стране вовсе перевелись. Что облавы, по меньшей мере, накануне Раннего царства, перерастали в настоящие походы, видно по современному резному изображению, на котором охотники идут на льва и копытных обитателей пустыни боевым строем, со знаменами и в полном вооружении. Значение охоты на речного зверя косвенно свидетельствуется летописью I царского дома, почитающей обрядовое стреляние бегемота за событие государственной важности, а также изображением царя, поражающего копьем бегемота, на одной из должностных печатей того же времени.

Птицеловство и рыболовство были, несомненно, развиты — иначе не могло и быть при богатстве страны водяной птицей и рыбою. На упомянутых резных изображениях вкупе со зверьми представлены всевозможные птицы, отчасти степные (например, страус, цесарка), но особенно голенастые и водоплавающие. Целый набор рыб разных пород из слоновой кости оказался в могиле одного из родоначальников I царского дома. Однако сведения о самой ловле птиц и рыб более, чем скудны, хотя даже в царском погребении II царского дома были обнаружены рыболовные крючки, а при I царском доме среди письмен уже имелось изображение деревянной иглы для сетей, и даже царь изображался стремящим в воду двузубую острогу.

е. Горное дело. По породам камня, употребительным при I царском доме, можно заключить, что большинство месторождений этих пород было тогда уже известно, и не только вся долина реки, но и пустыня восточнее ее были в той или иной мере освоены каменосечцами. Сланец из восточной пустыни и дикий камень (гранит) с южной границы были также хорошо знакомы, как и известняки из прибрежных гор и алавастр (алебастр) из среднеегипетских каменоломен. Как мягкие (известняк, алавастр, сланец, песчаник), так и твердые породы (гранит, кремень, диорит, порфиры, базальт) добывались в больших количествах, хотя обычно для небольших поделок. Впрочем, уже при I царском доме сооружались надгробные плиты значительных размеров, и пол в одной из царских могил был вымощен глыбами твердого камня, привезенными издалека с юга от I-х порогов. От

времени II царского дома сохранились не только каменные плиты и изваяния, но и храмовый косяк дикого камня и — что особенно существенно — целая гробничная комната со стенами и полом из тесаного известняка. Под одним из годов царствования хозяина этой гробницы — он же заказчик храмового косяка — летопись отмечает в качестве примечательного события каменное строительство. Этим она, однако, одновременно свидетельствует, что еще в конце II царского дома камень был диковинкой в зодчестве.

Большинство полудрагоценных камней, известных египетской древности, было в ходу уже при I царском доме. Мелкие поделки из них были найдены во множестве в погребениях. Некоторые камни встречались в пустыне к востоку от реки, но за другими надо было или обращаться к посредникам (азиатский лазоревый камень) или отправляться самим в соседнюю заграницу (синайские бирюза и малахит).

Туземные месторождения меди ничтожны, найдено же ее в виде орудий и утвари в погребениях Раннего царства было немало. Надо думать, что медь добывали на Синайском полуострове, где о присутствии египтян говорят победные наскальные изображения I царского дома.

Золото добывалось, должно быть, только в ближней пустыне между рекою и Красным морем — зарубежный юг не был поставщиком золота, по-видимому, даже в Старом царстве, — но добывалось, тем не менее, в значительном количестве. Целый набор богатых золотых украшений оказался в обыкновенной частной могиле времени I царского дома; золотые изделия дошли из одновременных царских гробниц. В погребении одного из царей II царского дома были найдены золотые запястья, жезл, обложенный толстым золотым листом, ряд каменных сосудов с крышками из такого же золота, прикрепленными золотыми же проволоками, и даже золотые скрепы для чинки каменной посуды. Золота в стране при этом властителе было так много, что каждые два года, согласно летописи, вместе с переучетом полей производился и переучет золотого наличия, причем в этом «*счете золота* (и) *полей*» золото упомянуто на первом месте. Серебро добывалось в соединении с золотой рудой; в золотых изделиях времени I царского дома серебро равнялось примерно одной шестой золота. Из прочих руд известен был еще свинец.

ж. Обработка руды. Опыт, имевшийся у Раннего царства в обработке руды, был, несомненно, значительным. Изделия кованые и литые, круглые и плоские, выпуклые и гладкие, плотные и полые, цельные и обшитые, листовые и проволочные, толстые и тонкие представлены одинаково среди медных и золотых вещей уже при I царском доме. Конечно, ковка еще всецело преобладала над литьем, и некоторая незрелость производства сказывалась заметно. Приготовление искусственных сплавов меди с оловом — буде последнее было известно — или золота

с медью еще не было освоено вовсе, либо сколько-нибудь или достаточно прочно. Самая ковка подчас производилась довольно первобытно: еще при II царском доме такое распространенное орудие, как резец, ковалось путем загибки и приплющивания к плоской полоске меди ее боковых краев — ковка круглого клинка представляла трудности. Тем не менее, уже при I царском доме медники умели изготовлять и изготовляли во множестве самые разнообразные предметы: орудия, оружие, посуду — в одном только упоминавшемся медном «складе» вместе с сотнями орудий было найдено до 68 медных сосудов, — обивку, украшения. Круг деятельности золотых дел мастеров был, естественно, более узкий, ограничиваясь изготовлением украшений и предметов роскоши, зато богатство видов и чистота работы, даже в уборах частных лиц, говорят о мастерстве отнюдь не заурядном.

з. Обработка камня. Освоение орудий из меди сказалось на каменном деле двояким образом. С одной стороны, оно открывало ему новые невиданные возможности развития, с другой — вело к захирению отдельных его отраслей. Среди надгробий I царского дома уже имеются такие, которые по совершенству выполнения не уступают изысканнейшим образцам последующих времен и ясно свидетельствуют, что в лице отдельных мастеров — большинство, судя по частным надгробиям, было еще достаточно неискусным — резец полностью овладел камнем. В условиях неизжитого каменного века внедрение в ремесло медных орудий придало неслыханный дотоле размах производству каменной посуды, которою дословно наводнены погребения не только царей, но и рядовых современников I и II царских домов. Однако примечательно, что этот запоздалый расцвет видной отрасли каменного производства осуществлялся за счет оттеснения, хотя и не вытеснения, податливым камнем (особенно алавастром) своих твердых сородичей, мало послушных орудиям из мягкой меди. Если медное орудие покорило себе податливые породы, для твердых, как показывает опыт последующего Старого царства, обойтись без каменных молота, сверла и лощила было еще трудно. Так или иначе. Раннее царство справлялось с твердым камнем, и не только в производстве орудий или посуды, но также в ваянии и строительстве, и если где заметно снижение выделки, то разве только в таком устарелом производстве, как изготовление кремневых ножей.

и. Обработка дерева и кости. Деревом страна была тогда, несомненно, много богаче, чем в позднейшие времена. На надписанном изображении окрайн западной пустыни, какими они были на заре Раннего царства, густые деревья тянутся непрерывной цепью. Склепы I царского дома с полами, стенами и потолками из дерева примечательны не только по количеству и размерам употребленного леса, но и по прекрасному знакомству их создателей с деревянным строитель-

ством. Вооруженные медными орудиями, плотники и столяры уже при I царском доме в совершенстве овладели деревом в разных его приложениях, и бесчисленные остатки произведений этих мастеров, от целых сооружений и предметов обстановки до домашней утвари и оружия, являются тому наилучшим доказательством. При этом не довольствовались туземным деревом, но применяли также привозное. Иноземное черное дерево потреблялось в огромном количестве уже при I царском доме, как о том свидетельствуют несчетные сохранившиеся изделия, от частей обстановки до ярлыков и наконечников стрел.

Слоновой кости Раннее царство уделяло столько внимания, как ни одно из последующих. Прежние и недавние раскопки обнаружили в разных частях страны, в погребениях как царских, так и частных, изделия из нее в количестве совершенно невероятном. Притом что только не изготовлялось из нее — начиная от обстановки и изображений и кончая оружием, ложками, игральными пешками и украшениями. Потому здесь приходится говорить о большом и развитом производстве, и неудивительно, что эти изделия отмечены часто высоким мастерством. И таким это производство было уже при I царском доме.

к. Обработка глины. Наносный речной ил, покрывавший значительную часть страны, был повсеместно к услугам строителей, и ко времени I царского дома изготовление из него кирпича-сырца было хорошо освоено. Кирпичи были правильные прямоугольные, и отсутствие обжига не мешало им быть прочными, особенно при сравнительной скудости осадков в Низовье и почти полном бездождье в южной половине страны.

Гончарное дело на протяжении всего Раннего царства процветало как количественно, так и качественно. Значение этого производства было громадно, так как оно поставляло не только столовую и поварскую посуду, но и сосуды-хранилища, в том числе очень большие, для жидкостей, зерна и плодов. Остатки самой разнообразной посуды сохранились от тех времен в необозримом множестве, и изготовлена она бывала настолько правильно и точно, что при отсутствии прямых указаний на гончарный круг, можно спорить, сделана ли она вручную или на нем.

л. Муравление. Покрытие, путем обжига, стекловатой поливою изделий из особого состава — толченого (кварцевого) песка или голоши, — так называемого египетского фаянса, производилось умело и в широких размерах уже при I царском доме. Обычно полива была одноцветной, но даже при родоначальнике этого дома была известна также двуцветная. Замечательно разнообразие изделий: от всевозможных бус до посуды и изображений, и даже больших кирпичей, предназначенных для украшения стен.

м. Обработка растительных стеблей и волокон. О способах пряденья и тканья прямых данных от Раннего царства не дошло, но есть образцы полотна —

еще времени первых царей I царского дома — по тонкости и равномерности тканья совершенно изумительные. Вещественными же находками доказано употребление льна при I царском доме для изготовления веревок.

При богатстве страны упругими болотными растениями и пальмовым волокном, благоприятная почва для развития плетеночных производств была налицо, и Раннее царство эти возможности широко использовало. Циновки простые и узорные, из тростника и пальмового волокна, сетки кроватей, всевозможные корзины — в частности для землекопных работ, — тростниковые гробы, челны, стенки построек, плетни и т. д. хорошо засвидетельствованы вещественно или изобразительно для времени I царского дома и ближайших предшествующих лет.

Чрезвычайно важно, что выделка из сердцевины одного из осоковых, известного грекам под именем папироса, писчей «бумаги» была известна уже при I царском доме, как то доказывают сохранившиеся листы ее. Склеенным из таких листов, а не кожаным, будет, вероятно, и свиток, неоднократно изображенный в качестве знака письма, в надписях, современных II царскому дому.

к. Обработка кожи. Хотя какие-то кожаные изделия сохранились, а также, по-видимому, представлены на изображениях, наличных сведений недостаточно для суждения об этом, несомненно, тоже развитом производстве.

л. Строительное дело. На памятниках I царского дома и немного более ранних имеются изображения жилищ и даже храмиков с решетчатыми, вероятно, тростниковыми стенами, нередко с закругленным сводом из скрещенных между собою прутьев. Есть изображения еще более легких построек — тростниковых шатров с деревянной подпоркой внутри. Однако наряду со столь первобытным строительством, при I же царском доме существовало и большое зодчество, преимущественно из кирпича-сырца, хотя остатки этих жилищ и храмов слишком скудны, чтобы можно было воссоздать их первоначальный облик.

Лучше сохранились кирпичные крепостицы внутри страны, с некоторою долею вероятности относимые ко времени первых царских домов, но кроме укрепленных ворот и толщины стен здесь мало что примечательно. Толщина стен была печальною необходимостью, так как, судя по тогдашним изображениям, сырцовые укрепления поддавались разрушению землекопными мотыгами. По некоторым письменам-чертежам прямоугольных крепостей видно, что уже при родоначальнике I царского дома вдоль и по углам крепостных стен строились выступы для удобного обстрела подступившего вплотную неприятеля — не только в лицо, но и с обоих боков. Чередующиеся отвесные выступы и впадины на стенах некоторых гробниц самого I царского дома и его знати являлись, вероятно, подражанием обличью тогдашних замков.

Не в пример лучше городского и крепостного известно кладбищенское строительство, прослеживающееся в своем постепенном усложнении и совершенствовании на протяжении большей части Раннего царства. В своем многообразии, обусловленном разнообразием общественного положения заказчиков, кладбищенское строительство отражало в значительной мере положение дел в гражданском. Наряду с убогими могилами-ямами, с утлым тростниковым покрытием, создавались склепы из одного или нескольких помещений, выложенные кирпичом, с лестницами для спуска, с бревенчатыми или сводчатыми потолками, и, наконец, обильные усыпальницы с внутренними кирпичной кладкой и деревянной обшивкой, со множеством побочных помещений. Над склепами и усыпальницами возводились иногда высокие прямоугольные надстройки из кирпича со сложным наружным членением последовательными выступами и углублениями. Сооружение кирпичного свода было известно уже при I царском доме. Примечательны перекрытие огромными бревнами целых больших подземелий и остроумное устройство деревянных подполий для предотвращения сырости: то и другое — особенности, немного неожиданные в раннем строительстве, привычном к кирпичу-сырцу.

Как уже говорилось в разделе об обработке камня, каменное строительство при II царском доме засвидетельствовано летописью, но в виде диковинки, а остатки тогдашних сооружений доказывают лишь частичное применение камня в строительстве (храмовые косяки, стены и пол в царской гробнице, плиты в стенах частных склепов). О частичном же использовании камня говорит каменный пол в одной из гробниц I царского дома. Сохранилось, правда, и большое каменное сооружение, воздвигнутое, вероятно, около начала Раннего царства, — ступенчатая облицовка песчаной насыпи в государственном храме тех времен в Нехене, но эта постройка свидетельствует разве только о строительной беспомощности. Несмотря на свою уступчатую природу, облицовка толщиною всего в один камень, а сами камни, из которых она сложена, — не отесанные, а только старательно подобранные по размеру естественные глыбы песчаника.

Производственные отношения

А. Письменные данные о производственных отношениях

а. Данные о царском хозяйстве. При всей своей сжатости, а местами непонятности, надписи на печатях царских хозяйственных управлений, на закупорках сосудов с их изделиями, дают немало важных сведений о хозяйстве властителей Раннего царства. Эти надписи ясно свидетельствуют о существовании крупных хозяйственных единиц и соответствующих хозяйственных управлений, предполагающих значительное скопление рабочей силы.

Из царствования в царствование печати называют пышные имена садоводств I и II царских домов, и, так как на отдельные правления приходится одно, редко два прозвания, эти садоводства — в первую очередь виноградники — должны были быть огромными. Количество и разнообразие печатей с именами отдельных садоводств наглядно подтверждает такой вывод. Печати приводят различные звания управителей этих угодий, и, поскольку ответственные управители именовались уже при I царском доме также начальниками управителей, управление было достаточно сложным. Надо также иметь в виду, что эти садоводства отнюдь не были только садами: само опечатывание ими сосудов с припасами свидетельствует, что они были одновременно заготовительными и обрабатывающими (винодельческими) производствами. Одно из званий их управителей при I царском доме ставило этих последних в какую-то связь с заготовками в закупоренных сосудах (один род сосудов был, несомненно, винный).

При II царском доме к печатям садоводств присоединяются печати уже нарочито пищевых производств — «мастерских пищи», называемых однако охотно в связи с определенным садом или садами, раз с указанием округа их (Мэмфэ). Где налицо это множественное «сады», можно думать, речь шла о «*мастерской пищи*», перерабатывавшей плоды нескольких садов или даже садов целого округа. Неудивительно потому, что во главе таких пищевых мастерских, как показывают печати, стояли сановники с высокими званиями, и при них состояли писцы, ведавшие учетом производства.

На печати последних лет II царского дома упоминаются и мастерские иного рода — судостроительные или деревообделочные, притом на этот раз не самого царя, а «*матери детей царевых*». Поскольку о хозяйстве знати или простых смертных сведений в надписях, по меньшей мере, известных до недавних раскопок, не находилось, данная печать является ценным свидетельством о существовании — хотя бы в пределах царской семьи — крупных частных, не лично царевых, хозяйств.

Другое свидетельство о существовании значительных хозяйств не государственного порядка содержится, возможно, в упоминании на обломках каменных сосудов «усадьбы двойника» одного из царей II царского дома. В последующем Старом царстве «*усадьбами двойника*» именовались не только сами гробницы, но и приписанные к ним владения.

б. Данные о рабах. Кто были непосредственные производители, работавшие в крупных хозяйствах Раннего царства, надписи на печатях, разумеется, не сообщают. Молчат об этом и прочие письменные источники того времени, во всяком случае, открытые прежними раскопками. Естественно предположить, что работники эти в значительной своей части, если только не все, были рабами. Косвенные указания на существование тогда рабского труда можно найти и в письменных источниках.

Среди надгробий приближенных и слуг I царского дома, окружавших своих владык и по смерти, имеется по меньшей мере одно, называющее погребенного просто «рабом». Так как вокруг царей погребались тогда с надписанными надгробиями не одни придворные чины, но и царские карлики и даже царские борзые, вполне возможно, что этот «*раб*» был действительно царским невольником. Того же нельзя сказать о другом лице, названном на своем надгробии «*рабом Хнума*», египетского бога-барана. От одного «*раба Хнума*» — тоже современника I царского дома, — бывшего одновременно «*рабом Нэйт*», особенно чтимой богини того времени, сохранилась каменная печатка, на которой владелец представлен важно восседающим на великолепном седалище за столиком с яствами. Совершенно очевидно, что, в точном соответствии со словоупотреблением Старого царства, «*раб Хнума*» или «*раб Нэйт*» и в Раннем значили «*служитель*», т. е. жрец Хнэма или Нэйт. Но и в качестве жреческого звания «*раб*» в сочетании с именем того или иного тогдашнего божества свидетельствует о существовании в обществе отношений рабства и господства.

в. Данные о снабжении. Если «рабы» Раннего царства были действительно рабами, т. е. подневольными работниками, не владеющими средствами производства, надо ожидать, что пища выдавалась им хозяйством господина. Прямых данных о таком снабжении их не имеется, но что выдачи были одной из особенностей тогдашнего общества, как и последующего староегипетского, доказывает наличие на печати конца II царского дома частого в староегипетскую пору чиновнического звания «*тот, кто* (поставлен) *над домом выдачи*». Звание повторено на печати трижды в разных сочетаниях, и так как запечатаны ею были царские припасы, это был, возможно, заведующий «*домом выдачи*» в царском хозяйстве.

Б. Один из возможных источников рабочей силы: пленники

а. Обилие данных о пленниках. Пленник со связанными на спине руками, стоячий, сидячий, лежачий, коленопреклоненный — одно из излюбленнейших изображений в искусстве Раннего царства и лет, ему непосредственно предшествовавших, одинаково как в круглом ваянии, так и в плоской резьбе. На одной стенной росписи, писанной за некоторое время до Раннего царства, мужчина заносит палицу над тремя связанными вместе коленопреклоненными пленными. Победитель, готовящийся размозжить булавою голову связанному пленнику, которого он держит перед собою за волосы, по многу раз изображен на некоторых вещицах начинающегося Раннего царства. На другой поделке тогдашний царь «Сом» представлен в виде сома, опускающего палицу на толпу связанных пленных, здесь достоверно иноземных, западных соседей, как сообщает приписка. По тому, что эти вещицы были посвяще-

ны победителями в государственный храм, можно с некоторым вероятием заключить, что, по меньшей мере, первые из них имели в виду благодарственное убиение пленных перед царским божеством. На булаве одного из ближайших предшественников I царского дома на знаки дружественных частей страны, как на виселицы, повешены иносказательные изображения врагов туземных и иноземных — пиголицы и луки. Однако другие памятники предшественников и родоначальников I царского дома ограничиваются изображением угона или пригона связанных пленников. На одной булаве их видны целые вереницы — связанных не только по рукам, но и гуртом общею веревкою за шеи. Каких размеров достигало иногда количество пленных, показывают письменные источники. Один из родоначальников I царского дома сообщает о 120000 пленников и, так как он называет их после определенных и притом еще больших количеств крупного рогатого и мелкого скота — 400000 и 1422000 голов, — нет никаких оснований сомневаться в возможности таких пленений. Этот царь известен как победитель непокорного Низовья, и потому вполне возможно, что его пленники — низовые египтяне. Последнее тем более правдоподобно, что подобные количества одновременно людей и скота вряд ли могли быть захвачены у соседних кочевников. Подтверждением как количества, так и низового происхождения тех пленников служат показания одного из царей II царского дома. На подножиях двух сходных изваяний этого воителя находится изображение поверженного и связанного мужчины, с головой, увенчанной гербовым растением Низовья, и вслед за этим изображением число — 48205 на одном и 47209 на другом изваянии. По тому, что вокруг изображены вражеские трупы, и в голову поверженного Низовья устремлено копье, можно заключить, что все вместе полуизображение-полунадпись говорило о поражении Низовья с убиением такого-то количества врагов.

Что делали победители со своими пленниками? Нельзя себе представить, чтобы сто тысяч пленных были захвачены и затем перебиты. Сама надпись говорит против этого. Ведь в ней перечислено «быков 400000, мелкого скота 1422000, пленников 120000» — пленники упомянуты после других видов хозяйственно-ценной добычи, сами только вид ее. Упоминание в одном ряду со скотом, притом на последнем месте, говорит одновременно как о хозяйственном использовании, так и глубоко зависимом, вещеподобном общественном положении. К рабскому состоянию такие признаки подходили бы, конечно, как нельзя лучше, хотя одних их недостаточно для доказательства рабства пленников.

б. Обилие сведений о войнах. Если числовые данные об уничтоженном неприятеле доказывают поразительный размах тогдашних военных действий и свидетельствуют о возможности больших захватов пленных, из сравнительно частых указаний на войны следует, что случаи для таких захватов представлялись нередко. При беглом взгляде на остатки древнейшей погодной летописи, точнее

списка лет, названных по важнейшим происшествиям, может, правда, показаться, что время первых двух царских домов было достаточно мирным. Нельзя однако забывать, что от летописи уцелели одни разрозненные обломки, и судить о целом по ничтожным кусочкам в данном случае несколько опасно. Конечно, крупные военные действия имели место не ежегодно, и если, тем не менее, среди уцелевших годов один назван по поражению ближних племен, а в названии другого как будто бы упомянуто разорение сооружений с именами в честь Низовья и божества, преимущественно низового, то это не так уж мало и даже, быть может, показательно для направления тогдашней воинственности: вовне против ближайших соседей и внутри против непокорного севера.

Красноречивее памятники, современные событиям. Прямые и иносказательные изображения побоищ, вероятно междоусобных, сохранились еще от поры, предшествующей Раннему царству. Начало последнего отражено в искусстве изображением разгрома северной окраины, а конец — изображениями *«года поражения Низовья»*. Победы над западными соседями — Ливией — и южными — Эфиопией — увековечены полуизобразительно-полуписьменно на памятниках родоначальников I царского дома, причем те и другие соседи представлены связанными пленниками. От последующих царей того же дома дошли надписанное изображение связанного обитателя северо-востока (Азии), изображение «первого случая поражения Востока» — «первого» — в предвкушении дальнейших — настолько такие поражения были обычны! — и, наконец, победные царские изображения на скалах самого Синайского полуострова. Цепь этих свидетельств замыкается иносказательным изображением торжества над зарубежным югом (Эфиопией) при II царском доме.

Если наличные скудные и случайные источники содержат столько указаний на войны Раннего царства внутренние и внешние, можно представить себе, сколько их, больших и малых, было на самом деле!

В. Воинственные свидетельства общественного расслоения

а. Крайние противоположности: верхи и низы. При всей недостаточности имеющихся письменных источников, Раннее царство в их свете оставляет впечатление общества резко расслоенного, со всесильными верхами и глубоко угнетенными низами. Это смутное, хотя и неотразимое впечатление облекается ныне дословно в осязаемую плоть благодаря новым раскопкам на кладбище древней столицы Мэнфэ (Мэнфэ, по-гречески Мэмфиса).

Здесь была откопана обширная кирпичная усыпальница одного из виднейших сановников I царского дома с потайными внутренними помещениями и внушительной надземной надстройкой. Подле этой гробницы с юга помещалось девятнадцать маленьких могил, и в каждой из них было по деревянному гробику с чело-

веческим трупом, обвитым тонкою тканью, и по нескольку простых сосудов, некогда с припасами. Тут же была еще одна — двадцатая — могила большего размера и с гробом покрупнее. С восточной стороны усыпальницы было откопано несколько крошечных могил с птичьими трупиками, завернутыми в тонкие ткани и покоившимися в деревянных ларцах, из которых один даже был отделан слоновою костью и черным деревом; пернатые покойники были снабжены каждый маленьким сосудом. Так же выглядели семь соседних погребений: деревянные ларцы, тонкие ткани, маленькие сосуды, только погребенные были иными: в каждой могилке покоилось по собачьему трупу. При пернатых и четвероногих мертвецах был погребен человек, очевидно, их сторож, безо всякого гроба, только в саване, с несколькими горшками в придачу.

Взятые вместе, эти погребения весьма поучительны. Вельможа погребен с царской пышностью: как окрест царя покоились его приближенные, служители, карлики и псы, так и вокруг вельможи лежат его подчиненные и его любимцы — пернатые и четвероногие. Внушительно высится вельможная гробница над незаметными и грубыми могилками челяди. Подчиненные похоронены не лучше, а подчас даже хуже птиц и собак; по сравнению с человеком, ходившим за ними, животные погребены прямо богато. Заслуживает внимания и различие в погребении подчиненных, указывающее, возможно, на наличие среди них нескольких разрядов неодинакового положения в обществе. Сторож при птицах и псах погребен без гроба, девятнадцать слуг (?) втиснуты в скорченном по-старинному положении в маленькие гробы и лежат соответственно в маленьких могилах, надзиратель (?) покоится, только полусогнувшись, в гробу и могиле больших размеров.

б. Средние слои. Если на примере рассмотренных погребений могла быть прослежена бытовая противоположность между верхами и низами раннеегипетского общества и относительная численность господствующей верхушки, то на примере недавно откопанного общественного кладбища подле того же Мэнфэ можно показать существование уже при I царском доме также значительного среднего слоя.

Это скромное кладбище было расположено непосредственно около столицы, на одном с ней берегу, и было, должно быть, кладбищем ее горожан. Раскопано было свыше 130 более или менее однородных могил, неглубоких, прямоугольных, длиною менее полуметра, высеченных в скалистой почве. Трупы погребены в скорченном положении, некоторые в коротких деревянных гробах, другие лишь в саванах или циновках. Тем не менее, предметы, оказавшиеся в могилах, говорят об определенном достатке их обладателей. Сосуды из алавастра, сланца и иных пород камня были работы замечательно тонкой. В одной могиле нашлось два разных набора игральных пешек из слоновой кости, островерхих и полукруглых, в другой — четыре дощечки, из слоновой же кости, с именем владельца, изящная заколка для волос и большой сосуд из меди.

Подобно погребениям знати и ее подчиненных, и такие кладбища не говорят непосредственно о производственных отношениях того времени, но, взятые вместе, все эти безмолвные могилы своими четко выраженными бытовыми отличиями недвусмысленно свидетельствуют о многостепенном и резком членении общества на верхи высшие и низшие, на противостоящие им подчиненные низы и на промежуточный слой.

Государство

А. Состав государства

Раннее царство было царством двуединым, состоявшим из двух половин: узкого и длинного Верховья и веером разветвленного Низовья, из которых у каждого было по своему гербу: у Верховья — былинка с нагнутой верхушкой и развесистыми отростками у основания, у болотистого Низовья — куст болотного растения с пышными метелками на высоких стеблях (папирос греков). Государственное целое соответственно обозначалось двойным выражением: «Верховье и Низовье» уже при основателе I царского дома. В Раннем царстве это двойственное единство было еще в значительной степени условным и лишь прикрывало действенное противоречие между непокорным Низовьем и верховыми покорителями: борьба между ними красной нитью проходит через все Раннее царство от его основания до последних лет.

В пределах двуединого царства могли быть дальнейшие большие подразделения: имеются указания на различение западного и восточного Низовья при I царском доме, но сами эти подразделения распадались на более дробные единицы — небольшие области, известные у греков под названием номов. Накануне водворения I царского дома области на изображениях войн и охоты выступают настолько заметно и самостоятельно, что похожи больше на полуподчиненные государственные образования, чем на округа управления. На памятниках самого царского дома области ведут себя очень скромно, в сущности так же, как на изображениях последующего Старого царства, когда о сколько-нибудь самостоятельном их положении на первых порах не может быть и речи. И на печатях хозяйственных управлений I царского дома эти последние простирают свою деятельность иногда на целый круг областей, объединенных по пространственному признаку (области западного, области восточного Низовья).

Б. Особа царя

Во главе государства стоял царь, такой же двуединый, как его царство. Царю были присвоены два венца: белый верховый, свернутый, по-видимому, из ткани — высокий, суженный наверху, с округлым утолщением на конце, и красный низовый,

из тростника, слегка расширенный кверху и переходящий сзади в высокий отросток с отогнутой вперед и затем завитой назад проволокой. Был и особый двойной венец — из белого, вставленного в красный. С середины I царского дома надписи начинают именовать властителя как царя Верховья и Низовья «*тем, кто от* (верховой) *былинки и* (низовой) *пчелы*», но, по-видимому, много раньше он уже величался олицетворением «двух владычиц», коршуна и аспида, государственных богинь южной и северной. Если на изображениях коршун сверху простирает над царем свои крылья, на лбу царь носит изображение хранительной змеи. На торжествах он «*воссиевает*» то верховым, то низовым царем, то, наконец, «*воссиевает*» дважды как тот и другой за раз. Соответственно и его воцарение является «*соединением обеих земель*» под его властью.

Уже при I царском доме царя окружал многолюдный двор. Званиями и изображениями придворных чинов и прислужников пестрят современные памятники. Тут и высшие придворные — «*друзья*» царя, и управители дворца, и целые сонмы второстепенных чинов, и стражники, и опахалоносцы, и карлики. Царь появлялся на торжественных выходах в сопровождении сановников, в окружении стражи, обвеянный страусовыми опахалами. В дни годовщин долголетнего царствования он представал взорам подданных высоко на площадке вверху двух величественных лестниц, поочередно под сенью двух же навесов, сообразно двойственному составу царства. Многолюдности двора и пышности царских выходов соответствовало богатство обстановки и уборов: черное дерево и слоновая кость, золото и ценные камни находили здесь щедрое применение.

Но ни в какой из внешних прикрас так не сказывалось значение царской власти, как в обожествлении личности ее носителя. Его почитали за настоящего бога и величали одним именем с его покровителем, государственным богом-соколом Хором. От своего прообраза и между собою царственные Хоры разнились добавочными именами, которые они принимали именно как Хоры сверх имен, что имели от рождения.

Первоначально эти добавочные имена звучали достаточно первобытно: Хор Сом, Хор Боец, Хор Змей, но с середины I царского дома они делаются сложнее и изысканнее: Хор Подающий(?)[1] Воду(?)[2], Хор Благополучный (?) сердцем, Хор Высокий Рукою.

---

[1] От чтения этого имени как «*Хор Подающий*(?) *Воду*(?)» = Водолей Ю. Я. Перепёлкин впоследствии отказался и читал его как ***д(в)н***, что переводилось им как «(сокол) *простерший* (крылья или когти)», то есть Хор Простиратель.

[2] Впоследствии Ю. Я. Перепёлкин предпочел дать несколько иной перевод этого царского имени — «*Хор Целостный сердцем*».

В. Место царя в государстве

Показное величие и божеские притязания царской власти выражали ее исключительное, срединное положение во главе и в средоточии государственного управления. Где кончалось царское и где начиналось государственное, различить, вероятно, было трудно. Сообразно двойственному составу царства имелось и две сокровищницы: верховая — «*белый дом*» и низовая — «*красный дом*», собиравшая каждая поступления со своей половины государства. Как и позже в Старом царстве, сокровищница была менее всего только складом драгоценностей, но хранилищем ценностей вообще, и заготовка припасов производилась, как показывают печати, коими они были запечатаны, по тому и другому ведомству. Однако из того, что соответствующие печати находились на царском кладбище, явствует, что припасы, заготовляемые по обоим ведомствам, поступали в личное потребление царя и его двора. Целый ряд печатей II царского дома прямо называет в связи с садоводствами и «домом красным» «дом царев», под каковым позже несомненно понимали не один дворец, но все царское хозяйство. Если в надписях I царского дома упоминается «*плотник царев*», то этот сановник, вероятно, в равной мере был верховным строителем как лично царя, так и всего царства.

Сила царской власти была обеспечена мощной вещественной основой. В разделе о царском хозяйстве были приведены данные, говорящие о больших его размерах. Нераздельная связь между царским хозяйством и государственными сокровищницами делала и государственные доходы достоянием властелина. Сосредоточение в его руках значительной части вещественных благ страны должно было влечь за собою также учреждение их раздачи. И, действительно, управление соответствующего сановника — «*дом того, кто* (поставлен) *над выдачей*» упоминается на печати II царского дома. Хозяин царства, взиматель и распределитель его доходов, и одновременно крупнейший землевладелец и производитель страны — сравни сказанное выше в разделе о царском хозяйстве, о его садовых угодьях и пищевых производствах — царь Раннего царства слишком яркая и определенная общественно-государственная личность, чтобы можно было не признать в нем главу и высшее орудие напряженно-угнетательного государства.

Но, сосредоточивая и обращая в лице своего верховного представителя всю государственную мощь на подавление угнетенных низов, «*вельможи дворца*» и прочие великие страны менее всего думали выпускать ее из собственных рук. В разделе о расслоении тогдашнего общества приходилось уже говорить о царственной пышности, с которой погребались господствующие верхи, но властные богачи, усыпальницы которых бывает трудно отличить от царских, были одновременно, как показывают их звания, высшими чинами государства.

Г. Делопроизводство

Уже при I царском доме управление велось посредством письменного делопроизводства и тщательного учета, столь отличительных для древнеегипетского писцово-чиновничьего государства во все поры его существования. Один из приближенных этого царского дома, совсем в духе последующих времен, соединяет в своем титуле высшие государственный и придворный саны со скромным званием писца. От того же времени сохранился обстоятельный счет, бегло набросанный чернилами. На должностных печатях II царского дома писцы упоминаются повторно, и имеются указания на запечатанные деловые свитки. Постоянное опечатывание со стороны хозяйственных управлений своих изделий надписанными печатями — лучшее доказательство делопроизводственной обстоятельности и точности при ранних царских домах. Понятие «*казначей*» связывалось прежде всего с представлением о печати и в важном звании «*казначей низового царя*», многократно встречающемся в надписях I царского дома, оно написано изображением печатки — короткой каменной трубочки с продетой в нее петлей для ношения (отпечатывали врезанную на трубочке надпись путем откатки на мягкой глине). В лице раннего государства в руках общественных верхов делопроизводство было орудием подавления, точным и тонким.

Д. Отрасли управления

Скудость и сдержанность источников не позволяет сколько-нибудь полно представить себе совокупность столичных и местных учреждений, с помощью которых осуществлялось управление страной.

Ничтожно количество сведений даже о таком деле, как управление осушительно-оросительной сетью, на которой зиждились и сказочное плодородие земли, и возможность для верхов извлекать из труда низов огромный доход при первобытных орудиях труда, и способность верхов создать для того невиданно рано большое, прочное и сложное государство. Один из годов правления I царского дома был назван, возможно, по всенародному копанию водоемов в западном и восточном Низовье, но более существенно, что в той же летописи под обоими ранними домами приводятся из года в год точнейшие, — до сантиметра! — высоты речного уровня. Последнее — великолепное свидетельство о тщательном правительственном наблюдении за ежегодным половодьем.

Из хозяйственных учреждений были уже названы «*дом белый*» и «*дом красный*», названные так по цвету верхового и низового венцов и собиравшие в себе различные поступления, возможно, каждый по своей половине царства. Какое отношение имел к этим «*домам*» «*казначей низового царя*» — неизвестно. «*Дом белый*», а также «*казначей низового царя*» засвидетельствованы уже при I царском доме, «*дом красный*» — многократно при II-м.

Сравнительно богаты сведения о податном деле. Под II царским домом летопись в уцелевших отрывках неизменно через год упоминает о переучетах, очевидно, с податной целью, притом общегосударственного значения, так как по ним различаются годы, и они следуют друг за другом в порядке числовой последовательности: «*раз 4-й счета*», «*раз 5-й счета*», «*раз 6-й счета*» и т. д. В конце II царского дома после одного обыкновенного «раза 6-го счета» следует через год необыкновенный «*раз 7-й счета золота* (и) *полей*» и опять через год «*раз 8-й счета золота* (и) *полей*». Любопытное добавление «*золота* (и) *полей*» нельзя считать раскрытием неопределенного «счета» других лет, потому что тогда было бы необъяснимо отсутствие этого добавления во всех предшествующих случаях. Скорее всего, в те два года обычный переучет был заменен особым, только мера эта была временной, так как ниже летопись опять говорит неопределенно о «разах счета». За простым «*счетом*» таился, быть может, «*счет крупного рогатого и мелкого скота всякого*», имевший место позже в Старом царстве тоже каждые два года. Переучет через короткий срок золота и полей доказывает не только существование золотой и земельной податей, но также последовательный надзор государства за наличием движимых и недвижимых ценностей и особое значение золота среди движимостей как предмета обложения. На печатях II царского дома упоминаются «*поставки Низовья*» и, возможно, «*поставки зарубежного северо-востока*» (Азии). Если последнее чтение верно, одинаковое обозначение тех и других поступлений могло бы говорить об обхождении с Низовьем в податных вопросах как с краем на отлете, по-иному, чем с Верховьем. Отголоски такого различия заметны были еще долго спустя в Новом царстве.

Под II царским домом летопись на протяжении некоторых царствований — в той мере, как они в ней сохранились, — упоминает каждые два года перед соответствующим «*разом счета*» еще «*сопровождение Хора*». Без счета, но тоже каждые два года, «*сопровождение Хора*» упоминается летописью и под I царским домом. На дощечках-ярлыках, современных этому дому, оно также неоднократно называется в числе событий, по которым обозначен тот или иной год. В последующее время, в Старом царстве, «*сопровождение Хора*» было одной из тягостных государственный повинностей, освобождение от которой иногда, в виде особой милости, даровал царь.

О судопроизводстве Раннего царства, за отсутствием данных, сказать ничего невозможно, разве только, что звание «*судья*» может быть прочитано на печатях I царского дома.

Сведений о местном управлении немногим больше. Поскольку существовали области, во главе их должны были стоять какие-нибудь власти. Звание «князь», отличавшее впоследствии областных правителей, встречается повторно в надписях I царского дома, но что оно значило в те времена — неизвестно.

Е. Войско

Как уже говорилось в разделе о пленных, Раннее царство вело немало войн. Однако в войске господствующие верхи могли нуждаться и для охраны установленных ими порядков. Уже родоначальник I царского дома изображался в окружении стражи с длинными древками в руках. При другом представителе того же дома придворный чин, погребенный рядом со своим владыкой, представлен был на надгробии воином с луком в руке. Это надгробие заслуживает особого внимания: ведь умерший изображен воином на веки вечные, потому что таково было его служебное положение при жизни. Постоянное дворцовое войско, таким образом, не только возможно, но вероятно существовало в ту пору. Более того, рядом с победными изображениями одного из последних властителей того же дома на синайских скалах изображен полководец царя, названный «*князем, начальником войска*» с добавлением еще нескольких званий, в том числе придворного — «*старейшины дворца*» и, кажется, «*сына царева*». В последующем Старом царстве сан «начальника войска» считался достойным царевичей могущественнейшего IV дома, и, поскольку староегипетский чиновник, даже начальствуя над всеегипетским, но временным ополчением, такого звания не получал, надо думать, что «начальник войска» был постоянным военачальником. Потому вполне правдоподобно, что уже при I царском доме имелись постоянные военачальники, а их должность была настолько важной, что ею облекались князья, быть может, даже царевичи.

Хотя булава, кинжал, копье и щит изобразительно и отчасти вещественно засвидетельствованы в вооружении Раннего царства, воин для него был по преимуществу стрелком. Стрелка из лука изображал знак, которым писалось слово «войско», с луком в руке представлен придворный воин на надгробии, лук же сжимает в руке полководец царя на Синае.

Духовная жизнь

А. Письмо

а. Время возникновения. История застает египетское письмо уже сложившимся. Представляется несомненным, что в нем наслоены и закреплены последовательные ступени многовекового развития от первобытных письмен, передающих изобразительно целые представления, до подлинных букв, чисто условно обозначающих отдельные звуки. Но, странным образом, от этого развития не осталось никаких вещественных следов. Древнейшие открытые доселе надписи немногим древнее Раннего царства, а среди всего необозримого количества более ранних памятников, известных ныне и отражающих долгие века развития, нет ни

единого даже с самой ничтожной надписью. Напротив, с началом Раннего царства надписи сразу появляются в превеликом множестве и притом самые разнообразные: выпуклые и врезанные, нацарапанные и отпечатанные, нанесенные краской и чернилами, на камне и извести, глине и золоте, кости и дереве, на скалах и стенах, изваяниях и плитах, сосудах и украшениях, ярлыках и печатях, внутри страны и в соседних пустынях, указательные и счетные, удостоверительные, владельческие, памятные и заупокойные. Более того, некоторые предметы, изображаемые ранними письменами, из числа оружия, посуды и построек, имеют такое обличье, какое они приобрели только в Раннем царстве или незадолго до него и какое в более давние времена им не было свойственно. Что же из всего этого следует? Что письмо было изобретено накануне Раннего царства? Такой вывод, действительно, делался, но согласиться с ним трудно, поскольку в египетском письме явно отложилось несколько последовательных ступеней его развития. Однако и в таком случае нельзя не признать, что время около начала Раннего царства было поворотной точкою в судьбах раннего письма, когда оно поистине скачком из безвестности и прозябания поднялось на поверхность общественной жизни и пронизало ее всю, и до того неустойчивое и неопределенное закрепилось в стойких и четких очертаниях. Невольно приходит на мысль староегипетская летопись: начиная с I царского дома она дает для всех царствований название каждого года в отдельности по особо достопримечательным событиям и даже указывает ежегодно высоту реки, для царей же предшественников I дома ограничивается одними их голыми именами, но, тем не менее, имеет длинный список этих имен и притом в порядке определенной последовательности.

б. Состав. Как и в последующие поры своего существования, египетское письмо в Раннем царстве состояло из двух родов знаков: изобразительных и звуковых. Изобразительные знаки бывали двух видов: подобия воспроизводили изобразительно содержание слов, например, изображение быка изображало слово «*бык*», знамения знаменовали содержание слов, изобразительно на него намекали, например, изображение двух рук со щитом и булавой изображало слово «*биться*». Звуковые знаки передавали только согласные звуки и по происхождению своему были теми же изобразительными знаками, только употребленными не в прямом своем, изобразительном значении, а для обозначения сочетаний согласных или отдельных согласных, созвучных с согласным остовом слова, данным знаком изображаемого, например, изображение пальца, по-египетски ***тээбэ*** (в позднейшем — коптском — произношении) могло обозначать слово «*десять тысяч*», по-египетски (по-коптски) ***тба***, содержавшее те же согласные, изображение хлеба, название которого заключало в себе одну согласную ***т***, могло обозначать звук ***т*** вообще, в разных словах и положениях (сравните теперешние ребусы). Как видно из приведенных примеров, звуковые знаки бывали тоже двух видов: многозвучные обозначали сочетания

двух или большего числа согласных, однозвучные, как настоящие буквы, — отдельные согласные. Слово могло быть написано одним знаком, изобразительным или звуковым, например, «*бык*» изображением быка, «*десять тысяч*» изображением пальца, но также соединениями из двух и более знаков, сплошь изобразительных или сплошь звуковых, или из тех и других вместе. Для древних египтян их страна была черноземом, а окружающий ее мир — заграница — пустыней, потому западную и южную заграницу можно было передать в письме знамением песчаной отмели, однако, чтоб отличить одну «*пустыню*» от другой, надо было к округлой отмели предпослать еще какой-нибудь опознавательный знак: для западных соседей (Ливии) их знамение — боевую палицу, а для южных (Эфиопии) их знамение — лук. Слово из двух согласных ***хт*** можно было написать изображением жгута — буквой ***х*** и изображением хлеба — буквой ***т***; для слова *мн* возможно было ограничиться изображением игральной доски — знаком для сочетания двух согласных ***мн***, но можно было под этим более хитрым звуковым знаком подписать ходкую простую букву ***н*** — изображение волнистой воды, — подсказывавшую, что первый знак включает в себя ***н***. Западную границу позволительно было писать одними изобразительными знамениями, боевой палицей и песчаной отмелью, но к первому знаку можно было приписать еще изображение горшка, звуковой знак для сочетания согласных ***нв***, и тем самым намекнуть, что за палицей кроется слово, эти две согласные содержащее — ***чхнв*** «*западная граница*» (Ливия).

Поскольку звуковые значения были, по происхождению своему, производными от изобразительных, ничто не возбраняло тому или иному начертанию быть в одном месте изобразительным, в другом — звуковым знаком; на деле, однако, многие письмена были только изобразительными или только звуковыми знаками. Основной запас знаков был твердо установленным и не зависел от изобретательности пишущего. Правописание допускало обычно несколько способов написания слов, но колебалось оно, наподобие маятника, только в определенных пределах, за которыми начиналась уже безграмотность. Чрезвычайно существенно, что для отдельных согласных имелось только по одному знаку на каждую: это указывает на особое место букв среди остальных письмен. Замечательно, что в описанном виде египетское письмо предстает уже в самом начале Раннего царства — все приведенные примеры взяты из надписей основателей I царского дома, царей Хора Сома и Хора Бойца.

в. Способы письма. От Раннего царства сохранились лишь образцы письма на твердой или твердеющей основе: камне, извести, глине, золоте, дереве, кости, но от времени I царского дома дошли уже листы египетской «бумаги», именуемой ныне обычно папирусом и приготовлявшейся из сердцевины одноименного болотного растения путем расщепления ее на полоски и сплющивания двух слоев их, продольного и поперечного, в один лист.

На твердых предметах надписи высекались выпукло с помощью резца, врезывались каким-нибудь острым орудием или наносились краскою кисточками — тростинками. Печати оттискивались в глине путем откатки каменных печаток — толстых коротких трубочек с врезанной кругом надписью. Изображение прибора для письма чернилами или краскою имеется уже среди письмен I царского дома, и, так как им написано слово «*писец*», прибор этот уже тогда был в общем употреблении у лиц такового звания. Для II царского дома данный знак засвидетельствован повторно. Письменный прибор состоял из мешочка с краской, дощечки с двумя выпуклыми тарелочками для разведения ее и тонких длинных тростинок, размягченных наподобие кисточек на концах. От времени I царского дома сохранились каменные подобия писчих дощечек с выпуклыми тарелочками и следами красных чернил. Черные чернила приготовлялись египтянами из сажи.

Основными были направления письма сверху вниз и — внутри отвесной строки — справа налево. Но уже при основателях I царского дома допускалось письмо слева направо, а также неотвесными (горизонтальными) строками. Письмена поворачивались передом изображенных в них существ и предметов (лицами, мордами, клювами, оглоблями и т. д.) навстречу писцу и читателю.

г. Почерки. Уже при I царском доме можно различить три общепринятых почерка, правда, еще очень близких друг к другу. Основным был почерк, который можно назвать начертательным; оба других были только его видоизменениями.

Начертательный почерк передавал обводною чертою наружный очерк существ и предметов и черточками (или точками) внешние и внутренние существенные их признаки. При I царском доме это был почерк врезанных надписей на деревянных и костяных ярлыках, на каменных печатках и посуде, отчасти также тщательных надписей краской.

На больших каменных памятниках, рассчитанных на внешнюю представительность, и в художественных надписях на каменной посуде, кости и т. д. господствовал другой почерк — ваятельный, иссекавший письмена выпукло. Изваять так каждый отросток очень кропотно, особенно когда их имелось несколько или много подряд и надо было оставлять между ними промежутки. Отсюда стремление ваятельного почерка, в ущерб верности природе и отправному точному начертательному написанию, сглаживать выступы. Далее, изваивая выпукло всю поверхность знака, ваятельный почерк внутренние его подробности наносил уже неглубоко на выпуклости. Отсюда отношение к выпуклости как самодовлеющей основе, а к внутренним подробностям, даже самым существенным и исправно отмечаемым начертательным почерком, — как к чему-то второстепенному, что можно и вовсе опустить.

При I царском доме ваятельный почерк еще только начинал сглаживать выступы своих прообразов начертательных знаков, ограничиваясь часто полумерами,

но при II царском доме это упрощение почерка зашло уже так далеко, что сказалось на самом начертательном письме, заимствованием несколько упрощенных написаний у ваятельного. Одновременно и также под влиянием участившегося применения, начертательный почерк самостоятельно упростил внутренние подробности некоторых знаков.

Третий почерк — скорописный представлял собою при I царском доме, в сущности, только беглую, небрежную передачу начертательного. Однако уже тогда беглость вела подчас к постоянному искажению первоначального начертания, создавала новое, притом устойчивое, нарочито скорописное написание знака. При II царском доме это искажение иногда уже делало знак вовсе не узнаваемым. Сохранившиеся образцы скорописного почерка — счет времени I царского дома на донышке блюда и чернильные пометки на предметах, но, несомненно, уцелей тогдашние деловые бумаги (папирусы), они являли бы именно этот почерк.

д. Первобытные черты в ранней письменности. Выше было уделено достаточно внимания выяснению уровня развития ранней письменности, так как он косвенно свидетельствует о высоком развитии общества в целом. Но отмечая у нее такие передовые черты, как законченное строение, полный набор и особое значение подлинно буквенных знаков для согласных, разнообразные пошибы письма вплоть до скорописного почерка, вполне разработанный письменный прибор, употребление чернил черных и красных и растительной бумаги (папируса), нельзя не указать и на одну особенность, правда, не изжитую сполна и позже, отдающую глубокой первобытностью. *В собственно письмо включалась часто изобразительная передача событий, в самую надпись вклинялись изображения, как в одиночку, так и целыми сочетаниями, то самостоятельно, то в затейливом взаимодействии с окружающими письменами.*

Б. Верования

а. Недостаток источников. Не подлежит сомнению, что много, если только не большинство, позднейших верований и обрядов уже существовало в Раннем царстве. Однако показать это на его памятниках, за малой их сообщительностью, пока что невозможно. Вполне правдоподобно также, что немало последующих писанных славословий и особенно заклинаний восходит к очень ранним временам. Какая иногда седая древность могла таиться в таких произведениях, показывает, например, найденное в составе пирамидных надписей Старого царства заклинание против царей Низовья, заклинание, явно составленное много раньше не только Старого, но и Раннего, уже двуединого, царства. Высказывались мнения о принадлежности Раннему царству некоторых очень содержательных и важных произведений, известных в записях позднейшего времени, но доводы в пользу такого приурочения обычно или не вполне доказательны, или даже вовсе не основательны. Потому лучше, не

зная достоверно, что из позднейшего современно двум первым царским домам, ограничиться при изложении верований и обрядов Раннего царства несомненными его памятниками. От этого изложение потеряет в полноте, но выиграет в надежности.

Если так обстоит дело с самим Ранним царством, то еще труднее разобраться в последовательности напластований в составе его верований, так как становление их уходит в пору, для науки пока что бесписьменную. Делались попытки разобраться в этих наслоениях на основании позднейших представлений и косвенных намеков, но из этих усилий по сию пору получались построения лишь предположительные и спорные. *До известной степени здесь повторяется то же, что и в области письменности: как и письмо, верования предстают в Раннем царстве почти такими, какими они были в последующем Старом, а предшествующее развитие теряется в неизвестности.*

6. Представления о богах. Боги Раннего царства имели обличья троякого вида: неодушевленных предметов, животных и людей. Для времени II царского дома засвидетельствован и смешанный образ, столь отличительный для египетских богов впоследствии: человек с головою животного. Соединение человеческого лица с коровьими рогами и ушами было употребительно еще в самом начале Раннего царства. Животный образ мог осложняться вещевым придатком, как, например, у кошкоподобной покровительницы I царского дома, изображавшейся охотно в виде своего животного, взбирающегося по связке вооружения.

Выбор того или иного предметного или животного образа мог быть обусловлен иногда значением данной вещи или данного животного в хозяйстве или быту. Столичный священный бык Хап, по-гречески Апис, засвидетельствованный, начиная со II царского дома, бараны Хнэма и Хар-шэфа, впоследствии двух верховых богов производительных сил природы, поджарый пес Анэпа, греческого Анубиса, излюбленного кладбищенского божества Старого царства, могут быть объяснены из значения соответствующих животных для человека. С войной и охотой связан образ любимой богини I царского дома Нэйт в виде двух скрещенных стрел. Но тот же Ануп имел престранный предметный образ в виде шкуры, обвитой вокруг шеста, укрепленного нижним концом в «*чашечке*», и та же Нэйт имела своим животным незаметного жучка-щелкунчика, так что грозные стрелы влагались ему в лапки, или изображались на спинке, или пересекались с четою его надкрылий, расположенных восьмеркой одни над другими.

Как видно из последних примеров, божества Раннего царства могли иметь по нескольку образов. Если у живого быка Хапа, пресловутого впоследствии звериного божества столичного Мэнфэ (Мэнфэ, греческого Мэмфиса) был один осязательный образ, именно бычий, другие египетские божества походили скорее на неуловимых оборотней, оборачивавшихся то одним, то другим своим зверем или знаком.

В числе таких образов мог быть и человеческий, тем естественней, что Раннее царство мыслило своих богов наподобие людей, по-людски думающими и чувствующими существами. Так, Мин, бог верхового города Кэбто, по-гречески Коптоса, имел своим предметным знаком своеобразный резной брусок, но также охотно изображался при I царском доме, и даже задолго до него, в человеческом обличье. Городской бог Мэнфэ — Птах, может быть, в виду сравнительной новизны своего города, основанного, по преданию, одновременно с I царским домом, располагал в Раннем царстве, по-видимому, только человеческим образом.

Как и в какой мере Раннее царство закрепляло своих богов за теми или иными явлениями природы — современные памятники почти не говорят. Несомненно, однако, что Мин тогда, как и позже, считался божеством производительных сил природы, и изображения его это явственно выражали.

в. Государственная вера. Примечательна большая сдержанность источников времени I царского дома относительно почитания солнца, славнейшего божества страны впоследствии. Сохранилось изображение его небесного плавания, и солнцепоклонничество не могло не иметь места в кругу тогдашних верований, но между многочисленными именами современников, сложенными в честь их богов, вряд ли найдется хотя бы одно, данное в честь солнца. При II царском доме такие имена появляются, притом у самих царей, но все-таки еще очень редки. То же как будто бы говорят обломки староегипетской летописи, которые на каждом шагу поминают современных богов, но солнце под I царским домом не называют ни разу, а под II-м называют всего раз, да и то лишь в названии укрепления. Не значит ли это, что верхи Раннего царства еще не были господами положения в той мере, как они были в солнцепоклонническом Старом царстве, что их земное солнце — царь еще только «восходило» над порабощенным миром?

Предшественником солнца в значении общегосударственного божества был в Раннем царстве Хор, изображавшийся соколом. Он был богом нарочито царским, прообразом и покровителем царей. Откуда взялась эта связь — неизвестно, но с самого начала Раннего царства она была настолько тесной, что сами цари именовались Хорами, разнясь от своего прообраза и между собою лишь добавочными наименованиями (Хор Боец, Хор Змей, Хор, Высокий Рукою). Содействию своего бога-сокола цари приписывали кровавые успехи в деле объединения страны под их властью и богу-соколу их священного верхового города Нехена (Иераконполис греков, ныне Ком эль-Ахмар), вероятно, уже тогда отождествленному с Хором, благодарственно дарились в храм изваяния и сосуды, булавы и плиты в память боевых побед и событий гражданской жизни. При одном из царей II дома государственное значение Хора временно оспаривал другой древний бог, баснословный зверь Сэт, известный позднейшим поколениям борьбой своей с Хором за царство, и оспаривал настолько успешно, что этот царь величал себя Сэтом таким-

то, а не Хором таким-то, как предки. При последнем царе того же дома соперники мирно делили между собою положение во главе царского титула, совсем как в позднейших сказаниях царство, и завершитель II царского дома прозывался зараз Хором-Сэтом таким-то, «*в котором умиротворились оба владыки*».

Тоже государственными богинями, но каждая по своей половине царства, были коршун и смертоносная змея аспид (родственница индийской кобры), покровительницы верхового города Энхаба (по-гречески Илифийасполис, по-арабски Эль-Каб) и низового Путо, (по-гречески Вуто, ныне Кавн-аль-фарайн), некогда, вероятно, столиц Верховья и Низовья. Поскольку царствующие дома были верхового происхождения, коршун не только прикрывал своими крыльями царя на изображениях, но еще при II царском доме, по разгроме мятежного Низовья, вручал победителю воссоединенное царство. Особое значение верховой богини не мешало однако ее низовой подруге пользоваться величайшим почетом при дворе, и именно она хранительно вздымалась надлобным украшением на голове властителя. И обе дружно объединялись в особе олицетворявшего их царя, потому и титуловавшегося «*двумя владычицами*».

Уже неоднократно приходилось говорить о египетских божествах, как о богах и богинях тех или иных городов. Связь большинства из них с тем или иным городом или городами наблюдается на протяжении всей древности. Даже получая общегосударственное значение, городские божества не теряли этой связи: коршун и аспид оставались богинями Энхаба и Путо, и цари-объединители поклонялись своему богу-соколу в Нехене. Страна состояла из множества небольших областей, и городские божества областных столиц составляли основной костяк божеского мира страны. Многие из областных божеств в своих животных или предметных образах являлись одновременно гербами своих областей и, помещенные на древки, служили им стягами. Изображения, вырезанные незадолго до Раннего царства, показывают эти сверхъестественные гербы или стяги принимающими живое участие в жизни своих земляков: под своими стягами охотники идут на облаву, сами гербы и знамена, что живые, действуют за свои области на войне. Если когда-то области и их божества вели вполне самостоятельное существование, то и на этих изображениях областные знамения, даже воюя на стороне царей-объединителей, выступают настолько деятельно и заметно, что не остается сомнения в большом влиянии областей в ту пору и видном месте их богов-знамений в кругу божеских образов. И в самом Раннем царстве некоторые избранные стяги продолжали сопровождать царя при его выходах, а один из них, поджарый пес, известный позже под именем «Пролагателя дорог», в качестве бога областного верхового города Сйовта, даже стал царским знаменем, предшествующим царю в мире и на войне. Но местные божества не только могли приобретать общегосударственное значение, как сокол, коршун, аспид или пес, но могли быть областными богами зараз

в нескольких областях, и это еще до начала Раннего царства. Так, Мин был местным богом не в одном Кэбту: его знак — резной брусок(?) — был знамением другой области Верховья — области города Шмина (по-гречески Панополь, ныне Ахмим), соперничавшего и впоследствии с Кэбту в почитании общего обоим бога. На примере того же Мина можно видеть, что местные связи того или иного городского божества не мешали ему служить одновременно олицетворением природных явлений. Изображения Мина времени I царского дома и старше не оставляют никакого сомнения, что он и тогда считался богом производительных сил природы. Мин же, наконец, доказывает, что местное божество природы, даже не имея прямого отношения к особе государя, могло притязать на общегосударственное значение: летопись под I и II царскими домами называет изготовление(?) идолов(?) Мина в числе важнейших событий общегосударственного порядка, по которым правительство именовало годы.

г. Личная вера. Очень показательно для состояния тогдашних верований, что местное божество могло стать едва ли не общенародным, совсем не в соответствии, скорее в противоречии с его местом в государственном быту, в силу личной приверженности почитателей, независимо от места происхождения и жительства. Нэйт, в предметном образе скрещенные стрелы, в животном — жучок-щелкунчик, основным своим местом почитания имела до конца древнеегипетской истории низовый город Саи (по-гречески Саис, ныне Са-аль-Хаджар). Храм ее упоминался в названии одного из городов еще при основателе Раннего царства, но ниоткуда не видно, чтобы государство уделяло ей исключительное внимание: другие боги Раннего царства много чаще называются и изображаются на памятниках государственного происхождения.

Тем не менее, значительная часть имен современников I царского дома, притом на протяжении нескольких царствований, как доказывают надгробия приближенных вокруг царских могил, была сложена с именем Нэйт. Это тем примечательней, что имена прочих тогдашних божеств в составе этих имен почти или вовсе отсутствуют. Царское кладбище помещалось на родине царей в Верховье очень далеко от Саи, и совершенно невероятно, чтобы все это множество людей, названных в честь Нэйт, было родом из ее местности, и, в противоположность уроженцам других областей, одно только именовало себя в честь местной богини. Далее, имя Нэйт читается на печатках частных лиц, погребенных в других местах Верховья. В одном частном погребении оказалась не только такая именная печатка, но и золотая вещица в виде щелкунчика со скрещенными стрелами на надкрыльях. Если эти почитатели Нэйт в большинстве своем, если не все, были людьми невысокопоставленными, то их богиня находила доступ даже внутрь царского семейства. Сами царицы прозывались в честь ее, и надо думать, что пример подобных почитательниц немало способствовал распространению ее почитания в придвор-

ных кругах и за их пределами. Столь исключительное почитание Нэйт тем знаменательнее, что она была самая что ни на есть низовая богиня, и торжество ее было духовной победой покоренного Верховьем Низовья, одержанной покорителями в самом средоточии их — при дворе.

Спрашивается, чем Нэйт привлекала к себе сердца подданных и членов I царского дома? Что речь шла, действительно о личном к ней отношении, доказывают сами имена. Если среди них были такие, как «*Любит-Нэйт*», «*Довольна-Нэйт*», «*Даёт-Нэйт*», «*Принадлежащий Нэйт*», то ясно, что их носители ожидали от своей богини благосклонности и покровительства. Но почему призывалось именно ее покровительство? На это, возможно, отвечают те же имена. «*Бьётся-Нэйт*», «*Чародейство-Нэйт*» могли прозываться почитатели в расчете на волшебную защиту со стороны своей стрелоподобной богини. В позднейшие времена Нэйт числилась между особенно хранительными божествами и даже прямо изображалась стреляющей в темную силу. Волшебно-защитная стрельба Нэйт, представленной в именах неизменно своими стрелами, могла бы служить примером значения чародейства для тогдашних верований. Чародейство, столь отличительное для египетской древности вообще, упоминается под I царским домом даже в таком сухом источнике, как летописный перечень названий лет, в связи, к сожалению, неясной.

д. Храмы и жречество. Остатки ранних храмов настолько скудны, что по ним невозможно представить себе, как эти храмы выглядели. Изображения их вкраплены в надписи и, глядя на такие изображения, можно подумать, что ранние храмы были маленькими каплицами, сооруженными зачастую даже не из сырца, а из тростниковых плетений и дерева с глиняной обмазкой. Однако строить подобные заключения на основе условных полуписьменных изображеньиц или письмен было бы так же неосторожно, как на основании сходных же упрощенных изображений дворцов в надписях умозаключать, что ранние дворцы были небольшими будочками, в которых могло уместиться стоя, хорошо, если несколько человек. Как ни скудны уцелевшие храмовые развалины, они все-таки достаточны для того, чтобы убедиться, что тогдашнее храмоздание никак не сводилось к плетеным беседкам. Тем не менее, изображения храмов в надписях имеют большое значение, так как доказывают, что позднейшее устройство храмов в виде усадеб для идолов было предвосхищено Ранним царством. Судя по этим изображениям, собственно храм («*дом*») помещался внутри ограды, а по бокам ее ворот водружались шесты с развевающимися кусками ткани, знаменовавшими священное значение места. Эти «*знамена*» были едва ли не основным опознавательным признаком храма, потому что само слово «*бог*» писалось изображением древка с развевающимися наверху полосками ткани. Под II царским домом летопись говорит о постройке из камня некоего сооружения, судя по имени, храма, правда, еще

как о достопримечательном событии, но сохранившиеся от того времени в храме сокола в Нехене остатки дверей, испещренных изображениями и надписями, победная плита и царские изваяния свидетельствуют о богатой каменной отделке государственного святилища в ту пору. Но еще много раньше средоточие этого храма — искусственный песчаный холм — был облицован каменным ступенчатым обводом с добрую полсотню метров в поперечнике, и найденные в храме груды посвятительных даров из камня и слоновой кости — несомненно, только слабый намек на богатство храма на заре Раннего царства.

Местное божество могло присутствовать в своем храме в живом образе животного. Пресловутый впоследствии священный бык столичного Мэнфэ Хап (Апис греков) упоминается неоднократно летописью под II-м и вероятно, также I царским домом. Однако обычно, надо думать, животное заменял идол. Летопись и современные памятники пестрят упоминаниями в качестве важных событий «*рождения*» тех или иных тогдашних божеств, под которым, скорее всего, надлежит понимать, в соответствии со словоупотреблением как самой летописи, так и последующих времен, изготовление идолов (в летописи изготовление царского изображения из меди тоже названо «*рождением*»). По-видимому, уже тогда кумиры представали перед народом в ладьях — обычном средстве передвижения в стране, вытянутой вдоль водных путей. По крайней мере, праздник соколовидного Сокара, известного впоследствии в качестве кладбищенского бога Мэнфэ, знаменовался в письме изображением своеобразной храмовой ладьи.

Этот праздник, а также обрядовый бег быка Хапа имели место в столице. Где праздновались другие праздники, упоминаемые летописью, достоверно неизвестно, но несомненно, что обрядовая жизнь — все эти празднества, действа, посещения (?) храмов, закладка зданий с весьма храмовыми именами — в первую очередь учитывалась при наименовании лет по происшедшим событиям и стояла в средоточии общественного внимания.

Большое значение храмов и связанных с ними обрядов предполагало существование многочисленного жречества, и действительно, жреческие звания неоднократно встречаются на памятниках, современных двум первым царским домам. Надо полагать, что жреческие места уже в Раннем царстве считались доходной статьею и составляли предмет вожделений; во всяком случае, совместительство по этой части имело место уже при I царском доме, и служитель Нэйт мог быть одновременно служителем Хнума.

е. Представление о душе. Учение о многочастном составе души ***ко*** времени I царского дома было, по-видимому, вполне выработано.

В именах современников этого дома знак в виде вытянутых рук, знаменовавший впоследствии в письме и искусстве двойника ***ко***, настолько част, что в большинстве случаев вряд ли возможно читать его иначе. В последующие времена

двойник был связан с местом, где по нем творили поминки, будь то гробница или каплица в храме. От одного из царей II дома сохранились каменные сосуды, помеченные именем «*усадьбы*» его ***ко***, в данном случае, вероятно, заупокойной каплицы, где обитал и принимал приношения из таких сосудов царский двойник. Позднейшие царские списки сохранили имена царей II дома, упоминавшие ***ко*** в связи с солнцем Рэ и Сокером, — в полном соответствии с позднейшим представлением о наличии ***ко*** также у богов.

Указание на душу ***баи*** содержало, по тем же спискам, имя одного из первых царей II дома, но, возможно, с этой птицеподобной душою связано уже с конца I царского дома устройство выхода из гробницы в сторону севера. Такое направление гробничных выходов удерживалось и в Старом царстве, потому что считалось, что блаженная душа входит в общество не гибнущих, т. е. не заходящих, северных звезд.

О различении еще духа ***их*** при I царском доме говорит как будто бы одно придворное звание и название одного учреждения.

Богаче данные о душе-имени. Позже имя считалось одной из важнейших частей человеческого существа, особой душою, но уже при первых царях I дома оно не только высекалось на надгробии, но выводилось краскою в недоступных посетителям подземных склепах на определенном, особо побеленном участке южной стены. Душа-имя сохранялась, «*жила*» в своем написании. Если позже царский гнев влек за собою нередко истребление с памятников имени ослушника, то подобные изглаживания имеются и на надгробиях приближенных I царского дома.

ж. Погребения и заупокойная служба. Если при жизни человека его души были соединены с ним как с телесным существом, то и после смерти эта связь не считалась упраздненной, и пристанищем для душ оказывалась могила, где покоилось то же тело, правда, теперь мертвое. Гробница служила усадьбой двойнику, отсюда душа уходила в звездные дали или получала доступ в солнечную ладью, здесь было увековечено самое имя. Сохранение видимой основы и связи этого невидимого бытия — телесных останков становилось существенной заботой человека. Искусственное сохранение плоти, приготовление нетленных трупов, так называемых мумий, было в Раннем царстве еще в зачаточном состоянии. Останки современников двух первых царских домов или вовсе не обнаруживают предохранительной обработки, или обнаруживают ее в неполной мере, и это справедливо в отношении лиц как скромного общественного положения, так и высокопоставленных. Тем не менее, начало искусству сохранения трупов было положено именно в Раннем царстве.

Рядовые смертные погребались в скорченном — утробном или скорее сонном — положении, знать, по меньшей мере, иногда — в полусогнутом. Гробы, короткие у скорченных трупов, были деревянные, глиняные и тростниковые, очевидно, в зависимости от возможностей погребавших. Иногда довольствовались

одним саваном или циновкой. Бедные могилы были неглубокими ямами, могилы побогаче и богатые усыпальницы — настоящими подземными домиками или домами. Средоточием таких гробниц был собственно склеп — опочивальня умершего (иногда ко гробу добавляли настоящее ложе). Около располагались кладовые с запасами, а у лиц особо высокостоящих — иногда еще каморки для трупов челяди. Последняя погребалась также отдельно окрест гробницы своего господина, у царей целыми мертвыми поселениями — в длинных подземельях, разделенных на комнатки. Надземные части гробниц на разных кладбищах устраивались по-разному. На царском кладбище около верхового города Эбота (греческого Авидоса) усыпальницы властителей еле выдавались из земли, и главным их признаком были двойные плиты-столбы с именами погребенных. Маленькие плиты вокруг отмечали могилы приближенных. На других кладбищах любили увенчивать не только богатые, но и более скромные гробницы внушительными надстройками, снаружи подобными дворцам и домам, со стенами, убранными наподобие замковых, чередующимися выступами и впадинами. Словно для довершения сходства с усадьбою, богатую усыпальницу ставили иногда посреди огражденного двора или даже окружали садом — древесными насаждениями.

Камень применялся только частично и далеко не везде; надстройки и лестницы в подземелье складывались из сырца, из него же бывали внутренняя облицовка, переборки и своды склепов; прямые перекрытия их, подпоры и обшивка изнутри бывали деревянными. Тем не менее, при скудости осадков, необычайной сухости воздуха и положении на краю пустыни, гробницы эти могли рассчитывать на «*вечное*» существование. В царских усыпальницах с внутренней деревянной обшивкой устраивались еще особые подполья для предотвращения сырости.

Заботливо сооружая навеки жилища своим мертвецам, современники двух первых царских домов не менее ревностно пеклись о предоставлении обитателям могил всего, в чем они нуждались и что любили при жизни. В могилу клали еду и питье, обстановку и утварь, украшения и игры, снаружи творили непрестанно поминки. У царских гробниц местом для поминальных приношений были, вероятно, столбы-плиты с именами властителей; у некоторых частных гробниц той же цели служило углубление в боку надстройки, знаменовавшее, должно быть, дверь, через которую мертвец общался с миром живых. Но, возможно, у царей существовали и особые поминальные каплицы: обломки каменных сосудов, помеченные именем «*усадьба двойника*» одного из первых царей II царского дома, найденные в гробнице некоего его преемника, проще всего понять как остатки утвари подобной каплицы. На кусках каменных сосудов более раннего времени в связи с именем последнего царя I дома упоминается жрец, часто действовавший впоследствии в качестве заупокойного. Потому, возможно, уже при этом доме у мертвых царей имелось свое особое жречество.

з. Волшебство. В ходе предыдущего изложения доводилось неоднократно касаться волшебства: стрелоподобная Нэйт пользовалась всенародным почитанием, по-видимому, в силу чаявшейся от нее волшебной защиты, изглаживание имени и изображения губительно отзывалось на самом человеке, кирпичная ладья уносила мертвеца в небесное плавание. Несомненно, заклинания были в общем употреблении. Среди надписей позднейших пирамид сохранилось заклинание даже много древнее I царского дома, так как направлено оно против царей Низовья и могло возникнуть только до объединения страны. При II царском доме упоминается особый жрец, известный впоследствии как чародей и чтец заклинаний. Само слово «*чары*» *хикэ*, настолько любезное чародействующему Египту, что он даже превратил его в имя нарочитого божества, упоминается в связи с Нэйт уже при I царском доме и в неясной связи даже с таким сухим источником, как летописный перечень названий лет того времени.

В. Наука

а. Счет и мера. На самой заре Раннего царства египтянин умел уже великолепно считать, нисколько не затрудняясь крупнейшими числами. На одном из тогдашних памятников написано: «крупного рогатого скота — 100000, мелкого — 1422000, пленников — 120000». О большом навыке в счете может свидетельствовать и существование для больших величин особых слов: ***тээбэ*** 10000, ***«хфн»*** 100000, ***хах*** 1000000 вместо составных обозначений вроде «*десять тысяч*», «сто тысяч», «тысяча тысяч». Памятники основателей Раннего царства доказывают также, что способ счисления и знаки для чисел вплоть до 1000000 к началу I царского дома были уже полностью выработаны.

Счисление было строго десятиричным, т. е. числа делились на последовательные разряды, из которых каждый высший был больше предшествующего ему низшего в десять раз: единицы, десятки, сотни, тысячи и т. д. Для каждого разряда имелся особый знак. Единицу, естественно, обозначала палочка; знаком для высших разрядов служили письмена, изображавшие существа и предметы, чьи названия содержали те же согласные, что и названия соответствующих величин. Изображением пальца, например, 10000 писали потому, что «палец» и «десять тысяч» имели одни и те же согласные. Таким способом, десятку писали дугообразными путами, сотню — завитой веревкой, тысячу — листом водяного цветка, 10000 — большим пальцем, 100000 — головастиком, 1000000 — изображением одного из древних богов с воздетыми руками. Если число содержало несколько величин одного разряда, разрядовый знак повторяли надлежащее число раз. Так, для 300 писали три веревки, для 20000 — 2 пальца, для 400000 — 4 головастика.

Судя по старостистской летописи, под Ранним царством пользующейся

дробями в примечаниях об уровне реки, по меньшей мере, некоторые дроби были употребительны уже при первых царских домах.

Меры длины, в которых староегипетская летопись указывает уровень реки для I и II царских домов, те же, что употреблялись впоследствии. Это локоть, ладонь, палец — простые меры, производные от руки самого измерителя.

б. Летосчисление. Уже в отрывке, посвященном одному из первых царей I дома, староегипетская летопись орудует тремя единицами времени: днем, месяцем и годом. Поскольку в разделе Старого царства летописец пользуется годом из 12 месяцев, в 30 дней каждый, и 5 добавочных дней, год и месяц должны были иметь у него ту же продолжительность и в разделе о Раннем царстве. Неясно однако, что лежало в основе гражданского года: ежегодный ли разлив реки, начинающийся в среднем в одно и то же время, годичный ли круговорот солнца или ежегодное воссияние Песьей звезды (Сириуса) на утренней заре после временного исчезновения, как то было впоследствии. Жизненное значение разлива для хозяйства и засвидетельствованные летописью тщательные наблюдения и запись из года в год уровня реки уже при первых царях I дома предрасполагали бы в пользу «речного» года, если бы только он не предполагал такого хитрого дела, как выведение средней продолжительности времени между двумя подъемами воды из весьма разновременных подъемов ее в определенные годы.

Единой отправной точки, от которой бы в восходящем порядке считались годы, фараоновский Египет никогда не знал. Как показывает староегипетская летопись и подтверждают помеченные годами деревянные и костяные ярлыки царского дома, Раннее царство делило время на царствования и в пределах царствований каждому году давало свое название по особо достопримечательным событиям. Так, например, у одного из царей I царского дома был год «*поражения варваров*», за ним год «*воссияния верхового царя — воссияния низового царя, празднества тридцатилетия* (царствования)», а через несколько лет — год «*открытия пруда "Мест богов"*», «*стреляния бегемота*», затем год «*воссияния низового царя*», «*первого случая бега священного быка*» и т. д.

в. Наблюдение природы. Что бы ни лежало в основе гражданского года в Раннем царстве: половодье или движение светил, то и другое требовало долгих предварительных наблюдений, раньше чем определить по ним продолжительность года. Староегипетская летопись приводит ежегодно под I и II царскими домами данные о наивысшем уровне реки. Это — вещественный след наблюдений и записей, ведшихся из года в год в течение столетий с самого начала Раннего царства с точностью поистине изумительной. Точность эта простирается иногда до мельчайшей меры — «*пальца*», более того — до долей его (точность до сантиметра!).

Замечательна также исключительная наблюдательность египтянина уже в Раннем царстве в отношении внешней стороны природных явлений. Уже при I царском доме он изображал звезды не многоугольными чертежами, а совершенно правильно крошечными кружками с прямыми лучами вокруг. В гробнице, современной основателю I царского дома, оказался целый набор рыб разных пород, вырезанный из слоновой кости; от первой половины Раннего царства и, может быть, кануна его дошли изображения разных видов жуков из камня и золота. Рыбы и особенно жуки выполнены с такой естественнонаучной точностью, что ей могли бы позавидовать современные определители этих животных.

г. Летописание. Поскольку отсутствовали числовые обозначения для лет, и их различали по принадлежности тому или иному царствованию и по происшествиям, указанным в названии каждого из них, для справок из области давнего и недавнего прошлого необходимы были списки царствований и наименований отдельных годов. Такие перечни правлений и лет для двух первых царских домов были позже Старым царством вработаны в его летопись, но дошли, как и прочие части этого свода, в скудных обломках. На подлинниках самого Раннего царства уцелели только разрозненные звенья цепи ежегодных обозначений — отдельные названия лет с сопроводительными царскими именами. Этими названиями обычно помечены дощечки черного дерева или слоновой кости, современные I царскому дому и продырявленные как бы для подвешивания в виде ярлыков, изредка так бывают помечены каменные посвятительные сосуды II царского дома. Хозяйственное и государственное делопроизводство приучало проставлять годы. Постоянное же по необходимости пользование списками царствований и лет было своего рода исторической школой для тогдашних грамотеев, так как путем его невольно усваивались имена царей, последовательность и продолжительность правлений, события и особенности прошлых времен.

Да и сами списки царствований и лет двух первых домов, в том виде, как их сохранила староегипетская летопись, не просто летосчислительные справочники, но преследуют и более широкие познавательные цели. В заголовках правлений указывалось, кроме имени царя, еще имя его жены или матери, летосчислительного значения не имевшее, а под каждым из погодных наименований стоит в особой клеточке наивысший уровень реки в соответствующем году, для летосчисления также безразличный. Наконец, длинный перечень предшественников I царского дома, предпосланный староегипетской летописью разделу о последнем, хотя и дает одни имена правителей без наименований лет, тем не менее содержателен, различая владевших всей страной и владевших еще одной половиной, и мог дойти до Старого царства только при посредстве Раннего. Все это вместе взятое, при насыщенности историей самих погодных наименований, позволяет говорить о летописании Раннего царства, пускай сухом и сжатом, но все-таки хотевшем быть повестью о былом. Более того, сами на-

звания, прилагавшиеся годам по знаменательным событиям, служили не только летосчислительным нуждам, но и увековечению прошлого: иначе, к чему было перегружать эти названия упоминанием событий, заведомо повторяющихся и выглядящих совершенно одинаково в разных годах (например, род повинности «сопровождение Хора»), так что различить по ним годы было невозможно, или, наоборот, называть несколько ярких событий, когда одного из них хватило бы для обозначения года!

Г. Зодчество

Поскольку с производственной стороны вопрос толковался в разделе о строительном деле, а о сооружениях нарочито духовного или полудуховного назначения, храмах и гробницах, говорилось в соответствующих разделах, в отделе об искусстве остается только рассмотреть строительство с художественной стороны.

Это рассмотрение, правда, сильно затруднено недостатком данных о гражданском и храмовом зодчествах, кладбищенское же зодчество в ту пору еще не заботилось о художественной отделке своих подземных частей и только надземные части являли некоторые образцы ее, обычно, однако, весьма однообразные.

Излюбленным приемом художественного членения лицевых поверхностей было частое чередование на них отвесных выступов и отступов, причем каждый из них мог состоять из нескольких, последовательно сужающихся, и, хотя достигалось это простым наращением или выемкой кирпича, впечатление создавалось богатой отделки. Так отделаны лицевые стороны многих гробничных надстроек, больших и скромных, которые иначе оставались бы глухими прямоугольными возвышениями из необожженного кирпича. Надо думать, гробницы, вечные дома умерших, подражали в данном случае жилым постройкам, в первую очередь дворцам. Лицо дворцовых построек, в прямоугольный чертежик которых вписывалось в надписях царское имя, было определенно расчленено отвесными выступами и выемками. Происхождение подобной отделки надо искать в крепостном строительстве, где выступы в черте стен позволяли обстреливать подступившего вплотную врага не только в лицо, но и с боков. Однако в том виде, как стены и выступы бытовали в дворцовом и гробничном зодчествах, они явно не должны были напоминать крепость и были рассчитаны на художественное впечатление. Это доказывается как частотою их, которая у крепости ненужно и вредно растягивала бы черту обороны, так и помещением их порой на одной передней стороне, что у крепости было бы не менее странным.

Оборонительного происхождения, надо полагать, и башнеобразные продолжения выступов за черту кровли, наблюдающиеся иногда на упомянутых чертежах с царскими именами. Если сами выступы членили гладь дворцовой стены, то выдававшиеся за нее верхушки скрашивали однообразие ее верхнего края. Был и другой способ убранства дворцовой кровли — яйцевидными украшениями, выстроенными в ряд остриями вверх.

Однако все эти внешние прикрасы не меняли основы здания: надстройки гробниц и, надо думать, дворцовые постройки оставались прямоугольными глыбами кирпича, только поверхностно приукрашенными. Тем не менее, иногда зодчие Раннего царства дерзали на художественную переделку основы. Установившимся видом гробничной надстройки была высокая кирпичная гряда, прямоугольная в основании, и вот, в одной богатой усыпальнице на кладбище Мэнфэ еще при I царском доме была сделана попытка заменить гряду уступчатой башней — настоящей ступенчатой пирамидой, — путем установки одной на другой нескольких кирпичных гряд, мельчавших по мере подъема.

Судить о внутренней отделке дворцов и особняков по внутренним помещениям усыпальниц почти невозможно, так как подземные склепы почти никогда не украшались, а помещения в надстройках украшались лишь изредка. Тем не менее, и здесь встречается побелка, узорная стенопись, окраска в красный цвет двереподобных углублений (ворот в потусторонний мир?), надписание именами владельцев. Очень любопытны цветные муравленные (глазированные) кирпичи, находившиеся на царском кладбище и явно приспособленные для вставки в стену. Поскольку выложенных ими стен в современных гробницах не найдено, можно думать, что уже при I царском доме такой облицовкой блистали дворцовые покои.

Трудно сказать, наружными или внутренними были каменные двери последнего царя II дома в государственном храме в Нехене. Каменные плиты-столпы с именами царей водружались над их плоскими могильными насыпями при обоих первых домах, и от времени I дома дошло множество плит с именами частных лиц, отмечавших также снаружи места их погребений. Потому те двери могли быть обращены наружу высеченными на них царскими именами, однако с другой стороны тех же дверей было также высечено множество изображений.

Образцов того, что ныне именуется колонной, от Раннего царства не сохранилось. Деревянные столбы, простые или с кирпичной обшивкой, подпирали потолки царских усыпальниц, но нет оснований считать, что они были некогда как-нибудь изукрашены. Тем не менее, художественно отделанные столбы существовали уже при I царском доме. Так, тонкие столбики, поддерживавшие сень над царской головою, могли иметь воронкообразые верхушки, судя по изображениям одного из царей середины этого дома. Еще любопытней обломки каких-то предметов, подражавших, возможно, действительным столбам, с продольными вогнутыми желобами, совсем в духе древнегреческих так называемых дорических колонн. На другом таком же столбике из слоновой кости, но уже последних дней II царского дома, вместо желобов, продольные округло-выпуклые полосы — как бы в подражание настоящим столбам в виде связки растительных стволов. Такие столбы, равно как и «дорические», хорошо засвидетельствованы многочисленными подлинниками уже для самого начала Старого царства.

Наряду с круглым кирпичным, а также, возможно, плетеным сводом, уже на заре Раннего царства в легких постройках применялся своеобразный чисто «египетский» полусвод, округло приподнятый спереди и плавно скошенный назад. Верх построек уже при I царском доме увенчивала иногда перегибавшаяся вперед надставка (карниз) — вероятно, воспоминание о составлявших некогда стены тростниках, с наклоненными вперед свободными верхушками. Как устраивались скошенные полусводы и выгнутые выкружки в Раннем царстве — неизвестно: те и другие известны только по изображениям.

Для сознательности тогдашнего зодческого творчества чрезвычайно показательны последовательные резкие изменения основного художественного замысла в одной и той же постройке, творческие колебания и искания строителя и, возможно, вместе с ним заказчика. Выше упоминавшаяся уступчатая надстройка над вельможным склепом конца I царского дома была первым смелым замыслом строителей и была осуществлена сперва в наиболее четком последовательном виде: уступ громоздился на уступе, начиная с самой почвы, равномерно мельчая кверху. Не вполне изменил своему первоначальному намерению древний зодчий при первой перестройке своего создания, когда низ его был обстроен широким прямоугольным возвышением из кирпича и одни верхние уступы, в виде небольшой башни, выведены наружу. Новая перестройка знаменовала отказ от дерзаний, возврат к обычной надстройке в виде прямоугольной кирпичной гряды, в толще которой была полностью погребена уступчатая башня.

Как ни плохо известно зодчество Раннего царства, теперь все-таки несомненно, что оно в значительной мере предопределило последующее. Это зодчие I царского дома создали уступчатую пирамиду, точь-в-точь такую же продолговато-прямоугольную, как знаменитая ступенчатая начала Старого царства, и разработали гробничную надстройку в виде прямоугольной гряды, сплошную и полую, удержавшуюся затем на долгие века и известную под арабским названием *мастаба* «скамья». Это они уже придавали стенам снаружи внутренний наклон и членили их отвесными выступами, облицовывали изнутри муравленным кирпичом и расписывали узорами, применяли круглые своды, скошенные полусводы и выгнутую выкружку. Это они предвосхитили «дорический» столп с воронкообразной («папирусной») верхушкой. И они уже воздвигали подле царской усыпальницы ладью солнца. II царский дом как будто бы прибавил к этому каменные двери с надписями и многоярусными изображениями.

Д. Изобразительное искусство

а. Предварительные замечания. Отличительные признаки египетского изобразительного искусства, его основные установки и приемы, определявшие его своеобразие в течение последующих трех с лишним тысячелетий, к началу Ран-

него царства уже определились. В отличие от письма, становление изобразительного искусства в предшествующую пору частично может быть прослежено, и совершенно ясно, что сложились его установки и правила не только не единовременно, но, наоборот, разновременно — одни раньше, другие позже. К началу Раннего царства это развитие было по существу закончено, и художникам двух первых царских домов оставалось совершенствовать лишь свое исполнительское мастерство в смысле большей верности природе и четкости очерка. Это совершенствование шло так быстро, что уже при втором царе I дома плоскостные изображения делаются вполне «египетскими», и «египетское» изобразительное мастерство, как некое слитное единство своеобразных изобразительных приемов и предельно четкого владения очерком становится здесь непререкаемой действительностью; в круглом ваянии, как будто бы это было достигнуто еще раньше. Отсюда однако не следует, что изобразительное искусство в целом оказалось на уровне последующих времен. Для времени I царского дома как раз показательна крайняя неравномерность художественного достоинства работ. При самом дворе, наряду с подлинным мастерством, цвела и как будто бы даже преобладала над ним явная беспомощность и небрежность. Так, при втором царе I дома терпелись два способа изображения царского бога-сокола: старый неверный, приплющивавший и растачивавший птицу, и новый верный, придававший ей прямую осанку, и это наблюдалось не только на однородных памятниках, но даже в одном и том же: в царском запястье золотые звенья изображали сокола по-старому, а бирюзовые по-новому. Из царствования в царствование надгробия придворных и слуг, стоявшие окрест царских, оставались обычно камнями неправильных очертаний, чаще всего с корявыми письменами и изображениями, царские же надгробия правильно отесывались и надписывались такими письменами-изображениями, что их не постыдились бы лучшие мастера последующих времен.

б. Круглые изображения. От времени I и II царских домов сохранилось очень немного изваяний большого и среднего размера; те, что уцелели, все из камня, хотя из летописи известно, что при последнем царе II дома было изготовлено царское изображение из меди; поскольку, однако, в честь этого события был назван целый год, подобные изделия должны были быть в диковинку. Значительно больше сохранилось мелких изображений людей и животных из слоновой кости, каменных и поливных, относящихся, вероятно, в большинстве своем ко времени около начала Раннего царства. Качество исполнения этих вещиц, равно как и крупных изваяний, весьма не одинаково, и при отсутствии достаточного числа образцов для разных отрезков Раннего царства толковать о судьбах круглых изображений при первых двух царских домах, по меньшей мере, затруднительно.

Несомненно, что при II царском доме царские изваяния бывали изваяны почти так же умело, как рядовые произведения такого рода в Старом царстве:

уверенная посадка царя на престоле, тонкая отделка лица, соразмерность головы, туловища и конечностей делают честь мастеру; только некоторая приземистость и толстая шея заметно отличают ранние образцы от позднейших. Каменное изваяние частного лица, надписанное по плечу именами трех царей II дома, изображало, судя по коленопреклоненному положению, скорее всего, их жреца и могло быть современным этому дому. В таком случае большеголовый истуканчик очень невыгодно отличался бы от современных царских кумиров, однако точь-в-точь такое же различие наблюдалось между изваяниями царскими и большеголовыми простых смертных еще в первые десятилетия Старого царства.

Трудно сказать с достоверностью, как обстояло дело с людскими изваяниями при I царском доме, только каменная песьеголовая обезьяна (павиан), современная основанию Раннего царства, великолепна и предполагает длительный навык в подобного рода работах. Что каменное ваяние к тому времени, действительно, имело за собою долгий опыт, доказывают большие каменные кумиры Мина, бога верхового города К (греческого Коптоса), воздвигнутые там задолго до I царского дома. Если б было позволено заключать о крупных изображениях на основании мелких, то можно было бы предположить, что у той обезьяны имелись достойные соперники среди человеческих изваяний. Верховый царек из слоновой кости, в узорчатом плаще кануна Раннего царства, со старчески склоненной головою, худым лицом и острым подбородком по достоинству причисляется к сокровищам египетского искусства. Запоминаются также отдельные женские изображения и пленники из слоновой кости, но то, что привлекает современный глаз в перечисленных вещицах, может быть в значительной мере плодом случайного движения руки резчика, не только его преднамеренного творчества: вещицы — небольшие. У большинства мелких изображений, не исключая отмеченных царька и женщины, бросается в глаза непомерно большая голова, недостаток, которым страдает и выше упоминавшееся изваяние частного лица, и который присущ также многим мелким изображениям зверей и — что всего удивительней — иногда птиц и рыб. У большинства человеческих изображеньиц громадная голова дополняется невозможно короткими руками, чему у некоторых зверьков соответствуют крошечные лапы. Изредка бывало, правда, и наоборот, и ноги человечка вытягивались неестественным образом. Все это, конечно, не мешает искать в мелкой резьбе и лепке отражения больших замыслов, но принуждает делать это с большой опаской.

Одна любопытная черточка позволяет как будто бы уловить непосредственную причину указанных несоразмерностей. Художникам изумительно удавались изображения из камня, слоновой кости, дерева и золота жуков, скорпионов, раковин, колосьев, отчасти рыб, т. е. такой природы, которую можно было саму как предмет положить рядом и удобно воспроизводить. Люди же, звери и птицы, по-

стоянно меняющиеся при движении, изображались, очевидно, больше по памяти и без достаточных наблюдений. Такое качественное расхождение между изображениями переменчивой и непеременчивой природы, конечно, не свидетельствует о зрелости искусства в начале Раннего царства, однако нельзя забывать, что люди продолжали ваяться неверно рядовыми мастерами еще в начале Старого царства.

Какими бы недостатками ни страдало раннее мастерство, основные установки и приемы последующего ваяния были уже его установками и приемами, и в этом отношении оно действовало с полной последовательностью и уверенностью. Раннее изобразительное искусство не было самостоятельным явлением общественной жизни, не ставило себе собственных задач общественного значения, но служило главным образом потребностям тогдашней веры. Большинство ранних круглых изображений, крупных и мелких, храмового происхождения, меньшинство — кладбищенского. Касаясь представлений о душе, уже доводилось говорить, что для Раннего царства, совершенно так же, как и для последующих времен, изображение было в известном смысле тождественно с тем, кого оно изображало, заключало его в себе по существу, а не только по видимости. При таких воззрениях ваятель превращался в творца одушевленных подобий, вводил живые существа в каменную, медную или костяную плоть. Не могло прийти на ум изготовлять настоящее тело в каком-нибудь случайном для него положении, как оно привиделось художнику в данное мгновение; оно должно было быть изготовлено в одном из положений, ему постоянно свойственных, в спокойном, так сказать, «среднем» (безразличном) состоянии, таким, каким оно было само по себе. Повернуть или нагнуть голову, изогнуть стан, отвести в сторону ногу или руку у такого тела было бы не менее странным, чем изготовить в подобных положениях современную куклу, тоже заместителя живого существа. Египетские изваяния — это живые куклы, живые для потребителя не условно, а по-настоящему, и, поскольку их не носили в руках, а ставили на место, — сидячие, стоячие и идущие. Отсюда однообразие положений и неподвижность египетских изваяний, маловыразительные —«кукольные» — лица, уставленные прямо вперед, строго соразмерное расположение тела по бокам средней его оси, без уклона вправо или влево, прямые спины. Все эти черты, отличавшие изваяния в Старом царстве, были присущи им и в Раннем, и почти всегда в пору, ему непосредственно предшествовавшую. Ограниченный запас положений, имевшийся в распоряжении ваятелей Старого царства, был в значительной мере исчерпан их предшественниками: изображения, сидящие на седалищах или коленопреклоненно на земле, стоящие с сомкнутыми ногами или выставленной левой имеются уже среди произведений Раннего царства и предшествующей поры. Также и руки располагались тогда совсем по-староегипетски: спокойно свисали по бокам туловища, прижимались к груди или клались на колени. Старосгипетской была и нелюбовь к пустотам между частя-

ми тела в каменных изваяниях — скорее всего, в видах большей прочности; у костяных изображений — совершенно так же, как у деревянных в Старом царстве, — в этом отношении допускалась большая свобода, и конечности нередко вырезались раздельно. Трудно сказать, в какой мере Раннее царство предвосхитило Старое по части раскраски круглых изображений. Такая раскраска была только последовательным выводом из представления об изваянии как живом существе (куклы ведь тоже раскрашиваются!), но даже в Старом царстве, где она была общепринятой, особо выигрышные породы камня обходились без нее. На обломке изваяния времени I царского дома видны нанесенные краской подробности (ожерелье из цветных бус).

Как ни мало количество круглых изображений, дошедших от Раннего царства, можно все-таки думать, что именно в нем были окончательно осознаны и укреплены правила для их изготовления. Хотя подавляющее большинство изображеньиц из слоновой кости, вырезанных накануне Раннего царства, этим правилам вполне отвечает, такая вещица, как верховый царек, им явственно противоречит своею по-старчески нагнутой шеей и пониклой головой, — и это, несмотря на сан изображенного лица и посвящение в государственный храм. Среди уцелевших изваяний доподлинно Раннего царства подобных отступлений не наблюдается; правда, наличных памятников недостаточно для уверенных умозаключений.

в. Изображения на плоскости. Изображений на плоскости, вырезанных выпукло или врезанных по очерку, дошло от Раннего царства и непосредственно предшествующих десятилетий значительно больше, чем изображений круглых. Значительное само по себе, число плоскостных изображений возрастает до бесконечности, если к ним присоединить еще современные письмена, а делать это можно и должно, так как знаки письма изображали существа и предметы по тем же самым правилам, что и изображения в собственном смысле слова. Стенопись от Раннего царства сохранилась как будто бы только узорная, но то, что она частично, несмотря на раннее происхождение — время I царского дома — предвосхитила гробничные же узорные росписи начинающегося Старого царства, может косвенно свидетельствовать в пользу такой же преемственности в области живописи изобразительной. Применение изобразительной стенописи в Раннем царстве при отделке дворцов и частных жилищ достаточно правдоподобно, поскольку такая живопись, с одной стороны, была известна задолго до него (росписи внутри некоего здания верхового города Нехена), с другой стороны, была употребительна, и притом прекрасно исполняема, в гробницах начала Старого царства. Однако пока что в качестве образца живописных изображений приходится довольствоваться больше письменами, выписанными подробно краскою, что изредка попадаются на памятниках времени I царского дома. Таким образом, основанием для суждения о раннем плоскостном изобразительном искусстве служат

плоско-выпуклые и врезанные изображения и письмена. Первые находятся преимущественно на больших или особо богатых предметах (на скалах, дверях, надгробиях, памятных плитах, различных изделиях из слоновой кости, реже на каменной посуде или поливных поделках), вторые встречаются обыкновенно на небольших вещах (на ярлыках черного дерева и слоновой кости, на каменных печатках, каменной и поливной посуде, на золоте) и только изредка на крупных (на каменных изваяниях).

Наличные данные достаточно обильны, чтобы по ним можно было проследить рост мастерства в исполнении изображений на плоскости в Раннем царстве. В изображениях кануна его и самого его начала бросается в глаза несоразмерность частей человеческого тела: нередко велики головы, толсты и коротки шеи, длинны ноги, и обычно непомерно малы руки. Этот недостаток был, несомненно, широко распространенным явлением, так как он наблюдается на самих царских памятниках, притом особо торжественных, принесенных в дар государственному богу. Очень любопытно, что перелом наступил внезапно, словно с утверждением I царского дома художники сразу научились более правильным изображениям. Уже при втором представителе этого дома изображения царя, притом на такой ничтожной вещице, как ведомственная печатка, не оставляют желать ничего лучшего со стороны соразмерности и стройности телосложения, равно как и многие человеческие изображения середины и конца I царского дома, не говоря уже о современных II-му. Это не значит, что с распространением правильных изображений несуразные человечки вовсе исчезли из искусства I царского дома, из общего порока они превратились в недостаток отдельных мастеров. Несовершенных же человеческих изображений на плоскости, обязанных своим происхождением недостаточной сноровке изготовителя по части общественных художественных навыков, было сколько угодно и в последующие тысячелетия. Сказанное применимо и к изображениям животных. Сокол, птица государственного бога Хора и тождественного с ним царя, несмотря на частоту воспроизведения, оставался в начале I царского дома приземистым, приплюснутым, с неестественно задранным хвостом. При втором же царе I дома к такому способу изображения присоединяется новый — появляется сокол с выпрямленной осанкой и опущенным хвостом, и, начиная со следующего царствования, становится единственно принятым.

Было бы, однако, вряд ли правильным все, в чем художники на заре Раннего царства грешили против правды, по сравнению с последующими его десятилетиями, относить безоговорочно за счет неумелости. Поражая поверженного врага, царь на изображениях середины и конца I дома действительно обрушивает на голову несчастного свою занесенную булаву: все туловище царя стремительно нагнуто вперед. На тождественном изображении, но изготовленном на заре Раннего цар-

ства, победитель стоит совершенно прямо, точно даже не видит поверженного им же врага, и, хотя в занесенной руке смертоносная булава, удара никакого не получается. Объяснить неуместную осанку царя неумением художника передавать согнутые положения и движенье будет довольно трудно, потому что в том и другом нет недостатка на самом памятнике. Объяснение дает изображение предшественника этого воителя за более мирным занятием: обрядовой копкой земли. Пристрастие художника к движениям здесь неоспоримо: лихо пляшут у него вереницей плясуньи, хлопая себе в лад в ладоши, с изумительной стремительностью суетятся работники у воды, нагнувшись предстоит царю помощник с корзиной, но царственный землекоп высится прямо и неподвижно и своей мотыгой никак не может достать до земли. Очевидно, боялись изображать властелина склоненным, и делает честь искусству последующих десятилетий, что оно эту боязнь превозмогло в угоду художественной правды.

Но не только в отношении верности природе начало I царского дома было поворотною точкою в развитии плоскостного изобразительного искусства: это время было ознаменовано также поразительными достижениями касательно тонкости и уверенности работы и расположения изображения. Если уж при втором представителе этого дома наблюдались большие достижения, надгробие третьего являло имя его: сокола, стоящего на чертеже дворца со вписанным знаком змеи, в исполнении, превосходящем всякие ожидания. Замечательны не только твердость и четкость очерка; тщательность работы и мастерское сочетание строгого в своей простоте сокола — без подробностей оперения — с роскошно, до мелочей отделанным лицом дворца, замечательна также смелость расположения надписи-изображения внутри обрамления: средняя отвесная ось проходит изумительно точно через «сердце» сокола, середину змеи и среднюю башню дворца, и тем не менее не эта ось является средней для окаймленного поля; было бы только естественно расположить в середине прямоугольной, слегка закругленной вверху рамки стоячий же прямоугольный чертеж дворца, но дворцовый прямоугольник смело сдвинут влево, так как средоточием изображения сделан сокол, расположенный в середине поля на одинаковом для художественного восприятия расстоянии от боковых каемок — примечательно, что на расстоянии, одинаковом для общего впечатления, не измерительно! В лице этого надгробия Раннее царство оставило нынешнему времени неоспоримое свидетельство о своей зрелости в изобразительном искусстве плоскости.

Было бы неудивительно, если, приближаясь к своим преемникам по мастерству исполнения, ранние художники пользовались бы одинаковыми с ними приемами для нанесения изображений на плоскость. В одном отношении это может быть доказано с полной достоверностью, притом еще для времени I царского дома: на надгробии сановника не только надпись, но и его изображение были плоско

вырезаны по предварительно нанесенным краскою наброскам — в данном случае даже проверенным, так как наметки сделаны черной и красной краской. Следует также заметить, что задолго до Раннего царства в стенописи Верховья изображения очерчивались красной чертой и внутри этого очерка раскрашивались, живо напоминая тем самым староегипетскую живопись с ее приверженностью к черной или цветной обводной черте.

Если по части верности природе и исполнительской умелости наблюдается большой и внезапный сдвиг во второе-третье царствования I дома, то основные установки и приемы египетского изобразительного искусства на плоскости были готовы ко времени воцарения этого дома. Они не были единовременным изобретением кануна Раннего царства, но, как показывают предшествующие ему памятники, выработались не одновременно, одни — раньше, другие — позже.

Хотя в установках и приемах изображения на плоскости своеобразие египетского искусства сказалось ярче, чем в его подходах к круглому изображению, последнее, однако, как будто бы было отправной его точкой при подходе к плоскостному изображению, и что было сказано о том, в значительной мере приложимо и к этому. Что изображения «жили» в сознании Раннего царства, было выше показано на примере плоскостных, но, несомненно, плоскостное изображение никогда не могло быть таким точным или полным воспроизведением живого тела, как изображение круглое. Поэтому в египетской древности плоскостное изображение никогда не могло вытеснить и сполна заменить круглое ни в храмовом, ни в кладбищенском употреблении: круглое изображение было и оставалось основным «телом». Плоскостное изображение можно удобно понять как распластанное на плоскости круглое, как круглое, вынужденно обращенное в плоскостное, или — что то же, но лучше подходит к египетскому мышлению — как распластанное в плоскость действительное тело, как тело, имеющее длину, ширину и глубину, втиснутое таким, как оно есть, с действительной, а не кажущейся глубиною, в плоскость, глубины по необходимости лишенную.

Как могло быть осуществлено такое превращение? Если представить себе человека (или куклу), лежащим вверх лицом на плоскости, то одни части тела, как глаза, плечи, кисти рук, безо всякого затруднения могут быть в таком положении отображены на ней, так сказать, сами собой укладываются в нее; наоборот, другие части тела, как голова или ноги, образуют неподатливые выступы, высовываются из плоскости. Стоит однако такие непокорные части тела положить на бок, заставить их выступать не из плоскости, а в ней или по ней, как они тоже сами собой улягутся в плоскость, станут тоже плоскостными. Художнику оставалось только сочетать в одно стройное целое отображаемые в плоскости то впрямь, то сбоку части, и это делалось с достаточной ловкостью много раньше воцарения I дома. Создавался образ, если вдуматься, причудливый, но внешне складный и

главное понятный, легко воспринимавшийся: голова дана сбоку, но глаз на ней впрямь, плечи спереди, ноги сбоку, с поясницы до пят. При этом допускалась одна малозаметная, но занятная странность: у обеих ног ступни подавались одинаково со стороны большого пальца. По существу своему, то была безобидная уловка с целью избегнуть показа ближней ноги со стороны малого пальца. «Лесенка» её пяти пальцев явно вела в глубину, а не стелилась по плоскости.

Значительно проще обстояло дело с животными, так как в большинстве случаев они укладывались целиком или почти целиком в плоскость под одним и тем же углом зрения, обычно боковым, реже прямым. Лев, например, целиком «ложился» в плоскость в боковом виде, только глаз приходилось добавлять впрямь, зато у быка при таком виде не укладывались в нее рога, и их распластывали на ней под прямым углом зрения. У сокола голова, глаз, туловище прекрасно умещались в плоскости в боковом виде, но хвост лопаткой требовал подачи снизу, т. е. впрямь; у совы из плоскости выпирало круглое «лицо», и его давали спереди. Рыбы по самой своей природе плоски сбоку; но широкоголовому сому приходилось укладывать голову под прямым углом к туловищу, так как только при виде сверху она умещалась в плоскости. Сам скорпион легко отображался на плоскости сверху, но его задранный крючковатый хвост далеко высовывался из нее, и его приходилось класть на бок.

К неодушевленным предметам подход был тот же. Возвышение со ступенями нетрудно было «приплюснуть» в боковом разрезе до уровня плоскости, но того же никак нельзя было сделать с клетчатой игральной доской, уставленной пешками: оставалось только изобразить доску сверху, а пешки сбоку, и, так как они стояли *на* ней в действительности, выстроить их в ряд *на* верхнем крае изображения.

Последний пример показывает, что действительные соотношения в пространстве рабски переносились на изображение на плоскости, и это было только закономерно, если на ней распластывались действительные предметы, а не набрасывались только зрительные впечатления. Сходным образом поступал художник, когда ему надо было изобразить на плоскости предметы, непосредственно друг с другом соединенные, но расположенные один позади другого. Если на плоскости располагались «сами» существа или вещи, то чем ниже были они на изображении, тем ближе были они к изобразителю, и, наоборот, чем выше были они им помещены, тем дальше они от него отстояли. Обезглавленные трупы царских врагов, изображенные друг над другом, отнюдь не лежали грудой один на другом, а были распростерты каждый отдельно на земле рядом с соседним, как то показывают отсеченные головы, положенные между их ног; нижние трупы были ближайшие, верхние — наиболее отдаленные. Совершенно так же и живые, стоячие, люди располагались рядом или в одиночку друг над другом, и верхние были более далекими, нижние более близкими. Египетское изображение в восприятии его со-

здателя можно уподобить доске, на которой кто-нибудь разложил бы плашмя оловянных солдатиков и затем поставил бы их на ноги: солдатики, лежавшие ниже, оказались бы стоящими ближе, а лежавшие над ними очутились бы, встав-ши, позади них. Отличительною чертою египетских плоскостных изображений было обыкновение ставить существа и вещи, поданные в основном в боковом виде, на черту, знаменовавшую почву под ними, и эта черта подводилась также под изображения или ряды изображений, помещенные выше, т. е. позади или дальше других. Два ряда царских слуг, стоявшие рядом, изображались, например, друг над другом, каждый со своей особой подножной чертою. Если, однако, предметы были поданы сверху лежащими на земле один подле другого, черты под верхними, т. е. более дальними не полагалось. Так, обезглавленные трупы, хотя и расположены друг над другом, но никакими чертами не разделены, будучи изображены сверху.

Перенесение действительных пространственных положений в изображение на плоскости не означало, однако, соблюдения соотношения между изображениями по размеру. Изображение все равно не передавало действительных размеров, и более важному естественно уделялось больше места: ведь это существенное как раз и было необходимо изобразить, и оно получалось куда больше, чем второстепенное. На победном памятнике царь и поражаемый им противник выглядели оба исполинами по сравнению с крошечными человечками из царского сопровождения. Разрушаемые крепости, изобразить которые полностью не было возможности, получались ничтожно малыми по сравнению не только с разрушителями, но и с собственными кирпичами, из них сыплющимися.

Не подлежит сомнению, что многое в египетском изобразительном искусстве на плоскости напоминает современное детское, и это, конечно, не случайность. Если египетские круглые изображения были по-взрослому живыми куклами, то их распластанные, плоскостные двойники были по-взрослому сознательными и продуманными «детскими рисунками». Ведь дети в некоторой мере тоже изображают окружающее таким, каким они его знают, а не таким, каким оно видится в данное мгновение, с данного места, при данном случайном взгляде на него; дети тоже отчасти укладывают в плоскость больше, чем в ней закономерно может уместиться, частично распластывают на ней круглое тело (ср. вывернутые в стороны ступни у человеков впрямь или глаза, видные спереди в головах, показанных сбоку, в особенности же подачу головы и ног сбоку при плечах, развернутых впрямь). Но за сходством нельзя забывать глубокого отличия египетского творчества от детского. «Египетские» черты в детском искусстве естественны, но не закономерны, возможны, но не обязательны, понятны, но не предуказаны, они в нем случайные частности, не увязанные между собою в единое целое. Если искать на египетской почве действительного соответствия детскому искусству, придется отойти значительно дальше в глубь веков за преддверье Раннего царства. Там в

стенописи и на расписной посуде найдутся действительно изображения, выполненные по-детски: плечи будут даны впрямь, голова и ступни сбоку — в этом росписи сходны с позднейшим искусством, — но не будет того плавного перехода от развернутых плеч к повернутым вбок ногам, который так отличителен для «египетского» изображения и создает из противоположностей идеальный образ, подлинно распластанное, а не исковерканное тело: стенописи по-детски покажут впрямь не только плечи, но и грудь и верх живота во всю их ширину, чтобы, начиная от пояса, круто изменить угол зрения и дать ноги сбоку, посудные же росписи сделают это уж вовсе не последовательно, давая таз у мужчин сбоку, у женщин — в отличие от стенописи — дадут его спереди. Тщетно будет в тех росписях, как и в детском искусстве, искать того своеобразного складывания развернутых плеч пополам, которое в настоящем «египетском» изображении было возможно именно в силу четкого осознания плоскостного изображения как распластанного круглого. Там, где как раз можно было бы ожидать «сложенные» пополам плечи — у связанных пленных, — стенописи трижды дадут плечи полностью развернутыми. По-детски беспорядочно и несвязно будут разбросаны по стене изображения: от передачи пространственных соотношений последовательностью ярусов не окажется и следа (черта под изображениями окажется только в одном, совершенно второстепенном месте).

От простоватых, поистине детских, полупервобытных росписей до насквозь сознательного и последовательного искусства Раннего царства расстояние очень большое, но оно было уже пройдено, когда воцарился I царский дом. Правда, последний отрезок пути — заключение пространства в последовательность ярусов — был покрыт совсем незадолго до этого события, тем не менее, канун Раннего царства уже видел готовое «египетское» искусство. Вышеизложенные особенности последнего были все изложены по памятникам, созданным на заре Раннего царства, и из них же были позаимствованы все примеры.

Было бы, однако, неосновательно полагать, что искусство I царского дома до конца развило лежавшую в основе его закономерность, сделало из нее все выводы. В таком существенном деле, как построение человеческого изображения, оно не осмыслило сполна самого существенного — перехода от развернутых плеч к повернутым вбок ногам, без чего не могло быть речи о полном распластании круглого тела, переводе его целиком в плоскость. Древнейшие стенописи, равно как и современные выпукло-плоские изображения, передавали иногда грудь так, что не могло быть никаких сомнений, что она представлена спереди (две груди, или двойное убранство, их оттеняющее). Староегипетское искусство, совершенно закономерно, такой заметный, особенно у женщин, выступ на теле, как грудь, давало на плоскости сбоку, притом только одну грудь, так как, покажи оно впрямь другую, плоскостность изображения была бы явно уничтожена. Искусство I царского

дома, судя по известным памятникам, остановилось на полпути между первобытной непоследовательностью и староегипетской закономерностью. Еще накануне I царского дома низ груди, спины и живот изображались так, что иначе назвать их, как изображенными сбоку, было невозможно. Тем не менее, художники того времени и последующих десятилетий, до конца I дома, не отмечали ни округлости груди, ни сосца, ни пупа на животе, словно не знали, где и как их поместить. Также в случае передачи рук наблюдалась некоторая непоследовательность. Ладонь и кулак легко, конечно, было отразить на плоскости впрямь — сверху или снизу, но рука хватающая или дающая требовала обязательно подачи сбоку. Но при такой подаче рука рядом своих пальцев явно «выпирала» из плоскости. Искусство Старого царства решало вопрос совершенно последовательно, показывая не только большой и указательный пальцы, но также остальные три, раскладывая их, так сказать, рядышком на плоскости. Раннее же искусство, по крайней мере, еще около времени воцарения I дома давало руку сбоку с тремя пальцами, скрытыми за указательными. В мире животных наблюдаются сходные явления. Даже совсем накануне воцарения I дома художники колебались еще между двумя передачами округлых рогов быка: непоследовательной, хотя и зрительно правильной, сбоку, и последовательной, хотя и зрительно неверной, впрямь. За скудостью данных нельзя решить, стали ли здесь художники I дома на последовательную староегипетскую точку зрения, но что они этого не сделали в случае змеи-аспида, может быть доказано. Аспида они упорно изображали сбоку, так что он выходил обыкновенной змеею, только со вздыбленным передом. Но отличительным признаком этого родственника индийской очковой змеи является расширение на шее, сбоку, однако, в спокойном состоянии не видное. Упущение ранних художников было исправлено как будто бы только при II царском доме, когда расширенную шею змеи стали закономерно изображать спереди, уложив ее тем самым в плоскость.

Если по изобразительному мастерству и закономерности плоскостное искусство двух первых царских домов отличалось от последующего староегипетского скорее количественно, чем качественно, стояло на его почве, но только еще не совсем твердо, то есть одна особенность, определенно качественно отличающая предшественника от преемника. Это — полупервобытная иносказательность. Несомненно, что изобразительное искусство еще накануне воцарения I дома справлялось с многолюдными сложными изображениями, и многие из этих последних по содержанию, а подчас и по исполнению, предвосхищали староегипетские. Поражение неприятеля, толпы пленных, захваченные у западных соседей, стада быков, овец и ослов, царские выходы, придворные торжества, обряды, совершаемые царем в присутствии двора, многолюдные охоты, доставка приношений — все это — изображения, так или иначе общие у раннего искусства со староегипет-

ским. Тем поразительнее приверженность первого к иносказательной передаче событий. В небольшой мере иносказательность допускалась, конечно, и в старо-египетском искусстве, но только совсем в подчиненном положении или так, что действительность отчетливо просвечивала через иносказательный покров (например, царь в виде льва топчет врагов, но у льва голова фараона). В раннем же искусстве иносказательность положительно преобладает, и это от кануна I дома вплоть до II-го включительно. То царь терзает врагов в виде льва, то бодает их во образе быка, то в обличье сома (Хор Сом) побивает их палицей; как лев, сокол или скорпион, он разоряет мотыгой вражьи твердыни, как сокол, восседающий на прямоугольнике со своим царским именем, принимает от своей богини-коршуна знак — опять знак! — воссоединения обеих половин царства; союзные царю области представлены их стягами, и у этих стягов оказываются руки, которыми они затягивают сеть на неприятеля или гонят пленников; те же знаки, вслед за царскими знаками, собственноручно разрушают мотыгами неприятельские крепости или представляют свои концы, что виселицы, для повешения царских недругов туземных и иноземных, знаменуемых опять-таки пиголицами и луками; царский бог-сокол влечет к царю на веревке непокорное Низовье в виде куска болотистой земли, возглавленного человеческой головою, через нос которой и продета веревка, и такой же головастый кусок земли знаменует зарубежный юг; поражение Низовья может быть представлено также пленником с отличительным для него кустом болотных растений на голове, поражаемым в лоб невидимой рукою. Последний пример или пример с царем Сомом могут в одинаковой мере считаться изображением и надписью, и, несомненно, привязанность раннего искусства к иносказательности коренится в первобытном полуписьменном-полуизобразительном рассказе о событиях. Преобладание животных образов в иносказательном изображении также заслуживает быть отмеченным. Хотя человекоподобные идолы засвидетельствованы для времен, предшествующих I царскому дому, и плоскостные изображения тогдашних богов в человеческом облике встречались и при этом доме, и особенно при II-м, цари, судя по наличным памятникам, не изображали себя общающимися со своими богами на человеческий лад, в резкое опять-таки противоречие Старому царству. Где рядом с ранними властителями показываются их божества, эти последние неизменно оборачиваются своими животными: соколом, коршуном, псом, возможно, двухголовым быком, не говоря уже об областных звериных и птичьих божествах-знаках, которые на древках, а то и спешившись, сопутствуют царственному предводителю. Но особенно примечательно, что и сам царь на этих изображениях зачастую оборачивается животным: львом, тельцом, соколом, в единичных случаях скорпионом и сомом. Последующее изобразительное искусство из этих чисто животных обликов удержало для царя одного сокола, да и то в полуписьменном-полуизобразительном применении. Во власти

животных образов над ранним искусством тоже нельзя не усмотреть первобытной черты. При II царском доме это животное засилие стало слабеть: к человеческим, животным и предметным образам египетских божеств прибавился новый, смешанный, где от животного оставалась одна голова, а туловище и конечности были уже вполне человеческими. Этому образу суждено было широчайшее распространение, и он знаменовал очеловечение изображений.

Конечно, то было очеловечение неполное, но и в поры своего наибольшего расцвета египетское изобразительное искусство оставалось в значительной мере первобытным, тонко, последовательно и умело развитым в стройное единство. В изобразительном искусстве наблюдается то же, что и в письменности, где на сохраненной первобытной основе — изобразительных письменах — было закономерно воздвигнуто сложное и тонкое сооружение, увенчанное буквенным письмом и скорописью. *Когда в Старом царстве надписи позволят глубже заглянуть в египетские верования и египетский способ мышления, положение там окажется чрезвычайно сходным с тем, что уже было обнаружено в письме и искусстве.* И нельзя не вспомнить, что само древнеегипетское общество в целом было развитым и сложным образованием, возникшим невиданно рано на очень простой производственной основе: своеобразном сочетании первобытных орудий труда с могучими, но поддававшимися им природными силами: рекой и отлагавшейся ею плодоносной почвой.

г. Прикладное искусство. С производственной стороны раннее ремесло было рассмотрено в разделе о производительных силах, и здесь остается только отметить художественное достоинство его изделий.

Что кремневые орудия в течение Раннего царства постепенно делались все более и более правильных очертаний, надо отнести скорее за счет производственных требований, а не художественного вкуса, равно как и правильные очертания их медных собратий. Однако исключительно правильная лепка гончарной посуды, буде она изготовлялась без гончарного круга, вручную, и во всяком случае, безукоризненно точные очертания каменной должны быть отнесены за счет художественных требований. Ими же объясняется применение, наряду с податливым алавастром, твердых, но красивых пород камня для изготовления сосудов, и, пожалуй, даже целая отрасль ремесла — производство цветной поливной посуды из особого, нарочно для того приготовляемого и самого по себе под поливом достаточно рыхлого состава. Благородная простота и плавность очерка выгодно отличает раннюю посуду в целом, независимо от того, найдена ли она в богатых или скромных погребениях.

Мастера по изготовлению обстановки не только знали отделку вставками из слоновой кости и черного дерева, но считали едва ли не обязательным всякому мало-мальски представительному предмету ее, большому и малому, придавать точе-

ные ножки из слоновой кости или черного дерева, в виде ног копытных животных, чаще всего, правда, не в меру приземистых — сообразно общему греху тогдашнего искусства по этой части. Очень показательно, что художественно выполненные предметы обстановки с точеными животными ножками находились не только в гробницах верхов общества, но и в могилах лиц, к ним отнюдь не принадлежавших, и это уже в пору I царского дома или даже раньше. Художественные наклонности сказывались и на таком широко распространенном предмете, как циновки, в которые иногда вплетались целые узоры.

Для кануна I царского дома современными изображениями многократно засвидетельствованы узорные и бахромчатые плащи у мужчин и женщин, но неясно, в какой мере такие плащи оставались в употреблении при I доме. Великолепный жезл с чередующимися коленцами из золота и ценного камня дошел из гробницы последнего царя II дома.

Но особенно хороши в художественном отношении украшения времени I царского дома из ценных камней и золота. Изобретательность и тонкость художественного вкуса сказались здесь в полной мере, и замечательно, что лучшие образцы не ограничены находками на царском кладбище, но происходят также из скромных, даже не столичных погребений. Бусы золотые, цельные и проволочные, круглые, яйцевидные, бочкообразные, в виде ракушек, цветов, узорных пластинок, бусы бирюзовые, из полудрагоценного камня, разных размеров и обликов, чередуясь, сочетаясь в узоры, располагаясь однородными нитями, обставляли ожерелья и запястья богатства и изящества, совершенно неожиданных для такого раннего времени, как правление I дома. Наряду с каменными бусами, в погребениях в большом количестве были найдены и поливные, обычно синие, но разнообразных очертаний.

Ж. Художественная словесность

Вполне возможно, что среди памятников словесности, сохраненных позднейшими надписями и рукописями, имеется немало таких, которые были сложены еще в дни первых двух царских домов или даже ранее. Так, между заклинаниями, писавшимися в Старом царстве внутри пирамид, оказалось одно, обращенное против царей Низовья и потому явно предшествующее не только I дому, но и объединению страны. Один из лечебников, написанный добрых полторы тысячи лет спустя после Раннего царства, сам возводил отдельные свои части ко временам I и II царских домов, но неизвестно, насколько основательно. Обыкновенно, однако, нет ни таких внутренних надежных показателей, как в случае пирамидного заклинания, ни внешних ссылок на седую древность, а приурочение того или иного произведения к ранним временам представляет собою не более как догадку, правдоподобную на первый взгляд, но иногда на поверку оказывающуюся просто неверной. Поэтому осторожнее ограничиваться, говоря о ранней словесности, памятниками, достоверно

ей принадлежавшими. По сути дела это, правда, равносильно отказу от изложения художественной словесности для Раннего царства, так как в списках названий лет, ярлыках, счетах, надгробных и иных титулах, надписаниях печатей и тому подобных образчиках письменности вычитать что-нибудь художественное довольно трудно, разве только отметить любовь к многочисленным титулам, перечислявшим одно за другим служебные звания сановника к вящему его прославлению, ибо такие хвалебные титулы были прообразами, или лучше подобиями верениц похвальных наименований, прилагавшихся к сверхъестественным и земным существам в славословиях и иных художественных сочинениях последующих времен.

З. Игра и пляска

На чем играли люди Раннего царства, почти неизвестно. Для времени незадолго до I царского дома изобразительно засвидетельствована длинная дудка; есть также изображеньице человека, судя по круглой дыре на месте рта и положению рук, некогда державших дудку.

Больше сведений о пляске. Еще накануне I дома на одном из царских памятников была представлена, совсем как в позднейшие времена, целая вереница женщин, лихо пляшущих совместно, зараз поднимая ноги и хлопая в ладоши в лад своей пляске. Плясуньи были изображены неподалеку от царя, совершающего землекопный обряд. На памятнике одного из преемников этого властителя представлены были плясуны-мужчины, пляшущие, однако, довольно спокойно, с прижатыми к груди кулаками, перед царем на его празднестве тридцатилетия царствования. В обоих случаях, по-видимому, изображена была обрядовая пляска. В такой пляс пускался иногда сам царь. Судя по изображениям середины I царского дома, царский пляс тогда, как и впоследствии, походил на разномерный бег — вроде пляса упомянутых мужчин, с которым он, возможно, совпадал. Необрядовая, бытовая пляска часто изображалась в гробницах Старого царства, и можно думать, что она была его нововведением. В стенописи, исполненной задолго до I царского дома, представлены две женщины с широко расставленными руками, очевидно плясуньи, а в росписях на посуде и среди других полупервобытных изображений нередки женщины с заломанными над головою руками, возможно, тоже пляшущие. Обстановка в стенописи и посудных росписях — ладьи, дикие животные, мужчины с жезлами, охотники — не заставляет с необходимостью считать эти пляски обрядовыми, однако наотрез отрицать такое их значение также невозможно.

И. Нравы

Раннее царство было временем, несомненно, очень суровым. Достаточно вспомнить обширные погребения приближенных и слуг вокруг могил царей и вельмож, чтобы почувствовать это с жуткой наглядностью. Ряд признаков указы-

вает, что несчастные провожатые насильственно отправлялись на тот свет вослед усопшим владыкам. Особенно убедительны данные одного из царских погребений. Здесь к подземному склепу царя были примкнуты каморки для слуг, и все было засыпано, когда свежий сырец в стенах каморок еще не успел высохнуть, так что стены осели на скарб погребенных. С этими жуткими могилами перекликаются резные памятники из слоновой кости, посвященные в государственный храм и покрытые сплошь одинаковыми изображениями: убиения булавою связанного пленного. Невольно думается, что эти вещи отражали суровую действительность. Бесспорное отображение ее оставил около начала I дома художник, изобразивший своего властелина, обозревающим в сопровождении двора ряды связанных неприятельских трупов с отрубленными головами в ногах. Бранное поле, усеянное мертвецами, с налетевшими на них птицами и царем в виде льва посередине, грызущим падшего врага, является едва ли не самым сильным из плоскостных изображений, дошедших от кануна I дома. Трупы врагов оставались одним из наиболее живых достижений искусства вплоть до II царского дома, когда художник с предельной изобретательностью и глумлением усеял подножия двух царских изваяний узором из трупов низовых повстанцев, беспорядочно разметавшихся в причудливых положениях.

Конечно, в тогдашней действительности можно указать и более мягкие черты. Заботливая щедрость, с которой обставлялись богатые погребения, и особенно места, устроенные в гробничных надстройках для непрестанных поминок, говорят о живой связи между домочадцами, не прерывавшейся смертью. Любовь к ручным животным свидетельствуется не только именными надгробиями царских борзых, но и целым кладбищем четвероногих и пернатых любимцев, обнаруженным подле усыпальницы одного из вельмож I царского дома. Правда, псы и птицы должны были быть умерщвлены, чтобы последовать за хозяином, и современную мысль больше поражает тщательность и даже богатство захоронений животных по сравнению с убожеством погребения их сторожа.

Наряду с суровостью нравов Раннее царство отличала также значительная их простота. Накануне I царского дома многие мужчины еще по старинке носили бороды, в особенности, по-видимому, она сохранялась в народе. По крайней мере, на одном изображении землекопы представлены с бородами, тогда как царские слуги и присные все сплошь бритые. Хотя приближенные царей и на других тогдашних памятниках изображены обычно безбородыми, сами властители, как носители древнего предания, нередко представлены с бородою. Судя, однако, по тому, что иногда ее нет и у них, позволительно думать, что она была приставною. Волосы у мужчин на изображениях чаще всего короткие, иногда до плеч, более длинные прически — исключение. Женские прически были тоже несложными: обычно волосы бывали не очень длинными и ниспадали прямо на

плечи или спину. Проста была и одежда. Рядовые смертные довольствовались куском ткани, обернутым вокруг бедер и подпоясанным, или, быть может, чаще одним поясом с несколькими свисающими полосками ткани спереди. Несколько сложнее бывали только наряды, присвоенные носителям высоких санов, но даже цари довольствовались короткой безрукавной рубашкой, перехваченной поясом и державшейся застежкой на одном левом плече, оставляя правое плечо совершенно открытым. Женские наряды были более длинными, но плясуньи представлены обнаженными по пояс с коротким куском ткани вокруг бедер. Значительным распространением пользовался у женщин плащ, иногда узорчатый или с бахромой, но он не был их исключительным достоянием. В него охотно кутались знатные современники I царского дома, и сами властители Раннего царства часто изображались в плаще, а накануне I царского дома даже в узорном и бахромчатом, наподобие тогдашних женских. Обувь — сандалии — была известна, но даже цари как будто бы больше заставляли носить ее торжественно за собою, чем действительно надевали.

Было бы, однако, неверным слишком упрощать тогдашний быт. В погребении второго представителя I дома были найдены очень искусно приготовленные завитые накладные волосы. О великолепии украшений, носившихся при этом доме не только при дворе, но вдали от него, было сказано в разделе о прикладном искусстве. Там же было отмечено широкое распространение в верхних и средних слоях тогдашнего общества изысканных предметов обстановки и великолепной посуды из твердого и мягкого камня. Пышность царского двора с его толпами придворных чинов, вереницами опахалоносцев и телохранителей была предметом обсуждения в разделе об особе царя. Любопытно, что уже при I царском доме сколько-нибудь состоятельные люди даже в стороне от столицы, судя по изображениям на печатях, обедали совсем как в Старом царстве и даже сидя на седалищах за изящными одноногими столиками.

Еда и питье были не только приятной необходимостью, но едва ли не главным удовольствием. Горы разнообразнейших припасов, складывавшихся в многочисленные кладовые богатых гробниц — в одной из них были обнаружены даже настоящие особо устроенные житницы — живо напоминают нескончаемые списки снеди и напитков в усыпальницах Старого царства. В одном из погребений времени II царского дома был найден целый обильный обед, разложенный на многих блюдах. О том, что уже современники I царского дома любили, совсем как их потомки, прохлаждаться в тени садов, разбитых подле их особняков, косвенно свидетельствуют остатки насаждений вокруг одной из вельможных гробниц. Приятной принадлежностью такого сада, как и в позднейшие времена, был, наверное, прямоугольный пруд, так как изображение его имелось среди письмен уже около начала I царского дома. Охота может быть также причислена к любимым

развлечениям общественных верхов. Изображение многолюдной облавы на всякого степного зверя, вырезанное за некоторое время до воцарения I дома, живо напоминает царские и вельможные охоты, как они были увековечены в заупокойных храмах владык Старого царства и в позднейших княжеских гробницах. Один из царей I дома был изображен на печати поражающим бегемота, и в название одного из лет того же властителя входило, по-видимому, упоминание его рыболовной деятельности (царь представлен стремящим в воду двузубую рыболовческую острогу). «*Стреляние бегемота*» вошло в название другого года правления I дома, а в одном из царских погребений того времени нашлись медные подобия острог; рыболовные крюки были положены в могилу последнего представителя II царского дома.

Из более отвлеченных развлечений широким распространением пользовалась уже при I царском доме игра, внешне напоминавшая современные шахматы или шашки. Игральные доски, как показывают тогдашние их изображения в письме, были, совершенно как нынешние, разделены на клетки; обломок алавастровой доски, разделенной на выпуклые клетки, и потому, возможно, игральной, был найден в погребении, по-видимому, еще начала I царского дома. Игра включала два набора пешек, по одному на игрока, но внутри каждого набора пешки были одинаковыми, так что игра скорее напоминала нынешние шашки, чем шахматы. Обычно одни пешки были повыше и сужались кверху, другие, пониже, приближались по виду к полушарию. В царских гробницах I дома, помимо простых пешек из слоновой кости, были найдены и вырезанные из нее наподобие лежащих львов: эти львы были в таком частом употреблении у их хозяина, что местами даже стерлись от прикосновения пальцев. Однако игра эта отнюдь не была достоянием одних верхов: в скромной могилке на городском кладбище времен I царского дома были найдены оба положенные набора пешек из слоновой кости, островерхий и округлый.

Названия лет правления I и II царских домов полны упоминаний царских выходов и всевозможных столичных торжеств: от рядовых празднеств тамошнего бога Сокера и «*бега*» столичного же священного быка до таких исключительных зрелищ, как обход городских стен новым царем или празднование тридцатилетия царствования. Но не только столица могла упиваться созерцанием таких блистательных зрелищ: царские паломничества по местным храмам, как будто бы упоминающиеся в летописи и на ярлыках еще начала I царского дома, равно как и закладки разных сооружений, также упоминаемые летописью и необязательно ограниченные столицею, могли доставлять время от времени подобное развлечение и прочим обитателям страны, вынужденным в остальное время довольствоваться местными храмовыми праздниками. Возвращение победителей из походов с нескончаемыми вереницами пленных и шумными стадами вызывали, вероятно, также немалое стечение народа по пути следования.

Как было показано в разделе об игре и пляске, последняя сопровождала государственные торжества еще накануне I царского дома, но в какой мере она, равно как игра и пение, входили в частный быт Раннего царства по известным памятникам решить невозможно.

Глядя на любовно выполненные, мелочно-тщательные художественные надписи-изображения на царских надгробиях и посуде, или на изумительно-тонкие по замыслу и работе изделия из золота и ценных камней, нельзя себе представить, чтобы создатели этих сокровищ искусства не радовались своим созданиям. Можно представить себе, что мастера I царского дома гордились своей работой не меньше своих преемников в Старом царстве, чувства которых доподлинно известны благодаря разговорам, надписанным над изображениями мастерских. И эта творческая радость была, быть может, наиболее одухотворенным наслаждением, известным людям Раннего царства. Создания ранних художников сохранились в гробницах их господ и заказчиков, но творческое удовлетворение оставалось достоянием создателей и никем не могло быть у них отнято.

5. Ход событий

А. Воцарение I дома

а. «Провожатые Хора». Летописное предание Нового царства помещало между первоначальными правителями страны, каковыми считался ряд ее богов, и I царским домом загадочных «*провожатых Хора*». У грекоязычного летописца державы фараонов, египетского жреца Манефона «*провожатым Хора*» соответствовали «*полубоги*» и «*покойники*», занимавшие промежуточное положение между «*богами*» и I царским домом. Греческое истолкование «*провожатых Хора*» как «*полубогов*» или «*покойников*» не покажется странным, если вспомнить, что в позднейших заупокойных надписях уподобление блаженного покойного «*провожатым Хора*» является предметом неизменных пожеланий. Но странным в свете летописного предания должно показаться наименование в надписях «*провожатыми Хора*» тех своеобразных стягов, что, увенчанные изображениями боготворимых зверей, птиц и предметов, *сопровождали* царя, земного *Хора*, в торжественных шествиях. Подобные стяги — древко под перекладиной, на которой стояло изображение — служили издавна знаками или гербами областей, на которые, в числе нескольких десятков, распадалась страна и которые греками именовались номами. Спрашивается, кто были «*провожатые Хора*», предшественники I дома?

Ответ на этот вопрос закономерно искать прежде всего у тех памятников, которые уцелели от времени, непосредственно предварявшего воцарение I дома. И эти памятники отвечают на поставленный им вопрос несколько неожиданным,

правда, образом, но зато так, что кажущееся противоречие в позднейшем словоупотреблении получает объяснение и отпадает.

На военных и иных изображениях, оставленных царями-предшественниками I дома в качестве их спутников и помощников, очень часто выступают знаки областей — звери, птицы, неодушевленные предметы на высоких древках, реже без них. Эти знаки затягивают сеть на противнике, когда царь-телец бодает врага рогами, гонят пленных с бранного поля, где свирепствует царь во образе льва, следом за царственным соколом, львом и скорпионом разоряют твердыни врагов, подставляют свои концы для повешения царских недругов, внутренних и внешних, иносказательно представленных в виде пиголиц и луков. Такого вмешательства в ход событий памятники Старого царства за областными знаками не знали, и, если позволительно судить по уцелевшим образцам, также памятники I царского дома. На них знаки, не сами, а несомые знаменосцами, притом лишь несколько избранных, безучастно сопровождали государя в его выходах и празднествах, и только один знак поджарого пса, «пролагателя дорог», бога верхового города Сйовта и его области, в силу своей особой способности прокладывать путь, предварял царя самолично, без знаменосца, в дни брани и мира. Он один остался действенным спутником земного Хора, и недаром в Старом царстве предтечи I царского дома, «*провожатые Хора*» в целом знаменовались в письме сопроводительным знаком поджарого пса Сйовта. К древку этого воинственного знака писцы прикрепляли наискось булаву и как бы для того, чтобы не оставалось никакого сомнения в военном смысле выражения, приписывали еще боевую палицу и лук. Очевидно, Старое царство помнило о древних «*провожатых Хора*» как о неких сверхъестественных существах, вроде стяга Сйовта, отличавшихся на бранном поле. Возможен, думается, один только вывод: «*провожатые Хора*», по преданию предшествовавшие I дому, памятные как сверхъестественные стяги-воители еще Старому царству, одноименные стяги, сопровождавшие позднейших царей-хоров в их выходах, и воинственные областные божества-стяги на памятниках предшественников I дома, сопутствовавшие и помогавшие им, тоже хорам, в их военных начинаниях, могут и должны быть одним и тем же. Областные боги во образе стягов, бившиеся на стороне царей раньше воцарения I дома, представлялись позднейшим поколениям вполне последовательно и знаменами, носившимися на царских выходах, и полубогами, преемниками великих богов, предшествовавшими I дому, стародавними блаженными существами, уподобления которым желали умершим.

Но что означают «*провожатые Хора*» в переводе с языка летописных иносказаний на язык государственной истории? Неслыханное впоследствии вмешательство областных богов-стягов на стороне царя в ход событий накануне водворения I дома может означать только, что области тогда еще сохраняли известную

самостоятельность супротив царской власти, подчинились, но не поработились ей, были не столько слугами, сколько верными помощниками, по зову своего Хора включавшимися в его сопровождение.

Как явствует из ярлыков-дощечек, помеченных годами I дома, и из старoегипетской летописи, некое «*сопровождение Хора*» часто входило в число событий, по которым при I и II царских домах наименовались годы. Из летописи к тому же видно, что в начале I дома и при II-м «сопровождение Хора» постоянно возобновлялось с правильными промежутками в один год. Полное молчание об этом событии в середине I дома объясняется, быть может, исключительной насыщенностью той поры происшествиями, делавшею ненужным упоминание такого мало отличительного, потому что постоянно повторяющегося, события, как «сопровождение Хора». Но как бы ни обстояло дело при I доме, в сохранившихся разделах летописи, посвященных II дому, «*сопровождение Хора*» образует каждое второе годовое наименование вкупе с упоминанием податного учета, производившегося тоже каждые два года («*год сопровождения Хора, такого-то раза счета*»). Подобное совпадение по времени и неизменная связь между «*счетом*» и «*сопровождением Хора*» предрасполагают к выводу, что последнее тоже имело какое-то отношение к повинностям или даже само было таковою. «*Сопровождение Хора*» надолго пережило Раннее царство. Еще в конце Старого, когда «*сопровождение Хора*» давным-давно уже исчезло из названий лет, один из царей, освобождая заупокойное установление — «усадьбу двойника» — своей матери от всякого рода повинностей и перевозок, запрещал также направляться туда «*сопровождению Хора*». Здесь, как и в летописи, и на ярлыках времен I дома, при словах «*сопровождение Хора*» присутствует знак судна, ясно указывающий, что «*сопровождение*» было связано с плаванием по реке. На ярлыках и в летописи это судно совершенно особенное, непохожее на другие, так что не может быть речи о том, что за «*сопровождением Хора*» при первых царских домах и позже крылась отправка каждые два года из областей по реке судов и людей на службу царю. Всмотревшись внимательно в знак загадочного судна, как он начертан в летописи, можно в ряде случаев распознать на корме ту самую загнутую кверху палку, продетую через прямоугольный сверток, которая так часто изображалась на небесной ладье солнца. В сверхъестественном значении летописного судна, таким образом, вряд ли возможно сомневаться, что подтверждается особым убранством носа, очень сходным с отделкой его у явно храмовых ладей в самой летописи, а также у ладьи солнца. У последней на носу сидел иногда небольшой сокол и, вглядевшись пристально, можно заметить какой-то придаток на том месте и у судна «*сопровождения Хора*», именно, острый уголок, совсем похожий на те, которыми переданы в летописи соколы на храмовых ладьях. Если же на носу судна сидел сокол Хора, а на корме стояла загнутая палка со свертком, которой ни-

салось не что иное, как слова «провожатый», «сопровождение», надо будет допустить, что «*сопровождение Хора*» имело место внутри самого судна, иными словами, что на нем плыли Хор и его провожатые. Последними могли быть областные божества-стяги; Хором — сам царь или что-нибудь его знаменовавшее, и тогда «*сопровождение Хора*» было б торжественным плаванием в память далекого прошлого. Государственное значение подобного действа было бы, несомненно, большим, поскольку таким способом вновь и вновь наглядно собирались бы и сплачивались бы вокруг царя все области его царства в лице их сверхъестественных представителей. Впечатление было бы еще внушительнее, разворачивайся шествие на виду у областей на большом протяжении реки. Однако там, где шествие приставало бы, содержание его ложилось бы тяжелой повинностью на население, и тут было бы только естественным, если б тому или иному царю захотелось бы избавить достояние своей матушки от столь торжественного посещения.

б. Верховое и Низовое царства. Вполне правдоподобно, что области, столь самостоятельно вмешивавшиеся на стороне царя в ход событий накануне воцарения I дома, были некогда совершенно не зависимыми единицами, однако доказать это невозможно. Древнейшие независимые общественные образования, которые могут быть прослежены по источникам, — это два царства, Верховья и Низовья.

Позднейшие цари уже двуединого царства в своем наряде и титуле неизменно подчеркивали его двойственность. У них было два венца: белый верховый и красный низовый, они олицетворяли в своей особе «*двух владычиц*»: верховую богиню-коршуна и низовую — змею-аспида, они были одновременно «*теми, что от тростинки*» (царями Верховья) и «*теми, что от пчелы*» (царями Низовья). В управлении двуединого Раннего царства двойственность отчетливо сказывалась в существовании двух хранилищ вещественных благ: «*дома белого*» (по цвету верхового венца) и «*дома красного*» (по цвету низового венца). «*Верховье*» и «*Низовье*», как два основных подразделения страны, отчетливо выступают в надписях единого Раннего царства, совершенно так же, как в последующие времена.

Двойственность фараоновского царства — сильный довод в пользу существования первоначально двух независимых царств, Верховья и Низовья, только со временем объединенных воедино. Все же бесспорным этот довод не является. Есть однако и прямые свидетельства о некогда раздельном бытии верхового и низового царств. Таким свидетельством является, несомненно, заклинание, сохраненное пирамидными надписями Старого царства, но обращенное против низовых царей и потому явно составленное еще в дни существования двух независимых и враждующих царств. Еще важнее показания памятника государственного значения — староегипетской летописи. Во главе крупнейшего из ее обломков, так называемого Палермского камня, уцелели полностью или частично девять царских

имен, из которых каждое сопровождается знаком, изображающим царя в своеобразном низовом венце. Нельзя сомневаться в том, что эти девять имен предшественников I царского дома представляют собою отрывок списка властителей Низового царства и что летопись содержала также перечень царей Верховья. К сожалению, летопись приводит одни голые имена низовых государей — возможно, она сама ничего о них не знала или, по меньшей мере, не могла сообщить для них ни названий лет по событиям, ни ежегодных уровней реки. Тем не менее, некоторые из этих девяти имен поддаются осмыслению на основании староегипетского — ближайшей к ним по времени ступени развития египетского языка, доступной изучению — и могли иметь прямое или косвенное отношение к земледелию. Если один из низовых царей именовался «*Пашущим*», другой — «*Тем, что от плуга*», третий — «*Отмеривателем* (зерна)»(?), то подобные имена могли бы живо напомнить изображение одного из непосредственных предшественников I дома, властителя уже объединенной страны, совершающего земледельческий обряд стоя над водою с мотыгой в руках и предстоящими прислужниками, держащими один — корзину, другой — пучок колосьев. Буде предложенные толкования имен были правильны — а других, исходя из староегипетского, придумать невозможно, — земледельческие имена царя указывали бы на значение земледелия в Низовье, несмотря на всю его заболоченность, уже в пору Низового царства.

в. Двуединое царство, предшествовавшее I дому. Как и когда произошло объединение обоих царств?

Несомненно, объединение исходило от Верховья и было насильственным, по меньшей мере, насильственным отчасти.

Что в царском титуле верховый коршун писался впереди низовой змеи, а верховая тростинка впереди низовой пчелы, что при упоминании рядом в Раннем царстве Верховье называлось раньше Низовья делает, конечно, очень вероятным, что зачинщиком в объединении было Верховое царство. Решительным подтверждением тому служат показания памятников о военных действиях государей уже объединенного царства против непокорного Низовья. Непосредственный предшественник I дома, именовавший себя в качестве Хора «*Сомом*» (так называемый *Нар-мер*), изображен был на плите, посвященной в государственный храм Верховья, поражающим булавою неприятеля, в низовом происхождении которого не приходится сомневаться. Над врагом представлен царский бог сокол на кусте папироса, произрастающего из полосы земли с человеческой головою спереди; на веревке, прикрепленной к голове, сокол держит землю перед победителем. Куст болотного папироса был знаком заболоченного Низовья, и вручение этого знака на привязи, продетой через нос головы, царю, поражающему неприятеля, могло означать только пленение, подавление Низовья военной силой. Что подобная рис-

права никак не была случайностью во взаимоотношениях юга и севера, доказывают каменные сосуды и изваяния царя II царского дома Хора Воссиявшего мощью[1] (так называемого Хасехема), посвященные в тот же храм, но долгие годы спустя после Хора Сома. На сосудах верховая богиня-коршун вручает царю-Хору знак соединения обеих земель в «*год битвы* (и) *поражения Низовья*», а подножия изваяний усеяны трупами низовых врагов, которых пало 47 или 48 тысяч, согласно числам, приписанным к изображению связанного и пораженного в голову неприятеля с кустом папируса на ней, знаменующего Низовье. В летописи в состав названия одного из годов середины II дома упоминалось разорение «Усадьбы Низовья» и другого места с именем в честь солнца — Рэ, бывшего также, в первую очередь, низовым божеством.

Объединителем было Верховье, объединение было насильственным, и сопротивление Низовья было сломлено не раньше, как при II царском доме. Тем не менее, войны Хора Сома и тем паче II дома против Низовья не были покорением этого независимого царства, так как, торжествуя над Низовьем, Хор Сом был уже его царем. Если на лицевой стороне своего победного памятника Хор Сом поражает Низовье в верховом венце, то на оборотной стороне царь обозревает трупы связанных и обезглавленных пленных в венце низовом. Когда бы последний был только что захвачен в итоге победы, выход царя именно в нем для осмотра убитых его защитников был бы несколько неестественным и мог бы быть понят только как издевательство, что, ввиду хорошо засвидетельствованного для последующих времен отношения египтян к венцам, как божествам, неправдоподобно. Наоборот, если Хор Сом был еще до победы царем обоих царств, изображение получает вполне естественное и простое объяснение: царь в качестве низового государя обозревает трупы казненных мятежников, на него восставших; свирепая расправа со *связанными* врагами и торжествующий осмотр низовым царем *казненных* больше походит на подавление восстания, чем на завоевание до того самостоятельного Низовья.

Хора Сома иногда принимали за Мэнэ позднейших преданий, первого царя I царского дома. Однако Мэнэ, как будет видно из дальнейшего, был, наверное, Хор Боец. Хора же Сома надо считать предшественником последнего уже в силу того, что написание его Хорова имени явно древнее написания того же имени у Хора Бойца. Ни у одного царя, начиная с Хора Бойца, не наблюдается такого странного расположения знаков внутри рамы с Хоровым именем, как у Хора

[1] Работая над «Историей Древнего Египта», Ю. Я. Перепёлкин отказался от перевода имени этого царя как «*Хор Воссиявший мощью*» и предложил другой перевод: «*Хор Воссиявший Жезлом*». К этому уточнению Ю. Я. Перепёлкина, вероятно, подтолкнула возможность отождествления личности Ха-сахма, то есть «*Воссиявшего жезлом*» с носителем имени «*Хара-Сута* (Хор-Сэт) *Воссиявший Двумя Жезлами*».

Сома: сом пишется в пустом пространстве внутри неё над замыкающим её снизу изображением дворца, и это в порядке вещей, но во дворец, раскалывая его надвое, самым необычным образом вклиняется посередине знак резца. Имя этого царя обыкновенно читают «Нар-мер», принимая сома (***нʿр***) за первую, резец («мер») за вторую половину одного имени. Однако такое чтение не может быть правильным. Во-первых, Хоровы имена до середины I царского дома всегда состояли из одного слова: Скорпий, Двойник, Боец, «Вязальщик»[1] (так называемый «Джер»), Змея; только с середины I царского дома Хоровы имена начинают слагаться из двух слов. Во-вторых, имеются две печати, на которых вверху и внизу многократно подряд повторено Хорово имя — прямоугольная рамка со дворцом внизу, увенчанная соколом и содержащая внутри знак сома, — а посередине между обоими рядами Хоровых имен множество раз самостоятельно повторен знак резца, причем количество резцов отнюдь не соответствует числу Хоровых имен (на лучше сохранившейся печати 14 резцов приходятся на 5 верхних и 5 нижних Хоровых имен). Значит, Хорово имя царя было просто «Сом», и с этим, как нельзя лучше, согласуется изображение царя в виде одноименной ему рыбы, побивающей палицею врагов; резец же, наверно, передавал его личное имя. Написание личного имени посреди Хорова дворца было вольностью, возможной только в очень раннее время. Такою же вольностью является отсутствие сокола над Хоровыми именами на таком торжественном памятнике, как победная плита Хора Сома. Хорово имя бывает без сокола у таких ранних царей, как Хоры Скорпий и Двойник (см. ниже), но тому нет примеров при Хоре Бойце и его преемниках. Всё это может означать только одно — что Хор Сом был раньше Хора Бойца; если же резец передавал личное имя Хора Сома, оно содержало согласные ***мр***, а не ***мн***, и никак не могло звучать «Мэнэ».

Следовательно, Хор Сом был, наверное, не одним из древнейших представителей I царского дома, а его непосредственным предшественником. Тем не менее, на победном памятнике этот царь носит то верховый, то низовый венец, а на булаве, осененной верховой богиней-коршуном, восседает в низовом же венце. Таким образом, страна была двуединым царством, наверное, до воцарения I дома. Но и предшественник Хора Сома царь Скорпион, изображенный на своей булаве в верховом венце, владел уже Низовьем, по меньшей мере, частично, так как его имя найдено в каменоломнях на восточном берегу реки супротив Мэнфэ, следовательно, на низовой почве. Вероятно, тому же царю следует приписать каменную доску

[1] Имя «Вязальщик» взято Ю. Я. Перепёлкиным в кавычки по той причине, что «смысл и точное произношение имени Хора, наследовавшего Хору Бойцу, доподлинно неизвестны» (см. с. 60). Работая над текстом «Истории Древнего Египта», Ю. Я. Перепёлкин вначале передавал имя этого царя как Хор (Сдерживатель, но затем склонился к передаче Хор Хват.

с двусторонним изображением военного порядка, на котором с одной стороны сокол, лев, скорпион и областные стяги разоряют крепости, с другой — представлена область на запад от Египта («Ливия»), с деревьями и стадами. Поскольку сокол и лев, несомненно, знаменовали царя, а скорпион не принадлежал к числу областных знаков и тоже должен был изображать фараона, последним был, скорее всего, царь Скорпион, для которого одного только засвидетельствовано соответствующее членистоногое в качестве обозначения. На победных изображениях Старого царства можно тоже видеть стада быков, ослов и баранов, захваченных у западного соседа, так что истолкование их как военной добычи более, чем правдоподобно. Скотоводство же большого размаха и рощи вряд ли мыслимы на запад от Египта иначе, как в приморской полосе, в непосредственном соседстве с Низовьем. Поход Скорпиона на западный рубеж последнего был бы естественен только в том случае, если и запад Низовья был во власти царя.

Царь Скорпион был древнее Хора Сома, так как еще не написал своего имени в прямоугольной рамке, замкнутой внизу изображением лицевой стороны дворца, как то делали их преемники из I дома, и сокол, самое большее, только иногда помещался над скорпионом. С этим согласуется крайняя скудость письмен на памятниках Скорпиона по сравнению с изображениями Хора Сома, где письменных знаков относительно много. Между Скорпионом и Сомом надо поместить Хора Двойника (так называемого Ка). Этот царь постоянно именуется Хором и пишет свое имя «*Двойник*» не только под знаком сокола, но и внутри прямоугольной рамки, им увенчанной. Это, как и сравнительное обилие письмен, роднит Хора Двойника больше с Хором Сомом, чем со Скорпионом. С другой стороны, Хор Двойник должен быть древнее Хора -Сома, потому что странным образом у Хора Двойника в рамке вокруг его имени перёд дворца помещается то вверху, то внизу, тогда как у Хора Сома последнее положение является единственно принятым, как и у последующих царей I царского дома и позже. В чернильных надписях на посуде сбоку от имени Хора-Двойника имеется приписка столбиком, во главе которой постоянно оказывается то знак растения, знаменовавшего Верховье, то знак папирусного куста, служившего обозначением для Низовья. Правда, оба знака имели и иные значения, помимо «*Верховья*» и «*Низовья*», но тут они, несомненно, означали именно их, как то явствует из сравнения с чернильными же надписями на сосудах основателя I царского дома Хора Бойца: сбоку от имени его помещается приписка столбиком, иного содержания, чем у Хора Двойника, но возглавленная так же, как у него, то знаком верхового растения, то знаком папирусного куста. Как и основатель I царского дома, Хор Двойник владел Верховьем и Низовьем.

Таким образом, памятники непосредственных предшественников I царского дома единодушно свидетельствуют о существовании двуединого царства до воцарения этого дома. Староегипетская летопись такой вывод не только поддержива-

ет, но даже доказывает, что объединение Верховья и Низовья в одно царство произошло задолго до I царского дома. На самом большом из сохранившихся обломков летописи остатки первой строки заполнены именами царей Низовья, так как сопровождающий эти имена знак изображает фараона в низовом венце. Надо думать, что в отсутствующей своей части первая строка содержала еще список царей Верховья, наверно, предпосланный низовому, поскольку Верховье в царском титуле всегда предшествовало Низовью. Но есть еще один обломок староегипетскля летописи с остатками первой строки ее, правда, от другого ее списка, но одинакового строения, и этот обломок показывает, что первая строка не ограничивалась перечнями верховых и низовых царей. Здесь вверху уцелело несколько знаков, замыкавших имена соответственного числа властителей, и на каждом из этих письмен, изображавших фараона, стоит двойной венец из венцов верхового и низового. Первая строка была посвящена предшественникам I дома, для которых указывались одни имена, не отдельные годы, тогда как остатки второй строки на обломке надписаны именем второго царя I дома и содержат названия отдельных лет. Таким образом, староегипетская летопись помещала перед I царским домом длинную вереницу царей, уже владевших двуединым царством, бывших одновременно царями Верховья и Низовья. Естественно предположить, что в числе этих царей были указаны и непосредственные предшественники I дома, известные из современных им памятников.

Если Скорпион, Хор Двойник и Хор Сом замыкали длинную цепь властителей давно объединенного царства, неудивительно, что хозяйство, общество, государство, равно как и духовная жизнь при этих трех царях, насколько можно судить по оставшимся от них памятникам, оказываются примерно такими же, как и при I царском доме. Это приходилось постоянно отмечать в предыдущих главах, говоря о кануне I царского дома.

Медь широко применялась в производстве орудий, наряду с камнем и деревом, еще задолго до I царского дома. Уже при Скорпионе страна была прорезана оросительной сетью, и работа над ней занимала видное место в жизни государства, как и земледелие в целом. Скотоводство было настолько значительным, что Хор Сом мог исчислять одну только военную добычу сотнями тысяч и даже тысячью тысяч голов. Пленники, возможная рабочая сила в рабовладельческом хозяйстве, постоянно и даже целыми толпами угонялись победителями во время непрестанных войн, предшествовавших воцарению I дома. Хор Сом хвалился захватом 120000 человек.

Несмотря на значительную самостоятельность областей, по меньшей мере, еще при царе Скорпионе, и непрекращающуюся борьбу с непокорным Низовьем, страна была объединена под единодержавной властью царя, мнившего себя в могуществе своем божеством и окруженного пышным и чиновным двором.

О развитии хозяйственного управления и делопроизводства можно судить по обыкновению надписывать чернилами сосуды с заготовленными впрок припасами, засвидетельствованному еще при Хоре Двойнике, и глиняным надписным печатям с именами Хора-Сома и, может быть, даже Скорпиона, запечатывавшим такие припасы и найденным в разных местах страны. О составе войска в ту пору сведений не имеется, но царство Скорпиона и Хора Сома было весьма воинственным и победоносно воевало с соседями, по крайней мере, с западными.

Надписи Хора-Двойника и особенно Хора Сома свидетельствуют, что письменность при них была вполне развита и содержала все основные части, отличительные для нее в Старом царстве и позже, не исключая чисто буквенных знаков, причем наряду с художественным почерком существовали беглые, даже чернильные написания. Счетное дело при Хоре Соме орудовало огромными величинами и для пятизначных и шестизначных чисел имелись особые речевые и письменные обозначения. Такое развитие письма и счета свидетельствует о развитости и сложности хозяйственной и управленческой жизни, запросы которой счет и письмо были призваны удовлетворять в первую очередь. Государственные боги сокол Хор и верховая богиня коршун были теми же, что при первых царских домах. Основные приемы и установки староегипетского искусства предстают в готовом виде уже на памятниках Скорпиона и Хора Сома, и мастерство исполнения в отдельных произведениях достигало высокого уровня.

Царствования Скорпиона, Хора Двойника и Хора Сома были подлинно преддверием к царству I дома, не только по времени, но и по существу. Хора-Двойника и Хора-Сома роднит с I царским домом и одинаковое с ним, по-видимому, происхождение из среднеегипетского города Тина. На царском кладбище в области его около города Эбота (Авидоса греков), служившем местом погребения для I дома, были найдены в изобилии обломки посуды с припасами, надписанной чернилами на имя Хора Двойника, глиняные печати, запечатывавшие хранилища со снедью, и другие предметы с именем Хора Сома. Потому вполне законен вопрос, был ли вообще какой-нибудь разрыв в преемственности царствований, и не были ли цари I дома прямыми наследниками своих предшественников, т. е. представителями одного с ними царского рода? Но буде то было так, как же могло случиться, что для последующих поколений I царский дом начинался после Хора Сома, а не задолго до того? Да и вообще не странно ли, что могущественные цари объединенного царства, вроде Скорпиона и Хора Сома, полностью исчезли из памяти потомков, и для них первым царем стал основатель «I» царского дома Мэнэ?

г. Мэнэ. В современных книгах, ученых и рассчитанных на широкого читателя, личность Мэнэ, первого фараона египетских и греческих преданий, обыкновенно так или иначе ставится в связь с объединением страны. Если только Мэнэ

не объявляют вообще баснословным, пишут обычно, что при нем совершилось или завершилось соединение Верховья и Низовья в одно царство. Выше было показано, что страна была объединена много раньше I царского дома и, следовательно, его основателя Мэнэ, и потому распространенное представление о нем, как об объединителе Египта не может быть верным. Оно не может быть верным даже в той своей разновидности, которая видит в Мэнэ лишь завершителя объединения, поскольку Верховье и Низовье были подвластны предшественникам I дома задолго до его воцарения, а борьба с непокорливым севером велась не только при царях-предшественниках, но и долгие годы спустя, и притом очень ожесточенно еще при II царском доме, когда объединение только и было окончательно завершено.

Но Мэнэ-объединитель — не более, как плод умозаключений современных ученых. Ни туземное, ни греческое предание ничего не знают об его объединительном деянии.

Сведения о Мэнэ в позднейшем египетском предании, в надписях и рукописях Нового царства не идут дальше его имени и положения во главе длинного ряда властителей Египта. Более обстоятельны, но и более сомнительны показания грекоязычных источников.

В пору владычества персов над Египтом о Мэнэ там можно было услышать рассказ вроде сохраненного Иродотом (Геродотом) в главе 99-й II-й книги: «*Жрецы говорили, что Мин, первый царствовавший над Египтом, отгородил плотинами Мэмфис... Так же Мином, этим первым бывшим царем, сушею стало огражденное, на нем город создал этот, который ныне Мэмфисом зовется. Ифестов* (Гефестов) *храм поставлен был в нем, являющийся великим же и достойнейшим упоминания*».

Полтора века спустя при первых Птолемеях египетский жрец Манефон записал в своей истории фараонов на греческом языке тоже какие-то предания о Мэнэ, но только судить о них ныне возможно по одним выдержкам из Манефона в трудах писателей дней Римской империи. Выдержка, сохраненная византийцем Синкеллом (Сиккеллом) из труда Африкана, гласит: «*После мертвецов полубогов первый царский дом считается из царей восьми, из которых первым Минис финит царствовал лет 62, который иппопотамом растерванный погиб*». Манефоновская выдержка, сохраненная тем же византийцем из Евсевия, немного подробнее: «*Минис фенит и его потомков 17 (инде же 7), которого Иродот Мином именовал, царствовал в течение 60 лет. Сей запредельный поход совершил и славным считался, иппопотамом же был похищен*».

Несколько иного порядка сведения поместил в 45-й и 94-й главах своей 1-й книги около начала Римской империи Диодор Сикилийский: «*После богов же первым, говорят, царствовал над Египтом Мина и научил людей богов чтить и жертвы совершать, к тому же поставил себе столы и ложа и*

постелью роскошной пользовался и всяческую роскошь и роскошное житие ввел... после древнего египетской жизни состояния, о котором баснословно рассказывают, что оно было при богах и ироях (героях), *убедил, говорят, первый написанными законами пользоваться народ Мневис, муж и душею великий и житием общедоступнейший из поминаемых».*

Единственное общее всем этим туземным и греческим свидетельствам это то, что по всем им Мэнэ был первым египетским царем. Для Манефона Минис был также родоначальником I царского дома; в качестве второго царя последнего Манефон называет *А*фофиса, и в списке Нового царства из города Эбота за Мэнэ, действительно, следует Атотэ. Грек Ератосфен называет после Миниса двух Афофисов, и в только что упомянутом списке времени Нового царства за Атотэ следуют два царя с несколько похожими на его имя именами. Однако ученый список царей, дошедший до нас от Нового царства в крайне поврежденном виде и именуемый по месту хранения Туринским, называет в качестве преемника Мэнэ царя, чьё имя более похоже на третье в эботском списке, нежели на «Атотэ». К сожалению, неизвестно, кого Туринская рукопись называла на третьем месте; четвертое имя, по-видимому, походило на таковое же по счету в эботском списке только с перестановкою согласных. У Манефона за Афофисом следуют два царя с именами, совсем не похожими на Атотэ (Кенкенис и Уен(н)ефис). Досадная путаница в предании мешает в должной мере использовать важное показание староегипетской летописи, что имя вроде второго в туринском и третьего в эботском списках было личным именем царя, который как Хор прозывался «Джр», и чьи многочисленные памятники явно моложе не только тех, что остались от Хора Сома, но и тех, что уцелели от Хора Бойца. Если у последнего сокол Хора на рамке с именем писался еще по старинке с приподнятым хвостом и как бы вдавленной спиной, и верхний край рамки образовывал вогнутую кривую, при Хоре Джере, наряду со старым написанием, появляется новое: сокол гордо выпрямляется и опускает хвост, а рамка поверху замыкается прямою; одновременно выполнение надписей часто уже по совершенству своему не только далеко опережает первобытную беспомощность писцов Хора Бойца, но ничем не уступает лучшим образцам последующих времен. Если бы можно было быть уверенным, что Хор *Джр* тождествен со вторым, а не с третьим царем списков, Хор Боец, который, как было выше показано, моложе всех других известных предшественников Атотэ: Скорпия, Хора Двойника и Хора Сома, только и мог бы быть искомым Мэнэ.

Сохранилось два образца костяного ярлыка с малопонятными надписями и повествовательными изображениями, где в верхнем разделе перед именем Хора Бойца стоит как бы знак шатра со вписанными в него более мелко письменами — по-видимому, титулом и именем Мэнэ. Многие делали отсюда вывод, что

Хор Боец и Мэнэ одно лицо, но другие оспаривали такое заключение. Допускалось, что знак для согласных ***мн*** мог обозначать совсем не имя, а какое-то слово, к которому предшествующее царское звание — «обе владычицы» (верховая и низовая богини коршун и аспид, олицетворяемые фараоном) — было придано в виде определения, или, даже более того, что игральной доски — знака ***мн*** на ярлыке вообще нет, что на самом деле соответствующее начертание два плотно сдвинутых престола и шатер со вписанными письменами означает празднество тридцатилетия царствования с явлением царя под праздничным навесом поочередно на двух престолах, то в качестве олицетворения верхового коршуна, то в виде олицетворенной низовой змеи. Но бывало, что и не отрицая чтения письмен внутри шатра, как «обе владычицы (т. е. царь) Мэнэ», все-таки не отождествляли этого последнего с Хором Бойцом, но полагали, что на ярлыке говорилось об устройстве поминальной кущи над прахом царя Мэнэ его преемником, Хором Бойцом.

Можно ли разделить сомнения первого рода и допустить, что на ярлыке Мэнэ не упоминался вовсе? Думается, что нельзя. От конца I царского дома дошли ярлыки с названием некоей постройки, и внутри знака, ее изображающего, наряду, правда, с другими еще письменами, также помещается «*обе владычицы такой-то*», причем тут нет ни малейшего сомнения, что знак, следующий за званием передает царское имя. Разлагать на ярлыке Хора Бойца начертание, воспринимаемое как игральная доска ***мн***, на два знака, никак невозможно, так как при таком разложении на предполагаемых престолах получились бы полукруглые возвышения на сиденьях и не менее диковинные шапки на спинках, решетка же, покрывающая прямоугольную основу, законная как передача клеток на игральной доске, на боках двух престолов не имела бы никакого оправдания.

Но если иное чтение, чем «*обе владычицы Мэнэ*» невероятно или даже невозможно, не может ли все-таки Мэнэ быть иным лицом, чем Хор Боец, достаточно ли упоминания обоих имен рядом для присвоения их одному и тому же царю? Отвлекаясь даже от всего сказанного прежде в пользу такого отождествления, на основании одного состава подобных ярлычных надписей можно уже усомниться в возможности обособления Мэнэ от Хора Бойца: нет примера ни на памятниках самого Раннего царства, ни в староегипетской летописи, чтобы имя другого царя, кроме царствующего, с предпосланным царским званием, притом не простым «*царь*» или «*царь Верховья и Низовья*», но нарочито титульным «*обе владычицы*», как-то входило в обозначение событий, по которым был назван год царя, а такое название года как раз налицо на ярлыке Хора Бойца. Напротив, всюду, где в название года так или иначе входят два титулованных царских имени, они неизменно оказываются обозначениями одного и того же, именно царствующего фараона. И это, пожалуй, понятно, так как год был не просто годом, в ко-

тором произошли те или иные события, но годом определенного царя, когда такие события имели место, иными словами, имя царствующего государя тем или иным способом, в том или ином сочетании, но обязательно должно было быть названо в связи с прозванием года. Включение в это название титула покойного царя могло быть только нежелательным и неуместным, поскольку часто имя самого правящего властителя помещалось не особо, а внутри остальной надписи, как явствует из ярлыков-дощечек, оставшихся от I царского дома. Не приходится также пространно доказывать, насколько вообще неправдоподобно упоминание в начале правления похорон предшественника: как видно из староегипетской летописи, год воцарения нового царя неизменно именовался по радостным и знаменательным для последнего событиям — соединения под его властью обеих земель и обрядовому обходу вокруг столичных стен, а никак не по похоронам мертвеца.

Изложенные доводы — отрицательного порядка, но есть положительные основания, доставляемые самим ярлыком и позволяющие решительно утверждать, что загаточное его место содержит имя «Мэнэ», и оно было личным именем Хора Бойца. Как видно по староегипетской летописи, имя царствующего государя в название года в Раннем царстве никогда не входило, разве только что самим существом событий, по которым год был назван, требовалось поименовать царя (например, в названии сооружения или памятника, включавшем в себя его имя). Тем не менее, царь должен был быть обязательно назван в связи с обозначением года, так как годы различествовали по названию в границах одного царствования, в разных же царствованиях могли быть одинакового названия. В летописи это достигалось надписанием зараз всей совокупности лет определенного царствования соответствующим царским именем. На ярлыках Хора Бойца и Атотэ той же цели служило их Хорово имя, приписанное с краю от названия года. В состав этого названия оно никак не входило и потому писалось с краю от него и в обратном ему направлении: Хорово имя передом своих письмен было повернуто влево — основное направление письма — навстречу письменам годового названия, всем или ближайшей к имени части. Единственное исключение — занимающий нас ярлык. На нем имя «Хор Боец» неожиданно срывается с края дощечки и вклинается внутрь названия года. Вследствие этого и все знаки в этом названии вместо того, чтоб глядеть навстречу царственному соколу, поворачиваются в задаваемом им направлении, т. е. передом влево, поскольку Хорово имя стало одним из членов их ряда.

Что вызвало чреватое такими последствиями переселение «*Хора Бойца*» с его особого, притом насиженного, места вне годового названия внутрь последнего? Очевидно, включение в состав самого названия. Однако, несмотря на такое употребление и обусловленное им новое местоположение, Хорово имя и на этом ярлыке, несомненно, служило той же цели, что и на других, т. е. указывало, чьему цар-

ствованию принадлежало название года. Что это было действительно так, наглядно показывает сам ярлык. В верхнем его левом углу дважды представлен Хор Боец в виде сокола, раз со щитом и булавою, как бы сражающийся, другой раз — с ними и с мотыгою, которою как будто разоряет вражескую крепость. Здесь «*Хор Боец*» входит в самый состав годового названия, в обозначение событий, посреди этого названия упоминаемых. Хотя имя написано по существу так же, как в занимающем нас месте — сокол — «*Хор*», лапы со щитом и булавою — «*боец*», — но только подано все иначе. Тут — просто два вооруженных сокола, там, как положено титлу, прямоугольная рамка в виде царского замка вокруг вооруженных лап — собственно имени, — над которою высится сам сокол. Разница между застылым титлом и тем же «*Хором Бойцом*» в действии ясна. Значит, было что-то внутри названия года, что переманило туда царское титло из его уединения, и чья то была притягательная сила, легко догадаться, взглянувши, с чем рядом стало переместившееся Хорово имя? Оно примостилось подле другой половины царского титла — личного имени, «*обеих владычиц Мэнэ*». Оба имени и наружно подходили друг к другу: Хорово имя было заключено в рамку наподобие прямоугольного замка, «*обе владычицы Мэнэ*» было накрыто навесом вроде нашей буквы П, только не с прямою перекладиною, а слегка сводчатою. Конечно, сходство было чисто внешним, так как, в противоположность замку, навес, несомненно, как-то читался. Перемещаться приходилось «*Хору Бойцу*», так как «обе владычицы Мэнэ» было приковано к своему месту в названии года. Место было, правда, самое почётное — во главе всего длинного годового обозначения. Иначе и быть не могло, если речь шла о торжественном действии, совершаемом царем. «*Воссияние* (т. е. выход)» царя верхового и низового, не говоря уже о «*воссиянии*» зараз в качестве того и другого, староегипетской летописью в прозваниях лет двух первых царских домов всегда отмечается на первом месте. За «*воссиянием*» летопись называет обыкновенно то или иное празднество или торжество, так что очень на то похоже, что торжественные выходы царей были для личного в них участия. В составе годовых названий того времени, сохраненных летописью, несколько раз встречается «*праздник Сокэра*», одного из богов Мэнфэ, и пишется ею всегда двумя знаками: шатром («*праздник*») и замысловатой храмовою ладьёю («*Сокэр*»). Такая ладья оказывается и на ярлыке — непосредственно за навесом и Хоровым именем. Нельзя ли поэтому начало этой полунадписи-полуизображения понять так: (год явления) Хора Бойца, обеих владычиц Мэнэ на празднике (на изображении: под праздничным шатром) Сокэра? Для нас сейчас, впрочем, существенно одно: «*Хор Боец*» перешел со своего особого места на краю ярлыка внутрь годового названия к титлу «*обе владычицы Мэнэ*» в силу внутреннего родства с ним, а это значит, что оба имени — части одного титла, и Хор Боец, а также «*обе владычицы Мэнэ*» — одно лицо. Од-

новременно этим доказывается, что Хор ***Джр***, который по обличью своих памятников должен был следовать непосредственно за Хором Бойцом, — второй, а не третий царь позднейших списков.

Но почему Хор Боец, он же Мэнэ, который явно не был первым царем объединенного Египта, стал для всего последующего предания первым фараоном? Как могли такие могущественные его предшественники, как Хоры Скорпион и Сом, полностью исчезнуть из памяти потомков? Как могло позабыться, что у Мэнэ были многочисленные предшественники на престоле двуединого царства? Ответ на это можно как будто получить, сопоставив показания самих раннеегипетских памятников со староегипетской летописью.

Ни от Хора Скорпия, не от Хора Двойника, ни даже от Хора Сома не дошло ни единой дощечки, костяной или деревянной, с названием года, проложенным по его знаменательным событиям. Напротив, от Хора Бойца их дошло несколько; имеется одна от его непосредственного преемника и значительное количество от середины и конца I царского дома. Это наводит на мысль, не было ли обозначение лет по событиям в государственном порядке и ведение списков годовых названий — без чего подобное летосчисление немыслимо — нововведением Хора Бойца? Конечно, было бы неосторожно на основании одного того, что от предшественников таких дощечек не сохранилось, решительно утверждать, что их не было вовсе, так как завтра уже они могли бы быть обнаружены. На выручку приходит староегипетская летопись. Ее верхняя строка содержала одни голые имена, сперва, возможно, царей верховых, затем — уже достоверно — царей низовых и древнейших властителей объединенного царства. Следующая строка была отведена I царскому дому и выглядела совсем иначе, чем верхняя. Она состояла из названий отдельных лет по наиболее знаменательным событиям с подписанными под каждым годом высотами половодья. Имя царя, которому принадлежали данные годы, надписывалось над строкою. Так же были построены и последующие строки. Все это может значить только одно: в распоряжении староегипетского летописца списки названий лет по событиям имелись, только начиная с I царского дома; для предшествующего времени летописец располагал одними голыми царскими именами. Такое совпадение показаний вещественных находок с летописным преданием в высшей мере любопытно, и вряд ли нужно сомневаться в том, что государственное летосчисление по событиям с соответствующим учетом обозначений лет было заведено I царским домом. При этом заведено оно было его основателем. В этом вещественные находки опять согласны с летописью. Как сказано, ярлыки, достоверно помеченные названиями лет, начинаются с Хора Бойца. В летописи во второй строке, т. е. в той, с которой начинались названия лет, излагалось царствование его ближайшего преемника — Атотэ, но последний не был в ней первым. На кахирском (каирском) обломке летописи

годы второй строки надписаны поверху именем Атотэ. На Палермском камне над царствованием, занимавшим бульшую часть той же строки, в ней начинавшимся, но в ней не кончавшимся, имя царя, писавшееся вообще над серединою царствования, еще даже не начиналось, и потому эти десять лет были только началом правления, которое не могло быть короче четверти века (10 лет + примерно 6 лет, над которыми непосредственно стояло царское имя + 10 лет). На обороте обоих камней летопись продолжалась, и можно рассчитать, что «год после раза первого счета» при царе V дома Уср-кофе на кахирском обломке должен был отстоять на два года («год раза второго счета» и «год после раза второго счета») от «года раза третьего счета» при том же царе на Палермском камне, и так как длина клеточки, приходящейся на один год Уср-кофа, известна, можно определить не только то, что на лицевых сторонах отрывок второй строки, сохраненный Палермским камнем, предшествовал отрывку на кахирском обломке, но и что пробел между обоими отрывками равнялся приблизительно двенадцати годам (клеточки для лет на лицевой стороне много *уже* клеточек на обратной)[1]. Поскольку же царствование, начинавшееся во второй лицевой строке Палермского камня, было не короче 26 лет, и только 10 начальных лет уцелело на камне, через 12 же лет на кахирском обломке уже упоминается Атотэ, оно не могло кончаться раньше этого упоминания и было царствованием этого царя. Но перед годами Атотэ на Палермском камне сохранились еще последний год и заключительные месяцы предшествующего царствования. Название этого года совершенно такое же, как и одного из годов самого Атотэ («*Год* [сопровождения] *Хора, рождения Анупа*»), и под названиями годов были тоже оставлены клеточки, в которых должны были быть показаны ежегодные высоты половодья. Если предшественником Хора-Вязальщика (?) был Хор Боец, а последний был не кто иной, как Мэнэ, царствование Мэнэ было первым, от которого имелись погодные записи, было царствованием, с которого начиналась летопись, в точном смысле этого слова.

При полном согласии ранних памятников и староегипетской летописи касательно начала обозначения лет по знаменательным событиям, невероятно, чтобы нашлись дощечки с годовыми названиями старше Хора Бойца. Но если бы даже невероятное сбылось, существо вопроса, поскольку речь идет о позднейшем предании о Мэнэ как первом фараоне, этим бы не было затронуто. Для староегипетской летописи Мэнэ был первым царем, о котором, кроме имени и сана, что-нибудь было известно. С него начинался непрерывный список обозначений лет по знаменательным событиям. Из мрака неизвестности, которым окутаны были предшествующие времена, вдруг выступало царствование, каждый год которого мог быть ясно прослежен со всеми важнейшими его происшествиями. Перечни

[1] Так в рукописи Ю. Я. Перепёлкина.

годовых названий составляли староегипетскую летопись, по ним знакомились с событиями прошлого, они были тогдашней «историей». Основатель I царского дома был для Старого царства и последующих поколений первым летописным или — на более современный лад — первым «историческим» фараоном.

В таком представлении о нём могло укреплять еще следующее обстоятельство. По преданию, записанному Иродотом (Геродотом), первый царь Мин был и основателем города Мемфиса, египетского Мэнфэ (или Мэнфе, Мемфиса греков), столицы Старого царства. Раскопки показали, что обширные кладбища и, следовательно, многолюдные поселения, существовавшие на север и запад от Мэнфэ в последние десятилетия перед воцарением I царского дома, с началом его начинают хиреть и приходить в запустение, точно вследствие отлива населения куда-то на сторону. Естественно было предположить, что переселялись во вновь основанный по соседству Мэнфэ. Недавние раскопки на кладбище последнего доказали, что уже при I царском доме то был значительный город. Найдено было не только городское кладбище со скромными могилами рядовых горожан, современников I дома, но и целый ряд усыпальниц высшей знати того времени, иногда в окружении убогих погребений ее челядинцев. Потому весьма на то похоже, что действительной столицей уже тогда был не родной город царской семьи Тин, а Мэнфэ или, как он величался в Старом царстве, «Стены белые». При этом такое положение северная столица заняла уже при основателе I царского дома Хоре Бойце. Из богатых усыпальниц одна не только восходит к его царствованию, но может быть, по мнению ее издателя, даже собственной гробницею этого царя. Дознанное раскопками появление одновременно с I царским домом столичного города на равнине Мэнфэ и вероятный отлив туда населения из окрестных городов, как нельзя лучше подтверждают поздние предания, записанные Иродотом (Геродотом), о том, что первый царь Мин был и основателем Мемфиса. Столица Старого царства, признанная хранительница летописного предания, которое начиналось с Мэнэ, имела двойное основание видеть в нем первого фараона, если он был также ее создателем и первым царем.

Раз ставши на путь оправдания поздних преданий, можно подыскать некоторое подтверждение в ранних памятниках и манефоновскому известию о зарубежном походе, как достопримечательном событии царствования Мэнэ. Конечно, походы за границу не были изобретением Хора Бойца, и указания на них имеются уже на памятниках его предшественников, Хоров Скорпия и Сома, однако на одной из костяных дощечек с именем этого царя год обозначен, в частности, по «поражению Эфиопии».

Если бы Мэнэ был действительно тем покорителем Низовья и объединителем царств, каким его принято изображать в новейших книгах, можно было б ожидать на памятниках Хора Бойца определенных указаний на войны с низовым севером, бывшим, как мы знаем, весьма непокорливым. Но ни последний год царя, с

которого начинается ныне I царский дом на Палермском камне, ни ярлыки, ни другие памятники таких указаний не содержат. На ярлыке с именем «Мэнэ» есть, правда, два сокола, вооруженные щитом и булавой (= Хор Боец), из которых второй, кроме того, еще держит мотыку, которой, как будто, разоряет укрепление (?), но если даже и читать это как «(год)... *битвы Хора Бойца и разорения крепости такой-то Хором Бойцом*», нет все-таки уверенности, что местом действия было Низовье, на двух дощечках один из годов Хора Бойца был обозначен, между прочим, по событию, названному «*приятие Верховья* (и) *Низовья*» и поясненному странным изображением двух сидячих мужчин, из которых один как будто вонзает меч в грудь другому, похожему на пленника. Но то было явно не такое событие, как объединение страны, потому что единого «приятия» оказалось мало для обозначения года, и сочли нужным еще упомянуть такое заурядное происшествие как «*рождение* (= изготовление идола?) *Ануна* (и) *Хора* (?)». Да и разыгрывалось это «приятие» совсем не на бранном поле, а перед дворцом, из которого для того выходил муж с посохом в руке, возможно, сам властитель; «пленник» же и его «убийца» сидели на земле, и под левою рукою у последнего помещалась плоская чаша. Что это было никак не настоящее «приятие Верховья и Низовья», окончательно доказывается костяным ярлыком преемника Хора Бойца — Атотэ. Здесь налицо та же надпись и те же двое мужчин, из которых один закалывает другого, и входит то и другое в состав обозначения года вместе со множеством изображеньиц явно обрядового порядка; из них шествие с человеческими и животными идолами, тоже надписано — притом дважды — словом «рождение». Далее, на двух ярлыках с именем Хора Бойца в состав названия года входит надписанное полуизображение-полунадпись, живо напоминающее изучаемое нами. Здесь тоже из дворца выходит муж с посохом — только не один, а в сопровождении четырех других, стоящих еще внутри дворца — и направляется в сторону мужчин, занятых толчением или размешиванием пищи в большом сосуде. Что приготовляется пища, видно по тому, что позади расположены сосуды и связанные животные. Над «поварами» надпись, тоже упоминающая Верховье и Низовье, только в неясной связи: первую половину можно прочитать как «*пища Верховья*», во второй ясно только слово «*Низовье*». Перед царским дворцом представлен лицом к нему согбенный человек, так что муж, выходящий с посохом оттуда, в сопровождении четырех других, мужей без посохов, вероятно, и есть царь. Родство надписей и изображений на тех и на других ярлыках Хора Бойца вряд ли подлежит сомнению. «*Приятие Верховья и Низовья*» было, наверно, только обрядом, и совершался этот обряд, по-видимому, при дворе в присутствии фараона через более или менее длительный промежуток времени. Этим, конечно, не исключено, что обряд мог иметь какое-то отношение к поражению и подчинению Низовья верховыми войсками, но тогда он был бы, самое большее, кровавым представлением в память действительного события.

д. Преемники Мэнэ. Смысл и точное произношение имени Хора, наследовавшего Хору Бойцу, доподлинно неизвестны. Передача «*Хор Вязальщик*» принята мною чисто условно — удобства ради. Единственной, притом более, чем шаткой, поддержкой ей, может служить редкое написание, которым сноп, обозначающий собственно имя, влагается в лапы соколу — Хору— совсем как у предшественника, Хора Бойца, где соколу вручаются щит с булавою. Личное имя удобнее всего произносить «Атотэ». Правда, в таком виде оно не более, как позднейшее искажение подлинного имени — там не было второго «*т*», — но зато для «Атотэ» известны пусть поздние и неверные, но все-таки египетские гласные. Одно из греческих преданий — Ератосфен — знало после Миниса двух одноименных Афофисов (Атотэ), а египетские списки Нового царства называют двух и даже трех преемников Мэнэ со сходными именами. Во избежание недоразумений, мы будем, по примеру египетского бытописателя Манефона, называть «Атотэ» только ближайшего преемника Мэнэ.

Если безымянное десятилетие на Палермском камне принадлежало тому же Атотэ, что и надписанные его именем девять лет на летописном обломке и год на ярлыке, правление этого царя носило все черты давно установившегося порядка. Неожиданного в этом нет ничего, если бурная пора государственного объединения тогда уже давно миновала. Всё, что можно вычитать из прозваний двух десятков лет, сводится к государственным и храмовым торжествам и равномерно каждые два года учиняемому в порядке повинности «*сопровождению Хора*». Одно непонятное выражение на Палермском камне, в конце одного из годовых названий, содержит необыкновенный знак — пиголица с ножом поперек шеи, — который можно растолковать как «*казнь*», но, если б даже такое толкование было правильным, речь шла бы о казни какой-то знатной женщины, так как следует знак, изображающий особу женского пола, восседающую на седалище вроде престола, со свешивающейся со лба чертой, похожей на струю крови. Конечно, наличных данных недостаточно, чтоб утверждать, что отношения между обоими половинами царства при ближайшем преемнике Хора Бойца были сплошь мирными, но то, что известно, говорит все-таки о мире. Единственным возможным исключением представляется обломок дощечки черного дерева, по месту находки современный Атотэ, с остатками полуизображения-полунадписи и несколькими письменами. На изображеньице можно распознать трех связанных пленных, сидящих во дворе какого-то сооружения. Возможно, что это изображеньице входило в состав названия года и тем самым представляло какое-то примечательное его событие. Однако нет никаких причин видеть в этих пленниках египтян, а не иноземцев.

О заграничном походе при Атуте свидетельствует староегипетская летопись, именующая один из годов его царствования «*годом сопровождения Хора* (и) *поражения Северо-востока* ("Азии" — вероятно, синайских кочевников)».

Позднейшее предание, сохраненное Манефоном, приписывало сыну Мины Афофису сооружение царского жилья в Мемфисе и составление анатомических книг. Известие о писательстве Атотэ не может быть подтверждено никакими более древними свидетельствами и напоминает примечания в позднейших лечебниках и заупокойных книгах, что то или иное средство или заклинание восходит ко времени такого-то царя Раннего царства. Известие о построении царского жилья находит себе некоторое подтверждение в наименовании в пору Старого царства и позже укрепленного замка в Мэнфэ «*двором властелина*». Слово «*властелин*» содержало те же согласные (***й-т-й***), а, может быть, и гласные, что и имя Атотэ в его древнем виде. Обратно это совпадение между личным именем Хора Вязальщика и наименованием замка в Мэнфэ может служить новым подтверждением тождества этого царя с Атотэ — Афофисом предания, поскольку постройка царского жилья в столице приписывалась преданием именно ему.

В полном согласии с видимой упроченностью государственного порядка, правление Хора «Вязальщика» должно было длиться не менее полувека (десяток лет на Палермском камне + дюжина лет в пробеле + несколько лет до середины надписанного поверху титла на кахирском (каирском) обломке равняются половине царствования). Такая продолжительность правления Хора «Вязальщика» опять говорит за его тождество с Атотэ, так как по Манефону (согласно выдержке из Африкана) один Афофис из ближайших преемников Миниса правил так долго (57 лет).

В позднейшие времена гробница Хора «Вязальщика» принималась за могилу египетского бога мертвых Усирэ (греч. Осирис). В Новом царстве заброшенное до того кладбище ранних царей около города Эбота (греч. Авидос) стало вновь предметом почитания, и так как в этом городе Усирэ как раз и чтился и был в глазах египтян первым мертвым царем, нетрудно было прийти к мысли, что могила его находится посреди этих древнейших царских могил. Что дало повод счесть за таковую именно усыпальницу Атотэ — доподлинно неизвестно, может быть исключительное обилие вокруг неё надгробных камней с именами царских приближенных, каковые надгробия могли новоегипетским почитателям Усирэ напоминать те каменные плиты, которые они сами ставили в городе Эботе у «лестницы» своего бога в память себя и своих близких.

Еще скуднее наши сведения о правлении второго преемника Хора Бойца — Хора Змея. Его имя найдено на скале глубоко в пустыне между рекою и Красным морем. Было бы, однако, странным на этом основании приурочивать к его правлению открытие путей к Красному морю. Красноморские раковины задолго до I царского дома клались в могилы египтянам и даже были изображены на каменных кумирах Мина, бога города Кэбто, возглавлявшего один из путей к тому морю. Ясно только, что новое направление в искусстве, наметившееся в предшествующее царствование и достигавшее уже тогда подлинно «египетских» соразмерности и

четкости в изображении, при Хоре Змее в ведущих мастерских окончательно торжествовало победу над прадедовскою беспомощностью. Нагляднее всего это видно по Хоровым именам, которыми пестрят ранние памятники. Если в предшествующее правление рядом с новым величавым и верно схваченным соколом вверху правильного прямоугольника с царским именем еще влачил существование сокол на седлообразной рамке, приплюснутый и непохожий на самого себя, то при Хоре Змее старое убогое начертание уже не встречается вовсе. Хорово имя, высеченное на надгробии этого царя, принадлежит к примечательнейшим созданиям египетского искусства и свидетельствует о достигнутой им к тому времени зрелости.

Время Хора Змеи, насколько можно судить по скудным данным, продолжало начатое при Атотэ. Новый поворот в развитии страны намечается как будто только с середины I царского дома, в правление царя, которого удобства ради, можно назвать Хором Водолеем, хотя смысл его имени ***Вдй-мв*** «*Полагающий воду*» не вполне достоверен[1]. Уже своим внешним видом это имя проповедовало новую пору, так как было по-новому сложено. У прежних царей Хорово имя состояло из одного слова: Скорпий, Сом, Боец, Змея и т. д., теперь же оно начинало состоять из двух, делалось более пышным, и таким оно оставалось в последующем Раннем и в Старом царствах. При Хоре Водолее впервые в надписях появляется и звание царя верхового и низового, дословно «*того, что от ситовника* (знака Верховья) *и пчелы* (знака Низовья)», и сразу же получает широкое распространение. Вводится ясность и порядок в написание лет на ярлыках. При Хорах Бойце и «Вязальщике» перечислялись только сами события, по которым был назван год, притом в таких же уровенных строках, как последующая часть надписи. При Хоре Водолее перед годовым названием, совсем как в староегипетской летописи, выводится огромный знак года, и название последнего отделяется от остальной надписи отвесной чертой, хотя внутри очерченной таким образом клеточки название года пока что еще, в отличие от летописи, пишется уровенными строками. Несмотря на это отличие, вытянутые сверху вниз и предваряемые знаком года клеточки для лет на ярлыках настолько напоминают такие же деления в староегипетской летописи, где они явно приспособлены для смыкания друг с другом в длинные ряды, что напрашивается мысль, не на время ли Хора Водолея падает и разработка внешнего строя летописи, как он предстает перед нами в ее староегипетских списках.

---

[1] Возвратившись в последние годы своей жизни к изучению памятников Раннего царства (в связи с необходимостью написать соответствующий раздел для «Истории Древнего Египта»), Ю. Я. Перепёлкин пришел к убеждению, что имя четвертого царя I царского дома вовсе не означает «*Полагающий воду*», то есть «*Водолей*». «Точное значение Харова (Хорова) имени этого царя, — писал тогда Ю. Я. Перепёлкин, — нельзя установить, но его можно читать как ***д(в)я*** и переводить как "(сокол) *простерший* (крылья или когти)" (см. с. 76). Это означает, что всюду, где в работе «Раннее царство» упомянут «*Хор Подающий*(?) *Воду*(?)» или «*Хор Водолей*», следует подразумевать Хора Простирателя.

По сравнению с годами первых двух царей — от третьего, Хора Змеи, к сожалению, не дошло данных — названия лет на ярлыках Хора Водолея поражают своею многосложностью. Количество и разнообразие упоминаемых в них событий, по сравнению с прежними скупостью и однообразием, бросаются в глаза. Было совершенно правильно замечено, что между событиями времени Хора Водолея и упоминаемыми в названиях лет неизвестного царя в 3-й строке Палермского камня существует определенное сходство. Правда, сами по себе некоторые совпадения не представляли бы ничего примечательного. Воинственность, выраженная на изображении Хора Водолея, поражающего в первый раз «Восток», — очевидно, имелось в виду поражать его неоднократно — и засвидетельствованная также для неизвестного царя наименованием целого его года по «*поражению южных кочевников*», была в духе того времени, и военными подвигами хвалились как предшествующие, так и последующие цари. Празднование «*тридцатилетия*» царствования упоминается одинаково в названиях лет Хора Водолея и царя на Палермском камне, но такое празднество справляли и двое из последних царей I дома. Обрядовый бег священного быка представлен на одной из печатей Хора Водолея, и по этому же событию назван один из годов палермского фараона, однако само указание, что тогда бег происходил в «первый раз», намекает на его повторение, и, действительно, на Палермском камне по бегу быка названы еще два года одного из царей II дома, и тот же бег, быть может, упомянут на ярлыке еще Хора Бойца. И все же взятые вместе, и особенно в связи с двумя последующими, эти совпадения не лишены значения. Особенно же значительными совпадениями представляются два. Как знаменательные события под одним годом безымянного царя отмечена «*стрельба бегемота*», под другим — «*рождение*» своеобразной египетской богини кошачьего облика. Но бегемота поражает острогою или по-египетски «*стреляет*» именно Хор Водолей на современных ему печатях, и на одной из них рядом с изображением его, а также на остатках каменной посуды из его гробницы упоминается также та египетская богиня. Ни она, ни «*стрельба бегемота*» не встречаются ни в названиях лет, ни на вещах кого-либо другого из ранних царей.

Но есть еще более веский довод в пользу тождественности обоих властителей. Названия лет неизвестного царя по разнообразию событий живо напоминают годы Хора Водолея, но исследователей всегда поражало полное отсутствие в строке с безымянным царствованием «*сопровождения Хора*», равномерно каждые два года вспоминаемого летописью во все царствования двух первых домов, в ней уцелевшие. Загадка разрешается чрезвычайно просто, если неизвестным царем был Хор Водолей. При нем и, насколько можно судить по наличным источникам, только при нем «*сопровождение Хора*» называлось не в начале названий лет, а на конце. Из перегруженных событиями длинных прозваний лет Хора Водолея в узких делениях, отведенных под годы двух первых домов, летопись могла уместить только начала; концы же,

где как раз и упоминалось «*сопровождение Хора*», по необходимости были опущены.

Время Хора Водолея отмечено и заметными сдвигами в области искусства. За отсутствием военных и охотничьих изображений троих предшественников было бы неосмотрительно утверждать, что на живую передачу движений на изображениях властителя, столь отличающую Хора Водолея от Хоров Скорпия и Сома, художники дерзнули впервые теперь, но в зодчестве царствование Хора Водолея открывало, бесспорно, новую пору. Гробницы его двух ближайших предшественников, Хоров «Вязальщика» и Змеи, были выложены в земле только кирпичом и деревом и очень несложны по своему замыслу, представляя собою не больше, чем значительный по размерам прямоугольный склеп, окруженный со всех сторон подземными комнатушками. У Хора Водолея в подземелье вела уже величественная лестница, и самый склеп был вымощен плитами привозного камня (красного гранита). Лестница с тех пор прочно вошла в кладбищенское зодчество и имеется в гробницах преемников Хора Водолея. В высокой мере знаменательно, что как у этого последнего, так и у двух его ближайших преемников, следовательно не случайно, она ведет из гробницы прямо на восток, навстречу занимающемуся дню. Верхи общества сытое прозябание в полной снеди, но темной могиле уже так мало удовлетворяло, что гробнице пришлось обзавестись выходом, притом выходом на восток, к восходящему солнцу, рассчитанным на то, чтобы оставлять могилу, как только минует ночь, одинаковая, что наверху, что и внизу. Из постоянного жилья гробница превратилась в сытный ночлег!

Если безымянный царь на Палермском камне тождественен с Хором Водолеем, правление последнего длилось не менее, как 30 с лишним лет, так как от второй половины царствования того царя на камне видны 14 лет, до середины же надписанного над ними титла — уцелел лишь конец его — оставалось самое меньшее 2 года, и тем самым полцарствования не могло быть короче 16 лет. Если бы можно было воспользоваться для летосчислительных расчетов празднеством царского «тридцатилетия», названным на камне под одним из первых годов второй половины царствования, продолжительность правления Хора Водолея могла быть исчислена даже в 50 лет, однако действительные сроки празднования «тридцатилетий» далеко не всегда, как известно, бывали тридцатилетними. Длительность правления, обилие новшеств, разнообразие событий способны создать представление о Хоре Водолее, как самом видном представителе I царского дома, и каменный пол в царской усыпальнице, не повторенный в гробницах преемников, и исключительная четкость и уверенность начертания надписей и изображений служат тому как бы вещественным подтверждением. Любопытно, что именно Хор Водолей под искаженным, но все же личным своим именем, переданным у Манефона как Усафаис, вспоминался потомкам, когда им надо было приурочить к кому-нибудь из древнейших царей то или иное средство или заклинание.

Мы не знаем, в какой мере Хор Водолей был лично ответственен за нововведения своего царствования. Видное место рядом с ним занимала, по-видимому, царица Мэ-нэйт, которая, не в пример другим тогдашним царицам, в чисто царской гробнице и с царскою пышностью, погребена была подле самого царя. Необычайное положение занимал при Хоре Водолее как будто и «*печатник низового царя*» по имени Хэмэко, чья громадная усыпальница была недавно откопана на столичном кладбище возле Мэнфэ. На ярлыках этого царствования титло этого хранителя печати стоит не с именем сановника, ответственного за соответствующее производство, а непосредственно позади царского имени. Если этот вельможа тождествен с одноименным управителем царских виноградников, неоднократно упоминаемым на печатях от винных сосудов, он управлял и угодиями царского дома. Кажется, верхи общества были проникнуты сознанием, что живут в глубоко замечательную пору. Как иначе объяснить стремление увековечить в названиях лет как можно больше современных событий, с отодвижением назад происшествий, пусть существенных, но заурядных («*сопровождение Хора*»)? Это явление тем любопытней, что последние царствования I дома следуют при наименовании лет избитым прадедовским приемам, и, в частности, «*сопровождение Хора*» вновь водворяется на первое место. Замена простого сложным, наблюдающаяся в различных областях тогдашней действительности, несомненно, знаменовала усложнение общественной жизни в целом, но в чем состояли общественно-хозяйственные сдвиги, наметившиеся к середине I царского дома, наличные источники не позволяют уловить с точностью. Некоторый намек содержит, быть может, царское имя, если оно действительно значило «*Водолей*» или «*Пускающий воду*». В высокой мере любопытно, что у «безымянного» царя, который, несомненно, был из середины I дома, и, наверное, тождествен с Хором Водолеем, три годовых названия из четырнадцати уцелевших на камне упоминают пруды. Два названия, правда, малодоказательны, так как речь идет, скорее всего, об «открытии» и «посещении (?)» храмовых прудов, зато третье, если бы можно было положиться на принятое его истолкование, было поистине значительным. Это название как будто было: «*Год копания прудов* (на) *западе* (и) *востоке Низовья вс*(ем) *народ*(ом)». Потому можно предположить, что развитие и усложнение жизни общества, столь заметные в царствование Хора Водолея, стояли в конечном итоге в связи с развитием оросительной сети и водоснабжения, позволявшим господствующим верхам в большей мере использовать подневольный труд и присваивать его плоды.

По Туринскому царскому списку последние цари I дома достигли все преклонного возраста, и можно было бы, пожалуй, подумать, что одно царствование спокойно сменялось другим без потрясений и смут. Продолжительность правлений, указанная Манефоном (26, 18, 26 лет), тому ни в коей мере не противоречила бы. Однако вещественные памятники и староегипетская летопись способны навести на мысли иного рода.

Очень досадно, что царское имя, надписанное над третьей строкою летописи на кахирском обломке, сохранилось в настолько плохом состоянии, что до сих пор его не удалось разобрать. Царь этот правил позже безымянного в третьей строке Палермского камня и, если тот был действительно Хором Водолеем, этот мог быть только одним из его ближайших преемников, поскольку пробел между обоими отрывками не превышал примерно дюжины лет. Преемником Хора Водолея были Хоры Целостный Сердцем (так называемый Адж-иб), Друг Поколения[1] (так называемый Семерхет) и Высокий Рукою (так называемый Ка). Обыкновенно в следах письмен на кахирском обломке пытаются опознать имя второго или третьего из этих Хоров, но больше поводов, быть может, искать здесь имя первого из них. Загадочный царь правил неполных 9 лет, о Хорах же Друге Поколения и Высоком Рукою известно, что оба праздновали «тридцатилетние» годовщины. В последующие времена подобные «тридцатилетия» не всегда бывали действительно тридцатилетиями царствования, однако иногда они все-таки были таковыми. Но если бы даже оба Хора праздновали их условно или считали их со дня своего назначения престолонаследниками, они не преминули бы упомянуть блистательнейшее из всех царских торжеств в названиях соответствующих лет, как это сделал их предшественник в 3-й строке Палермского камня. Сомневаться в том, что оба Хора действительно праздновали свои «тридцатилетия», вряд ли приходится. «Тридцатилетнее» празднество названо не менее четырех раз на каменной посуде из гробницы Хора Друга Поколения, и, хотя он не прочь был присваивать себе утварь предшественников, в данном случае мы имеем дело с его собственными надписями, так как на одном из сосудов имя празднества было врезано как раз поверх изглаженной прежней надписи. У Хора Высокорукого празднество тридцатилетия было упомянуто по меньшей мере на трех каменных сосудах из его гробницы, притом раз, словно в предупреждение всяких сомнений, уцелело и вырезанное имя царя. Если же оба Хора действительно праздновали свои «*тридцатилетия*», и один из них тождествен с таинственным царем, почему ни один из годов его не назван по этому празднеству, разве что таковым был четвертый, в котором должно было иметь место очередное «*сопровождение Хора*», и от которого на обломке ничего не уцелело. Но от Хора Друга Поколения уцелело на современных ему ярлыках название года, упоминавшее, в числе других событий, «*сопровождение Хора*». И вот это название не находит себе соответствия ни в одном из годовых названий того царя, разве только что ему отвечало то же самое полностью пропавшее название четвертого года. Поскольку однако последнее могло быть только или тем названием, или прозванием в честь «тридцатилетия», но никак не тем и другим зараз, тождество неизвест-

[1] В «Истории древнего Египта» Ю. Я. Перепёлкин счел необходимым отказаться от понимания имени ***Смр-хьт*** как «*Друг Поколений*» и переводил его на русский язык как «(Хор) *Дружественный Утробой*».

ного царя с Хором Другом Поколения представляется исключенным (если, следует оговориться, издания сильно поврежденного кахирского обломка достаточно надежны). Что и Хор Высокорукий никак не мог быть загадочным царем, доказывает одно из его годовых названий, на этот раз без «*сопровождения Хора*», сохраненное современным ярлыком: оно также не имеет себе подобного среди прозваний лет загадочного царя. Несомненно, нужно еще раз попытаться разобрать следы его имени на кахирском обломке, но искать в них следует, пожалуй, не Хора Друга Поколения или Хора Высокорукого, а их предшественника — Хора Целостного Сердцем.

Имя этого Хора на печатях его царствования сопровождается титлом царя верхового и низового, тождественного по имени с тем, которого списки Нового царства знали как преемника Хора Водолея, а Манефон именовал Миебидосом. Ранние памятники полностью подтверждают такую преемственность правлений, так как, с одной стороны, как будет видно ниже, ясно свидетельствуют, что Хоры Друг Поколений и Высокорукий были позже Целостного Сердцем, с другой стороны доказывают, что этот последний следовал за Водолеем. На каменной посуде к четко написанному личному имени Хора Водолея Хор Целостный Сердцем приписывал сзади корявыми письменами свое личное имя, а на обломке, найденном в его собственной гробнице, к крупно написанному личному имени предшественника добавил спереди более мелкими письменами, и притом криво, свое Хорово имя. Если, как показано было выше, безымянным царем в 3-й строке на Палермском камне был, наверное, Хор Водолей, и от последнего здешнего её года до первого года загадочного царя в ней же на кахирском обломке не хватает всего лишь тринадцать лет, этим царем мог быть только один из ближайших преемников Хора Водолея. Если, как мы только что видели, двое из них по событиям своих царствований никак не подходят, остается один Хор Целостный Сердцем, и ничто как будто не мешает ему быть на самом деле тем царем. Стоит только допустить, что безымянный царь в 3-й строке на Палермском камне праздновал действительное, а не «условное» тридцатилетие в начале второй половины царствования — на камне титло, надписанное над серединою царствования, кончается за год до празднества, — как правление этого царя окажется полувековым и прострется, включив в себя пробел между обоими отрывками летописи, до начала загадочного правления на кахирском (каирском) обломке. Поскольку безымянный царь, — наверное, Хор Водолей, Хор Целостный Сердцем в качестве его непосредственного преемника будет только на своём месте. Названия лет загадочного царствования сложены по старинке, а той преизбыточной насыщенности событиями, которая так отличает время Хора Водолея, здесь нет и в помине. Своеобразная четкость, которая выделяет надписи Хора Водолея, совсем незаметна в надписях Хора Целостного Сердцем, мало чем отличающихся от рядовых надписей Хора Змеи. Как уже было сказано, Хор Целостный Сердцем охотно присваивал себе каменную посуду предшественника, но скорее по ску-

дости собственной, чем по неуважению к тому, так как его имени он не изглаживал, свое же обыкновенно почтительно добавлял сзади. Царь кахирского обломка правил всего лишь девять неполных лет. Из всех гробниц царей I дома гробница Хора Целостного Сердцем самая убогая; по сравнению с другими она поразительно мала и сооружена очень небрежно.

Конец царствования на кахирском обломке имеет совсем не обычный вид. Здесь нет не только особой клеточки с числом месяцев и дней последнего незавершенного года правления, но они вообще никак не указаны. Также необычно выглядит и начало нового царствования: опять нет ни дня, ни месяца воцарения. Это может означать только одно из двух: или первый царь скончался, а второй воцарился в самый день Нового года, что, конечно, не слишком вероятно, или в смене правлений было что-то неладное. Последнее позволяют предполагать и раскопки в отношении смены Хора Целостного Сердцем Хором Другом Поколений. В гробнице первого нашелся всего один обломок надписанного его именем сосуда, в гробнице же второго посуды предшественника было множество, причем нередко его имя было изглажено. Похоже на то, что имел место дворцовый переворот, и, возможно, у нового властителя были давние счеты с царской семьей, так как в гробнице его находился сосуд, на котором стерто было имя даже Мэ-нэйт, царицы Хора Водолея.

Продолжительность последних четырех царствований, как она дана у Манефона (20, 26, 18, 26 лет), не может быть правильной, так как среди них нет ни одного такого короткого, как восьми- или девятилетние на кахирском обломке и ни одного такого длинного, как «безыменное» в третьей строке Палермского камня.

Преемник Миевидоса зовется у Манефона Семельпсесом и это мнимое царское имя есть не что иное, как неверное чтение подлинного, встречающегося на ранних памятниках в связи с «*Хором Другом Поколений*», и ошибка не только понятна, но и извинительна, так как уже в Новом царстве в эботском (авидосском) царском списке соответствующее имя было начертано искаженно.

С именем Хора Друга Поколений для нас связаны древнейшие известные образцы больших царских изображений, которым в дальнейшем суждено было занять такое видное место в египетском искусстве. Трижды изваянный на синайских скалах образ властного царя-победителя полон был уже того подавляющего величия, которое суждено было до конца воплотить в этом образе Старому царству. Но как бы внушительно ни должны были действовать на воображение кочевников подобные грозные напоминания, делать отсюда вывод о возросшем значении царской власти в глазах самих египтян было бы преждевременно. Насколько Хор Друг Поколений еще был далек от самовластия Старого царства, лучше всего доказывает помещенное тут же рядом изображение начальника похода — одной величины с царским! Но синайские изображения имеют еще другое,

куда более важное значение, так как являются первыми свидетельствами об утверждении египтян на юге полуострова у месторождений меди и бирюзы. В остальном мы почти ничего не знаем о времени этого царя, если не считать празднования им «*тридцатилетия*» царствования и таких заурядных событий, как «*сопровождение Хора*». Мелкой, но любопытной черточкой является окончательное уподобление теперь — если только не при предшественнике, от которого не дошло помеченных годами ярлыков — способа начертания годовых названий принятому в староегипетской летописи: узкий высокий прямоугольник со знаком года спереди, с названием года внутри, написанным столбцом, а не уровенными строками, как то еще держалось при Хоре Водолее. Позволительно думать, что летопись в это время выглядела уже так, как она воспроизведена в староегипетском списке.

Еще менее осведомлены мы о последнем представителе I дома, из числа известных по современным памятникам, Хоре Высокоруком. Положение его в самом конце этого дома явствует как из письменных, так и из вещественных источников. Ярлыки этого царствования чрезвычайно близки по строю своих надписей к оставшимся от Хора Друга Поколений, и даже один и тот же сановник называется на тех и на других. Что из двух царей Хор Высокорукий был более поздним, видно не только по тому, что место перед Хором Другом Поколений занято, но и по тому, что одна только гробница Хора Высокорукого, в отличие от гробниц троих предшественников, куда доступ был с востока, повернута входом на север — совсем как гробницы начала Старого царства. Позднейшие списки подтверждают такой вывод. Как видно по надписям самого царствования, «Высокорукий» служило не только Хоровым, но и личным именем, и частично неверное чтение его по его скорописному написанию и воспроизведено на соответствующем месте в перечнях Нового царства. Что касается манефоновского преемника Семемпсеса, Виенехиса по Африкану и Увиенфиса по Евсевию, то, кроме местоположения, у него нет как будто ничего общего с Хором Высокоруким.

Если в правление последнего можно заметить кое-что новое, то оно касается верований и искусства. Новым в царской гробнице было не только то, что по бокам лестницы появились добавочные подземелья, но и то, что она вела теперь уже не на восток, а на север. Можно думать, что за переменою страны света крылся большой сдвиг в загробных чаяниях в сторону большой утонченности и отвлеченности. Если Хора Водолея, в отличие от предков, властно потянуло прочь из мрака забитого снедью подземелья на свет, на землю, навстречу восходящему солнцу, то Хор Высокорукий уже уносился душою к незаходящим звездам на севере неба, в надежде стать, как одна из них. И утренний выход из мрака на солнце и уход к «*негибнущим*» звездам составляли одинаково предмет чаяний последующих староегипетских царей, но если первый мыслился в земных условиях и действующим лицом был непосредственно сам бывший в могиле мертвец, второй

ставил себе целью небо и предполагал воздушную душу-оборотня. Более отвлеченное представление властно заявило о себе в правление Хора Высокорукого, но это не значит, что оно тогда и зародилось. Как сказано было в главе о верованиях, уже во дни основателя I царского дома на кладбище Мэнфэ около роскошной усыпальницы, возможно, самого Хора Бойца, была сложена кирпичная ладья, судя по сходным ладьям подле пирамид IV царского дома, подобие солнечной, в которой мертвец мечтал плавать по небесному океану. Однако в течение первой половины I царского дома подобные представления еще не настолько владели умами, чтоб подчинить себе зодчество на царском кладбище и перестроить гробницу сообразно своим требованиям. На примере очерченного развития представлений, как оно отражено в гробничном зодчестве, ясно, насколько значителен был тот путь, который верхи общества в своих умонастроениях прошли от начала до середины и от середины до конца I царского дома.

Заслуживает быть отмеченным, что надписанные надгробия приближенных, окружавшие могилу Хора Высокорукого, являются самыми большими из частных памятников такого рода, дошедших до нас от времени I царского дома. Особенно выделяется одна плита как по размеру, так и по своему уже староегипетскому облику (прямоугольная рама, стоячее изображение вельможи с жезлом и посохом, полное титло). Явление это тем любопытнее, что сам сановник был погребен совсем не здесь, а в собственной гробнице около Мэнфэ, и плита была только памятником привязанности к умершему властителю. Подобного этой плите в предшествующие царствования не встречается.

О событиях времени Хора Высокорукого мы почти ничего не знаем, помимо того, что праздновалось «тридцатилетие» и учинялись обычные «сопровождения Хора». Из изображения на костяшке того времени бородатого пленника и надписи над ним «Северо-восточная страна» («Азия»), было бы слишком смело умозаключить о походе на синайских кочевников, но что подобные походы могли быть при Хоре Высокоруком — вполне правдоподобно.

Каков был конец I царского дома — неизвестно. Ко дню погребения Хора Высокорукого в гробнице его по-настоящему готов был только срединный склеп; помещения вокруг него достраивались наспех из непросохшего сырца, что привело затем к проседанию и обвалу стен. Но, в отличие от гробницы Хора Целостного сердцем, усыпальница была внушительных размеров и погребение — богатым (каменная посуда, золото). Почтительное помещение важным сановником подле царской могилы своей плиты в знак вечного служения исключает мысль о насильственном свержении последнего представителя I царского дома, известного нам по современным памятникам.

СОДЕРЖАНИЕ

О Ю. Я. Перепёлкине и его научных открытиях 5

Раннее царство
(несколько столетий около 3000г., I и II царские дома) 55

Старое царство
(большая часть III тысячелетия, III—VIII царские дома) 97

Среднее царство
(с исхода III тысячелетия примерно до 1600 г.;
IX—XVII царские дома) 177

Образование мировой египетской державы
(XVIII царский дом до солнцепоклоннического переворота,
середина XVI в. — начало XIV в.) 205

Египетское общество в пору Нового царства
(при XVIII, XIX и XX царских домах, в XVI—XII столетиях) 241

Солнцепоклоннический переворот
(первая половина XIV века) 283

Египет после солнцепоклоннического переворота
(вторая половина Нового царства,
конец XIV — начало XI веков, XIX—XX царские дома) 317

Новейшее царство
(середина XI в. — середина VIII в., XXI—XXIII царские дома) 369

Приложение
Раннее царство 467

Перепёлкин Юрий Яковлевич

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Под общей редакцией
д. филос. наук А. Л. Вассоевича

Компьютерный набор
Е. А. Сотник

Компьютерная верстка
А. А. Власова

Журнал «Нева»
191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 3.
Лицензия ЛР № 03116 от 04.10.1996 г.

Издательско-торговый дом «Летний Сад»
197101, Санкт-Петербург, Большой пр. ПС, 82.
Лицензия ЛР № 065301 от 22.07.1996 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.07.2000
Формат 70×100 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Академическая».
Усл. печ. л. 35,0. Тираж 2000 экз. Зак. № 3318

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12